Е.М.Алексеева

Античный город Горгиппия

УРСС

К12

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

ЧИТ.ЗАЛ

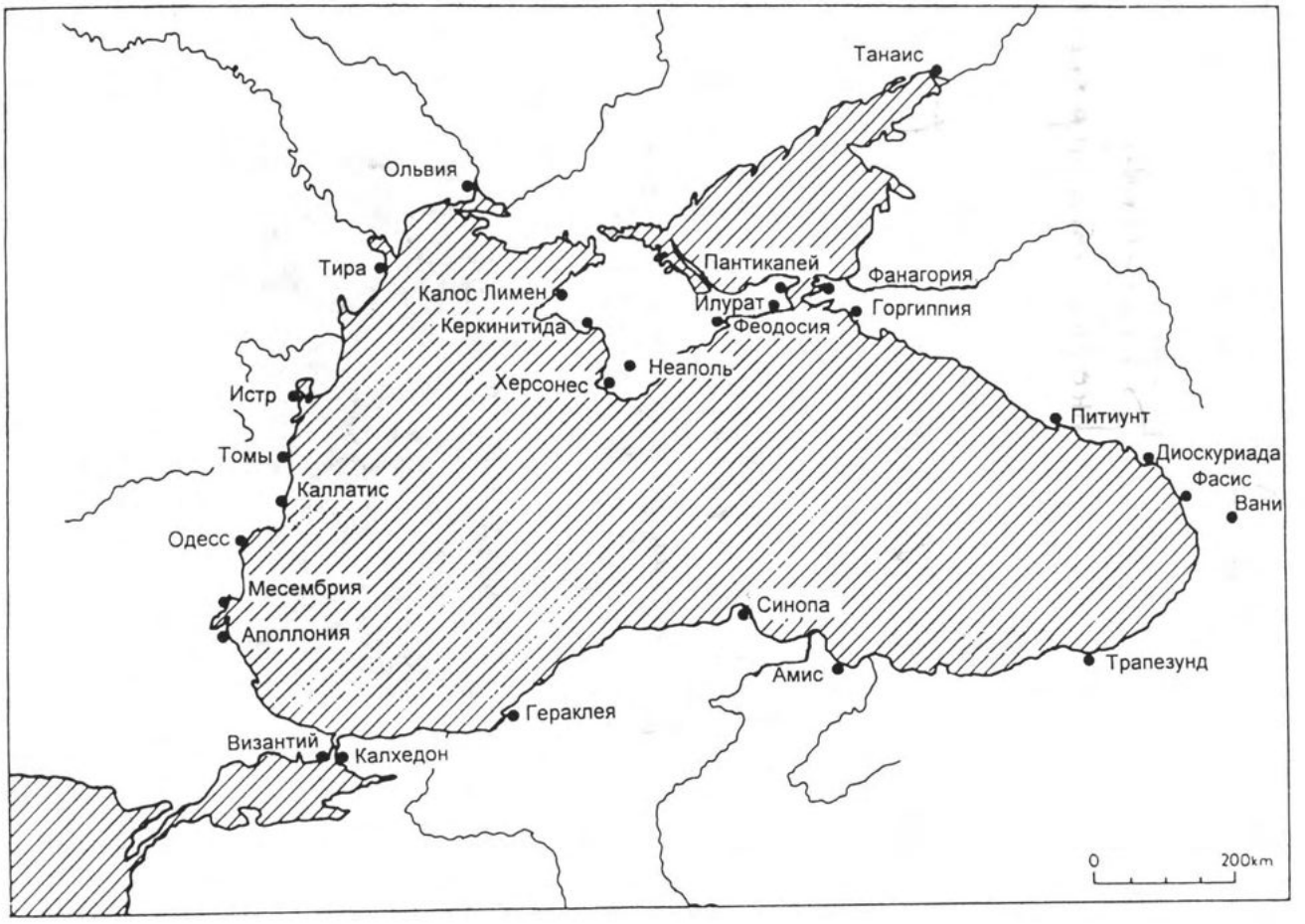
В библиотеку
Института археологии РАН

Е. М. Алексеева

Античный город Горгиппия

Эдиториал УРСС
Москва
1997

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib


Танаис
Ольвия
Тира
Калос Лимен
Керкинитида
Пантикапей
Фанагория
Илурат
Горгиппия
Феодосия
Неаполь
Херсонес
Истр
Питиунт
Томы
Диоскуриада
Фасис
Каллатис
Вани
Одесс
Месембрия
Синопа
Аполлония
Трапезунд
Амис
Гераклея
Византий
Калхедон
0
200km

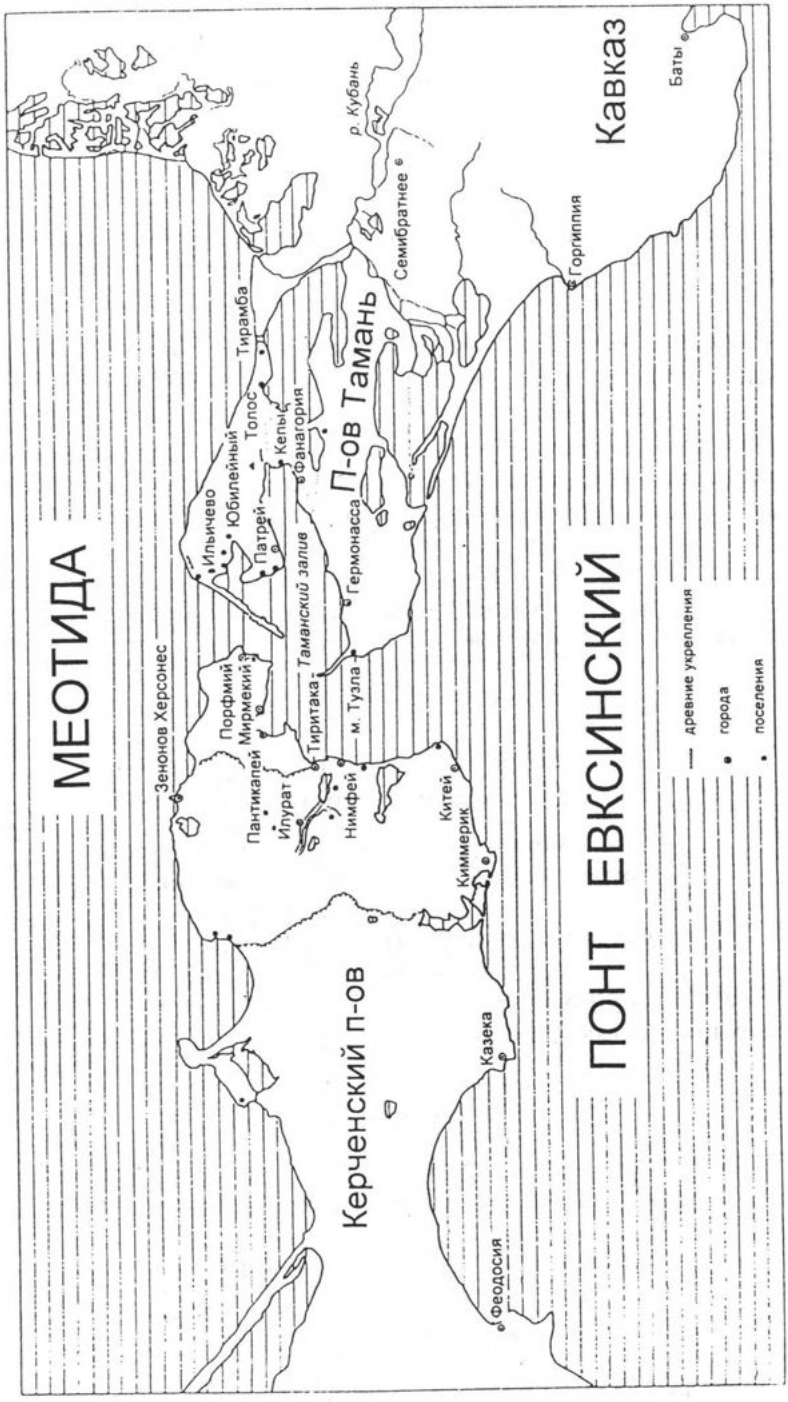

МЕОТИДА
ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ
Кавказ
Керченский п-ов
П-ов Тамань
Таманский залив
р. Кубань
Баты
Семибратнее
Горгиппия
Тирамба
Толос
Кепы
Фанагория
Юбилейный
Ильичево
Патрей
Гермонасса
Зенонов Херсонес
Порфмий
Мирмекий
Тиритака
м. Туза
Пантикапей
Илурат
Нимфей
Китей
Киммерик
Казека
Феодосия
древние укрепления
города
поселения

Рис. 1.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-16047)

Работа выполнена в Отделе классической археологии Института археологии Российской Академии наук

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Г.А.Кошеленко*

Е.М.Алексеева. **Античный город Горгиппия.** — Российская Академия наук, Институт археологии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. — 560 с.

Книга посвящена истории Горгиппии, одного из наиболее крупных центров античной цивилизации на юге России, игравшего значительную роль в экономической и культурной жизни Северо-Западного Кавказа с VI в. до н.э. по III в. н.э. Древняя Горгиппия локализуется в центре современного курорта Анапа. В основу исследования положены обширные новые археологические данные, эпиграфический и нумизматический материал, письменные свидетельства античных авторов.

Группа подготовки издания:

Директор — Доминго Марин Рикой
Зам. директора — Наталья Финогенова, Ирина Макеева
Обработка графики — Наталья Бекетова
Оформление — Василий Подобед
Технический редактор — Марина Копылова
Техническая поддержка — Виктор Романов

Оригинал-макет предоставлен автором (набор, верстка Л.Б.Бадер)

Лицензия ЛР № 064418 от 24.01.96 г. Подписано к печати 27.03.97 г.
Формат 70×100/16. Тираж 1000 экз. Печ. л. 35. Заказ № 1779

Издательство "Эдиториал УРСС",
113208, г.Москва, ул.Чертановская, д. 2/11, к. пр.

Отпечатано в АООТ "Политех-4",
129110, г.Москва, ул. Б.Переяславская, 46.

ISBN 5-901006-12-7

© Институт археологии РАН, 1997
© Эдиториал УРСС, 1997

Отделение
ВНИБОИ АН СССР
при Институте археологии

ВВЕДЕНИЕ

Античная цивилизация оставила заметный след на юге нашей страны, где, модифицируясь, просуществовала целое тысячелетие, с VI в. до н.э. по IV в. н.э. Она включала государственные образования нескольких типов. Здесь развивались независимые полисы и складывались государства (Рис. 1). Наиболее значительным из них было Боспорское царство, объединившее земли Керченского и Таманского полуостровов с прилегающими территориями на Северном Кавказе. Боспор владел и низовьями Дона. В I в. до н.э. Боспор входил в состав обширного Понтийского царства; в первые века нашей эры, сохранив самостоятельность, он оказался под сильным влиянием Римской империи.

Причерноморские государства являлись окраиной античного мира, но именно это определяет специфику исторического развития данного региона. Многообразные экономические, политические и культурные связи со Средиземноморьем, эллинистическим Востоком и западными землями огромной Римской империи при тесном взаимодействии с окружающим варварским миром создали здесь сложную синкретическую культуру. Периферийные искусство и культура становятся важным источником не только для изучения локальной истории, но и для исследования общих проблем античной цивилизации. Проникновение местных форм и традиций в стабильную греческую художественную систему означало рождение новой культуры и искусства.

Последние 15 лет в силу ряда объективных причин среди городов Боспора наиболее широко исследовалась Горгиппия, один из самых крупных портов Боспорского царства. Будучи расположенной на плодородных землях современного Прикубанья, она веками занимала особое положение в этом государстве. В настоящее время древняя Горгиппия вместе с некрополем находится под центральной частью курорта Анапы. Земляные работы при развернувшемся строительстве в современном городе позволили производить раскопки широкими площадями, что превратило этот мало исследованный объект в эталонный памятник. Работы осуществлялись комплексно — на городище и его некрополе, на окрестных поселениях и их некрополях (Табл. 1). Обилие разновременных и насыщенных археологических комплексов позво-

ляет рассматривать динамику развития города вместе с ближайшей его округой в свете общих и частных проблем. При отсутствии нарративных источников восьмивековая история города воссоздается на материалах археологии.

Еще в 1949 г. о Горгиппии в научной литературе писали, что "раскопкам она никогда не подвергалась ... и возможности такого рода исследований фактически крайне ограничены"[1]. Другие крупные города Северного Причерноморья античной эпохи (Ольвия, Херсонес, Пантикапей) исследуются непрерывно с 1850–1880-х годов. В прошлом столетии при поиске ценных древностей раскапывались только большие курганы в окрестностях Горгиппии. Отчеты об исследованиях XIX в. кратко опубликованы в серии ОАК. История исследования анапских курганов описана И.Т. Кругликовой[2], научного обобщения материалов по этой теме не производилось.

В 1939 г. были сделаны незначительные зачистки на месте обнаружения в центре Анапы большой мраморной статуи, известной как "статуя наместника города Неокла", поступившей в Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве[3]. В 1949 г. В.Д. Блаватским были предприняты первые разведывательные работы с целью выяснения стратиграфии городища[4]. В 1954 г. были осуществлены первые "спасательные" раскопки на участке горгиппийского некрополя (во время строительства кинотеатра "Родина"), но 130 погребений, оказавшихся в зоне котлована, вскрыты без ведения должной документации. Находки извлечены из-под экскаватора, их связь с погребальными комплексами утрачена. Лишь немногое из найденного впоследствии было опубликовано И.Т. Кругликовой[5].

В 50-годы в строительных котлованах погибли без исследования значительные участки древнего города. За земляными работами в Анапе наблюдали сотрудники краеведческого музея, собирая в фонды отдельные находки; наблюдения систематизировал А.И. Салов. Он многие годы также собирал и сведения для археологической карты Анапского района.

Только в 1960 г. в Анапе начинает работать стационарная экспедиция Института археологии АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой. Материалы экспедиции опубликованы в статьях И.Т. Кругликовой, Г.А. Цветаевой и других ее участников. По результатам исследований И.Т. Кругликовой издана научно-популярная книга[6]. В Анапе на месте предполагавшегося строительства гостиницы был разбит раскоп "Город", положивший начало исследованию древних кварталов, а затем и созданию археологического заповедника. С 1960 по 1972 г. в нем и на близлежащем участке "Лазурный" было вскрыто 1800 м^2. Одновременно исследовались и другие места древнего городища: в саду гостиницы "Анапа" (1961 г. — 25 м^2, 1970 — 60 м^2, 1971 — 30 м^2) и южнее раскопа "Город" (раскоп "Кубанский" 1962 г. — 25 м^2, 1968 г. — 75 м^2, 1969 г. — 250 м^2)[7]. Начались также систематические наблюдения за строительными работами в Анапе (траншея вдоль ул. Кубанской и

котлован для фундамента одного из корпусов санатория "Голубая волна"). Новостройки, однако, в планы исследований еще не включались, а научная документация ограничивалась лишь общими описаниями. Тем не менее, исследованные к началу 70-х годов 2600 м^2 античной Горгиппии дали представление о хронологической стратиграфии культурных напластований, величине города, характере городской застройки, сохранности древних слоев.

В 1973 г. в Анапе началась реорганизация курорта и в связи с этим развернулось большое строительство. Древняя Горгиппия стала раскапываться широкими площадями за счет застраивавших ее территорию организаций. В 1973 г. руководство Анапской экспедицией Института археологии АН СССР приняла Е.М. Алексеева. Участок "Город" продолжал исследоваться ежегодно. В 1977 г. на базе этого многолетнего раскопа, как наиболее крупного и результативного, Советом Министров РСФСР было утверждено создание музея-заповедника с экспозицией под открытым небом участка древнего города (Табл. 260). В связи с этим выделенный для экспонирования участок очищается от ветхих построек, на нем вскрываются засыпанные исследованные участки. Раскопки продолжаются широкими площадями за счет выделяемых специально для этого средств. С 1983 г. экспедиция на территории заповедника "Горгиппия" осуществляет совместные исследования с Гос. Краснодарским историко-археологическим музеем. К 1996 г. на заповеднике "Горгиппия" раскопано свыше 7000 м^2. Заповедник находится в северо-восточном углу древнего городища.

Помимо территории заповедника, экспедицией Института археологии Российской Академии наук исследуются различные участки Горгиппии, находящиеся в зоне современной застройки. Так, в центральной части городища при строительстве пансионата "Кубань" было исследовано 600 м^2 на трех участках (раскопы "Ткацкая фабрика" 1974 и 1975 гг., "Центр" 1977 и 1978 гг.). Около моря в средней части древнего города в 1982 г. при строительстве спального корпуса пансионата "Океан" было раскопано 800 м^2, а в 1989 г. еще свыше 1500 м^2, отведенных для сооружения второго здания пансионата и его хозяйственных служб. В 1973 г. позади западного крыла гостиницы "Анапа", близ пансионата "Океан", исследовано еще 30 м^2. В 1988 и 1989 гг. исследовано около 2000 м^2 на юго-западном краю городища в строительном котловане по ул. Ленина (в квартале между ул. Кирова и ул. Калинина). В 1981 г. велись наблюдения за строительными работами в траншее ливневой канализации шириной 5 м, длиной 260 м, проложенной вдоль набережной Анапы.

Нанесение на план Анапы всех раскопов и точек наблюдения за культурным слоем в различных разрытиях современного города позволило определить размеры древнего города — около 40 га (Табл. 2)[8]. В настоящее время на территории городища вскрыто около 14000 м^2. Накопленный материал по-

зволяет наметить основные вехи развития города — периоды его расцвета и упадка, попытаться найти им объяснение и связать с историей государства в целом.

Наукой собрано достаточно фактов для определения времени появления греков в данном регионе и путей становления здесь античной культуры, что рассмотрено нами в отдельной монографии[9]. Обломки надписей, известных ранее и найденных недавно, общим числом свыше 150[10], дают представление об административной структуре города и различных сторонах общественной жизни — роли центральной власти, союзах граждан, организации торговли, крупном строительстве, праздниках, популярных культах, составе населения[11]. Сведения о божествах, почитавшихся в частной жизни, можно получить из анализа обширной коллекции терракот и бронзовых фигурок, найденных при раскопках жилищ и некрополей. Свидетельства эпиграфики об официальной стороне почитания некоторых культов дополняют данные, полученные при раскопках мест отправления культов и захоронения умерших.

Накоплено огромное количество различных предметов, характеризующих хозяйственную деятельность и бытовой уклад жителей города. Там, где были когда-то винодельни, гончарные печи, сельские усадьбы, обнаружены разнообразные железные изделия (серпы, топоры, тёсла, мотыги, ножи для срезки винограда и др.), обрывки тканей и глиняные грузики от ткацких станков, пряслица, веретёна, незавершенные изделия из кости. Выявлены данные, подтверждающие существование в городе железообработки, камнерезного ремесла, обработки меди, стеклоделия и деревообработки. Бесконечно разнообразен круг предметов, применявшихся горожанами в быту. Богатство материала о градостроительстве Горгиппии выделяет этот вопрос в самостоятельную тему и может послужить основой для ряда реконструкций при создании экспозиции в археологическом заповеднике.

Город существовал на одном месте с V в. до н.э. по III в. н.э. Глобальные катастрофы и пожары нередко разрушали дома до основания, но жизнь возобновлялась, здания возводились вновь. Подвалы новых домов разрезали культурные слои предшествующих эпох. При более позднем строительстве камень добывали на месте — из фундаментов ранних построек. Поэтому во время раскопок мы расчищаем не целые комплексы, а множество строительных фрагментов, расположенных на разных горизонтах, — от остатков полов и стен до разрозненных камней. Эти фрагменты сопоставляются с общим планом города, характером культурного слоя и находками в нем. Обычно фундаменты зданий закладывались в слой более ранних эпох. Поэтому строительные фрагменты, обнаруженные в верхних слоях, могут оказаться более ранними, чем лежащие ниже. Планы домов в Горгиппии приходится восстанавливать, опираясь на систематизацию массовых находок. Достаточно ска-

зать, что вскрытые 500 м^2 на территории городища дает около 12000 фрагментов профилированных частей различных керамических сосудов и около 50–80 тысяч обломков их стенок.

В настоящей книге обобщен материал, полученный при раскопках Горгиппии в 1973–1995 гг., когда автор либо сама производила работы, либо руководила ими, являясь начальником Анапской экспедиции Института археологии АН СССР. В эти годы при исследовании городского некрополя было вскрыто около 300 погребений, в том числе и уникальные склепы с фресковой росписью и большим количеством золотых предметов первых веков н.э. Результаты этих работ отражены в данной монографии только в самых общих чертах, они требуют самостоятельного исследования.

В указанные годы в окрестностях Горгиппии изучались и сельские усадьбы на территории ее хоры: три частично сохранившие планировку и остатки нескольких почти целиком разрушенных. Ежегодно проводятся разведки, в результате чего пополняется карта археологических памятников в окрестностях Анапы — сельских поселений, некрополей, курганов, отдельных случайных находок. Раскопаны: крепость рубежа тысячелетий на подступах к городу со стороны предгорий Кавказа, четыре некрополя сельских поселений (исследовано 150 погребальных сооружений), пять курганов (два из них относятся к эпохе бронзы). Результаты этих работ учтены при воссоздании истории города. К нашему исследованию привлечены и опубликованные материалы экспедиции 60-х годов, некоторые данные раскопок прошлого столетия, коллекции памятников эпиграфики, нумизматические сборы, систематизированные Н.А. Фроловой.

Пользуюсь возможностью выразить благодарность всему коллективу Анапской экспедиции за самоотверженный труд и спасение погибающего в строительных котлованах великолепного памятника древней истории — античной Горгиппии, а также почтить память бессменного организатора всех работ экспедиции за 1973-1991 гг. Александра Самуиловича Шавырина.

---

[1] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 216.

[2] *Кругликова И.Т.* История исследования Горгиппии и ее некрополя // Горгиппия. Кн. I. Краснодар, 1980. С. 5–17.

[3] *Кобылина М.М.* Скульптура Боспора // МИА. 1951. 19. С. 171.

[4] *Блаватский В.Д.* Разведки в Анапе // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 245.

[5] *Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Кн. II. Краснодар, 1982. С. 117.

[6]*Кругликова И.Т.* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1975. С. 1–101.

[7]В разные годы до 1973 г. на городище вели раскопы Г.А. Цветаева, Т.М. Смирнова, Г.А. Кошеленко, В.А. Устинова (Латышева). См. отчеты в архиве ИА РАН.

[8]*Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 66, Табл. 1.

[9]Там же. С. 1–143.

[10]КБН, № 1114–1219 и С. 937; *Болтунова А.И.* Из черновиков В.В. Латышева // ВДИ. 1951. № 2. С. 120–125; *Она же.* Подпись под статуей их Горгиппии // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 110–116; *Она же.* Надписи Боспора // ВДИ. 1959. № 4. С. 92–110; *Она же.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // Там же. 1964. № 3. С. 136–149; *Она же.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. VII. Praha, 1968. С. 67–68; *Она же.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. 1982. № 3. С. 61–66; *Она же.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // Там же. 1986. № 1. С. 43–61; *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–209; *Она же.* Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // Там же. № 3. С. 28–37; *Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // ВДИ. 1967. № 2. С. 82–97.

[11]*Алексеева Е.М.* Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4. С. 34–52; *Она же.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 66–85.

Глава I

ГРЕЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ VI—V вв. до н.э. НА МЕСТЕ АНАПЫ

Первые эллины на месте современной Анапы появились в VI в. до н.э., но только в IV в. до н.э. основанный ими полис стал называться Горгиппией. Повторим кратко, что нам известно о раннем поселении греков на месте более поздней Горгиппии[1].

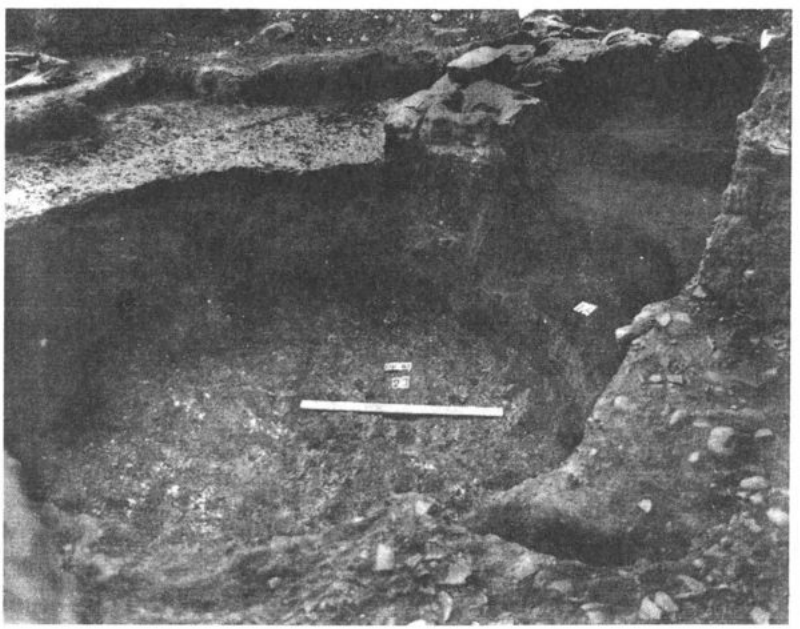


Рис. 2. Полуземлянка со спуском в нее. VI в. до н.э.

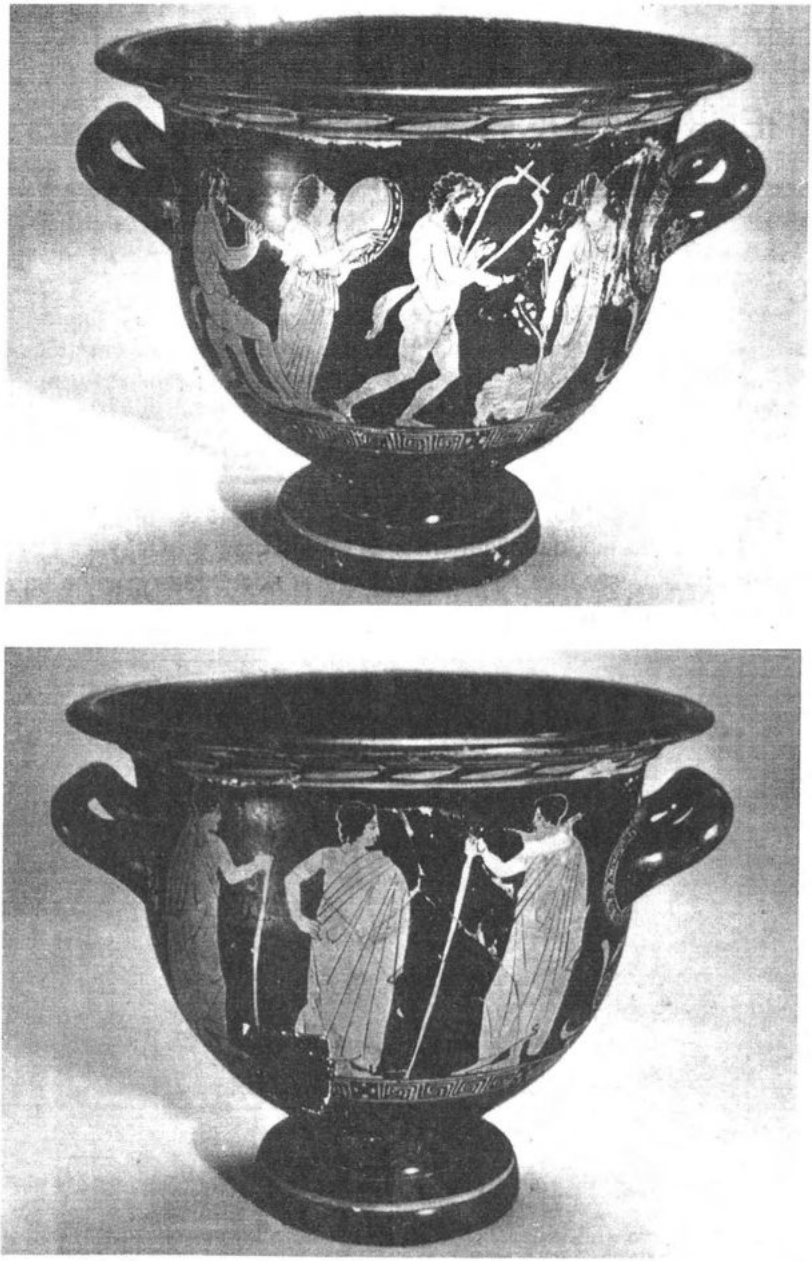


Рис. 3. Краснофигурный италийский кратер конца V в. до н.э. Силены с музыкальными инструментами, менады с тамбурином, пальмовой ветвью и факелом, юноши с посохами.

Культурный слой раннего греческого поселения исследовался на площади не более 2000 м^2 при строительстве зданий пансионата "Океан" в центре современного города (Табл. 2, 3). Первые колонисты поселились в полуземлянках, они были впущены в грунт на 1,0–1,4 м. Исследованы две полуземлянки площадью 4 м^2 и 6 м^2. Они представляли собой двухчастные конст-

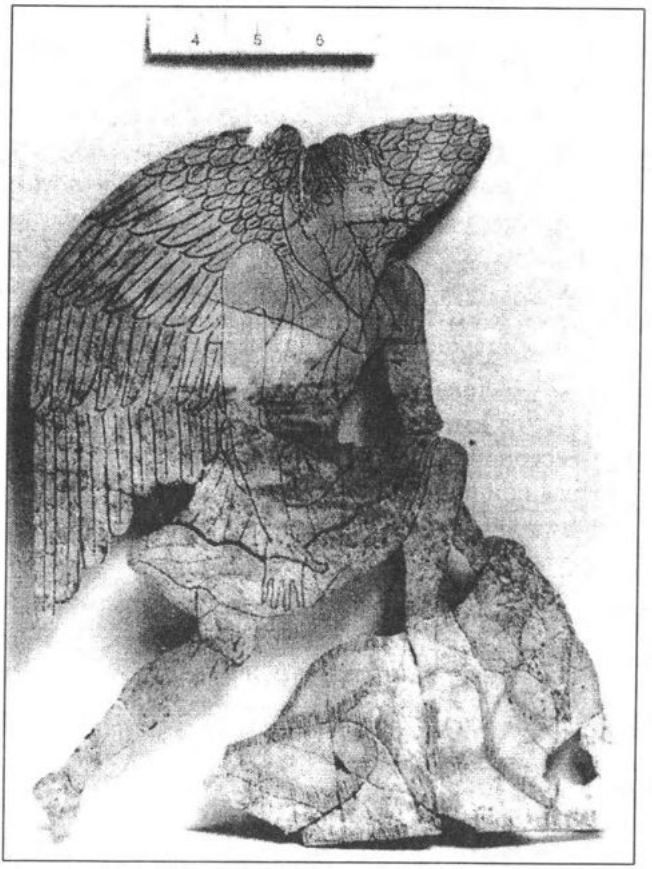


Рис. 4. Пластина из слоновой кости с гравировкой: горгона на скале.

рукции с входными площадками и овальными жилыми или хозяйственными ямами. Уровень дневной поверхности полуземлянок определен условно — по верхней сохранившейся границе входа в одну из них (не ниже нивелировочной отметки –315 от асфальтового покрытия анапских улиц). Пол входного коридора имел наклон и при спуске в яму образовывал порог. Сопоставление планов, сделанных на разных уровнях зачистки одной из полуземлянок, показало, что она имела перекрытие конической формы, а его каркас из жердей

или тростника был обмазан глиной (Рис. 2; Табл. 4). Отсутствие очагов в обеих полуземлянках позволяет видеть в них хозяйственные сооружения, находившиеся, видимо, вблизи подобных жилых. Полы входных коридоров этих землянок были покрыты толстым слоем золы. Сажа на полах землянок, зола и угли в слое заполнения, черная угольная линия сгоревшего каркаса говорят о том, что обе они погибли в огне.

Первая попытка укрепить поселение или оградить территорию, видимо, относится к моменту его возникновения. В наиболее раннем слое раскопа на глубине от –340 до –460 зафиксирована канава, шириной 2,2 м, сужающаяся ко дну. Канава окружала участок с полуземлянками, она прослежены в длину на 60 м. Дно ее (–460) соответствует глубине залегания полов полуземлянок. В южной части канавы на глубине –250 выявлен процесс ее нивелировки. Канава засыпана чередующимися слоями различных глин с дробленой ракушкой, известью, мелкой галькой, щебнем и горелыми прослойками с древесным углем, золой, пятнами оранжевой прокаленной глины. Ширина нивелировочного пятна 4,5 м. Мы рассматриваем канаву как ров. На краю его могла стоять древесно-плетневая конструкция с внутренней засыпкой, являвшаяся примитивным укреплением наиболее раннего поселения с земляными жилищами (Табл. 3). Ров имел глубину около 2 м (верх канавы в южной части: –250, ее дно в северной части: –460). Вынутая при сооружении рва земля могла использоваться при возведении засыпной ограды.

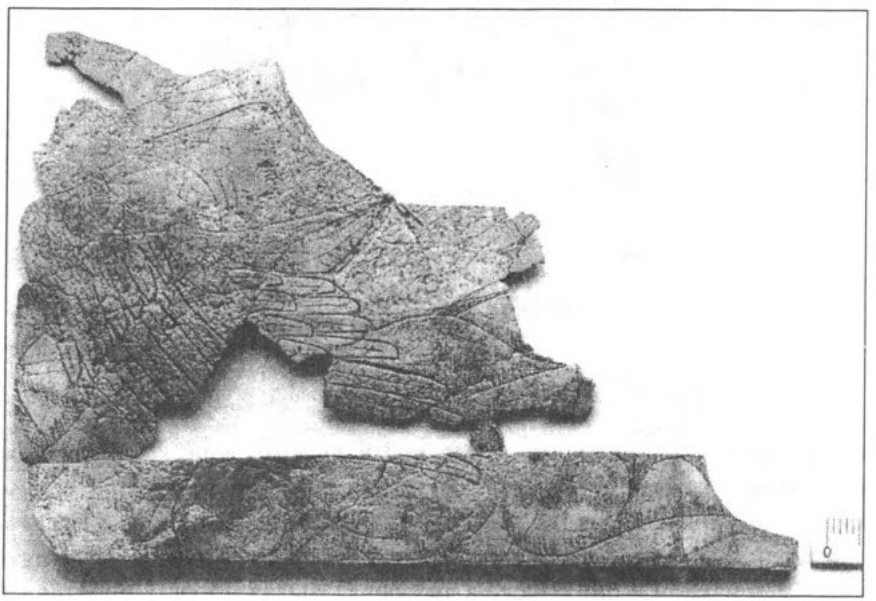


Рис. 5. Пластина из слоновой кости с гравировкой: Медуза горгона обезглавлена и повержена на скалы.

Стратиграфический метод исследования позволяет установить, что полуземлянки (первый строительный период) были заменены домами с каменными фундаментами шириной около 1 м (второй строительный период). Дом 1 перекрыл обе полуземлянки, он имел не менее трех наземных помещений (Табл. 3). В древности на его каменных фундаментах стояли сырцовые

Рис. 6. Костяная пластина из Уташской гробницы.

стены, так как слой гибели дома представляет собой желтую глину. Дом погиб в пожаре, что подтверждает сажа на полах и золистые примеси в этом слое. Фундамент сложен монументально, из крупных камней, они находятся у дневной поверхности. Подошва стен опирается на слой суглинка с вкраплениями угольков и желтых кусочков сырца, являющийся "слоем гибели" полуземлянок. Уровень полов второго строительного периода поднялся на 0,25 м в результате многократного ремонта дома, так как глиняные обмазки полов наносились послойно.

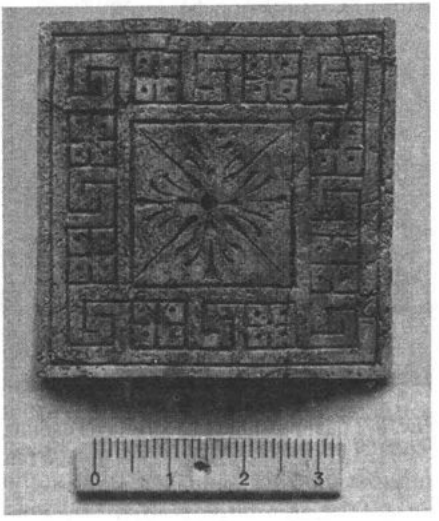


Рис. 7. Костяная пластина из Уташской гробницы; в углублениях орнамента красная краска.

Нивелировка рва могла быть произведена одновременно с сооружением дома 1. Постройки с мощными стенами взяли на себя и защитные функции, само же глинобитное укрепление потеряло к тому времени актуальность и было разрушено.

Далее стратиграфическим методом определено, что дом 1 с широкими стенами был перекрыт домом 2 с гораздо более узкими стенами (Табл. 3). Толщина каменных фундаментов уменьшилась до

0,6 м. Выявлено несколько домов с такими фундаментами. Уцелевшие фрагменты построек не дают четкого представления о планировке этих зданий. Дом 2, судя по расположению пятен на месте полов, имел не менее шести помещений. Дома 3 и 4 можно условно считать однокамерными. Рассматривая строительные остатки раннего греческого поселения следует помнить, что все они находятся в местах, свободных от подвалов домов более поздней Горгиппии. На месте строительства пансионата "Океан" дома VI и V вв. до н.э. уцелели только в том месте, где в доме 50 II–III вв. н.э. располагалась дворовая часть (жилые дома поздней Горгиппии занимали по 800 и более м^2). Помещения в рассматриваемых домах с "узкими" стенами занимали площадь до 25 м^2, в некоторых из них обнаружены очаги. Полы этих помещений многослойны, они лежат на разной глубине: от –290 до –230. Некоторые полы выстланы каменными плитами. На верхних полах отмечен слой желтой глины от расплывшихся сырцовых кирпичей. Значит, и в этих домах на каменных фундаментах стояли сырцовые стены.

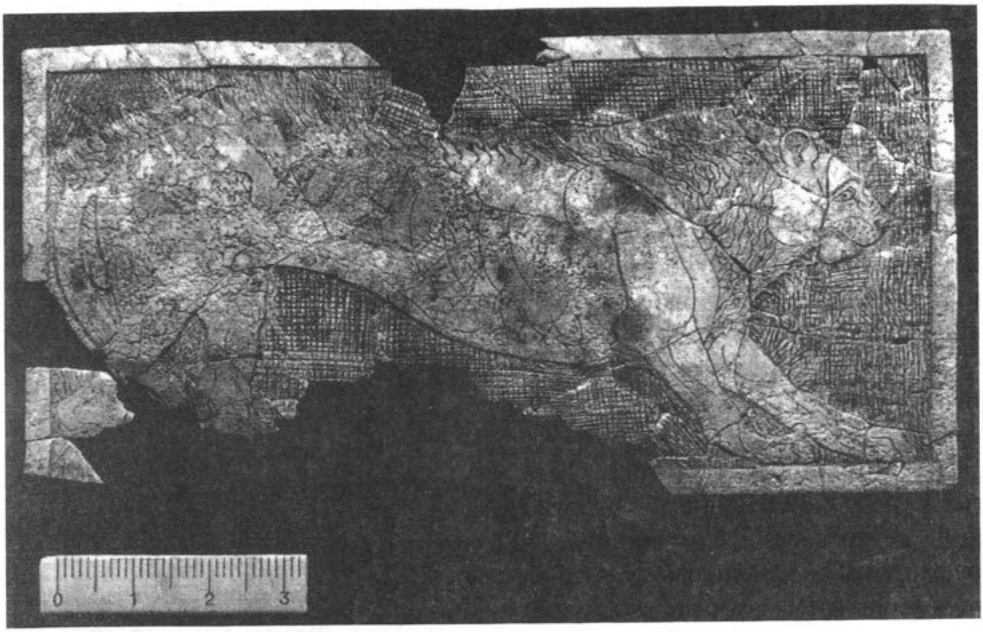


Рис. 8. Гравированная пластина из слоновой кости: лев. Фон окрашен сыпучей синей красной. Уташская гробница.

Между периодами сооружения домов 1 и 2 существовал еще один (третий) строительный период, но от него уцелели лишь остатки построек вне закрытых комплексов и вне планировки домов следующего (четвертого) строительного периода. Эти стены также не шире 0,6 м. К четвертому строи-

тельному периоду на основании стратиграфии мы можем твердо отнести только дом 2. Остальные подобные дома могут относиться как к третьему, так и к четвертому периодам. Дома с "узкими" стенами обоих периодов погибли в огне, они существовали до второй четверти V в. до н.э.

Одновременно с домами третьего и четвертого строительных периодов функционировала улица шириной 3 м. Она тянулась с юго-востока на северо-запад и спускалась к морю. Улицу дважды мостили окатанными камнями на горизонтах –260 и –243. Между домами V в. до н.э. в разных местах исследованного участка на глубине –265 выявлена трамбовка из очень мелкой гальки. Эта трамбовка (нивелировка поверхности) вместе с поверхностью улицы определяет дневную поверхность V в. до н.э.

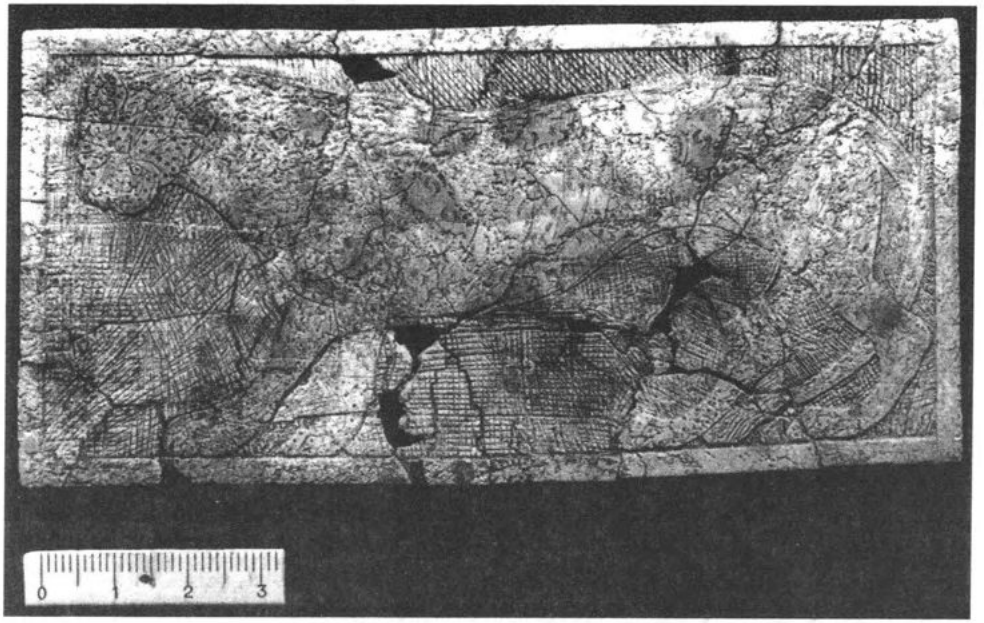


Рис. 9. Гравированная пластина из слоновой кости: пантера. Фон окрашен сыпучей синей краской. Уташская гробница.

На краю засыпанного рва была возведена стена шириной 1 м. Она следовала направлению рва (прослежена в длину на 18 м). Стена дважды перекладывалась, уцелели только подошвы кладок. С северо-восточной стороны к стене были пристроены какие-то помещения, о которых сейчас можно сказать только то, что они сгорели. Быть может, стена выполняла роль укрепления при домах со слабыми стенами третьего строительного периода.

Отделение
ИИМК АН СССР

Таким образом, в культурном слое раннего анапского поселения выявлено не менее четырех строительных периодов. Начало строительства сырцово-каменных домов следует отнести к рубежу VI и V вв. до н.э.

Факт замены широких стен домов узкими свидетельствует о возникновении оборонительной системы вокруг всего поселения. Начало этого процесса мы видим в возведении длинной стены шириной в 1 м в первой или второй четвертях V в. Соседняя с анапским поселением Фанагория была укреплена во второй половине V в. Во второй половине или в последней четверти того же столетия анапский полис также серьезно укрепляется. С оборонительной системой этого времени можно связать двухпанцирную кладку шириной 2,4 м. Она выявлена вблизи того места, где предполагается начало некрополя раннего поселения (Табл. 2). Стена исследовалась при земляных работах в Анапе не более, чем на 5 м в длину; рядом с ней найдена керамика V в. до н.э.

Обычно ученые объясняют возникновение оборонительных систем в греческих полисах V в. до н.э. Северного Причерноморья опасностью со стороны скифской державы. Анапский полис лежал в стороне от скифского театра действий. Угроза ему могла исходить, скорее, от воинственных южных соседей. В то же время возведение в конце V в. мощной стены вокруг полиса могло означать намерение противостоять начавшейся при Спартокидах экспансии Пантикапея. Полис обладал плодородными землями и вполне мог существовать самостоятельно.

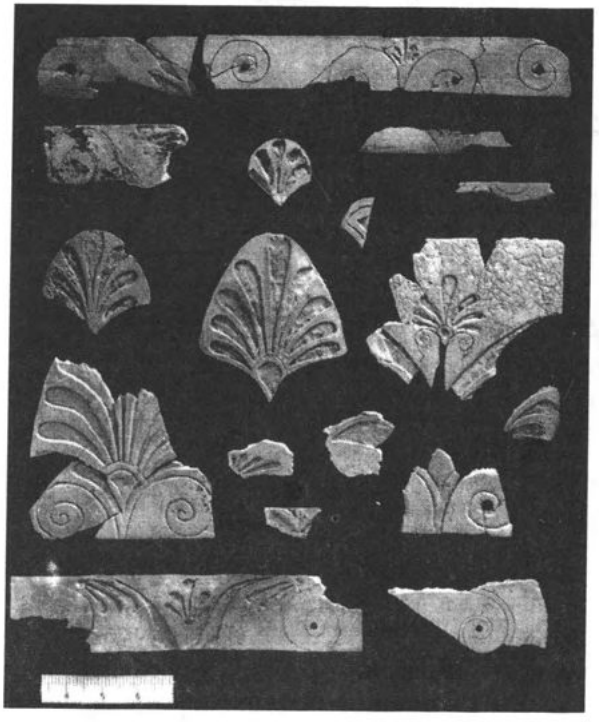


Рис. 10. Орнаментальные пластины из слоновой кости. В углублениях узора красная краска. Уташская гробница.

Анализ находок из строительных комплексов и культурного слоя анапского поселения свидетельствуют о том, что оно возникло во второй половине VI в. до н.э., ближе к его последней четверти. Керамические находки из

полуземлянок, слоя гибели домов как с "широкими", так и "узкими" стенами относятся к одному времени. Строительные периоды сменяли друг друга. Только стратиграфия на одном локальном участке раскопа "Океан" позволила установить указанную последовательность построек. Отдельные находки,

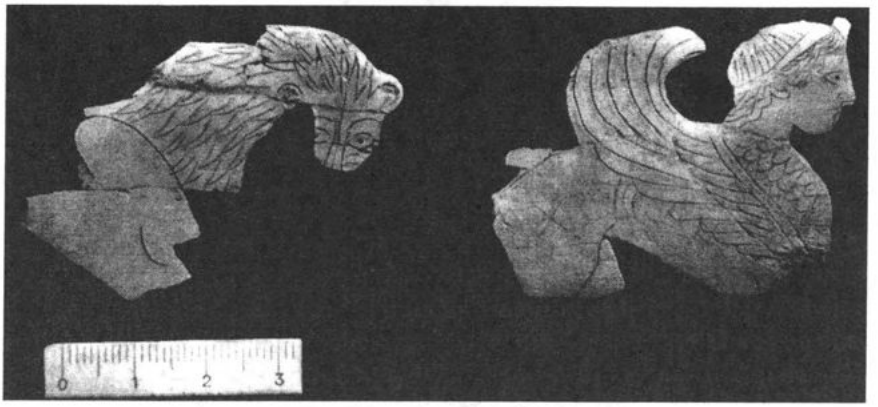


Рис. 11. Костяные пластины: сфинкс, лев. Уташская гробница.

относящиеся к середине VI в. до н.э., встречены в комплексах с вещами конца VI в. В настоящее время нет "чистых" комплексов середины VI в., поэтому преждевременно говорить о возникновении поселения в это время. Дома четвертого строительного периода простояли до конца V в. Наряду с керамикой, бытовавшей в последней четверти VI в., в них появляются фрагменты хиосских амфор с валиком на горле и амфор Менды, обломки краснофигурных ваз с прорисью тонкой кистью.

Рис. 12. Золотая нашивная бляшка: петух. Уташская гробница.

Раннее поселение греков на месте современной Анапы тянулось вдоль моря не менее, чем на 400 м — от восточного крыла гостиницы "Анапа", вблизи которого обнаружена стена шириной 2,4 м и керамика V в. до н.э., до мемориала в честь героев Великой Отечественной войны, рядом

с которым из скважины минеральных вод также извлечена керамика V в. до н.э.

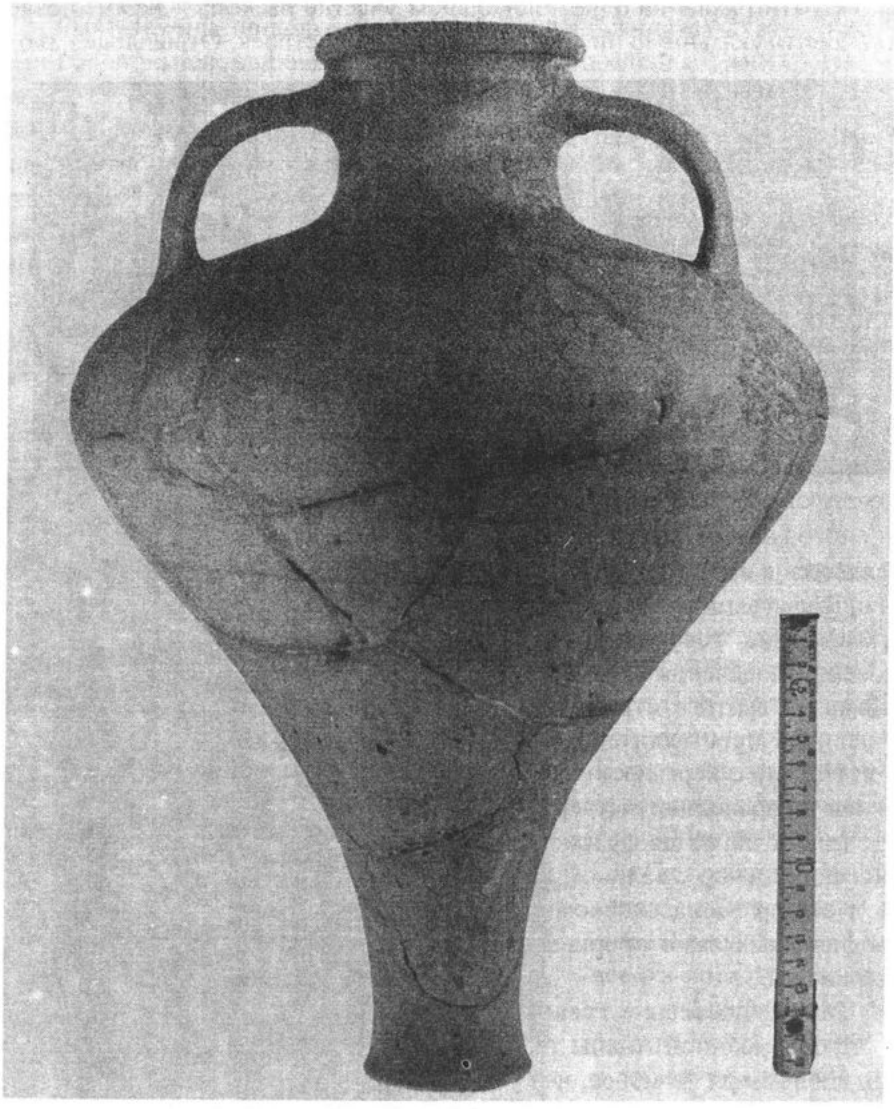


Рис. 13. Амфора из тонкой оранжевой глины с крупными белыми, мелкими темными вкраплениями и мельчайшими блесткам. Некрополь VI–V вв. до н.э. около станции Анапской.

К востоку от поселения выявлено место некрополя. Исследованы 23 погребения, случайно уцелевшие под культурным слоем Горгиппии (Табл. 2). Они, как и остатки жилищ, сохранились в местах, свободных от ям и под-

валов горгиппийских домов. Погребальный обряд свидетельствует о преобладании греков среди населения полиса. В могилах распространены предметы античной культуры. Были расчищены одиночные захоронения в грунтовых ямах. Отмечен обряд кремации, в качестве урны использован краснофигурный италийский кратер (Рис. 3). Раскопано детское погребение в хиосской амфоре с валиком на горле. Найдено известняковое надгробие с эпитафией на ионийском диалекте купца из Гелики[2]. Только оружие скифского образца и отдельные детали погребального обряда позволяют уловить проникновение местной культуры в быт греческого поселения, что заметно по комплексам, относящимся по времени не ранее, чем к середине V в. до н.э.

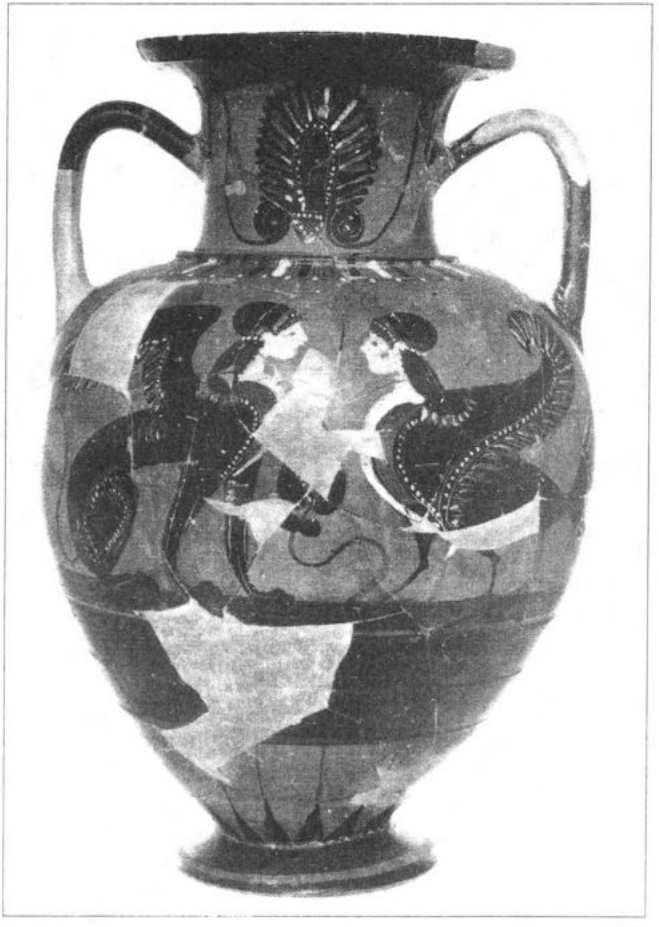


Рис. 14. Столовая чернофигурная амфора середины VI в. до н.э. из Клазомен. Роспись дополнена пурпуром и белилами.

К востоку от анапского поселения, на расстоянии около 5 км от него, на окраине Анапы, в бывшем поселке Алексеевском, в глубине устья речки Анапки обнаружены три холмика с черепками, синхронными находкам из культурного слоя анапского поселения[3]. Мы считаем, что располагавшийся здесь населенный пункт мог входить в земельные владения раннего поселения и быть частью его хоры. В целом же хора раннего полиса, по нашим предположениям, поглощена новыми кварталами Анапы.

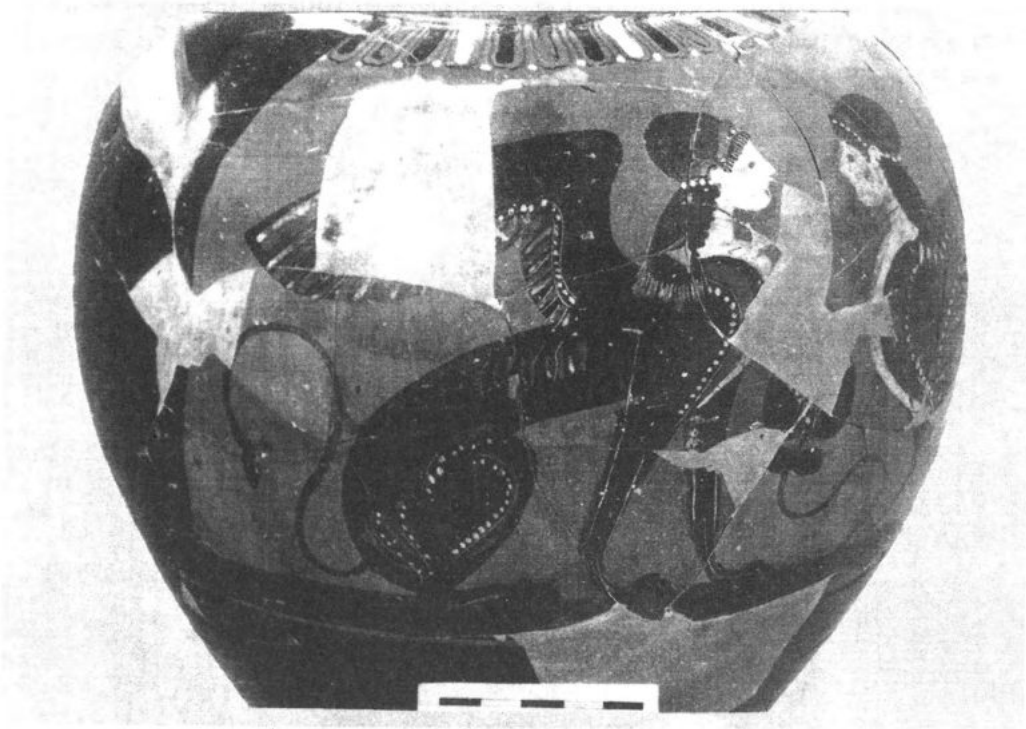


Рис. 15. Деталь росписи клазоменской амфоры: сфинкс.

Однотипность построек IV строительного периода, а также вероятность наличия общегородских укреплений и обеспечивающей продовольствием хоры косвенно свидетельствуют о полисном статусе открытого в Анапе раннего поселения.

Исследователи наиболее часто отождествляли Анапу–Горгиппию с ранней Синдской гаванью[4], чему, однако, трудно найти объяснение. Согласно Страбону (XI, 2, 14), Синдская гавань расположена в 180 стадиях к востоку от Корокондамы. Приняв длину стадия в 184,97 м, получим расстояние, равное 33 км. От мыса Тузлы на Таманском полуострове (Корокондамы) эта величина приведет нас по морю и суше в район Кизилташского лимана.

Именно там предлагали искать ее А.А. Сибирский и М.И. Ростовцев, Горгиппию же они отождествляли с древним Синдиком[5]. Известно также, что от Синдской гавани до Бат, которые исследователи размещают в Новороссийской бухте, Страбон называл расстояние в 400 стадиев (70–74 км). Это расстояние от Новороссийска уводит нас за пределы Анапы.

Рис. 16. Деталь росписи клазоменской амфоры: сирена.

Перечисляя населенные пункты Азиатского Боспора, древние авторы называют в их числе Синд (Помпоний Мела, I в.: I, 111), Синдик (Элий Геродиан, 170–240 гг.: 152, 8; Стефан Византийский, позже 400 г.: Sc, I, с. 266), пункт Синдику (Геродот, V в. до н.э.: IV, 86; Страбон, конец I в.: 62), древнюю Синду (Птолемей, первая половина II в.: V, 88), Синдскую гавань (Скимн Кариандский, IV в. до н.э.: Ps.-Sculac, Per. 72–74; Скимн Хиосский, около 90 г.: Ps.-Scymn, 866; Страбон: XI, 2, 14; Птолемей: V, 88; Псевдо-Арриан: 62). Сводка этих сведений уже публиковалась[6]. Из них мы подчеркнем здесь свидетельство Геродота, как наиболее раннее, и Помпония Мелы, который, как известно, пользовался трудами древних греческих писателей, отмечавших современную им ситуацию. Большинство упомянутых свидетельств заимствованы из источников с неизвестной для нас достоверностью и отно-

сятся к тому времени, когда данный населенный пункт мог изменить свое название.

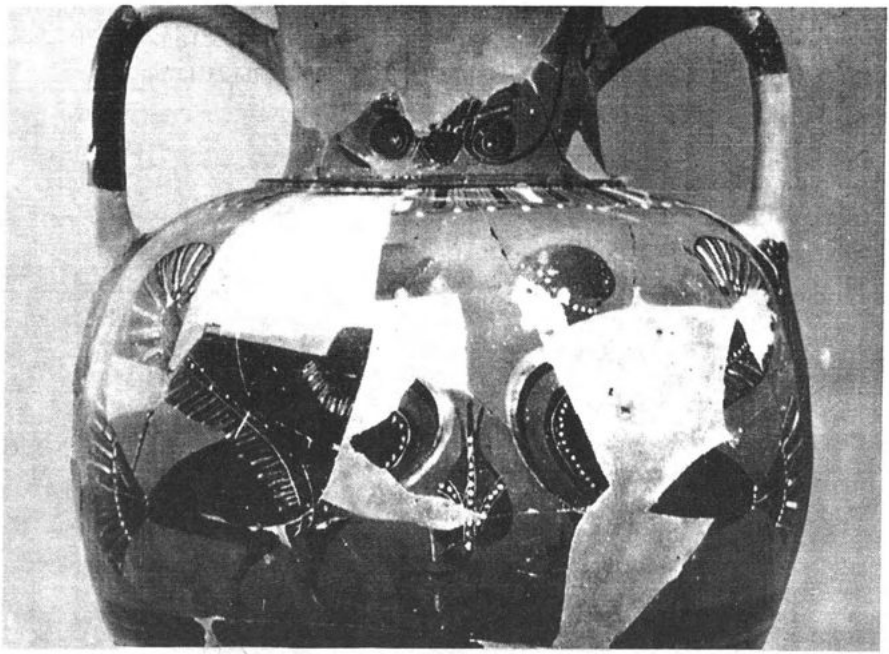


Рис. 17. Роспись обратной стороны клазоменской амфоры: две сирены.

Из поздних свидетельств отметим указание Арриана, посетившего Северное Причерноморье и Северный Кавказ во II в. Заметим, однако, что до описываемых земель он не добрался. Арриан указал, что расстояние от Синдики (видимо, населенного пункта) до Пантикапея равно 540 стадиям, а от Синдики до Святого порта составляет 300 стадиев. 540 стадиев (около 98 км) соответствуют расстоянию от Керчи до Анапы, а 300 стадиев (около 55 км) близки расстоянию от Геленджика (Святого порта) до Анапы.

Стефан Византийский повторил в Географическом словаре сведения Элия Геродиана, назвав город Синдик и отождествив его с Горгиппией.

До недавнего времени о самом раннем поселении греков в Анапе ничего не было известно достоверно, фиксировались только отдельные находки VI–V вв. до н.э. Открытия последних лет выявили в Анапе тот населенный пункт, который мог бы называться одним из перечисленных имен. Противоречивость древних свидетельств позволяла исследователям локализовать на месте Анапы то древний город Синдик, то Синдскую гавань, то оба пункта одновременно[7]. Исходя из указаний Арриана, наиболее правомерным представляется видеть в этом поселении древний Синдик.

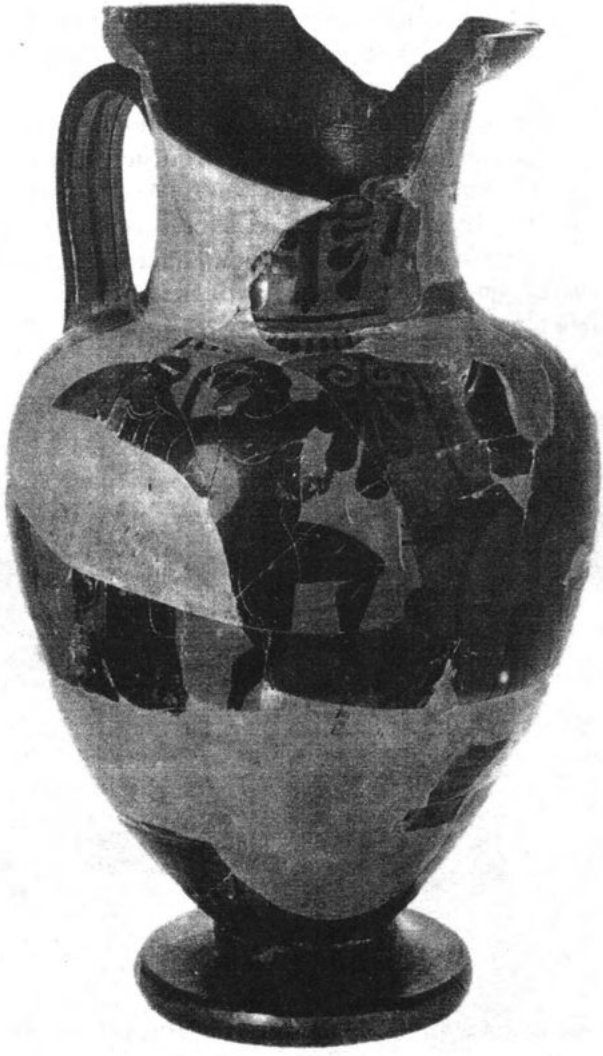


Рис. 18. Чернофигурная столовая амфора. Раннее поселение греков в Анапе, дом последней четверти VI в. до н.э.

В Прикубанье и на Таманском полуострове древние авторы размещают меотов, объединяя под этим собирательным названием многие земледельческие племена. Считается, что современная Тамань принадлежала одним из

них — синдам — и являлась островом, Синдским островом. Страбон (XI, 2, 12) южнее Синдики и Горгиппии называет гористое побережье ахеев, зигов и гениохов, из чего следует, что современная Анапа лежит за пределами древней Синдики. Граница Синдики проходила, видимо, по естественному водоразделу — одному из рукавов Гинаписа (так в древности называлась река Кубань, которая со времен античности неоднократно меняла русло). Ныне одно из старых русел реки делит возвышенные части Анапского и Темрюкского районов широкой низиной, по которой в древности могла проходить граница между землями двух народов. Вслед за синдами древние авторы перечисляют в разной последовательности торетов, керкетов, псессов, язаматов[8]. Наиболее устойчиво южными соседями синдов называются тореты.

Рис. 19. Чернофигурный килик. Жилище последней четверти VI в. до н.э. Анапа.

Низина старого русла проводит как бы незримую черту, отделяющую некрополи античного времени, где имели место различные погребальные обряды. Южный, высокий берег этого русла занят множеством сельских усадеб и поселений. Здесь же начинаются так называемые "каменные" некрополи, распространяющиеся к югу вплоть до современного города Туапсе, но совершенно не характерные для Синдики (Таманского полуострова). Наиболее ранние погребения на таких некрополях датируются VI в. до н.э., что позволяет считать их автохтонными. Это могильники местного населения. Здесь

встречаются различного типа семейные усыпальницы — большие и малые каменные ящики, составленные из тесанных или дикарных плит, дном которым служат скальные породы или плотный материковый грунт. Верхний край каменных ящиков обычно расположен у поверхности древнего горизонта. Вровень с ним и на некотором расстоянии от него выкладывалась оградка из плоских камней. Ящики закрывали большими каменными плитами. Сверху все сооружение вместе с оградкой засыпали грудой колотых камней любой величины. Таким образом, создавалась каменистая насыпь невысокого кургана. Со временем насыпи расплывались и превращались в каменистые пятна диаметром от 3 до 10 м (Табл. 19).

Рис. 20. Чернофигурный горгонейон на дне килика; пурпур, белила. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.

В скалистой местности не всегда употребляли ящики. Иногда покойника оставляли непосредственно на дневной поверхности под каменной насыпью. Могли также сделать широкое углубление в твердом грунте, окружить его плоскими камнями и засыпать ломанными. Преобладают одиночные захоронения, однако встречаются и коллективные могилы, где захоронения совершались многократно (в одной могиле от двух до десяти покойников).

Эти "каменные" некрополи мы связываем с ветвью местного населения, корни которого уходят в эпоху бронзы Центрального и Северо-Западного Кавказа, к потомкам кобанской культуры[9]. Памятники эпохи бронзы в окрестностях Анапы мало изучены, тем не менее антропологические материалы некоторых раскопанных курганов подтверждают связь с Кавказом[10]. Подобные погребальные кон-

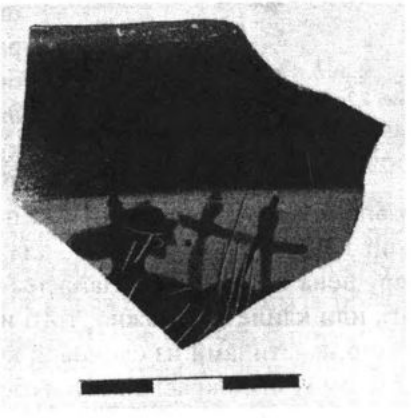


Рис. 21. Край килика с беглой росписью черным лаком с металлическим отливом. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.

струкции прослеживаются в археологических памятниках Северного Кавказа позднекобанского времени. Вблизи современного Туапсе они выявлены в памятниках VIII – начала VI вв. до н.э., относящихся к рубежу позднекобанской и античной культур[11]. Там найдены также крупные серьги биконической формы и спиралевидные подвески, аналогичные найденным в ранних погребениях "каменных" некрополей вблизи Анапы. Очевидно, какая-то ветвь населения центральной части Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы переместилась в сторону Причерноморья. Генетические корни южных соседей синдов ведут к этим переселенцам, которые жили вокруг анапского полиса, а затем и на хоре Горгиппии до первых веков нашей эры (могильники первых веков н.э. в окрестностях Анапы пока не выявлены). Возможно, что еще до прихода греков местное население занималось земледелием, однако местных поселений, синхронных Анапскому полису, мы пока тоже не знаем. Единственный раз около станицы Гостагаевской под каменными ящиками средневекового могильника зафиксированы две широкие округлые ямы с короткими входными коридорами (полуземлянки, служившие жилищами местному населению?). В них найдено несколько ножек хиосских амфор рубежа VI–V вв. до н.э.

Рис. 22. Фрагмент закрытого сосуда с головой быка. Роспись лаком сургучного цвета.

Вблизи Синдского острова были обнаружены погребения, в которых использовались различные сырцовые конструкции. Так, в поселке Уташ была раскопана большая гробница из сырцовых кирпичей. Она расположена на поле с высокими курганами, большинство которых распахано, что позволяет считать и обнаруженную гробницу подкурганной[12]. Врытая в материке могильная яма облицована сырцовыми кирпичами. На уровне дневного горизонта она перекрыта бревнами. Сырцовая перегородка делит камеру на две части — для погребения усопшего и его коня. Гробница разрушена и ограблена. Найдены остатки золотых украшений и части саркофага или клине (возможно, того и другого). Это сооружение было инкрустировано пластинами из слоновой кости (точеными, с гравировкой, раскрашенными сыпучими красной и голубой красками). На стенах саркофага или клине разворачиваются сцены мифа о Персее, обезглавившем Медузу горгону. Сохранились две фигуры горгон — одна карабкается по скале, другая обезглавлена и брошена на скалы (Рис. 4,5). Уцелели также многочисленные пла-

стины с геометрическим орнаментом, части фигурок зверей, руки и лица других персонажей (Рис. 6–11; Табл. 5, 6).

Рис. 23. Ионийский аск из погребения на некрополе раннего поселения греков в Анапе.

Подобного типа погребальные сооружения отмечены во всемирно известных Семибратних курганах, расположенных также вблизи Синдского острова. Они исследованы во II, IV и V курганах, относимых к середине и второй половине V в. до н.э., а также в VI кургане, часть находок из которого датируется началом IV в. до н.э. Уташскую гробницу мы относим к рубежу V и IV вв. до н.э. Этой дате не противоречит изображение горгоны в облике юной девы, в отличие от архаического чудовища. В этот период курганы знати местных племен причерноморских степей заполняются дорогими вещами средиземноморского происхождения. Изображение петуха на уташской золотой бляшке выполнено более схематично в сравнении с аналогичным изображением из Семибратнего кургана V в., а потому это изделие может быть отнесено к несколько более позднему времени (Рис. 12).

С прошлого столетия в науке ведутся споры, кому — скифам или другому народу — принадлежали богатейшие Семибратние курганы. Подобно уташской гробнице они расположены вблизи старого русла рукава Гипаниса, примерно в 30 км от Анапы. Анализ погребального инвентаря позволил М.И. Ростовцеву решать вопрос об их принадлежности в пользу скифов[13]. М.И. Артомонов связывал эти курганы с местной династией царей-вождей, а сырцовые конструкции определял как синдские[14]. Синдскими их считает и Н.В. Анфимов[15].

Рис. 24. Сосуд с росписью жидким лаком неустойчивой окраски.
Жилище последней четверти VI в. до н.э.

Действительно, на территории Синдского острова какая-то ветвь населения была носительницей традиций сырцовой погребальной архитектуры. Здесь отмечены выложенные сырцом могилы, сырцовые ограды кострищ (курган Большая Близница) и сырцовые заклады каменных склепов. Вряд ли использование сырца в погребальной архитектуре можно объяснить скудностью камня в данном регионе. Тамань бедна камнем, но Анапский район недостатка в нем не испытывает. Сырец применен в очень богатых гробницах под высокими курганными насыпями. При сооружении этих курганов не мог стоять вопрос о сложности доставки необходимого камня из соседней местности. Следовательно, в устройстве сырцовых гробниц следует видеть традицию.

На территории Прикубанья устойчива и другая традиция — устройство деревянных конструкций в погребальных сооружениях и размещение конских захоронений рядом с усопшим. Эти черты присущи царским курганам Прикубанья VI–V вв. до н.э. (курганы Келермесские, Ульские, Костромской).

В гробнице Уташа мы видим соединение многих традиций: сырцовые конструкции, мощное бревенчатое перекрытие, конское захоронение, присутствие на полу извести, морской травы, угля, сочетание в погребальном инвентаре предметов звериного стиля с высокохудожественными изделиями эллинского мира. Все это позволяет ставить вопрос о принадлежности гробницы эллинизованной синдо-меотской знати. На примере этой гробницы видно, что к началу IV в. до н.э. в регионе уже сложилась синкретическая культура, когда не только эллинские влияния проникают в местную среду, но и элементы местной культуры оказываются достаточно переплетенными между собой.

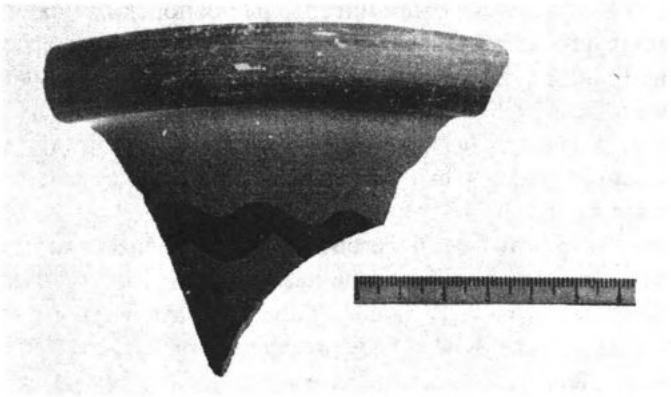


Рис. 25. Край столовой амфоры, лак сургучного цвета. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.

Около 480 г. до н.э. начался процесс объединения полисов, основанных греками по обоим берегам Боспора Киммерийского (ныне Керченский пролив), в своеобразную Боспорскую державу. Эта консолидация не ограничивала свои цели созданием оборонительного союза против окрепших скифов. Одной из насущных задач для растущих полисов стало приобретение новых плодородных земель. В этом отношении синдские земли были особенно привлекательны для боспорских правителей. Присоединение их происходило в долгой и упорной борьбе, которая эмоционально описана Полиеном (Strateg., VIII, 55). Усмирение Синдики завершил царский сын Горгипп. Для дипломатической деятельности он должен был иметь вблизи Синдики надежное убежище. Им мог стать Анапский полис, располагавший прекрасной га-

ванью. После присоединения Синдики этот полис (для нас пока безымянный) был переименован в Горгиппию.

Очевидно, Анапский полис вошел в консолидацию боспорских городов еще до присоединения к Боспору синдских земель. Раскопки в разных местах Анапы (территория заповедника и раскоп "Кубанский") зафиксировали тонкий культурный слой рубежа V и IV вв. до н.э. на площади гораздо более широкой, чем территория раннего полиса. Такое разрастание раннего полиса можно объяснить прибытием в него нового населения. Это могло случиться тотчас после включения полиса в консолидацию боспорских городов. Видимо, этот процесс не был мирным, так как дома конца V в. до н.э. погибли в огне. Известно, что включению в консолидацию сопротивлялся, а затем был сломлен такой крупный полис, как Феодосия[16]. Подобно Анапскому полису, Феодосия обладала гаванью и плодородными землями и поэтому могла существовать самостоятельно. Именно благодаря своему географическому расположению эти два полиса были интересны боспорским правителям.

На территории разросшегося Анапского полиса мы археологически фиксируем еще один пожар — в начале IV в. до н.э. — и связываем его с общими бедствиями войны Боспора за Синдику. Войско царицы Тиргатао, по словам Полиена, отстаивая независимость Синдики, опустошило многие города царства Сатира, пока его сын Горгипп не договорился с царицей и не усмирил ее подданных.

Следствием насильственного объединения полисов под властью боспорских архонтов явилось прекращение незадолго до того возникшей в некоторых из них чеканки монет. В дальнейшем она развивается только в ведущем полисе — Пантикапее. Когда государство набрало силу, пантикапейский чекан приобрел общегосударственный характер.

После покорения синдов в город, окруженный плодородными землями, с удобной гаванью, новой волной устремилось боспорское население. С этого времени начинается история собственно Горгиппии, тогда же на века были заложены основы ее планировки. Разросшийся город перекрыл культурный слой раннего полиса и его некрополь.

Рынок Анапского полиса обеспечивал средиземноморскими товарами окрестности на 10–15 км в начале V в. до н.э. и на 20–25 км в конце этого столетия. Предметы античной культуры (преимущественно керамика из Средиземноморья) наполняют могилы местных жителей небольших сельских поселений, которые исследовались около поселков Красная Скала, Красный Курган, Воскресенский, в Алексеевском и Рассвете, около станицы Анапской. Это была зона активных контактов раннего полиса с местным населением. Позже эти земли войдут в хору Горгиппии и на них появятся сельские усадьбы.

Находки из раскопок анапского поселения и соседних с ним пунктов дают представление об экономических контактах региона и торговом балансе (Табл. 7–11). Среди амфор (Рис. 13; Табл. 7) преобладают красноглиняные со стаканообразными доньями — 51 %, относимые к продукции Аттики и Фасоса. Группа амфор протофасос-Самос в Анапском поселении составляет 33 %, амфоры Хиоса — 14%. Найденные типы перечисленных групп амфор характерны для последней четверти VI–V вв. до н.э. Находки прочих амфор в культурном слое Анапского поселения составляют не более 2 % (хиосские с воронкообразным горлом, сероглиняные лесбосские, собственно самосские, клазоменские с широкими полосами). В комплексах редкие фрагменты ранних архаических амфор сочетаются с более поздними из архаических.

Рис. 26. Флаконы из глухого стекла, сформованные на керамическом сердечнике. Погребение на некрополе раннего поселения греков в Анапе.

Среди чернолаковой посуды одинаково обильны обломки ионийских и аттических сосудов. Среди чернофигурной керамики преобладает продукция Аттики позднеархаического периода и ранней классики, обнаружена клазоменская расписная столовая амфора, изготовленная не позднее середины

2 Зак. 1779

VI в. до н.э. (Рис. 14–17). Найдена эта амфора вместе с керамикой последней четверти этого столетия. Большая часть краснофигурной керамики изготовлена также в Аттике и датируется второй половиной и концом V в. до н.э.; к тому же времени относятся и чернолаковые сосуды со штампованным орнаментом. Лак чернофигурных сосудов часто дополнен пурпуром и белой краской (Рис. 18–22; Табл. 10, 11).

Среди ионийской керамики преобладают тонкостенные сосуды бытового назначения, покрытые жидким лаком неустойчивой окраски (Рис. 23–25; Табл. 8). Роспись этих сосудов бывает дополнена пурпуром и белилами, лаком либо покрыты отдельные участки сосуда, либо на него нанесены декоративные полосы, часто сосуд сплошь покрыт бессистемными мазками. На более грубой круговой посуде схемы росписи, характерные для ионийских сосудов, повторены неблестящей бурой, красной и черной красками. Многие из этих сосудов исследователи относят к продукции северопричерноморских центров.

Среди лепной керамики были популярны сосуды меотских форм (горшки и глубокие миски без вычлененных венцов), встречены подражания античным формам (лепные ойнохои). В жилищах Анапского полиса лепной посуды мало, но она многочисленна в могилах местных жителей в окрестностях полиса (Табл. 9).

Найдены привезенные из Средиземноморья полихромные сосуды из глухого стекла, сформованные на керамическом сердечнике, различных типов средиземноморские бусы и фигурные пронизи из египетского фаянса (Рис. 26; Табл. 9).

Среди оружия отмечено преобладание типов, характерных для широкого района Причерноморских степей (Табл. 9).

Итак, исследователями последних лет установлено, что район современной Анапы был включен в орбиту античного мира с середины VI в. до н.э. Массовое заселение греками побережья Анапской бухты относится к завершающему этапу ионийской колонизации и приходится на последнюю четверть VI в. до н.э. Наиболее значительный пункт с античной культурой в данном регионе располагался на месте самой Анапы. Он распространял влияние на соседние территории с момента основания.

---

[1] *Алексеева Е.М.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

[2] *Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. Фр. № 18.

[3]*Салов А.И.* Архаическое поселение на окраине Анапы // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 188–194.

[4]*Орешников А.В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. М., 1922. I. С. 122; *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. № 33. М.–Л., 1954. С. 20; *Шелов Д.Б.* Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 43; *Кругликова И.Т.* Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М., 1975.

[5]*Sibirsky A.A.* Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien. Spb., 1859. P. 237; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Пг., 1925. С. 293.

[6]*Кругликова И.Т.* Горгиппия в эпоху Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1. С. 89.

[7]Отождествляли Синдскую гавань, Синдик, Горгиппию В.Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 216) и А.И. Болтунова (*Болтунова А.И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 145).

[8]*Алексеева Е.М.* Ук. соч. С. 34.

[9]Там же. С. 35.

[10]*Крушкол Ю.С.* Древняя Синдика. М., 1971. С. 37.

[11]*Ковалевская В.Б., Козенкова В.И.* О работе Мало-Карачаевского отряда // АО 1978 г. М., 1979. С. 128.

[12]*Алексеева Е.М.* Ук. соч. С. 30–34. Табл. 49–57, 66.

[13]*Ростовцев М.И.* Ук. соч. С. 302.

[14]*Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С. 63, 121.

[15]*Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1974. С. 98.

[16]*Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 417.

Глава II

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГОРГИППИИ В СОСТАВЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Немногие из древних авторов упоминают Горгиппию. Наиболее ранний из них Страбон (принято считать, что труд его был закончен к 7 г. до н.э. и что до 18 г. н.э. автор дополнял его). Большинство исследователей, ссылаясь на Страбона и пользуясь переводами его "Географии", называют Горгиппию столицей синдов[1]. Фраза Страбона "ἔστι δε καί Γοργιπία ἐν τῇ Σινδικῇ το βασίλειον τῶν Σινδῶν πλησίον θαλαττης καί Ἀβοράκη ..." (Strab., XI, 2, 10) имеет три близких по смыслу изданных перевода. Ф.Г. Мищенко пишет, что "в Синдике есть также город Горгиппия, царская резиденция синдов, расположенная близко от моря..."[2]. В.В. Латышев предлагает читать: "В Синдике же недалеко от моря лежит и Горгиппия, столица синдов..."[3]. В переводе Г.А. Стратановского: "В Синдской области есть место Горгиппия — царская столица синдов, недалеко от моря"[4]. В указанных переводах вызывает недоумение локализация Горгиппии недалеко от моря при бесспорности ныне установленного факта, что Горгиппия являлась портом. Страбон также чуть ниже указанной фразы (XI, 2, 12) сообщает, что "после Синдской области и Горгиппии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов". Сомнительно также, чтобы для резиденции правителей был выбран пункт у территориальных границ племени (по сути даже за их пределами).

Апелляция к первоисточникам, а именно, к наиболее ранней из ныне известных рукописей Страбона — Кодексу V конца V — начала VI в. неожиданно выявила при неповреждённости текста Страбона XI, 2, 10 отсутствие всякого упоминания Горгиппии: "πέρᾶν Ὑπανίος ἐν τῇ σι-δηκηι το δὲ βασιλλειον τῶν Σινδῶν πλησιον θαλάσσης καί Ἀβορακη ...". Разобраться в данном вопросе мне помогла Л.И. Грацианская, предоставившая копии текстов кодексов, собранные ею во время подготовки её исследования "Географии" Страбона[5].

Указанные выше переводы Ф.Г. Мищенко и В.В. Латышевым сделаны по рукописям XIII–XIV вв. — Кодексу С. Более ранний Кодекс V — Strabonus Palimpsestus Vaticanus — еще не был тогда известен. Рукопись хранится в Ватикане (Vat. Graec. 2306/2061A), она издана в 1975 г. А. Лассером[6].

Отсутствует упоминание Горгиппии в интересующем нас месте и в страбоновой "Хрестоматии", рукописи конца IX в. (SC. I. Вып. 1. С. 169). Таким образом, определение Горгиппии столицей синдов в указанных переводах текста Страбона следует признать ошибочным, подобный перевод не находит подтверждения и в историко-географической ситуации региона.

Помимо Страбона Горгиппия упомянута Стефаном Византийским, жившим после 400 г. (есть сведения, что труд его значительно сокращен во времена Юстиниана). В "Географическом словаре" этого автора Горгиппия названа городом в Синдике. Сказано также, что Горгиппией называют Синдик — город с гаванью, смежный со Скифией (SC. I. С. 266). Локализация вблизи Скифии вызывает недоумение и может быть объяснена поздними переработками текста.

Официальное название "Горгиппия" утвердилось за городом не ранее первой половины IV в. до н.э.[7] после присоединения Синдики к Боспору. Ктистом города общепризнан член царской семьи Спартокидов сын Сатира I Горгипп, имя которого трижды засвидетельствовано документально (КБН 1015; SC. I. С. 372; Polyaen. Strateg., VIII, 55). Полиен (II в. н.э.) в рассказе о меотянке Тиргатао называет Горгиппа сыном Сатира и указывает, что его деятельность была направлена на наведение спокойствия в Синдике. Эти события происходили на рубеже 90–80-х годов IV в. до н.э.

В речи Динарха против Демосфена в 324 г. до н.э. (SC. I. С. 372) Горгипп назван понтийским тираном наравне с Перисадом и сыном последнего Сатиром. У Полиена мы читаем, что после смерти отца Горгипп унаследовал престол. Эти определения Полиена и Динарха позволили исследователям считать Горгиппа соправителем его брата Левкона I. Подобная практика соуправления имела место у Спартокидов — сыновья Спартока I Селевк и Сатир I правили совместно 40 лет, сыновья Левкона I Спарток II и Перисад правили вместе 50 лет. Известно также о совместном правлении отца с сыновьями: Левкона со Спартоком и Перисадом, Перисада с Сатиром II[8]. При конкретных, казалось бы, определениях источников вопрос о роли Горгиппа в государстве, однако, не решается однозначно и в связи с этим усложняется вопрос о соправительстве в династии Спартокидов. Известно, что сыновья Левкона Спарток II и Перисад еще при жизни отца разделяли с ним власть[9]. В это время, по-видимому, Горгипп уже не являлся соправителем брата. Значит, допустимо предполагать соуправление Левкона и Горгиппа только применительно к началу политической деятельности последнего. Горгипп прожил долгую жизнь, он исполнял государственные дела как в первой, так и во

второй половинах IV столетия, пережил своего брата Левкона и пятилетнее совместное правление его сыновей Спартока II и Перисада, а затем продолжал политическую деятельность при Перисаде, став его тестем[10]. Р. Вернер, а за ним и И.Б. Брашинский[11], разбирая особенности династического правления Спартокидов, полагают, что соправители в этой династии выполняли конкретные функции в государственном управлении, всегда подчиняясь главному носителю верховного титула, эпониму Боспора — отцу при двух старших сыновьях или старшему брату при двух братьях. С этой позиции вполне объяснима долгая неизменная деятельность Горгиппа в Синдике, вверенной ему сперва для усмирения, а затем переданной в управление. Несмотря на то, что брату царя Горгиппу принадлежит личная заслуга завершения подчинения Синдики, царем синдов называется сперва Левкон, а затем его старший сын Перисад (КБН 1014, 1015, 1037, 1038). Горгипп при этом, вероятно, продолжает исполнять в Синдике (всей или ее части) функции, близкие к наместническим.

О причастности Горгиппа к городу с его именем свидетельствуют находки клейменых черепиц с надписью ГОР|ГІП|ПОУ, подтверждающей его собственное производство. Впервые такое клеймо, происходящее из Анапы, было опубликовано В.В. Латышевым[12]. Впоследствии В.Ф. Гайдукевич упомянул два клейма: одно из Анапы, хранящееся в музее Мелек-Чесменского кургана в Керчи, ныне утерянное, другое — из Новороссийского музея[13]. Раскопки последних лет пополнили коллекцию этих клейм — в культурном слое Горгиппии и ее некрополя найдены еще семь клейм (Рис. 27). Таким образом, находки десятка ныне известных круглых клейм с именем Горгиппа связаны с Горгиппией; упомянутое В.В. Латышевым клеймо из коллекции Новороссийского музея, скорее всего, также происходит из Анапы. Устойчивая повторяемость находок только в Горгиппии позволяет локализовать производство черепиц с этим клеймом именно здесь. Глина клейменых соленов одинакова — темно-оранжевая, насыщенная кварцевым песком, поверхность черепиц часто имеет серый закал от условий обжига.

Мы располагаем данными, что и впоследствии царская семья владела в этом городе черепичными эргастериями. Только для Анапы и ее окрестностей характерна датируемая последними десятилетиями III в. до н.э. "царская" черепица, на которой в клеймах с надписью βασιλική сочетаются имена собственные владельцев гончарных мастерских διὰ βατακου, διὰ Νουμηνίου. В.Ф. Гайдукевич обосновал предположение, что черепицы с предлогом διὰ выпущены в горгиппийский царских эргастериях, отданных на откуп Нумению и Батаку, что и дало им право ставить свое имя рядом со словом βασιλική в отличие от лишенных этого права обычных управляющих царским производством[14]. Д.Б. Шелов высказал мнение, что сделанные из горгиппийской глины черепицы с клеймом Σπαρτόκου выпущены во времена Спартока

IV в горгиппийском филиале его основного предприятия, работавшего в Пантикапее[15].

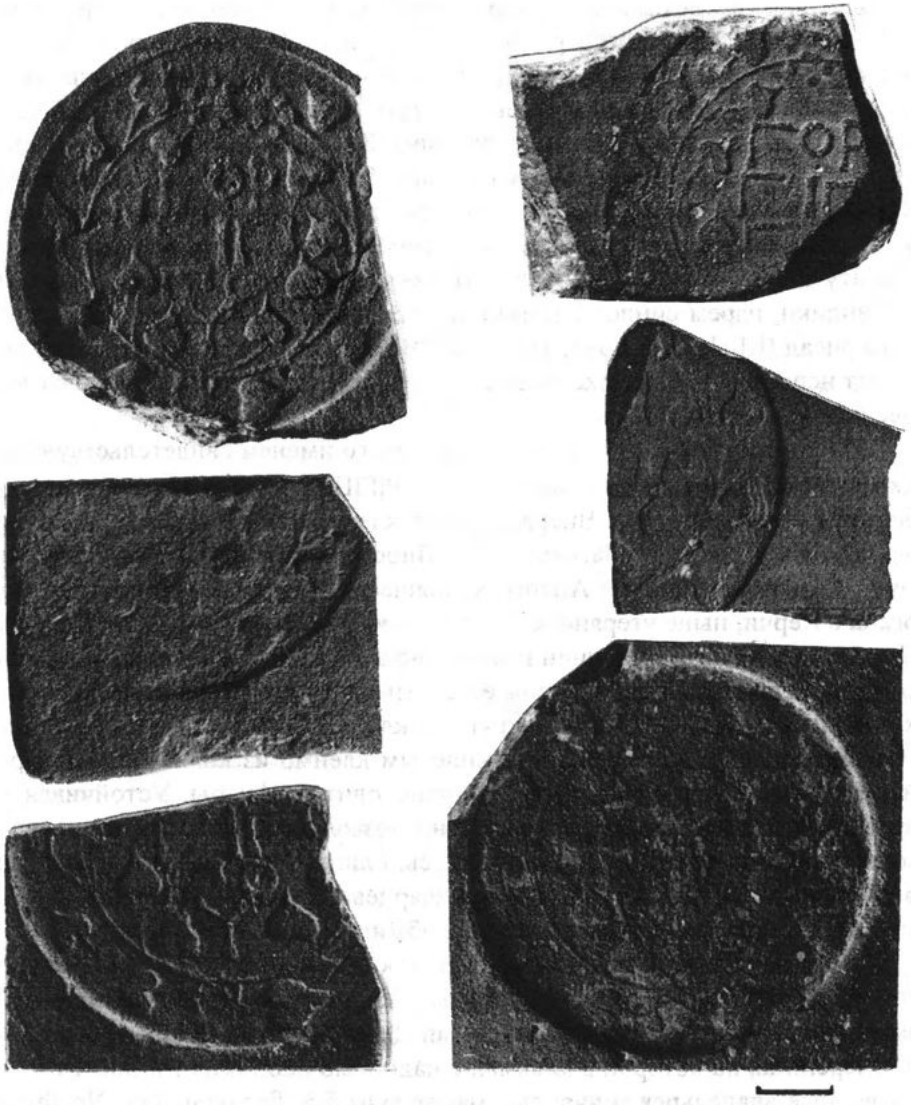


Рис. 27. Клейма Горгиппа на обломках черепиц из культурного слоя Горгиппии.

В первой половине I в. н.э. эргастерии Горгиппии выпускали разнотипичные кирпичи с тамгой царя Аспурга, они сделаны из такой же глины, как и ранние черепицы с клеймом Горгиппа. Найденные в Анапе рескрипты Аспурга позволяют считать, что деятельность его некоторое время была непо-

средственно связана с Горгиппией, поэтому Аспург и держал в этом городе свои эргастерии. Таким образом, в Горгиппии, начиная с IV в. до н.э., местное производство кровельных черепиц, а позднее и кирпичей, как наиболее доходное, являлось собственностью царских семей.

После присоединения Синдики и соседних с ней территорий в город с удобной гаванью, расположенный на плодородных землях, устремилось боспорское население. Выше отмечалась специфика некрополей местного населения в рассматриваемом регионе. В окрестностях Анапы эти некрополи представляют собой широкие поля погребений с расплывшимися невысокими насыпями из колотых камней, под которыми скрыты кольца плоских камней, окружающих по поверхности древнего горизонта семейные усыпальницы — каменные ящики или широкие углубления в плотном материковом грунте (Табл. 19). Датировка некоторых открытых на этих полях комплексов уходит в VI в. до н.э. Как отмечалось, подобные типы погребальных сооружений не характерны для некрополя греческого поселения в Анапе. Не распространились они и на некрополе более поздней Горгиппии. Следовательно, прирост населения небольшого Анапского полиса в момент превращения его в Горгиппию произошел не за счет местных жителей. Переход не был постепенным, о чем свидетельствует читаемая археологически внезапная перепланировка всего поселения и резкое расширение его территории.

Мы не знаем, какую структуру приняла горгиппийская хора, однако, некрополи показывают, что в IV в. до н.э. местное население в окрестностях города не изменилось. Организация крупного полиса поглотила его. Теперь это население должно было кормить город. Простые землепашцы не стали гражданами растущего полиса, так как присущие им погребальные сооружения не появились на городском некрополе. Город заселили пришлые люди, вероятно, получившими на это особое право, а вместе с ним и землю. Права гражданства могла получить часть родоплеменной знати, поддержавшая Боспор в его притязаниях на Синдику и соседние с ней территории. Эти лица могли быть отблагодарены и оставлены в своих прежних владениях, которые оказались в черте хоры полиса. Наблюдения над некрополями не противоречат этой модели. При многих известных сельских поселениях в радиусе до 25 км от города выявлены и частично раскопаны связанные с ними рядовые могильники. Отмечено, что в некоторых местах изолированно от поселений и их некрополей, но в непосредственной близости к ним размещаются большие курганы, одиночные и группами. Насыпи некоторых раскопанных (например, Султан-кургана, Тарасовских курганов) скрывали склепы античного времени, синхронные расположенным рядом поселениям и могильникам. Можно предположить, что такие подкурганные склепы являлись родовыми усыпальницами на родовых землях, владельцам которых было разрешено влиться в полис на правах гражданства. Владельцы пышных усыпальниц и земель, видимо,

имели дома в городе. Трудно представить, чтобы одно из равнозначных пятен, скрывающих жилища на рядовых сельских поселениях, могло бы содержать остатки дома владельца великолепной гробницы с богатейшим инвентарем.

Время Левкона и Перисада, оно же и время деятельности Горгиппа, явилось периодом первого расцвета Горгиппии. В это время закладываются основы планировки большого города и производится единообразное устройство его хоры. Археологическими разведками последних лет установлено, что почти все равнинные земли вокруг Горгиппии в радиусе до 25 км были распланированы одинаковым образом. Повсеместно на поверхности современных пахотных земель встречаются пятна диаметром 10–20 м со скоплением камней и керамики античного времени, удаленные друг от друга на 50–100 м. Число пятен в местах скученности колеблется от 20 до 80. Одни из них вытянуты в линии, другие расположены в шахматном порядке, третьи разбросаны без видимой системы. Все это остатки сельских поселений античной эпохи. На большинстве из них жизнь не замирала с IV в. до н.э. по III в. н.э. Обычно на одном поселении мощность каменистых пятен, скрывающих древние постройки, одинакова, что позволяет предположить одинаковый невысокий имущественный достаток жителей поселения. Пахота перемещает вещественные находки, поэтому нельзя визуально определить, сколько домов существовало на поселении одновременно. К сожалению, ни один сельский дом времени Горгиппа не раскапывался. Отмечено только, что пятна с керамикой IV в. до н.э. содержат выворачиваемые пахотой особо крупные камни, что может быть косвенным подтверждением наличия в это время укрепленных усадеб. Под одной из раскопанных в Джемете усадеб, построенной в конце III в. до н.э., выявлена стена предшествующей ей усадьбы, имевшая значительную ширину — 1,2 м. К ней примыкал культурный слой с обломками чернолаковых сосудов IV в. до н.э.

Анализ клейм и прочих находок из раскопов Горгиппии указанного периода свидетельствуют о том, что вместе со всем Боспором город был втянут в активную торговлю с Афинами, поддерживал тесные контакты с Южным Понтом (особенно Гераклеей), островами средиземноморского бассейна (особенно Фасосом), Херсонесом. Мероприятия Перисада по укреплению боспорского флота при помощи набранных в Афинах специалистов (IS, II, 212) должны были благоприятно отразиться на горгиппийской гавани.

К 310–309 гг. до н.э. относится ожесточенная междоусобная война сыновей Перисада, военные действия происходили на азиатской стороне Боспора. Возможно, события, разворачивавшиеся на соседних территориях коснулись и Горгиппии, так как в культурном слое городища фиксируются следы отдельных пожаров рубежа IV–III вв., однако, серьезных разрушений в городе этого времени археологически не выявлено. Междоусобица закончилась

победой младшего из трех братьев, Евмела. Диодор (XX, 25) отметил, что Евмел вел борьбу с морскими пиратами со стороны южного берега Крыма и Кавказского побережья. Эти мероприятия царя должны были положительно сказаться на экономике города и укрепить его гавань. Известно также, что Евмел увеличил территорию государства, возможно, им были раздвинуты юго-восточные границы государства и усмирены некоторые из воинственных меотских племен. Постоянные связи Евмела с Византием, Синопой и "большинством других эллинов, живших по берегам Понта", способствовали развитию торговли, особенно с малоазийскими городами Южного Понта. Материал из раскопок Горгиппии подтверждает участие города в этой политике Евмела.

Евмелу, как обладателю царского титула, принадлежали обширные земли, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению. Диодор сообщил, что на них он поселил тысячу каллатийцев, оказавшихся в бедственном положении вследствие осады их города фракийским полководцем Лисимахом. Исследователи полагают, что эти царские земли находились на азиатском Боспоре[16]. Было высказано мнение, основанное на просопографическом анализе горгиппийского агонистического списка, что каллатийцев расселили вокруг Горгиппии[17].

Диодор (XX, 24) сообщил также, что Евмел "восстановил прежний образ правления", видимо, нарушенный им же самим в ходе борьбы за престол с двумя старшими братьями. Есть основания считать, что после смерти Евмела управление государством разделили два его сына — Селевк и Спарток III, в чем и можно видеть восстановление прежнего образа правления. Ю.Г. Виноградов на основании декрета, найденного в Анапе в 1953 г.[18], предположил, что "Селевк получил от Евмела в управление Горгиппию с Синдикой, где он продолжал политику отца по наделению землей ксенов" [19]. Таким образом, Горгиппия не только в IV, но и в начале III в. до н.э. находилась на особом положении в государстве, управляясь через одного из Спартокидов-соправителей.

Известно, что Боспорское государство объединяло ряд городских общин и все его территории были подвластны сперва пожизненным архонтам, а затем наследственным династам. Естественно, что как наиболее доходное место центральная власть контролировала гавани с ведущейся через них торговлей. Поэтому проксении в таком государстве предоставлялись от лица центральной власти, в отличие от распространенной в античном мире практики предоставления их от имени совета и народа полиса. Если принять гипотезу Ю.Г. Виноградова о соправительстве Селевка и Спартока III, анапская проксения 1953 г., выданная Селевком, не идет вразрез с принятой на Боспоре практикой выдачи проксений, так как Селевк-соправитель в данном вопросе представлял центральную власть. В то же время, этот декрет, изданный от

лица местных правителей Боспора, заставляет признать, что город при преемниках Евмела обладал достаточной автономией.

Известные на Боспоре проксении IV в. до н.э. (КБН 1–5) обычно предоставляли определенный круг привилегий, связанных с торговлей: проксению и ателию на все товары, право въезда в гавань и выезда во время войны и мира без конфискации и дополнительных договоров; привилегии предоставлялись самому проксену, его потомкам и доверенным лицам. Проксения из Горгиппии отличается от известных боспорских тем, что дает проксену право владения землей и домом, что по общим правилам эллинского мира одновременно означало и гражданство в государстве. Из декрета 1953 г., однако, видно, что для проксенов иметь долю в недвижимой собственности во времена Селевка было обычным. К этому времени Боспор стал особенно заинтересован в расширении торговли, и центральная власть определяла направление наиболее выгодных связей.

Политическая и экономическая ситуация Боспора в III и II вв. до н.э. во многом еще не ясна. К началу III в. положение государства осложнилось отсутствием спокойствия на его границах и приближением сарматских племен. В начале III в. до н.э. Боспор пережил монетный кризис, который удалось преодолеть только к концу века. Горгиппия оказалась вовлеченной в этот общегосударственный процесс: на городище найден клад монет, время зарытия которого относится к последнему периоде кризиса, ко времени правления Левкона II (к третьей четверти III в. до н.э.)[20]. В 1882 г. при раскопках кургана около Анапы В.Г. Тизенгаузен обнаружил клад пантикапейских монет, зарытый в первой четверти III в. до н.э.[21] Подобный клад обнаружен в 1977 г. в Анапе на ул. Гребенской[22]. Тем не менее, город продолжал развиваться, нарушений в ритме городской жизни до третьей четверти III в. до н.э. археологически не фиксируется. В первой половине III в. до н.э. в течение не менее 60-ти лет в Горгиппии проводятся общегородские празднества в честь Гермеса, сопровождаемые агонами (КБН 1137). Начало этих игр относят к 309–304 гг. до н.э., тогда внезапное их окончание падает на 249–245-е годы[23].

В III в. до н.э. в Горгиппии строятся монументальные дома из тесанных блоков известняка с применением греческого ордера. В жилых домах распространяется масса новых форм различных керамических сосудов, сделанных из местной глины. В середине III в. до н.э. меняется характер ввозимой в Горгиппию керамики. Появляются сосуды с белой и желтоватой росписью по черному лаку, с коричневым и желтоватым лаком по белому покрытию, с рельефным орнаментом типа “мегарского”. Доминирует завоз изделий из центров северного и западного побережий Малой Азии, особенно из Синопы.

В середине III в. до н.э., ближе к его третьей четверти, Горгиппия была разрушена: дома в различных частях города гибнут в сильнейшем пожаре.

Остались брошенными зерно, утварь, деньги. Видимо, в это время был прерван агонистический список Гермей.

Восстановительная застройка города произведена вскоре после разрушения в пределах прежних планировочных узлов. Новые дома построены основательно в прежних традициях.

Городская хора в период эллинизма поддерживается в надлежащем порядке. На ее территории в современном Джемете раскопаны две усадьбы. Обе имели укрепления, возведение которых, очевидно, следует объяснить опасностью приближения к боспорским границам сарматских племен, распространившихся по степям на смену распавшейся после сражения 339 г. до н.э. скифской державы Атея.

Одна из усадеб представляла собой прямоугольный в плане дом площадью 210 м^2 с двумя смежными помещениями (Табл. 12)[24]. Каменные стены его достигали ширины 1,3 м, что говорит об укрепленном характере здания. Его можно рассматривать как дом-башню. Вход в здание был укреплен каменной стеной, перед входом располагался мощеный двор. В процессе раскопок прослежены также обрывки каменных стен ограды толщиной 0,6 м, ограничивавшие приусадебный участок шириной 77 м. Дом располагался в северном углу участка. Очевидно, он входил в цепочку подобных домов, составлявших сельское поселение. Расстояние от него до соседнего достигало 100 м, считая до ближайшего в общей цепи пятна с камнями и синхронной керамикой (все остальные пятна не раскапывались). Таким образом, площадь участка при доме составляла около 7700 м^2. Набор находок, в том числе и восемь монет из здания, свидетельствуют о том, что дом существовал с середины III в. по 63 г. до н.э. Возможно, она была возведена одновременно с восстановительными работами в самой Горгиппии после пожара в ней второй половины III в. Усадьба была оставлена жителями, имущество унесено.

Вторая усадьба на соседнем поселении имела иную планировку (Табл. 13). Ее здание формировалось из пристраивавшихся друг к другу вытянутых в цепочку отдельных ячеек-комнат с небольшим навесом на опорных столбах перед входом в каждую. Перед "ячейками" располагался широкий двор. Что находилось на других его сторонах неизвестно, так как значительная часть усадьбы утрачена. Тонкие (0,6 м) и небрежно сложенные стены здания не могли обеспечить жителям безопасность. Укрытием им служила небольшая (16,5 м^2 по наружному периметру) башня, пристроенная к восточному углу дома, имевшая сложенные из огромных камней стены шириной 1,1 м. Усадьба существовала с конца IV в. до н.э. Возможно, она погибла одновременно с общегородским пожаром второй половины III в. Создается впечатление, что и она была оставлена жителями, унесшими с собой имущество.

Общегородские пожары и катаклизмы, очевидно, совпадали с опустошениями окрестностей. Судьба населения при этом остается неясной. В исто-

рии Причерноморья немало свидетельств тому, что победители тысячами уводили жителей разоренных мест. В пожарищах Горгиппии всех эпох мы не встречаем останков погибших людей. В то же время, вся утварь, и весьма ценная, остается погребенной в подвалах сгоревших домов. Обычно подвалы не расчищаются, что можно объяснить трудоемкостью этого мероприятия. Участки выравниваются, дом строится заново. Возводят его старые владельцы или вновь прибывшие, установить нельзя. Что касается причин прекращения жизни в сельских домах, можно сказать, что и этот вопрос нельзя решить однозначно. Бедность утвари в раскопанных может быть объяснена и тем, что жители покинули жилища, взяв все необходимое с собой. Жизнь на усадьбах в какие-то периоды становилась небезопасной, особенно при надвигавшихся периодически военных угрозах, что и подтверждается наличием укреплений. В то же время, проживание на усадьбах могло делаться невыгодным в силу каких-то причин экономического порядка, тогда жители сельских домов переселялись в близко расположенный город, чтобы заняться там ремеслом и торговлей. И наконец, сельские дома было легко ограбить в момент катастроф, имущество в них не оказывалось заваленным в глубоких подвалах, что мы наблюдаем в городе.

Граффито на остраконе из Горгиппии свидетельствует о практике использования свободного наемного труда на сельских угодьях города еще в IV в. до н.э.[25]

В 1930-е годы среди исследователей Боспора сложилось представление о начавшемся в III в. до н.э. и неуклонно продолжавшемся в течение двух с половиной столетий экономическом упадке Боспора[26]. Причину этой деградации исследователи видели в утрате Афинами — основным торговым партнером Боспора — политического и экономического могущества, в вытеснении со средиземноморских рынков боспорского хлеба дешевым египетским[27], в ослаблении других возможных торговых агентов Боспора (Балкан и Малой Азии) вторжениями кельтских племен, в опасных для боспорских границ передвижениях сарматских племен. Действительно, многие из этих событий имели место в окружавшем Боспор эллинском и варварском мире, однако, археологические исследования последних десятилетий установили бесспорный факт неуклонного роста и развития боспорских городов в III в. до н.э. По этому поводу Д.Б. Шелов высказал мнение, что именно внутреннее развитие Боспора, изменение его собственной политической и экономической ситуации привело к тому, что с III в. до н.э. он не мог экспортировать в Аттику хлеб в прежних количествах, этот хлеб стал необходим собственным развивающимся городам[28].

На последнюю четверть III в. до н.э. на Боспоре приходится деятельность Гигиенонта, имя которого известно только по монетам и клеймам, — оно упоминается с титулом архонта, в то время как задолго до того правите-

ли Боспора именовались царями. Это обстоятельство позволило исследователям предполагать политическую борьбу в Боспорском государстве в период деятельности Гигиенонта и видеть в появлении титула архонта общую тенденцию в государстве к ослаблению центральной власти[29]. Вероятно, в этот период Горгиппия выпускает черепицы, клейменные буквами ГОР (Табл. 14). В последние годы таких черепиц найдено около двадцати, среди клейм есть и ретроградные. Длина прямоугольника клейма обычно составляет 6 см, ширина колеблется от 2,5 до 3 см. Буквы в клеймах рельефные, кружки "О" и "Р" часто переданы без прориси. Все известные клейма нанесены на солены, сделанные из такой же глины, как и черепицы с круглым клеймом Горгиппа. Возможно, подобно пантикапейскому черепичному клейму ΠΑΝΤΙ[30] это клеймо следует объяснить деятельностью городской общины. Черепичное производство могло оказаться в ее руках в какой-то период ослабления центральной власти, возможно, во время деятельности Гигиенонта.

В конце II в. до н.э. Горгиппия впервые получила право собственного чекана — известна, правда, в единственном экземпляре серебряная драхма с именем города: ГОР|ГІП(πέον) с головой Гелиоса вправо на лицевой стороне и рогом изобилия между двух звезд Диоскуров на обратной[31]. В это же время после почти трехсотлетнего перерыва возобновила свой чекан и Фанагория. Монеты Горгиппии и Фанагории типологически связаны, они превосходят по качеству серебро главного города государства — Пантикапея — и тем самым свидетельствуют об экономической обособленности азиатского Боспора и этих городов, в частности[32]. Лицевая сторона горгиппийской драхмы воспроизводит один из постоянных типов родосских серебряных монет[33].

Внутренний политический разлад, опасный натиск сарматских племен у границ государства и неуклонное развитие в течение всего III в. до н.э. торговли с центрами Малой Азии подготовили во II в. до н.э. почву для включения Боспора в состав державы Митридата VI Евпатора[34].

В конце II в. до н.э. Перисад V добровольно передал власть Митридату VI Евпатору, подведя итог почти 330-летнему правлению Спартокидов. Горгиппия в числе других городов Боспора более чем на полвека оказалась в составе огромной всепонтийской державы этого царя. За Горгиппией, как и некоторыми другими крупными городами Северного Причерноморья, были закреплены некоторые полисные институты. Горгиппия оказалась в числе трех городов Боспора вместе в Пантикапеей и Фанагорией, которым было дано право осуществлять эмиссию серебряной монеты. Первая серия боспорских монет митридатовского времени, относимая к 100–90 гг. до н.э.[35], включала один номинал — серебряные драхмы с головой Диониса на аверсе, скачущим оленем и тирсом на реверсе. Эти драхмы выпускались только от имени Пантикапея и Горгиппии. Пантикапейские драхмы перечеканивались из драхм Амиса II века. Горгиппийские драхмы, как правило, следов перечекан-

ки не имеют и тем самым подтверждают стабильность экономической ситуации города[36].

Вторая серия боспорских монет митридатовского времени, относимая к 90–80 гг. до н.э.[37], выпускалась от имени трех городов — Пантикапея, Фанагории и Горгиппии. Она состояла из трех номиналов серебряных монет и двух крупных номиналов меди. Горгиппия чеканила серебряные дидрахмы с головой юного Диониса на аверсе и именем города в плющевом венке на реверсе, а также серебряные драхмы с головой Артемиды на аверсе и несущемся оленем на реверсе[38]. Из медных монет Горгиппия выпускала оболы с головой бога Меа на аверсе и стоящим с пантерой Дионисом на реверсе, а также тетрахалки с головой Аполлона на аверсе и треножником с тирсом на реверсе[39]. Горгиппийские монеты были в равном ходу с монетами двух других городов, но количественно чеканка монет от имени Фанагории и Горгиппии значительно уступала пантикапейской и практического значения не имела[40].

Д.Б. Шелов[41] отмечал, что регулярный выпуск на протяжении первых десятилетий правления Митридата монет более крупного, чем раньше, достоинства, с одной стороны, отражает укрепление государственного хозяйства и его экономическое процветание. С другой стороны, отступление от традиций боспорского монетного дела, унификация монет, сделанных по подобию понтийских, сосредоточенность всей чеканки в руках царских чиновников, позволяют рассматривать предоставление права чеканки монет трем наиболее крупным города Боспора как чисто политическое мероприятие. Необходимость проведения этого мероприятия и особенно предоставление права чеканки серебра косвенно доказывает определенную политическую силу городских общин этих полисов, с которой Митридату в начале своего правления приходилось считаться.

В период становления и наивысшего расцвета Понтийского царства подобные действия Митридата по отношению к полисам подчиненных земель составляли основу его политики. Боспор по свидетельству Плутарха (Sull., 11) "вплоть до необитаемых земель за Меотидой управлялся одним из сыновей Митридата". Из Страбона (VII, 4, 6) известно, что жители Таврики и Азиатского Боспора ежегодно платили дань Митридату в размере 200 талантов серебра и 180 тысяч медимнов зерна. Исследователи полагают, что эти поборы, учитывая имеющиеся сведения о торговом потенциале Боспора, нельзя назвать обременительными, тем более, что в эту цифру дани входили не только установленные для греческих городов пошлины и налоги, но и взносы туземных царей[42].

Нам известно, однако, и о сепаратистских стремлениях на Боспоре. Он выходил из состава митридатова царства и удерживал самостоятельность несколько лет[43]. Мы ничего не знаем ни о политическом статусе Боспора в

это время, ни, тем более, о статусе отдельных его городов. Митридат, воспользовавшись досугом, вновь подчинил себе Боспор и дал боспорянам в цари одного из своих сыновей — Махара (App. Mithr., 67). Для этого ему пришлось совершить сложный переход через Кавказ вместе с войском, от которого он потерял две трети на обратном пути. Личное участие в походе означает большую значимость для Митридата отпавшей части царства. Махар не являлся самостоятельным владыкой Боспора, а был лишь представителем царя в Северном Причерноморье, он осуществлял наместническую власть от имени своего отца — царя Понта и Боспора.

После установления власти Махара на рубеже 80-х и 70-х годов до н.э. денежные эмиссии от имени боспорских городов, в том числе и Горгиппии, прекратились. Следовательно, к этому времени изменился и статус городов в рамках державы. Очевидно, Махар обладал большими возможностями держать Боспор в повиновении, чем его брат-предшественник. Высказывалось мнение, что лишение права монетного чекана боспорских городов явилось карой за их попытку отложиться от царства Митридата[44]. Д.Б. Шелов, однако, заметил, что вместе с прекращением чекана боспорских городов прекращается выпуск монет Херсонесом и Ольвией, которые не были связаны с восстанием. Следовательно, этот факт может быть объяснен, скорее, общими изменениями как в монетной, так и всей политике Митридата[45].

Исследования Д.Б. Шелова позволяют предполагать, что до 70-х годов до н.э. города Боспора были заинтересованы в сохранении верности Понтийской державе ввиду наличия в Черном море флота Митридата и обеспеченности торговых потребностей постоянными контактами с крупными центрами Малой Азии — Синопой, Гераклеей, Амисом. Непрекращающиеся же войны Митридата с Римом стали бесперспективными, а поборы на новые и новые военные походы ослабили земли, входившие в состав царства Митридата. Только третья война с Римом тянулась около десяти лет (74–63 гг. до н.э.). Рим отвоевывал твердые позиции в Черном море. После поражений Митридат в 65 г. бежал на Боспор, а римляне осуществили жестокую блокаду оставшихся в его руках территорий. На Боспоре Митридат "продолжал набирать войско из свободных и рабов, готовя массы оружия, стрел и военных машин, не щадя ни лесного материала, ни рабочих быков для изготовления тетив. На всех своих подданных, не исключая самых бедных, он наложил подать. При этом сборщики их многих обижали без ведома Митридата" (App. Mithr., 107 = С. С. 532). Всеобщее разорение нашло отражение в зарытии кладов. Найдены они и в окрестностях Горгиппии. В 1976 г. обнаружен клад в ущелье Куматырь, время зарытия его относится к 80-м годам до н.э. В 1977 г. найден крупный клад (собрано около 1700 монет) рядом с хутором Фадаево, зарытый в первой четверти I в. до н.э.

При всеобщем недовольстве в 63 г. до н.э. подняла мятеж Фанагория, и "сколько их было поблизости — крепости, недавно занятые Митридатом, Херсонес и Феодосия, и Нимфей, и все другие, сколько их было у Понта, удобных для обороны, отпали от него, следуя смелому примеру фанагорийцев" (App. Mithr., 108). Надо полагать, что Горгиппия, один из крупнейших городов Боспора, не отнеслась спокойно к морской блокаде и оказалась вместе со всеми, кто последовал примеру фанагорийцев. Очевидно также, эти события не потрясли город и не повлекли за собой всеобщих разрушений, так как у Митридата не достало сил даже на подавление мятежной Фанагории. Выход из Понтийской державы обозначил новую эпоху для государства и всех его городов.

Наступал один из самых смутных и беспокойных периодов для Боспора — середина I в. до н.э. — середина I в. до н.э. Мы располагаем лишь разрозненными данными относительно истории государства в это время. Она изобилует междоусобными войнами и частой сменой правителей. Будучи одним из крупнейших городов и портов государства, Горгиппия должна была быть втянута в круг этих событий, тем более, что ареной многих из их стала азиатская часть Боспора.

В культурных слоях середины I в. до н.э. многих боспорских городов сохранились следы пожаров и перестроек, есть они и в Горгиппии. Раскопками установлено, что около середины I в. до н.э. дома Горгиппии в разных частях города гибнут в сильном огне. Многие ценные вещи, не говоря уже о рядовой утвари, — все погребено в развалинах. Разрушенные здания не были восстановлены. Их перекрыли новые дома с иной планировкой, при этом, сетевая структура города сохранена. События, которые могли вызвать серьезные разрушения, следовали в государстве одно за другим, поэтому трудно определить, с которым из них связаны зафиксированные пожары.

Появление Митридата на Боспоре в 65 г. до н.э. после поражения в войне с Римом не было мирным: Аппиан (Mithr., 108) применительно к этому времени говорит о городах, "недавно захваченных" Митридатом. В 63 г. до н.э. Боспор потрясло сильнейшее землетрясение, Восточный Крым и Тамань находились в его эпицентре[46]. Дион Кассий пишет (XXXVII, 11), что оно явилось сильнейшим из всех, когда-либо бывших, и разрушило многие боспорские города. Немирным было в 63 г. до н.э. вступление на престол Фарнака, а в начале 40-х годов от него отложился Асандр (Dion Cass., XLII, 46), захватив азиатский Боспор (App. Mithr., 120). Любое из этих событий могло повлечь за собой сильные разрушения в Горгиппии.

В результате переворота в Пантикапее после насильственной смерти Митридата власть на Боспоре перешла к его сыну Фарнаку (63–47/46 гг. до н.э.), почти все 15 лет правления которого были заполнены подготовкой к борьбе с Римом за утверждение в бывших владениях отца. Готовясь к осуще-

ствлению своего замысла, Фарнак провел мероприятия по укреплению тыла. Он лишил Фанагорию данной римлянами самостоятельности, разрушив ее укрепления (App. Mithr., 120). Чтобы усмирить дандариев, он "отвел течение Гипаниса через какой-то старинный канал, который расчистил, и таким образом затопил их страну" (Strab. XI, 2, 11). В 51/50 г. до н.э. он прекратил медный чекан Пантикапея. Если Пантикапей и Фанагория оказались в полном подчинении у Фарнака, то в Горгиппии времени его правления, тем более, нельзя ожидать сохранения какой-либо независимости. Фарнак опирался на местные сарматские племена, которые составляли основу его войска. С середины II в. до н.э. демографическая ситуация азиатской части Боспора начала меняться: из Прикубанья сюда стали проникать кочевые сарматские племена, которые теснили оседлое меотское население и смешивались с ним[47]. Очевидно, в это время от Фанагории до Горгиппии расселилось на пространстве 500 стадий племя аспургиан (Strab., XI, 2, 11). "Когда Фарнак владел Боспором, царь сираков выставил 20 000 всадников, и царь аорсов — 20 000, а верхние аорсы еще больше"; владения Фарнака простирались от Херсонеса до Танаиса (ibid).

Приняв титул "царя царей, Великого Фарнака" (КБН 28), оставив наместником Боспора Асандра, бывшего этнархом (Lucian Macrob., 17), Фарнак овладел Колхидой, Малой Арменией, Вифинией, Каппадокией, занял Синопу и Амис, провел успешное сражение под Никополем с римским полководцем Кальвином, но в 47 г. до н.э. был разгромлен войсками Цезаря в битве при Зеле и на кораблях бежал из Синопы в свои северные владения[48]. К этому времени Асандр отложился от Фарнака (Dion Cass., XLII, 46), захватив азиатский Боспор (App., Mithr., 120) и укрепив его специальными сооружениями[49]. Фарнаку пришлось силой, собрав скифов и сарматов, овладеть Феодосией и Пантикапеем. Надо полагать, что города азиатской части Боспора (и Горгиппия в их числе) оставались с Асандром. Фарнак вступил в сражение с Асандром и был смертельно ранен.

Разгром Фарнака войсками Цезаря в битве при Зеле упрочил позицию Рима как победителя Митридата и хозяина его бывшего царства. Для городов Боспора началась новая эра сложных взаимоотношений с Римом и зависимости от него.

После смерти Фарнака Гай Цезарь передал Боспор Митридату Пергамскому, сыну Митридата Евпатора (App. Mithr., 121). Митридат VII двинулся на Боспор через Кавказ. Асандр, видимо, чтобы сохранить власть, принял с ним сражение (Strab., XI, 2, 17 и XIII, 4, 3).

Тридцатилетняя деятельность Асандра на Боспоре (47–17 гг. до н.э.) некоторым образом стабилизировала положение государства[50]. Он провел широкие мероприятия по укреплению его обороноспособности, соорудив на европейской части государства вал со многими башнями (Strab., VII, 4, 1 и 6).

Археологические исследования последних десятилетий выявили сеть крепостей и на азиатской стороне Боспора, построенных, очевидно, также при Асандре. Сложная система укреплений опоясала остров, существовавший на месте северо-западной части современного Таманского полуострова, заключенный между Меотидой, Корокондамитским озером и протоком Антикита (Кубани), являвшийся важным административным округом в государстве[51]. Цепь укреплений тянется и далее к юго-востоку, она хорошо прослежена на участке между Горгиппией и Батами[52].

Подступы к Горгиппии с суши прикрывала мощная крепость, исследованная в 1978–1980 гг. около станицы Анапской (Табл. 15). Она занимает чрезвычайно выгодное положение на краю водораздела и природной возвышенности. С этой точки можно держать под контролем широкую равнину с выводящей из города дорогой и значительную полосу предгорий. На первом этапе существования укрепление у ст. Анапской являлось домом-башней (В) с примыкавшем к нему обнесенным каменной оградой хозяйственным двором (Д). Каменные стены здания достигали ширины 2,3 м, ограды двора — 1,7 м. Крепость располагалась на мысу, примыкая к естественному обрыву над ныне топкой местностью вдоль маленькой речки. Судя по топографии, мыс с юго-восточной стороны, по-видимому, был окружен рвом. Никаких следов земледельческо-хозяйственной деятельности и остатков неукрепленных жилищ на примыкающем к крепости равнинном участке обнаружить не удалось. Внутренняя площадь здания достигала 88 м^2. Первоначально оно делилось на два помещения стеной 12. Башня ориентирована углами по сторонам света, она имела ведущую во второй этаж лестницу, скорее всего, деревянную, которая упиралась в мощное каменное основание в северном углу постройки. Здание было крыто черепицей. Стены здания поставлены на материк, стена 5 перекрыла скорченное захоронение — очевидно, в эпоху бронзы на возвышенности существовал могильник.

Каменные стены башни уцелели в высоту на 1,7 м. На оба фаса каждой стены выведены большие камни, середину кладок заполняет каменный бут, углы выложены из особенно крупных камней. Каменной была только нижняя часть стен, возможно весь первый этаж башни. Верх ее был возведен из саманных кирпичей, так как слой гибели здания представляет собой некий монолит желто-оранжевой глины с золой, углями и кусками саманных кирпичей. Значительная толщина стен, применение двух материалов в кладках, наличие монументальной лестничной площадки позволяют предположить возведение в башне нескольких этажей общей высотой не менее 9–10 м. Величина и планировка дома имеют аналогии среди укрепленных усадеб более раннего времени в окрестностях Горгиппии и среди синхронных укреплений в горной местности под Новороссийском, подобные дома-башни известны в античную эпоху и в других регионах[53]. Глинобитный пол крепости вследст-

вие постигшего ее пожара приобрел оранжевую окраску. Возведение крепости вблизи станицы Анапской, судя по керамике, относится к I в. до н.э. (Табл. 16–18).

На расстоянии 2700 м к востоку от довлеющей над широкой округой крепости у ст. Анапской в 1960-е годы исследована синхронная ей укрепленная усадьба[54] с аналогичной планировкой в совхозе Рассвет. Возможно, подобная постройка того же времени исследовалась в 1880-е годы В.И. Сизовым в станице Натухаевской[55]. Рядом с Натухаевской между автодорогами, ведущими в Тоннельную и Раевскую, выявлен поросший колючим кустарником созданный искусственно каменистый холм с встречающимися на поверхности обломками амфорных стенок. По внешнему виду он похож на насыпи, скрывшие руины укреплений, раскопанных в совхозе Рассвет и около ст. Анапской. Очевидно, и он содержит аналогичное здание. Оно расположено на поле, на котором выявлено не менее десяти слабо возвышающихся над поверхностью каменистых пятен с керамикой античного времени. Каждое пятно подобно раскопанным в Джемете и Красной Скале должно скрывать дом, входящий в сельское поселение. Мы не знаем, взаимосвязаны ли хронологически и функционально выявленный холм и расположенные рядом с ним каменистые пятна. Возможно, каждое пятно скрывает самостоятельно укрепленный дом, подобно уже раскопанным домам эллинистического времени, в Джемете, на территории ближней хоры Горгиппии. Дома рядом с крепостью в Натухаевской могли быть и неукрепленными, подобно тому, как это установлено для синхронных крепостей Тамани и окрестностей Новороссийска. Дома-башни же вдоль восточной окраины государства независимо от того, примыкали к ним сельские поселения или нет, безусловно, выполняли особые функции. Укрепления, выявленные в ст. Анапской, совхозе Рассвет, в Натухаевской размещены в пределах видимости друг друга. Далее в предгорьях эту цепь продолжают укрепления в Цемесской долине, выявленные Новороссийской экспедицией[56]. В случае опасности каждая крепость могла подать соседней сигнал бедствия. Эти крепости должны были защищать земледельческие житницы азиатского Боспора и служить оплотом центральной власти государства[57]. Очевидно, эти близкие по характеру памятники, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, составляли единую систему обороны, сложившуюся в конце I в. до н.э. и определявшую границы Боспорского государства этого времени, они являлись его пограничным заслоном. Подобное расположение укрепленных пунктов, позволяющее поддерживать оптическую сигнальную связь, отмечено и для Нижнего Побужья в первые века н.э.[58]

Помимо укрепления сухопутных границ Асандр провел мероприятия по усилению морского флота[59], что должно было приятно отразиться на горгиппийской гавани. Сведений об особом положении Горгиппии в государстве

в период деятельности Асандра нет. Он не предоставил ей права городского чекана, в то время как сохранил его за Пантикапеем и Фанагорией.

После смерти Асандра для Боспора вновь наступили смутные времена. В конце его жизни смуту поднял самозванец Скрибоний, претендовавший на роль преемника Митридата Евпатора (Luc., Macrob., 17; Dion Cass., LIV, 24, 4). Роль отдельных городов государства, кроме Пантикапея, в этом событии нам неизвестна. Скрибоний очень скоро был устранен пантикапейцами, опасавшимися прямого выступления Рима. И действительно, Рим активно вмешался в дела Боспора, передав его понтийскому царю Полемону, женой которого по настоянию Августа становится вдова Асандра Динамия. Союз оказался недолгим, Полемон женится на Пифодориде (Strab., XII, 3, 29), связанной родственными узами с домом римских императоров. Динамия с сыном Аспургом удалилась на азиатский Боспор и оттуда возглавила борьбу с Полемоном, опираясь на дружину соседних с Горгиппией аспургиан, в плену у которых в 8 г. н.э. Полемон и был убит. При появлении Полемона боспорцы "оказали ему сопротивление из страха быть отданными под его власть. Он вступил с ними в битву и одержал победу", но не подчинил их до тех пор, пока "Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они сложили оружие и сдались Полемону" (Dion Cass., IV, 20). Эти события происходили в 14–13 гг. до н.э. Сдавшись Полемону, боспорцы не признали его власть над собой. Полемон был вынужден прибегнуть к карательным мерам. Он разрушил ряд крепостей на Таманском полуострове и неповиновавшейся ему Танаис. Д.Б. Шелов обосновал предположение, что Танаис был разрушен перед смертью Полемона[60]. Н.И. Сокольский полагал, что карательные меры последовали немедленно за событиями, описанными Дионом Кассием[61]. Так или иначе, но между 14 и 8 г. до н.э. в больших разрушениях и огне, действительно, гибнут укрепления Таманского полуострова и Танаиса. В I в. до н.э. погибло также укрепленное здание на Раевском городище[62]. Первое значительное разрушение крепости около станицы Анапской на подступах к Горгиппии произошло также, видимо, в период утверждения на Боспоре Полемона. Она погибла в сильном огне. Некоторое время спустя крепость была восстановлена, но в меньших размерах.

Короткий период деятельности на Боспоре Динамии и Полемона совпал по времени с наибольшей активностью римлян в Северном Причерноморье. В это время боспорские контингенты входили в регулярные и вспомогательные части римской армии, на население были возложены обязанности по снабжению продовольствием римских войск[63], на Боспоре прекращается золотой чекан[64], Август определяет, кто будет управлять Боспором, Пантикапей переименовывается в Кесарию, Фанагория получает название Агриппии[65]. В то же время, политическая зависимость от Рима способствовала развитию широких контактов с различными центрами обширной Римской импе-

рии. С I в. в Горгиппию начинают поступать италийские и рейнские бронзы, стекло и краснолаковая посуда западного производства.

Долгое время претендентом на боспорский престол оставался Аспург, но царем с согласия римского императора Тиберия он был провозглашен только в 14 г. н.э.[66] Аспург положил начало новой династии, правившей Боспором около четырех столетий. Он сохранил титул "великого царя", восходящий к понтийско-иранской традиции и присоединил к нему φιλορώμαιος — "друг римлян", что должно было означать не только союзнические отношения, но и необходимость для Боспора согласовывать свою политику с Римом[67]. Мы не знаем, кем управлялся Боспор между смертью Полемона и утверждением Римом Аспурга на царствование, то есть между 8 г. до н.э. и 14 г. н.э. Сохранилось официальное благодарение им Горгиппии за верность, проявленную городом, возможно, во время его поездки в Рим[68]. Горгиппия могла принять Аспурга значительно раньше и быть его резиденцией вплоть до утверждения во власти Римом. Аспургу в Горгиппии принадлежали кирпичные эргастерии, широко клеймившие продукцию его тамгой (Табл. 19). При Аспурге в римско-боспорских отношениях наметился переход к новому этапу, когда вместе с титулом "друга Цезаря" и "друга римлян" Аспург получает римское гражданство[69]. Государство при нем укрепилось. Аспург владел землями от Феодосии до Танаиса и держал в зависимом положении Херсонес[70].

К началу правления Аспурга относится первое засвидетельствованное эпиграфически определение Горгиппии полисом[71]. Гражданская община горгиппян — ὁ δῆμος Γοργιππέων — признавалась правоспособной административной единицей еще и в конце I в. н.э. (КБН 1118). Обломок надписи времени Савромата I (93/4–123/4 гг.), случайно найденный в 1981 г. в обрыве берега около гостиницы "Анапа", упоминает городской совет — ἡ βουλή[72].

Все это доказывает определенную автономию города, сохраняемую им до начала II в. н.э. Ранее были известны только три фрагментарные надписи с упоминанием буле, происходящие с территории Боспора. Одна из них, неизвестного времени, найденная в Тамани и ныне утерянная, только называет неизвестный совет (КБН 1100). Почетный декрет из Керчи фиксирует постановление совета и народа неизвестного полиса (по мнению некоторых исследователей Пантикапея). Декрет вырезан на привозном мраморе и за пределами Боспора. Это обстоятельство, по мнению других исследователей, исключает его связь с Пантикапеем (КБН 432. С. 279). Условно зафиксировано существование буле и в Фанагории, где найден плохо сохранившийся текст почетной надписи 130 г. н.э. с упоминанием совета и народа, предположительно, агриппийцев (КБН 982). Совет Горгиппии упомянут в связи с исполнением конкретной функции — распоряжением финансами. В горгиппийском декрете речь шла о единовременном взносе в связи с какими-то общими

нуждами полисной общины, и неизвестный нам фиас, почитавший своего бога, должен был передать Совету города определенную денежную сумму или проценты с нее. С.Ю. Сапрыкин полагает, что в Горгиппии мог быть создан царский денежный фонд, часть средств которого казначеи фиасов пускали в оборот для получения доходов, которые, в частности, шли на совершение религиозных обрядов и церемоний. Часть доходов от этих операций могла поступать в полисную казну. В Совете же определенные лица должны были следить за поступлением и расходованием денежных сумм и процентов от них[73].

Сохранение в первые века н.э. полисных институтов в рамках Боспорского царства находилось в соответствии с общей тенденцией, упорно поддерживаемой многими городами Восточного Средиземноморья, включенными к тому времени в состав Римской империи, некоторые объединения даже вновь получали статус полиса во II в.[74] Термины ἡ βουλή и ὁ δῆμος Γοργιππέων в I и II вв. н.э. безусловно подтверждают длительность существования в городе органов власти демократического типа, однако, реальное их значение было, по-видимому, очень ограничено. Статус полиса Горгиппии был чисто номинальным. В начале I в. при некоторой самостоятельности полная зависимость города от центральной власти очевидна. Горгиппия входила в общую административную систему Боспора, царь приказывал городу и поощрял его[75], основное делопроизводство в городе осуществляли направлявшиеся им чиновники. Они заведовали отдельными отраслями государственного управления и обеспечивали соблюдение гражданами как коренных законов государства, так и частных постановлений царя. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о должностных лицах Горгиппии крайне недостаточны, носят случайный характер и не воссоздают цельной картины политического устройства города. Тем не менее, они позволяют ограничить сферу деятельности и определить значение некоторых магистратур. Наиболее полно в эпиграфических документах представлена деятельность царских чиновников, о городских же магистратурах в большинстве случаев приходится только догадываться, что также косвенно подтверждает номинальное существование в городе органов самоуправления.

Основной обязанностью царских чиновников являлось взимание налогов в царскую казну. Один из двух рескриптов Аспурга, найденных в 1962 г. при строительных работах во дворе гостиницы “Анапа”, частично раскрывает фискальные взаимоотношения города с центральной властью: горгиппияне вносили в царскую казну пропорциональную поземельную подать, учитывающую колебания урожая, а именно, одну одиннадцатую с вина, пшеницы, ячменя и одну двадцатую с проса[76]. Очевидно, эти культуры являлись основными из возделываемых, но урожай и других всевозможных плодов также должен был облагаться налогами. Этот рескрипт является единст-

венным свидетельством для всего Боспора о величине полисного фороса. Ясное изложение налоговых обязательств полиса перед центральной властью позволяет сопоставлять эти сведения с системой поземельного обложения в других эллинских государствах, где помимо взимания твердо фиксированных сумм (Египет), известны примеры и пропорционального обложения, главным образом десятиной, которая существовала, например, в Афинах, Карфагене, на Сардинии, в царстве Селевкидов и Малой Азии[77].

В связи с определением величины поземельного налога встает вопрос о системе организации хоры Горгиппии. Данные по этому вопросу практически отсутствуют. Одинаковая на первый взгляд распланировка земель в окрестностях города на небольшие наделы не исключает сложной организации территории, принадлежащей городу. Помимо родовых земель, должны были существовать земли городской общины, царские, храмовые и прочие. Именно общинные земли могли сдаваться в аренду, родовые наделы могли продолжать сложившуюся традицию местных племен, включенных в состав Боспора. Данные, которыми мы располагаем, позволяют лишь ограничить зону активности полиса, радиус ее был не менее 25 км.

Надпись из Горгиппии времени Савромата II (174–210 гг.) засвидетельствовала наличие в городе подати в пользу царской казны с торговли и мореходства — вывозной пошлины на хлеб (КБН 1134). Первый издатель надписи В.В. Латышев, восстановив текст, предположил, что царь дал освобождение городу от ввозной пошлины и тем самым помог ему при недостатке хлеба[78]. По мнению Миннза царь уплатил собственный вступительный взнос, став членом горгиппийского фиаса навклеров, это мнение разделяли и другие исследователи[79]. Наконец, С.А. Жебелев отклонил предложенное В.В. Латышевым восстановление [εἰσ]αγώγιον (пошлина за право ввоза груза в гавань) и обоснованно предложил термин [ἐξ]αγώγιον (пошлина на право вывоза). В данном случае в пользу верховной власти облагались купцы-судовладельцы, объединенные в фиас навклеров[80]. Стоимость вывоза тысячи артаб зерна вошла в затраты на возведение храма богу Посейдону вместе со статуями. Если на Боспоре была распространена египетская артаба, равная 3,5 римских модиев, 1000 артаб соответствовали 29 тоннам. Если в ходу была мидийская артаба, 1000 артаб составляли 58 тонн. Какую денежную сумму составлял вывоз 1000 артаб зерна определить нельзя. Известно только, что в IV в. до н.э. вывозная пошлина на Боспоре равнялась 1/30 стоимости вывозимого товара (Dem., XX, 32), мы не знаем, сохранялась ли эта величина неизменной до первых веков н.э.

Сбор пошлин в Горгиппии сдавался на откуп, о чем свидетельствует название должности ἐνκυκλίων οἰκονόμος, известной на Боспоре только по горгиппийской надписи времени Савромата II (КБН 1134)[81]. Лицо с этим титулом являлось государственным магистратом и ведало пошлинами, сборы

которых отдавались на откуп разным лицам. Этот чиновник возглавлял коллегию откупщиков и объединял наемных чиновников, через которых осуществлялся сбор средств в царскую казну. Даже имеющиеся скудные данные об откупах важны, так как доказывают единый принцип финансовой организации Боспора и многих соседних эллинских государств. Все государственное хозяйство античного общества было основано на откупе, государство продавало право сбора податей, обеспечивая необходимую сумму имуществом откупщиков и их поручителей. В Афинах уже в V в. до н.э. была развита система свободной отдачи на откуп государственных доходов. Эпиграфические документы засвидетельствовали широкое развитие откупной системы в эллинистическое время в различных частях Греции, Сирии, Сицилии и Малой Азии — в Македонии, Пергаме, Кизике, Пальмире, Византии, Эфесе, на Делосе, а позднее во всех римских провинциях. На откуп сдавались сборы прямых и косвенных налогов, подати взимали деньгами и натурой, в виде пропорциональных сборов и определенных годовых сумм. Налог на пахотную землю, виноградники, сады и скот, таможенные пошлины, рыночные налоги на куплю продажу, подушные подати, налоги на ремесло, недвижимое имущество и наследство, выделку и продажу растительного масла, сборы на государственных дорогах, аукционные пошлины, плата за отпущение рабов, — все эти виды обложения, как и многие неперечисленные, в различные периоды и в различных центрах античного мира взимались посредством откупа, на откупе находились и храмовые доходы[82]. Наиболее полные сведения об организации откупного дела, развившегося из греческих основ, сохранились в папирусах Египта, как птолемеевского, так и римского времени. С развитием античного общества совершенствовалась и усложнялась система откупа, происходило постепенное стеснение откупа контролем и укрупнение его, слияние откупщиков с чиновниками. Ранее свободный откуп отдельных лиц повсеместно перерос в сложную систему коллегий откупщиков с многоступенчатым дроблением ответственности и аппаратом подсобного персонала откупа.

Откупная система Боспора даже в первые века н.э. стояла ближе к системе мелкого государственного откупа Греции, Малой Азии и Египта, чем Римской империи и была основана на территориальном делении государства. Подобно тому, как центральная власть направляла в Горгиппию наместника для управления городом, чиновник ὁ ἐπὶ τῶν λόγων, исполнявший функции министра финансов, и ведавшая доходами государства специальная коллегия ὅ ἐπὶ τοῦ προσοδικοῦ ἐπιστολογραφίου[83], размещавшаяся в Пантикапее, видимо, должны были устанавливать нормы откупа для различных территорий царства, в том числе и для полиса Горгиппии. Эти верховные финансовые органы должны были направлять на места своих представителей — ведающих отдачей пошлин на откуп. Горгиппийский документ навклеров (КБН 1134)

называет сразу трех таких чиновников, которые могли представлять и несколько единовременно существовавших коллегий откупщиков. В системе откупов Горгиппии, как и всего Боспора, остается много неясного. В частности, мы не знаем, уплачивались откупные суммы деньгами или натурой, был ли откуп разделен территориально, нет сведений о сроках откупных товаров и способе сдачи сведений сбора. Помимо Горгиппии, в Северном Причерноморье откупная система документально засвидетельствована в Ольвии, где право заведования откупами принадлежало народному собранию[84].

Горгиппийская надпись середины II в. впервые на Боспоре называет должность ὁ ἐπὶ τῶν φείσκων, ее исполнял некий Гай, сын Фарнакиона[85]. Основываясь на имеющихся параллелях в Римской империи, где в фиски помещались находившиеся в собственном распоряжении императора средства в управляемых им провинциях (в отличие от государственной казны), А.И. Болтунова полагает, что "фиск" на Боспоре означал хранилище средств, находившихся в распоряжении верховного правителя государства и в ведении царской администрации[86]. Города Боспора имели свою автономную казну, находившуюся в ведении городских общин и городских магистратов. Городские доходы тратились на сооружение храмов, возведение статуй боспорским царям и другие нужды (КБН 942, 979, 982, 983, 1118, 1247). Свою казну имели и крупные боспорские святилища (КБН 942, 976). Следуя за А.И. Болтуновой, повторим, что государственная казна на Боспоре находилась в ведении чиновника ὁ ἐπὶ τῶν λόγων, ему была подчинена канцелярия, которую возглавляла коллегия ὁ ἐπὶ τοῦ προσοδικοῦ ἐπιστολογραφίου. Существовала на Боспоре и царская сокровищница, управление которой входило в систему управления царским двором. Горгиппийские рескрипты Аспурга и надпись навклеров сообщают нам о конкретных доходах, пополнявших казну боспорского царя — пошлинах на сельскохозяйственные продукты, экспортных сборах, конфискациях наследства. По имеющимся документам можно предположить, что горгиппийским фиском занимался чиновник ὁ ἐπὶ τῶν φείσκων, в других местах царства также были подобные держатели фиска. Распределением сумм, собиравшихся в фисках, распоряжались согласно приказам царя его экономы, подобные горгиппийским Панталеонту и Феангелу, названным в письме Аспурга[87].

Второй рескрипт Аспурга 1962 г. свидетельствует об обязанностях царских чиновников по опубликованию распоряжений царя и введению нового порядка в области гражданского права, а именно, восстановлению правил родственного наследования — κληρονομία — согласно наследственному закону Митридата Евпатора[88]. Следовательно, между правлением Митридата VI Евпатора и Аспурга (63 г. до н.э. — 10 г. н.э.) этот закон уже менялся центральной властью, новый был менее выгоден для горожан — видимо, какая-то часть наследства конфисковалась государством.

Проведение в городе капитальных строительных работ осуществлялось боспорским царем также через своих чиновников. Из надписи, найденной в 1964 г. в 7–8 км к северо-западу от Анапы, известно, что Савромат I (93/4–123/4 гг.) "снесенные стены города воздвиг от основания, дав их городу приумноженные по сравнению с границами предков" (КБН 1122). Несомненно, царь придавал серьезное значение обороноспособности Горгиппии, а поэтому предпринял солидные затраты и произвел большие строительные работы, обнеся город новыми стенами, расширив при этом его территорию. Одновременно Савромат I произвел восстановление "находившихся в небрежении" городских сооружений другого периферийного полиса — Танаиса[89]. Савромат I, а за ним и Котий в 123 г. вели войны с тавроскифами. Особенно активной в отношении соседей была военная политика Савромата II (174–210 гг.) — он завоевал сираков и присоединил к Боспору Таврику (КБН 1237), эти владения удерживал и Рескупорид III (210–226 гг., КБН 1008). Очевидно, во второй половине I или II вв. заново строится укрепление в станице Анапской. На слое пожара (–169) мощного сооружения рубежа тысячелетий возникает небольшая крепостица, ограниченная стенами 10 и 12 "а" (Табл. 15). В ее кладках использованы камни предыдущего оборонительного сооружения, однако, не самые крупные. Внутренняя стена ранней постройки укрепляется дополнительным панцирем 12 "а" и тем самым превращается в наружную стену башни. Слой гибели этой последней крепости античного времени у станицы Анапской уничтожен возведенной на ее месте турецкой башней. На памятнике найдены отдельные фрагменты амфор II–III вв. до н.э., которые, должно быть, и относятся к маленькой поздней башне. Поскольку II в. н.э. был временем небывало широкого строительства Горгиппии, и возведение укрепления было бы городу по силам, можно предположить, что к этому времени отпала необходимость в мощном заслоне на месте старой крепости. Город был окружен усмиренными племенами, имел свои мощные стены, крепостица в станице Анапской могла выполнять теперь роль контрольно-сторожевого пункта.

Горгиппийские стены царь восстановил "попечением Пофа". Лакуны в надписи не позволяют выяснить, поручал ли он восстановление стен одному Пофу, либо группе своих чиновников (КБН. С. 656)[90]. Отсутствие в надписи официального названия должности Пофа не является исключительным. В рассмотренных рескриптах Аспурга царь также обращается к двум чиновникам, Панталеонту и Феангелу, только по имени. Очевидно, эти лица были достаточно известны в городе, а обычай обращаться к своим чиновникам по имени был распространен в эллинистических монархиях.

Две надписи из Горгиппии содержат название одной из должностей высшей администрации царства — ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας. Одна надпись, приобретенная Н.И. Веселовским в Анапе, изданная В.В. Латышевым,

относится ко второй половине II или началу III в. н.э. (КБН 1134). Надпись свидетельствует, что лицо, обладающее указанным титулом, выполняет одновременно функции жреца горгиппийского фиаса навклеров. Другая надпись, найденная в 1947 г. Н.В. Анфимовым при кладке фундамента гостиницы "Анапа", изданная А.И. Болтуновой (КБН 1120), датируется первой половиной III в. и свидетельствует об установке статуи царя Боспора лицом, занимающим указанную должность. Эта должность документально засвидетельствована только в Горгиппии. Назначение ее разными исследователями трактуется различно, как и назначение ранее известной в Пантикапее и Танаисе должности ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας. Фрагмент надписи, обнаруженной в 1962 г. в перекопанном грунте во дворе гостиницы "Анапа", возможно, свидетельствует о существовании этой должности также и в Горгиппии. Впрочем, по обломку второй половины II в. возможно восстановление названия магистратуры и как "наместника" города, считает издательница надписи[91].

В.В. Латышев отождествлял эти две должности, а магистрата, обладавшего титулом ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, определял как правителя европейской части Боспора, наместника царской области, он впервые отметил, что эта должность не была пожизненной [92]. С.А. Жебелев этот титул трактовал как правителя царской резиденции, то есть Пантикапея, а в прибавке слова πρῶτος предлагал видеть свидетельство того, что у "градоначальника" Пантикапея были помощники[93]. То обстоятельство, что один из известных ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας — некий Афинадор, сын Селевка — исполнял обязанности жреца в горгиппийском фиасе навклеров и тем самым разделял руководство фиасом с другими городскими магистратами, само по себе сделало несостоятельным мнение С.А. Жебелева, так как лицо это, несомненно, проживало в Горгиппии и не могло являться "градоначальником" Пантикапея. Показательно, что это высшее должностное лицо исполняло в фиасе важные обязанности жреца. На Боспоре срок жречества отбывали сыновья царей, правившие впоследствии государством (КБН 25); сочетание жреческих функций с царской властью известно в древнем мире повсеместно. В.Ф. Гайдукевич, исходя из множественных лиц, обладающих званием ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας пришел к мысли, что таким образом назывались царские чиновники для любых особенно важных поручений (КБН. С. 65, 66, 654). А.И. Болтунова убедительно доказала, что деятельность этих чиновников протекала в различных местах Боспорского царства, она документально засвидетельствована в Пантикапее, Танаисе и Горгиппии, причем, в последней во времена Савромата II жил глава этой коллегии — ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας. А.И. Болтунова предположила, что чиновники с этим титулом управляли в разных районах царства землями, доходы с которых составляли личную собственность царя [94]. Исходя из разветвленности аппарата чиновников на Боспоре во II–III вв. н.э., представляется вероятным, в свою очередь, предположить, что из-

вестные по горгиппийским надписям ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας возглавляли не боспорскую коллегию ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, а горгиппийскую коллегию этих магистратов. Такие коллегии со своими управляющими могли существовать в различных частях царства, в том числе и в Горгиппии, возможно, они объединяли царских чиновников, на попечении которых находились разные отрасли хозяйства и финансовые операции, имевшие непосредственное отношение к царским доходам. Подобное толкование должности объясняет и существование в городе параллельно с ней должности царского наместника, под контролем которого находилась жизнь полиса. Коллегиальность магистратур была широко распространена в античном обществе, в том числе и в Северном Причерноморье.

Горгиппией управляли представлявшие верховную власть особые наместники, носившие титул ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας. Портовый город, расположенный на плодородных землях, который вел оживленную торговлю хлебом и служил опорой на юго-западном рубеже, был особенно важен для государства, поэтому цари назначали для управления им специальных чиновников. Известно, что подобные чиновники управляли еще одним не менее важным пограничным городом — Феодосией (КБН 64 — ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας). Для управления основной частью Таманского полуострова (в древности острова) была учреждена специальная магистратура начальника острова. Должность наместника Горгиппии упоминается в шести надписях II–III вв. н.э., найденных в Анапе (КБН 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214). Из них известно, что наместником царя в Горгиппии в 110 г. был некий Фарнакион, сын Пофа, а в 187 г. эту должность занимал Неокл, сын бывшего наместника Горгиппии — πρὶν ἐπὶ τῆς Γοργιππείας — Неокла, сына Геродора. Наместник Горгиппии в период правления Савромата II — Майродор, сын Неокла, — совмещал эту должность с обязанностями синагога в фиасе навклеров (КБН 1134). Аналогичное совмещение должностей в неизвестном фиасе отмечает еще одна надпись (КБН 1132). Царские наместники входили в число наиболее состоятельных граждан города. Один из них, например, воздвиг на собственные средства храм Афродите Наархиде (КБН 1115), почитавшейся в портовом городе, очевидно, наравне с Посейдоном. В восстановлении же храма Посейдону участвовал царь (КБН 1134).

Наместнические функции и другие наиболее ответственные магистратуры в Горгиппии, одном из крупнейших городов царства, могли исполнять члены царской семьи. В 1975 г. на горгиппийском некрополе исследовался погребальный комплекс из двух склепов и скальной гробницы, содержащий много золотых и высокохудожественных изделий. Усыпальницы принадлежали семье знатного гражданина города. На фресках каменного склепа представлены подвиги Геракла, признававшегося родоначальником правившей на Боспоре династии. На центральном щитке золотого венка изображена Афро-

дита Урания, покровительница государства. Резной италийский николо с фигурой Афины Парфенос на массивном литом золотом перстне из скальной гробницы дополнен вырезанной в Северном Причерноморье царской тамгой, он служил печатью[95]. Учитывая этот набор, можно допустить, что семья, владевшая усыпальницами, была родственна царскому дому.

Горгиппийские надписи упоминают и некоторые военные магистратуры. В частности, среди списков фиасов II – начала III вв. шесть раз названа должность стратега — στρατηγός (КБН 1134, 1141, 1179)[96]. Эта должность известна на Боспоре еще в Пантикапее (I в.; КБН 382, 827) и Танаисе (II – начало III в.)[97]. Сводка различных мнений относительно характера деятельности стратегов составлена В.В. Латышевым, им же отмечено, что только эпиграфические документы из Ольвии безусловно свидетельствуют о том, что стратеги представляли высшее военное начальство[98]. Распространялась ли деятельность стратегов на какие-нибудь отрасли гражданского управления Горгиппии, неизвестно. На ранних этапах развития городов-государств в некоторых из них существовали специальные коллегии стратегов. В Ольвии в греко-скифский период стратеги составляли ежегодно сменяемую коллегию из шести человек во главе с "президентом". В Горгиппии документ навклеров упоминает трех стратегов единовременно. Надпись, найденная во дворе гостиницы "Анапа", в списке лиц перечисляет двух стратегов[99]. Не ясно, однако, имел ли город свою коллегию стратегов, либо эта коллегия была общегосударственной. Безусловно, в таком стратегически важном центре, как Горгиппия, должность стратега, если рассматривать ее как военную магистратуру, относилась к разряду государственных. В императорскую эпоху, однако, стратегами повсеместно называли и гражданских магистратов, они занимались финансами, снабжением, сбором пошлин и надзором[100].

Помимо стратегов из военных магистратур горгиппийские надписи упоминают лохагов (λοχαγός) и тагматарха (ταγματάρχης). Лохаги отмечены трижды среди списков неизвестных фиасов II – начала III вв. н.э. (КБН 1136, 1179)[101]. Возможно, из Горгиппии происходит еще одна надпись с упоминанием должности лохага, найденная в западном Прикубанье, датируемая второй половиной II в. (КБН 1231). На Боспоре должность лохага засвидетельствована в Пантикапее, Фанагории и Танаисе (КБН 36, 1000, 1051, 1251а). Первоначально лохаг — командир лоха, военного отряда. В.В. Латышев относительно этой магистратуры на Боспоре предполагал, что название ее употреблялось не в собственном значении, а только обозначало одного из высших военных чиновников[102]. Во всех указанных надписях, в том числе и горгиппийских, лохаги лишь называются без определения круга обязанностей. Известно, что должность лохага не была пожизненной: пантикапейская надпись упоминает πρὶν λοχαγοῦ (КБН 36). А.И. Болтунова отметила, что в наиболее значительных центрах Боспора, имевших полисную организацию, в каждом

был свой лохаг. Горгиппийский лохаг исполнял обязанности в своем городе, являясь членом городского фиаса наряду с другими его гражданами[103]. По-видимому, должность лохага также следует отнести к разряду государственных магистратур.

Должность тагматарха на Боспоре засвидетельствована только в Горгиппии. Названием ее устанавливается условно из надписи II в. (КБН 1213). Круг обязанностей этого чиновника неизвестен. Название магистратуры может происходить от военного термина τάγμα — строй, отряд.

Перечисленные должности относятся к рангу общегосударственных, городские магистратуры нам не известны. Можно отметить только, что подобно другим центрам Боспора Горгиппии не был чужд институт эпимелейи — добровольного почетного попечительства о городских делах, преимущественно касающихся строительства. Известно, например, что наместник города в правление Савромата I воздвиг на собственные средства храм Афродите Наархиде (КБН 1115), однако, эпимелетов упоминают только две надписи[104] (КБН 1122).

Одна из горгиппийских надписей середины II в. называет архитектора — ἀρχιτ[έ]κτων — Папия, сына Хорегиона[105]. Боспорские архитекторы упомянуты в надписях Тамани и Танаиса. Они возводили укрепления (КБН 1112), отстраивали заброшенные источники и башни (КБН 1249, 1250), устраивали рыночные площади (КБН 1245), действуя при этом часто на средства эпимелетов. Очевидно, архитектором называлось не должностное лицо, а специалист особой квалификации.

Кроме рассмотренных горгиппийские надписи сохранили названия ряда синодальных должностей. В городе найдены документы фиасов (КБН 1129–1136) и множество обломков надписей со списками личных имен, большая часть которых, по-видимому, также относится к эпиграфическим документам этих обществ (КБН 1138–1191)[106]. Всего с фиасами связано не менее 90 надписей, что значительно превосходит подобные собрания в других городах Боспора, в том числе и Пантикапее. Исследованию различных обществ как в Греции, так и на Боспоре посвящена обширная специальная литература[107]. Однако при рассмотрении деятельности союзов на широком фоне общественной и религиозной жизни античного мира ученые не приходят к единому мнению в толковании их деятельности, что объясняется отрывочностью имеющихся разнородных сведений.

Подобно другим центрам Боспора горгиппийские объединения в сохранившихся документах обычно определяются фиасами — θέασος, однажды общество названо синодом — σύνοδος (КБН 1135). Члены фиасов в Горгиппии именуют себя только фиаситами — θεασεῖται (КБН 1129, 1132, 1134), в то время как в Танаисе, например, называют себя еще συνοδεῖται и οἱ εἰσποιητοὶ ἀδελφοί ("братья").

Надписи горгиппийских фиасов содержат определенный перечень должностных лиц общества, упоминаемых, как правило, в определенной последовательности. Названия этих должностей полностью не совпадают с терминологией фиасов других центров. Наиболее распространенной является заглавная формула: θεασεῖται περὶ ἱερέα — "фиаситы во главе с жрецом" (КБН 1132, 1134, 1135, 1136), распространенная также в надписях обществ других городов, в частности, Танаиса. Из этой формулы явствует, что фиасы возглавлял служитель культа — жрец. Вторым лицом в фиасе был синагог, он всегда упомянут непосредственно за жрецом (КБН 129,1131–1136)[108]. Очевидно, термин συναγωγός также имел культовое значение, он был широко распространен в Египте, на Делосе, во Фракии и других местах. Поланд полагал, что синагог председательствовал в союзе и собирал членов на религиозные празднества[109]. Некоторые дела синагог мог вести самостоятельно, возглавляя фиаситов без жреца (КБН 1133). За жрецом и синагогом надписи горгиппийских фиасов называют фронтистов (КБН 1129, 1132, 1134, 1135, 1136). Фронтисты в составе синодов обычно множественны, но действуют и по одному (КБН 1135). Термин φροντιστής трактуется последователями как "попечитель" фиаса.

Лица, руководящие горгиппийскими фиасами, совмещают обязанности в фиасах с исполнением общегосударственных должностей. Так, жрец фиаса навклеров был ὁ πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας (КБН 1134), а синагог того же фиаса являлся одновременно наместником Горгиппии; жрец мог совмещать свою должность с обязанностями лохага (КБН 1136), фронтист был казначеем священных сумм (КБН 1134).

За фронтистами во всех документах перечисляются поименно простые члены общества — θεασεῖται. Среди этих фиаситов в числе прочих упомянуты стратеги — три единовременно (КБН 1134), ведающие отдачей пошлин на откуп — также три единовременно (КБН 1134), казначей священных сумм — ἱερῶν οκονόμος (КБН 1129, 1130, 1134), ведающий святынями — ὁ ἐπὶ τῶν ἱερῶν (КБН 1129), охранитель сирот — ορφανοφύλαξ (КБН 1129, 1130), гимнасиарх — γυμνασίαρχος (КБН 1140). То обстоятельство, что все эти должности упомянуты отдельно от руководства фиасов — жреца, синагога, фронтистов — иногда даже не в начале, а в середине списка рядовых членов общества, скорее, свидетельствует не в пользу синодального характера этих магистратур, однако, большинством исследователей многие из них вменяются в обязанности именно союзов. Как отмечалось, должность стратега была магистратурой государственного ранга, таковой должна была быть и должность распределителя откупов. Должность охранителя сирот известна на Боспоре только в Горгиппии (II в. н.э. КБН 1129, 1130). Ксенофонт (О доходах, II, 7) сообщает о существовании ее в Афинах. Считается, что фиасы брали на себя обязанности по погребению членов союза. В Пантикапее докумен-

3 Зак. 1779

тально засвидетельствованы действия обществ по установлению надгробных памятников в честь усопших членов фиаса. Естественно поэтому предположить, что располагая общими средствами, члены союзов брали на себя и заботы о сиротах своих членов. В.В. Латышев колебался решить, была ли указанная магистратура городского ранга или она являлась должностной обязанностью фиасота (I0sPE, IV, 246). Н.И. Новосадский без сомнения определял ее как магистратуру общества, основываясь на том, что документ, упоминающий охранителя сирот, перечисляет должностных лиц только фиаса. Следует, однако, пояснить, что должность охранителя сирот названа не среди руководства союза, а в перечне рядовых фиаситов, не имеющих никаких должностей, что, а наш взгляд, скорее позволяет возводить разбираемую магистратуру в ранг полисных. Таково же место и гимнасиарха в надписи середины II в., что также позволяет отнести магистратуру к разряду полисных. На Боспоре гимнасиарха упоминает пантикапейский декрет (КБН 823). В Танаисе магистратура гимнасиарха названа среди синодальных (КБН 1260а). В Горгиппии, где документально засвидетельствовано многолетнее проведение праздничных состязаний, должность гимнасиарха, связанная с воспитанием юношества, по-видимому была общегородской.

Должность ἱερῶν οἰκονόμος определяется исследователям как "казначей священных сумм, руководитель финансовыми делами фиаса, финансовый распределитель жертвоприношений" (КБН 1130). В документе горгиппийских навклеров казначей священных сумм является одновременно фронтистом фиаса (КБН 1134). Другой фронтист того же фиаса, упомянутый первым, дополнительной должности не имеет. Еще две горгиппийские надписи, в которых название должности казначея священных сумм сохранилось не полно и восстановлено (КБН 1129, 1130), упоминает магистрата с этим титулом среди прочих фиаситов. Место лица в надписи, где строго определен порядок должностного перечисления, является решающим фактором в раскрытии характера магистратуры. Вряд ли лицо с такими финансовыми полномочиями в союзе упоминалось бы в общем списке рядовых фиаситов. В то же время, в масштабах полиса магистратура ἱερῶν οἰκονόμος, очевидно, была далеко не второстепенной, так как мы видели, фиасом навклеров руководили лица самых высоких рангов, казначей же священных сумм являлся в фиасе фронтистом.

Так же и должность "ведающего святынями" была государственной. Во II в. кроме Горгиппии на Боспоре она известна в Фанагории и Гермонассе (КБН 976, 1045). В этих двух городах чиновники с указанным титулом действуют от лица царя (Римиталка в Фанагории, Савромата I — в Гермонассе), их попечением восстанавливаются храмы. В Горгиппии должность ведающего святынями упомянута в плохо сохранившейся надписи (КБН 1129). По-види-

мому, лицо с этим титулом в неизвестном фиасе исполняло обязанности синагога, что само по себе подтверждает экстраординарность магистратуры.

Все бесспорные документы фиасов Горгиппии относятся ко II, второй половине и началу III вв. н.э. Фиасы объединяли только мужчин, число членов обществ, судя по наиболее сохранившимся надписям, приближается к тридцати, фиас навклеров объединял не менее 45 человек. В сравнении с горгиппийскими в Танаисе были как более малочисленные, так и вдвое их превышающие. Танаисские фиасы, надписи которых сохранили упоминание божества, посвящены только безымянному богу и лишь одна надпись свидетельствует об объединении людей, отмечающих день Танаиса[110]. В Горгиппии также был распространен культ Бога высочайшего, о чем свидетельствует ряд найденных в городе манумиссий (КБН 1123, 1125, 1126) и посвятительная надпись 1980 г.[111] Лишь только один документ из Горгиппии может косвенно свидетельствовать о создании специального союза граждан, объединенных вокруг культа Бога внемлющего[112]. Одна из горгиппийских надписей сообщает об объединении навклеров города вокруг культа Посейдона. Среди множества надписей фиасов (боспорских и в метрополии) этот документ особенно важен именно упоминанием навклеров. Он подтверждает предположение о профессиональном характере объединений. Горгиппийский союз навклеров не одинок. Объединение навклеров, почитавших также Посейдона, существовало во II в. до н.э. на Делосе, известны союзы афинских и римских купцов, союз пальмирских торговцев в Копте[113]. Тем не менее, горгиппийский союз навклеров представляет собой уникальное явление. В Римской империи фиасы превратились из добровольных объединений единомышленников в принудительные союзы. Кроме того, отношение римских властей к профессиональным коллегиям часто было настороженным, основание их не поощрялось из-за опасения, что эти общества могут стать центром оппозиционных идей[114]. Поэтому горгиппийский союз на общем фоне выступает как исключение — ему покровительствует царь, в чем следует видеть пережиточность эллинистических традиций в римское время.

Мнения многочисленных исследователей фиасов наиболее расходятся в толковании назначения союзов. В зависимости от позиции авторы приводят доводы как в пользу чисто религиозного характера обществ, так и в защиту их торгово-производственного назначения. Замечено, что в тех случаях, когда мы имеем дело с объединениями, члены которых являлись представителями тех или иных профессиональных группировок, эти последние обязательно указываются. Так, известны объединения земледельцев, охотников, рыболовов, ремесленные коллегии плотников, кожевников, штопальщиков, сукновальщиков, красильщиков, корабельщиков, лодочников, гончаров, медников, мастеров серебряных дел, хлебопеков[115]. К сожалению, при множественности документов разнообразных горгиппийских обществ нет никаких

данных для частного их определения — выяснения полномочий союзов, длительности существования, обязанностей их членов, принципов объединения жителей. Интересен установленный для Танаиса факт единовременного существования нескольких коллегий, объединенных культом Бога высочайшего[116]. Соответствовало это положение территориальному делению города или Бог высочайший покровительствовал разным видам деятельности, — эти и многие другие вопросы относительно организации фиасов за неимением данных пока решены быть не могут. Высказывалось мнение и относительно военно-религиозного характера фиасов[117], однако, Для Горгиппии мы не располагаем в настоящее время никакими данными, подтверждающими вероятность такого предположения.

Безусловно ясно, что фиасы Горгиппии, как и других боспорских городов, имели большую социальную значимость, они включали в число своих членов наиболее выдающихся граждан и стоящих у власти лиц. Первые магистраты города занимали первые должности в фиасах. Таким образом, союзы представляли интересы самой богатой и влиятельной части общества, способствуя развитию разных сфер деятельности, приносящих наибольшие прибыли. Во II–III вв. крупные землевладельцы были в то же время купцами, державшими основную торговлю хлебом, одновременно они занимали высшие магистратуры, что и фиксирует документ навклеров, возможно, эти лица имели и эргастерии. Не случайно поэтому в Танаисе надписи фиксируют одно лицо, исполнявшее первые должности в двух фиасах одновременно[118]. Так же и в Пантикапее во II в. одного усопшего почтили надгробиями два фиаса (КБН 80, 81), Тем не менее, как и в Танаисе, в горгиппийских союзах знатные лица города занимали ведущие должности в фиасах, составляя в них небольшой процент, растворяясь в массе рядовых членов. Значит, фиасы Горгиппии, как и Танаиса, не были замкнутыми аристократическими обществами. Очевидно, они сплачивали свободных граждан, собственников различных рангов, объединенных интересами одного дела. Каждое общество имело соответствующего религиозного покровителя, на основе почитания которого делались денежные сборы, сооружались постройки общественного характера, созывались собрания, устраивались трапезы. Общества несли в себе как пережиток истинного полиса идею равенства, на деле же мнимого подобно номинальности полисного статуса городов в жестких рамках государства с сильной центральной властью. Обилие найденных в Горгиппии обрывков синодальных списков свидетельствует в пользу множественности в городе различных обществ.

История Боспора первых веков новой эры неразрывно связана с историей Рима. Начиная с правления Динамии, Рим осуществляет над Боспором протекторат, определяя порядок престолонаследия. Одновременно в государстве развиваются и антиримские настроения. Попытка отложиться от Рима

была предпринята вскоре после смерти Аспурга. Согласно династическим традициям Боспора власть в этот момент должна была перейти к его старшему сыну Митридату, который в 39/40 г. и объявил себя царем. Этому событию предшествовало короткое единоличное царствование жены Аспурга Гипеперии, матери Митридата. Правивший в Риме император Калигула постановлением сената возложил управление Боспором и Понтом на фракийского царевича Полемона II (Dion Cass., LIX, 12, 1). Сменивший Калигулу Клавдий вынужден был признать Митридата VIII, он же, в свою очередь, стал проводить независимую от Рима политику, провозгласив себя "другом отечества" (КБН 1123). Его планы были раскрыты римскому императору братом Митридата Котисом. В благодарность Клавдий объявил Котиса царем Боспора, оказав ему военную поддержку легионами. После ухода римских войск оба брата вели ожесточенную борьбу на азиатской стороне Боспора. Митридат опирался на сарматское племя сираков, Котис на сторону боспорского войска привлек сарматское племя аорсов (Tac. Ann., XII, 15–21 = SC, II. С. 238–241). Разорительная междоусобная война братьев коснулась и Горгиппии. В ее окрестностях, в районе современного поселка Сукко, обнаружен клад монет, время зарытия которого относится к короткому промежутку деятельности Митридата VIII, царствовавшего до 45 г.[119]

Видимо также, в ходе этой борьбы вместе с другими соседними укреплениями[120] вторично гибнет крепость у станицы Анапской. После разрушений, предположительно времени Полемона, она была восстановлена. При этом уровень полов внутри башни поднялся на 0,3 м (до отметки –207), часть каменной опоры лестницы, западный фас стены 12 и камни ограждения входа 15 легли на зольные пятна слоя гибели первого строительного периода (Табл. 15). Восстановленную крепость уничтожил пожар, произошедший после смерти Аспурга, в ней пользовались сосудами и применяли кирпичи с тамгой этого царя.

В первые века н.э., но не ранее середины I в. на горгиппийском некрополе появляется новый тип погребальных сооружений: большие гробницы с широким заплечиками. Дно входных колодцев перекрыто в них огромными каменными плитами или бревнами, под которыми вырыта яма для одного или двух саркофагов, в зависимости от чего все сооружение в плане имеет квадратные или вытянутые пропорции (Табл. 20). Эти усыпальницы, судя по наличию в них каменных саркофагов и богатому погребальному инвентарю, принадлежали зажиточному населению. Внезапное появление на некрополе нового типа гробниц связано с проникновением в город нового населения. Большие гробницы подобной конструкции отмечены исследователями для аорсов[121]. Можно предположить поэтому, что в Горгиппии поселилась часть дружины аорсов, поддержавшая Котиса в его междоусобной войне.

Рис. 28. Бронзовый светильник. Горгиппия.

Интервенция римских войск, проримская настроенность Котиса, монетная реформа, проведенная Нероном на Боспоре в 62 г., вследствие которой прекращается чеканка золотых статеров, а эмиссии меди проводятся по римской системе, — все это привело к усилению зависимости боспорского царя от римских императоров. Котис впервые прибавляет к своему имени римский династический praenomen и nomen — Тиберий Юлий. На Боспоре учреждается культ римских императоров, верховным жрецом которого становится сам царь[122]. Боспор, тем не менее, не был превращен в одну из провинций Империи и сохранил самостоятельность. После смерти Нерона в правление сына Котиса Рескупорида II (68/69–93 гг.) Боспор вновь начинает чекан золотых статеров и выпуск медных монет от своего имени. На золотых боспорских монетах помещаются портреты членов императорского римского дома, на бронзовых — голова собственного царя. С 80 г; портрет боспорского царя занимает лицевую сторону золотых статеров, а портрет императора помещается на обратной. При Савромате I (93–123 гг.) головы римских императоров появляются и на меди, но в 114 г. окончательно с них исчезают. С этого времени серии боспорских монет носят независимый характер[123]. Эти

изменения облика монет отражают временные колебания степени зависимости Боспора от Рима. Самостоятельное во внутренних делах Боспорское царство проводило удобную Риму политику, являясь своеобразным буфером между Империей и варварами степей. Административные связи Боспора с Римом шли через малоазийскую провинцию Понт-Вифинию, проконсул которой выполнял определенные обязанности по досмотру за Боспором[124]. Рим

Рис. 29. Бронзовый светильник. Горгиппия.

поддерживал субсидиями боспорскую армию, состоявшую из гражданского ополчения[125]. В ответ на это боспорские солдаты участвовали в войнах Траяна (98–117 гг.) с даками, пешие стрелки-лучники и копейщики действовали в 136 г. в Малой Азии вместе с другими союзными войсками на стороне Рима против аланов (Arrian. Acies c. Alanos, 3 и 18 = SC, I. C. 520)[126]. Ко II в. официальная титулатура боспорских правителей включала обязательные эпитеты φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, что фиксируют, в частности, и горгиппийские надписи. К этому времени Боспор устанавливает тесные контакты с различными частями огромной Римской империи, о чем свидетельствует обилие в домах Горгиппии и могилах ее некрополя привозных стеклянных и бронзовых изделий (Рис. 28–32; Табл. 173–177, 239–244).

II в. н.э. для Горгиппии явился периодом расцвета. Вероятно, заботами городской общины единообразно мостятся большими плитами улицы, повсеместно строятся новые дома площадью не менее 500 м^2 каждый со множеством глубоких подвалов. В городе возводятся монументальные здания с мраморным декором, отстраиваются храмы, устанавливаются статуи. На рубеже I–II вв. царь Савромат I восстановил городские укрепления (КБН 1112). В 110 г. наместник города воздвиг храм богине Афродите Наархиде (КБН 1115), во второй половине II – начале III в. фиас навклеров поставил статуи и восстановил храм богу Посейдону (КБН 1134). Надписи II и первой полови-

ны III в. свидетельствуют о сооружении в городе памятников боспорским царям (КБН 1118, 1120) и их наместникам (КБН 1119). Рядом с территорией предполагаемой агоры найдена статуя наместника Неокла и обломки еще двух таких же больших мраморных статуй[127]. Фриз и архитрав с пышным растительным узором, вырезанные из одного камня, мраморные коринфские капители, мраморные кассеты в обрамлении ов с изображениями двух рельефных голов Медузы, Пана и Сатира, свидетельствуют о наличии монументальных построек в городе в первые века нашей эры[128]. На городском некрополе знатные граждане возводят себе пышные усыпальницы — каменные склепы с росписью и каменными саркофагами[129]. Город развивает собственные ремесла, во второй половине II в. продолжается вывоз хлеба (КБН 1134).

В то же время, во второй половине II в. в экономической ситуации государства и всего античного мира в целом наступает едва заметный перелом и появляются первые признаки в дальнейшем неуклонно развивающегося упадка. Денежный кризис явился отражением этого положения. При Евпаторе (154–170 гг.) началось понижение золотого содержания в металле статера и была предпринята попытка провести денежную реформу; при Савромате II (174–210 гг.) процентное содержание золота в статерах снижается и при Рескупориде III (211–226 гг.), а ко времени Ининфимея (234–238/39 гг.) утрачивается разменная функция медных монет по отношению к статеру, так как сам он становится медным[130].

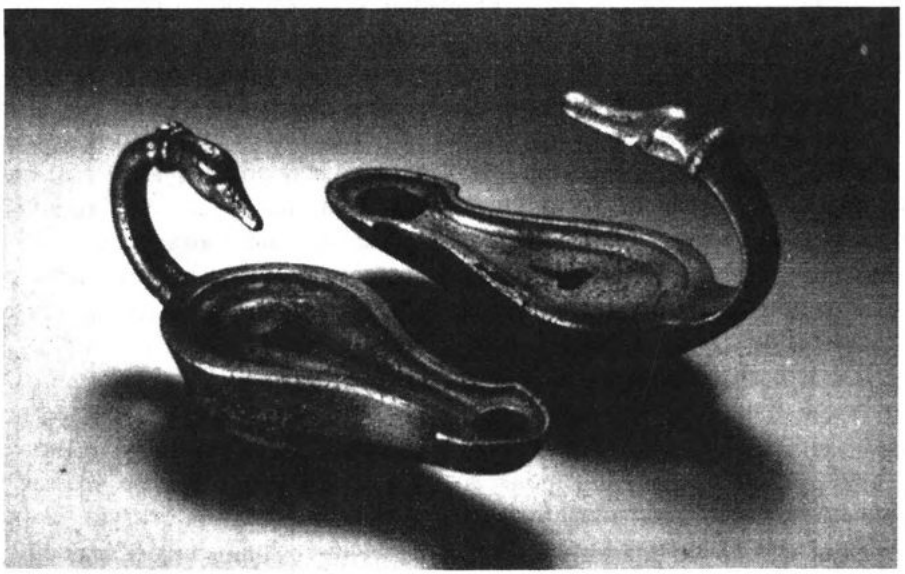


Рис. 30. Бронзовые светильники из склепа. Некрополь Горгиппии. Анапские склепы первой половины III в. н.э.

Для Горгиппии первых веков н.э. как и Боспора в целом отмечена практика отпуска рабов на волю. Среди известных три горгиппийские манумиссии относятся к I в. (КБН 1123, 1124, 1126), две — к первой половине II в. (КБН 1127, 1128) и две ко времени Савромата II (174–210 гг.; КБН 1125)[131]. Находки манумиссий делают очевидным использование рабского труда в хозяйственной жизни города вплоть до его гибели, однако, подтверждением (и

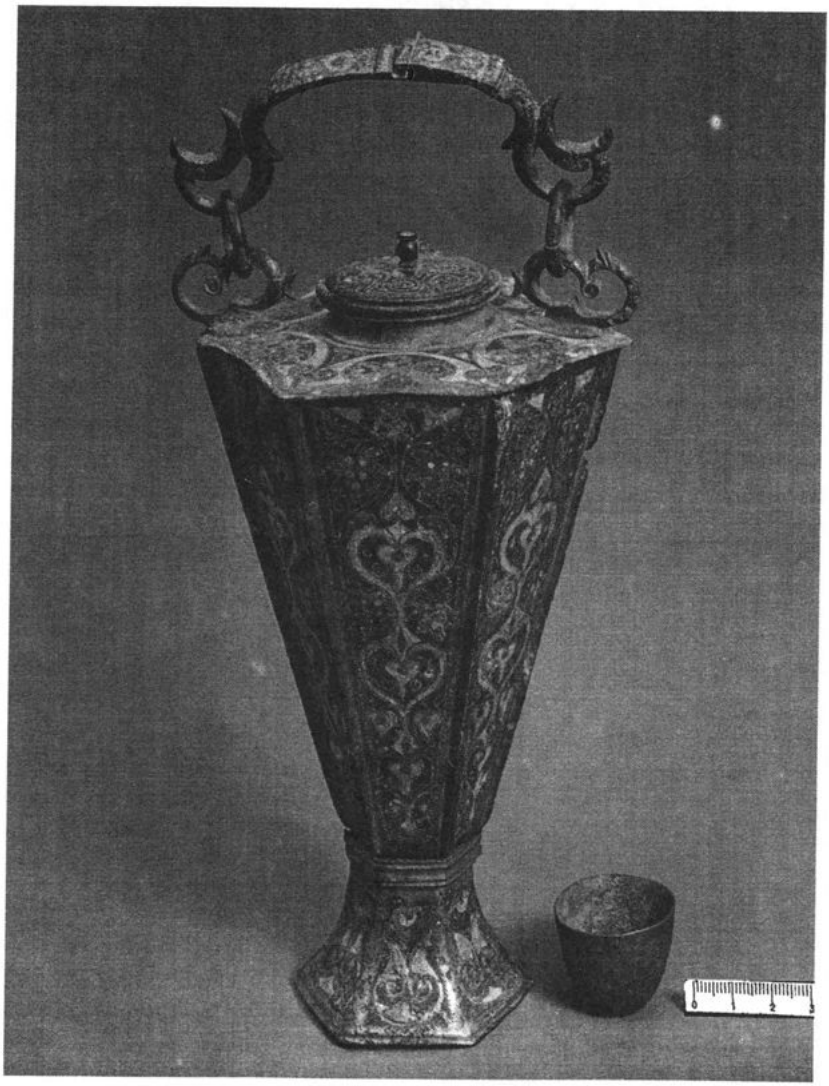


Рис. 31. Бронзовая курильница с цветными эмалями.
Анапские склепы первой половины III в. н.э.

даже косвенным) широкого распространения здесь труда рабов мы не располагаем. Появление манумиссий отражает определенные сдвиги в правовом сознании общества и предполагает наличие множества видоизменяющихся социально-экономических структур[132].

Рис. 32. Полихромная стеклянная фиала с подкладкой из золотой фольги. Стекло глухое белое, прозрачное лиловое, зеленое, синее, бесцветное. Анапские склепы первой половины III в. н.э.

К началу III в. н.э. изменяется ситуация на границах Боспора. В степях появляются варварские племена, названные античными авторами готами.

Собственно готами являлись племена германской языковой группы, пришедшие с берегов Балтийского моря. Готы возглавили большие объединения племен различных этнических групп, в том числе, сарматских, аланских и других[133]. Передвижения этих племен нарушили жизненный ритм всех центров античной культуры Северного Причерноморья. В конце первой трети III в. была разгромлена Ольвия, войска новых союзов варварских племен придвинулись к восточным границам Боспора. Горгиппия приняла один из первых ударов, вслед за ней в 40-х годах был разгромлен Танаис. Горгиппия была уничтожена вскоре после 239 г., так как повсеместно (подвалы 49, 73, 75 на территории археологического заповедника и другие) наиболее поздними монетами из слоя гибели города являются денарии Ининфимея, помеченные этим годом. Город погиб в сильнейшем пожаре, горели все дома. Деревянные перекрытия рухнули и увлекли за собой на дно глубоких подвалов все то, что стояло на полах первых этажей. Вдребезги разбились амфоры и пифосы, наполнявшие подвалы. Глиняная обмазка подвальных стен и саманные кирпичи от рухнувших наземных кладок закалились в огне и приняли ярко-оранжевый цвет. Многие осколки керамических и стеклянных сосудов спеклись и оплавились. Опасность в город пришла внезапно, имущество из домов вынести не успели: в подвалах горели полные зерна и рыбы амфоры, были брошены предназначенные для продажи товары, оставлены бытовые предметы, украшения и деньги. В подвале 73 дома 5 найдено свыше ста лежащих горсткой монет, в слое пожара и на полах многих подвалов сгоревших домов собрано по несколько десятков разбросанных монет, горстка монет была спрятана за камень в стене подвала 22 дома 11, в одну из цистерн винодельни дома 33 рухнуло вместе с ларцом более 500 серебряных и медных монет. Пожарище не расчищалось, погребенное в подвалах имущество не искали. В то же время, развалины не погребли людей — возможно, большинство жителей было уведено завоевателями.

Во второй половине III в. жизнь в Горгиппии возобновилась, однако, цветущим город не стал. На развалинах и слое пожара в отдельных местах возникли постройки, вероятно, жилые, но они не сравнимы с теми домами, которые им предшествовали. Эти кривые в плане сооружения, небольшие по площади и не имевшие под собой подвалов. В ряде случаев лачуги прилепились к уцелевшим от разрушения стенам, сохранность этих построек фрагментарна. Вполне вероятно, что большая часть возродившегося города погибла в турецкое время — ведь о планировке Горгиппии от основания до момента гибели во всеобщем пожаре III в. нам известно, главным образом, по постройкам, впущенным в грунт на значительную глубину (подвалам и фундаментам). Уровень дневной поверхности III в. подходит почти вплотную к турецкому, а также и современному. Естественно поэтому, что наземные постройки второй половины III в. должны быть целиком утрачены. На всей рас-

копанной площади археологического заповедника (около 7000 м^2) нам известно только три помещения с позднеантичным материалом, перекрывших слой всеобщего пожара города (дома 9а, 21а, 28). Стены этих помещений возведены наскоро из разномасштабных камней, которые удалось собрать поблизости. В этих помещениях найдены куски больших красноглиняных амфор, характерных для позднеантичной эпохи. Возможно, после пожара жизнь возродилась только на каком-то определенном участке города, который еще не выявлен. Однако, при постоянно ведущихся в Анапе земляных работах находки второй половины III и IV вв. никак нельзя признать массовыми. Периодически в раскопах на различных участках древнего города встречаются монеты второй половины III и начала IV в. Среди них есть отдельные экземпляры Рескупорида V (242–276 гг.), Фофорса (285–308 гг.), Рескупорида VI (314–341 гг.). По керамическим обломкам из двух перекрывших всеобщий пожар помещений нельзя определить, когда именно были возведены эти примитивные сооружения, так как узкая хронология боспорских амфор III в. не разработана и представленные типы мы не можем разделить на амфоры первой и второй половин этого столетия. Судя по тому, что в Горгиппии встречены монеты, помеченные первыми годами правления Рескупорида V, жизнь в городе возобновилась вскоре после пожара. Известно, что после правления Ининфимея (234–238 гг.) боспорский чекан прерывался до 242 г. и был возобновлен при Рескупориде V. От IV в., как отмечалось, сохранились отдельные монеты. В одной из могил горгиппийского некрополя найдено краснолаковое блюдо V в. с крестом[134]. Части подобных блюд встречаются и в культурном слое городища. Все эти находки свидетельствуют о том, что в середине III в. жизнь на месте разгромленной Горгиппии возродилась, но она едва теплилась, цветущий город не восстановился. В то же время, в районе селения Гайкодзор в окрестностях Анапы найдено несколько крупных денежных кладов, содержащих монеты Фофорса (285–308 гг.), Радамсада (309–322 гг.), Рескупорида VI (314–341/342 гг.)[135]. В 341/342 гг. на Боспоре внезапно прекратилась чеканка, что произошло, вероятно, вследствие глубокого экономического упадка[136]. Боспорские монеты последних серий продолжали использоваться и после прекращения чекана, они встречаются в кладах эпохи гуннского нашествия[137]. Поэтому зарытие монетных кладов в Гайкодзоре может быть отнесено как к периоду экономического кризиса, повлекшего за собой прекращение чекана, так и к более позднему времени опустошительного нашествия гуннов. Так или иначе, наличие этих кладов доказывает возрождение интенсивной жизни в окрестностях погибшей сразу после 239 г. Горгиппии и развитие этого региона вместе со всем античным миром, очевидно, вплоть до полного уничтожения боспорских городов гуннским нашествием в 70-е годы IV в.

[1]*Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 123; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 66; *Болтунова А.И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 146; *Сокольский Н.И.* Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 196; *Кругликова И.Т.* Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М., 1977. С. 15.

[2]*Мищенко Ф.Г.* География Страбона в семнадцати книгах. М., 1879. С. 506.

[3]*Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 271.

[4]*Страбон.* География / Пер. Г.А.Стратановского. М., 1964. С. 407.

[5]*Грацианская Л.И.* География Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986.

[6]*Aujac-Lassere F.* Strabon. Géographie. Texte établi et traduit par F.Lassere. P., 1975. Vol. VII. Livre 11.

[7]*Латышев В.В.* ΠΟΝΤΙΚΑ // Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909. С. 75.

[8]Там же; *Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955. IV. 4. S. 416; *Болтунова А.И.* Ук. соч.; *Брашинский И.Б.* О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов // ВДИ. 1965. № 1. С. 120; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1984 г. М., 1985. С. 154.

[9]*Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии //ВДИ. 1939. № 3. С. 263.

[10]*Грач Н.Л.* О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 114.

[11]*Werner R.* Op. cit. S. 44; *Брашинский И.Б.* Ук. соч.

[12]*Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892 г. // МАР. 1894. № 17. С. 71.

[13]*Гайдукевич В.Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 302, № 14.

[14]*Гайдукевич В.Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 24–27.

[15]*Шелов Д.Б.* К истории керамического производства на Боспоре // СА. 1954. Т. XXI. С. 126.

[16]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 75.

[17]*Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 121.

[18]*Болтунова А.И.* Ук. соч.

[19]Доклад Ю.Г. Виноградова "Проблемы политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. н.э.", прочитанный на конференции "Основные проблемы развития рабовладельческой формации: типология рабовладельческих обществ" Отделения истории АН СССР в 1978 г. Ю.Г. Виноградов приводит аргументы в пользу отнесения декрета, найденного в 1953 г., к концу IV – началу III

вв. до н.э. и предлагает видеть в Селевке не сына основателя династии Спартокидов Сатира I, а сына его правнука Евмела.

[20]*Шелов Д.Б.* Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Т. 1. С. 208.

[21]*Прушевская О.Е.* Анапский клад пантикапейских монет // Труды отделения нумизматики Гос. Эрмитажа. 1945. Вып. 1. С. 17–27.

[22]*Нестеренко Н.Д.* Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 85–87.

[23]*Берзин Э.О.* Ук. соч.

[24]*Алексеева Е.М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. I. С. 28.

[25]*Виноградов Ю.Г.* См. статью-приложение к настоящей книге.

[26]*Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 167; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 76.

[27]*Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 101–103.

[28]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 32.

[29]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 78.

[30]*Шелов Д.Б.* К истории керамического производства на Боспоре.

[31]*Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 182. Табл. XLII, 14.

[32]*Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 176, 201. Табл. IX, 115.

[33]ВМС. 1897. Табл. XL, 1–11. Следует отметить, однако, что торговый потенциал Родоса в экономике Горгиппии был невелик в сравнении с другими центрами Северного Причерноморья.

[34]*Шелов Д.Б.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1. С. 36.

[35]*Голенко К.В.* Второй Патрейский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. I. С. 35.

[36]Там же. С. 28; *Шелов Д.Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 45.

[37]*Голенко К.В.* Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 4. С. 143.

[38]*Зограф А.Н.* Ук. соч. С. 186. Табл. XLIII, 7, 11.

[39]Там же. Табл. XLIII, 14, 17.

[40]*Шелов Д.Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор. С. 46.

[41]Там же.

[42]*Rostovtzeff M.I., Ormerod H.A.* Pontus and It's Neighbours: The First Mithridatic War // CAH. 1932. IX. P. 233; *Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 150.

[43]*Шелов Д.Б.* Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 56.

[44]*Голенко К.В.* О характере чекана боспорских анонимных оболов // НС. 1965. Т. 2. С. 47, 49.

[45]*Шелов Д.Б.* Ук. соч. С. 66.

[46]*Блаватский В.Д.* Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 56.

[47]*Сокольский Н.И.* К итории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologia. София, 1963. С. 15; *Он же.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 116.

[48]*Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 56.

[49]*Сокольский Н.И.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 28.

[50]*Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. С. 30.

[51]*Сокольский Н.И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова. С. 23.

[52]*Алексеева Е.М.* Ук. соч. С. 20; *Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономичнской и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 112.

[53]См. табл. 19 в этой книге. *Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Ук. соч. С. 107; *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. Рис. 29, 52:5.

[54]*Крушкол Ю.С.* Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 213.

[55]*Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии. Отчет // МАК. 1889. II. С. 105.

[56]*Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Ук. соч.

[57]*Сапрыкин С.Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 83.

[58]*Буйских С.Б., Иевлев М.М.* О топографии городищ Нижнего Побужья первых веков нашей эры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 71.

[59]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 314.

[60]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. С. 231.

[61]*Сокольский Н.И.* Крепость аспургиан на Боспоре. С. 29.

[62]*Онайко Н.А.* Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 155.

[63]*Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 38, 56.

[64]*Бертье-Делагард А.Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗОО. 1911. Вып. XXIX. С. 154.

[65]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. С. 230; *Фролова Н.А.* О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 49.

[66]*Фролова Н.А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 144.

[67]*Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. С. 146.

[68]*Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197.

[69]*Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора первых веков нашей эры. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 1985. С. 12.

[70]*Шелов Д.Б.* История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984. С. 17.

[71]*Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28.

[72]*Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. С. 46–48.

[73]*Сапрыкин С.Ю.* Lex sacra из Горгиппии // Studia in honoren Boris Gerov. Sofia, 1990. С. 203–212.

[74]*Свенцицкая И.С.* Некоторые черты развития Малой Азии в системе Римской империи // ВДИ. 1956. № 2. С. 19; *Она же.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль "возрастных союзов" в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 43.

[75]*Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга. С. 198.

[76]Там же. Письмо В.

[77]*Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899. С. 35, 43.

[78]*Латышев В.В.* Неизданные горгиппийские надписи // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 38.

[79]*Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 624; *Rostovtzeff M.* The social and economic history of the Roman Empire. Oxf., 1926. P. 565; *Ziebarth E.* Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929. S. 68.

[80]*Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 204.

[81]Там же. С. 211.

[82]*Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана).

[83]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 344.

[84]*Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 248, 287.

[85]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // ВДИ. 1967. № 2. Фр. № 9.

[86]*Болтунова А.И.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. VII. Praha, 1968. С. 70.

[87]*Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор в 15 г. н.э. С. 34.

[88]*Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга. С. 198, 200, письмо А.

[89]*Болтунова А.И.* К истории Танаиса (по данным эпиграфики) // Klio. 1965. Bd. 42. С. 202.

[90]*Болтунова А.И.* Надписи Боспора // ВДИ. 1959. № 4. С. 101.

[91]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 1.

[92]*Латышев В.В.* Неизданные горгиппийские надписи. С. 42.

[93]*Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 210.

[94]*Болтунова А.И.* Подпись под статуей из Горгиппии // СА. 1958. Т. XXVIII. С. 115–116.

[95]*Алексеева Е.М.* Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 118.

[96]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 1 и 5.

[97]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 267.

[98]*Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. С. 277–283.

[99]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 5.

[100]*Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). С. 20, 201, 202; *Жебелев С.А.* Ук. соч. С. 211.

[101]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 1.

[102]*Латышев В.В.* ПОNTIKA. С. 127.

[103]*Болтунова А.И.* Из черновиков В.В. Латышева // ВДИ. 1951. № 2. С. 125–126.

[104]*Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.). С. 48.

[105]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 9; *Болтунова А.И.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства. С. 70.

[106]Публикации надписей см: *Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические надписи из Горгиппии; *Болтунова А.И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. 1982. № 3; *Она же.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.); *Сапрыкин С.Ю.* Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1986. № 1. С. 62.

[107]*Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 431; *Новосадский Н.И.* Боспорские фиасы // РАНИОН. Труды секции археологии. 1928. III С. 67; *Колобова К.М.* К вопросу о судовладении в древней Греции // ИГАИМК. 1933. Вып. 61; *Жебелев С.А.* Танаидские "братья-приемыши" // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 47; *Он же.* Северное Причерноморье. С. 204 216; *Книпович Т.Н.* Танаис. М.–Л., 1949. С. 103–120; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 431; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 271–278; *Свенцицкая И.С.* Роль частных обществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4. С. 43.

[108]*Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.). С. 49.

[109]*Poland F.* Geschichte des Griechischen Vereinswesen. Lpz., 1909. S. 355.

[110]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 273.

[111]*Болтунова А.И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии. С. 62, 63.

[112]*Она же.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.). С. 48, 49.

[113]*Колобова К.М.* Ук. соч. С. 38–42; *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. С. 214, прим. 1.

[114]*Свенцицкая И.С.* Роль частных обществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии). С. 58.

[115]*Ziebarth E.* Das Griechische Vereinswesen. Lpz., 1896; *Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи; *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. С. 215; *Златковская Т.Д.* К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время // ВДИ. 1981. № 4. С. 23; *Свенцицкая И.С.* Роль частных обществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии).

[116]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 274, 276.

[117]*Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 43, 44; *Новосадский Н.И.* Ук. соч.; *Блаватский В.Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. С. 213, 214.

[118]*Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. С. 273.

[119]*Крушкол Ю.С.* Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4. С. 61; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора первых веков нашей эры. С. 15.

[120]*Крушкол Ю.С.* Античное здание в районе Горгиппии. С. 219; *Онайко Н.Д., Дмитриев А.В.* Ук. соч. С. 120.

[121]*Шилов В.П.* Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 44.

[122]*Блаватский В.Д.* О культе римских императоров на Боспоре // Античная археология и история. М., 1985. С. 192.

[123]*Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора первых веков нашей эры. С. 118.

[124]*Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. 1981. № 4. С. 58, 60, 62.

[125]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 333.

[126]*Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 332.

[127]*Блаватский В.Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. С. 96; *Грач Н.А.* Мраморная скульптура из Горгиппии // СА. 1970. № 1.

[128]*Крюкова И.А., Арзаманов Г.Ф.* Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков н.э. (на примере находок из Горгиппии) // СА. 1988. № 2. С. 84–98.

[129]*Алексеева Е.М.* Горгиппия // АГСП. С. 83.

[130]*Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора первых веков нашей эры. С. 21–29.

[131]Еще одна манумиссия: *Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 3. Литературу по боспорским манумиссиям см.: КБН. С. 79.

[132]*Зельин К.К., Трофимова М.К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 119.

[133]*Шелов Д.Б.* История античных государств Северного Причерноморья. С. 20.

[134]*Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Краснодар, 1982. Т. II. С. 124, Рис. 6, 3.

[135]*Салов А.И.* Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 98; *Нестеренко Н.Д.* Клады Горгиппии. С. 87. Н.А. Фролова датирует наиболее поздние монеты из этих кладов 341 г.

[136]*Шелов Д.Б.* История античных государств Северного Причерноморья. С. 21.

[137]*Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII. С. 72–126.

Глава III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ГОРГИППИИ

Как отмечалось, городские кварталы Горгиппии перекрыты центром курорта Анапы. При наблюдениях за культурным слоем в ходе различных земляных работ в Анапе постепенно определяется площадь древнего города и его топография. Археологические раскопы, строительные траншеи и перекопы фиксируют культурный слой античного города от ворот турецкой крепости до Вечного огня в честь героев последней войны в сквере Славы, то есть на расстоянии 800 м вдоль моря (Табл. 2). Город примыкал к морю и небольшая часть его исчезла в береговых осыпях приморского плато. От моря вглубь материка культурный слой городища фиксируется на расстоянии 500 м (до ул. Протапова сзади кинотеатра "Родина"). Таким образом установлено, что Горгиппия занимала площадь около 40 га.

Из надписи II в. известно, что город имел оборонительные стены. Царь Савромат I (93–123 гг.) восстановил их, расширив при этом границы города (КБН 1122). Археологически остатки городских укреплений зафиксированы на двух участках. На юго-западной окраине городища в строительном котловане 1988 г. на анапской улице Ленина в квартале между ул. Калинина и Кирова выявлена стена 41 шириной 1,8 м, уцелевшая в длину на 15 м. Сохранился нижний ряд кладки и отдельные камни более верхнего. Стратиграфия и характер использованного камня позволяют отнести эту кладку к эпохе эллинизма. Известно только, что эта стена предшествует дому 60, погибшему в пожаре I в. н.э. (Табл. 21). Она вытянута вдоль оси ССЗ–ЮЮВ. Кладка двухфасная. Вдоль краев уложены крупные (1 × 0,5 × 0,3 м) камни известняка-ракушечника. Часть камней, выведенных на фасы, имеет грубую подтеску на открытых по вертикали гранях. Середина кладки забутована плоско лежащими крупными камнями песчаника, в промежутках размещены мелкие осколки ракушечника и дикарных камней, галька и куски черепиц. Стена сто-

ит на плотной коричневой глине. В окружавшем ее грунте не отмечено больших глинистых массивов, следовательно, на каменном фундаменте изначально стояла не сырцовая, а каменная стена, которая была разобрана для строительства последующих эпох. Южнее стены 41 сохранилась часть великолепно сложенной платформы из подогнанных друг к другу известняковых блоков. Возможно, она имела отношение к оформлению въезда в город с южной стороны. Возможно, платформа уцелела от первоначальных укреплений Горгиппии, а небрежно возведенная из того же известняка стена 41 появилась позже при ремонте оборонительной системы в эллинистическое время (Табл. 22). В то же время говорить о характере кладки 41 нельзя, так как уцелел только впущенный в землю нижний ряд камней.

Вместо этой оборонительной системы и, видимо, после окончательного ее разрушения на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э. на юго-западном краю города строится дом-башня 60 с шириной наружных стен 1,2 м. Они сложены из крупных камней плотных песчаников различной окраски — желтоватых, красных, зеленоватых и серых. Камни околоты и превращены в длинные прямоугольные брусообразные блоки. В наружных кладках дома блоки создают своеобразные замки: два вытянутых вдоль кладки блока чередуются с одним, уложенным поперек кладки. Вблизи дома 60 сохранились фрагменты кладок, возведенных в подобной манере. Эти стены вместе с укрепленным зданием, видимо, составляли единую систему обороны юго-западной части Горгиппии на рубеже тысячелетий.

Остатки укреплений древней Горгиппии выявлены также в северо-восточном углу городища на территории археологического заповедника (Табл. 32). Они принадлежат оборонительным системам разных эпох. Здесь граница между городскими кварталами и некрополем веками проходила вблизи сохранившихся в центре Анапы ворот турецкой крепости. Вблизи этого места с IV в. до н.э. по III в. н.э. одни укрепления сменяли другие. Восстановить линию оборонительных сооружений Горгиппии и выявить в ней изменения очень сложно. Городские стены не были впущены в грунт на большую глубину подобно подвалам домов, поэтому для каждого нового строительного периода камни разрушенных городских стен предыдущего служили наиболее доступным строительным материалом. Несомненно, городские стены поздней Горгиппии растащены на строительство города турецкого времени и, прежде всего, его оборонительных стен. О наличии укреплений иной раз говорят только уцелевшие мощные трамбовки, позволяющие выявить ширину и направление утраченных кладок, отдельные камни, фиксирующие ширину стен. Положение усугубляется близостью друг к другу уровней дневной поверхности позднеантичной эпохи, турецкого времени и современной Анапы, что привело к почти полному уничтожению даже фундаментов городских стен Горгиппии.

Наблюдения над различными кладками, выявленными в северо-восточной части городища, убедило нас в том, что здесь при выходе из города Широкой улицы веками существовали мощные стены, являвшиеся наземными кладками. Наиболее ранними были сложенные из тесанных блоков известняка. Наблюдения над строительными остатками Горгиппии также установили, что из этого материала в городе строили преимущественно в эпоху эллинизма. Позже блоки ракушечника эллинистического времени многократно использовались вперемежку с камнями другого сорта при возведении самых разных построек. На северо-восточном краю города выявлено особенно много вторично использованных крупных известняковых блоков (Табл. 34). Отдельные фрагменты кладок из блоков ракушечника сохранились здесь, видимо, нетронутыми и были вплетены без перекладки в поздние стены (облицовка западного фаса северной части стены 570 цитадели III в. н.э. выполнена целиком из пиленых ракушечников, из вторично использованных огромных известняковых блоков с различными пазами и врезками возведен контрфорс 567 той же цитадели, у южного борта археологического заповедника уцелел в первоначальном виде мощный косяк в сплетении кладок из тщательно подогнанных друг к другу известняковых блоков — стена 615. Большие известняковые камни с врезками и вторично отесанные использованы в ныне почти утраченной стене 606 той же цитадели III в. н.э. У южного бота заповедника в кладку позднеантичной Горгиппии включена огромная известняковая плита 631, служившая первоначально, скорее всего, порогом при входе в какое-то монументальное сооружение, быть может, привратную башню. Собрав воедино эти наблюдения, мы пришли к выводу, что в эпоху эллинизма северо-восточная часть города была обнесена стеной, сложенной из тесаных блоков известняка. Она синхронна стене из того же материала на юго-западном краю городища — то есть, в разных частях Горгиппии зафиксированы остатки единой системы укреплений.

Известняковые укрепления в северо-восточной части города были заменены сложенными из камней плотного песчаника. В северо-восточном углу городища вблизи моря исследовались остатки укреплений, которые на основании стратиграфии и характера кладок могут быть отнесены к рубежу тысячелетий. Это обрывки двухпанцирных стен толщиной 1,6 м из плотных песчаниковых глыб и основание прямоугольной башни (Табл. 33). Культурный слой античного времени на данном участке сохранился только на нижних горизонтах. Широкие стены уцелели фрагментарно, частично направление из прослежено по траншеям выборки камня. Стены 440, 451, 466 ограничивали пространство шириной 6 м, образуя башню. Крупные дикарные камни серого и красноватого песчаника уложены плашмя; вторично использованы и отдельные известняковые камни. Части кладок уцелели в высоту до 0,8 м, они стоят на скале. Башня выдвинута как в напольную сторону, так и

внутрь города не менее, чем на 3 м, считая от фронтона стены 450, продолжавшей линию укреплений к морю.

Эти укрепления северо-восточной части города из больших камней плотных песчаников, очевидно, синхронны оборонительной системе с домом 60, возведенной в юго-западной части города на рубеже тысячелетий. Размеры башни совпадают с величиной прямоугольных башен других центров Северного Причерноморья и Средиземноморья[1].

На последнем этапе существования города, во II–III вв. н.э., его восточная часть была укреплена особенно основательно. Фортификация здесь возводилась в несколько приемов и постепенно усиливалась. Фрагментарность строительных остатков, лежащих вблизи современной дневной поверхности, не позволяет восстановить этот процесс полностью и воссоздать достоверный план укреплений. Тем не менее, мы зафиксировали здесь наличие мощной цитадели, размеры которой целиком еще не установлены (Табл. 34). Процесс укрепления этого участка был поэтапным.

Широкая улица, мощеная большими плитами, видимо, еще в конце I в. н.э., функционировала по линии площадей 306, 320, 334, 348, 362, 376. Плиты ее покрытия частично уцелели здесь под камнями более поздних сооружений на глубинах +52/ +48. Очевидно, в это время город заканчивался восточнее площади 376, непосредственно перед городским некрополем, что соответствует линии укреплений с башней, выявленной в северо-восточном углу заповедника на площадях 380, 381 (Табл. 32, 33). В это время, в частности, к северному краю Широкой улицы примыкал дом с подвалом 115, находившийся в единой цепи домов вдоль этого края улицы, в их створе (Табл. 32 и 34). Подвалы 114 “а” и 115 принадлежали двум разным зданиям, существовавшим одновременно. Наземные стены их из саманного кирпича стояли на каменных фундаментах, являвшихся одновременно стенами подвалов. Здания с подвалами 114 “а” и 115 разделяла поперечная улица шириной около 4 м, направленная к морю. Эта улица здесь существовала веками. На всех раскопанных участках по линии площадей 283–308 (Табл. 31) на материковых глинах зафиксированы черепяные вымостки. Их перекрывают, уцелевшие фрагментарно, большие плиты, аналогичные тем, которыми была вымощена в последний строительный период Горгиппии ее Широкая улица. В дальнейшем участок потребовалось укрепить дополнительно, для чего реконструировали дом с подвалом 115, превратив его в башню или крепость. Здание расширили, сузив Широкую улицу. Для этого с юга к подвалу 115 пристроили подвал 116. Наземные стены здания (569 и 590) возвели не на старых фундаментах (подвальных стенах, как обычно строили в Горгиппии), а поставили их на дневную поверхность, прижав к стенам старой постройки. Ширина этих кладок не на много превышает метр, но они сложены из громадных камней тяжелых плотных песчаников. Здание по-прежнему оставалось угло-

вым и обе улицы в несколько сузившемся виде продолжали функционировать.

Наконец, наиболее позднее строительство полностью перерезало Широкую улицу по линии площадей 305–306 сооружением здесь огромной цитадели. Раскопан только юго-западный угол этого укрепления (угол стен 570 и 606). Он усилен кладками 567 и 568. Контрфорс сложен преимущественно из вторично использованных тесаных блоков известняка, использованы и огромные дикарные глыбы. Мощные кладки 570 и 606 окружили укрепленное здание с подвалами 115 и 116, прекратив существование не только Широкой, но и поперечной улицы. Лучшим образом уцелели части стены 570. Она сложена из разнообразных камней средней величины, выведенных на фасы, середина кладки заполнена мелким каменным боем и мусорным грунтом. Ширина стены достигает 2,8 м. Место соединения кладок 570 и 606 выбрано турецкими перекопами. Стену 570 подстилает мощная трамбовка из довольно крупной гальки и осколков различных камней. Поверхность трамбовки, следовательно, и подошва стены 570 лежат на отметках +44 и +17 (понижение к морю в створе поперечной улицы). Поверхность Широкой улицы лежит на близких глубинах (+57/ +47). Стена 606 имела такую же ширину, ее фиксируют отдельные камни, уцелевшие по южному фасу, и развалы крупных камней в ее середине, лежащие на трамбовке аналогичного характера. В таком разрушенном состоянии стена 606 прослежена с запада на восток на 25 м.

Стены шириной 2,8 м окружили и без того укрепленное здание с подвалом 115. Между стенами этого здания и дополнительно возведенными широкими сохранены узкие проходы (0,8 м с западной стороны и 1,5 м с южной), в них сохранены вымостки застроенных улиц. На юго-западный угол цитадели вела лестница, она поднималась с севера — уцелели три нижние ступени из больших камней, зажатые между кладками 567 и 572. Ширина лестницы — 1,3 м.

Здание внутри цитадели сгорело во всеобщем пожаре Горгиппии около 240 г. н.э. Его подвалы 115, 116, 118 и 118 "а" заполнял слой гибели с монетами Ининфимея. Одновременно погибла и сама цитадель. Возведение ее в данном месте города мы объясняем близостью порта, который, скорее всего, располагался вблизи спуска набережной Анапы к городскому пляжу. Только здесь в пределах городища морской берег был пологим и в песке его можно было закреплять суда. Совсем близко от порта к городу подходила основная торговая дорога, превращавшаяся в улицу шириной 8–9 м. Именно в северо-восточном углу городища отмечено огромное количество грунтовых ям, столько их не было раскопано ни в какой другой части города. Именно здесь найдена огромная куча шамота, в который мог быть переработан амфорный бой из порта. Сооружение такой мощной цитадели, перекрывшей основную городскую артерию — Широкую улицу — могло произойти только в пред-

дверии величайшей опасности, свидетельством чему и явился последний всеобщий пожар города.

С востока и юго-востока Горгиппия была окружена некрополем. Он выявлен вдоль анапских улиц Горького, Астраханской, Ленина и Черноморской (Табл. 2). Наиболее полно некрополь исследован вдоль улиц Горького и Астраханской, в промежутках между ними, а также между улицами Ленина и Астраханской в районе улицы Терской. На этой территории в ходе земляных работ не получено данных о расширении города в какие-либо эпохи за счет некрополя. Более того, на указанном участке захоронения с IV в. до н.э. по III в. н.э. перемешаны между собой, следовательно, территория некрополя в восточном и юго-восточном направлениях хронологически не расширялась, а использовалась непрерывно. Хронологическая ситуация некрополя вдоль улиц Ленина и Черноморской менее ясна, так как в этом направлении исследовались только отдельные участки и отдельные захоронения. Видимо, и к западу черта города оставалась стабильной, незначительно меняясь на разных этапах его развития подобно восточной части. С IV в. до н.э. на юго-западном краю Горгиппии существовал керамик, и жизнь здесь не замирала до III в. н.э. Относительно некрополя юго-западного направления можно заметить, что исследование наиболее удаленного от города участка (перед роддомом на территории анапской городской больницы) дало погребения только первых веков нашей эры.

Из города должно было выводить несколько дорог, одна из дорог непременно продолжала к востоку Широкую улицу Горгиппии. Это была главная торговая дорога и вдоль нее располагался наиболее богатый участок городского некрополя (в этом направлении раскопаны склепы 1975 г. и различные гробницы с каменными саркофагами). Черта городского некрополя должна проходить где-то рядом с воротами турецкой крепости, так как в непосредственной близости к ним исследовались могилы городского некрополя, а жилые кварталы здесь отсутствуют. Вторая дорога могла выводить из города (от его керамика) к югу, в направлении, близком улице Ленина. Здесь за пределами города располагалась глинища. За городской чертой выявлено святилище Деметры, возможно существовали и другие загородные[2].

К настоящему времени на городище Горгиппия раскопано около 1/40 его площади. Стратиграфия памятника сложна. Античный город существовал на одном месте восемь веков, город затем продолжал жить интенсивно в турецкую эпоху и новое время. Культурные напластования античной эпохи постепенно наслаивались друг на друга только на отдельных редких участках. Город неоднократно переживал периоды расцветов и моменты катастроф. Каждое всеобщее и локальное разрушение влекло за собой не только ремонты, но и перестройки с изменением планировки. Жилые и хозяйственные помещения с учетом климатических условий (очень жаркого лета, сильнейших

норд-остов и высокой влажности) было принято впускать в грунт на значительную глубину. Поэтому каждое новое строительство перемещало и использовало на всевозможные подсыпки дворов и улиц значительные массивы грунта, при этом перемешивались напластования более ранних эпох. Каждый жилой дом на своем участке постоянно рыл ямы хозяйственного назначения, также тревожа культурные напластования раннего времени. Следовательно, в процессе раскопок нивелировочные отметки полов жилищ Горгиппии не являются определяющим фактором в их хронологической интерпретации. Нередко полы III в. н.э. опущены до скалы, в то время как полы построек IV–III вв. до н.э. расположены на 1–1,5 м выше. Имея ввиду эту особенность стратиграфии городища, для каждого сооружения необходимо, прежде всего, выявлять соответствующий ему уровень дневной поверхности, что при огромных разновременных нарушениях целостности культурного слоя является одной из самых сложных задач исследования. Чтобы избежать ошибок в интерпретации, Горгиппию необходимо исследовать широкими площадями.

Мощность культурных напластований Горгиппии при непрерывности жизни с IV в. до н.э. по III в. н.э. составляет примерно 2,5 м. Слой гибели города в III в. н.э. обычно перекрыт напластованиями нового города мощностью 1–1,5 м, из которых турецкому слою принадлежат 0,5–1 м и непосредственно Анапе также 0,5–1 м. Мусорный слой нового времени нередко содержит отдельные находки и множество керамических обломков античной эпохи.

Исследования Горгиппии установили плавные естественные понижения синхронных уровней жизни древнего города в направлении с востока на запад и с юга на север (по нивелировочным отметкам поверхностей мостовых на древних улицах археологического заповедника). Установлено также, что при перестройках погибшие дома разбирались на камень. Для всех хронологических периодов выявлены наиболее употребимые в строительстве породы камня. В сооружениях каждой последующей эпохи использовали камень предыдущих. Отмечено также, что крупные камни из погибших построек обычно использовались поблизости. Повторные употребления камня привели к тому, что в культурном слое Горгиппии почти не сохранилось наземных частей домов, все они употреблены на камень. О планировке древнего города мы знаем только по уцелевшим подвальным помещениям и обрывкам улиц. В турецкое время устраивались глубокие перекопы в поисках камня и выбирались стены даже подвалов античных домов.

Функциональную топографию города мы представляем еще недостаточно. И.Т. Кругликова, основываясь на характере находок из хозяйственных перекопов Анапы, предполагала, что городская агора располагалась у западного либо восточного крыльев гостиницы “Анапа”[3]. Раскопы на месте строительства корпусов пансионата “Океан” западнее гостиницы агору не обнару-

жили, в них выявлены обычные жилые дома всех хронологических периодов. Для эпохи эллинизма здесь зафиксированы два монументальных ордерных здания (Табл. 27–29). Подобный дом с ордерным оформлением известен, однако, и у южной границы заповедника в северо-восточной части города, где никакой агоры не предполагается. В первые века новой эры у западного крыла гостиницы существовали большие жилые дома с винодельнями. Более реально ожидать агору у восточного крыла гостиницы. Здесь в бывшем Греческом переулке обнаружена широко известная статуя наместника города Неокла[4] и части двух других таких же крупных мраморных статуй[5]. Кроме того, траншея ливневой канализации 1981 г. шириной 5 м, проложенная вдоль анапской набережной, на участке перед зданием пансионата "Кубань" не пересекла обычных подвалов горгиппийских домов. Подвалы выявлены на набережной вдоль ограды заповедника, но западнее здания музея отсутствуют. Остатки домов по линии траншеи выявлены у западного крыла гостиницы, которое обрезало большую винодельню первых веков н.э. Возможно, в этом свободном от подвалов промежутке и располагалась древняя площадь, однако, раскопок между зданием "Кубани" и морем не производилось.

Наиболее полно в Горгиппии исследован северо-восточный угол города. И.Т. Кругликова, раскопавшая здесь в 1960-е годы 1500 м^2, определила эту часть города как квартал ремесленников, преимущественно гончаров[6]. В настоящее время интерпретация этого района города представляется иной. В 1960-е годы территория создающегося в Анапе археологического заповедника была застроена, а исследования велись на разрозненных участках. Раскопки только начались, памятник не был известен, поэтому завалы саманных кирпичей внутри подвалов, прокаленных в пожарищах до оранжевого цвета, первоначально были приняты за развалы гончарных печей. Вскрытие широких площадей на данном участке выявило планы домов и топографию города на разных этапах его существования. Выяснилось, что предполагаемые печи локализовались внутри подвалов жилых домов под деревянными перекрытиями первого этажа. Камни опорного столба предполагаемой печи позднеантичного периода при повторном и полном вскрытии помещения оказались опорой для спускавшейся в подвал лестницы. Предполагаемые И.Т. Кругликовой "пустыри" на северо-восточном краю городища, пригодные для квартала гончаров, при вскрытии оказались застроенными сетью вплетавшихся друг в друга зданий. Стало очевидным, что в подвалах жилых домов при очень плотной застройке, впритык к Северной улице шириной не более 4 м квартал гончаров функционировать не мог. То, что принималось за развал обрушившихся глинобитных сводов печей при расширении площади вскрытия и доисследовании самих помещений с "печами" на всех трех участках с так называемыми "печами" оказалось завалом наземных стен зданий из саманных кирпичей, закалившихся в огне пожара до яркого оранжевого цвета. В

конце 1980-х годов на противоположном конце города был обнаружен истинный керамик Горгиппии с сохранившимися печами, он функционировал веками у юго-западного края городища.

Ввиду огнеопасности гончарного производства керамики обычно располагались за городской чертой или на самых окраинах городов. Этого правила придерживались и во всех достаточно крупных центрах Северного Причерноморья. Примером тому может быть фанагорийский керамик, раскопанный на окраине городища[7]. Он возник на ровном месте, в которое превратились в I в. н.э. оборонительные сооружения в юго-восточной части Фанагории[8], и существовал веками. В Нимфее район гончарных печей был расположен на восточной окраине города, рядом с морским берегом, в заброшенной и пустынной части городища, отделенной от гавани скалами и гротом[9]. Пантикапейские гончарные печи группируются на северном склоне Митридата, найдены они в западной части старого керченского кладбища, территория которого являлась окраиной древнего города[10].Тиритакская мастерская коропласта найдена в полукилометре от города[11]. В Херсонесе открыто пять керамических мастерских позднеантичного времени. Все крупные херсонесские мастерские располагались на загородном участке либо вблизи городских стен, преимущественно в юго-восточной части городища[12], только маленькая печь по производству чернолаковой посуды была устроена в черте города. Известные в Ольвии гончарные печи относятся к первому веку до н.э. и первым векам н.э., они сосредоточены в трех производственных районах северо-восточной части города. Специального керамика в Ольвии, по-видимому, не было, но все три района с печами расположены за чертой города послегетского времени[13]. В Тире гончарная печь первых веков н.э. для обжига небольших сосудов выявлена на центральном раскопе в специально оборудованной для производства части жилого дома рядом со зданием римского гарнизона, но возле самого обрыва плато в сторону лимана[14]. На Кобяковом городище печь I в. до н.э. открыта около оборонительной стены[15], на Подазовском городище печь II–III вв. выявлена на окраине поселения на склоне рва[16]. В Танаисе печи обнаружены на восточной окраине городища[17].

Аналогичное расположение имели гончарные печи и в других центрах античной культуры. В Германии в Рейнцабарне открыто 77 печей римского времени для обжига посуды и 36 для изготовления кирпича. Все они располагались в одном районе города, представлявшем специальный квартал ремесленников-гончаров[18].

Своеобразна история афинского керамика[19]. Природные глинища, первые разработки которых датируются X в. до н.э., расположены к северо-востоку от города, за его пределами и около северо-восточного края агоры. Издревле этот район назывался Керамиком, при постройке городских стен он превратился во внешний керамик. Полагают, что название “Керамейкос”

имел один из афинских домов. Следы деятельности гончаров VIII–VI вв. до н.э. обнаружены и под многими постройками классической агоры (например, под юго-восточной частью Толоса выявлена обжигательная печь VIII–VII вв. После сильных разрушений 480 г. до н.э. в ходе войны с персами, когда многие старые здания погибли, гончары и соседствующие с ними металлисты вторглись в западную часть агоры. Им хотелось, чтобы мастерские располагались рядом с домами и были ближе к торговым лавкам. Так возник внутренний керамик. Однако, уже в 430 г. лавками гончаров пожертвовали при сооружении стои Зевса. Затем к северо-востоку от стои Зевса возник храм Афродиты Урании, а квартал гончаров был вновь оттеснен к городским стенам и воротам на Дипилону. Только в I–II вв. н.э., когда старые здания оказались в руинах, гончарные мастерские заняли Гилею. Таким образом, афинский керамик также не функционировал среди городских построек. Он лишь придвигался к агоре в моменты ее запустения. Из-за опасности частых пожаров он существовал как отдельный район у края города, в его северо-восточной части.

Только небольшие печи локального значения могли размещаться среди обычных жилых домов. Так, в Пантикапее при жилом доме действовала небольшая печь для обжига терракот[20].

Чем же на самом деле оказалась примечательна северо-восточная часть Горгиппии после вскрытия на ней значительных площадей? Здесь выявлена чрезвычайно плотная застройка большими многоподвальными домами. Они тянулись вдоль обеих сторон Широкой и Северной улиц. Вполне вероятно, что при выходе из города одной из основных его магистралей — Широкой улицы, переходящей за городскими воротами в основную торговую дорогу, располагался торговый район. Этим объясняется и обилие подвалов в домах (по пять — семь), использовавшихся как хранилища (определено не припасов одной семьи). Во многие подвалы вели специальные люки непосредственно с мостовой улицы, через них спускали в хранилища большие грузы. Очевидно, на первом этаже этих домов существовали лавки. В них торговали всем без специализации: зерном, керамическими изделиями, стеклянными сосудами, красной краской, инструментами, украшениями, металлом. В доме 5, погибшем во всеобщем пожаре 240 г., найдены осколки не менее сотни одинаковых стеклянных стаканчиков, что превышает потребности одного дома. Только в одном подвале этого дома (из пяти раскопанных) стояло не менее 40 больших амфор. В них держали зерно, красную краску и что-то еще, что оставило смолистый осадок коричневого цвета. Здесь же найдены 16 криц в товарном виде (в форме прямоугольных брусков). Вместе с другими железными предметами их приготовили для продажи. В домах 10 и 15 эллинистического времени найдено огромное количество столовой посуды, ненужное жильцам одного дома. В них найдены и формы для оттиска терракот,

но никаких бракованных изделий. Продавая крицы, в лавках могли продавать и различные формы для оттиска фигурок. При винодельне дома 33 найден набор гирь и часть весов, на которых развешивали виноград для столовых целей. Вместе с гирями найдены остатки сундучка с 530 монетами. Это обилие находок в сочетании со спецификой устройства зданий и их местонахождением позволяют считать северо-восточный район города торговым. Такое функциональное назначение района сохранялось векам.

Данные, которыми мы в настоящее время располагаем, относительно общей планировки Горгиппии, позволяют говорить лишь о наличии в городе планировочных улов. Регулярная разбивка кварталов не прослеживается, но принцип прямоугольности в большинстве случаев соблюден. Горгиппия не была городом с четкой регулярной планировкой, каковыми являлись, например, Милет, Приена, Олинф, Дура-Европос, Херсонес. В этом отношении она ближе к Делосу и Ольвии. Планировочные сетки участков в этих городах сдвинуты и взаимно повернуты, имеют элементы радиально-кольцевой планировки. Даже отдельные участки Горгиппии не были спланированы по гипподамовой системе.

Проведенные исследования не выявили и социальной топографии города, имело место лишь функциональное районирование. Основы единой планировки города были заложены, очевидно, в момент превращения раннего полиса в Горгиппию примерно в середине IV в. до н.э., они сохранялись неизменными до его гибели в середине III в. н.э., что подтверждается стратиграфией улиц — мостовые имеют напластования всех строительных периодов Горгиппии.

В этом отношении показательны наблюдения над напластованиями Широкой улицы, прослеженной на территории заповедника в длину на 125 м. Она вытянута с запада на восток и имеет незначительное отклонение от этой оси (ЗСЗ–ВЮВ). Ширина улицы составляет 8 м, но вблизи дома 33 ширина ее увеличивается до 9 м. Верхнее ее мощение огромными плитами относится ко II–III вв. н.э. На всем исследованном протяжении камни мостовой не примыкают к фундаментам домов, вдоль них с двух сторон улицы прослежена свободная от вымостки полоса грунта шириной около метра — здесь в древности располагались тротуары, которые должны были слегка возвышаться над поверхностью мостовой. Очевидно, они были каменными как в других городах античного мира[21]. Узкие проходы в дома, судя по отдельным уцелевшим камням, сливались с мостовой и тротуарами не пересекались.

В целях экспонирования в процессе раскопок улица оставлена выявленной на поверхности. Для выяснения стратиграфии напластований в различных участках ее прокапывались контрольные шурфы. Такой шурф устроен у северного края улицы на площадях 23 и 37. Врезка установила следую-

щую систему напластований: на глубине –87* лежал слой погребенной почвы (плотная серовато-коричневая глина) мощностью 0,85 м, он перекрывал скальные выходы. На нем выявлен тонкий и неплотный слой черепков (–80), это первое мощение улицы. Черепки перекрыл мусорный глинистый грунт с угольками, мельчайшими осколками керамики, вкраплениями железняковых пород, однородных пятен желтой глины от расплывшихся сырцов и золистыми примесями — перемещенный слой гибели домов начала IV в. до н.э. Мощность этой мусорной подушки, явившейся трамбовкой для следующего горизонта вымостки, колеблется в пределах 0,2–0,4 м, в отдельных местах толщина ее едва достигает 0,05 м. В слое встречены мелкие осколки чернолаковых сосудов. Верхняя часть этого слоя более плотная, она содержит гальки средней величины, камни, крупные куски керамики, главным образом, ручки и ножки амфор (поверхность черепков истерта). Верх этого слоя (–67) являлся вторым горизонтом улицы. Позже поверхность черепяной вымостки была засыпана серым мусорным грунтом с угольками, раковинами мидий, большими камнями, кусками античной черепицы — перемещенным слоем гибели домов, сгоревших во второй половине III в. до н.э. На площадях 23 и 37 этот слой прорезала тонкая прослойка извести — дно ямы для гашения извести в турецкое время. Яма засыпана гуммированным грунтом с керамикой античного времени и черепками турецких поливных сосудов, курительными трубками. На отметке ±0,00 на эту засыпку уложены большие каменные плиты. Они уложены в створе позднеантичной улицы, но на данном участке относятся к турецкому времени. Эти плиты имеют прямоугольные очертания и сделаны из более плотного камня, чем мощение улицы II–III вв. н.э., выполненное на той же нивелировочной отметке из местного камня "трескуна" (сорт серого слоистого песчаника).

Аналогичную стратиграфию имеет Широкая улица и на других участках, например, в квадратах 108, 151, 178, 192, 206, 220 и 234–236. Самый нижний уровень ее — тонкий слой черепков, лежащих непосредственно на материке — прослеживается не везде. Очевидно, он образовался в самом начале IV в. до н.э. Мы считаем, что Широкая улица сформировалась на месте дороги, выводившей из раннего полиса и идущей вдоль его некрополя. Нижнее мощение из тонкого слоя черепков, среди которых отмечены осколки сосудов рубежа V–IV вв. до н.э., может являться мощением этой дороги. Оно могло возникнуть, когда на рубеже V–IV вв. город внезапно выдвинулся за пределы раннего полиса. Второй черепяной слой мощения улицы относится к жизни города в IV – середине III в. до н.э. Это первая мостовая собственно

* Условный ноль расположен на поверхности мощения улицы большими плитами (II–III вв. н.э.) в квадрате 52. Он лежит на 0,45 м ниже асфальта набережной Анапы напротив квадрата 212.

Горгиппии: –67 в квадрате 37, –40 на границе квадратов 94 и 108, –33 в квадрате 150, –20 на площади 178 и +15 на площади 235 (Табл. 31). По нивелировочным отметкам видно, что мостовая в IV–III вв. до н.э. плавно повышалась к востоку, подъем составлял 0,6–0,5 м на 50 м длины улицы.

Если на площадях 23 и 37 верхние слои улицы оказались испорченными в турецкое время, то на площадях 108, 178, 192, 206 и 220 они уцелели. Мощение II–I вв. до н.э. располагалось на глубине –10 на площади 108 и на отметке +10 на площадях 178 и 192, на глубине +70 на площади 235. Оно выполнено из окатанных камней средней величины типа булыжников, которые положены на мелкокаменную трамбовку. В квадратах 178 и 192 удалось проследить даже слабо выраженные колеи от повозок, в которых найдены мелкие монеты эллинистической эпохи. На указанных площадях этот слой мостовой был перекрыт мощной трамбовкой, толщина которой колеблется от 0,5 до 0,8 м. Она содержит пятна ярко-желтой глины с известковыми включениями и мусорный серый суглинок с разномасштабными камнями и кусками керамики античного времени. На этой мощной трамбовке лежали огромные необработанные плиты местного камня "трескуна". Их поверхность с отметкой +100 в квадрате 179 определяет уровень жизни II – первой половины III вв. н.э. Как и прежде, поверхность мостовой повышалась в восточном направлении: на 1 м в пределах 50 м длины улицы (от ±0,00 в квадрате 52 до +100 в квадрате 179. Табл. 32). Установлено, что улица IV–III вв. до н.э. была уже улицы II в. н.э., так как расположенные у ее южного края помещения 52 и 54 уходят на 2 м под вымостку II в. н.э. Все выявленные горизонты улицы имеют неравномерную толщину мощения и трамбовок на всем ее протяжении, что свидетельствует о постоянных подсыпках и ремонтах. Возможно, каждый дом самостоятельно заботился о состоянии примыкавшего к нему отрезка мостовой. Угловым домам при этом, видимо, приходилось приобретать для этих целей амфорный бой на пристани. Только во II в. н.э. улицы вымощены единообразно большими плитами. Мы полагаем, что в это время заботы о благоустройстве улиц взяла на себя городская община.

Аналогичную стратиграфию имеет и другая выявленная на территории заповедника улица — Северная. Подобно Широкой она вытянута вдоль моря (Табл. 31, 32). Обе улицы радиально расходятся. расстояние между ними по западному краю дома 11 равно 11 м, через 50 м по восточному краю дома 19 оно составляет 22 м. Северная улица прослежена в длину на 96 м между площадями 20 и 282. Ширина ее на разных участках колеблется от 3 до 4 м. На площади 20 Северная улица отходит от Первой Поперечной улицы, на площади 282 она упирается в Третью Поперечную. Далее к востоку она теряется в обширном перекопе турецкого времени, но помещения домов 20 и 25 продолжают держать направление этой улицы, однако, в створе улицы располагаются синхронные домам 20 и 25 ямы. Запустение восточного края

Северной улицы произошло, вероятно, одновременно с запустением восточного конца Широкой при сооружении в этой части города огромной цитадели. Мощение Северной улицы большими плитами II в. н.э. сохранилось только в ее западной части, оно расположено на глубине –45. Эта величина находится напротив отметки ±0,00 Широкой улицы (Табл. 32). Таким образом, установлено, что Северная улица во II–III вв. размещалась ниже Широкой примерно на 0,5 м. Слой мощения мелкими камнями на западном конце Северной улицы зафиксирован на отметке –63, а в квадратах 117 и 131 он расположен на глубине –25. Напротив отметки –25 Широкая улица булыжного слоя мощения имеет отметку +10 (квадрат 178). Значит, поверхность Северной улицы располагалась ниже поверхности Широкой и на рубеже тысячелетий. В это время, как и в другие периоды, мощение Северной улицы повышалось с запада на восток (0,8 м подъема на 50 м длины). Для нижних слоев черепяного мощения Северной улицы отмечена та же тенденция к повышению в восточном направлении (–75 на площади 48 и –55 на площади 90).

Расположение Северной и Широкой улиц позволяет предположить наличие в Горгиппии радиальной планировки. Ширина этих улиц вполне согласуется с шириной улиц в других крупных античных городах Северного Причерноморья[22].

Стратиграфия Северной и Широкой улиц соответствует стратиграфии поперечных магистралей. На территории заповедника выявлено три поперечных улицы. Наилучшим образом сохранилась Первая Поперечная улица, она направлена от Широкой к морю вдоль западных границ домов 11 и 12. Ширину эта улица имела не менее 3,5 м (западный край скрыт бортом раскопа). Ее стратиграфия выявлена в шурфе на площади 19. Установлено, что на слое погребенной почвы (–135) лежит мостовая толщиной 0,1–0,15 м из битой керамики IV–III вв. до н.э. (отметки –120 прослежен слой трамбовки из желто-коричневого суглинка с ракушками и угольками, на котором лежит вымостка из небольших плит (–110). На последнем этапе благоустройства улица была вымощена крупными плитами (–60), уложенными на нивелировочную подушку (переотложенный слой) с разнообразными черепками античной эпохи.

Вторая Поперечная улица выявлена фрагментарно. На раннем этапе существования города она соединяла Северную и Широкую улицы. На всю длину этого расстояния она прослежена только на уровне нижнего черепяного мощения. Вымостка содержала материал IV–III вв. до н.э. На площади 162 вымостка перекрыла яму с каменной облицовкой. Следовательно, при постройках рубежа V и IV вв. до н.э. улица еще не существовала. Вдоль черепяной мостовой по западному краю тянулся водосток из поставленных на ребро небольших камней. Между III и I вв. до н.э. в центре улицы функционировал колодец. В Горгиппии не выявлены колодцы для общественного пользования. Видимо, в измененной планировке города и этот колодец локализовался

во дворе одного из частных домов. На площади 177 в створе южного края ранней улицы выявлена вымостка из больших плит (+100). Она вливалась в мостовую Широкой улицы. Под вымосткой лежал водосток из поставленных на ребро больших необработанных камней, его канал подстилали такие же крупные плиты. Эта вымостка, видимо, фиксирует уже не поперечную улицу, а проход между домами 18 и 19 поздней Горгиппии. Таким образом, о Второй Поперечной улице определенно можно говорить только как об улице ранней Горгиппии.

Третья Поперечная улица прослежена с перерывами в длину на 70 м (пл. 281–285, 292–294). Ее поверхность понижалась к морю с отметки +56 (пл. 294 и 308) до –75 (пл. 282). На южном отрезке улицы на отметке около +60 выявлен слой мощения мелкой галькой, осколками камней и черепками с истертой поверхностью, на северном участке этот слой имел вид трамбовки. Непосредственно на нем здесь лежали крупные плоские камни, которые являются вымосткой первых веков нашей эры. Эти камни прослежены и южнее — по линии площадей 303–305. В этом месте они уцелели вдоль восточного фаса широкой стены 570. Эта стена позднеантичной цитадели пролегла вдоль улицы, прекратив ее существование. Трудно решить, какую ширину имела Третья Поперечная улица изначально: у южного края заповедника на нижнем горизонте черепяное мощение в створе улицы выявлено на участке шириной 8 м (пл. 294 и 308), на северном конце (пл. 282–284) улица имела ширину 4 м, но здесь ранние черепяные вымостки могли быть обрезаны подвалами позднеантичного города (Табл. 32, 34). В позднее время ширина улицы фиксируется краями этих подвалов, в частности, 91 и 92. Ширину в 4 м подтверждает проем между подвалами 114 “а” и 115 двух соседних домов позднеантичного города. Черепяные вымостки в створе Третьей Поперечной улицы дали материал IV–II вв. до н.э. Они лежат на тонких золистых прослойках — слое гибели недолго просуществовавших жилищ рубежа V–IV вв. до н.э.

Мы еще не знаем, где располагался и как выглядел общественный центр Горгиппии. Известно, однако, что общественные и культовые постройки, а возможно и некоторые богатые частные дома города возводились с применением ордера. В строительстве использовались все три ордера — дорийский, ионийский и коринфский.

От первого периода расцвета города в IV–III вв. до н.э. сохранились блоки двух известняковых дорийских антаблементов, соединивших в одном камне архитрав и фриз, принадлежащих двум разным зданиям[23]. Прием подобного устройства антаблементов не был широко распространен в греческой архитектуре эпохи эллинизма, но он известен на Боспоре в Мирмекии и Пантикапее[24]. От одного горгиппийского антаблемента уцелел угловой блок с двумя триглифами и гладкой метопой на фасаде высотой 0,9 м, он найден в

строительной траншее на углу анапских улиц Ленина и Кубанской в кладке античного времени как вторично использованный (Табл. 38:1). Под регулой вырезаны не отделенные от нее шесть прямоугольных гуттов. Облегченность антаблемента и прямоугольные концы каналов триглифов позволили Е.А. Савостиной отнести блок к эпохе эллинизма. Тому же зданию мог принадлежать нижний барабан каннелированной известняковой колонны диаметром 0,72 м с одним гнездом для крепления и 20 каннелюрами (Табл. 38:2)*. Высота барабана 0,335 м соответствует канону Витрувия (IV, IV, 9) по дорийскому ордеру. На основании этих двух камней Е.А. Савостиной предложена реконструкция общего вида здания, к которому могли относиться эти детали[25]. Наличие фриза на углу здания определило его принадлежность к простилю и периптеру, последний был более популярен в эпоху эллинизма. В реконструкции предлагается шестиколонный вариант периптера на трехступенчатом стилобате. Согласно расчетам длина фасада составляла 8,25 м, высота его приближалась к 6,8 м (Табл. 38:3). Параметры уцелевшего блока антаблемента здания превышают размеры двух подобных из Северного Причерноморья.

Второй дорийский антаблемент из Горгиппии принадлежал постройке в 1,3 раза меньшей, чем реконструированное здание[26], следовательно, постройка должна была иметь высоту около 5 м. От этого антаблемента уцелел неполный блок с архитравом и частью триглифного фриза. Архитрав отделен от фриза тенией, под которой напротив триглифа имеется узкая регула с прямоугольными гуттами под ней (Табл. 38:4)**.

Дорийскому ордеру, вероятно, принадлежит и скульптурное завершение водомета из известняка, оформленное в виде головы льва. Сима найдена в слое римского времени раскопа "Центр" на месте строительства пансионата "Кубань" (Табл. 43:1). Рядом с этим раскопом в строительной траншее найден вторично использованный блок антаблемента реконструированного Е.А. Савостиной здания. Вместе с ним найдены огромные выпиленные из известняка блоки той же постройки. Подобные вторично использованные камни составляли фундамент внутри раскопа "Центр" (Табл. 35).

В Горгиппии найдена два известняковых блока ионийского антаблемента (Табл. 39:1)***. Архитрав и фриз выбиты в одной плите. Архитрав состоит из трех фасций, увенчанных слегка выступающим а профиле прямым лесбийским киматием с тонко вырезанным пояском маленьких ов. Фриз антаблемента гладкий. В одном из камней антаблемента имеется уступ, который мог быть сделан для соединения двух блоков над колонной. Небольшая

---

* Найден в строительном котловане сзади кинотеатра "Родина".

** Найден там же.

*** Извлечены со дна моря в анапском порту — возможно, были брошены туда при сооружении мола или во время последней войны.

высота архитрава и исполнение его в одном блоке приближают ионийский антаблемент из Горгиппии ко времени Витрувия. Ионийский ордер мобилен и не имеет строгих канонов при расчете пропорций. Поэтому и предложенная Е.А. Савостиной реконструкция горгиппийской постройки в ионийском ордере носит общий характер: на основании двух блоков антаблемента восстанавливается фрагмент фасада и общий вид здания, имевшего высоту до 5 м (Табл. 39: 2, 3)[27].

В ионийском ордере в Горгиппии было построено еще одно сооружение, от которого известен ныне утерянный, но ранее зафиксированный блок антаблемента с посвящением Богу высочайшему; характер письма датирует постройку II в. н.э. (КБН 1116). Расчеты показывают, что этот камень не мог принадлежать ни храму, ни портику, а лишь небольшой постройке типа алтаря или монумента[28]. В культурном слое юго-западной части городища найдена известняковая капитель ионийского ордера, она дополнена пальметтой и окрашена в красный цвет (Табл. 45:1). Эта небольшая капитель принадлежит внутреннему ордеру.

Коринфский ордер в Горгиппии представлен полнее других, все его детали выполнены в мраморе. К этому ордеру относятся: два пышно орнаментированных блока антаблемента, объединяющих фриз и архитрав в одном камне; капитель колонны; четыре блока с кассетами (кассет всего пять) с изображениями мифологических персонажей; капители нескольких пилястр; блок цоколя с раскреповкой и базой угловой пилястры аттического профиля. Все эти детали принадлежат нескольким зданиям. Разобщенность деталей привела к различному толкованию фрагментов. Для римской эпохи характерно разнообразие архитектурных решений, что также делает невозможным однозначное определение по имеющимся фрагментам типов построек и затрудняет создание реконструкций. Не все архитектурные обломки коринфского ордера происходят из Анапы, часть их найдена в различных местах района и даже на большом расстоянии от города. Несомненно, однако, что многие широко разбросанные блоки взаимосвязаны. В турецкое время остатки мраморных зданий Горгиппии и надписи на мраморных плитах были растащены и употреблены для получения извести, но не исключено, что пышно декорированные постройки могли существовать и в окрестностях античного города.

И.Р. Пичикян[29] на основании капители и двух блоков антаблемента, датируемых им вслед за Н.П. Сорокиной I–II вв. н.э., реконструировал периптериальный храм с шестиколонным фасадом на высоком подиуме (Табл. 40:2; Рис. 33)[*] [30]. Фриз покрыт тонким орнаментом побегов аканта и розеток.

---

[*] Блоки найдены за восточной околицей станицы Натухаевской в районе старой мельницы на расстоянии около 20 км от Анапы. Один из них хранится в Анапском музее, другой (лучшей сохранности) в Гос. Историческом музее Москвы.

Четвертый вал по верху фриза прорезан ионийскими овами, под фризом — кима с лесбийским киматием. Архитрав расчленен на две фасции, нижняя украшена валиком в виде плетенки. Две фасции архитрава и узкий фриз позволили И.Р. Пичикяну отнести блоки антаблемента к коринфскому ордеру. По мнению же И.А. Крюковой и Г.Ф. Арзаманова[31] фриз на горгиппийском антаблементе сокращен лишь иллюзорно — он значительно облегчен за счет увеличенной кимы. Это дало основание указанным авторам отнести описанный архитрав к сложному ордеру, в каноне которого для укрупнения членения допускается архитрав с двумя фасциями и увеличенной кимой, так как композитная капитель сложного ордера была значительно массивнее канонической коринфской. Тем не менее, при некоторой трансформации отдельных частей ордера главное его пропорционирование должно было сохраняться. Следует заметить также, что членение архитрава на две фасции встречается с середины II в. и это наблюдение вполне согласуется с развертыванием строительства в Горгиппии не в I, а именно во II в. н.э.

Рис. 33. Блок антаблемента коринфского ордера II в. Мрамор.
Найден вблизи станицы Натухаевской.

Капитель круглой коринфской колонны, использованная И.Р. Пичикяном для указанной реконструкции, сделана из светлого серовато-голубого мрамора, что отличает ее от блоков описанного антаблемента и не дает безусловной уверенности в их взаимосвязанности. Листья аканфа образуют в декоре капители три яруса. Они сильно изрезаны и расширены в средней части. Листья не наслаиваются один на другой, а размещаются в промежутках между собой, касаясь друг друга краями.

К реконструируемому храму И.Р. Пичикян относит также две мраморные кассеты с рельефными головами Медуз, определяя их место во внешней колоннаде храма — один кессон размещается в птероне храма, другой —

в его пронаосе. Одна из мраморных кассет с головой Медузы горгоны найдена в центре Анапы и хранится в Анапском музее[32] (Рис. 34). Широкое лицо медузы с полными губами изображено в фас и обрамлено развивающимися волосами (четко проработаны только ближайшие к зрителю локоны), под подбородком перевязаны змеи. Зрачки глаз подняты к верхним векам и обозначены двумя высверленными углублениями, между которыми оставлена перемычка. Такая трактовка глаз и волос характерна для второй половины II–III вв. н.э.[33]. Вторая кассета найдена рядом с курганом близ имения в Джемете и хранится в Гос. Эрмитаже[34]. На ней в той же манере изображено еще одно лицо Медузы горгоны, мелкие детали изобличают работу другого мастера.

В Краснодарском музее хранится найденный на Кубани еще один кессонированный блок[35]. На нем уцелели фрагменты двух расположенных одна под другой кассет. В центре верхней кассеты помещена голова с короткими завитками волос, вероятно, в петасе; слева за головой угадывается крыло. Е.А. Савостина определяет этот персонаж как Гермеса Кадмилоса. Голова второй кассеты утрачена.

Рис. 34. Кассета с ликом Медузы горгоны. Мрамор. Найдена в Анапе.

В 1975 г. Анапской экспедицией найдены еще две кассеты, выполненные в одном камне — на ул. Шаумяна в селении Гай-Кодзор в арыке после сбегания с гор дождевой воды. На них в горизонтальном ряду представлена рогатая голова Пана или Фавна и широкое лицо молодого Сатира с растрепанными волосами (Табл. 41: 2).

Все перечисленные кассеты имеют близкую величину изобразительного поля (30–35 × 42–44 см). Лица обрамлены рамками, украшенными полосой ов с высотой рельефа 5 см. На горизонтальной стороне рамок размещается по 4 ова, на вертикальной ложится 5 ов. Краснодарский блок с вертикально расположенными кассетами в верхней из них имеет три ова в горизонтальном ряду и четыре в вертикальном. Между кассетами и сверху них вырезана полоса перевитых лентами гирлянд шириной 6 см (пересекающиеся линии гирлянд видны на блоке из Гай-Кодзора и анапском, наличие их можно подразумевать и на других камнях с оббитой поверхностью), на камнях из Гай-Кодзора и Краснодара уцелели полоски, обрамляющие овы и как бы намечающие начало третьих кассет. Хорошо сохранившиеся обратные стороны анапского и гай-кодзорского блоков отшлифованы, толщина каждого из них увеличивается от одного края камня к другому (Табл. 40: 3, 4). На кессоне из Гай-Кодзора в верхнем торце расположен пирон. Кассеты имеют горизонтальную относительно изображений курватуру. Находка блока в Гай-Кодзоре с двумя кассетами, расположенными друг к другу под углом, выявила несостоятельность указанного выше толкования И.Р. Пичикяна двух известных ранее кассет. Анализ пяти ныне имеющихся кассет определяет принадлежность их к одному зданию. Е.А. Савостина предположила, что кассеты принадлежали постройке типа толоса или апсиды, и рассчитала ее вероятный внутренний диаметр — 4,3 м[36]. По длине такого круга в одном горизонтальном ряду должно разместиться 24 кассеты. Так как среди них нет трапеций и нет изображений розетт вместо ликов, которые могли бы восприниматься одинаково с любой точки обозрения, реальнее предположить, что имеющиеся блоки не создавали свод, а опоясывали внутренность сооружения, размещаясь по верху стен в виде декоративного фриза. Наличие вертикально соединенных между собой кассет позволяет предположить фриз из двух горизонтальных рядов кассет. В этом нас убеждает верхняя кассета краснодарского блока с меньшим числом обрамляющих ее ов. Возможно также, что сооружение имело центральное изображение, объединявшее оба ряда кассет. Это предположение основывается на наличии у краснодарского блока вертикальной полоски из восьми ов, протянувшейся вдоль обеих кассет, справа от них на некотором расстоянии. По мнению Е.А. Савостиной постройка снаружи была прямоугольной, внутри стены были облицованы мрамором, который крепился к стене пиронами. Апсида при этом выкладывалась только с внутренней стороны, углы между ней и наружной стеной здания могли забутовываться. Такой способ оформления зданий применялся как в метрополии, так и на Боспоре[37].

Персонажи найденных кассет — Медуза горгона, Пан, Сатир, Гермес Кадмилос — подобраны не случайно. Они представляют круг божеств, окружавших основной персонаж, которому было посвящено сооружение в целом.

Все они могут быть связаны с дионисийским культом, Медуза горгона и Гермес Кадмилос подчеркивают его хтоническую сущность. Основной фигурой мог быть Дионис-Сабазий. Сама же постройка является уникальным архитектурным сооружением, равной которой нет на Боспоре.

Великолепные блоки коринфского антаблемента, капитель и разнообразные кассеты свидетельствуют о величии и пышности оформления общественных и культовых зданий Горгиппии в период второго расцвета города во II в. н.э. Известно, что в римской архитектуре возникло множество региональных вариантов в пределах канона, что привело к появлению в первые века новой эры своеобразной архитектурной эклектики. В это время возникают такие новые элементы, как арка и свод, происходит слияние их с ордером, художественно и конструктивное переосмысление последнего, возрастает роль декоративных элементов. Вследствие указанного разнообразия круглая колонна часто уступает место прямоугольной пилястре как декоративному элементу стены, расчленяющему и облегчающему ее поверхность. Начиная со II в., пилястра, известная и ранее, особенно широко распространяется на периферии империи.

Развитие горгиппийской архитектуры происходило согласованно с общими традициями архитектуры античного мира. Не случайно поэтому и появление в горгиппийских зданиях коринфского ордера различных пилястр. Великолепная мраморная капитель двусторонней пилястры высотой 37,5 см с квадратным основанием шириной 31 см найдена в селении Супсех (Табл. 42:1). Две ее противоположные стороны снизу до верха пересекают пазы шириной 7 см, по обе стороны которых на полосах в 3–5 см отсутствует проработка орнамента. Эти вертикальные плоскости вместе с пазами, служившие для примыкания перегородок толщиной около 15 см, свидетельствуют о том, что капитель венчала двустороннюю пилястру в стене либо решетке. На территории Горгиппии в кладке турецкого времени найдена еще одна квадратная в плане неполная мраморная капитель пилястры высотой 43,5 см (Табл. 42:2). Судя по оформлению, эта капитель венчала угловую, либо трехстороннюю пилястру. Фрагменты капители (или нескольких) с подобной трактовкой найдены в селении Алексеевском, ныне слившемся с Анапой. Эта капитель имела высоту 30 см (Табл. 42:3). Капители горгиппийских пилястр композиционно разделены на три яруса. В двух нижних ярусах вырезаны листья аканта, по 8 в каждом ряду. Нижний ряд занимает почти половину высоты капители (канон требует 1/3). Верхний ярус образован волютами и обратным завитками, вырастающими из листьев. Между завитками тянется прямой или волнистый стебель, увенчанный на середине абаки цветком. Волюты расходятся под углом, близким к 30°. Трактовка листьев аканта своеобразна — их отличает большая перистость и сильная заостренность, кустистость и расширенность в средней части. Листья не накладываются друг на друга, а лишь со-

прикасаются между собой, подчеркивая интервалы. Общая высота капители меньше канонической[38]. Тело капители приближается к кубической форме и создает впечатление монументальности. Каждая из известных горгиппийских капителей пилястр обладает художественной индивидуальностью. По-разному решено в них оформление третьего яруса, различную профилировку имеют абаки. Все эти вариации вполне согласуются с каноном ордера. Аналогии, например, из Том[39] позволяют датировать горгиппийские капители пилястр временем не ранее II в. н.э.

В 1981 г. в строительной траншее на набережной Анапы в пределах городища Горгиппия найден мраморный блок от цоколя здания с раскреповкой и базой угловой пилястры (Табл. 41: 1). Опорная площадка пилястры занимает на нем 36 × 36 см. В ней выбиты два отверстия — одно для крепления пилястры, другое для соединения с соседним блоком. Ширина цоколя у основания — 26 см, высота — 24,5 см. Блок имеет паз шириной 26 см и глубиной 7 см для соединения с перпендикулярной стеной. Пропорциональная близость этого блока к капители из Алексеевки не исключает принадлежность камней одной пилястре. Выявляется также своеобразие в сравнении с каноном аттического профиля описанной базы, ее монолитность и монументальность[40].

Совокупность наблюдений над архитектурными деталями коринфского ордера из Горгиппии и выявление их своеобразия дали материал для предположительной реконструкции внешнего облика некоего "унифицированного" ордера (Табл. 40: 1), существовавшего в городе в первые века н.э., с применением которого было возведено несколько зданий. При этом выявлены отступления от канона в пропорциональном расчете ордера, которые следует рассматривать как "своеобразную систему, отражающую новые композиционные особенности построения ордера"[41]. Отступления от канона, рассчитанного на применение круглой колонны как несущей опоры, следует объяснить заменой ее декоративной пилястрой с прямоугольным сечением. Квадратная форма капители увеличивала ее ширину, следовательно, и ширину каждого листа аканта. Для сохранения стройности граненого ствола можно предположить увеличение его высоты на полмодуля в сравнении со стволом круглой колонны. Вместе с тем утяжелялись и антаблементы построек. Ордер с использованием пилястр являлся вариантом римской ордерной стены, так как пилястра, не всегда связанная со стеной конструктивно, не мыслима без нее композиционно.

Авторы реконструкций коринфского ордера для горгиппийских сооружений с пилястрами пришли к выводу, что во II в. н.э. в Горгиппии существовало не менее четырех вариантов однотипного ордера разных размеров, все они были невелики. Судя по имеющимся фрагментам, максимальная высота пилястры достигала 4,5 м, минимальная высота постройки до верха кар-

низа составляла 3,5 м. Безусловно, пилястры различной величины могли сочетаться и в одном сооружении. Модуль горгиппийского ордера с пилястрами был кратен римскому футу. Модуль меньшего ордера соответствовал 1 футу (высота его колонны = 10 футов, архитрава = 2 фута, полная высота ордера = 12 футов), модуль следующего по величине ордера = футу с четвертью; далее: фут и 3/8; наибольший = 1,5 фута. Пропорции коринфского ордера с круглыми колоннами, вероятно, были близки к канону. Таким образом, в Горгиппии во II в. употреблялись разные параметры коринфского ордера.

Следует отметить, что большинство архитектурных деталей коринфского ордера из Горгиппии сделано из одинакового мрамора — белого с теплым оттенком. В обработке камня очевидно использование одинаковых технологических и ремесленных приемов. Все это в сочетании со спецификой стилистики и ордерного пропорционирования позволяет предположить высокое развитие в городе собственной обработки камня, а также создание своей школы, работавшей на точных расчетах и глубоком знании достижений архитектуры. Не случайно поэтому и упоминание в горгиппийских надписях городского архитектора[42]. Коринфский ордер в Горгиппии далек от своего эллинского прототипа, но он обогащен различными конструктивными новшествами, ставшими ко II в. н.э. обычным явлением на широкой территории Римской империи. На различных этапах существования города очевиден высокий класс горгиппийской архитектуры.

Перечисленные архитектурные детали всех трех ордеров не являются единственными в Горгиппии. Они наиболее ярко характеризуют архитектурный облик города, позволяя ставить вопрос об общем виде зданий. В то же время, в Горгиппии существует обширная коллекция разрозненных камней из известняка и мрамора, являющихся частями различных архитектурных деталей всевозможных построек. Среди них выделяется верхняя часть капители анта из белого мрамора (Табл. 43:7), украшенная профилировкой с обрывками надписи, относящейся к разряду посвятительных или строительных, она связана с монументальным зданием, сооруженным в царствование Перисада II в 80-е годы III в. до н.э.[43]. Неоднократно встречены вторично использованные в позднеантичных фундаментах крупные известняковые блоки с рустами, пиронами, аккуратной подтеской, раскреповкой (Табл. 46: 1–4). В строительной траншее на ул. Ленина найден угловой элемент из белого известняка — база или капитель (Табл. 46:6). Из каменных завалов в различных частях городища постоянно извлекаются осколки разнообразных известняковых профильков — большей частью не от баз и цоколя, а от карнизов с каблучками, выкружками и полочками (Табл. 43: 2, 4; 44: 1–3; 45). Над каблучками могли располагаться карнизы с сильным выносом.

Многие разрозненные фрагменты архитектурных деталей из известняка относятся к дорическому ордеру. Среди них карниз с профилировкой

(Табл. 46: 5), капители и барабаны каннелированных колонн (Табл. 39: 5, 6; 46: 7), база трехсторонней пилястры (Табл. 39: 4). Последняя найдена вторично использованной в кладке лестничной площадки подвала 92 II в. н.э.

Две известняковые базы колонн диаметром 0,5 м высотой 0,3 м найдены в строительном котловане на углу анапских улиц Ивана Голубца и Новороссийской за пределами городища Горгиппия, они имеют большие прямоугольные врезки, в которых, вероятно, крепились деревянные стволы колонн (Табл. 43: 5). Позже базы были отесаны и употреблены в других кладках. На городище найден массивный барабан колонны с гладкой поверхностью.

Из каменного завала извлечен фрагмент карниза из белого мрамора от фронтона небольшого сооружения. Отклонение профилировки этого камня от отвесной линии иллюзорно увеличивало высоту карниза (Табл. 44: 5).

В верхнем слое городища над остатками эллинистического дома 4 с внутренним двором, вымощенным огромными известняковыми плитами, с выдолбленным в известняковых плитах водостоком найден известняковый блок с сухарным карнизом (Табл. 43: 3; 44: 6). Снизу сухарики подчеркнуты полочкой и выкружкой. Сухарики украшали здания как в эпоху классики, так и в императорское время[44]. В позднее время они обычно располагались между фризом и выносной частью карниза, украшая постройки всех трех ордеров. Так как над остатками дома 4 найден осколок известняковой капители ионийского ордера, можно предположить, что найденный здесь же сухарный карниз украшал здание с применением этого ордера.

В 1988 г. в строительном котловане в юго-западной части городища найден известняковый каннелированный барабан колонны (Табл. 45: 2; 47: 1) с прямоугольными врезками на плоских сторонах (10 х 13 см). Диаметр барабана — 0,78 м. Высота его соответствует канону дорического ордера — 0,332 м (Витрувий IV, IV, 9). На барабан нанесены 20 каннелюр (R = 7,5 см), на плоской грани барабана процарапаны линии разметки. Зная нижний диаметр колонны, можно вычислить ее высоту по распространенному отношению высоты колонны (H) к нижнему диаметру (D): H/D = 6 или 5,4. Условно приняв наш барабан за нижний, получим возможную высоту колонны: 78 см × 6 = 4,7 м или 78 см × 5,4 = 4,2 м. Эта величина может стать основой для определения высоты здания[45].

* * *

Основными объектами, исследовавшимися в раскопах на городище Горгиппия, являются жилые дома. Однако, полного представления о величине и планировке городских кварталов Горгиппии до сих пор нет. Завершено исследование только одного городского квартала у западного края заповедника; заключенный между двумя радиально расходящимися улицами (Север-

ной и Широкой) он имеет трапециевидную форму. Площадь его приближалась к 850 м^2 (Табл. 32). Длина этого квартала составляла 48 м; длина квартала вдоль южной границы заповедника была не менее 90 м, а площадь его превышала 2200 м^2. Квартал вдоль северной границы заповедника также тянулся не менее чем на 95 м. Между берегом моря и Северной улицей могла существовать еще одна улица. В ходе хозяйственных разрытий на набережной Анапы исследовалось помещение у самой воды напротив западного крыла здания музея. Оно отстоит от помещений 24 и 26 на 48 м и вряд ли может составлять с ним одно здание. Часть древнего приморского квартала погибла в береговых осыпях, но она незначительна.

Сразу за южной границей заповедника вдоль анапской улицы Кубанской, вероятно, проходила еще одна улица радиального направления, замыкавшая с юга квартал с домами 5, 6, 7.

Планировка отдельных домов Горгиппии четче всего читается на наиболее крупном раскопе — территории заповедника. Сопоставление планов разновременных домов подводит нас к мысли о том, что площади многих из них, видимо, совпадали, так как веками на одном и том же месте располагались дворы и выходы с них на улицу. Особенно хорошо это прослеживается на участке, занятом домом 6 (Табл. 31, 32; Рис. 35). Дом 6 был построен во II в. и погиб во всеобщем пожаре Горгиппии III в. Под каменной вымосткой 334 его двора (+75) лежала черепяная вымостка (+60) дома 8 середины I в. до н.э. – I в. н.э. Под ней (+40) располагалось мощение большими известняковыми плитами 389 двора дома 4 середины III – середины I вв. до н.э. Ниже на том же месте на глубине +25 лежали большие дикарные плиты, мостившие двор дома IV – середины III вв. до н.э. Каждую из перечисленных вымосток подстилали специальные трамбовки. Этот многослойный и многовековый двор во все периоды его существования имел один и тот же выход на Широкую улицу — он тянулся вдоль стыка площадей 81 и 95, 82 и 96, 83 и 97. Во все времена вдоль этого прохода тянулись по-разному сложенные водостоки, отводившие сточные воды со двора на улицу (Рис. 36). Каналы их были перекрыты плитами мостовых. Вымостки в проходе, видимо, сливались с мощением улицы. На других участках заповедника менее ярко, но так же прослеживается хронологическая взаимосменяемость домов, привязанных к определенному участку. Можно поэтому предположить, что территория города еще при первоначальном строительстве была разбита на участки определенной величины, владение которыми должно было официально предоставляться гражданам. В свою очередь, оно обеспечивало их гражданский статус. Владельцы домов менялись, дома перестраивались после больших катастроф, но величина участков сохранялась веками. Эта стабильность позволяет предположить, что подобные вопросы каким-то образом регламентировались город-

скими властями. Определенная стабильность площадей застройки отмечена и для Ольвии[46].

В Горгиппии площади, которые занимали отдельные дома, возможно представить преимущественно для первой половины III в. н.э. Целиком из сохранивших планировку раскопан только дом 11 в западной части заповедника, он занимал площадь около 400 м^2 (Табл. 139, 140). Другие исследовавшиеся дома того же времени располагаются на участках 700 и более м^2. Среди них есть почти полностью раскопанные, однако, по какой-нибудь из сторон границы их остаются невыясненными, так как строительные остатки продолжаются в борта раскопа под анапские улицы.

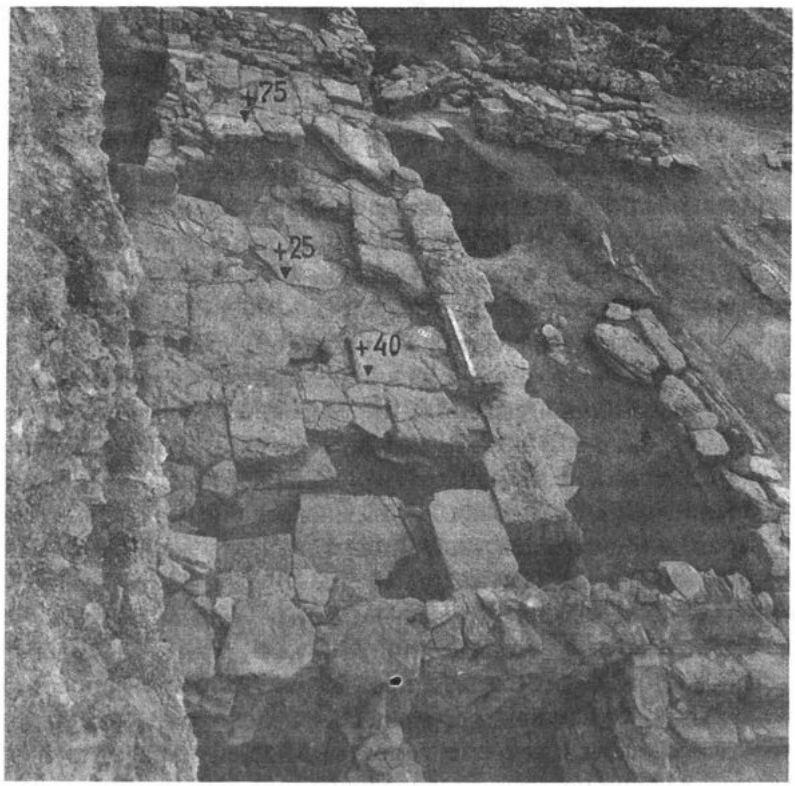


Рис. 35. Вымостки дворов разновременных зданий, перекрывающих друг друга.

Во все периоды существования Горгиппии дома города объединялись в плотно застроенные блоки, создающие кварталы. Внутри кварталов одновременные здания вплетались друг в друга, части одного дома нередко выступали внутрь соседних дворов. Планировки домов различны, но все они имеют аналогии среди жилых домов других античных городов Северного

Причерноморья. Блочная застройка унифицированными в планировочном отношении домами характерна также для разных хронологических периодов Ольвии, Херсонеса и многих городов Боспора. В Горгиппии строили дома с одним и двумя дворами, дворы бывали окружены с трех сторон стенами собственного дома, иногда они примыкали к глухим стенам соседнего дома. Внутренние дворы сообщались с улицами узкими (1,5–1,8 м) проходами, вдоль которых под вымостками (или открыто по краю прохода) проходили водостоки, отводившие сточные воды на улицу. На горгиппийских улицах отсутствуют колодцы для общественного пользования, каждый дом имел свой колодец с поступавшей из недр питьевой водой. При некоторых домах функционировали винодельни.

Рис. 36. Канал водостока II–III вв. (перекрывающие плиты сняты).

Всего в Горгиппии раскопаны остатки не менее 60 разновременных домов (начиная со второй четверти IV в. до н.э.), многие из них фрагментарны. Объединение часто разрозненных строительных остатков в жилые комплексы каждый раз требует обоснования. Хронологическими вехами в этом

вопросе являются моменты древних перестроек и ремонтов при восстановительных работах после катастроф, связанных с политической историей города. Каждый строительный период города отличают свои особенности домостроительства.

Первый строительный период Горгиппии (IV – третья четверть III вв. до н.э.) делится на этапы А и Б, которые различаются только на основании стратиграфии и объединяются по той причине, что находки, сопровождающие обрывки строений, не имеют достаточно узкой хронологии. В то же время, безусловно отмечено, что в культурном слое периода IА встречаются керамические изделия, которые могут быть датированы V в. до н.э. В культурном слое периода IБ этих изделий нет. Имеются ввиду обломки хиосских амфор, чернолаковой посуды с оливковым отливом и пурпуром, сосудов с неровным жидким лакообразным красным и черным покрытием с характерной красной краской на поверхности, сосудов из белой и шероховатой серой глины. Подобные изделия составляют основную массу находок в жилых комплексах IV строительного периода раннего полиса и могилах его некрополя. В культурном слое периода IА эти находки не представлены в чистом виде, обычно они сочетаются с несколько более поздней керамикой: частями амфор Менды и с колпачковыми ножками, фасосских, гераклейских, фрагментами ранних краснофигурных сосудов. В свою очередь, эти последние в некоторых местах городища составляют единый слой с керамикой, датировка которой укладывается в рамки всего IV и первой половины III вв. до н.э. (чернолаковыми сосудами со штампованным орнаментом, краснофигурной керамикой, амфорами Фасоса и Гераклеи) — этот слой мы относим к периоду IБ. Таким образом, слой гибели первого строительного периода Горгиппии содержит материал с конца V в. до середины III в. до н.э. Строительных остатков в этом слое уцелело немного. Тем не менее, отмечено, что в пределах единого слоя одни объекты перекрыли другие, что и дало основание для выделения этапов А и Б. По-видимому, этап IА соответствует внезапному разрастанию раннего полиса на рубеже V и IV вв. до н.э., это как бы промежуточный этап между ранним полисом и собственно Горгиппией. Как можно предположить, это был полис в формирующемся объединении городов Боспора. Этап IБ — это перестройка того же полиса во второй четверти и середине IV в. до н.э. после присоединения Синдики к Боспору, то есть основание собственно Горгиппии. Слой периода IБ сохранился полнее.

Следы строительного периода IА выявлены в непосредственной близости к некрополю раннего поселения: на территории археологического заповедника и у восточного края пансионата “Кубань”. На территории заповедника уровень дневной поверхности периода IА определяется черепяным мощением Широкой улицы на глубине –80 на площадях 23, 37, 51. Черепки лежат

непосредственно на погребенной почве. Как отмечалось выше, эта вымостка перекрыта специальной трамбовкой и устроенным на ней следующим слоем черепяного мощения с отметкой дневной поверхности –67, относимым к горгиппийской мостовой периода IБ. Несколько слоев черепяных вымосток отмечено в квадратах 162, 177, 191. Тонкий слой керамики рубежа V–IV вв., лежащий на погребенной почве, мы относим к периоду IА. В квадрате 191 он означает продолжение к востоку Широкой улицы.

В средней части археологического заповедника материал рубежа V–IV вв. обнаружен в ямах 196 "а", 298, 312, 356, в колодцах 5 и 12. От ямы 356 уцелел выдолбленный в скале низ, он был перекрыт полом горгиппийского дома 29, существовавшего в IV и первой половине III вв. до н.э. Колодец 5 и яма 298 оказались под домом 13, одновременным дому 29. Колодец 12 функционировал при доме 10, синхронном домам 13 и 29; ранний материал найден в его нижней части.

В северо-восточном углу городища находки V и начала IV вв. содержали низы хозяйственных ям 332, 334, 335, 338, 341, колодец 15 и зольное пятно на площадях 283–285. Зольное пятно лежало на материке, это слой гибели какого-то жилища. Его темно-серый суглинок с яркими прослойками золы содержал угольки, скальную крошку, кости животных, камешки, черепки. Тот же слой заполнял впущенные в материк ямы 332, 335, 341 (слой гибели постройки засыпал и существовавшие при ней ямы). Пожарище было снивелировано в IV в. до н.э., очевидно, в его середине, и перекрыто черепяно-галечным мощением Третьей Поперечной улицы Горгиппии. У южного края заповедника на пл. 294 также под черепяно-галечным мощением той же улицы выявлен тонкий слой пожара начала IV в. до н.э.

При доме, от которого сохранился зольный слой гибели на площадях 283–285, функционировал колодец 15. Вероятно, его окружала черепяная вымостка, которую затем перекрыла черепяно-галечная мостовая Третьей Поперечной улицы. При перепланировке в колодец произведен сброс керамики — множество фрагментов отличалось потертостью, так как использовалось в вымостке.

Колодец 15, один из ранних в Горгиппии, имел диаметр 1,5 м, ширина шахты достигала 2 м. Дно его зачищено на глубине –440. Нижние 1,9 м шахты вырублены в скале. Шахта, пройденная в материковой глине, облицована каменной кладкой. Два нижних ряда облицовки выполнены из мелких бутовых камней, вверх величина камней увеличивается до 0,7 × 0,2 м. На глубине –190 в обкладке устроены четыре углубления в размер вынутого камня. Очевидно, в эти отверстия вставлялись бревна для очистки колодца либо для закрепления устройства, облегчавшего подъем воды. Мелкий керамический бой заполнял колодец до глубины –317, ниже лежали крупные части сосудов и развалы целых амфор. Клейма гераклейских амфор из колодца характерны

для IV в. до н.э., начиная с его второй четверти. В колодце найдены клейменные ручки фасосских и синопских амфор, множество обломков керамических сосудов IV – начала III вв. до н.э. Из верхних 0,6 м заполнения извлечено свыше 1000 мелких и потертых амфорных обломков, среди которых отмечены и фрагменты, датируемые V в. до н.э. Они подобны осколкам из зольного пятна: части амфор с колпачковыми ножками, осколки круговой посуды с неровным красным и темным покрытием мазками и различными полосами. Разборка заполнения колодца убедила нас в том, что он функционировал в периоде IБ, но на каком-то этапе его был засыпан. Верхнюю часть заполнил сброс керамической вымостки рубежа V–IV вв. вперемешку с керамикой слоя IБ.

Таким образом, на территории нынешнего заповедника город существовал на рубеже V–IV вв. до н.э., но говорить о планировке строительного периода IА не приходится, так как собранные сведения отрывочны.

Нечетко определяется слой IА и в других раскопах на территории Горгиппии. Возможно, к нему следует отнести однокамерный дом, исследованный около восточного края пансионата "Кубань" (Табл. 36). Стратиграфия и характер находок в окружающем дом культурном слое позволяют лишь ставить вопрос о возможности отнесения здания к периоду IА, так как заполнение его единственного помещения уничтожено поздним перекопом. Важно отметить, что на данном участке только это сооружение ориентировано стенами по сторонам света, подобно постройкам раннего полиса, выявленным в раскопе "Океан". Планировка же собственно Горгиппии как на данном участке, так и на всех других, заложенная не ранее первой четверти IV в. до н.э. имеет иную ориентацию зданий — углами по сторонам света. На расположенном поблизости раскопе "Кубанский" в 1968 г. также обнаружено некоторое количество находок V в. до н.э., что еще тогда дало возможность надеяться найти рядом слои, соответствующие наиболее раннему периоду существования города[47].

Единственное помещение в городе строительного периода IА площадью 19 м^2 слегка вытянуто с севера на юг. Стены сложены впереплет из камней песчаника и ракушечника средней величины. Камни скреплены глиной и имеют подтесы на обращенных внутрь помещения сторонах. По ширине кладок (0,6 м) уложено два – три камня. Наиболее крупные камни включены в нижнюю часть северной стены. Стены впущены в материковую зеленоватую глину до глубины –294*. В отдельных местах они сохранились на 0,7 м высоты, что соответствует четырем вертикальным рядам кладки. В северной стене

* Нулевые отметки заповедника и раскопа на строительстве пансионата "Кубань" не соотнесены между собой. В Кубанских раскопах ноль отражает дневную поверхность Анапы в данном месте.

устроен дверной проем шириной 1,4 м. В торцовых сторонах обрамляющих порог стен имеются пазы для дверей (0,15 × 0,12 м), они расположены ближе к внутренней части помещения. Вход расширялся наружу до 1,5 м за счет скоса торцовых частей стен. Порог сложен из пяти плоских камей известняка. Высота порога — 0,15 м, подошва лежит на глубине –276. В центре порог сохранил стертость. Снаружи к нему примыкала вымостка (–260), она определяет дневную поверхность постройки. Следовательно, она была наземной, что подтверждается и двухфасностью стен. Культурный слой, связанный с домом, выявлен снаружи постройки на глубинах от –200 до –280. Это плотный коричневый суглинок с фрагментированными амфорами: колпачковой ножкой, пухлым горлом хиосской с красной полосой, клейменными ручками фасосских.

В строительный период IБ были заложены основы планировки города на все последующие века. В IV в. до н.э. в его северо-восточной части уже функционировали две поперечных, Широкая и Северная улицы, вдоль них располагались дома. В различных раскопах на городище исследовались остатки не менее 14 домов этого периода. У пересечения Северной и Первой Поперечной улиц стоял дом 3 с помещением 21, с востока к нему примыкал дом 29 с помещением 102, между Северной и Широкой улицами напротив домов 3 и 29 в одном квартале располагались дома 22 и 13, восточнее Второй Поперечной улицы размещался дом 14, вдоль южного края Широкой улицы прослежены остатки домов 1, 2, 10 (Табл. 31). Дом 41 выявлен под зданием анапского морского вокзала (Табл. 37 : 1)[48]. Части домов 52 и 53 исследовались в раскопе "Океан" (Табл. 27), части дома 54 прослежены в раскопе у западного крыла пансионата "Кубань" (Табл. 35), следы дома 42 выявлены под метеоплощадкой около гостиницы "Анапа", следы дома 45 удалось выявить сзади западного крыла гостиницы "Анапа" (Табл. 37 : 2).

Все перечисленные дома строительного периода IБ сохранились фрагментарно, нет представления об их размерах и планировке (Табл. 51, 64). Тем не менее, на основании раскопанного можно сделать некоторые выводы о развитии строительного дела города в период IБ — период, когда сложились основные принципы домостроительства, которые в дальнейшем совершенствовались и развивались. В этот период в городе начали строить дома с помещениями, заглубленными в грунт до 1,5 м. В плане целого дома таких помещений устраивалось, очевидно, не более одного – трех. Стены подвалов являлись каменными фундаментами для наземных кладок из сырцовых кирпичей. Для возведения частей здания, не имевших под собой подвалов, выкладывали невысокие каменные фундаменты, едва впущенные в грунт. Перекрытия делались из деревянных балок, куски которых сохранились в пожарищах (помещения 72 и 102). Там, где подвалы впущены в грунт на 1,5 м, полы первого этажа располагались несколько выше дневной поверхности; очевид-

но, это был досчатый настил на балках перекрытия. В подвалах полы были глинобитными. Обычно глиняная обмазка покрывала тонким слоем скальное дно котлована, вырытого для устройства подвала. Скальные породы под Горгиппией рыхлые, они чередуются с плотными глинами, пласты залегают под углом 30–45° по отношению к линии горизонта и выступают на поверхность гребнями (Рис. 37). Часто при устройстве подвалов приходилось стесывать скальные гребни. На полах промежутки между скальными гребнями забутовывали щебнем. Кровли всех домов были черепичными. Щели на стыках плоских керамид закрывали двускатными калиптерами, полукруглые в это время распространены слабо. Широко использовалась привозная черепица,

Рис. 37. Скальные гребни под снятым глинобитным полом подвала II–III вв.

главным образом, из Синопы. Среди обломков синопских соленов есть клейменные ранней эмблемой орла на дельфине. Двускатные калиптеры этого времени часто окрашены в красный цвет. Редко, но использовались фигурные антефиксы, они также бывают окрашены красным (Табл. 48). Из слоя эллинистического времени происходит фрагмент терракотового карниза из ме-

стной глины с рельефным меандром — часть внутреннего убранства здания (Табл. 48 : 4). Широко применялась черепица боспорских царских эргастериев, употреблялись керамиды собственного производства с личным клеймом Горгиппа (Рис. 8). В слое гибели одного дома обычно встречаются самые разные черепицы. Очевидно, при строительстве закупка производилась партиями, поступавшими из разных мест. Черепицы выходили из употребления вместе с гибелью дома.

Каменные фундаменты для наружных стен домов имеют толщину 0,8 м, для внутренних — 0,6 м. Кладки иррегулярны. Стены сложены преимущественно из камней мергеля и песчаника различной величины и окраски (серых, желтых, красноватых). Многим камням приданы подпрямоугольные очертания. Нередко в кладках вторично использованы зеленовато-серые булыжники из стен V в. до н.э. Наиболее крупные камни укладывались в низ стен, в углы и на косяки. В кладках заметно стремление к горизонтальной рядности, но выдержать ее при использовании разномасштабных камней не удавалось. Стены складывали на глинистом растворе, стремясь плотно подогнать камни друг к другу. Щели между крупными камнями аккуратно забутовывали мелкими, щели в кладках периода IБ редки. В подвальных стенах крупные камни выводили на фасы. Середину стены или пространство между лицевой кладкой и краем вырытого для подвала котлована забутовывали рваными камнями. Иногда большие камни целиком перекрывали ширину стены. Заглубленные в грунт помещения занимали различную площадь (4, 9, 15, 20 и даже 30 м^2). Так как они были впущены в грунт не более, чем на 1,5 м, лестницы в них вели непосредственно с поверхности дворов. Такие лестницы были каменными и состояли примерно из семи ступеней. Дверные проемы между сообщающимися помещениями и выходы на лестницы имели ширину 0,85–1,1 м. В наземных помещениях устраивали перегородки, в которых камышовый каркас обмазывался глиной, а иногда дополнительно штукатурился известковым раствором (помещение 102). Куски глиняной обмазки со следами выгоревших тростников появляются в горгиппийских домах в IV в. до н.э. (дом 29), они найдены в подвалах вместе с рухнувшими в них наземными стенами. В зданиях периода IБ встречены также куски штукатурки с красным пигментом на тонком известковом растворе (дом 52). Глиняная обмазка перегородок как и куски саманных кирпичей сохранили следы выгоревших примесей соломы. Уцелевшие от строительного периода IБ саманные кирпичи имеют размеры: 25 × 18 × 8 см (помещение 72) и 30 × ? × 7 см (дом 41). В полуподвалах хозяйственного назначения выявлены места хранения зерна (пифос с зерном в помещении 21, гора горелого зерна на полу помещения 102). В помещении 102 найден нож для срезки винограда (Табл. 69 : 15). Очагов для обогревания жилищ или приготовления пищи среди остатков домов периода IБ не найдено.

Дворы домов в отличие от черепяного мощения улиц были покрыты каменными плитами, иногда очень крупными (дом 1). Отводящие русла водостоков с уклоном в сторону улиц имели различные конструкции: одни были выдолблены в глыбах известняка (дома 13, 45), другие сложены из поставленных на ребро камней (дома 1, 52). Известно устройство дополнительного русла из калиптеров вдоль основного действующего.

Колодцы устраивались только во дворах домов. Они имели преимущественно круглую форму (заповедник: 1, 3, 7, 8, 10, 15). Для периода IБ известны только два квадратных колодца (заповедник: 12, 17). Шахты всех колодцев не менее чем на 2 м прорублены в скале. Материковые глины над скалой облицовывались каменными кладками.

Во дворах рыли ямы хозяйственного назначения, при доме их было не менее двух – трех. Во время гибели домов периода IБ большинство ям стояло пустыми — они оказались засыпанными слоем гибели этих домов. Конструкции грунтовых ям периода IБ мы представляем плохо, обычно от них сохраняются только донные части. Отдельные ямы сохранили грушевидную форму вертикального разреза.

Черепяные вымостки улиц периода IБ содержат материал, синхронный домам, примыкавшим к улицам. В вымостках использовано особенно много амфорных ручек и ножек, которые не давились под ногами и колесами повозок. Слой черепков, покрывавших мостовые, не был мощным, подсыпки керамических обломков производились многократно. В ряде случаев это были, очевидно, выбросы битой посуды перед своим жилищем.

Дома периода IБ на разных участках города погибли в сильном пожаре. Полуподвальные помещения этих домов оказались до верху заполнены крошкой саманных кирпичей яркого оранжевого цвета. На полах лежал слой углей и сажи, обуглившиеся куски балок. Слой гибели в наземных частях здания представлял собой массив желтой глины с золистыми примесями — это развал сырцовых кирпичей. Только в сильном огне, который бушевал в подвалах, сырцовые кирпичи закалились до оранжевого цвета. Слой интенсивного пожара из подвалов не выбирался, он насыщен керамическими обломками и содержит отдельные предметы, провалившиеся при пожаре из жилых комнат первого этажа (Табл. 52–63, 65–71). На поверхности пожарище было выровнено как строительная площадка для возведения новых домов, камень при этом по возможности выбран для следующего строительства. Слой гибели наземных частей построек периода IБ визуально не отличается от слоя гибели жилищ периода IА.

Пожар произошел около третьей четверти III в. до н.э. Эта дата подтверждается монетами и амфорными клеймами (дома 10, 29, 41, яма 312).

Второй строительный период Горгиппии (конец III – середина I вв. до н.э.) характеризуется в домостроительстве города продолжением использования разработанных в предыдущий период строительных приемов. Остатков домов второго строительного периода уцелело меньше, чем первого. Восстановительные работы после пожара третьей четверти III в. до н.э. не изменили основную планировку города. Улицы Северная и Широкая сохранены и благоустроены. Черепяное мощение ранних мостовых заменено вымостками из мелких и средних камней, которые положены на специальные трамбовки, основу которых составляет перемещенный слой гибели предшествующей эпохи. Он носит глинистый характер, так как своим возникновением обязан развалу сырцовых стен сгоревших домов. Действие огня обусловило вкрапление глины, окалившейся до оранжевого цвета. При рытье новых подвалов, ям и колодцев, установке фундаментов домов второго строительного периода вынутый грунт был использован для подсыпок при мощении дворов и улиц. Таким образом повысился и уровень дневной поверхности, в среднем на 0,2–0,4 м. Улицы были расширены: помещения 52 и 54 у южного края Широкой оказались перекрыты вымостками.

На территории заповедника в прежних традициях выстроен дом 15, в измененном виде продолжает существовать дом 10 (засыпаны помещения 52 и 53, используется подвал 72. Табл. 31). Ни размера, ни полного плана дома этого строительного периода мы не знаем. Тем не менее, мы получили некоторые данные, позволяющие представить общий вид дома среднего достатка — дома 15. Он занял участок сгоревшего дома 13. В настоящее время можно судить только о северной части этого дома (Табл. 72, 73). Южная половина дома, очевидно, примыкавшая к Широкой улице, утрачена во II в. н.э. при сооружении дома 19, глубокие подвалы которого разместились на месте именно южной части дома 15. На северной стороне дома 15 размещались вытянутые в линию четыре помещения: два наземных (33, 34) и два полуподвальных (41, 42). Помещение 33, вероятно, сообщалось с Северной улицей и обширным хозяйственным помещением с пифосом. Северная сторона здания по линии указанных помещений, очевидно, прикрывалась портиком, что подтверждается находкой в слое гибели дома прямоугольной известняковой капительки (подобные найдены и в слое гибели синхронного дома 10, аналогичная капитель использована вторично в доме 60 I в. н.э.). Такие капители употреблялись в Северном Причерноморье для оформления внутреннего ордера в рядовых жилых домах[49]. Дом занимал площадь более 400 м^2. Двор его был вымощен каменными плитами: обрывки вымосток отмечены в районе ямы 194 на двух близких уровнях (±0,00 и –10). Уровень дневной поверхности по Северной улице около дома лежит на глубине –30/–20. Соответствующий горизонт мощения Широкой улицы рядом с домом имеет отметку +10.

Полы подвальной части дома располагались на глубине –164 (глина намазана на подтесанную скалу), следовательно, они заглублены на 1,45 м по отношению к поверхности Северной улицы, на 1,65 м по отношению к поверхности двора дома и на 1,85 м по отношению к поверхности Широкой улицы. Кладки фундаментов (они же стены подвалов) в отдельных местах уцелели до отметки +35. Дом безусловно имел выступающий из земли каменный цоколь, продолжавший фундамент. Судя по слою гибели дома, на нем стояли стены, сложенные из саманных кирпичей. Ширина каменных кладок фундамента по наружному периметру дома достигала 0,8 м. Гнезд для балок перекрытий в стенах нет. Они могли располагаться выше уцелевшей части стен. Балки могли укладываться и непосредственно на цоколь. В этом случае они закреплялись глиняным раствором и перекрывались кирпичной стеной. Сопоставление нивелировочных отметок поверхности, примыкавшей к уцелевшим помещениям улицы (–30) с уцелевшим верхом стен (+35), показывает, что фундамент выступал из земли не менее, чем на 0,65 м. Таким образом, с учетом опор перекрытия для помещения 42 можно обоснованно предположить высоту 2,2–2,5 м. Периметр подвала в уменьшенном размере повторяли плоские камни, вмазанные в его пол. Они служили подножием для опор перекрытия, которое, в свою очередь, являлось полом наземной комнаты здания. Каменные стены подвала 42 были обмазаны глиной. Использован еще какой-то материал для его утепления, оставивший черный тлен на полу, возможно, морская трава. Она выстилала не только пол, но и загибалась на стены. Светильник ставился в нишу справа от входа на высоте 1 м от пола.

Наземная часть дома реконструируется на основании расчетов и аналогий. Кладка стен из саманных кирпичей при ширине каменного фундамента 0,8 м могла иметь максимальную ширину 0,6 м. Так как в Горгиппии широко известны саманные кирпичи шириной 0,4 и 0,2 м, можно предположить сочетание в одном ряду тех и других плоско положенных кирпичей, порядок укладки повторялся через ряд.

Потолочные бруски вместе с опорными балками и досчатой выстилкой пола первого этажа должны были занимать не менее 0,8 м высоты. Расчет прочности позволяет принять для определения высоты стены из саманных кирпичей отношение ее ширины к высоте как 1:4 или 1:5. Значит, высота комнат первого этажа была близка к 2,5 м. При этом в кладках стен размещалось не менее 30 кирпичей, обычная толщина которых составляла 0,08 м.

Согласно Витрувию (IV, III, 4) при расчете высоты атриумных помещений следует исходить из их длины. Высота до балочных перекрытий должна равняться 3/4 длины, оставшаяся четверть идет на потолочины и крышу над балками. Предполагаемый для горгиппийского дома 15 разрез с реконструкцией, проходящий через помещение 42 длиной 6,5 м, предусматри-

вает высоту до балок, равную 5 м (считая, однако, от скального основания). На потолочины с крышей в нашем варианте отводится 2 м.

Уклон кровельного ската мы условно принимаем равным 17–20°, он обоснован при реконструкции ольвийских домов[50]. Ширина пролета в чистоте составляет 5,5 м, поэтому наиболее вероятен односкатный вариант кровли. Судя по обилию черепиц в слое гибели дома, его кровля была черепичной.

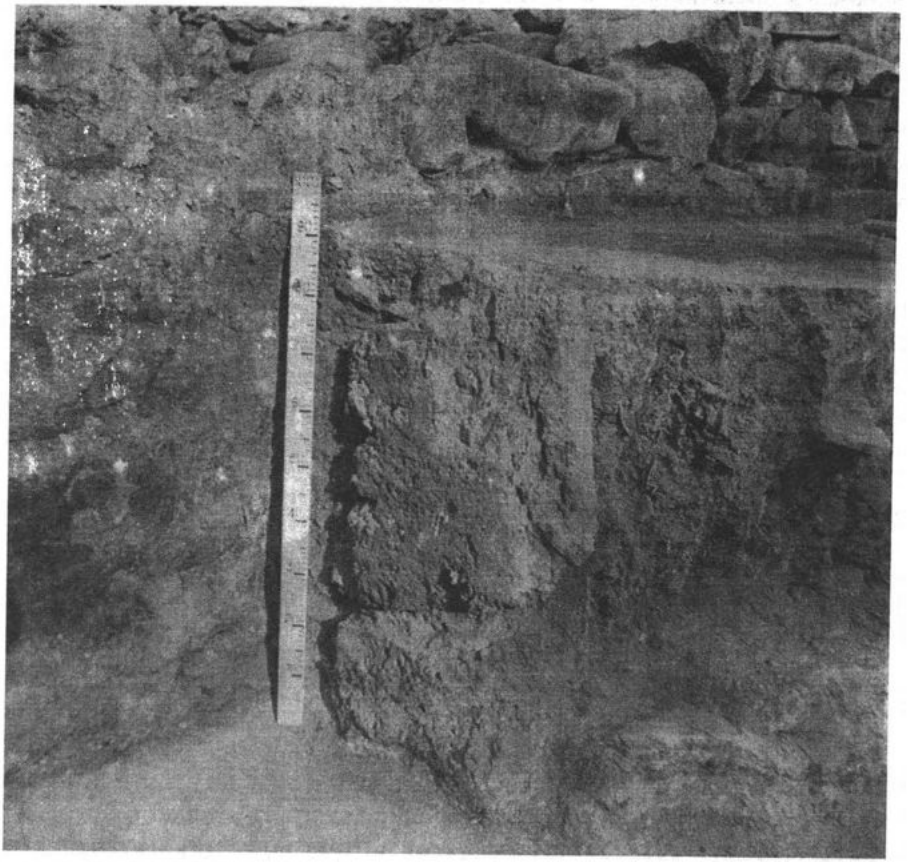


Рис. 38. Слой пожара с кусками саманных кирпичей на полу подвала дома 15.

Линия стен 269/272 была несущей. Видимо, здесь располагался портик. Навес должен был прикрывать лестницы, ведущие в помещения 41 и 42. Ширину пастады принимаем условно, ориентируясь на выходы из этих помещений и наличие фрагмента кладки 254 "а" (–13 подошва). Получается, что цоколь пастады был не уже 3 м. Близкую ширину имеют портики в ольвийских домах эллинистического времени[51]. Ширина портика фиксирует его высоту — до 3 м. Найденная в доме капитель имеет в основании прямоуголь-

ный паз для соединения с деревянным столбом. Ордер с квадратным опорным столбом назван у Плиния аттическим. О.Шуази определяет его как ордер пилястров. Антаблемент этого ордера носит дорийский характер, однако, упрощен. Капители его подобны антовым. Столб со стороны фасада имеет стройные пропорции анта, рассматриваемого в профиль. Высота опорных столбов была в 11 раз больше толщины, высота капители равнялась 1/30 длины ствола. Этот ордер был в большом ходу в гражданской архитектуре Греции[52]. При расчете высоты несущего капитель столба дома 15 за основу берем ширину основания узкой стороны капители. Она составляет лишь 0,12 м. Обычное для аттического ордера соотношение узкой стороны столба к его высоте как 1:10 или 1:11 позволяет предположить для дома 15 высоту столба, несущего найденную в нем капитель, не более 1,3 м. Такой невысокий столб с маленькой капителькой мог относиться к портику полузакрытого типа[53].

Рис. 39. Мраморная фигура Тюхе в слое пожара дома 15.

От лестницы, выводящей из подвала 42, уцелели три нижние ступени неодинаковой высоты. Ориентируясь на них, реконструируем остальные до поверхности двора. Угол уклона лестницы составляет 40°. Каменное мощение двора перекрыло слой гибели дома 13 IV – начала III вв. до н.э. На расстоянии 2,5 м от предполагаемого портика располагалась грушевидная в вер-

тикальном разрезе яма хозяйственного назначения. Низ ее вырублен в скале, стенки до скалы облицованы камнем.

При сооружении дома 15 использованы смешанные конструкции. Камни употреблены в фундаментах, опорах, лестницах, вымостках. Из дерева сооружены перекрытия, стропила, балки, опорные столбы. Куски сгоревших балок найдены в слое пожара внутри дома. Глину использовали как связующий раствор в кладках, для обмазки стен, полов и перегородок, изготовления саманных кирпичей (Рис. 38).

Дом жил в достатке, о чем свидетельствует как занимаемая им площадь, так и некоторые находки: мраморная фигура богини Тюхе (Табл. 74; Рис. 39), орнаментированный лутерий, чаши и кубки типа мегарских, расписные лагиносы, чернолаковый фигурный светильник в виде негритянки с корзиной на голове, крупная золотая бусина, различные терракотовые фигурки. Под порогом у входа в помещение 42 были сложены железные инструменты, муку изготавливали на каменной зернотерке прямоугольной формы, ткали на станке со множеством глиняных пирамидальных грузовиков. Очевидно, в доме было специально оборудовано священное место, где производили обряды, связанные с культом плодородия. Там могла находиться мраморная Тюхе, глиняные лебеди, терракотовые фигурки, объединенные одним содержанием (статуэтки беременных женщин и богини в высоком кресле), явно ритуальный раскрашенный лепной сосуд в виде сидящей мужской фигуры, набор игральных костей. Обращает на себя внимание обилие простой круговой посуды в слое гибели здания. Найденное множество кувшинов, кастрюль и мисок вряд ли необходимо одной семье. Среди многочисленных форм почти отсутствуют повторяющиеся в деталях. Можно предположить, что набор посуды, извлеченный практически из двух помещений дома (42 и частично 41[54]) может быть предназначен в своей массе для продажи. В таком случае, при выходе на одну из улиц дом должен был иметь специальное помещение — торговую лавку (Табл. 74–87).

Аналогичные дому 15 здания в конце III–I вв. до н.э. стояли плотно друг к другу и были вытянуты вдоль улиц. Все они уничтожены массовым строительством Горгиппии во II в. н.э. Лишь отдельные штрихи указывают на наличие жизни по соседству со случайно уцелевшим домом 15. На противоположной стороне Северной улицы напротив дома 15 существовало здание, от которого уцелел только обрывок кладки (521). Несколько кладок (424, 437, 438) и вымостка между ними (–124) сохранились от дома второго строительного периода в северо-восточном углу заповедника на площадях 355 и 368. Эти разрозненные строительные остатки определены хронологически на основании стратиграфии, они лишены вещественных комплексов и не обозначены индексами домов.

Одновременно с домом 15 у южного края Широкой улицы существовал дом 10. Он выстроен на месте сгоревшего в третьей четверти III в. до н.э. дома 10 "а". В свою очередь, он сгорел во второй половине I в. до н.э. Двум домам, принадлежащим к разным строительным периодам, но занимавшим одну территорию дан индекс дома 10 ввиду того, что слои гибели двух этих построек оказались в значительной мере перемешанными. В первые века нашей эры эта территория оказалась застроенной многоподвальным домом 7, перед сооружением которого была произведена нивелировка поверхности. При этом нарушилась чистота слоев двух пожаров, постигших данный участок в конце прошлого тысячелетия. С более ранним домом 10 "а" мы связываем обрывки двух наземных помещений 52 и 53, а также мощный слой пожара на площадях 180–182 и 194–196 (+40/257). Следы гибели здания занимают площадь около 300 м^2 и продолжаются в борта раскопа.

С более поздним домом 10 мы связываем помещение 72, которое по отношению к дневной поверхности улицы соответствующего периода может быть определено как цокольное. Оно было впущено в грунт на 1,35–1,57 м и занимало площадь 20 м^2. Помещение впущено в скалу на 0,7–1,2 м, прорубленный в скальных породах котлован целиком облицован каменными кладками. Стены шириной 0,7 м в нижнем ряду сложены из огромных длинных уплощенных дикарных камней. На отдельных участках стен такие камни включены в три нижних ряда кладок. Выше стены сложены из камней средней величины — серых, желтых и красных песчаников. Кладки, как положено быть подвальным стенам, однофасны. Помещение и его стены пострадали от перекопов турецкого времени. Установлено примыкание кладок друг к другу: северной и южной к западной, а восточной — к северной. Отсутствие сплетения свидетельствует о ремонте. Северная и южная стороны уцелели в высоту на 1,8 м, что, видимо, близко к первоначальной величине. Дно вырубленного котлована лежит на глубине –141. Гребни скалы на его поверхности снивелированы, углубления засыпаны скальной крошкой, поверхность выровнена обломками черепиц и стенками пифосов. На этой трамбовке сооружен глинобитный пол (–127). Позже устроен новый глинобитный пол (–107). Полы разделяла подушка из желтой глины. На верхнем полу очевидны следы сильного пожара: слой сажи, оплавленные в огне осколки сосудов, саманные кирпичи оранжевого цвета, один сохранился полностью: 25 × 18 × 8 см.

В слое пожара 10 "а" найдены монеты 340–250 гг. до н.э. Они лежали группами: 34 бронзовые и 1 серебряная в одном месте и 10 поблизости. В помещении 72 найдены 64 монеты, 21 из них обнаружена в засыпке под нижним полом. Даты поддающихся определению охватывают промежуток времени с 330 по 75 гг. до н.э. Преобладают монеты III в. до н.э., ко II–I вв. относятся только 6, причем монета 110 г. до н.э. найдена среди ранних под нижним полом помещения. Эта монета дает основание считать, что помещения

72 в доме 10 "а" не было. Дату 100–75 гг. до н.э. имеет только одна монета из заполнения помещения. В помещении 72, как и в подвалах дома 15, найдено огромное количество обломков различных сосудов, сделанных на гончарном круге. Рыбные блюда сделаны из тончайшей слегка шероховатой и мажущейся бежевой глины с белыми и красными включениями, насыщенной мельчайшими блестками. Сохранилось 25 доньев и множество осколков краев с различным оформлением. Горшки с одной–двумя ручками и без них сделаны из различных глин: рыхлой коричневой, тонкой бежевой и желтовато-розовой. Кастрюли сделаны из рыхлой коричневой и оранжевой глины. Очень много в помещении осколков разных мисок, тарелок и всевозможных кувшинов. Все они сделаны из очень тонкой несколько шероховатой бежевой глины с блестками или такой же тонкой оранжевой глины с белыми и железистыми включениями, визуально местной. Среди кувшинов есть ангобированные. Из помещения извлечены обломки 30 крышек и 250 доньев мисок, кувшинов, тарелок на кольцевых поддонах. Встречены фрагменты светло- и темно-лощеной посуды (иногда лощение выполнено по красочному покрытию), части сосудов с красноватым и лиловатым покрытием и белой росписью по нему. Обломи чернолаковой посуды имеют характерный для поздней группы этой керамики металлический блеск. В доме пользовались и чернолаковой посудой из серой глины (Табл. 53, 54, 57, 59–61).

Во дворе дома располагался колодец 12, который во II в. н.э. был перекрыт глинобитным полом помещения 85 дома 7. Ширина отверстия колодца достигала 1,13 м. Для его устройства в слое погребенной почвы вырыт котлован шириной 2,1 м. С глубины –150 шахта вырублена в скале, ширина ее составляет 1,2 м, форма сохраняется квадратной. Верх колодца облицован камнями, кладка легла на уступ скалы. В четырех углах скальной ступеньки сделаны углубления (0,3 м) почти правильной прямоугольной формы шириной 0,4 м. Они забутованы мелкими окатанными камнями. Возможно, первоначально в них крепилось устройство, необходимое для прохождения скалы шахтой. Стенки облицованы мелкими и средними камнями, кладки сложены впереплет, в южную стенку введен длинный каменный брус.

Колодец раскопан до отметки –275, после чего в него стала поступать грунтовая вода. Среди находок в нижней части колодца выделяется группа керамики V в. до н.э. Выше преобладали обломки амфор IV–III вв. до н.э.: синопских, фасосских, гераклейских, с колпачковыми ножками, на высоком поддоне, типа Солохи II. Внизу лежали: синопская амфора с эмблемой орла на дельфине в клейме на ручке, фасосская амфора с красной полосой в верхней части горла, клейменые горла гераклейских амфор, клейменые ручки фасосских, синопских и красноглиняной амфоры. Найденные клейма не выходят за рамки III в. до н.э. Вместе с тем, в колодце встречены две ножки родосских амфор III–II вв. до н.э., они являются наиболее поздними предметами в

засыпке колодца. На обломках чернолаковой посуды из колодца преобладает густой лак IV в. до н.э. Найдена монета 315–300 гг. до н.э. Как в слое пожара дома 10 "а" и внутри помещения 72, в колодце особенно многочисленны фрагменты простой круговой посуды, преимущественно кувшинов (Табл. 52, 55, 56, 58, 62, 63).

Колодец 12 функционировал при домах 10 "а" и 10, в момент нивелировочных работ первых веков н.э. он был засыпан слоем гибели этих зданий. Чрезвычайное обилие самых разных форм круговых сосудов в пожарищах, помещении 72 и засыпи колодца поднимают вопрос о возможном наличии и при этом доме торговой лавки.

В эту же эпоху в Горгиппии строили и монументальные здания из пиленых и соединенных железными скрепами камней известняка. Здания имели внутренне дворы, мощеные большими плитами ракушечника, вероятно, окруженные портиками с ордерным оформлением. Один такой дом выявлен в северо-восточной части города, у южного края нынешнего заповедника, среди рядовой застройки — дом 4 (Рис. 23).

В более поздних постройках на территории этого здания и вблизи него вторично использованы его архитектурные детали — сухарный карниз, часть капители дорического ордера, различные каменные блоки. Нетронутыми в здании сохранились только некоторые плиты дворовой вымостки и фрагмент фундамента. Два других подобных здания выявлены в центральной части города под зданиями анапского пансионата "Океан" (Табл. 28). Дом 51 имел двор площадью более 50 м^2, с этим зданием мы связываем находку базы колонны. Окружающие двор фундаменты здания слегка возвышались над его поверхностью. Южнее располагался дом 46. От него уцелела линия фундамента с несколькими примыкавшими плитами двора. По-видимому это же здание, его восточная часть, выявлено в хозяйственных перекопах в саду гостиницы "Анапа". В частности, там найдены два известняковых барабана колонн дорического ордера. Вместе с крупными известняковыми блоками (1,2 × 0,7 × 0,3 м) они извлечены строителями в 1961 г. В небольшом раскопе "Гостиница" 1972 г. выявлены кладки 6 и 7, образующие прямой угол (Табл. 37 : 2). Они сложены их громадных известняковых блоков вторичного использования, угловой камень имеет руст. В эту постройку могли войти камни двух расположенных поблизости более ранних зданий — 46 и 51.

В раскопе у западного крыла гостиницы "Кубань" зафиксированы два известняковых блока 16 и 18 длиной 1,5 м, а также фрагмент вымостки 22 из плит ракушечника (Табл. 35). Почти все плиты вымостки сползли в поздний перекоп, а некоторые блоки известнякового здания вторично употреблены в поздних фундаментах 17 и 19 вместе с мелкими камнями, из которых преимущественно и строила эпоха II–III вв. н.э. Поблизости, но за пределами раскопа, в строительной траншее на ул. Ленина найден блок дорийского ан-

таблемента с триглифным фризом, описанный выше (Табл. 38). Камень вместе с другими огромными известняковыми блоками вторично употреблен в фундаменте поздней Горгиппии.

Часть описанных монументальных зданий, безусловно, являлась постройками общественного характера, например, имевшее триглифный фриз. Не исключено, что другие были богатыми частыми домами. Этот вопрос мы не можем решить, так как комплексы находок при строительных остатках отсутствуют.

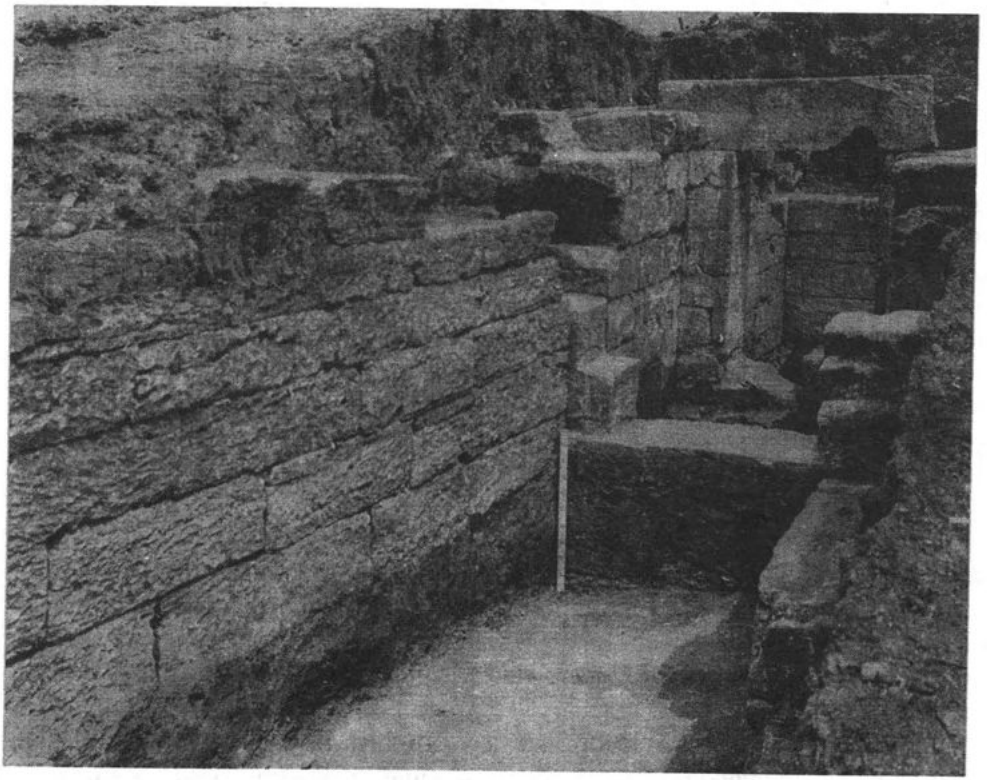


Рис. 40. Дромос разрушенного склепа IV–III вв. до н.э. на Султан-горе (кладка из ракушечника).

Из пиленных известняковых блоков в Горгиппии строили преимущественно в IV–II вв. до н.э. Плиты дворов и блоки фундаментов из этого вида материала уложены на одинаковой глинистой прослойке, насыщенной толчеными раковинами и мелкой галькой. Очевидно, дополнительная подработка доставленных для строительства камней ракушечника производилась на месте (взаимная подгонка), от чего и образовалась насыщенная толчеными раковинами прослойка. Такой способ строительства из аналогичных известняко-

вых камней с обтеской на месте отмечен при раскопках в окрестностях Анапы склепа IV–III вв. до н.э. с уступчатым перекрытием на Султан-горе (Рис. 40). Стратиграфия курганной насыпи показала, что она возводилась послойно, следуя за укладкой венцов склепа. Камни каждого следующего венца отесывались на уровне укладки, с каждым новым венцом поднималась курганная насыпь. При сооружении горгиппийского дома 51 под некоторые плиты двора и камни фундамента в толще ракушечниковой подсыпки положили дополнительные известняковые плиты, они предохраняли верхние от оседания. Из блоков известняка, как уже отмечалось, в IV–II вв. до н.э. были возведены и городские укрепления.

Третий строительный период Горгиппии начинается с восстановления города после катастрофы второй половины I в. до н.э. Судя по монетам из слоя гибели сгоревших домов, она произошла вскоре после кончины Митридата, ближе к последней четверти I в. до н.э. Город возрождался осторожно. Конец I в. до н.э. – I в. н.э. — время наименьшего строительства в Горгиппии. Следы жизни в это смутное время (отдельные находки, обрывки строений, тонкие пятна культурного слоя) прослежены повсеместно, но они не складываются в комплексы с более-менее ясной планировкой. Условно определяются и уровни дневной поверхности этого периода — вероятно, продолжали пользоваться прежними мостовыми и не покрывали большими плитами дворов (выявлены только черепяные вымостки). Вновь построенные дома не имели множества подвалов, а потому строительство многоподвальных домов II в. н.э. переместило и почти полностью уничтожило следы жизни предыдущей эпохи. Ввиду разрозненности строительных остатков III строительного периода дата большинства сооружений установлена условно на основании стратиграфии. Число могил на территории городского некрополя достаточно велико, погребальный инвентарь не беден, что исключает запустение города. Очевидно только, что строительство жилых домов не велось в этот период с размахом.

В конце I в. до н.э. город обзавелся новыми укреплениями, старые, видимо, были разрушены. Как отмечалось выше, городские стены зафиксированы в северо-восточной и юго-западной частях городища. Фундаменты укреплений в юго-западной части отличаются особым способом укладки камней, что возможно явилось противосейсмической мерой после восьмибального землетрясения в регионе.

На территории археологического заповедника к третьему строительному периоду Горгиппии относятся невыразительные остатки домов 8, 16 и 17 (Табл. 32). О существовании дома 16 свидетельствуют только низы двух цистерн винодельни, оказавшейся под восточной стеной подвала 48 II в. н.э. Дому 17 принадлежит сплетение двух стен с колодцем между ними, край

впущенного в грунт небольшого помещения при винодельне и низы трех цистерн самой винодельни. От дома 8 уцелело небольшое наземное помещение (пол +30) и керамическая вымостка (+60).

Следы жизни города на рубеже тысячелетий прослежены и при строительстве пансионата "Океан" в центре приморской части древнего города, но только в виде разрозненных обрывков стен, пятен полов и грунта со следами гибели этого периода.

Отдельные наблюдения как-будто свидетельствуют в пользу того, что дома третьего строительного периода продолжали держать территорию домов предыдущих эпох. Так, на месте дома 15 возник дом 17 с винодельней. Соседний дом (также с винодельней) возведен восточнее на месте более раннего дома 14. Стены домов продолжали возводить из сырцовых кирпичей, которые укладывали на каменные цоколи. Цоколи сложены на глине из небольших камней песчаника. Кладки отличаются небрежностью, они сложены из попавшегося под руку материала (мелких и крупных, известняковых и дикарных камней), нередко очень большие камни использованы вторично и при этом уложены на массив мелких, что явно не способствовало долголетию постройки. В кладках стали применять крупную гальку. Слой гибели периода представляет собой спрессованный массив желтой глины с расплывшимися золистыми прослойками и отдельными угольками.

Рис. 41. Комплекс находок из дома 60 I в. н.э.

Из общей массы разрозненных остатков сооружений III-го строительного периода выделяется дом 60, часть которого исследована на юго-западной окраине Горгиппии (Табл. 21). Выше отмечалось, что это был укрепленный дом с шириной стен более метра, который вплетался в городские укрепления. От пола каменные стены здания сохранились в высоту на 1,2 м. Толщина их допускает существование в доме двух и даже трех этажей (дом-баш-

Рис. 42. Фигурный сосуд в виде головы юного Диониса в слое пожара дома 60.

ня в системе укреплений?). Вероятно, верхний этаж был возведен из саманных кирпичей (40 × 25 × 9–12 см). При пожаре эти кирпичи вместе с прого-

ревшими перекрытиями рухнули на глинобитный пол к основанию каменных стен, образовав массив ярко-оранжевой глины. Верхние помещения разделяла глинобитная перегородка с камышовым каркасом, она была побелена известковым раствором. Перекрытия первого этажа при большой величине пролета должны были поддерживаться деревянными опорами, они стояли на уцелевших вмазанных в глинобитный пол плоских камнях. В верхнем этаже каким-то образом были использованы отдельные хорошо обожженные кирпичи (24 × 24 × 4 см и 58 × 30 × 4 см), некоторые из них помечены тамгой Аспурга. Вряд ли все здание было покрыто черепицей, обломки черепиц в слое гибели единичны. Над полом одного из помещений прослежены следы рухнувших поверх балок тростниковых перекрытий. Планировка здания собирает несколько помещений в компактный прямоугольник. При здании, видимо, функционировала винодельня с двумя цистернами, емкостью по 3,4 тонны каждая. Здание погибло в сильнейшем огне около середины I в. н.э.

Рис. 43. Участок Широкой улицы Горгиппии.

Обнаруженная в руинах домашняя утварь богата и разнообразна (Рис. 41, 42). В пожарище погребены десятки самых разнообразных керамических сосудов и даже бронзовые части дорогой мебели. Обилие форм делает этот закрытый комплекс эталонным для всего Северного Причерноморья I в. н.э. (Табл. 220, 221)*. Богатство и разнообразие находок в доме перекликается с

* Юго-западная часть Горгиппии с домом 60 и находками в нем будет опубликована отдельно.

богатством погребального инвентаря некоторых могил I в. н.э. на городском некрополе, что явно диссонирует с отсутствием в городе этого времени монументальной застройки.

Четвертый строительный период Горгиппии (конец I, II и III вв. до 240 г. н.э.) явился временем наивысшего расцвета и наибольшего размаха строительства в нем. Во втором веке весь город был перестроен. По-видимому, процесс этот начался еще в конце I в. Возведены монументальные общественные здания с пышным декором, исполненным в мраморе, выстроены новые оборонительные сооружения, ширина городских стен превысила 2 м. Благоустройство города проведено централизованно — заново и единообразно вымощены основные городские магистрали, укрепления отстроены заботами царя (КБН 1112). В вымостках использованы огромные каменные плиты, они уложены на фундаментальную трамбовку (Рис. 43; Табл. 260). Это мероприятие потребовало больших денежных затрат, вероятно, из тех средств, которыми распоряжался упомянутый в надписи[55] Совет города. Домостроительство в этот период достигло невиданного ранее размаха. На всех участках Горгиппии, где проводились широкие исследования, отмечено возведение крупных многоподвальных домов.

В результате введения практики строительства домов с большими и глубокими подвалами (известно до семи в одном доме, что не является пределом, так как дома продолжаются в борта раскопов) при строительных работах II в. приходилось перемещать огромные массивы культурных напластований предыдущих эпох. Этот грунт использовался поблизости для трамбовок под вымостки улиц и дворов. Тем самым во II в. уровень дневной поверхности был искусственно поднят на значительную высоту. Отметка ±0,00 на территории археологического заповедника соответствует уровню жизни этого времени на поверхности Широкой улицы. Как уже отмечалось, эта величина меняется на различных участках древнего города: на 25 м восточнее нуля улица повышается на 0,6 м и вновь повышается на 0,4 м на следующих 20 м (±100, пл. 179). Мощность трамбовки под вымостку четвертого строительного периода Горгиппии на Широкой улице достигает 0,9 м, Северной — 0,2 м, Первой Поперечной — 0,5 м. Трамбовка носит характер мусорного грунта, насыщенного мелкими камнями и крупными керамическими обломками разного времени. В ее толще отмечены пятна обгоревших сырцов и золы, мелкой гальки. Основу трамбовки составляют перемешанные многовековые напластования Горгиппии, поэтому и состав находок в толще трамбовки разновременен.

Все исследованные дома IV-го строительного периода занимают значительные площади. Эта особенность уже отмечалась для северо-восточной части города. Отметим, что и во всех других больших раскопах на террито-

рии Горгиппии выявлена значительная величина участков для домов рассматриваемого строительного периода. На городище исследовались остатки 22 домов этой эпохи. Из них целиком раскопан один и достаточно полно — десять домов. Все они являются большими и многоподвальными. В остальных домах исследованы небольшие участки и судить о величине построек в целом нельзя. Наблюдения над домами именно IV-го строительного периода дали наиболее полное представление о домостроительстве города. Не удалось проследить какой-либо существенной разницы в домах, построенных на разных участках города. На территории заповедника во II и первой половине III в. существовали дома 5–7, 9, 11, 12, 18–21, 23–26, 33 и дом внутри большой цитадели (Табл. 32). Огромный дом 50 с винодельней располагался к юго-западу от гостиницы "Анапа", южнее его лежал также большой дом 61 (Табл. 29), западное крыло этой гостиницы разрушило винодельню соседнего дома 47, остатки которого прослежены в небольших раскопах на месте хозяйственных разрытий во дворе гостиницы в 1961 и 1972 гг. У берега существовал дом 43, возможно, с рыбозасолочными цистернами. Следы домов 49 и 57 выявлены при строительстве пансионата "Кубань" на разных концах его территории (Табл. 35, 36). Остатки дома 48 зафиксированы при строительстве большого здания в середине ул. Ленина (Табл. 21 "а").

Единственно исследованный целиком дом 11 занимал трапециевидный участок площадью около 400 м^2. Дома 5–7, 18 и 50, надо полагать, раскопаны почти полностью. Их площади больше: дом 5 занимал свыше 600 м^2, дом 6 — более 500 м^2, дом 7 был не менее 400 м^2, участок дома 18 равен 600 м^2, дом 50 исследован на площади 650 м^2. Протяженность дома 19 вдоль Северной улицы составляла 34 м, дома 21 — 35 м. Все дома описываемого строительного периода на участке заповедника вытянуты вдоль Широкой и Северной улиц на 20–35 м. Очевидно, существовало несколько стандартов участков.

Планы домов также не были одинаковы. Присутствие двора в них обязательно, здание же формировалось вокруг двора разными способами. Крытые помещения располагались не менее, чем по двум сторонам двора, но могли окружать его и со всех сторон (дом 5). Иногда двор примыкал к глухой стене соседнего дома, отчего также становился внутренним (дома 6, 7). Площадь открытых дворов невелика. В среднем он занимал около 1/5 части постройки. Поверхность дворов в IV-м строительном периоде мостилась каменными плитами. Внутренние дворы сообщались с улицей узким коридором (1,2–1,8 м), поверхность которого также мостилась плитами. Вымостки дворов обычно имели слабый уклон в сторону улицы. С поверхности двора воду отводили на улицу в каменных водостоках. Каналы их были проложены под вымостками коридорообразных проходов. Водостоки описываемого периода образованы поставленными на ребро камнями, ложа их иногда выстилали

плитами. Отводящие сточные воды водостоки всех строительных периодов обрывались у края улиц. Общегородских сточных каналов не устраивалось. Узкие выходы на улицу, вероятно, перекрывались калитками. Деревянные столбы для навешивания ворот могли крепиться в камнях со специальными углублениями и отверстиями. Такие подпяточники с округлыми и прямоугольными специально выдолбленными углублениями шириной около 0,15 м встречены среди каменных завалов на городище. Наиболее часто двор располагался в глубине постройки и отделялся от улицы частью здания. Оно окружало двор Г–, П–образно, либо незамкнутым каре. Учитывались возможности наилучшего освещения солнцем и прикрытия от господствующих холодных ветров. Примыкание дома к южной стороне радиальных улиц давало идеальную возможность открывать внутренний двор южному или юго-западному солнцу и защищать его от холодных северо-восточных ветров, характерных для города в осенне-зимнее время (по такому принципу построены дома 5–7). Если дом располагался между двумя улицами, он должен был иметь выходы на обе из них. Отмечено, что к южной стороне Широкой и Северной улиц примыкают преимущественно подвалы, они имели над собой жилые комнаты. При господствующей схеме распределения света и холодных ветров окна и двери этих комнат оказывались наиболее защищенными от холода и доступными свету. Напротив, дома вдоль северного края Широкой улицы больше открывали доступ теплу и свету, если располагали жилые помещения вглубине. Подобным образом предлагали планировать жилища Ксенофонт ("Домострой", 9, 2–5) и Витрувий (VI, 1, 2).

К открытому пространству дворов с одной или нескольких сторон примыкали хозяйственные помещения с навесами, под которыми располагались грунтовые ямы и колодцы. Очевидно, именно такое пространство ограничивали стены 326 и 373 в доме 6 (Табл. 102). Пол между этими стенами был вымощен плитами, в нем устроены хозяйственные ямы. Стена 55 в доме 11 ограничивала подобное помещение с юга (Табл. 138). Эти крытые помещения как и прежде могли оформляться по типу портиков, в ряде случаев полузакрытых. Опорой для кровли портиков, вероятно, служили деревянные столбы.

Планы наиболее раскопанных домов IV-го строительного периода позволяют утверждать, что подвалами в доме могло быть занято до 65 % всей площади участка. Лишь незначительная часть здания не имела под собой подвалов, но была крыта крышей или навесом. Открытый двор занимал около 20 % всей площади постройки. При домах известно по пять – семь подвалов, каждый занимал значительную площадь (до 20–30 м^2). Следовательно, почти под всеми комнатами здания имелись подвальные помещения — целый подвальный этаж. В отличие от предшествующих эпох во II в. стали строить преимущественно глубокие подвалы. Они впущены в грунт на 2–

2,5 м. Низы таких подвалов приходилось вырубать в скальной породе. Вынутый пласт камня использовали при строительстве дома. Поиском строительного камня, на наш взгляд, и объясняется большая глубина подвалов. Каменные стены подвалов ставили на подтеску скалы, равную ширине стены. Скальные гребни умело вплетали в каменную кладку стен, иногда они возвышаются над полом на метр. Сопоставление нивелировочных отметок полов подвалов с дневной поверхностью II в. позволяет утверждать, что высота подвалов была не менее 2,5–2,8 м. Обычно стены их сложены впереплет из камней средней величины. В кладках вторично использован строительный материал предшествующих эпох, впервые массово применен местный камень

Рис. 44. Угол в горгиппийском подвале.

"трескун" из породы серых песчаников. Примыкавшие к грунту стены подвалов выкладывали однолицевыми, разделявшие помещения стены имели двулицевую кладку. Заметно стремление к горизонтальной рядности, но выдержать ряды почти не удавалось. На лицевых фасах и особенно в основаниях стен использованы более крупные камни, некоторые из них имеют подтеску по лицевой стороне. Камни сложены на глинистом растворе. В забутовках ис-

пользованы мелкие камни, куски черепиц. Каменные стены подвалов являлись фундаментами для наземных стен здания. Основания для наружных стен дома имели толщину не менее 0,8 м, для внутренних считалась достаточной толщина 0,6 м. В целом в эпоху значительного размаха жилого строительства отмечается ухудшение качества кладок (Рис. 44, 45).

Рис. 45. Стена подвала II в. на более ранней кладке.

В глубокие подвалы лестницы вели от люков в полах комнат первого этажа. Эти лестницы были деревянными, конструкции их различны. В ряде подвалов (15, 22)[3] * в кладке одной из стен сохранились вертикальные пазы шириной и глубиной 0,1–0,15 м с уцелевшими в них кусками древесины. Вероятно, в этих пазах крепились лестничные стропила (Рис. 46). В полы многих подвалов (15, 25, 55, 59, 73, 92)[3] вмазано по большой плите из дикарного камня. Эти возвышающиеся над полом плиты служили упором для спускавшихся вниз деревянных лестниц. Иногда лестницы (видимо, деревянные) упирались в площадку из нескольких плоских камней (подвал 15)[3], либо зажимались в специальном пазе на лестничной платформе (подвал 74)[3]. Иногда

* Здесь и далее "з" — обозначение археологического заповедника.

основанием деревянной лестницы служило двух и трехступенчатое основание, сложенное из камней, сцементированных глиной (подвал 58)[3].

Неглубокие подвалы, впущенные в грунт на 1,5–1,6 м, сообщались с поверхностью двора через отдельный вход — в них обычно вели каменные лестницы из 6–7 ступеней (подвалы 1, 18, 68, 69, 88, 89, 115)[3]. Такие лестницы примыкали к одной из стен подвала и поддерживались с другой стороны специальной кладкой. Ступени вплетались в одну или обе каменные кладки, они укладывались на сцементированной глиной мелкокаменной основе. Ширина ведущих в подвалы каменных лестниц составляет 1,2–1,4 м. Ступени образованы тесаными дикарными камнями, таких камней по длине ступени чаще размещалось по два. Угол наклона таких лестниц составляет 30–40°.

Конструкции лестниц горгиппийских домов, их уклон, размер проступей (около 0,3 м) и подступенков (около 0,25 м) находят аналогии в домах Делоса, Олинфа, Ольвии[56] и вполне согласуются с рекомендациями Витрувия (IX, 7, 8).

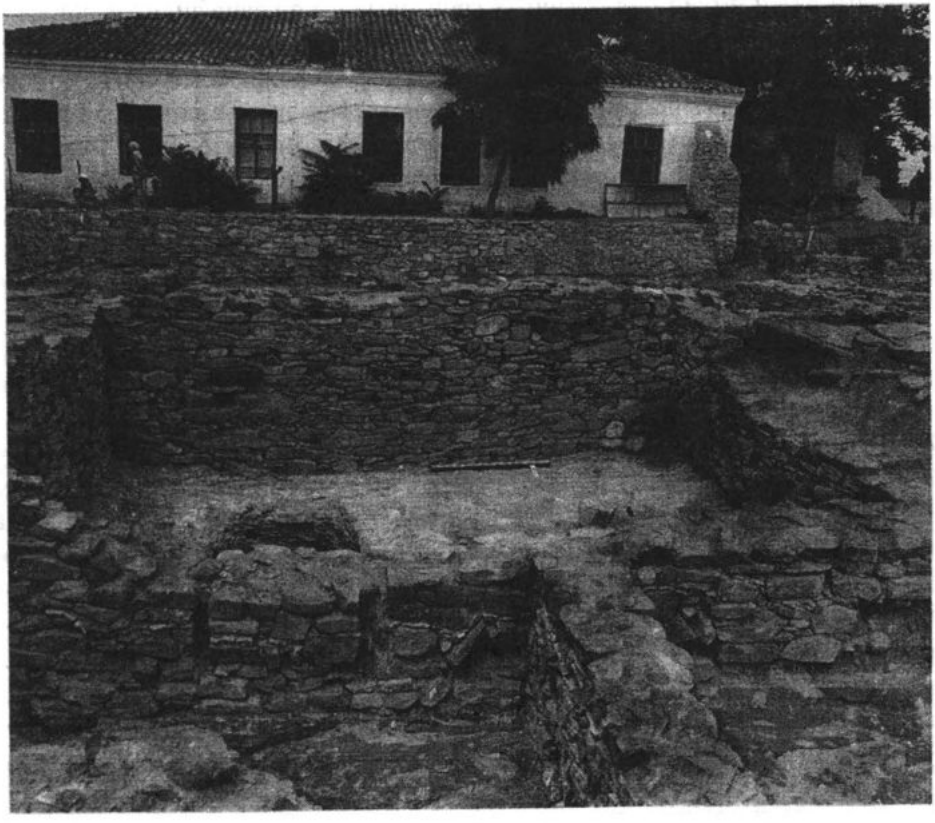


Рис. 46. Пазы для лестничных стропил в горгиппийском подвале.

Ряд подвалов Горгиппии имеет своеобразную особенность — люки, ведущие в них непосредственно с края улицы (подвалы 14, 38, 57 –59, 73, 78)[3] или поверхности двора (подвал 88)[3]. Подобные конструкции в других городах античной эпохи мне не известны. Их возникновение объясняется особенностью планировки кварталов и отдельных домов города. Дома плотно примыкали один к другому. Входные двери в здание размещались во дворах. Во дворы с улиц вели узкие и достаточно длинные коридоры (иногда не менее 10 м). Спуски в подвалы размещались в полах комнат первого этажа, которые, в свою очередь, были жилым. Большинство подвалов было заполнено тяжелыми и громоздкими амфорами. В подвалах могли хранить древесный уголь для очагов и прочие крупногабаритные товары и припасы. Чтобы заполнить подвалы, пришлось бы тащить все эти грузы через входной коридор во двор, а из него в комнаты и спускать через люки в полу. Естественно, при имеющейся планировке зданий изобретение хозяйственных люков, связывающих непосредственно подвал и улицу, было рациональной конструкцией*. Эти люки имели вид обычных грунтовых ям с грушевидным поперечным сечением. Диаметр поперечного сечения допускал, по-видимому, свободное прохождение крупной амфоры (верхние части ям осыпались, но диаметр их едва ли превышал метр). На краю люка, ведущего в подвал 57 дома 6 вертикально стояла каменная плита. Надо полагать, что первоначально края люков были целиком облицованы выступающими над поверхностью мостовой вертикально поставленными плитами. Такая конструкция должна была предохранять подвалы от стекания в них дождевой воды и случайного попадания в них прохожих. Очевидно, люки закрывались крышками. Они расширялись вниз, что давало возможность скапливать на дне при загрузке некоторое количество предметов. Низы люков примерно на метр впущены в скалу. Выше люки прорезали плотные предскальные глины и культурные напластования города предшествующих эпох. Части люков, проходящие сквозь сыпучий грунт, подобно колодцам должны были быть облицованы камнями. Один край люка обязательно примыкал к проему в стене подвала. Через этот проем и затаскивали в подвал сброшенные на дно люка предметы. Подвал от люка должна была отделять деревянная дверь, открывавшаяся внутрь подвала. Полы люков располагались обычно ниже полов сообщающихся с ними подвалов (перепад составлял 0,3–1 м), что является разумной предосторожностью на случай сильного дождя — попавшая в люк вода скопится в нем, а не зальет пол хранилища.

В доме 7 люк устроен на территории двора, он соединен с подвалом 88 коридором в 2 м, пол которого плавно понижался в сторону люка (Табл.

* Подобные люки существуют на тротуарах старых городов России для загрузки в подвалы домов угля и дров.

123). Сооружение данного люка диктовалось необходимостью загружать подвал, который имел изогнутый вход и крутую лестницу, по такому спуску очень сложно перемещать крупногабаритные тяжести (например, большие амфоры с содержимым). Данный люк не могли соорудить привычным образом впритык к стене подвала, так как именно на него и пришелся бы выход из подвала 88. Люк отодвинули на территорию двора и соединили его с подвалом дугообразным коридором шириной 0,6 м. Коридор перекрыли плитами дворовой вымостки, лестница из подвала 88 выходила именно на них. Входивший в подвал мог и не догадываться о наличии подземного коридорчика. Скученность построек и дефицит свободного пространства заставляли придумывать подобные конструкции.

В одном из подвалов дома как правило устраивали погреб (подвалы 38, 55, 56, 74, 95)[3]. Он представлял собой яму грушевидной формы, выдолбленную в скальном полу на глубину около 1,5 м. Погреба закрывались деревянными крышками. Над погребом подвала 55 уцелел древесный тлен от крышки, на краю погреба в подвале 74 выявлены пазы от перекладин массивной крышки.

В центре подвала 65 устроена своеобразная яма подпрямоугольных очертаний длиной 1,85 м шириной 1,2 м глубиной 0,93 м. Ее скальные стенки обмазаны тонким слоем зеленоватой глины. Обмазка пола плавно загибалась внутрь ямы. Своеобразная врезка устроена в полу подвала 107. При ширине 0,7 и глубине 1,5 м она протянулась вдоль всей восточной стены помещения. Прямоугольная яма и указанная траншея, очевидно, также выполняли роль погребов. В них могли ссыпать для зимнего хранения какие-то овощи.

Полы всех подвалов были глинобитными. Как и в предыдущие эпохи глину наносили непосредственно на скалу и неоднократно подмазывали. Иногда поверхность скального дна котлована, вырытого для подвала, выравнивали обломками черепиц, пифосов, скальной крошкой. Обмазка полов плавно переходила на стены. Во многих подвалах на стенах уцелели обширные пятна глиняной обмазки толщиной 0,02 м. Обмазка стен загибалась в проходы и переходила в люки, что особенно хорошо прослежено в подвале 58. Глиняная обмазка скрадывала неровную лицевую поверхность каменных кладок.

Обширные подвалы (57/58, 92)[3] делились глинобитными перегородками. Завалы в подвалах нередко содержат кусочки глиняной обмазки с отпечатками камышового каркаса. Уцелевшие части перегородки между подвалами 57 и 58 позволили полнее представить конструкцию разделяющих глинобитных стен. В каркасе этой перегородки между двумя досками шириной 0,16 м вертикально стояло девять вязанок камыша диаметром 0,05–0,07 м, по десять камышин в каждой. Пучки камыша были перевязаны по вертикали через интервалы 0,16 м тесьмой или осокой шириной 0,02 м (Табл. 48 : 5–6).

Каркас с двух сторон обмазывался глиной. Глиняная обмазка перегородки сливалась с обмазкой пола и соседних каменных стен. Толщина перегородки достигала 0,17–0,2 м.

Хозяйственное назначение большинства подвалов не вызывает сомнения — почти во всех стояли различной величины амфоры и пифосы. К моменту гибели домов IV-го строительного периода подвалы стояли заполненными преимущественно крупными амфорами (до 40 штук в одном). После гибели домов амфоры сохранились целыми только вдоль стен и под лестницами. Некоторые амфоры слегка вкапывали в глинобитный пол. Донные части всех пифосов впущены в пол на 0,5–0,7 м. В момент гибели домов в подвалах стояло по одному – трем, редко по пять – семь пифосов (Рис. 47). Под

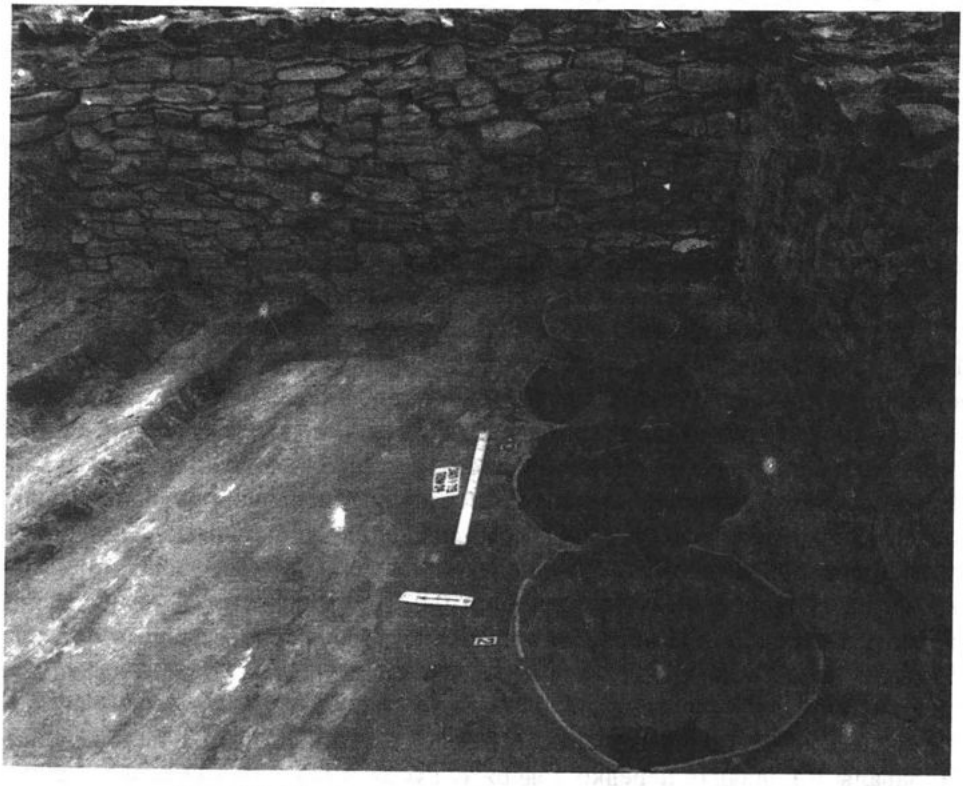


Рис. 47. Пифосы в подвале горгиппийского дома II–III вв.

глинобитными полами многих подвалов (65, 69, 74, 95 и других)[3], обычно вдоль стен, выдолблены в скале лунки для установки пифосов. Когда-то пифосы были убраны, а лунки засыпаны скальным щебнем и перекрыты обмазкой пола. Массовость этого явления, очевидно, следует объяснять произошедшими изменениями в способе торговли. Возможно, была организована

перевозка и продажа зерна, рыбы и прочих товаров в амфорах, а порожние сосуды обменивались на полные. Пересыпка в пифосы стала неудобной. Это предположение подтверждается тем наблюдением, что в амфорах определенных типов мы обычно встречаем органические остатки одинакового характера.

Некоторые подвалы, но не самые глубокие, были жилыми. Среди них можно определенно назвать помещение 31 дома 9. На одной из его стен на высоте 0,8 м от пола сохранился нетронутым фрагмент штукатурки, окрашенной в красный цвет.

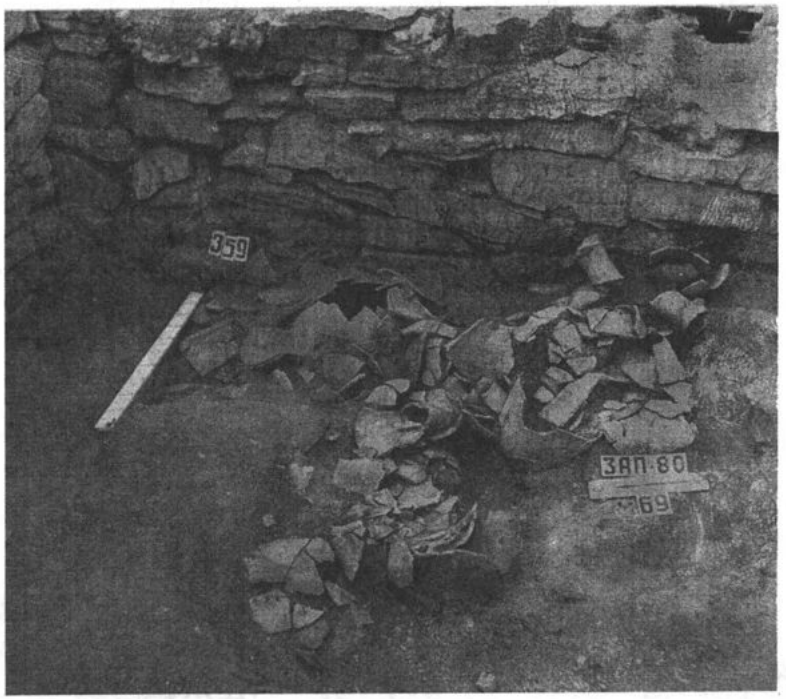


Рис. 48. Разбитые амфоры в слое пожара на полу горгиппийского подвала III в.

Дома IV-го строительного периода погибли внезапно в сильнейшем всеобщем пожаре города. Сгорели деревянные перекрытия и полы, наземные стены рухнули внутрь подвалов (Рис. 48–50). Характер завалов в подвалах позволяет утверждать, что наземные стены домов были сложены из саманных кирпичей. Слой гибели внутри подвалов почти целиком состоит из кусков и крошки этих кирпичей. Создается впечатление, что при изготовлении кирпичи были слегка обожжены, а не просто подсушены и закалены в огне пожара. Органические примеси в тесте (главным образом, солома) были хо-

рошими отощителями. Они уменьшали усадку глины, предупреждали растрескивание, и, выгорая, сообщали изделию пористость. Такой пористый кирпич являлся плохим проводником тепла. В холодное время года он удерживал тепло внутри дома, а в жару сохранял прохладу, изолируя от горячего воздуха снаружи. Прокаленный в огне, он слабо пропитывался влагой. Для саманных кирпичей IV-го строительного периода отмечены следующие стандарты: 42 × 42 × 7; 34 × 25 × 12; 30 × 15 × 7; 17 × 7 × 4 см. В кладках кирпичи размещали плашмя. Если каменная кладка фундамента имела ширину 0,8 м (наружные стены зданий), в саманной кладке наземных стен умещалось два ряда плоских кирпичей большого формата. При ширине фундамента 0,6 м (внутренние стены дома) саманная кладка должна была сочетать в одном горизонтальном ряду кирпичи большого и малого формата. При этом для прочности положение кирпичей в каждом следующем ряду могли менять — над широким клали узкий, затем наоборот. Применительно к целиком раскопанному дому 11, основной план которого известен, можно рассчитать, сколько таких кирпичей требовалось зданию (Табл. 138–140). Длина выявленных в доме 11 стен составляет 140 м. При длине кирпича 40 см на один ряд по всем кладкам требовалось 350 кирпичей. Ряды же состояли из двух кирпичей, размещенных бок о бок. Значит, на один ряд по всем кладкам требовалось 700 штук. При толщине кирпича 7 см от цоколя до крыши размещалось не меньше 30 горизонтальных рядов. Следовательно, на дом площадью около 400 м^2 заготавливали не менее 21 000 кирпичей.

Рис. 49. Комплекс сосудов из одного горгиппийского подвала II–III вв.

Как отмечалось, с I в. в Горгиппии стали употреблять и хорошо обожженные кирпичи их тонкой глины. Они также имели несколько стандартов: 58 × 30 × 4 см; 48 × 36 × 6 см; 48 × 25 × 4 см; 36 × 36 × 7 см; 28 × 28 × 5 см; 27 × 12 × 4 см (Табл. 49, 50). Длинные кирпичи первого стандарта часто помечены тамгой Аспурга. Эта же тамга оттискивалась и на кирпичах половинного размера от указанного стандарта. Более крупные кирпичи клейм не имеют. Обычно с одной стороны они покрыты желобками, создающими различные несложные узоры, их наносили пальцами по сырой глине. Такие же желобки украшают и кирпичи с царской тамгой. В отдельных случаях в желобках можно видеть небрежно нанесенную сигму. Косвенные данные свидетельствуют о том, что более крупные кирпичи во II в. сменили кирпичи удлиненной формы (в доме 60 I в. встречены кирпичи только с тамгой Аспурга и им подобные, в кладку склепа III в. включены большие кирпичи без тамги). Кирпичи с тамгой I в. и части их продолжали использоваться в постройках двух следующих столетий.

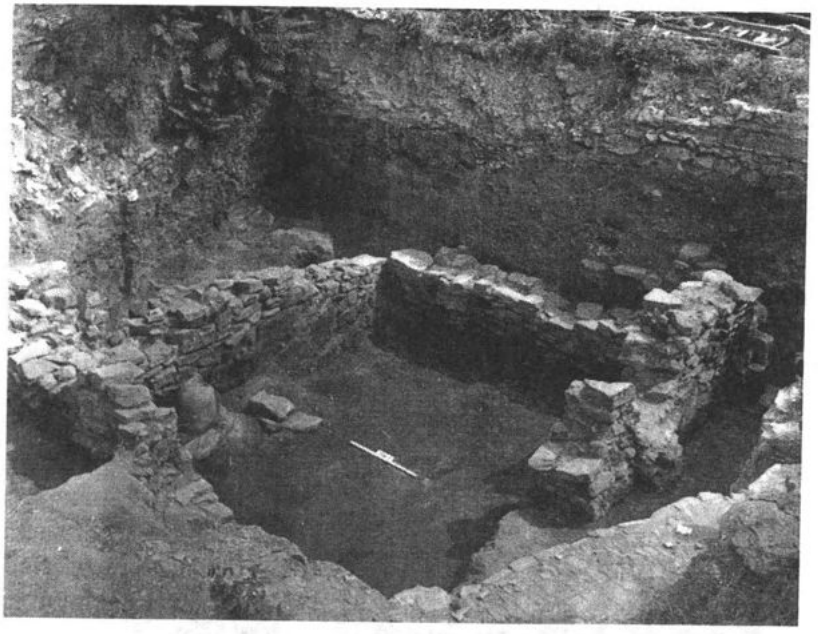


Рис. 50. Горгиппийский подвал с амфорой в углу.

В богатых домах стены наземных помещений штукатурили и расписывали в технике фрески, но явление это не стало массовым. Росписи бессистемными мазками разного цвета покрывали побеленный известью фон, имитируя облицовку стены пестрым камнем. Эти фрески позднего города исполнены на одно– или двухслойном тонком и хрупком грунте, насыщенном пес-

ком. Присутствие песка заметно даже на матовой шероховатой поверхности красочного слоя. Расписная штукатурка горгиппийских домов II–III вв. по стилю и технике исполнения близка одновременным росписям различных центров Средиземноморья, европейских римских провинций и некоторых пунктов Северного Причерноморья. Аналогичные живописные и технологические детали можно найти в росписях общественного здания Неаполя Скифского[57], росписях Пальмиры[58], домах Аквинкума[59], домах Аугсбурга[60], галло-римских храмах Голландии[61], в позднепомпеянской живописи[62]. В Северном Причерноморье росписям горгиппийских домов первых веков нашей эры наиболее близки синхронные росписи пантикапейских домов и фрески Козырского поселения в 12 км от Ольвии[63].

Мы знаем горгиппийские дома только по подвальному этажу, поэтому ничего не известно, как освещались в дневное время жилые комнаты, где располагались и как были устроены окна. Подвалы освещались светильниками, их размещали в специальных нишах, которые располагались рядом с лестницей. Светильниками освещались и жилые комнаты в темное время дня. Лампы разнообразны. Преобладают небольшие глиняные однорожковые, в первые века нашей эры особенно распространены краснолаковые и темнолощеные, встречаются бронзовые (Табл. 245–247).

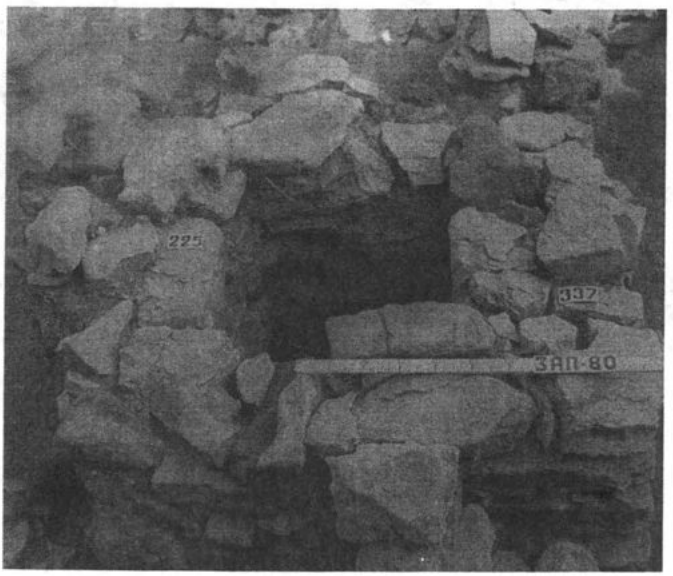


Рис. 51. Колодец дома II–III вв.

Стационарные очаги отмечены только в домах V в. до н.э. В слое гибели домов IV-го строительного периода найдены железные жаровни в виде

колосников на низких ножках (Табл. 98). В ямах, наполненных слоем гибели этих домов, встречены куски жаровен из саманной глины в виде толстых прямоугольных противней с поднятыми краями. На такие противни могли ставить железные жаровни, под которыми размещались тлеющие угли. В подвал 69 дома 6 вместе с перекрытием рухнул небольшой круглый очаг из саманной глины с лепным горшком внутри него (Табл. 103). Жаровни и глинобитные очаги служили для приготовления пищи. Как и в других центрах античного мира они должны были располагаться в помещениях, выполнявших хозяйственные функции вблизи дворов[64]. В холодное время года жаровни с углями, возможно, вносили в комнаты для обогрева.

Кровли всех раскапывавшихся домов IV-го строительного периода были черепичными. Слой гибели этих домов насыщен большими кусками черепиц (из каждого подвала извлекается до тысячи обломков). Крыши крыли плоскими соленами и полукруглыми желобчатыми калиптерами. Вся черепица поздних горгиппийских домов одинакова — она сделана из рыхлой красной глины, насыщенной кварцевым песком. Светло-глиняные черепицы и сделанные из плотной красной боспорской глины в домах IV-го строительного периода единичны.

Каждый дом этого периода продолжал пользоваться индивидуальным колодцем (Рис. 51). Трудно сказать, всегда ли рыли при новом строительстве новый колодец. В Горгиппии колодцы обычно до дна не исследуются, так как при расчистке быстро наполняются водой. Ничего нового в технологию сооружения колодцев IV строительный период не внес. Никаких помещений, специально оборудованных под ванные и уборные в горгиппийских домах не найдено. В слое с разновременной керамикой встречен кусок хорошо обожженной массивной керамической ванны (Табл. 249). Также в перемещенном состоянии найдены звенья круглых обожженных керамических труб от водопровода (Табл. 248).

Все исследовавшиеся, в том числе крупные, дома IV-го строительного периода относятся к группе безордерных сооружений. Уцелевшая планировка на уровне подвального этажа и дневной поверхности, а также анализ строительных конструкций, рухнувших внутрь подвалов, позволяют с известной долей вероятности представить внешний облик горгиппийских домов II – первой половины III вв. н.э. (Табл. 139, 140, 160). Реконструкции горгиппийских домов условны. Тем не менее, построение объемных реконструкций, даже частичных, ставит эти дома в один ряд с жилыми домами других крупных полисов Северного Причерноморья и выявляет их некоторые специфические особенности. Эти реконструкции позволяют ставить вопросы о назначении домов, составе и укладе семьи. Все это дает более глубокое понимание различных сторон жизни античного города.

Пятый строительный период Горгиппии (после пожара 240 г. н.э.) едва улавливается. К нему относятся постройки, возникшие над слоем пожара, уничтожившего Горгиппию около 240 г. Трудно сказать, было ли немедленным возрождение жизни на руинах. В культурном слое городища встречаются монеты начала 240-х годов, то есть того времени, когда на Боспоре был возобновлен прерванный после Ининфимея чекан, однако, находки их не связаны с конкретными сооружениями. Комплексы V-го строительного периода не относятся к закрытым и не содержат монет. Их можно относить ко второй половине III в. только условно на основании стратиграфии.

На территории археологического заповедника установлено, что после незначительных перестроек возобновилась жизнь только над помещением 1 дома 21 по Северной улице и над помещением 43 дома 19 по Широкой улице (Табл. 32). Помещение 1 было приспособлено для возродившейся жизни тем, что разрушенные стены его с уцелевшей высоты были небрежно надстроены мелкими камнями. Несвязанные между собой кладки, видимо, скоро покосились. Такое строительство не преследовало цель долгосрочности. Пожарище на полу помещения не было разобрано, а только утрамбовано (просто стали жить выше). После гибели дома 21 был заложен спуск в помещение 18 и перед этим спуском соорудили каменную оградку (1,2 х 1,2 м).

Подобные работы произведены и в доме 19. Часть его перестроилась в кривое помещение 28. Уцелевшее основание западной стены подвала 43 надстроено без забот о прочности. С этой кладкой сплетены другие стены, но без выведения прямых углов. Кривые кладки легли непосредственно на слой пожара, в котором погиб дом 19. Помещение 36 в этой постройке перекрыло помещение 43, размеры верхнего значительно меньше. Западнее располагалось еще одно восстановленное помещение.

Возможно, подобные помещения возникали на месте многих сгоревших домов, но так как они не имели никаких подвалов, а положение их полов близко к дневной поверхности нового времени, других следов строительного периода V не сохранилось. Высокое расположение этих жилищ в общей стратиграфии памятника не гарантирует и чистоту связанного с ними слоя. Поэтому мы не можем расчленить массовый материал из означенных мест по двум половинам III в. Безусловно одно — возведенные на пожарище постройки нельзя назвать домами в привычном для города смысле. Это были временные наземные хижины с кривыми стенами, прилепившиеся к уцелевшим кладкам прежних больших домов. Серьезных построек на пожарище рубежа 230–240-х годов до сих пор не обнаружено.

Следует полагать, что V-й строительный период для Горгиппии стал последним. Отдельные находки монет конца III и IV вв. н.э. в культурном слое городища свидетельствуют о том, что жизнь на месте Горгиппии теплилась довольно долго.

[1]*Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 57; *Tillyard H.I.W.* Two watch towers in the Megarid // BSA. 1905–06. XII.

[2]Характер находок, извлеченных в 1985 г. из строительной траншеи во дворе анапской моршколы, позволяет предположить, что несколько дальше святилища Деметры могло располагаться еще одно загородное святилище. Архив ИА РАН: Р–I, № 10855.

[3]*Кругликова И.Т.* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1977. С. 50.

[4]*Блаватский В.Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. Рис. 61.

[5]*Грач Н.Л.* Мраморная скульптура из Горгиппии // СА. 1970. № I. С. 245.

[6]*Кругликова И.Т.* Кварталы ремесленников в Горгиппии // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 70.

[7]*Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи // ИГАИМК. 1934. Вып. 80. С. 10; *Кобылина М.М.* Керамическое производство в Фанагории в IV в. // СА. 1966. № 3. С. 172; КПАКСМ. С. 19.

[8]*Цветаева Г.А.* Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 236.

[9]КПАКСМ. С. 17–18.

[10]*Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи. С. 21.

[11]КПАКСМ. С. 19.

[12]КПАКСМ. С. 13–17, Рис. 2.

[13]КПАКСМ. С. 11.

[14]*Фурманська А.І.* Археологічні пам'ятники Тіриі перших століть нашоі ери // Археологія. 1957. № 10. С. 87; *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 24, 33, 101; Рис. 5, 33.

[15]КПАКСМ. С. 34.

[16]Там же.

[17]*Книпович Т.Н.* Танаис. Л., 1947. С. 29.

[18]*Гайдукевич В.Ф.* Античные керамические обжигательные печи. С. 34.

[19]*Tompson H.A., Wycherley R.E.* The Athenian Agora // Results of Excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. Princeton, 1972. Vol. XIV. P. 19, 20, 186: Pl. 6, 7, 92 a, c.

[20]*Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 64.

[21]*Castiglione L.* Pompeji. Herculaneum. Budapest, 1979. P. 23, 63, 67, 105.

[22]*Долгоруков В.С., Крыжицкий С.Д.* Градостроительство // АГСП. С. 200.

[23]*Савостина Е.А.* Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия. I. Краснодар, 1980. С. 53.

[24]*Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 51; *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея. С. 68; Рис. 30, 2; *Марченко И.Д.* Из истории архитектуры Пантикапея // Культура античного мира. М., 1966. С. 140, Рис. 4; *Она же.* Раскопки Пантикапея в 1959–1964 гг. // СГМИИ. 1968. Том IV. С. 48, Рис. 22–24; *Воронов А.А.* Античное общественное здание III–II вв. до н.э. в Керчи. Проблемы реконструкции // Архитектура СССР. 1975. № 3. С. 51.

[25]*Савостина Е.А.* Ук. соч.

[26]Там же.
[27]Там же. С. 61, Рис. 5 б, 6.
[28]Там же. С. 62, 63, Рис. 7.
[29]*Сорокина Н.П.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья // ВИА. 1973. Том II. С. 377; *Пичикян И.Р.* Боспорские антаблементы первых веков нашей эры // СА. 1975. № 1. С. 186, Рис. 10 а, б; *Он же.* О методике реконструкций античных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 78, Рис. 5; *Он же.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 243, Рис. 92.
[30]*Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря. С. 103.
[31]*Крюкова И.А., Арзаманов Г.Ф.* Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков нашей эры (на примере находок из Горгиппии) // СА. 1988. № 2. С. 84.
[32]*Сорокина Н.П.* Ук. соч.
[33]*Савостина Е.А.* Ук. соч. С. 66.
[34]*Веселовский Н.И.* Кубанская область. Окрестности города Анапы // ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 78. Гос. Эрмитаж: Гп–104-1.
[35]*Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 24.
[36]*Савостина Е.А.* Ук. соч. С. 69, 70.
[37]ВИА. М., 1973. С. 352, Рис. 63; *Худяк М.М.* Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 19, Табл. 9.
[38]*Палладио А.* Четыре книги об архитектуре. М., 1936.
[39]*Канарке В.* Здание с мозаикой в Томах. Бухарест, 1968. С. 19; *Bordenache G.* Attivitŕ edilezia a Tomi nel il secolo dell E.N. // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. N.S. IV. 1960. P. 270; *Bordenache G.* Sculture greche e romane del Museo nacionale di antichitŕ di Bucarešt. Bucarešt, 1969.
[40]*Крюкова И.А., Арзаманов Г.Ф.* Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков н.э. (на примере находок из Горгиппии).
[41]Там же.
[42]*Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии. Фр. № 9.
[43]*Болтунова А.И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии. Фр. № 1.
[44]Например, Эрехтейон, 421–406 гг. до н.э.: *Виппер Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. Рис. 234, 235; храм Конкордии I в. до н.э. и храм Веспасиана I в. н.э.: ВИА. Том II. Книга 2. М., 1948. С. 283.
[45]*Михайлов Б.П.* Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. М., 1967. С. 261.
[46]*Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н.э. С. 101.
[47]*Кругликова И.Т., Смирнова Т.М.* Раскопки Горгиппии // АО–1968 г. М., 1969. С. 115.
[48]*Алексеева Е.М.* Раскопки эллинистического дома в Горгиппии // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 31.
[49]*Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н.э. С. 130.
[50]Там же. С. 89.
[51]Там же. С. 90.
[52]*Шуази О.* Десять книг об архитектуре. С. 288.
[53]*Grahman I.W.* Olynthika // Hesperia. 1953. Vol. XXII. № 3. S. 203.

[54]Большая часть помещения 41 исследовалась в 1960-е годы экспедицией И.Т. Кругликовой: *Салов А.И.* Археологические находки в Анапе // СА. 1962. № 2. С. 215; *Кругликова И.Т.* О гончарной мастерской в Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 218. Слой пожара внутри раскопанной части помещения был интерпретирован как часть гончарного комплекса. Полное вскрытие помещения 41 в 1970-е годы и раскопки других помещений того же дома заставили по-другому оценить яркий оранжевый слой глины в подвалах. Никаких конструкций гончарных печей в них не обнаружено, нет и бракованных изделий. Наличие нескольких видов клейм на найденных в доме многочисленных грузилах также исключает производство их в стенах одного (данного) дома одним мастером.

[55]*Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.). С. 46.

[56]*Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии ... С. 126.

[57]*Яценко И.В.* Декоративная живопись общественного здания в Неаполе скифском // СА. 1960. № 4. С. 91.

[58]*Фармаковский Б.В.* Живопись в Пальмире // Известия русского археологического общества в Константинополе. Том VIII. Вып. 3. София, 1903. С. 172.

[59]*Tybor N.* Az Aquicumi ún festölakus // Budapest régiségei. T. XVIII. Budapest, 1958. Fig. 19–40; *Pózy Klára Sz.* Az Aquincumi helitartói palota falfestészete // Budapest régiségei. T. XVIII. Budapest, 1958. P. 103.

[60]*Parlasca K.* Romishe Wandmalereien in Augsburg // Materialhefte zur bayeschen Vorgeschichte zur bayerischen Vorgeschichte. Bd. 7. Kallmünz, 1956. Taf. 1–11, 20.

[61]*Bogaers A. Th.* De Gallo-Romainse tempeles te elst in de ver Betuwe. S.–Grawenhage, 1955. Pl. 16–24.

[62]*Mau F.* Geschichte der decorativen Wandmalereien im Pompeji. Berlin, 1982; *Curtius L.* Die Wandmalerei Pompejis. Leipzig, 1922.

[63]*Бураков А.В.* Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища // Культура античного мира. М., 1966. С. 53; *Алексеева Е.М.* Фрагменты расписной штукатурки первых веков нашей эры из Пантикапея // История и культура античного мира. М., 1977. С. 3.

[64]*Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии. С. 108.

Глава IV

ЭКОНОМИКА И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГОРГИППИИ

Основу экономики Горгиппии, как и всего античного общества, составляло сельское хозяйство. Главная направленность его — зерновое земледелие и виноградарство. Последнее заняло одно из ведущих мест в хозяйстве лишь в первые века нашей эры. Хлеб же выращивали еще в окрестностях раннего поселения. Фрагмент зернотерки найден в доме V в. до н.э., позже зернотерки становятся атрибутом городских домов всех эпох (Табл. 248). Декрет Аспурга, освободивший Горгиппию от части налогов, называет основные сельскохозяйственные культуры — виноград, пшеницу, просо и ячмень[1]. Надпись фиаса навклеров II в. фиксирует торговую направленность зернового хозяйства Горгиппии, свидетельствуя о налаженном экспорте хлеба и его налогообложении (КБН 1134). Перегоревшая пшеница — частая находка в подвалах погибших в пожаре домов с IV в. до н.э. по III в. н.э. Ее хранили в пифосах, а в первые века нашей эры еще и в больших амфорах. Встречены обуглившиеся куски пищи из мелких зерен, видимо, проса, найдены обуглившиеся зерна бобовых. В окрестностях города части зернотерок и крышки пифосов извлекаются при пахоте тех участков, которые в древности были заняты сельскими домами. В городских домах встречены железные мотыги, серпы, ножи для срезки винограда, топоры (Табл. 109, 116, 250). Некоторые инструменты бывают аккуратно сложены у порогов и лестниц.

Все пригодные для землепашества земли вокруг Горгиппии были распланированы и включены в полисные угодья. Радиус городских владений составлял не менее 25 км на равнинных участках и около 10 км на ограниченных предгорьями (Табл. 1). Эти земли были заняты сетью поселений, находившихся, видимо, в прямой зависимости от города. Как отмечалось выше, остатки поселений различимы по свежей пахоте как группы пятен, насыщенных камнями и керамикой античного времени. Такие пятна концентрируются на равнинных землях особенно вдоль низин, где в древности, видимо, проте-

кали ручьи и речки. Не менее 10 пятен диаметром до 50 м, расположенных в шахматном порядке, выявлено в 20 км к востоку от Горгиппии у начала предгорий вблизи станицы Натухаевской, между автодорогами в Тоннельную и Раевскую. Подъемный материал на этом поселении содержит обломки амфор II–I вв. до н.э.

В 20 км к северу от Горгиппии на землях совхоза им. В.И. Ленина около поселка Уташ зафиксированы 9 пятен с керамикой IV–II вв. до н.э.; они вытянуты вдоль высокого берега старого русла Кубани.

В 7 км к северу от Горгиппии, в районе Джемете, выявлено обширное сельское поселение, которое, судя по подъемному материалу существовало с IV в. до н.э. по III в. н.э. Здесь на виноградниках зафиксировано не менее 80 пятен диаметром 20–50 м с камнями и керамикой. Пятна отстоят друг от друга на расстоянии 30–70 м и на некоторых участках вытянуты в линии. Лучше всего эти линии улавливаются по обращенному к морю склону террасы. За одним рядом нередко прослеживаются параллельные второй и третий. Все пятна, несомненно, являются остатками сельских домов, составлявших большие и разновременные сельские поселения. К сожалению, материал, поднимаемый на поверхность пахотой, широко растаскивается, отчего мы не можем представить величину единовременной застройки. Пятна в Джемете достаточно различимы и на картах аэрофотосъемки. На поселении в Джемете раскопаны две усадьбы (описание см. выше. Табл. 12, 13). Исследование одной из них установило величину приусадебного участка, равную 7700 м^2.

Обжитым в античное время было и пространство, расположенное в 16 км к ССВ от Горгиппии между поселками Красный Курган и Красная Скала. Здесь на площади 2,5 х 3,5 км к северу от взлетного поля анапского аэропорта выявлено около 50 различных археологических памятников — усадьбы, могильники, курганы[2]. Эта территория занята двумя возвышенностями и широкой низиной. В низине, очевидно, по берегам протекавшей здесь некогда речки выявлено около 20 пятен с камнями и керамикой античной эпохи. На четырех пятнах, разрушенных взлетным полем, расчищены остатки кладок, принадлежащих сельским усадьбам IV–III вв. до н.э., домам и оградам участков (Табл. 251). Диаметр каменистых пятен на этом поселении не превышает 15–20 м, друг от друга они удалены на 50–150 м. Значительное число пятен должно быть уничтожено при сооружении взлетного поля на широкой низине. Несколько пятен поднимается на восточную возвышенность, одно из пятен здесь занимает площадь до 800 м^2 — оно усеяно множеством камней и мелких фрагментов керамики, на поверхности выступают кладки, видимость которых меняется после каждой вспашки. Одна из усадеб в этой местности исследуется, жизнь на ней началась в начале IV в. до н.э. (Табл. 251).

Обширные и разновременные сельские поселения античной эпохи выявлена на обращенных в сторону Горгиппии открытых склонах предгорий

Кавказа в районе Су-Псеха (как в самом поселке, так и на его угодьях), они выглядят точно также и в других местах Анапского района.

Таким образом, археологические разведки в Анапском районе установили, что сельская территория в окрестностях Горгиппии в пределах 10–25 км (в зависимости от естественных рубежей) была распланирована и обработана. Внешне организация этой территории выглядит единообразно — на всех пригодных для пахоты землях с доступной водой располагались сельские поселения из нескольких отдельно стоящих домов с некрупными, видимо, приусадебными участками. К поселениям должны были примыкать возделываемые поля. Раскопанные дома близки достатком и организацией быта. Это кажущееся единообразие скрывает истинный плюрализм в организации земельного фонда города. В нем должны быть доли царского дома, полиса, храмовых хозяйств с различной степенью зависимости населения, непосредственно обрабатывавшего землю.

Размежевание территории в указанных пределах повсеместно произошло в IV в. до н.э., видимо, сразу после включения Синдики и соседних с ней земель в состав Боспора. Первоначально равное деление земель при становлении полиса со временем могло вылиться в крупное землевладение, однако, прямых доказательств этому нет. Находки сельскохозяйственных инструментов, заботливо сложенных у порогов больших городских домов, свидетельствует о том, что хозяева этих домов (граждане полиса) владели загородными наделами. Не исключено, что они владели и целой комой. Ориентируясь на выявленную в Джемете величину приусадебного участка (около 8000 м^2), мы понимаем, что она недостаточна, например, для организации виноградника, способного наполнить цистерны одной винодельни городского дома. Так, цистерны горгиппийской винодельни, синхронной джеметинской усадьбе с участком в 8000 м^2, могли принять единовременно 6,5 т виноградного сусла, для чего понадобился бы виноградник не менее 2–3 га. Вряд ли виноградники располагались среди полей за пределами приусадебного участка. Значит, хозяин винодельни либо владел несколькими наделами, либо скупал виноград. Все сказанное позволяет предположить достаточно сложную и многообразную социальную структуру как городского, так и сельского населения.

Существование собственного виноградарства и виноделия на Боспоре подтверждено сейчас раскопками многих виноделен, найдены они и в Горгиппии (выявлено 12)[3]. Как и во всем Северном Причерноморье массовое распространение этой отрасли хозяйства относится к первым векам нашей эры. Виноградарство существовало в окрестностях Горгиппии и ранее, о чем свидетельствует находка широкого железного ножа для срезки кистей винограда в городским доме 29, погибшем в середине III в. до н.э. (Табл. 69:15). Такими широкими ножами виноградари пользовались в IV–III вв. до н.э.[4] К

рубежу IV–III вв. до н.э. В.Ф. Гайдукевич относил начало развития на Боспоре виноградарства и виноделия в качестве товарной отрасли хозяйства. По его мнению, этому способствовали изменения в направлении внешней торговли, составе экспорта, а также развитие денежного кризиса в государстве[5].

Наиболее ранние из раскапывавшихся в Горгиппии виноделен относятся к I в. н.э. (выявлено 3). Невыразительные остатки винодельни Г1 в виде донных частей двух цистерн обнаружены на территории археологического заповедника под стеной и глиняным полом подвала 112 дома 18, погибшего в 240 г. (Табл. 32). Кроме того, что этот объект зафиксирован, сказать о нем нечего. Каждая цистерна занимала площадь 1,3 × 1,4 м, они разделялись скальной перемычкой у дна, выше — каменной кладкой. Днища цистерн на 0,1 м впущены в скалу, в северо-восточных углах располагались отстойники диаметром 0,4–0,6 м, глубиной 0,2 м. Днища цистерн обмазаны розовой цемянкой. Розовый цвет раствору придавала добавляемая в него гидравлическая добавка — толченая керамика, сообщавшая цемянке водоупорные свойства.

Винодельня Г2 располагалась на 20 м западнее первой, вероятно, в соседнем доме (Табл. 32). От нее уцелели нижние части трех цистерн, для сооружения которых в скальном грунте вырублен четырехугольник размерами 2,5 × 5,3 м, он облицован сложенными на глиняном растворе каменными кладками толщиной 0,25–0,5 м. Одновременно с обкладкой стен котлована возведены две перемычки, разделявшие резервуар на три самостоятельные цистерны, перемычки сложены из мелких камней на цемянковом растворе. Стенки цистерн обмазаны розовой цемянкой, нанесенной в два слоя (толщина верхнего 5–7 см). В раствор кое-где включены фрагменты керамики. Верхний слой обмазки покрыт красным пигментом, предохранявшем цемянку от разъедания кислотами виноградного сусла. Две южные цистерны имели одинаковую величину (1,2 × 1,35 м), северная несколько больше (1,4 × 1,46 м), в высоту цистерны сохранились на 0,96 м, при этом они целиком впущены в скалу. Донья цистерн слабо наклонены к северо-западным углам — к отстойникам диаметром 0,6 м, глубиной 0,2 м. Верх цистерн обрезан полом подвала дома 19, построенного не позже II в. н.э., поэтому нельзя рассчитать объем резервуаров. Ясно, однако, что каждая цистерна вмещала не менее 1,5–2 $м^3$ сока, и в трех резервуарах винодельни Г2 помещалось около 5000 л сусла. Рядом с винодельней располагалось впущенное в грунт на 1,2 м небольшое хозяйственное помещение 40, к которому в дворовой части дома примыкал колодец. Другие части винодельни и дома, которому она принадлежала, уничтожены зданием с подвалами следующего строительного периода.

Лучше двух названных уцелела синхронная им винодельня Г3, выявленная на строительной площадке по ул. Ленина (Табл. 21, 252). По-видимому, эта винодельня функционировала в расположенном на краю городища укрепленном доме 60, погибшем в сильном пожаре около середины I в. Вино-

дельня пристроена к стене, шириной 1,2 м, продолжающей линию стен, которые мы относим к системе укреплений города I в. до н.э. – I в. н.э. Стена 27 не сплетается со стенами дома 60, но почти примыкает к ним и соответствует их направлениям. Манера кладок, характерная для дома 60 (о чем мы писали выше), отмечается также в стенах 28 и 44 шириной 0,7 м, сложенных впереплет со стеной 27, а также стен винодельни.

От самой винодельни сохранились две цистерны и две давильные площадки в окружении каменных фундаментов, что занимает 56 м^2. Западная граница комплекса уничтожена более поздней постройкой. Так как на площадках винодельни нет прессового ложа, помещений к западу от цистерн могло и не быть. Продукция в таком случае хранилась в нижнем этаже дома-башни, где найдено большое количество амфор и крупных кувшинов (Табл. 220, 221).

Каждая из цистерн этой винодельни занимала площадь 1,5 × 1,6 м при глубине 1,4 м от устья слива. Следовательно, объем одного резервуара составлял 3,4 м^3, а единовременная емкость двух цистерн — около 6,5 т. В западных углах обеих цистерн располагались отстойники диаметром 0,4 и глубиной 0,3 м. Стенки цистерн и разделяющей их перемычки сложены впереплет из небольших дикарных камней и кусков черепиц. Давильная площадка размещалась с востока. Из-за плохой сохранности цемянкового покрытия не выяснено, была эта площадка монолитной (17,5 м^2) или соответственно двум цистернам делилась надвое. В восточную стенку каждой цистерны вмазан известковый слив с выдолбленным каналом. Вдоль южной стенки цистерны А располагалась небольшая (1,8 м^2) дополнительная площадка с цемянковым покрытием без стока.

Резервуары и давильные площадки покрыты цемянковым раствором розового цвета с красным пигментом на поверхности. Цемянка толщиной 0,1 м нанесена в несколько слоев. Поверхность большой давильни имеет уклон (0,1 м) в сторону цистерн. Цемянковое покрытие давильни подмазано к окружающим ее фундаментам стен. В винодельне Г3 наиболее примечательным является устройство трамбовок под площадками. Тщательность их выкладки обусловлена, видимо, тем, что площадки перекрыли недостаточно плотный глинистый слой с пятнами культурных напластований более раннего времени. На большой площадке непосредственно под цемянкой размещены поставленные на ребро мелкие камни (отщепы дикаря) и редкие фрагменты черепиц. Под этой трамбовкой лежит слой грунта толщиной 0,1 м, ниже — вымостка толщиной 0,12 м из мелких (0,1 × 0,15 × 0,05 м) дикарных камней. Эти камни немного крупнее составляющих верхний слой трамбовки, камни нижней трамбовки большей частью стоят на ребре. Нижняя трамбовка лежит на плотной коричневой глине. Под цемянкой маленькой площадки трамбовка образована поставленной на ребро средней величины галькой.

Камни всех трамбовок пригнаны друг к другу очень плотно. Бутовые трамбовки подстилали цемянковую обмазку и в других винодельнях Боспора[6], однако, для Горгиппии этот строительный прием не характерен, так как здесь скальные породы лежат неглубоко и давильные площадки старались устраивать непосредственно на их поверхности. В описываемой винодельне расположение камней на ребро и плотная их подгонка друг к другу обеспечивали повышенную прочность и долгую сохранность давильни. Малая площадка, скорее всего сортировочная, большого давления не испытывала, поэтому под нее возведена однослойная трамбовка. Два слоя трамбовок в большой площадке не свидетельствуют о серьезном ремонте, так как промежуточного покрытия не отмечено.

Винодельни II – первой половины III вв. в Горгиппии более многочисленны, их зафиксировано 9. Наиболее интересна из них винодельня Г4, относящаяся к числу крупных боспорских виноделен, она подобна им по конструкции[7]. Открытые при ней связанные с производством подсобные помещения дополняют наши сведения о процессе изготовления вина в Северном Причерноморье. Эта винодельня функционировала на северо-восточном краю городища при доме 33, сгоревшем во всеобщем пожаре около 240 г. Она примыкала к южной стороне Широкой улицы и городским оборонительным сооружениям. Производственный комплекс давильня с цистернами и прессовое отделение — занимал около 80 м^2. Вместе с бродильней, хранилищем готовых вин и двором с ямами хозяйственного назначения винодельня занимала не менее 350 м^2 (Табл. 159, 161, 162). Она имела три цистерны. Общий резервуар для их устройства вырублен в скале, облицован сложенными впереплет кладками шириной 0,3 м и разделен вплетенными в облицовку каменными перемычками. Каменные стены и скальное дно цистерн обмазаны двухслойным цемянковым раствором с толченой керамикой. В одном из углов каждой цистерны устроен отстойник глубиной 0,14–0,3 м. Отстойником являлось углубление шириной 0,5 м с плавно понижающимися краями. Резервуары имели близкий объем — 2,9–3,2 м^3, они могли принять единовременно до 9 т сусла[8].

Давильные площадки примыкали к резервуарам с востока. Поверхность их имела слабый уклон в сторону цистерн (0,1–0,15 м). Величина крайних площадок — 7 м^2, средней — 5 м^2. С каждой площадки известняковый слив с выдолбленным желобом глубиной 0,1 м вел в расположенную напротив цистерну, желоба имели слабый уклон в сторону резервуаров (5 см). Сливы закреплены в каменных кладках известковым раствором таким образом, что на границе пола давильни и стенки-бортика располагалось только отверстие — вход в желоб.

Давильные площадки разделялись перегородками, от которых в цемянковой обмазке уцелели желобки шириной и глубиной 5 см. Перегородка-

ми могли служить длинные доски, так как никаких затеков цемянки в швы, если бы перегородки состояли из плоских камней, нет. Короткие желоба на двух крайних площадках отделяли сток в резервуар от самой площадки, в них ставили заслонки и регулировали самотек. Средняя площадка такой загородки не имела. Большую часть ее занимал огромный прямоугольный дикарный камень (1,4 × 1,6 м), он возвышался над площадкой на 0,13 м и имел неровную поверхность.

В углу между северной площадкой и цистерной располагалась дополнительная площадка Г, занимавшая 3 м^2, она имела отстойник, но была лишена слива. В.Ф. Гайдукевич[9], обнаруживший в боспорских винодельнях боковые площадки без сливов, полагал, что их использовали для очистки цистерн. Так как малые площадки имелись не у каждой цистерны, да и вынимать мусор могли на примыкавшие к ним, представляется возможным использование небольшой боковой площадки для сортировки винограда. Для изготовления некоторых сортов вин используют виноград в гроздьях, однако, зеленые и засохшие грозди полагается отделять обязательно. Для вин высокого качества на этой площадке могли отделять ягоды от гребней, стекавший при этом сок собирался в отстойнике. Площадка Г устроена на специальной платформе из дикарных камней, уложенных в два слоя на материковую глину. Камни обмазаны цемянковым раствором. Нижний слой толщиной 4–6 см просочился между камней, верхнее покрытие было не толще 1 см. В экспозиционных интересах структура других площадок не выяснялась.

Давильные площадки располагались ниже поверхности улицы на 0,5–0,7 м. Давильню окружали каменные кладки, от которых уцелел обрывок северной стены и прорубленные в скале ложи других стен. По всему периметру давильни цемянковая обмазка пола поднималась на стены (максимально сохранилась на 0,2 м высоты). Каменные стены давильни безусловно поднимались до дневной поверхности, выше кладка вдоль площадок для удобства их загрузки могла отсутствовать, а кровля держаться на опорах. Навес мог распространяться и на часть двора с ямами.

Площадки А и Б использовались для раздавливания винограда ногами и получения сока без мезги. Сок собирался в цистернах 1 и 3, где отстаивался около суток[10]. В цистерны поступало мутное сусло с пылью, обрывками мякоти и кожицы. Чтобы осветлить сусло, надо было задержать брожение примерно на 24 часа, за это время взвешенные частицы осядут. Брожение задерживалось охлаждением сусла до 10–12°, чему и способствовали выдолбленные в скале цистерны. Из сока готовили тонкие вина по белому способу, обязательно предварительно отделяя ягоды от гребней (на боковой площадке Г). Белые вина могли получать и из красного винограда, если не прессовали кожицу, содержащую красящие вещества. Для белых вин требовалось собирать

виноград, не допуская накопления в нем излишнего сахара. Отстоявшийся виноградный сок тотчас же сливали в бродильные чаны.

Для изготовления вина по красному способу не требовалось скорое отделение сока от мезги, вино должно было насытиться красящим пигментом и для этого брожению подвергалась вся мезга, полученная при дроблении винограда. Сусло с мезгой для красных вин также могло накапливаться в двух крайних цистернах и по мере подготовки бродильных чанов перемещалось в них. Чаны рекомендуется наполнять мезгой на 4/5 и обязательно в один день. Важно также, чтобы виноград не поступал в давильню нагретым, для чего рекомендуется собирать его рано и тотчас же пускать в обработку. Горгиппийские виноградники размещались за городом, поэтому в винодельнях виноград, по-видимому, охлаждали, опуская корзины в вырубленные в скале ямы рядом с винодельней. В эти ямы могли собирать и отработанные выжимки, а затем вывозить их на поля как удобрения, так как скопления гумуса при винодельнях нет.

Мезгу после первичного отделения сока собирали в пористую тару и подвергали прессованию на средней площадке. Мешки или корзины с ней ставили на большой камень. Пресс был рычажным, возможно, винтовым — таким, как описан у Плиния (N.H., XVIII, 317). Установка, приводившая в действие рычаг, помещалась в соседнем с давильней прессовом помещении 110 площадью 30 м^2. Рычаг в виде длинного деревянного бруса должен был тянуться к большому камню на площадке Б и пересекать помещение в середине. Надо думать, что груз рычага размещался в закутке между каменной платформой 552 и дополнительно укрепленной стеной подвала. Пол в этом закутке (–44) был ниже пола помещения (+8), уровень пола помещения соответствует поверхности давильных площадок. Грузом мог быть огромный камень-гиря или просто корзина с камнями, отсек для его стояния имел ширину 1 м. К системе установки пресса могут относиться скальные подрубки, выявленные под полом помещения. Две вертикальные подрубки высотой 0,45 м к востоку от камней 552 отсекали пространство шириной 0,7 м. Две другие вертикальные подрубки скального гребня высотой 0,15 м устроены южнее платформы 552 на расстоянии 2,4 м одна от другой. В помещении 110 выявлено два уровня глинобитных подвалов (–20, –5) и фрагменты лежащей над ними вымостки (+8). Возможно, на первом этапе существования винодельни, на нижнем полу, действовал рычаг длиной около 6 м, его ворот был закреплен в первой подрубке скалы под полом. Позже, когда вторично были обмазаны давильни, цистерны и глинобитный пол, рычаг удлинился до 8–9 м, а для крепления винта была создана платформа из больших камней. Винтовому прессу мог принадлежать найденный в одной из ям при винодельне большой камень с круглой врезкой (Табл. 164:2). Бревно рычага должно было иметь упор сзади большого камня на давильной площадке. Здесь также обнаруже-

ны подрубки скалы, в которых закреплялась какая-то стойка. Мезгу давила соединенная с бревном доска. Прессом мог быть и плоский камень. Крупная известняковая плита с четырьмя врезками по краям, извлеченная из ямы при винодельни, могла выполнять эту роль (Табл. 164:4). Из-под пресса выходило сусло для вина второго сорта и даже третьего порядка, если мезгу прессовали повторно. Так получали грубые вина с большим количеством дубильных веществ.

В помещении 110 производилось и окуривание чанов. В древности и ныне винную тару окуривают сернистым газом, возможно и обычное ее прокаливание, так как болезнетворные бактерии и грибы винной плесени гибнут при 60–75°, а их споры — при 125–140°. Серу жгли вне окуриваемого резервуара, в сосуд под крышку вставляли дымящийся фитиль. При заполнении чанов суслом эту процедуру повторяли. В описываемой винодельне отстоявшееся сусло перекачивали из цистерн в бродильные чаны именно в помещении 110. Поэтому у края цистерн в помещении устроено каменное мощение, а в южной части помещения размещалось огниво. На уровне нижнего пола здесь располагался жженный точёк диаметром около 2 м. Он просел над более ранней ямой и от того оказался в небольшом углублении. В приямке что-то жгли — осталась ровная черная сажа. Пол прокален насквозь, неоднократно промазан глиной и вновь прокален. Разрез угольного пятна показал разрыв угольного слоя в середине, словно бы в центре стоял сосуд, а горело вокруг него.

После усовершенствования винодельни жженый точек на полу заменен специальным очагом, выложенным из дикарных и известняковых камней на глиняной платформе. Очертания его прямоугольны, углы сглажены. Камни уложены по периметру и имеют слабый уклон к центру, от чего в центре получилось как бы корытце, в нем мог лежать на боку большой сосуд. Очаг возведен на верхнем полу (+4/–10), он слегка возвышен над полом (+20), камни и глина окалены. Подрубки в скале чуть севернее очага могли служить для крепления какой-то установки, позволявшей удерживать в нужном положении большие амфоры при окуривании.

Перелитое в чаны сусло бурно бродило 3–4 дня, процесс сопровождался образованием шипящей шапки и выделением углекислоты. Шапку погружали в сусло 3–4 раза в сутки. В больших чанах поднималась более высокая температура и быстрее протекал процесс брожения (в пифосах). Так как при 15° брожение прекращается, в холодную погоду бродильню приходилось обогревать, чтобы поднять температуру сусла до 20–21°. В районе Горгиппии виноград собирали тогда, когда вечернее и ночное время становилось прохладным. Вероятно, необходимостью искусственно поднимать температуру в бродильнях объясняются находки в них (трех горгиппийских) огромных камней насквозь прокаленных и потрескавшихся от действия огня. В описывае-

мой винодельне раскалялись камни на очажной платформе. Вслед за бурным брожением наступал период дображивания с незаметным выделением углекислоты, который длился две – три недели. Как только брожение принимало спокойный характер, бродильные чаны доливали. Вслед за тихим брожением молодое вино еще некоторое время успокаивается, оставаясь мутным — взвешенные частицы осядут еще через две – три недели. Выдерживать вино на дрожжевых осадках рекомендуется при температуре не выше 12°, для чего наилучшим образом подходят подвалы. Следует полагать, что в винодельне Г4 процесс дображивания и успокоения вина происходил в подвалах 109 и 111. Бурное брожение должно было происходить в проветриваемом помещении, следовательно, не в подвальном. После прессования и обработки тары помещение 110, видимо, использовалось как бродильня. Видимо, существовала некоторая очередность в освобождении цистерн и заполнении бродильных чанов, так как площадь помещения 110 невелика и при наличии в нем стационарных пресса и очага явно недостаточна для расстановки сосудов, способных единовременно принять 9 т жидкости. Расчеты показывают, что винодельня могла использоваться несколько раз в сезон только в том случае, если прошедшее стадию бурного брожения, но еще не готовое вино увозилось в подвалы, допустим, соседних домов, где и дображивало.

После полного отстаивания вино разливали в амфоры под шпунт, горла их запечатывали сырцовыми пробками. Вино созревает в подвале без сквозняков и плесени при температуре 10–12°. В доме 33 оно хранилось в подвале 78, где и найдено множество целых и разбитых амфор нескольких типов (Табл. 166, 167). Часть готовых вин продавалась в тот же сезон, но какие-то амфоры выдерживались долго. Белым винам достаточно для выдержки 4–5 лет, красные хороши и через 30–35 лет.

Рассмотрев возможные операции, производившиеся в винодельне Г4, можно представить, какой сноровки и знания всех тонкостей процесса требовало ее обслуживание Ряд работ при этом относился к разовым (разборка, погрузка, очистка), работники для их исполнения могли наниматься сезонно. Одна семья без помощи рабов или наемных рабочих вряд ли могла обслужить винодельню. Основываясь на сведениях античных авторов, В.Ф. Гайдукевич[11] полагает, что 1 га виноградника мог дать 2–3 т вина. Следовательно, чтобы единовременно наполнить цистерны винодельни дома 33, собрав в них 9 т жидкости, требовалось обработать 3–4 га виноградника. Мы не знаем величину виноградников при усадьбах в окрестностях Горгиппии. Ориентируясь на размеры клеров крупного города Херсонеса в 26,5 га[12] и наделы в 8,8 га гораздо меньшего пункта Калос Лимена[13], можно считать, что виноградник в 3–4 га был собственностью одной семьи. В частности, в Северо-Западном Крыму у мыса Ойрат зафиксирован виноградник III–II вв. до н.э. площадью в 3,5 га[14]. Виноградник в 3–4 га за городом мог иметь сам хозяин дома

33, гражданин Горгиппии. Расчеты С.Ф. Стржелецкого средней нормы рабочей силы для обеспечения хозяйства в херсонесской округе признают достаточным 0,8–1 работника на 1 га[15]. Природные ресурсы и климатические условия в окрестностях Горгиппии не были сложнее херсонесских. Следовательно, принимая расчеты С.Ф. Стржелецкого, можно предположить, что для содержания виноградника, способного единовременно заполнить винодельню дома 33, требовалось не более 5–7 человек, постоянно выполнявших на нем свои обязанности. Видимо, такое же количество людей было необходимо и для обслуживания винодельни в момент ее загрузки. Не исключено, что это были одни и те же лица. В сезон сбора урожая деятельность их была крайне напряженной. Для производства разовых трудоемких операций могли наниматься дополнительные работники.

Над подвалами 78 и 111 располагались наземные помещения здания с винодельней. Вряд ли эти помещения рядом с бродильней, с ее углекислым и сернистыми газами, были жилыми. Скорее всего, в них размещалась лавка по продаже вина и винограда. Это предположение подтверждает находка в одной из цистерн разрушенной винодельни набора бронзовых гирь, деталей весов, металлических частей ларца или шкатулки, где хранилась выручка — 528 бронзовых монет (Табл. 163–165). Весам принадлежат железные кольца, фрагмент железной полусферической чашки и литая бронзовая деталь, украшенная геракловым узлом и крыльями Гермеса. Так как на сломанном конце стержня существовало кольцо, реальнее определить эту деталь как часть коромысла. Набор гирь позволяет предполагать, что в лавке пользовались не одними весами. Плоскую овальную гирю без петли для подвешивания весом 4500 г клали на весы — равноплечные двучашковые, применявшиеся веками во всем античном мире. Известны изображения и больших двучашковых весов для взвешивания крупногабаритных товаров, например, корзин с хлебами. На одну из чаш таких весов клали много тяжелых гирь[16]. Четыре плоские ромбовидные гири (2610, 1320, 493 и 321 г), вес которых кратен римской либре (327,45 г), имели отлитые вместе с гирями петли для подвешивания. Крючки на весах были железными, их части остались в отверстиях гирь. Лицевая сторона гирь отштампована монограммой “ΔΗ”, означавшей гарантию точного веса (сокращение от δημόσιον — народное достояние). Углы штампа на большой и средней гирях дополнены художественной гравировкой. Гири с петлями должны были принадлежать неравноплечным весам — безмену. Подвешенные на опорных крючках они служили контргрузом для товара. Гирями взвешивали продаваемый виноград, укладывая его на широкую чашку весов. Вино отпускали в таре. Очевидно, для собственных нужд семья оставляла не более 5–10 гл вина, остальные 80 гл шли в продажу.

При винодельне функционировало несколько грунтовых ям с грушевидными вертикальными разрезами, нижние части их почти на метр проруб-

лены в скале. В момент раскопок все ямы были заполнены слоем гибели дома. Жилые помещения дома располагались южнее винодельни (под Кубанской улицей Анапы).

Непосредственно к улице примыкала еще одна винодельня того же времени — винодельня Г5, существовавшая в доме 21 по Северной улице (Табл. 32). От этой винодельни уцелела только одна цистерна (1,4 × 1,4 м). Сохранившаяся глубина цистерны — 1,3 м — предполагает емкость не менее 2,5 т. Как была спланирована винодельня и на какие мощности рассчитана, мы не знаем. Известно только, что винодельня располагалась в восточной части дома и, по меньшей мере, имела еще одну цистерну. Винодельческий комплекс дома 21 примечателен своим оригинальным хранилищем (Табл. 141, 142). Ориентируясь на современные представления, его конструкцию можно определить одновременно погребом и сараем. Это сооружение (1,6 × 3,4 м) располагалось во дворе и по отношению к его поверхности было впущено в грунт на 1 м, вход был обращен к винодельне. Пол плавно опускался от входа вглубь помещения (понижение 0,35 м). Стены сооружения оставались земляными — прорубленными в материковой глине с поверхностной глиняной обмазкой. В каждую стенку вмазаны деревянные опоры, от которых уцелели угли. Опоры должны были подниматься над поверхностью двора, поддерживать кровлю и служить опорой каркаса для наземной глинобитной стены с тростниковым наполнением. В северной стене опоры отсутствуют, следовательно, там над поверхностью двора возвышалась каменная кладка (стена дома ?), а не обмазанный глиной плетень. Пологий спуск входа без лестницы устроен для удобства затаскивания больших тяжелых амфор с вином и вытаскивания порожних. В слое гибели дома, наполнявшем это сооружение, обнаружены как целые амфоры, так и многочисленные куски разбитых, формы их неодинаковы. В исследованном при доме подвале (винном погребе?) найдены муфтообразные подставки для амфор вместе с осколками амфор (Табл. 142–147).

Винодельня Г6 также сохранила некоторые индивидуальные особенности. Она функционировала в горгиппийском доме 50, погибшем во всеобщем пожаре города III в. н.э. (Табл. 253, 254). Винодельня пристроена к дому с юго-восточной стороны. В ней зафиксированы: давильня, цистерна и хозяйственное помещение с очажным сооружением. Давильня исследована частично, она имела Г-образную форму и отделялась от цистерны стеной, уцелевшей в высоту на 0,9 м. Наличие подобной стены отмечено в мирмекийской винодельне III в. до н.э.[17] Пол и стены давильни обмазаны двумя слоями розовой цемянки с красным пигментом на поверхности. Пол понижался к сливу (–217/–233), он располагался на 1,0–1,3 м ниже дневной поверхности дома. На уровне пола давильни сделано отверстие диаметром 0,1 м, ведущее в трубообразный желоб, обмазанный изнутри цемянкой и переходящий в желоб

известкового слива, вмонтированного в стену со стороны цистерны. Севернее отверстия на 0,45 м в обмазке пола и стены давильни сохранился паз от вмазанной некогда перегородки. Она регулировала поток виноградного сусла и задерживала гущу. Высота перегородки — 0,3 м, ширина — 0,1–0,05 м.

Цистерна (1,4 × 1,5 м) глубже давильной площадки на 1,67 м. Дно ее (–400) имело слабый наклон к западному углу с отстойником радиусом и глубиной 0,3 м. Стенки цистерны сложены впереплет на глиняном растворе из плоских средних и мелких камней, они обмазаны розовой цемянкой с красной краской на поверхности. Объем цистерны до слива составлял 3,4 м^3. Вторая цистерна осталась в борту раскопа, за ней могла следовать и третья.

С юго-запада к давильне и цистерне примыкало помещение, глинобитный пол которого прослежен на площади 20 м^2. В помещении выявлено монументальное плитовое сооружение. Пол слегка понижался в сторону этого сооружения и располагался на том же уровне, что и пол давильни. От цистерны и давильни это сооружение отделялось каменной стеной, обмазанной цемянкой. Плитовое сооружение (1,4 × 2,2 м) представляло собой впущенную в грунт конструкцию типа каменного ящика, образованного поставленными на ребро дикарными плитами. Верх этих плит располагался вровень с примыкавшим к ним глинобитным полом. В центре конструкции, не соприкасаясь со стенками, на горелом слое толщиной 0,12 м лежал огромный прямоугольный дикарный камень (1,5 × 0,7 × 0,4 м) весом не менее 700 кг. Подошва камня на 0,3 м выше подошвы окружавших его плит. Постройке плитового сооружения предшествовало выравнивание поверхности плоскими камнями. Стенки ящика внутри и центральный камень сохранили следы длительного действия огня, пространство между стенками и камнем заполнено углями и чистой золой. Надо думать, что это помещение с монументальным очажным сооружением в центре, смежное с цистернами являлось бродильней. В углублении пола между плитовым ограждением и огромным камнем что-то жгли, что оставило ровную серую золу — возможно, выбрасываемые на берег богатые сероводородом морские водоросли. Дымом, предпочтительно сернистым, окуривали керамические сосуды, прежде чем заполнить их отстоявшимся в цистернах виноградным соком. В сырую и холодную погоду, когда в бродильне надо было слегка поднять температуру, раскаляли и сам камень, который затем долго держал тепло. Окуривали порожние чаны и уже наполненные перед доливкой их после прекращения бурного брожения, окуривали амфоры перед наполнением их готовым вином. Очажное сооружение винодельни Г6 играло ту же роль, что и очаг в помещении 110 винодельни Г4.

Подобное описанному очажное сооружение обнаружено в юго-восточном углу городища среди остатков дома 26 II–III вв. (Табл. 32). Здесь огромный камень окружен с трех сторон сложенными впереплет неширокими (0,5 м) двухрядными кладками, некоторые камни целиком перекрывают ши-

6 Зак. 1779

рину стены. Кладки удалены от большого камня на 0,2–0,3 м. Сам дикарный камень (1,3 × 0,8 × 0,5 м) растрескался под действием огня. Промежутки между камнем и окружавшими его стенами заполнены золой, углями, сажей. Камень был перекрыт развалом пифосов. Первоначально они, видимо, стояли на 2,3 м южнее камня в неглубоких ямках в полу. Фрагменты розовой цемянки, обнаруженные вблизи очажного устройства, позволяют связывать это сооружение с разрушенной либо скрытой восточным бортом раскопа винодельней Г7.

Крупная винодельня Г8 существовала рядом с винодельней Г6, видимо, в соседнем с ней доме (Табл. 255). Она выявлена у северо-западного крыла гостиницы "Анапа" в строительной траншее вдоль набережной. Судя по уцелевшим сливам, давильные площадки располагались южнее цистерн, они были уничтожены строительством гостиницы в 1950-е годы без исследования. Три большие цистерны винодельни (одна: 1,4 × 1,5 м; две: 1,54 × 1,2 м) сохранились на полную глубину — 1,9 м. Объем цистерн в 3,5 и 4 м^3 позволял держать в них единовременно около 11 т виноградного сусла. Верхний край цистерн располагался на 0,9 м ниже нуля археологического заповедника, то есть поверхности Широкой улицы III в. н.э. В северо-восточных углах цистерн устроены отстойники диаметром 0,5–0,65 м, глубиной 0,16 м. Облицовка резервуаров сложена в два ряда из мелких и средних камней, использованы плотные песчаники, киловые породы и гранитные окатанные камни. Кладки обмазаны розовой цемянкой, нанесенной в два слоя. Нижний слой (1,5–3 см) более рыхлый и слегка розоватый. Верхний (0,7 см) — плотный, с интенсивной красной окраской поверхности. Во всех цистернах нижний слой цемянки испещрен грубыми насечками разного направления, они обеспечивали лучшее сцепление двух слоев покрытия (Табл. 254, 255). Средняя цистерна имела три слоя цемянкового покрытия, верхний слой которого также был испещрен насечками — либо цистерну готовили еще для одной обмазки, либо при чистке соскребали присохшее сусло.

В монтировке стен винодельни отмечена своеобразная деталь: верхние 0,25 м в кладках сложены из кусков плинф шириной 29 см, толщиной 3,5 см. Уложенные плашмя куски кирпичей соединены цемянковым раствором. На восточной перегородке плинфы лежат в три ряда, на западной — в пять. Поверхность перегородок и стен, окаймлявших цистерны, обмазана слоем цемянки, плавно спускавшейся внутрь резервуаров.

Винодельни Г9 и Г10 того же времени выявлены на ул. Кубанской у южного края археологического заповедника[18]. Эти винодельни были первыми из открытых в Анапе. В винодельне Г9 исследовалась одна цистерна с розовой цемянкой емкостью около 2 т и часть давильни длиной 4 м. Винодельня выявлена напротив главного здания пансионата "Мотылек" в строительной траншее. Винодельня Г10 расположена на 115 м западнее предыдущей.

От нее уцелела давильная площадка шириной 3,5 м с трамбовкой из камней и черепиц, обмазанной несколькими слоями цемянки с большим прессовым камнем и две цистерны неполной высоты. Емкость цистерн была не менее 2 и 3,5 т.

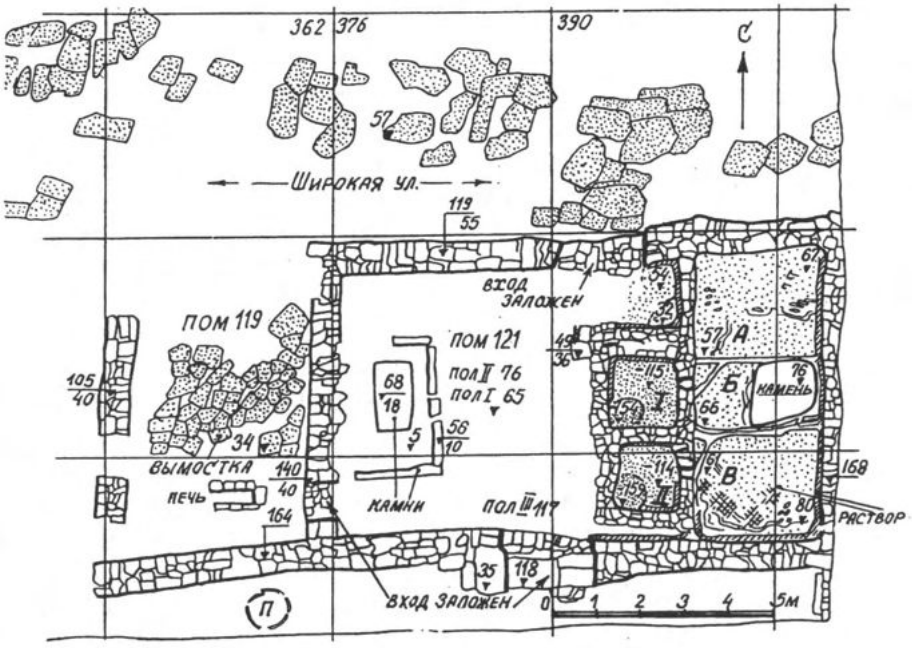


Рис. 52. Горгиппийская винодельня Г-12 II в. н.э.
в юго-восточном углу заповедника.

Винодельня Г11 зафиксирована южнее винодельни Г9 в одном из раскопов на месте бывшей анапской ткацкой фабрики в зоне строительства пансионата "Кубань" (Табл. 36).

Винодельня Г12 функционировала в северо-восточной части древнего города (Рис. 52; Табл. 32). Дом, которому она принадлежала, очевидно, скрыт южным бортом раскопа и находится под Кубанской улицей Анапы. Винодельня примыкала с юга к Широкой улице Горгиппии и располагалась вблизи выхода ее за пределы города, у самой границы города и некрополя. Винодельне принадлежат три давильные площадки и одна сортировочная, две цистерны и помещение с огромным камнем внутри каменной оградки.

Винодельня возникла на месте разрушенных укреплений, когда на рубеже I и II вв. н.э. план города в данном месте изменил свои очертания. Очевидно, ей предшествовали оборонительные сооружения двух строительных периодов: IV–III и III–II вв. до н.э. Стены, ограничивающие винодельческий комплекс с севера и юга, сохранили следы множества перекладок, часть из

них произведена после прекращения его деятельности, во время вторичного использования его помещений.

Почти по всей длине южной стены и на отдельных участках северной, в их основаниях, в один – два ряда лежат огромные дикарные камни. Они уложена на материковые глины и скальные выходы на глубине +30. Это глыбы плотного песчаника красноватого, желтоватого и зеленовато-серого цвета, из таких камней обычно строила эпоха IV–III вв. до н.э. Уцелевшие нетронутыми, эти камни безусловно сохранились от какого-то мощного сооружения. Поскольку именно вблизи данного места веками располагалась граница города и некрополя, а Широкая улица переходила в загородную торговую дорогу, мы вправе интерпретировать остатки найденных монументальных кладок как часть оборонительной системы Горгиппии. Участков нетронутого культурного слоя, непосредственно связанного с этими стенами, не сохранилось, так как в древности они почти не были впущены в грунт, а в настоящее время также залегают вблизи дневной поверхности Анапы.

Отдельные участки стен винодельни сложены из пиленых блоков ракушечника. В Горгиппии из этого вида камня строила эпоха III–II вв. до н.э. В винодельческом комплексе выявлены участки и этих кладок. В ряде случаев известняковые блоки стоят непосредственно на песчаниковых глыбах, свидетельствуя о вековых ремонтах и реконструкциях городских укреплений. Винодельня прекратила существование, когда к северу от нее и почти вплотную к ней строится мощная цитадель, ширина стен которой достигает 3 м. Мы не знаем точной даты этого строительства, однако, безусловно, оно происходило не ранее первой половины III в. н.э. В кладку поздней цитадели включены камни всех разрушенных и существовавших поблизости в более раннее время укреплений — и разноцветные глыбы песчаника, и пиленые камни ракушечника различных размеров.

Известно (КБН 1122), что царь Савромат I (93–123 гг.) восстановил укрепления Горгиппии, расширив при этом границу города. Возможно, именно тогда на месте разрушенных ранних укреплений был построен дом с винодельней Г12, а городские стены несколько отодвинуты. При этом дом с винодельней использовал как строительный материал камень ранних укреплений, а также сохранившиеся участки их стен. Когда возникла необходимость возвести на данном участке мощную цитадель, винодельня прекратила свое существование. Стена цитадели перекрыла доступ в нее со стороны Широкой улицы, так как стена цитадели перекрыла и саму улицу. Бывший выход на Широкую улицу был заложен, цистерны и площадки засыпаны для устройства над ними нового пола на более высоком уровне. Винодельня прекратила существование до всеобщего пожара Горгиппии, произошедшего около 240 г., так как засыпка ее цистерн не содержала явных следов пожарища.

Дом же внутри цитадели сгорел вместе со всей Горгиппией, слой его гибели сохранил следы сильнейшего пожара.

Площадки винодельни А (2,4 × 2,5 = 6,72 м^2) и В (2,8 × 2,3 = 6,4 м^2) предназначались для выжимания сока ногами. Площадка Б (2,7 × 1,5 = 4 м^2) служила для прессования выжимок. Площадка А перерезана более поздней ямой. В срезе грунта по краям ямы видны камни диаметром 10–15 см, лежащие под цемянковым покрытием площадки. Очевидно, такая трамбовка устроена под всей давильней, так как поверхность ее лежит не на скале, а на предматериковых глинах и пятнах более раннего культурного слоя (в целях экспонирования площадки не вскрывались). Стоящие на ребре небольшие камни проступают и в местах утрат цемянки на других участках площадки А. Непосредственно под цемянкой на всех площадках видна трамбовка из каменного щебня (2 × 2 см). Повреждения цемянкового слоя площадки В показывают, что на щебень нанесен слой цемянки толщиной 3 см, его поверхность испещрена бороздками, образующими сетку ромбов. Бороздки глубиной 0,5 см нанесены острым предметом на расстоянии 5–7 см друг от друга, они имеют, неодинаковое направление на разных участках площадки. На слой цемянки с сеткой нанесен поверхностный слой толщиной 1 см. Сетка ромбов способствовала лучшему сцеплению слоев цемянки.

Цемянковое покрытие всех площадок загибается на окружающие давильню стены, оно уцелело в высоту на 0,66 м. На стены цемянка нанесена в два слоя. Нижний вдавлен в промежутки между камнями, поверхность его испещрена бороздками, нанесенными пальцами и заостренной палочкой по сырому грунту. Толщина поверхностного слоя — 0,5–1 см. Во всех местах цемянка имеет грязноватый серовато-розовый оттенок.

Площадки отделяются друг от друга желобками шириной около 10 см. Вблизи прессового ложа площадки Б в желобках сохранились стоящие на ребре плоские камни (они примыкали непосредственно к большому камню). Горизонтальный желоб между площадками Б и В переходит в вертикальный на стене 634. Ширина вертикального желоба — 5 см, высота — 26 см. Гладкая поверхность цемянки внутри желобов свидетельствует о том, что перегородки, вставлявшиеся в них, были деревянными.

Поверхность площадок понижается в сторону цистерн на 10 см. В северо-западных углах площадок Б и В устроены желоба для заслонок, регулировавших сток в цистерны. Здесь же на этих площадках располагались отверстия, переходящие в желоба каменных сливов (в известняковых блоках прорезаны желоба глубиной 13 см). Желоба сливов расширяются к краю цистерны от 12 до 20 см, сливные камни уложены с наклоном. Площадка А не была непосредственно связана с цистерной. Использовав ее как давильню, сок могли спускать в северную цистерну только при помощи перемещения заслонки в северо-западном углу соседней площадки Б. Таким образом, северная цис-

терна должна была использоваться поочередно для нужд площадок А и Б. Над поверхностью площадки Б на 0,09–0,23 м возвышается большой камень — прессовое ложе (плотный красноватый песчаник: 1,4 × 1,6 м.

Площадка Г, вспомогательная, примыкала с севера к цистерне 1, но слива в нее не имела. Это накопительная и сортировочная площадка. Ширина площадки — 1,4 м, длина — не менее 2,5 м (западный край разрушен более поздней ямой). Рядом с этой площадкой располагался вход на винодельню со стороны Широкой улицы, следовательно, на нее и разгружали привозимый виноград. Здесь перебирали и чистили его, собирая сок в отстойнике. Поверхность площадки плавно понижается к отстойнику, диаметр отстойника около 0,6 м. В бортах поздней ямы, перерезавшей площадку, каменной трамбовки нет. Эта площадка не испытывала сильного давления, поэтому фундаментальную трамбовку под ней не устраивали, однако, щебень под обмазкой присутствует. Обмазка нанесена двумя слоями разной толщины (0,5–3 см), она также поднимается и на стены.

Для двух цистерн в материковых глинах и скале вырыт единый резервуар (4,2 × 2,4 м). Он облицован каменными кладками шириной 0,4–0,6 м. Они сложены из колотых камней плотного песчаника различного цвета, почти все камни уплощены. Камни уложены на глинистом растворе плашмя. В кладки включены отдельные камни ракушечника, из него сделаны и оба слива. Цистерны разделила стена шириной 0,3 м, соединенная впереплет с облицовывающими резервуар кладками. Обе цистерны целиком обмазаны цемянковым раствором, поверхностный слой обмазан красным пигментом. Углы сглажены нанесением толстого слоя раствора. В цемянковом покрытии заметно не менее трех слоев. Каждая цистерна имела отстойник в юго-западном углу глубиной 0,4 м. Это была лунка диаметром около 0,6 м без четких краев — понижение в нее плавное, без перегибов. Раствор покрывал ровным слоем отстойники и днища цистерн.

Северная цистерна I (1,4 × 1,4 м) глубиной 1,35 м от дна до подошвы сливного камня имела объем 2,65 м^3. Южная цистерна II (1,4 × 1,2 м) глубиной 1,3 м чуть меньше — 2,2 м^3. Таким образом, две цистерны единовременно могли принять до 5 т виноградного сусла. Полная мощность винодельни при одноразовом использовании превышала 7 т, так как северная цистерна сперва использовалась для отстаивания сока, а затем принимала продукт вторичного прессования.

Западнее давильни располагалось помещение 121 (5,6 × 5,6 = 31 м^2), в котором производили ряд важных операций при производстве вина. Через центр этого помещения к прессовому камню на давильной площадке Б должен был тянуться рычаг пресса. Напротив прессового ложа площадки Б в помещении 121 находится большой камень (1,4 × 0,7 × 0,48 м). Он расположен в приямке и окружен каменными кладками — двумя стенами, уцелевшими от

какой-то ранней постройки, и двумя кладками из поставленных на ребро каменных плит. Глинобитный пол винодельни располагался на отметке +51. Верх плит, ограждавших камень, поднимается до +65, следовательно, ограда камня возвышалась над полом. Сам камень лежит на отметке +12. Между камнем и оградкой в приямке расчищена чистая светло-серая зола, поверхность камня растрескана, возможно, под действием огня. Размещение камня напротив прессового ложа дает основание видеть в нем рычажную гирю, однако, камень не имеет никаких пазов для крепления к свободному концу рычага. Ящик, в который могли заключать камень и затем поднимать на рычаге, вряд ли выдержал бы его тяжесть. Следовательно, нет безусловных оснований считать данный камень рычажной гирей. Зола в приямке, как и в других винодельнях, где были обнаружены подобные камни, свидетельствует о том, что вблизи него что-то постоянно жгли. Мы полагаем, что именно здесь располагалось огниво для окуривания тары и, возможно, подогрева бродильни. Винодельня же могла иметь винтовой пресс, который размещался ближе к цистернам.

Помещение 121 сообщалось проходом шириной около 1,6 м с улицей, выходы из него также вели в западном направлении (шириной 1,2 м) и южном (шириной 1,7 м). Значительная ширина дверных проемов обеспечивала свободное продвижение с наполненными вином крупногабаритными сосудами. Таким образом, помещение 121 сообщалось с улицей, откуда загружали виноград, и соседними комнатами дома. За южной стеной помещения 121 у южного борта заповедника расчищены два пифоса.

Остатки виноделен Г7–Г11 датируются осколками амфор из заполнения, характерными для комплексов II – первой половины III в. В городских домах этого же времени (не имевших никаких виноделен) встречаются железные ножи для срезки винограда (Табл. 250). Очевидно, хозяева домов имели загородные участки с виноградниками.

Таким образом, при многих горгиппийских домах первых веков нашей эры открыты винодельни. Все они рассчитаны на единовременную приемку сусла от 6 до 11 т. Устройство этих виноделен подобно ранее известным на Боспоре[19]. Винодельни Северного Причерноморья выделяются самобытностью среди виноделен других регионов античного мира[20]. В свою очередь, горгиппийские винодельни отличаются индивидуальными особенностями и рядом конструктивных деталей, которые дают возможность глубже понять процесс обработки винограда в древности. Хорошо сохранившиеся винодельни Горгиппии, раскопанные вместе с большими участками домов, составляют эталонные комплексы, позволяющие рассматривать хозяйственный уклад домов позднего города. Товарная направленность в нем винодельческого хозяйства очевидна.

Завершая обзор сельскохозяйственной деятельности города, отметим, что мы вправе говорить о безусловном развитии в его окрестностях животноводства. Это подтверждает обширная остеологическая коллекция находок как в городских, так и сельских домах. В хозяйственных помещениях сельских домов устраивали каменные оградки, служившие, как полагают, для кормления животных.

Из промыслов зафиксировано рыболовство. В городских домах найдены бронзовые крючки, каменные грузики для сетей, в подвалах расчищены пифосы, набитые рыбьей чешуей. Близ моря дважды зафиксированы рыбозасолочные цистерны.

Важной отраслью экономики Горгиппии, как и любого другого крупного города, являлось ремесленное производство. Данные, полученные раскопками, безусловно свидетельствуют о развитии собственного керамического и железоделательного производства, камнетесного и косторезного ремесел, строительного дела, ткачества, стеклоделия и бронзолитейного дела.

Горгиппия имела собственный керамик. Он располагался на юго-западной окраине вблизи оборонительных сооружений. На одном месте он функционировал веками — поздние печи перекрыли разрушенные ранние. Исследованный участок с выявленными печами занимает 400 м^2, площадь всего керамика была значительно шире (Табл. 21–26).

Гончарный комплекс II эллинистического времени выявлен на глубинах от –230 до –285. С ним связаны две печи и круглое углубление с сажей. Печи лежат в одном слое, что позволило отнести их к одному хронологическому периоду, однако, одновременно они, видимо, не функционировали. Юго-западный край малой печи разрушен началом топочного канала большой (Табл. 21, 23).

Малая печь IIБ имела внутренний диаметр не более 0,9 м. Прокаленное до черноты ее дно плавно опускалось к центру. Его перекрыло кольцо ярко-оранжевой глины (диаметр отверстия 9,25 м). Очевидно, в кольцо спрессовался осевший купол с дымоходом. Такая небольшая печка могла не иметь топочного канала — достаточно было закрывавшегося отверстия в боковой стенке.

Округлое углубление IIВ диаметром 0,7 м с прокаленным дном и сажно-угольной прослойкой, разрушившее западный край печи IIБ, можно интерпретировать как низ еще одной подобной небольшой печки, сменившей печь IIБ.

Более крупная печь IIА диаметром 1,6 × 1,7 м по наружному краю обращена топочным устьем на северо-восток. Остатки ее стенок в момент раскопок читались как валик оранжевой глины толщиной 0,1 м, высотой 0,25 м. На пол топки рухнул глиняный под в виде противня с отверстиями, он искривлен и разорван. Толщина пода не превышала 0,1 м. Из-за повреждений

нельзя установить систему размещения в нем продухов. Установлено, однако, что продухи слегка расширялись вверх и имели диаметры, близкие 0,1 м. Расстояния между продухами составляли 0,05–0,1 м. Под имел тонкий поверхностный желтовато-зеленоватый слой (3 мм — окалина, обмазка ?). Загрузочный канал длиной 1,45 м, шириной 0,9 м плавно переходил в топку. В устье топки скопилась серая зола, на полу топки отмечено пятно белой известковой массы. Следов опорного столба не обнаружено.

Ни брака, ни готовых изделий при печах комплекса II не обнаружено. Такие печи могли служить для обжига малых предметов — кухонной посуды, светильников, терракот, грузил. В более крупной печи найдены: обломок светильника, ошлакованная ручка кувшина, части двух чашек с мягко загнутым внутрь краем из одинаковой глины. Нет никакой уверенности в том, что эти фрагменты относятся к продукции данной печи, тем более, что вместе с ними найдена ручка синопской амфоры. У дна печи лежали края тарелки, кастрюли, двух мисок и ручки чернолакового канфара. Здесь же найдено дно пифоса, который, как и амфора, не мог обжигаться в данной печи. Подобные находки сделаны также внутри круглого сажного пятна, равно как и в слое, где найден гончарный комплекс II. Этот слой является слоем гибели печей, так как их донные части были лишь слегка впущены в грунт.

Гончарные печи III и IV расположены компактно. Они лежат в том же слое и, очевидно, одновременны комплексу II. Печи III и IV лежат на одной глубине, близки величиной, планами и конструкцией. Они также прослежены только в плане вблизи дна (Табл. 21, 24). Которая из этих печей раньше, решить нельзя, так как рухнувшие поды образовали единый массив оранжевой глины. Можно лишь отметить, что печь III впущена в грунт несколько глубже печи IV. Ввиду интенсивного поступления грунтовой воды выборка грунта ниже отметки –265 в комплексе печей III и IV не производилась. Эти печи окружал прогоревший песок с характерными для печей пятнами извести — видимо, это остатки лежащих ниже более ранних печей.

Печи III и IV округлы. Диаметры по наружному краю близки — около 2,7 м. Обе печи имели поды с продухами. В них подобно печи IIA глиняное дно прокалено до лиловато-бурого цвета на 0,2–0,7 м. Дно топочных камер покрыто слоем песка (0,1 м), на нем как в печи IIA вместе с серой золой выявлены пятна плотной белой извести. Рухнувшие поды образовали массивы прокаленной ярко-оранжевой глины, в отдельных местах различимы отверстия диаметром 0,1 м — продухи. В центре печи III над прокаленной оранжевой глиной упавшего пода выявлен массив зеленовато-оранжевых комков глины. Эти слои лежат выше прокаленного до черноты дна. В сажном слое внутри печи III найден профилированный край кастрюли и обожженный пирамидальный грузик.

Остатки печи IV, выявленные на глубине –230, представляли собой пятно круглых очертаний песка с прокаленными крупинками глины, рассыпавшихся и прокаленных до оранжевого цвета конструкций из саманной глины, золы, угля и жирной буровато-лиловатой глины. Диаметр топочной камеры близок 2,6 м.

Дневную поверхность, синхронную гончарным комплексам II–IV, видимо, можно связать с вымосткой 13, выявленной на широкой площади вокруг печей на глубинах от –243 до –260. На раскопанном участке этой вымосткой занято около 200 м^2. Юго-восточный край вымостки состоит большей частью из черепков, в северо-восточной части очевиден каменистый характер вымостки, хотя и в этой части вымостка содержит достаточное количество черепков и довольно крупных фрагментов амфор и черепиц. При разборке вымостки создалось впечатление, что сперва функционировало черепяное мощение, состоящее преимущественно из обломков черепиц (–255), позже его перекрыл новый слой из мелких осколков камней, гальки и мелких черепков (–243). Поскольку в комплексах II–IV установлена смена одних печей другими, два слоя вымостки 13 можно связать с двумя этапами существования этих комплексов. Следует отметить, однако, что непосредственно под большой печью комплекса II существуют остатки более ранней печи, которые лежат в водоносном слое и в настоящее время не могут быть раскопаны. Дно печи IIA и подошва вымостки 13 перекрыли желтовато-коричневую глину (насквозь пропитанную водой) с редкими осколками тонкостенных сосудов — столовой посуды без покрытия и с черным лаком. Этот слой является слоем гибели печи, лежащей под печью IIA. О наличии нижней печи свидетельствуют извлеченные из грунтовой воды части прокаленных оранжевых длинных и узких кирпичей. Судя по извлеченным из нижнего горизонта осколкам чернолаковой сосудов, нижняя печь может быть датирована IV – началом III вв. до н.э. Перекрывший ее гончарный комплекс II должен быть отнесен к следующему хронологическому периоду, а именно, середине III–II вв. до н.э. Находки из слоя гибели гончарных комплексов II–IV, а также керамика из вымостки 13 (обломки родосской, гераклейской и синопской амфор) не противоречат этой дате.

Под полами дома 60 I в. н.э. выявлены остатки двух гончарных печей, видимо, синхронных комплексам II–IV. Они лежат на той же глубине, но удалены от них на 30 м (Табл. 21, 26). Одна из них выявлена под полом помещения 3. Это небольшая печь (1,15 × 0,8 м) неправильных очертаний, устроенная в виде очажной ямы. В глубину яма прослежена на 0,4 м, стенки и дно ее прокалены. Как в печах комплексов II–IV на дне этой печи V отмечен слой извести (0,07 м), его перекрывала прокаленная оранжевая глина от рухнувшего пода и свода. Подобных очертаний небольшие печки известны в Северном Причерноморье — например, ей близка херсонесская печь коропласта II–III

вв. н.э.[21] Печь V лежала на глубинах –225/–262. На широкой площади вокруг печи V и на близких глубинах обнаружено свыше 40 фрагментированных терракот (Табл. 197–200). Нигде в других местах городища не встречалось в слое такого изобилия терракотовых фигурок. Среди обнаруженных четыре – пять сюжетов повторены несколько раз: обнаженный Геракл в львиной шкуре, обнаженный юноша около колонки, закутанная в плащ фигура с поднятой к груди рукой под покрывалом, фаллические гермы, подвесные ноги культовых фигурок. Все обломки терракот сделаны из одинаковой бежевой и мягкой тонкой глины с отдельными красноватыми и белыми вкраплениями, мельчайшими блестками — глины, характерной для большинства найденных в Горгиппии терракот. Большой разброс обломков терракот, находка их в одном слое с гончарными печами дают основание видеть в них скорее продукцию печей, чем вотивные приношения в какое-то святилище. В раскопе найдены и формы для оттиска терракот (Рис. 53; Табл. 198).

Под полом помещения 5 I в. н.э. ниже уровня –250 выявлено пятно округлой формы из ярко-оранжевой прокаленной глины с вкраплениями плотной извести и несколькими отверстиями продухов — все, что уцелело от печи VI, которая по форме была близка печам II–IV. Эта печь меньше диаметром, она лежит в том же слое и на близкой глубине.

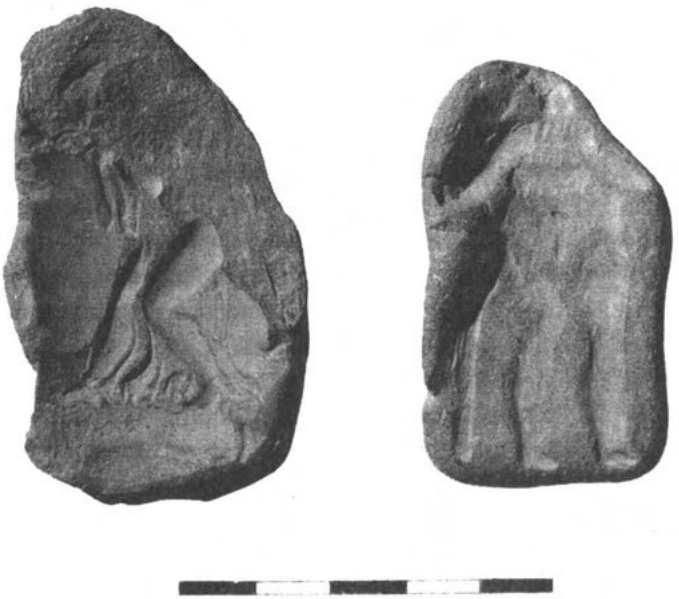


Рис. 53. Глиняные формы для оттиска терракотовых фигурок, культурный слой горгиппийского керамика.

Яснее перечисленных сохранилась конструкция печи I, относящейся ко II–III вв. н.э. Она также имела овальную форму (3,2 × 3,6 м по внешнему краю стенок). Величина внутреннего пространства составляла 3,0 × 2,7 м (на высоте 0,65 м от дна топки). Топочный канал расположен с северо-восточной стороны (Табл. 21, 25). Стенки печи сложены из сырцовых кирпичей длиной 0,44 м, шириной 0,2 м, толщиной 0,09–0,1 м. Тесто кирпичей содержало следы выгоревшей соломы, толченые раковины, мелкие камешки. Кирпичи положены уступами, каждый верхний ряд отступает от края предыдущего на 1–4 см. За счет такой кладки создается расширение печной чаши вверх. В горизонтальных рядах кирпичи уложены веером — их ребра соприкасаются на круглой поверхности чаши и конусообразно расходятся в глубине стенки, пустоты замазаны глиной. Веерный стык нижнего ряда перекрыт серединой кирпича следующего ряда. При разборке печи создалось впечатление, что строительный кирпич не был предварительно обожжен, так как стенки печи были окалены до оранжевого цвета только с внутренней стороны печи. Снаружи эти же кирпичи имели вид желтой спрессовавшейся глины. Наружный край сырцовой кладки везде оплыл, поэтому и ширина кирпичей установлена приблизительно — не более 0,25 м. При разборке стенок печи выяснено также, что два нижних ряда кладки возведены из особых кирпичей. Они имеют косой срез одной из длинных узких граней. Эти косые торцы выведены внутрь чаши "заподлицо", чтобы обеспечить переход комплекс дну топки без уступов. С третьего от низа ряда кирпичи имели по две вертикальные грани, а ряды их создавали уступы расширения. Снаружи печи систему кладки определить нельзя, так как нетронутые огнем кирпичи оплыли. Только в отдельных местах границы кирпичей здесь читаются по слабым трещинам.

Внутренняя поверхность печи обмазана неровным слоем глины толщиной 0,02–0,03 м (уцелели отдельные пятна этой обмазки со следами вмятин и косых небрежных полос от пальцев, наносивших ее). Обмазка выравнивала уступы кирпичной кладки, она полностью прокалилась, приобретя черный и оранжевый цвет. В высоту уцелело не более 5–6 рядов кирпичей. Подошва нижнего ряда зафиксирована на отметке –252. В юго-западной части печи сохранился глиняный горизонтальный выступ (–220, его поверхность). К северной стенке примазан лежащий на толстом слое глины, прокалившейся до каменистой твердости саманный кирпич (24 × 20 × 10 см), поверхность его располагалась на глубине –216. Он выступал внутрь печи на 0,2 м. Над кирпичом стенка сохранила неповрежденный слой обмазки.

Топочное отверстие располагалось в северо-восточной части печного овала. Здесь при расчистке внутренней части печной чаши отсутствовала кирпичная кладка, проем был засыпан серой мусорной землей. Топочный канал около чаши имел ширину 0,67 м, на входе — 0,56 м, длина его достигала 0,9 м. Края канала за пределами печной чаши ограничены двумя длинными

брусковидными кирпичами, по одному с каждой стороны (39 × 9 × 8 см). В высоту лежало по три таких кирпича, ровно один на другом. Бруски-кирпичи примыкали к неформованному кирпичу, обеспечивавшему плавный скругленный переход от топочного канала к чаше печи. Топочное устье с двух сторон внутри чаши укреплено поставленными на узкую (10 см) грань саманными кирпичами высотой 32 см. Они стояли на полу печи, были примазаны к глиняной обмазке чаши и вместе с ней отклонялись от вертикали, следуя за общим направлением раструба. Подошва этих кирпичей лежала на уровне подошв кладок печки. Кирпичи предохраняли края устья от повреждений при загрузке топлива и выгребании золы, а также служили опорой для заслонки. Глиняная обмазка стенок устья тщательно подмазана к этим кирпичам. После того, как они были сняты в процессе раскопок, обнажился слой глиняной обмазки с бессистемными перекрывающимися углублениями — следами выгоревших прутьев или тростника. Глубина канальцев едва превышала 1 см. Заполнение выгорело, четко сохранив структуру каркаса. Таким образом, топочное отверстие при сооружении печи формировалось на каркасе, который обмазывался глиной. Каркас продолжался, видимо, и в топочный канал, так как кирпич, лежащий на повороте от стенки чаши к топочному каналу, скруглен (на грани устья и топки).

Дно топочного канала в момент раскопок было покрыто светлым мучнистым слоем (12 см) золы, который рассекала горизонтальная прослойка угля. Светлый белесовато-серый слой на отдельных участках сцементировался. Пол чаши понижался в сторону топочного устья, а при переходе в него создавал уступ (0,2 м). Перед топочным устьем отмечено сажное пятно длиной 0,85 м толщиной 0,2 м. Дно имело диаметр 1,9 × 2,1 м.

Печь I построена над развалом печей гончарного комплекса II, они оказались закрыты крылом ее чаши. В устье топочного канала, на дне под саманной крошкой, найден развал верхней части амфоры с воронкообразным горлом из тонкой оранжевой глины со светлым ангобом. В слое гибели, заполнявшем чашу печи, встречены ножка и венчик небольшой узкогорлой светлоглиняной амфоры, ножка большой красноглиняной амфоры, носик лощеного кувшинчикового светильника и множество кусков черепиц из рыхлой глины. Все эти находки характерны для домов города II – середины III вв. н.э. Следовательно, и печь I должна быть отнесена к этому времени.

Возможно, именно к гончарной мастерской с печью I относится плоское дно большого горшка, сделанного на гончарном круге, заполненное красной краской. Оно вкопано рядом с печью в тот слой, в который впущена печь.

Ограниченные возможности исследования территории керамика не позволили обнаружить сброс бракованной продукции. Предполагать, какие

именно изделия выпускал керамик Горгиппии, можно только опираясь на косвенные данные.

Безусловно, в городе существовало собственное производство терракот. О развитии коропластики свидетельствуют находки глиняных форм для оттиска различных изображений. Одна из форм для оттиска фигурки сидящей богини издана И.Т. Кругликовой[22], в последние годы найдены еще несколько[23].

Часть формы для оттиска одностороннего изображения фаллического герма Гермеса, дополненного кадуцеем, найдена в слое интенсивного пожара, в котором погиб дом IV – середины III вв. до н.э. (Табл. 189). Форма сделана из прекрасно отмученной глины, насыщенной мельчайшими блестками, содержащей белые, красноватые и желтые слюдяные вкрапления. Обратная сторона матрицы не моделирована, с поверхности не удалены налипшие комочки глины и не заглажены отпечатки пальцев. Рабочая поверхность формы также имела неровности. В изломе различимо до трех слоев глины. В Горгиппии найдены и гермы Гермеса, сделанные из той глины, которую мы считаем местной.

Формы для оттиска изображений Силена, сидящего перед большим сосудом, найдена внутри дома конца III – начала I вв. до н.э. (Табл. 189). Фаллическая фигурка Силена помещена на округлую профилированную подставку, рельеф изображения невысокий. Форма сделана из тончайшей бежевой глины, насыщенной мельчайшими блестками, содержащей темные, белые и красноватые вкрапления. В изломе прослеживается до шести слоев глины. Обратная сторона аккуратно заглажена и испещрена бессистемно нанесенными линиями.

В осыпи одного из бортов археологического заповедника обнаружена форма для оттиска низкого рельефа, изображавшего Геракла с ланью (Табл. 188). Она сделана из очень тонкой бежевой глины с мельчайшими блестками, содержащей немного белых и красных вкраплений. Обратная сторона не заглажена, на ней сохранились отпечатки пяти пальцев руки, прижимавшей комок сырой глины к матрице. Обнаженный Геракл держит лань за ветвистые рога, прижимая ногой к земле круп животного. Снизу композицию ограничивает двойная выпуклая полоса. Рельеф мог украшать глиняный алтарик, подобный бытовавшим в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма[24]. Низкий рельеф и плоскостность довольно крупного изображения позволяют отнести штамп, скорее, к первым векам нашей эры. Во II в. н.э. в Горгиппии был сооружен склеп с живописным повествованием о подвигах Геракла. Рельеф, оттискиваемый в описываемой форме почти полностью повторяет фреску этого склепа. На фреске и оттиске из глиняной формы фигуры героя и зверя повернуты влево. Разница состоит лишь в том, что на фреске Геракл

держит лань за рога обеими руками и не попирает ногой ее круп. В целом композиция восходит к лисипповскому прототипу.

Форма для оттиска руки (кисть) найдена в культурном слое Горгиппии IV–III вв. до н.э. (Табл. 190). Она сделана из тончайшей коричневато-бежевой глины с блестками. Поверхность обратной стороны обрезана стекой по сырой глине. Эта маленькая формочка с глубоко впущенным штампом свидетельствует о применении местными коропластами сложной техники изготовления изображений в нескольких формах, требующей последующего умелого соединения оттисков.

Нижняя часть формы для оттиска стоящей фигуры (ноги) найдена в культурном слое Горгиппии с разновременными находками (Табл. 190). Она сделана из плотной бежевой глины, имеет серый излом. Глина содержит характерные для горгиппийской глины примеси: множество мельчайших блесток и некоторое количество бурых и белых вкраплений. Поверхность тыльной стороны слегка обрезана по сырой глине.

Часть формы для оттиска задрапированной женской фигуры найдена в осыпи одного из бортов заповедника "Горгиппия" (Табл. 190). Она сделана из плотной оранжевой глины, содержащей характерные для горгиппийской глины компоненты. Снаружи форма слеплена очень грубо и не подправлена.

В одной из хозяйственных ям на территории заповедника с керамическими находками преимущественно II – середины III вв. н.э., но содержащей также и некоторое количество обломков чернолаковых сосудов, найдена форма для оттиска стоящей фигурки обнаженного юноши (Табл. 194). Левым локтем он опирается о колонку, верх которой, возможно, был профилирован. Ладонь правой руки распластана по бедру, через эту руку перекинут край плаща. Лицо юноши с тонкими чертами обращено вправо, на плечи спускаются длинные волосы. Обычная для этого типа терракот подставка под ногами не изображена. Форма сделана из оранжевой снаружи и бежевой в изломе тонкой глины с блестками, белыми и красноватыми вкраплениями. Снаружи поверхность формы не заглажена, на ней сохранились отпечатки пальцев, прижимавших комок сырой глины к матрице. Внутренняя поверхность формы выглядит также грубой, имеет щербинки. Изображение в форме пересечено трещиной, образовавшейся в процессе высыхания глины и обжига матрицы. Форма предназначалась для оттиска одностороннего изображения, края ее не обработаны, они не могли стыковаться с другой половиной. Подобные терракотовые фигурки юношей были популярны в Горгиппии особенно в первые века нашей эры, однако, все они отличаются от оттиска, полученного из данной формы. Обычно на статуэтках ноги юношей перекрещены и колено одной из них согнуто. Оттиск из описанной формы отличают от прочих изображений тонкие черты лица юноши.

Все перечисленные формы найдены в разных частях городища, где нет следов керамического производства. Возможно, что некоторые из них предназначались для продажи, так как они происходят из той части города, где, мы считаем, располагались большие дома с торговыми лавками, множеством подвалов и обилием однотипных изделий, явно превышавших потребности одной семьи — они найдены в северо-восточной части Горгиппии.

Новые находки терракот в Горгиппии подтверждают отмеченную И.Т. Кругликовой для групп исследованных ею городских терракот ту особенность, что большинство их сделано из одинаковой глины[25]. Это обстоятельство можно рассматривать как косвенное доказательство развития в Горгиппии собственной коропластики. Так, из 110 фигурок, найденных в последние годы, 75 сделаны из тонкой мягкой глины светлого бежевого оттенка (излом изделий часто бывает оранжевым или серым). Тесто содержит мельчайшие темные включения и блестки, а также некоторое количество красноватых железистых включений и белых (толченые раковины, известь) вкраплений. 25 фигурок сделаны из тонкой оранжевой глины, шероховатой на ощупь — эти изделия часто оставляют оранжевый след при соприкосновении. Помимо компонентов, характерных для бежевой глины, в тесто этих терракот добавлялись какие-то органические примеси (быть может солома). Они выгорали при обжиге и образовывали небольшие пустоты. Плавно переходящие друг в друга оттенки в изломах изделий и визуально одинаковый характер примесей позволяют условно до проведения соответствующих анализов считать единой группу отмеченных глин. На одной сырьевой базе в городе могли работать коропласты с различными производственными традициями. Сами глинища в окрестностях Анапы неоднородны. Указанные варианты глин являются также наиболее характерными для найденных в Горгиппии и ее окрестностях сделанных на кругу сосудов малых форм и грузил. Число терракотовых фигурок из средиземноморских глин в Горгиппии ничтожно мало. Немногие фигурки сделаны и из красной боспорской глины с лиловатым оттенком. Плотное тесто этих изделий содержит мельчайшие блестки и небольшие железистые вкрапления, излом и поверхность покрыты разномасштабными желтоватыми крапинками, которые имеют либо пустоту в центре, либо растянуты в волокна. Из подобной глины на Боспоре выпускались известные и в Горгиппии большие амфоры (обычно со светлым покрытием); ныне на Тамани из такой глины готовятся кирпичи.

Кроме найденных в городе перечисленных форм и отмеченной общности глин различных изображений, о развитии в Горгиппии собственной коропластики свидетельствует повторяемость в деталях отдельных сюжетов на происходящих из этого города различных терракотовых фигурках. Из местной глины сделаны несколько раз встреченные в комплексах эллинистического времени фигурки Деметры Куротрофы (Табл. 181:14–16) и сидящая в

кресле богиня из дома II в. до н.э., как и форма для оттиска подобного изображения, найденная в том же доме. Изображение почти повторено на других фигурках эллинистического времени (Табл. Т: 4, 7, 8, 12)*. Из одинаковой местной глины сделаны происходящие также из эллинистических комплексов женские полуфигуры в подпоясанном под грудью хитоне с короткими рукавами (Табл. 181: 20–23, две из них вышли, вероятно, из одной формы). Неоднократное использование одной формы отмечено и Г.А. Цветаевой при анализе терракотовых протом Деметры из числа вотивных приношений в святилище богини[26]. Обломки терракот, найденные в районе гончарных печей, как уже отмечалось, также все сделаны из местных глин, а сюжеты на них многократно повторены.

Надо думать, что терракотовые фигурки являлись лишь побочной продукцией горгиппийского керамика. Городские гончарные печи, широко разбросанные на специально выделенной для них территории, выпускали, прежде всего, необходимую населению посуду. Наблюдение над характером глин керамических изделий убеждает нас в том, что горгиппийский керамик, начиная с IV в. до н.э., полностью удовлетворял спрос на простые посуды, сделанные на гончарном круге: миски, тарелки, кувшины, кастрюли и крышки. Более того, преимущественно продукцией горгиппийского керамика пользовалось и окрестное население. Глина кухонной посуды идентична ее разновидностям, отмеченным для терракот. Производство некрупных сосудов в раскопанных печах подтверждается находками как вблизи печей, так и внутри печи I небольших по величине керамических подставок, на которых просушивали сформованные изделия. Подставки сделаны из тонкой местной глины (Табл. 26). Вместе с подставками для сосудов малых форм на территории керамика найдены фрагменты подставки большого диаметра (38 см), на которой мог сушиться пифос. И эта подставка сделана из той глины, которую мы считаем местной, но рыхлой, она имела широкое отверстие для циркуляции воздуха. Находка такой подставки рядом с небольшими гончарными печами дает основание предполагать, что где-то поблизости от найденных действовали и крупные печи, способные выпускать пифосы, амфоры, черепицу. Этим печам необходимы были широкие площади для замеса глины и раскладки продукции. Наблюдения над глинами черепиц, найденных в Горгиппии, подтверждают гипотезу о возможности и их местного производства. Очевидно, выпуск черепиц начался в IV в. до н.э. при Горгиппе. Продукция, помеченная его клеймом (Рис. 27), сделана из одинаковой плотной оранжевой глины с характерными компонентами: белыми, красными, темными, прозрачными кварцевыми песчинками и мельчайшими блестками, то есть той глины, которую мы считаем местной. Примеси в тесте черепиц грубее, чем в

* Т = терракоты, см. таблицы 178–200 со сквозной нумерацией.

глине терракот и кухонной посуды. Из подобной глины сделаны и несколько более поздние черепицы с клеймом ГОР (Табл. 59: 16,17). С I в. н.э. из нее начали выпускать плоские обожженные кирпичи различных стандартов, сперва со штампом тамги Аспурга, а позже и без него (Табл. 49). Личное клеймо царского брата Горгиппа и царская тамга Аспурга на этой продукции лишний раз подтверждают большую прибыльность черепично-кирпичных предприятий. Городские эргастерии эллинистической эпохи не могли, однако, полностью удовлетворить спрос на кровельные черепицы. В черепичных завалах внутри погибших домов этого периода преобладают обломки привозных черепиц (боспорских и синопских) и лишь как редкое явление присутствуют фрагменты из местной глины. Характер черепичных завалов в домах, погибших в 240-х годах н.э., иной: подвалы этих домов буквально наполнены крупными кусками плоских соленов и полукруглых желобчатых калиптеров, сделанных только из рыхлой оранжевой глины. Компоненты в оранжевом тесте остаются прежними, но теперь оно содержит гораздо больше кварцевого песка. Налипший песок обилен и на одной стороне плоских черепиц (просушка на песке). Клейм черепицы II–III вв. н.э. не имеют. Широчайшее строительство, развернувшееся в городе во II в., потребовало огромного количества черепиц. Исследование слоя гибели этих домов и наблюдения над черепичными завалами внутри подвалов (до 500–800 больших кусков в каждом) позволяют утверждать, что городской керамик в это время полностью удовлетворял спрос на черепицу, так как она всегда одинакова. В подвалах домов II–III вв. вместе с кусками рыхлых черепиц обязательно присутствуют амфоры с сигарообразным туловом (Табл. 223: 1, 2). Поверхность этих амфор имеет темно-коричневый цвет, но излом черепка обладает неустойчивой окраской — она варьирует от темных коричневых до ярких оранжевых тонов. По фактуре эта глина подобна той, из которой сделана поздняя черепица: она рыхлая, насыщена кварцевым песком и прочими характерными отмеченными выше компонентами. Такого обилия амфор указанного типа, как в Горгиппии, мне не известно в других центрах[27]. Выпуск этих амфор начался еще в I в. н.э. Амфоры I в. более миниатюрны, они как бы подражают коричнево-глиняным колхидским амфорам эпохи эллинизма. В домах II–III вв. найдены и некоторые круговые сосуды, сделанные из той же рыхлой глины — обычно это разные формы мисок. Обилие и разнообразие распространенных в быту изделий, выполненных из одинаковой глины и достаточно громоздких, позволяет видеть в них собственную продукцию города. Косвенно это предположение подтверждается и наблюдением над находимой в Анапе керамикой турецкого времени: многие сосуды также сделаны из этой рыхлой грубой глины, насыщенной песком, коричневой на поверхности изделия и более оранжевой в изломе черепка. В домах поздней Горгиппии встречены и пифосы из подобной глины.

Кирпичи первых веков нашей эры, наоборот, все сделаны из плотной оранжевой глины, аналогичной примененной для местных черепиц эллинистического времени. Однако, визуально эта глина очень близка тесту больших красноглиняных амфор разных форм, обломки которых также наполняют подвалы II–III вв. н.э. (условный индекс группы глин АМ–I). Эти амфоры характерны для позднеантичных комплексов всех центров античной культуры Северного Причерноморья, выделить среди них характерные только для Горгиппии нельзя. Чтобы надежно выявить группы горгиппийских глин, следует провести большое количество химико-технологических анализов, но и эта работа может не дать желаемых результатов, особенно если массив керченских, таманских и предкавказских глин окажется однородным. В таком случае, только различия в технологических приемах смогут характеризовать работу разных мастерских.

Дополнительно к приведенным визуальным результатам отметим, что в слое первых веков нашей эры в Горгиппии найдена форма для оттиска верхнего щитка светильника[28]. Ряд найденных в городе кувшинчиковых светильников сделан из той глины, которую мы называем местной — глиняное тесто этих светильников подобно применявшемуся для изготовления терракот и небольших круговых сосудов.

Среди керамических изделий, находимых в Горгиппии, своеобразную группу составляют сосуды из тончайшей серой глины, покрытые черным лаком (Табл. 210). Они повторяют формы привозной чернолаковой посуды и подобно заморским изделиям бывают украшены штампованным орнаментом. В верхней части культурного слоя городища найдена группа обломков этих сосудов, но без орнаментов. Они искривлены, оплавлены и по мнению специалистов являются керамическим браком, а не искривлены в результате сильного пожара. В то же время, следует отметить, что пожар настолько бушевал в горгиппийских подвалах, что спекал обломки сосудов, превращал некоторые из них в стекловидную пузырчатую массу. Оставив в стороне вопрос о принадлежности искривленных обломков браку, еще раз подчеркнем подражательное своеобразие сероглиняной керамики с чернолаковым покрытием, что также дает право предположить местное происхождение сосудов. Группа сосудов с красным покрытием, характерным для позднего эллинизма, также могла выпускаться в городе. Глина этих сосудов не отличается от простых круговых, предположительно местных. Во II–III вв. н.э. более популярным стало неблестящее лиловатое покрытие сосудов, особенно кувшинов и ойнохой, оно всегда выполнено грубо.

Группа лощеной керамики из Горгиппии чрезвычайно разнообразна (Табл. 227–238). Отдельные сосуды с лощением появляются еще среди посуды раннего Анапского поселения, но особенно массовым они становятся во II–III вв. н.э. Во всей этой керамике очевидны северокавказские влияния. Не

ясно, однако, привозились эти сосуды готовыми или выпускались городским керамиком. Тесто большинства лощеных сосудов темное, поэтому характер примесей в глине не различим. У сосудов со светлым серым, желтоватым и коричневым лощением компоненты глиняного теста подобны включениям, характерным для теста горгиппийских круговых сосудов.

Лепные сосуды могли изготовляться и в домах, но конкретными данными относительно распространения такой практики мы не располагаем. Тесто лепных сосудов обычно рыхлое, серое или светло-бежевое, что зависит от режима обжига, насыщено кварцевым песком, иногда комочками извести и дробленными раковинами. Среди форм лепных сосудов много параллелей в меотской керамике, некоторые детали не меняются веками. Отдельные лепные сосуды залощены. Систематизация лепной и лощеной посуды из Горгиппии должна выявить местные локальные влияния. В настоящее время мы можем лишь констатировать наличие среди лепной и лощеной посуды из Горгиппии форм, присущих сарматской, меотской и черняховской культурам. Возможно, что большинство этих сосудов производилось в собственном керамике, что отражает этническую пестроту города.

Жизненно необходимым для города было развитие собственного железоделательного производства, вряд ли крупный город мог обходиться только привозными изделиями из железа. В домах всех хронологических периодов мы находим железные топоры, тесла, ножи, мотыги, серпы, ножи для срезки винограда, уключины, скрепы, кольца хозяйственного назначения, различные пластины от сундуков, жаровни в виде колосников, оружие, стригили, всегда и везде огромное количество гвоздей (Табл. 98, 104, 116, 250). Найдены части железной чаши весов (видимо, для взвешивания винограда при большой винодельне), куски кольчуг — они относятся к числу очень редких находок в Северном Причерноморье. Железными скрепами соединяли архитектурные детали, строительные камни, крышки с ящиками саркофагов. Особенно обильны предметы из железа в домах II–III вв. В доме 5, погибшем при пожаре 240-х годов, найдены железные крицы. В этом доме на краю Широкой улицы, конечно, не ковали железо. Здесь, как мы полагаем в торговом районе города, торговали всем, в том числе и крицами. Шестнадцать найденных в подвале криц имели товарный вид — они сделаны в виде прямоугольных брусков, годных к употреблению. Возможно, они соответствовали определенным стандартам (Табл. 97). Одна крица из этого комплекса имела вид лепешки. Мы не считаем, что эти крицы изготовлены плавкой в самой Горгиппии, так как домниц здесь не найдено. Скорее всего, они привезены из рудного центра для кузнецов города и его окрестностей. Выработка в кузницах проковкой из криц железных изделий производилась повсеместно[29]. В Горгиппии найден подобные помпеянским кузнечные клещи[30], они обнаружены вблизи подвала с товарными крицами. Крицы предназначались для куз-

нечного производства, оторванного от железоделательных печей. Спектрографические исследования железных изделий из Горгиппии подтверждают прекрасное их качество и высокое технологическое мастерство кузнецов[31]. В кузнях обрабатывали металл не только обычной ковкой, здесь производилась дополнительная термическая обработка металла, закалка стали, поверхностная цементация изделий (на клинках оружия), сваривание железа со сталью высокого качества (оружие, орудия труда). Наблюдения над железными предметами из Горгиппии и ее окрестностей делают очевидным развитие в городе собственного кузнечного мастерства. Отмечено, что сложные технологические приемы свойственны предметам, находимым в самом городе, изделия окрестных поселений более просты, следовательно, кузницы действовали и вокруг Горгиппии.

Рис. 54. Керамический предмет из культурного слоя Горгиппии.

Некоторые косвенные данные свидетельствуют и об обработке в Горгиппии цветных металлов — меди, свинца, возможно, золота. Многие бронзовые изделия были необходимы большому городу как и железные, они могли и должны были выпускаться на месте (гвозди, замки, ключи, заклепки, иглы, рыболовные крючки, застежки, пряжки, фибулы, браслеты, серьги, перст-

ни, гривны, зеркала, стригили, предметы и украшения конской сбруи, разновесы). Иногда при раскопках встречаются медные шлаки. В городской яме вместе с ними и керамическим материалом IV в. до н.э. найдены фрагментированные керамические наконечники (Табл. 71:15). Рогообразно изогнутые, они по мнению исследователей надевались на кожаные меха и применялись в медеплавильнях (Рис. 54)[32]. Исследование фибул из Горгиппии допускает возможность местного производства в I – начале II в. н.э. смычковых фибул. Подвергшиеся спектральному анализу экземпляры этого типа изготовлены из латуни — сплава меди с цинком[33]. Примечательна находка в Горгиппии бронзового светильника, который полностью повторяет форму местных и очень популярных в городе закрытых лощеных ламп из серой глины (Табл. 246: 4, 6). Повторение в бронзе формы местной лампы косвенно подтверждает ее причерноморское, возможно горгиппийское, происхождение.

В Горгиппии пользовались и привозными бронзами — италийскими, рейнскими, александрийскими. Среди них есть высоко художественные предметы — гидрия[34], светильники, кувшины, фибулы с эмалями, скульптурные изображения[35], части мебели (Табл. 155: 22, 173–177). Видимо, привозными являются великолепные гири со штампом гарантированного веса, кратного римской либре, извлеченные из слоя пожара середины III в. (Табл. 164). В горгиппийских домах этого времени часты находки крупных сосудов из бронзы, но все они почти целиком коррозированы.

Примечательна массивная литая изогнутая пластина от ложа, поддерживавшая изголовье. Она найдена в слое интенсивного пожара дома 60 I в. н.э. (Рис. 30). Концы лицевой стороны пластины украшены бюстом богини и головой коня. Ложе, которому принадлежала пластина из горгиппийского дома, реконструируется по типу клин Приены, Мадии, Македонии[36]. В погребении II в. до н.э. Артюховского кургана на Тамани найдена подобной формы пластина, но она украшена иначе[37]. Клины этого типа появляются в эпоху эллинизма и, претерпев ряд изменений, доживают до II–III вв. н.э.

Курильница и три стригиля из горгиппийского склепа первой половины III в. н.э., украшенные цветными выемчатыми эмалями, составляют уникальный набор художественной бронзы (Рис. 31). В первые века новой эры по всей Римской империи и соседним с ней землям широко распространяются мелкие бронзовые предметы с выемчатыми эмалями (фибулы, пряжки). Находки крупных предметов с эмалями античной эпохи (пиксид, сосудов) чрезвычайно редки. Единицы известных происходят с территории Западной Европы — Бельгии, Вестфалии, Дании, Англии (земель римских провинций). Горгиппийские стригили и курильница сделаны в одной мастерской, скорее всего, западноримских провинций. Предметы с орнаментом, аналогичным крышке курильницы, происходят со смежных территорий Бретани и Франции[38]. Склеп первой половины III в., в котором эти предметы найдены, содер-

жал и несколько высокохудожественных изделий, изготовление которых может быть отнесено к I в. до н.э. – I в. н.э.

Умели пользоваться в Горгиппии и свинцом. Расплавленным свинцом заливали концы железных скреп, соединявших крышки и ящики саркофагов. Специальными свинцовыми скрепами соединяли осколки разбившихся, но ценных керамических сосудов. Подобным образом чинили обычную глиняную посуду (Табл. 60:14). В погребениях V в. до н.э. встречаются свинцовые пряслица, однако, они характерны для многих пунктов Северного Причерноморья этого времени. Встречены в городе и свинцовые разновесы, они могли быть завезены извне, но также и отлиты на месте.

Рис. 55. Штампованное изображение Афродиты Урании с Эротом и скипетром на центральном щитке золотого венка из склепа первой половины III в. Некрополь Горгиппии.

Относительно возможной обработки в Горгиппии драгоценных металлов мы располагаем только косвенными данными. В погребениях город-

ского некрополя неоднократно встречено погрудное отштампованное изображение Афродиты Урании (Рис. 55). Повторяемость однотипных блях в нескольких вариантах позволяет предположить их местное производство. В культурном слое Горгиппии найден также бронзовый штамп для оттиска подобного изображения в высоком рельефе (Рис. 56).

В Горгиппии существовало и косторезное ремесло: в раскопах встречаются куски рога с ровными спилами и различные кости с зарубками. На месте могли изготавливать костяные пряслица, веретена, рукояти ножей и широко распространенные рашпили (Табл. 63:10). С импортом в город и его окрестности поступали высокохудожественные изделия из слоновой кости — детали различных инкрустаций для клин, саркофагов, шкатулок, выточенные на токарных станках, украшенные гравировкой (скорее всего, вместе с самими изделиями). Отметим, что для культурного слоя Горгиппии не характерны широко распространенные в других центрах костяные иглы с зарубками в верхней части, употреблявшиеся, как наиболее часто предполагают, для плетения сетей[39]. Либо процесс изготовления сетей в Горгиппии происходил как-то иначе, либо указанные иглы применялись для другого непопулярного в Горгиппии рода деятельности.

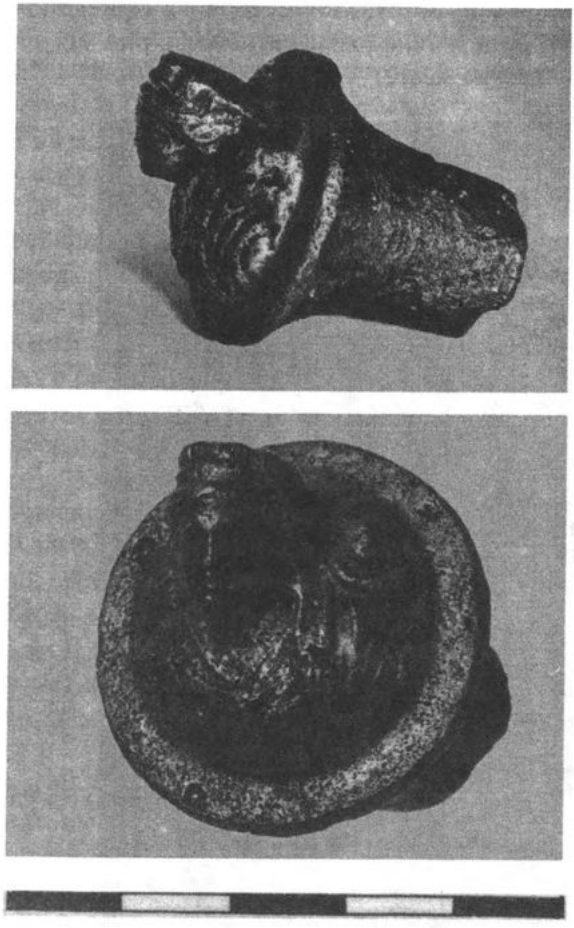


Рис. 56. Бронзовый штамп с изображением Афродиты с Эротом. Культурный слой Горгиппии.

Найдены в Горгиппии костяные пиксиды (некрополь), костяной стиль (городище), наборы игральных костей (в могилах и жилых домах). Встречен маленький кубик, на каждой стороне которого расположены циркульные кружки с точкой в середине, от одного до шести. Игра состояла из выбрасывания подобных костей для подсчета очков (Paus., II, 20, 3). Наборы астрагалов содер-

жат от нескольких штук до нескольких десятков костей (Табл. 77:1). В наборах встречаются подтесанные, просверленные, выделенные граффити. Кости предназначались для игры астрагалисмос[40]. В склепе с очень богатым погребением первой половины III в. встречены вытачанные из бирюзы две игральные фишки в виде астрагалов (несомненно предметы импорта). Наборы простых игральных костей изготавливали на месте.

Ткачество в Горгиппии являлось домашним ремеслом. В жилищах (III и I вв. до н.э., I в. н.э.) встречены скопления глиняных пирамидальных грузиков, до ста в одном месте. Грузики хорошо обожжены, некоторые бывают помечены оттисками гемм, разными в одном наборе (Табл. 76, 80). Грузики принадлежали ткацким станкам. В могилы клали веретена и пряслица, обычные бронзовые иглы. На коррозии железных и бронзовых предметов иногда сохраняются обрывки ткани. Исследование некоторых фрагментов выявило высокое качество и сложнейшее переплетение шерстяных нитей. Ткани, конечно, и завозились в город.

Должна быть развитой в Горгиппии и своя деревообработка. Прямыми данными о наличии этого ремесла в городе мы не располагаем, но вполне обоснованно можем предположить, что на месте изготавливали различные строительные детали и всевозможные хозяйственные предметы: стропила, двери, ларцы, рукояти ножей, топоров и оружия, мебель, саркофаги. Анализы древесного угля из раскопов городища и остатков древесины с территории некрополя выявили как наиболее употребимую породу сосну; использовали также вяз-берест, тополь, клен, самшит, дуб, можжевельник. При раскопках разновременных домов найдены железные тесла и топоры, а в доме I в. н.э. — пила. Обгоревшие бревна постоянно встречаются под рухнувшими черепичными кровлями домов, истлевшие плахи и бревна перекрывают могильные ямы некрополя. Упоминание греческого писателя II в. Полиена (Strateg., VIII, 55) о лесах, в которых скрывалась в IV в. до н.э. Тиргатао (ныне безлесное Приазовье), позволяет считать, что в Горгиппии широко пользовались древесиной своего региона. Отдельные деревянные изделия могли привозиться готовыми. К ним относятся предметы роскоши — например, инкрустированный слоновой костью саркофаг с точеными деталями из самшита, остатки которого найдены в одной из богатых гробниц на Уташе, или деревянный саркофаг, украшенный позолоченными фигурками нереид, вырезанными также из дерева, обнаруженный под 12-и метровой насыпью кургана возле Витязево в прошлом столетии.

Несомненно, большого совершенства достигли в Горгиппии связанные между собой камнетесное ремесло и строительное дело. Где-то поблизости от города существовали каменоломни. Добывали и обрабатывали камень разных сортов. Только на первом этапе строительства раннего поселения пользовались естественными валунами — окатанными дикарными камнями,

вероятно, валявшимися на поверхности. Затем фундаменты жилищ стали складывать из местных твердых песчаников, которые на территории Анапы поднимаются к поверхности в виде слоистых скальных жил. Были разработаны приемы выкалывания глыб этого камня — больших и малых в соответствии с характером трещин в породе. При возведении зданий приходилось вырубать в скальном грунте дорожки для выкладки на них каменных фундаментов, включать в кладки естественные выходы скальных гребней, рубить скалу для устройства хозяйственных ям, колодцев, гробниц. Камни, отбитые от скальных гряд песчаника, большей частью шли на возведение фундаментов, стен подвалов, которые затем обмазывались глиной, заглубленных в грунт венцов колодцев. Подвалы горгиппийских домов нередко впущены в скалу. Выбитые при сооружении таких подвалов куски скалы, использовались здесь же для возведения подвальных стен. Одновременно применяли известняк-ракушечник. Тесаные блоки ракушечника впускали в грунт на незначительную глубину, обычно из него сооружали открытые части зданий. Видимо, ракушечник добывался поблизости, так как выходы этого камня на поверхность есть в районе поселка Воскресенского, не далее 10 км от Анапы, где и поныне идет его добыча открытым способом. Для сооружения склепов, общественных и богатых частных зданий из породы умели вынимать огромные глыбы камня, отесывали их, придавая четкие прямоугольные очертания. Для изготовления саркофагов выбивали еще более крупные глыбы. Для изготовления надгробий ракушечник резали плитами, плоские камни заготавливали для закладов могил и вымосток. Многие надгробия и саркофаги сохранили следы обработки поверхности различными каменотесными инструментами. На некоторых крупных камнях сохраняются различные выемки, которые могли служить для закрепления при транспортировке и для фиксирования положения при установке на месте. Раскопки насыпи кургана Султан-горы показали, что бытовала практика отесывания глыб ракушечника на месте строительства, так как горизонты осколков, отщепов и ракушечниковой муки прорезают всю насыпь кургана соответственно подошвам каждого венца кладки. На отдельных участках города под стенами из огромных блоков известняка также отмечены прослойки мелкой крошки этого камня. Ввиду хрупкости породы и легкости повреждений при транспортировке такое решение было, несомненно, разумным. Стилистическое своеобразие многих известняковых надгробий из Горгиппии заставляет считать их местными. Из мелкоструктурного ракушечника делалось в городе много хозяйственных предметов — крышки для грунтовых ям, зернотерки, ступы, опорные камни с углублениями, кормушки, грузила, для обслуживания погребального культа выпиливались жертвенные камни — эсхары. Ракушечник подвергался в городе и художественной обработке: вырезали розетки на саркофагах и надгробиях, орна-

менты и сложные профильки на архитектурных и строительных деталях, фигуры на надгробных стелах.

Мрамор, видимо, был привозным. Часто употреблялся мраморовидный сероватый известняк, но были в ходу яркие белые и голубоватые мраморы. На мраморных плитах, как и на известняковых, местные резчики выбивали надписи — декреты, эпитафии, посвящения, списки имен членов многочисленных союзов, имена победителей в состязаниях, сообщения о строительстве, отпускные рабам. Плиты могли использовать неоднократно, стесывая предыдущие надписи. Однотипность лиц некоторых мраморных надгробий II в. выявляет либо руку одного мастера, либо художественное направление одной школы. На месте должны были быть обработаны и единственные в своем роде мраморные кассеты с ликами мифологических персонажей (Табл. 41:2), а также великолепные мраморные детали коринфского ордера с легкой глубокой и сочной резьбой. Как было отмечено, архитектурные детали из Горгиппии, соответствуя общим канонам, имеют свое стилистическое лицо. Своеобразие мраморных надгробий и художественно выполненных архитектурных деталей позволяет видеть во многих камнях результат деятельности местных резчиков и архитекторов. О высоком уровне развития в городе строительного дела свидетельствует упоминание в надписи городского архитектора. Ваялись на месте и статуи, что подтверждается эпиграфически.

Колоссальное строительство города в периоды расцветов, ремонты домов после катастроф, содержание десятилетиями в порядке крупных зданий, — все это требовало высокой грамотности строителей, умения произвести сложные расчеты, соединить между собой различные материалы, украсить построенное. Все эти навыки сложно переплетаются в каждом здании — жилом и общественном, они отчетливо видны и в монументальных погребальных сооружениях. Местным строителям на всех этапах развития города были известны каноны, достижения и вошедшие в практику приемы, разработанные мастерами строительного дела всего широкого региона античной культуры. Применительно к местным условиям в строительное дело вносились свои коррективы — учитывались климатические особенности, направления господствующих ветров, свойства имеющихся поблизости строительных материалов, локальные вкусы. Все вместе это создавало индивидуальность большого города, выделяя его из цепи подобных ему центров античной культуры Северного Причерноморья.

Внутреннее декорирование помещений в домах Горгиппии осуществлялось, вероятно, также с учетом накопленного античной культурой опыта. Не только каменные, но и глинобитные стены иногда штукатурились известковым раствором и по сырому грунту расписывались в технике фрески. В Горгиппии до сих пор почти не встречено остатков пестрых настенных росписей эллинистической эпохи, обычных для других крупных античных горо-

дов Северного Причерноморья (Пантикапея, Фанагории, Ольвии, Херсонеса). Эллинистические штукатурки отличаются многослойностью грунта и высоким качеством плотного, часто с мраморной пудрой подкрасочного слоя. В Горгиппии известен только один кусок такой штукатурки с орнаментом мраморировки. Фрагменты горгиппийской штукатурки тонки, хрупки и однослойны, их известковый грунт даже под красочным слоем насыщен галечным песком. Все они относятся к первым векам нашей эры. В это позднее время качество штукатурки бывало именно таким и в других центрах. Среди найденных преобладают куски гладко окрашенных поверхностей — белых, красных, серых; некоторые в рельефе имитируют квадровую кладку. Только в двух домах II – первой половины III в. (9 и 50) найдены фрагменты с орнаментом пестрых мраморировок. Мазки нанесены небрежно в стиле поздних росписей, известных нам и по другим центрам. Судя по росписи открытого в Анапе в 1975 г. склепа первой половины III в., техника фресковой живописи была полностью освоена горгиппийскими мастерами. Роспись склепа выполнена земляными красками девяти цветов. Различные тона охристых земель могли быть местными, боспорскими, зеленая краска приготовлена на основе медных соединений, синяя краска была привозной. Перед началом росписи стены склепа разделили на поля и разметили под роспись тонкими прочерченными линиями; широко использован циркуль для очерчивания многочисленных кругов разного диаметра (Рис. 57, 58). На поверхности красочного слоя обнаружены следы воска. Над росписью склепа трудилось несколько художников, лица и фигуры персонажей выполнены разными мастерами. Возможно, расписывание подобных объектов производилось группами лиц с разделением труда в них.

Наблюдения над коллекцией стеклянных сосудов из Горгиппии дают полное основание предполагать развитие в городе собственного стеклоделия в III в. н.э. Так, в помещениях дома 5, сгоревшего во всеобщем пожаре 240 г., найдены осколки, судя по доньям, не менее ста однотипных стаканчиков, что превышает всякие потребности одного дома. Донья отличает специфический след понтии (выдувной трубки). Мы полагаем, что, сделанные в одной мастерской, эти стаканчики продавались в лавке дома 5.

Характерный след понтии отмечен на доньях нераспространенных в других центрах Северного Причерноморья широких мисок, осколки которых найдены в огромном количестве в слое пожара того же времени в полуподвальном помещении дома 21, примыкавшего к оборонительной стене города. Эти крупные фиалы сделаны из прозрачного стекла со слабым голубоватым оттенком и бесчисленным количеством разномасштабных пузырей. Возможно, они исполнены где-то поблизости на краю города (Табл. 244).

В соседнем доме, но уже внутри городской цитадели два подвала содержали находки, имеющие, как нам кажется, отношение к стеклодельному

производству. В подвале 116 сохранилось огромное количество разбитых сосудов из стекла разной окраски, самых разных форм и центров производства. Мы полагаем, что здесь собирали стеклянный бой для вторичной переплавки. Печь для этого могла быть небольшой и располагаться во дворе. На полу соседнего подвала 115 также найдено много обломков различных стеклянных сосудов, большие куски гипса, раковины мидий. В обоих подвалах обнаружены оплавленные и спекшиеся куски стеклянных изделий (весом более 5 кг), которые, однако, нельзя однозначно рассматривать как брак производства. В сильнейшем пожаре, в котором погибла цитадель, в подвал рухнули балки перекрытий, от чего в подвалах бушевало сильнейшее пламя, окалившее до оранжевого цвета саманные кирпичи упавших стен дома. В то же время, среди оплавленных осколков сосудов найдены стеклянные трубочки и капли стекла, что относится к обычным находкам в местах стекольного производства. На полу подвала 115 найдены разбитыми две тарелки, исполненные в технике миллефиоре с разным типом орнаментов. Они могут быть отнесены как к домашней утвари, так и к сборам стеклянного боя. Среди деформированных обломков присутствуют куски оконного стекла.

Рис. 57. Деталь фрески Анапского склепа 1975 г.; первая половина III в.

Поблизости, на окраине города, в юго-восточном углу археологического заповедника в помещении 119 обнаружена небольшая разрушенная печка с прямоугольной формы топкой, открытой на запад. Размер печи по наружным очертаниям: 1,2 × 0,8 м. Дно выстлано плоскими камнями, низ стенок также выложен из плоских поставленных на ребро камней. Массив оран-

жевой прокаленной однородной глины по соседству, видимо, принадлежит снесенному и расплывшемуся от времени куполу печи. Вблизи печи почти по всей площади помещения валялись оплавленные осколки стеклянных сосудов. В наземном помещении 119 во время пожара пламя не было так сильно, как в подвалах соседних домов, следовательно, здесь мы имеем больше осно-

Рис. 58. Деталь фрески Анапского склепа 1975 г.; первая половина III в.

ваний видеть в оплывших стеклянных осколках отходы стеклоделательного производства. Маленькая печка с узким входным отверстием (0,3 м) вполне пригодна для плавки стекла в небольших тигильках. Само место с подвалами

115, 116, 118 и 119 в топографии города очень подходит для размещения здесь стеклоплавильных печей — это самая восточная окраина города. Известно, что огнеопасные производства повсеместно размещали на окраинах городов (Табл. 34).

Таким образом, развитие всех жизненно необходимых для большого города ремесел в Горгиппии так или иначе выявлено.

Широту торговой деятельности города позволяет представить систематизация находок иноземных монет на его территории. По моей просьбе эта работа выполнена Н.А. Фроловой и подготовлена к изданию. В связи с рассмотрением вопросов, связанных с экономикой города, следует остановиться на основных выводах такой систематизации[41].

Наиболее ранней иноземной монетой на территории Горгиппии является медная монета города Византия V–IV вв. до н.э.[42]. К несколько более позднему времени относится медная монета царя Македонии Филиппа II (359–336 гг. до н.э.)[43]. В IV в. до н.э. золото и медь, чеканенные в Византии, а также монеты с именем Филиппа II Македонского и Александра Великого обращались по всему Боспору. Торговые связи с Византием были длительными и продолжались в III в. до н.э.[44]

К концу II–I в. до н.э. относится серебряная гемиодрахма Родоса. В эпоху эллинизма монеты этого центра имели распространение в восточной половине Эгейского моря, на примыкающем к нему побережье Малой Азии и заходили далеко на север[45]. Последнее обстоятельство находит подтверждение в результатах археологических исследований Горгиппии.

Начало I в. до н.э., ознаменованное включением Боспора в состав державы понтийского царя Митридата VI, дало находки в Горгиппии монет городов Понта I в. до н.э. Исследователи отмечали преобладание в боспорских находках понтийской меди последней серии, чеканившейся в конце правления Митридата VI[46], в то время как в Ольвии, наоборот, отмечено преобладание монет Понта ранних групп — конца II и начала I в. до н.э.[47] Находки меди городов Понта в Горгиппии подтверждают характерную для Боспора ситуацию. Так, в Горгиппии найдены монеты 80–70-х гг. до н.э. следующих городов Понта: Амастри — 1 экз.[48], Команы Понтийской — 4 экз.[49], Амиса — 7 экз. трех типов[50], Синопы — 16 экз.[51] Преобладание монет Синопы на денежном рынке характерно для последних лет правления Митридата VI[52]. Обзор денежного обращения Горгиппии I в. до н.э. также показывает, что в последней серии понтийской меди синопские монеты господствуют безраздельно. Отмечен факт перечеканки из амисского тетрахалка 105–90 гг. до н.э. горгиппийской монеты: голова Диониса — треножник, тирс, ГОР-ГІП-ПЕ-ΩN[53]. Среди находок иноземных монет митридатовского времени в Горгиппии зафиксированы также монеты Диоскуриады[54].

Находки чужеземных монет I в. н.э. в Горгиппии единичны: медный асс с изображением Октавиана Августа и лаврового венка с буквами СА внутри него[55] и драхма парфянского царя Готарза 40–51 гг. н.э.[56].

Ко II–III в. н.э. относится несколько монет, выпущенных в римских провинциях. Наиболее ранняя из них — медная монета Адриана (117–138 гг.), чеканенная в понтийском городе Амазии[57]. В Горгиппии найдены три монеты главного города римской провинции Каппадокии — Кесарии Каппадокийской: медная монета Адриана[58] и две серебряные дидрахмы Антония Пия (144–161 гг.)[59]. Отмечено, что провинциальное серебро Кесарии Каппадокийской было основным средством денежного обращения на Западном Кавказе[60]. В Горгиппии найдена медная монета Марка Аврелия провинциального чекана 161–180 гг. (коррозирована) и монета, выпущенная в Гераклее Понтийской от имени императора Каракаллы (210–217 гг.).

Из монет Римской империи на территории города раскопками обнаружены только две: серебряный денарий Фаустины Старшей (141–161 гг.) и медная монета чекана Филиппа Старшего (244–249 гг.).

К концу III – началу IV в. н.э. должны быть отнесены два варварских подражания римским монетам; одна из них обнаружена в Гай-Кодзоре, другая при раскопках Горгиппии[61]. "Денарий" имеет медную основу и сверху покрыт серебром. Наиболее многочисленны находки подражаний римским денариям около Новороссийска, где обнаружено два клада этих монет. Исследователи связывают распространение этих монет с появлением готов[62].

Следует отметить отсутствие на территории Горгиппии находок ольвийских монет, в то время как в других землях Боспора отдельные их экземпляры зафиксированы[63]. Напротив, отсутствующие в боспорских находках монеты Херсонеса в Горгиппии присутствуют: в составе "клада" 238 г. из винодельни дома 33 есть херсонесская монета с головой Марка Аврелия[64].

Ранее на Боспоре не были известны и монеты Тиры, однако, на горгиппийском рынке они периодически появлялись — в раскопах найдены четыре разновременные монеты этого города[65].

Анализ монетной коллекции из Горгиппии фиксирует начало денежного обращения города в 340–330 гг. до н.э. Денежный рынок Горгиппии этого времени наполняли как серебряные, так и медные монеты. Самой ранней среди боспорских из найденных здесь является серебряная монета типа: голова бородатого сатира — голова барана, ΠΑΝΤΙ, относящаяся к 340–330 гг. до н.э. (III. IV. 47)[66]. К тому же времени относятся три медные монеты довольно редкого типа: голова молодого сатира вправо — голова быка влево, ΠΑΝ (III. IV. 51). В течение всей второй половины IV в. до н.э. денежный рынок Горгиппии функционировал в полную силу, так как здесь зафиксированы находки не только медных, но и серебряных монет. Более того, типы боспорских монет, по мнению Н.А. Фроловой, представлены в Горгиппии в гораздо боль-

шем количестве, чем в других городах царства. К концу IV в. до н.э. наблюдается оживление функционирования на рынке города всех типов монет пантикапейского чекана. За последние 10 лет раскопок Горгиппии учтено 112 боспорских монет IV в. до н.э.

В III в. до н.э. в городе происходят изменения в денежном обращении, отмеченные и в других городах царства. Кризис денежного обращения конца IV – первой половины III в. до н.э., выразившийся в отсутствии золотого и серебряного чекана Пантикапея и обилии меди[67], отчетливо отражен и на монетном материале из Горгиппии. Горгиппийские находки еще и уточняют существующие представления исследователей о времени начала и конца денежного кризиса, о характере его протекания. Среди монет первой половины III в. до н.э. из Горгиппии встречено много экземпляров со следами перечеканки. Нумизматическая коллекция из Горгиппии содержит значительно больше монет басилевса Левкона третьей четверти III в. до н.э., чем собрания других центров Боспора. Чеканка Левкона знаменует процесс стабилизации экономики государства и выход его из денежного кризиса. Анализ монетной коллекции из Горгиппии подводит к выводу о том, что в III в. до н.э. мелкие разменные монеты составляли основу денежного обращения города — за последнее десятилетие раскопок их выявлено более 370 экз. Об этом же говорят и составы кладов III в. до н.э. из Анапы и ее окрестностей.

Рис. 59. Бронзовая монета.

Монетный материал II в. до н.э. из Горгиппии содержит почти все, выпускавшиеся государством типы монет, отсутствуют, однако, всякого рода серебряные монеты. Кроме того, все типы боспорских монет представлена сравнительно небольшим количеством экземпляров. Подобное обстоятельство может в какой-то степени отражать некоторый застой в городской эконо-

мике. Во II в. до н.э. в государстве было выпущено большое количество медных монет, все основные типы государственной чеканки представлены в Горгиппии (их учтено за последние 10 лет свыше 100 экз.). Наибольшее количество меди II в. до н.э. из Горгиппии относится к типу: Аполлон — лук в горите, датируемому первой половиной и серединой столетия (50 экз. Ш. VIII. 95). Монеты фанагорийского чекана из Горгиппии II в. до н.э. относятся только к типу: сатир, лук, стрела (Ш. IX. 112). Найденные 15 экз. подтверждают распространенное мнение о том, что фанагорийская медь обращалась преимущественно на своей территории[68].

I в. до н.э. для Боспора явился временем больших перемен. Как уже отмечалось, Горгиппия приступила к чекану собственной монеты из серебра и меди, однако, как полагают, эти монеты выпускались пантикапейским монетным двором. Из раскопок последних 10 лет в Горгиппии учтено 49 монет I в. до н.э. чекана Митридата VI Евпатора, Фарнака и Асандра, найдены несколько монет Кесарии и Агриппии. Монеты последних выпусков I в. до н.э. и первых лет I в. н.э. типа Геракл — палица, шкура льва и монограмма ВАЕ (З. XIV. 2) и типа Аполлон — треножник (З. XIV. 5) в Горгиппии единичны.

Рис. 60. Монета бронзовая (царь Савромат II — Геракл с вепрем).

Денежный рынок Горгиппии римского времени был насыщен монетами всех боспорских царей, правивших с 47 г. до н.э. по 341/342 г. н.э (Рис. 59, 60). В нумизматической коллекции из раскопок Горгиппии 1980–1990 гг. они распределяются следующим образом:

Асандр (47–20 гг. до н.э.) — 5 экз.
Аспург (14–37 гг. н.э.) — 22 экз.
Гепепирия (37–38 гг.) — 5 экз.

Митридат III (39–45 гг.) — 10 экз.
Котис I (54–68 гг.) — 37 экз.
Рескупорид II (68–93 гг.) — 18 экз.
Савромат I (93–123 гг.) — 167 экз.
Котис II (123–132 гг.) — 26 экз.
Римиталк (132–154 гг.) — 64 экз.
Евпатор (154–170 гг.) — 5 экз.
Савромат II (174–211 гг.) — 45 экз.
Рескупорид III (211–226 гг.) — 41 экз.
Котис III (227–233 гг.) — 8 экз.
Савромат III (229–231 гг.) — 8 экз.
Рескупорид IV (233–234 гг.) — 1 экз.
Ининфимей (234–238 гг.) — 12 экз.
Рескупорид V (242–276 гг.) — 2 экз.
Фарзанс (253–254 гг.) — нет.
Савромат IV (275 г.) — нет.
Тейран (266, 275–276 гг.) — нет.
Фофорс (285–308 гг.) — 3 экз.
Радамсад (309–322 гг.) —нет.
Рескупорид VI (314–341/342 гг.) — 6 экз.

Таким образом, по регистрации находок единичных монет первых веков нашей эры видно, что в I в. н.э. развитие денежного обращения приходится на конец столетия — на время правления Савромата I. Во II в. при Савромате I подъем продолжается (учтены данные кладов). Начало III столетия ознаменовано обильными выпусками электровых и медных монет Рескупоридом III. Кратковременность правлений следующих за ним царей Котиса III, Савромата III, Рескупорида IV, Ининфимея объясняет малочисленность находок монет их выпуска. Регистрация находок единичных монет показывает, что на территории Горгиппии денежное обращение было прервано до конца III в. сразу после поступлений последних выпусков Ининфимея. Этот вывод подтверждается и анализом кладов монет, найденных в Горгиппии в последние годы, а именно, клада 1977 г. (около 33 экз.: Аспург — 5 экз., Гепеперия — 2 экз., Котис I — 2 экз., Рескупорид II — 4 экз., Савромат I — 16 экз., Котис II — 2 экз.), клада 1984 г. (105 экз.: Рескупорид II — 2 экз., Савромат I — 5 экз., Котис II — 2 экз., Римиталк — 6 экз., Савромат II — 8 экз., Рескупорид III — 32 экз., Котис III — 13 экз., Савромат III — 7 экз., Рескупорид IV — 2 экз., Ининфимей — 27 экз. меди и один статер 235 г) и клада 1988 г. (517 экз.: Рескупорид II — 1 экз., Савромат I — 29 экз., Котис II — 2 экз., Римиталк — 3 экз., Савромат II — 76 экз., Рескупорид III — 160 экз., Котис III — 34 экз., Савромат III — 38 экз., Рескупорид IV — 13 экз., Ининфимей —

129 экз., из которых — 2 экз. электровых)[69]. Конец чекана Ининфимея ознаменовал собой перерыв в выпуске боспорских монет в связи с сильными разрушениями многих городов царства; вскоре после 238/239 г. была сожжена и Горгиппия.

Монетный чекан на Боспоре уже восстановился при Рескупориде V.

В Горгиппии был найден серебряный статер этого царя, помеченный 239 г.[70] Находки нескольких монет Рескупорида VI свидетельствуют о возобновлении денежного обращения на территории Горгиппии в начале IV в., однако, никаких следов самой жизни в это время до сих пор не найдено. Возможно, после разрушений 240 г. жизнь восстановилась не на прежнем месте, а поодаль. Как уже отмечалось, в окрестностях города найдены крупные монетные клады позднебоспорских монет. Богатый в природном отношении регион не мог пустовать столетия.

Состав горгиппийского импорта, его объем и развитие, участие в торговом балансе города отдельных иноземных центров, хронологическая переориентация торговли — эти и многие другие вопросы могут быть разработаны только на основе всестороннего анализа различных групп материала. Рассмотрение торговой деятельности Горгиппии как большого города должно стать самостоятельной темой исследования. На данном этапе работы можно только подвести некоторые итоги и констатировать отдельные наблюдения.

Наиболее репрезентативным в силу своей массовости является амфорный материал. Для выяснения ситуации горгиппийского рынка в IV–II вв. до н.э. были рассмотрены встреченные при раскопках амфорные клейма и выборка амфорных ножек этой эпохи. Выборку составили ножки, добытые из культурного слоя различных раскопов 1973–88 гг. вне хронологических комплексов — ножки из переотложенных в древности напластований. Выборка составила 1792 экз. Сопоставление полученных данных с результатами исследования различных групп амфорных клейм дали некоторое представление о торговом балансе города в указанное время. Работа выполнена исследователями Гос. Саратовского университета — В.И. Кацем (клейма) и С.Ю. Монаховым (керамический материал). С благодарностью обоим этим авторам мы приведем здесь основные выводы, предоставленные в распоряжение экспедиции по результатам проведенной ими работы.

Наиболее многочисленными в выборке оказались ножки гераклейских амфор — 472 экз. Их распределение указывает на пик поступлений в Горгиппию гераклейских амфор во второй трети IV в. до н.э. (Табл. 218). Близкую картину дают исследования и коллекции гераклейских клейм, в которой на момент исследования учтено 225 экз. (основу исследований составила коллекция 1973–86 гг.). Из 225 экз. частично читаются и восстанавливаются 174 экз., то есть 77 %. Распределению на типологические группы поддаются 209 экз., то есть 93 % клейм. По хронологическим периодам гераклей-

ского керамического клеймения[71] штемпели из Горгиппии распределяются следующим образом:

I (первая четверть и начало второй четверти IV в. до н.э.) — 40 экз., 20 % от общего числа;

II (вторая, третья и начало последней четверти IV в. до н.э.) — 152 экз., то есть 75 % клейм;

III (конец IV – первая четверть III в. до н.э.) — 12 экз., то есть 5 % клейм.

Таким образом, распределение гераклейских клейм в Горгиппии показывает, что продукция из Гераклеи поступала в город в течение всего IV в. до н.э. регулярно, импорт увеличивался в середине века, но сокращался к концу столетия.

Учитывая компактное распределение в городе гераклейского импорта, попытаемся в общих чертах представить объем продукта, поступавшего в Горгиппию в гераклейских амфорах в течение IV в. до н.э. Воспользуемся расчетами сопоставления числа клейм с количеством амфорных ножек на одном из исследованных памятников у Днестровского лимана и условно примем за основу полученный вывод о том, что на каждую клейменую гераклейскую амфору приходилось 5–6 неклейменых[72]. Тогда, вместе с 225 клеймеными амфорами в Горгиппию должно было быть завезено 1350 неклейменых (225 × 6). Итого, на раскопанную в 1973–86 гг. часть города (1/50 его площади) приходится 1775 гераклейских амфор. Следовательно, общее поступление амфор из Гераклеи в IV в. до н.э. должно было быть не менее 88750 экз. 75 % от этого числа составят 66560 амфор. Столько амфор приходится на вторую, пиковую, группу, охватывающую промежуток около 50 лет. Стандарт гераклейских амфор в течение IV в. менялся: 9,7–9,1–7,3 л[73]. Взяв за среднюю величину 8 л, рассчитаем, что в этих амфорах было завезено в город 532480 л продукта. Получается, что ежегодный завоз в пиковые годы составлял не менее 10650 л продукта. Если допустить, что в городе жило около 10000 жителей или около 2000 семей, получится, что на семью приходилось около 5,5 л этого продукта в год. Из этих расчетов также видно, что в город ежегодно поступало не менее 1300 гераклейских амфор. Такое количество амфор могло быть доставлено четырьмя – пятью кораблями средней величины и тоннажа, груженными преимущественно этими амфорами[74].

Синопских амфорных клейм из Горгиппии учтено 210. Они составляют около 80 % от общего обнаруженного в ходе раскопок количества. Из 210 клейм — 201 астиномное, 7 — фабрикантских и 2 анэпиграфных. В 201 клей-

ме удалось прочесть имя магистрата в 177 экземплярах. Еще 16 клейм оказалось возможным отнести к одной из хронологических групп по признакам расположения надписи в легендах, эмблемах и особенностям палеографии. Фабрикантские клейма определяются хронологически довольно точно, при этом 4 экз. относятся к I группе и предшествуют клеймению.

Для выявления динамики распределения астиномных клейм В.И. Кацем были рассчитаны два коэффициента: коэффициент концентрации (КК), отражающий колебания объема ввозимой продукции, равный частному от деления общего количества полностью восстановленных астиномных клейм каждой группы на количество представленных в группе астиномов, а также абсолютная плотность распределения клейм по группам (Sa). Она равна частному от деления общего количества клейм группы на количество лет ее составляющих (Табл. 219). Полигоны распределения свидетельствуют, что наивысший пик ввоза синопской продукции приходится на вторую и третью четверти IV в. до н.э. К концу IV столетия наблюдается спад, затронувший и первые десятилетия III в. до н.э. В середине III в. вновь наблюдается подъем, однако, в это время уровень ввоза был вдвое ниже, чем на столетие раньше. Следующий спад происходит в середине второй половины III в. На протяжении последних 50 лет синопского клеймения (конец III – начало II вв. до н.э.) ввоз синопских амфор в Горгиппию был постоянным, но по общему объему в четыре раза уступал импорту середины IV в. и более чем в два раза ввозу середины III в.

Выявленную анализом клейм ситуацию с синопским импортом подтверждают и наблюдения над выборкой синопских амфорных ножек из культурного слоя Горгиппии. Пик ножек приходится на третью четверть IV в. до н.э. Судя по типам ножек, синопский импорт в Горгиппию начинается в первой трети IV в. до н.э. После резкого возрастания в 360–320-е годы он остается насыщенным вплоть до II в. до н.э. (Табл. 218, 219).

Синопские черепицы из Горгиппии помечены преимущественно клеймами I группы (12 экз.), ко II или III группе относится только одно клеймо. Такая компактность серии черепичных клейм может свидетельствовать о том, что с середины IV в. до н.э. в Горгиппии начинается собственное производство черепиц, часть которых и помечалась личным клеймом Горгиппа. Видимо, одновременно усилился завоз пантикапейской или фанагорийской черепицы. Долго поступали в город синопские пифосы и особенно популярные здесь лутерии. Осколки их встречаются при раскопках каждого дома эллинистического времени, вплоть до середины I в. до н.э.

Фасосских ножек в выборке учтено чуть больше синопских — 301 экз. (Табл. 218). Основная масса их относится к первой и второй третям IV в. до н.э. (237 экз.), в конце столетия импорт затухает (7 экз.) и вновь возрожда-

ется в первой половине III в. (56 экз.), но в 4–5 раз уступает импорту пиковых лет.

Близкую картину хронологического распределения имеют и фасосские клейма из Горгиппии (Табл. 218). Этих клейм учтено 177 экз., они распределяются следующим образом:[75]

1 поздняя группа	385–370 гг. до н.э.	11 экз.
2	ок. 370	14
3 ранняя	370–360	24
3	370–340	8
3 поздняя	360–340	37
4	350–320	4
5а	340–320	31
5б	340–200	29
5	240–200	1
7	IV в.	9
8	400–370	2
3 или 5		1

Хронологически неопределимы 6 клейм.

Фрагменты амфор трех указанных центров — Гераклеи, Фасоса и Синопы — значительно превалируют во всей массе обломков эллинистической керамической тары из Горгиппии. Обращает на себя внимание ограниченное поступление в город родосских амфор — в рассмотренной выборке ножек Родос представлен только 21 экземпляром второй половины IV и I в. до н.э. Немного в Горгиппии и родосских амфорных клейм, они относятся к III и II вв. до н.э. Данная ситуация в торговле Горгиппии с Родосом не сопоставима не только с обилием родосской тары в Танаисе, но даже с гораздо более скромным в сравнении с Танаисом объемом завоза родосских амфор в соседнюю Фанагорию[76].

Что касается амфорных клейм других центров античной культуры эллинистического времени — Коса, Херсонеса, Книда, Амфиполя, Амастрии — находки их в Горгиппии, как и в целом на Боспоре, немногочисленны и единичны. В выборке амфорных ножек присутствуют экземпляры колхидских, косских, херсонесских, типа Солохи I и II, а также прочих, еще неизвестных центров Средиземноморья. Сравнительно многочисленны ножки амфор Менды и Хиоса.

Особую статью импорта во все периоды существования города составляла художественная керамика. В Горгиппии она представлена различными стилями, отражающими развитие росписи ваз в Средиземноморье[77]. Основной группой ввоза в IV в. до н.э. являются чернолаковые сосуды из Ат-

тики: разнообразной величины кратеры, пелики, ойнохои, леканы, лекифы, блюда и прочих форм сосуды как без росписи, так и с традиционными изображениями, оставленными в цвете незакрашенной глины, дополненными белой росписью, а также сосуды со штампованным орнаментом (Табл. 202–207). В культурном слое Горгиппии распространены обломки небольших скифокиликов начала IV в. до н.э., популярных на Боспоре (Табл. 203). На лицевой стороне они обычно имеют сюжетную роспись, разделенную крупными пальметтами. По краю внутренней стороны они украшены узором плюща с розетками, выполненными белой краской или жидкой глиной. Лак на этих сосудах не отличается от лака высокого качества аттической керамики, но роспись выполнена небрежно, она обнаруживает массовое ремесленное производство. На привозной аттической краснофигурной керамике IV в. до н.э. из Горгиппии представлены сцены из жизни гиникея и спортсменов, сцены дионисийских сюжетов, мифологические персонажи, сфинксы, грифоны.

Не исключено аттическое происхождение великолепной ойнохои с высоким качеством черного лака с оливковым отливом и тонким рельефным изображением, выполненным жидкой глиной, дополненным позолотой (Табл. 201). Прекрасная техника орнаментации, качество и цвет лака, подражающая серебряному прототипу форма сосуда, — все это позволяет отнести ойнохою к ранним образцам керамики с росписью жидкой глиной и группе сосудов с рельефной орнаментацией конца V – начала IV вв. до н.э.

Многочисленны в культурном слое Горгиппии, в разрушенных домах и могилах некрополя находки различных чернолаковых сосудов утилитарного назначения без росписи, но часто со штампованным орнаментом — киликов, чаш, блюд, пиксид, солонок (Табл. 207). Эта рядовая керамика, широко распространенная во всех районах античного мира, находившихся в орбите афинской торговли. Сосуды рубежа V и IV вв., а также IV в. украшены сложным и четко выполненным орнаментом — овами, обильно нанесенными пальметтами, сложным переплетением дуг. Постепенно с ухудшением качества лака, с появлением металлического блеска исчезают сложность узора и четкость штампа. К III в. до н.э. пальметты вырождаются в слабые углубления, криво размещенные на сосуде и почти нерасчлененные на отдельные лепестки.

Стиль орнаментации сосудов жидкой глиной продолжает развиваться в Аттике в III и II вв. до н.э. и эти изделия также поступают в Горгиппию. Однако, в III в. до н.э. торговля Боспора с Аттикой сокращается, первое место на рынке начинает занимать продукция центров Малой Азии и близлежащих к ней островов. Видимо, оттуда поступают в Горгиппию канфары с ребристым туловом и гирляндами по краю, нанесенными жидкой глиной. Распространяются тарелки и кубки с белой росписью по тусклому черному лаку (Табл. 75: 2, 3; 204).

С III в. до н.э. в Горгиппию завозятся кубки и чаши с рельефным орнаментом так называемого "мегарского" типа. Известно, что эти сосуды выпускались многими центрами античного мира — в Аттике, на Делосе, в Пергаме, Приене, Александрии, Антиохии, Мирине, Спарте, Беотии, на Самосе; производились они и на Боспоре. Торговля формами и штампами для выделки форм являлась одной из основ развития керамического производства эпохи эллинизма. Сильно было и взаимовлияние друг на друга контактирующих центров керамического производства. Все это затрудняет определение центров производства для находимых в Северном Причерноморье обломков сосудов со штампованным рельефным орнаментом. Горгиппийская коллекция представлена большей частью осколками и лишь единицы сосудов сохранили полный профиль (Табл. 42). Сравнительный анализ этих фрагментов с опубликованными из разных центров выявляет преобладание параллелей среди находок на Делосе, а также среди тех типов, которые признаются боспорскими[78].

В III–II вв. до н.э. в Горгиппию, видимо, из малоазийских центров поступают расписные лагиносы со светлым покрытием и росписью по нему (Табл. 75:1; 84:3).

Группа эллинистической керамики с неблестящим красноватым или лиловатым покрытием, иногда с белой росписью по нему обычно рассматривается исследователями как местная, боспорская. Белой краской бывают расписаны преимущественно кувшины, иногда горшки. Узор состоит из пятен, зигзагов, полос, стилизации плюща. Обломки такой керамики в Горгиппии обильны в слоях позднеэллинистического времени (Табл. 211, 212). Не ясно, однако, изготовлена она на месте или привезена в Горгиппию из какого-то производящего ее боспорского центра.

Своеобразную группу среди эллинистической керамики в Горгиппии составляют сосуды из плотной серой глины, покрытые черным лаком (Табл. 210). Формы этих сосудов достаточно разнообразны и все они имеют параллели в чернолаковой керамике. Орнаменты, украшающие сосуды открытых форм, также полностью повторяют штампы, оттиснутые на чернолаковой посуде. Эту группу керамики, видимо, условно можно признать местной, подражающей привозной чернолаковой; штампы должны были быть привозными.

С третьей четверти I в. до н.э. и рубежа тысячелетий состав горгиппийского импорта резко меняется. Вместе с Боспором Горгиппия втягивается в сферу торговли с огромной Римской империей. Новым становится установление контактов (как прямых, так и опосредованных, очевидно) с западной частью античного мира. В город завозятся италийские и рейнские бронзы (фибулы, светильники, сосуды), геммы, стеклянные и краснолаковые сосуды. Усиливаются постоянные контакты с Египтом, откуда поступают александрийского производства бронзы и стеклянные изделия — бусы и сосуды. Со-

храняются связи с Малой Азией и всем Восточным Средиземноморьем, откуда вывозится краснолаковая керамика, стеклянная посуда, каменные бусы.

Приток краснолаковых сосудов в Горгиппию начался в I в. до н.э. завозом канфаров и кувшинов с орнаментом *en barbotine* пергамского производства, тех же форм без орнамента, кувшинов с белой росписью, продолжавшей традиции предшествующей эпохи. Обломки этих сосудов извлечены из культурного слоя городища, целые формы найдены в могилах городского некрополя (Табл. 214). Горгиппийский дом I в. н.э. дал великолепный комплекс краснолаковых сосудов разнообразных форм, в том числе несколько сосудов с греческим клеймом. Краснолаковые сосуды представлены также во многих комплексах II и первой половины III вв., на протяжении трех с лишним столетий поступление их в Горгиппию было непрерывным.

В вопросах определения центров найденных в Горгиппии краснолаковых сосудов ориентироваться на цвет, качество лака и вид глины нельзя, так как большинство сосудов пострадало в сильнейших пожарах: лак потрескался, изменил цвет, нередко полностью исчез с поверхности осколков. Первичное рассмотрение коллекции краснолаковой керамики из Горгиппии подводит нас к выводу о том, что и в этом городе подобно другим центрам Боспора преобладают типы, производство которых приписывается Пергаму и близким к нему пунктам[79]. Пергамская краснолаковая керамика выделена лучше других благодаря открытию производственных комплексов в местечке Чандарли в 30 км от Пергама[80]. В комплексе из дома 60 I в. присутствуют, видимо, сосуды и самосского производства из мягкой слоистой глины, однако, они слишком пострадали в огне для безусловного отнесения их к той или иной категории. Исследователи обосновывают выпуск местной краснолаковой посуды на Боспоре, в Пантикапее и Фанагории. В поздних комплексах Горгиппии продукция боспорских мастерских, видимо, также присутствует. Ее отличает нечеткость форм, слабое лаковое покрытие, характер глиняного теста. Степень сохранности осколков из культурного слоя Горгиппии не дает, однако, уверенности в выделении и этой группы сосудов. В коллекции горгиппийского красного лака представлены отдельные экземпляры италийского происхождения — четко профилированный кубок, широкие тарелки или блюда с рельефной фигурной орнаментацией отогнутого края (Табл. 216, 217). В то же время, блюда, повторяющие формы металлических прототипов — блюда удлиненной формы с округлыми стенками, горизонтальным венчиком и плоскими фигурно оконтуренными ручками, украшенные помещенным в центре дна прямоугольником с рельефной фигуркой сидящего сфинкса, имеют аналогии и среди продукции мастерских Чандарли. В доме, погибшем вместе со всей Горгиппией вскоре после 238/239 г., найден фигурный сосуд в виде лошади с написанным по сырой глине до покрытия лаком греческим именем мастера — Симон. Сосуд сделан из двух половин, каждая из которых оттис-

нута в форме (Табл. 143). В домах того же времени обычны всевозможные миски и чашки, тарелки, кувшины, ойнохои, то есть сосуды утилитарные в повседневном быту. Их украшали только насечками. В домах II – первой половины III в. многочисленны маленькие закрытые светильники (Табл. 247). На заглубленных щитках многих из них помещены рельефные изображения: краб, птицы, головы Пана и Юпитера Амона, полуфигуры. На других таких светильниках орнаментом покрыты плечики, а щитки оставлены без изображений. Очевидно, большинство этих светильников поступало вместе с основной массой краснолаковой посуды из малоазийских центров. Не исключен и завоз их из Египта, что подтверждается изображениями на щитках Юпитера Амона и Беса, облик которого близок Бесам из египетского фаянса[81].

Подобно краснолаковой керамике специального рассмотрения требует и обширная коллекция стеклянных сосудов из Горгиппии. Их осколки встречены в слоях пожара всех домов города, погибших в середине III в. (Табл. 239–244). Многие раскопанные могилы городского некрополя первых веков нашей эры также содержали стеклянные сосуды.

Наиболее ранними изделиями из стекла в Горгиппии являются два полихромных алабастра из могилы V в. до н.э. Они изготовлены в песочно-сердечниковой технике и украшены волнистым орнаментом. На основе керамической трубки сформованы ядра ранних привезенных из Средиземноморья глазчатых бус. Эти изделия выпускались, главным образом, сирийско-финикийскими мастерскими. Флаконы могли быть завезены и из Египта, так как в комплексах VI–V вв. до н.э. Северного Причерноморья нередки находки хрупких украшений из египетского фаянса. Такие скарабеи, помеченные иероглифами, встречены в могильниках в окрестностях Горгиппии.

В эллинистический период в Горгиппию, как и прочие центры на северных берегах Понта, начинают поступать стеклянные бусы с внутренней позолотой, следы производства которых выявлены на Родосе. Следует заметить, что бусы в Горгиппии не были столь популярны, как в других городах Боспора, особенно в Танаисе.

Большим разнообразием форм в Горгиппии отличается стеклянная посуда I в. н.э., многочисленные типы сосудов встречены и в комплексах II – первой половины III в. н.э. Это различные кувшины, ойнохои, чашечки, стаканы, фиалы, флаконы, тарелочки (Табл. 239–244). Среди найденных в городе сосудов есть редкие и высоко ценившиеся в древности изделия. Так, найдены части кубка с поверхностной росписью. Сосуд был расчленен красными линиями, в рамках размещались гирлянды и грозди плодов (Табл. 239:1). Подобные кубки с более сложной росписью известны в Беграме[82].

В могиле рубежа тысячелетий найдена чашечка, исполненная в сложной технике миллефиоре (Табл. 239). Она целиком сделана из спаянных друг с другом мелких орнаментированных кусочков стекла пятиугольной формы.

В свою очередь, каждый кусочек является пластинкой, отсеченной от стеклянного стержня диаметром не больше 1 см с полихромным узором. Для изготовления горгиппийской чаши использованы стержни трех типов[83]. Кропотливая техника изготовления наборных стержней, а затем целых сосудов из отрезков этих стержней с дальнейшим оттиском в форме делали сосуды из мозаичного стекла чрезвычайно дорогими. Находки их в Северном Причерноморье редки. Чашечка в Горгиппии не единственная. Из городского некрополя происходит небольшая тарелочка, сделанная тем же способом. В домах на городище найдены край фиалы, спаянной из сложно орнаментированных глазков, и две тарелочки с разной орнаментацией. Подобные сосуды выпускались в I в. до н.э. – I в. н.э., главным образом, мастерскими Александрии, но также Сидона, Тира, Рима и Галлии[84]. В это же время из Египта завозятся в Северное Причерноморье исполненные в сложнейшей технике микромозаики бусы из цветного стекла и множество фигурных подвесок из египетского фаянса. Эти изделия появляются и в Горгиппии.

Многие формы стеклянных сосудов, будучи универсальными, изготавливались различными стеклоделательными мастерскими, широко распространенными в античном мире. Так, бальзамарии выпускались в Египте (с грушевидным туловом и близкими пропорциями горла с туловом), в сирийских мастерских (с длинным горлом и очень плоским туловом), в западноримских провинциях[85]. Среди найденных в Горгиппии бальзамариев преобладают формы, характерные для групп египетского и сирийского стекла, в них везли ароматические масла из восточных стран. В Горгиппии найден выдутый в форме флакон из прозрачного зеленого стекла с рельефным оттиском на его поверхности амфорок и канфаров, такие сосуды относятся к сирийской продукции[86]. Из центров стеклоделия Восточного Средиземноморья и Сицилии могут быть привезены две великолепные фиалы из прозрачного яркого синего и лилового стекла с ребристой поверхностью, изготовленные техникой литья. Из мастерских Пергама вышли большие кувшины из прозрачного почти бесцветного стекла, найденные в могилах горгиппийского некрополя (Табл. 243). Осколки подобных кувшинов часто встречаются и в культурном слое городища.

В Горгиппию поступали стеклянные сосуды италийского производства, продукция северных берегов Адриатики (Табл. 241: 1–3). Найдены обломки чаш типа *zarte Rippenschalten* желтого цвета с белой нитью[87]. Известны в Горгиппии стеклянные изделия мастерских на Рейне, около Кельна, на территории Галлии, Паннонии (Табл. 241: 4–5). Западное происхождение имеют стаканы со шлифованными поясками, кувшины и фиалы со шлифованными овалами[88].

В сложной технике исполнена великолепная полихромная фиала из анапского склепа первой половины III в. н.э. (Рис. 32). Ленты из прозрачного

синего и зеленого стекла имеют прокладку глухого белого стекла для придания яркости цветному стеклу. Лента из бесцветного прозрачного стекла также трехслойная, она имеет прокладку из золотой фольги. Только прозрачное лиловое и глухое белое стекло монолитны. При изготовлении сосуда лиловое стекло, видимо, выполняло роль металлической перегородки в перегородчатых эмалях, оно фиксировало требуемый изгиб пестрых лент. Фиала оттиснута в форме. Подобные сосуды изготавливали в восточно-римских провинциях.

Краткий обзор лишь части найденных в Горгиппии целых форм стеклянных сосудов показывает, сколь широки были связи города в первые века нашей эры, в период наивысшего расцвета и подъема его экономики. Контакты осуществлялись, практически, со всеми уголками античного мира.

Об этом же свидетельствует и рассмотрение художественных бронзовых изделий и бронзовой посуды из Горгиппии. Они завозились в город в разные периоды его существования. На территории городского некрополя найдена гидрия середины IV в. до н.э., производство которой можно связать с Месембрией[89]. В первые века нашей эры бронзовый импорт становится массовым, ввозятся кувшины, ойнохои, ковши и ситечки, лутерии, светильники, фибулы, перстни, произведения мелкой пластики. Поставщиками этих изделий являлись италийские и западно-римские мастерские, не исключен завоз александрийских бронз.

В склепе первой половины III в. с очень богатыми находками и в большом городском доме (50), сгоревшем во всеобщем городском пожаре III в., найдены бронзовые светильники, один бронзовый светильник найден в культурном слое городища, в его северо-восточной части — районе с богатыми крупными домами. Маленький светильник из дома 50 имел крепившуюся на шарнире откидную крышечку. Бронзовые лампы, подобные горгиппийским, в разных центрах античного мира связаны с комплексами I в. до н.э. – начала II в. н.э., всегда богатыми. В Горгиппии, как и в Танаисе, эти светильники найдены в комплексах II – первой половины III в.[90] Поступившие на Боспор бронзовые светильники очень ценились и бытовали долго. Горгиппийский светильник с головой утки неоднократно прогорал и был аккуратно залатан во многих местах. Вопрос о месте изготовления подобных светильников остается открытым. Исследователи предлагают считать их продукцией как италийских[91], так и александрийских мастерских[92].

Ситечко и черпак — парные сосуды с веслообразными ручками — найдены в одном из горгиппийских домов. Такие изделия в I–III вв. выпускали нижнерейнские и галльские мастерские[93]. Часто встречаемые в горгиппийских домах, погибших в пожаре 240 г., бронзовые сосуды обычно сильно деформированы, насквозь коррозированы, восстановление их форм относится к сложнейшим проблемам реставрации.

Спектральным анализом установлено, что на Боспор и Горгиппию, в частности, из птолемеевского Египта завозилась основная масса крупных перстней с изображениями на щитках[94].

Из 120 учтенных в Горгиппии бронзовых фибул из комплексов I–III вв. н.э. пять относятся к провинциально-римским типам[95]. Из них три являются раннеримскими шарнирными дуговыми типа AVCISSA первой половины I в., вышедшими из мастерских Галлии или Северной Италии, одна из них сложно украшена. Две фибулы-броши (круглые, прорезные, шарнирные) также провинциальные западные. Найдена и фибула-брошь с цветными эмалями, вышедшая из мастерских Галлии (Табл. 155:22)[96].

Бронзовые фигурки относятся к распространенным, бытовавшим на территории античного мира в I–III вв. Найдены: Геракл[97], Эрот Лампадофор[98], Зевс Громовержец[99], дважды Гермес[100], Изида[101], Афродита. С I в. до н.э. подобные фигурки выпускали италийские мастерские, со II в. — южногалльские и фракийские, бюст Изиды может быть отнесен к александрийским бронзам (Табл. 173–177).

К продукции западных мастерских, скорее всего, кельтских, должен быть отнесен набор великолепных художественных бронз — курильница и три стригиля с цветными эмалями из склепа первой половины III в. (Рис. 31–33)[102]. Аналогии в помпеянской мебели заставляют предположительно отнести к продукции северо-италийских мастерских и уникальную пластину от клине из дома 60 первой половины I в. н.э. Подобные пластины известны и в Македонии[103].

В Горгиппию, несомненно, должна была поступать продукция различных боспорских мастерских и северо-кавказских ремесленных центров. В ранний полис могла завозиться расписанная в подражание ионийской керамике круговая посуда, в эпоху эллинизма — черепицы и сосуды с рельефным орнаментом так называемого “мегарского” типа. В первые века нашей эры в Горгиппию поступали разнообразные типы больших красноглиняных амфор, фибулы, перстни, стеклянные и краснолаковые сосуды. В настоящее время в разных центрах Боспора выявлено собственное производство тех или иных групп перечисленных предметов. В ряде случаев задача состоит в том, чтобы выделить из массы боспорской продукции собственно горгиппийскую. Это может относиться к таким категориям находок, как черепица, амфоры, фибулы, перстни, терракоты.

Связи Горгиппии с окружавшим ее варварским миром складывались также разнообразно. В город стекалось для продажи зерно земледельческих варваров, возможно, скот и шерсть. Рынок Горгиппии, в свою очередь, снабжал широкий регион привезенной из Средиземноморья и собственной ремесленной продукцией. В то же время, некоторые категории предметов, в частности, отдельные виды керамики, наоборот, поступали в Горгиппию от вар-

варов. В этом отношении показательна обширная группа лощеной керамики, в которой очевидны сарматские, меотские и более глубокие северо-кавказские влияния (Табл. 227, 228).

В Горгиппии найдены уникальные произведения торевтики, отражающие смешение культурно-исторических традиций, являющиеся сплавом различных стилей, демонстрирующие синкретическое направление в развитии местного искусства.

Материальная культура Горгиппии отражает единство огромного региона, охваченного античной цивилизацией. В то же время она высвечивает специфические особенности, обусловленные контактами города с ближайшими соседями. Наличие этих контактов обнаруживают такие группы находок, как лепная и лощеная керамика, надгробные стелы, украшения. Устойчивые контакты с Кавказом сообщают некоторую специфику материальной культуре населения Горгиппии, что выделяет ее из массы не только других городов Северного Причерноморья, но и Боспора.

---

[1]*Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. Письмо В.

[2]*Алексеева Е.М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Т. I. Краснодар, 1980. С. 42.

[3]*Алексеева Е.М.* Виноделие Горгиппии. БС. № 6. 1995. С. 7–14.

[4]*Кругликова И.Т.* Боспор. Сельское хозяйство и промыслы // АГСП. Табл. LVII.

[5]*Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. № 85. С. 252.

[6]Там же. С. 378.

[7]Там же. С. 417.

[8]Размеры цистерн: южной — 1,4 (С – Ю) × 1,5 (З – В) × 1,4 м (глубина от русла слива); средней — 1,5 × 1,3 × 1,7 м; северной — 1,4 × 1,3 × 1,6 м.

[9]*Гайдукевич В.Ф.* Там же. С. 420.

[10]Представить возможный технологический процесс в открытой винодельне могут помочь сведения, приведенные в руководстве по виноделию: *Герасимов М.А.* Технология виноделия. М., 1952.

[11]*Гайдукевич В.Ф.* Там же. С. 450.

[12]*Стржелецкий С.Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. Симферополь, 1961. Вып. 9. С. 47.

[13]*Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.С. 89.

[14]*Щеглов А.Н., Маликов В.М.* Новые памятники древнего виноградарства в Крыму // Виноделие и виноградарство в СССР. 1963. № 7. С. 36.

[15]*Стржелецкий С.Ф.* Там же.

[16]*Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Том II. С. 127.

[17]*Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре. С. 451.

[18]*Салов А.И., Смирнова Т.М.* Новые находки в Анапе // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 55.

[19]*Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре; *Марченко И.Д.* Новая винодельня в Пантикапее // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Том II. С. 315; *Сокольский Н.И.* Виноделие в Азиатской части Боспора (на материалах археологических раскопок) // СА. 1970. № 2. С. 75; *Долгоруков В.С.* Фанагорийская виноделья I–II вв. н.э. // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 78; *Кругликова И.Т.* Боспор. Сельское хозяйство и промыслы // АГСП. С. 154.

[20]*Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре.

[21]*Борисова В.В.* Керамическое производство. Херсонес // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. САИ. Вып. ГI–20. М., 1966. Табл. 16: 1.

[22]*Кругликова И.Т.* О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 222. Рис. 1.

[23]*Алексеева Е.М.* Коропластика Горгиппии // Тайны терракоты. Краснодар, 1987. С. 53.

[24]*Белов Г.Д.* Терракоты из Херсонеса // Терракоты Северного Причерноморья. СИА. Вып. ГI–11. М., 1970. Табл. 13: 4.

[25]*Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки. САИ. Вып. ГI–11. Часть IV. М., 1974. С. 44.

[26]*Цветаева Г.А.* Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. № 1. С. 138.

[27]Ср., например, коллекцию амфор из Танаиса: *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Комплекс находок из подвала МБ II–III вв. н.э. // Вестник Танаиса. Вып. I. Ростов-на-Дону, 1994. С. 71, 72, 91; *Они же.* Усадьбы Танаиса. М., 1992. С. 103-136. Во всем остальном набор находок из синхронных горгиппийским подвалам усадеб Танаиса аналогичен.

[28]*АГСП.* Табл. LXV, 23.

[29]*Шелов Д.Б.* История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. С. 163.

[30]*Кругликова И.Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II–III вв. н.э. // Культура античного мира. М., 1966. С. 62.

[31]*Алексеева Е.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Горгиппия. Продукция железоделательного и железообрабатывающего ремесла // СА. 1994. № 3.

[32]*Grandjean Y.* Tyerés on supports // BCH. 1985. V. CIX. I; *Morris S.* LA ANA: A contribution to the History of Greek Kitchen // Hespreia. 1985. Vol. 54. № 4.

[33]*Трейстер М.Ю.* Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Том II. Краснодар, 1982. С. 162.

[34]*Кругликова И.Т.* Бронзовая гидрия из Анапы // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 67.

[35]*Кругликова И.Т.* Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 93; *Алексеева Е.М.* Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4. Рис. 3, 5.

[36]*Ransom G.L.* Couches and Beds of the Greeks, Etruscans and Romans. Chicago, 1905. P. 30; *Fuchs W.* Der Schiffsfund von Mahdia. Tübingen, 1963. S. 31. T. 45–49.

[37]*Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979. С. 96.

[38]*Тенишева М.* Бронзовая эмалевая чаша I–II веков, найденная в римском погребении Намюра. М., 1912; *Leman-Delerive G.* Une plaque émallée celtique découverte à Paillart (Oise) // Gallia. Tome 44. 1986. Fascicule 1. P. 29–45.

[39]*Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 52.

[40]*Блаватская Т.В.* Игральные кости из Пантикапея // Listy filologike. 1959. VIII. Eunomia. III, 2. С. 68.

[41]Выводы Н.А. Фроловой на систематизированных материалах из раскопок 1967–1991 гг.

[42]*Schönert-Geiß E.* Die Münzpräsung von Byzantion. Teil I. Autonome Zeit. Berlin – Amsterdam, 1970. S. 128. Taf. 38.

[43]*Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. // Горгиппия. Том I. Краснодар, 1980. С. 119. № 342.

[44]*Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 129, 195.

[45]*Зограф А.Н.* Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. 1945. Том I. С. 60.

[46]*Голенко К.В.* Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках // Палестинский сборник. М. – Л., 1964. Вып. 11 (74). С. 58; *Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. 1965. Вып. V. С. 46–48.

[47]*Карышковский П.О.* Денежное обращение Ольвии в конце II и первой половине I в. до н.э. // НЭ. V. С. 64–66.

[48]BMC. Pontus, Paflagonia, Bithynia and the Kindom of Bosporus. 1889. Pl. XIX, 7. (Далее по схеме: BMC. XIX, 7).

[49]*Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл. XVIII, 23. В дальнейшем по схеме: З. XVIII, 23.

[50]З. XVIII, 21 — 3 экз.; BMC. III, 1 — 2 экз.; *Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. Paris, 1904. Vol. II. Fasc. 1. Pl. VIII, 1–4.

[51]BMC. XXIII, 1–2.

[52]*Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения... С. 47.

[53]*Голенко К.В.* Монетная медь... С. 72. Табл. I, № 5.

[54]Шапки Диоскуров — тирс: BMC. I, 11–12.

[55]Communae Asiae — конференция городов Азии, учрежденная Августом для чествования Рима и императора: *Grueber H.A.* Coin of the Roman Republic in the British Museum. London, 1910. Vol. I–III. P. 538. № 252. Pl. LXVII, 9.

[56]*Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 68. № 110.

[57]*Babelon E., Reinach Th.* Recueil général... P. 29. ą 10. Pl. IV. F. 12.

[58]*Sydenham A.* The Coinage of Caesarea in Cappadokia. London, 1933. P. 80. № 290. Fig. 71.

[59]*Кругликова И.Т., Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия. Том I. Краснодар, 1980. С. 110. № 140.

[60]*Зограф А.Н.* Распространение находок античных монет на Кавказе. С. 48.

[61]Тип: идущий Марс. *Зограф А.Н.* Распространение античных монет на Кавказе. Табл. III, 3–5.

[62]*Крушкол Ю.С.* Находки античных монет в Анапском районе // НЭ. 1965. Вып. V. С. 51.

[63]*Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения... С. 49.

[64]*Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884. Часть I. Табл. XVI, 109. В дальнейшем: Бур.

[65]III–II вв. до н.э. (З. XXVIII, 11, 13); около 235 г. н.э. (Бур., XII, 74); с изображением Каракаллы (Бур. XII, 33) и Александра Севера (Бур. XII, 76).

[66]Ш. IV, 47 = *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. Табл. IV, 47.

[67]*Зограф А.Н.* Античные монеты. С. 177–179.

[68]*Шелов Д.Б.* Материалы к истории денежного обращения... С. 41.

[69]*Фролова Н.А.* Уникальный клад боспорских монет III вв. до н.э. – 238 г. н.э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) // ВДИ. 1996. № 2. С. 44.

[70]*Фролова Н.А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. С. 131. № 97.

[71]*Брашинский И.Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской // НЭ. 1965. Вып. V.

[72]*Брашинский И.Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984. С. 54.

[73]Там же. С. 89.

[74]Там же. С. 158.

[75]*Bon A.-M. et Bon A.* Les timbres amphoriques de Thasos // Etudes thasiennes. Paris, 1957. Vol. IV; *Виноградов Ю.Г.* Керамические клейма острова Фасоса // НЭ. 1972. Вып. X. С. 3; *Debidour M.* En classant les timberes Thaisiens // BCH. 1986. Suppl. XIII. Recherches sur les amphores grecques.

[76]*Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса. М., 1975. С. 6.

[77]*Цветаева Г.А.* Расписная керамика из Горгиппии (по материалам раскопок 1960–1972 гг.) // Горгиппия. Том I. С. 74.

[78]*Лосева Н.М.* Об импорте и местном производстве "мегарских" чаш на Боспоре // МИА. 1962. № 103. С. 195; *Шелов Д.Б.* Находки в Танаисе "мегарских" чаш // Античные древности Подонья – Приазовья. М., 1969. С. 220; *Усачева О.Н.* Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 100.

[79]*Книпович Т.Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 289.

[80]*Löschcke S.* Sigillata — Töpferčien in Tschandarli // AM. 1912. XXXVII. S. 344.

[81]*Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.

[82]*Hacin J.* Recherches Archéologiques à Begram. Paris, 1939. Pl. XII–XIV.

[83]*Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Том II. С. 75.

[84]*Сорокина Н.П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1949 гг. // МИА. 1962. № 103. С. 213.

[85]*Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 146.

[86]*Кунина Н.З.* Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 101.

[87]*Сорокина Н.П.* К вопросу об экономических связях государств Северного Причерноморья в I в. н.э. // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 217.

[88]*Сорокина Н.П.* Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков нашей эры // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. М., 1982. Вып. 54. Часть II. С. 43.

[89]*Кругликова И.Т.* Бронзовая гидрия из Анапы.

[90]*Арсеньева Т.М.* Светильники Танаиса. М., 1988. С. 131, 132.

[91]*Pernice E.* Gefässe und Geräte aus Bronze // Die hellenistische Kunst in Pompeji. Berlin – Leipzig, 1925. T. XV.

[92]*Picard Ch.* Lamps de Bronze alexandrines à Volubilis et Banasa (Maroc) // RA. 1955. Vol. 45, 1, 2. P. 63.

[93]*Echolm G.* Romerska vinscopor och kärlow Hemmoortyp i Skandinaviska fynd // Upplands Forminnesförenings Tidskrift, 1934. S. 16. T. XLV, 2; *Ondrouch V.* Bohaté hroby z doby rimskej na Slovensku. Bratislava, 1957. S. 96.

[94]*Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67.

[95]*Трейстер М.Ю.* Фибулы из Горгиппии. С. 150.

[96]*Almgren O.* Studien über nordeuropaischen Fibelform. Stockholm, 1987. S. 99.

[97]*Wheeler I.R.* A bronze statue of Heracles in Boston // AJA, 1906. X.

[98]*Boube-Piccot Ch.* Les bronzes antiques du Maroc. I. La statuaire. Planches // ETAM. 1969. T. IV.

[99]*Белов Г.Д.* Бронзовые статуэтки Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 23.

[100]*Boucher St., Tassinari S.* Bronze antiques. Lyon, 1976.

[101]*Кругликова И.Т.* Бронзовый бюст Изиды.

[102]См. сноску 38 настоящей главы.

[103]См. сноски 36 и 37 настоящей главы.

Глава V

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА

Общественная жизнь древних обществ, в том числе и античного, обычно имеет ярко выраженную культовую окраску. О почитании в Горгиппии богов греческого пантеона и распространении различных синкретических культов сохранилось немало свидетельств среди памятников эпиграфики, монументального искусства, предметов мелкой пластики и быта. Здесь поклонялись многим богам, популярным в эллинском мире, в различных ипостасях.

Экономическая жизнь Горгиппии была тесно связана с морем, поэтому здесь был популярен культ Посейдона. Он существовал как официальный общественный культ. Надпись второй половины II в. сообщает о восстановлении разрушенного до основания храма Посейдона и установке в нем статуй бога (КБН 1134). Эти реконструкционные работы произведены попечением фиаса навклеров, судовладельцев, возглавляемого представителями государственной власти высшего ранга, частично они финансировались царем Савроматом II. Общегосударственный характер культа отвечал общегосударственному почитанию бога как покровителя правящей династии на Боспоре. Известно, что боспорские цари вели свой род от мифических предков — Геракла, Посейдона и сына последнего Эвмолпа. Во времена Спартокидов такая родословная подчеркивалась династическими эмблемами в виде трезубца и дельфина, а в римское время зафиксирована в надписях[1]. Кроме горгиппийского документа навклеров и пантикапейской посвятительной надписи времени Асандра (47–17 гг. до н.э.) на Боспоре найдены еще четыре надписи, упоминающие Посейдона. Все они подчеркивают генеалогическое родство с Посейдоном царей одной династии (Рескупорида II, Савромата I, Рескупорида III), правивших с конца I по начало III в. н.э. (КБН 53, 980, 1048)[2]. Пристальное внимание государства к восстановительным работам горгиппийского храма Посейдона на рубеже II и III вв. явилось данью официальной генеалогии царей и способствовало укреплению царствующей династии. Культ Посейдона был широко распространен особенно среди ионийцев, где также

считался покровителем рода и фратрий. Место нахождения храма Посейдона в Горгиппии не известно. По аналогии со многими центрами Эллады можно предположить, что он располагался в прибрежной части города.

В Пантикапее Посейдон Сосиней (Спаситель кораблей) почитался вместе с Афродитой Наархидой (Судоначальницей), о чем свидетельствует надпись второй половины I в. до н.э. (КБН 30). В Горгиппии также поклонялись Афродите Наархиде, ей при Савромате I был воздвигнут храм. Храм построил на собственные средства наместник города Фарнакион, сын Пофа, согласно данному обету (КБН 1115).

В почитании Геракла в Горгиппии очевидны два аспекта. Одна сторона культа восходит также к уже упомянутой генеалогической легенде боспорских царей, что позволяет предположить официальный характер культа Геракла на Боспоре, в том числе и Горгиппии, со второй половины I по середину III в. н.э. В обстановке подъема Боспорского государства во II в. происходило усиление центральной власти. Незыблемость генеалогии провозглашалась в почетных надписях и отражалась в монументальном искусстве. Стремление увековечить божественную генеалогию нашло отражение в выпуске Савроматом II серии монет с изображением канонических подвигов Геракла[3]. Одна из монет этой редкой серии найдена при раскопках Горгиппии, на реверсе ее Геракл держит на плечах эриманфского вепря (Рис. 60)[4].

Очевидно, не случайна одновременность восстановления в Горгиппии храма Посейдону сооружения склепа с живописным изображением двенадцати подвигов Геракла (Табл. 256–259). Анапский склеп 1975 г. с фресковой росписью (ограбленный в древности), соседние с ним скальный склеп с золотыми находками и скальная могила с богатым погребальным инвентарем составляют, по-видимому, единый погребальный комплекс[5].Это доказывается компактностью расположения трех указанных погребальных сооружений и тождественностью уникальных золотых литых перстней с геммами на николо, найденных как в могиле, так и в скальном склепе. В древности три усыпальницы должны были быть перекрыты одной курганной насыпью, остатки которой в виде каменных набросков уцелели над сводом каменного склепа (насыпь снивелирована современной Анапой). Место являлось рядовым для захоронений одной семьи. Обилие золотых вещей и высокохудожественных изделий, наличие парадного оружия, — все свидетельствует о знатности рода погребенных. В каменном склепе с мужским погребением найдена золотая гривна, что по мнению некоторых исследователей является символом власти. Вместе с гривной лежал золотой венок с изображением на центральном щитке покровительницы Боспорского царства Афродиты Урании[6], а в скальной могиле — литой золотой перстень с вырезанной на николо царской тамгой[7]. Мы полагаем, что усыпальницы принадлежали семье одного из городских магистратов, который назначался центральной властью и мог иметь родст-

венные связи с царской семьей, что и подтверждается наличием на перстне царской тамги (Рис. 61). Очевидно поэтому изображение на фресках каменного склепа двенадцати подвигов Геракла несет в себе идею генеалогической связи семьи покойного с этим героем и определяет принадлежность его к правящей династии. Для подтверждения этой основной идеи росписи во фриз, повествующей о подвигах Геракла, включен семейный портрет (Рис. 62). Геракл признавался родоначальником правящей династии не только на Боспоре. Он был объявлен героем-эпонимом дорийцев и дорийских колоний в Причерноморье: Гераклеи Понтийской, Калатии, Херсонеса, Месембрии[8]. Согласно преданию эллинов, живущих на Понте, Геракл дал жизнь родоначальнику скифских царей, сочетавшись с местной змееногой богиней (Herod., IV, 8–10)[9].

Рис. 61. Гемма на николо: Афина в шлеме с копьем и щитом. Золотой перстень из гробницы первой половины III в.; некрополь Горгиппии.

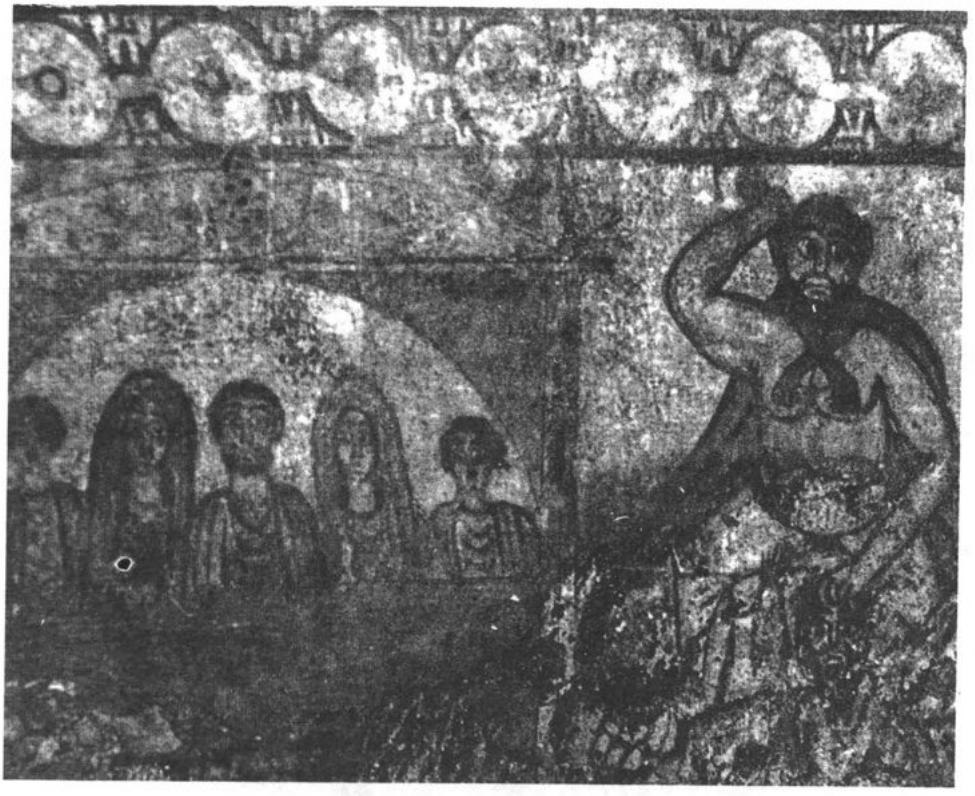


Рис. 62. Фреска Анапского склепа 1975 г.: семейный портрет.

В склепе с фресковой росписью на полу найдена часть мраморной скульптуры: рука, держащая канфар. Обломок, скорее всего, принадлежал скульптурному изображению пирующего Геракла. Этот сюжет был распространен, в частности, на херсонесских стелах с изображением возлежащего Геракла, с сосудом в руках Геракл размещался и около алтаря[10]. Эта находка вместе с фресками склепа подчеркивает другую сторону культа Геракла — хтоническую сущность его образа, восходящую к идее постоянного возобновления жизни. Тем самым культ Геракла в Горгиппии находится в сложном единстве с общераспространенными земледельческими культами Боспора. Связь Геракла с хтоническими культами сложилась издревле. Один из канонических подвигов героя — спуск его в Аид через Ахерузскую пещеру, извлечение оттуда Кербера и затем возврат его в царство мертвых несет в себе идею бессмертия и провозглашает победу над смертью. На Ахерузском мысу экспедицией Австрийской академии наук исследован культовый комплекс эллинистического и римского времен, связанный с почитанием хтонического

Геракла[11]. Геродот (II, 44) отмечает, что некоторые эллинские города "воздвигают два храма Гераклу. В одном храме ему приносят жертвы как бессмертному олимпийцу, в другом — заупокойные жертвы как герою". Гераклу устраивали святилища и чтили его обильными трапезами с возлияниями, что само по себе характерно для культовых отправлений хтоническим богам. Эпиграфические документы с о. Коса содержат подробный перечень многочисленных съестных приношений Гераклу[12]. В Афинах 12 домов избирали 12 паразитов — прислужников специальных культовых трапез в честь Геракла[13]. Виноградные грозди, печенья, хлебцы, сопровождающие изображения пирующего Геракла, являются атрибутами хтонического культа. Эти изображения сопоставимы с распространенными сценами загробных трапез. Сцена пира в заупокойном культе символизирует вечность жизни и бессмертие души. Отправления культа Геракла перекликаются с обрядностью земледельческих культов, которым также свойственны обильные трапезы. Сам образ героического борца со смертью указывает на отношение Геракла к элевсинским мистериям. Аполлодор сообщает (II, 5, 12), что, готовясь к спуску в Аид, Геракл был допущен к участию в элевсинских мистериях. Тем самым он оказался связанным с подземными богами и хтоническим культом. Поэтому на ольвийских монетах эпохи эллинизма сочетаются атрибуты Деметры и Геракла — изображение палицы помещено в венок из колосьев[14]. Поэтому также культ Геракла связан с культом Кабиров, а изображение Геракла и его атрибутов присутствуют в росписях ваз Фиванского Кабириона[15]. На о. Делосе святилище Геракла построено вблизи Кабириона.

Культ хтонического Геракла перекликается и с культом Гермеса. В Гераклее Понтийской Геракл был признан учредителем погребальных агонов[16]. В Херсонесе известны совместные изображения Геракла с Гермесом, что связано с их почитанием как богов подземного мира[17]. Мифы сообщают, что меч Гераклу подарил Гермес (Appollo., II, 4, 11), он был проводником Геракла при спуске в Аид за Кербером.

Фрески Анапского склепа 1975 г. повествуют о двенадцати великих подвигах Геракла, совершенных героем во время двенадцатилетней службы у микенского царя Эврисфея. Картины с подвигами Геракла на стенах склепа образуют особый фриз, вытянутый вдоль двух боковых стен погребальной камеры. На этом фризе подвиги представлены не в принятом каноническом порядке — сохранен условный порядок только двух первых и трех последних, положенное место занимает четвертый подвиг, остальные шесть переставлены местами.

Неясно, когда оформилась традиция о 12 подвигах Геракла. Служба его у Эврисфея известна Гомеру, ранним поэтам трагикам, Павсанию. Признанные каноническими 12 подвигов изложены в сжатом систематизированном виде в мифографическом произведении афинского грамматика II в.

до н.э. Аполлодора, в его "Библиотеке" (II, 5). Из анализа этого произведения ясно, что ко II в. до н.э. уже сложилось понятие об основных трудах Геракла — ἆθλοι в отличие от его побочных дел — πάρεργα. Порядок, в котором перечисляются подвиги у древних авторов, обычно произволен. Порядок размещения подвигов Геракла на стенах Анапского склепа отличается как от порядка Аполлодора, так и от условного канонического, видимо, еще более позднего происхождения[18].

Иконография большинства картин фриза с подвигами Геракла горгиппийского склепа соответствует образцам, сложившимся традиционно в искусстве II–III вв. Картины имеют параллели в синхронных скульптурных композициях на саркофагах, погребальных стеллах, мелкой пластике Боспора и Средиземноморья, монетных сериях.

Сами подвиги Геракла, череда его трудов — это символ вечно развивающейся жизни. Именно поэтому среди картин с подвигами этого героя на стене Анапского склепа размещен семейный портрет владельцев усыпальницы.

Памятники, свидетельствующие о популярности Геракла в Горгиппии, разновременны и разнообразны. Изображения Геракла появились в Анапской бухте с первыми торговцами из метрополии. На раннем этапе существования города в нем распространяются клейменые фасосские амфоры с эмблемой стреляющего из лука Геракла и головой Геракла в львиной шкуре. Терракотовая голова бородатого Геракла найдена в городской яме с материалом IV в. до н.э. (Т: 34)*, частые граффити "Н" на чернолаковой посуде могут быть посвящены Гераклу — Ἡρακλεῖ. Из помещения 41 дома 15 конца III – середины I вв. до н.э. происходит пирамидальный грузик, помеченный оттиском геммы: Геракл с палицей (Табл. 76:6). В Горгиппии найдены разновременные терракотовые статуэтки, изображающие Геракла, выполненные из местной глины. К I в. до н.э. относится герм, изображающий закутанного в плащ Геракла с палицей[19]. В культурном слое рубежа тысячелетий найдены фигурки стоящего обнаженного Геракла, опирающегося правой рукой о палицу. На его груди узлом связаны лапы львиной шкуры, в левой руке Геракл держит лук (Т: 35, 36). Фрагмент подобной статуэтки из Горгиппии датирован И.Т. Кругликовой эпохой эллинизма. Трактовка образа Геракла на этих статуэтках, действительно, имеет параллели среди эллинистических терракот Боспора[20]. Подобные статуэтки и в Горгиппии найдены в эллинистических слоях (Табл. 183). Однако большинство горгиппийских статуэток отличает грубость исполнения: они сплошные, тяжелые, без отверстий для продуха, с плоской нерасчлененной подставкой. На горгиппийских статуэтках рубежа

* Здесь и далее "Т" = терракоты и соответствующий номер на таблицах 178–200 со сквозной нумерацией.

тысячелетий сохранился иконографический образ Геракла, популярный на Боспоре еще в эпоху эллинизма. В культурном слое поздней Горгиппии найдена бронзовая фигурка Геракла (Табл. 173). Она имеет аналогии среди бронзовой скульптуры II–III вв. Обычно на подобных изображениях в левой руке Геракл держит палицу, также через левую руку бывает перекинут плащ или шкура[21].

В культурном слое городища среди разновременных находок античного времени найдена терракотовая форма для оттиска низкого рельефа, возможно, на алтарике. Рельеф изображал Геракла, держащего за рога Керинейскую лань (Т: 97). Композиция восходит к лисипповскому прототипу Геракла с ланью[22]. Возлежащий отдыхающий Геракл изображен на крупной терракоте из слоя пожара горгиппийского дома IV – первой половины III в. до н.э. (Табл. 195).

Геракл, подобно Гермесу, был особенно почитаем в гимнасиях. Эта сторона его культа должна была получить отражение и в Горгиппии — городе, где должность гимнасиарха упомянута в надписях рядом с другими государственными магистратурами и где устраивались увековеченные регистрами спортивные состязания. Популярность Геракла на Боспоре подтверждается пересказанной Страбоном (XI, 2, 10) легендой, по которой Геракл представлен защитником Афродиты Апатуры. Богиня обманом одолела напавших на нее гигантов, заманивая их поодиночке в пещеру, в которой прежде спрятала Геракла. Он, в свою очередь, умертвил гигантов. Взаимосвязь Афродиты и Геракла улавливается и в посвятительной надписи царицы Комосарии, упоминающей Горгиппа (КБН 1015). Надпись сообщает о посвящении Санергу и Астаре, совершенном дочерью Горгиппа. Бог Санерг олицетворял силу и по значению соответствовал малоазийскому Сандону и греческому Гераклу. Богиня Астара идентифицируется с финикийской Ашторет и вавилонской Иштар, от которых ведет происхождение Афродита[23].

Культ Афродиты в Горгиппии был также официальным. Популярность богини засвидетельствована многочисленными находками ее изображений, среди которых отмечено не менее десяти иконографических разновидностей. Из Горгиппии происходят глиняные, бронзовые и мраморные фигурки Афродиты, образ ее украшают найденные в городе произведения торевтики. Основная масса изображений Афродиты в Горгиппии относится к рубежу тысячелетий и I–II вв. н.э., лишь отдельные находки связаны с эпохой эллинизма. Многообразие типов выявляет разные стороны культа и представляет богиню в различных ипостасях.

Как отмечалось, в Горгиппии почиталась Афродита Наархида и ей на рубеже I и II вв. был выстроен храм, что свидетельствует об официальном характере культа. Непрерывное существование на Боспоре культа Афродиты продолжалось не менее восьми веков, но именно во II в. н.э. этот культ утвер-

ждается в значении общегосударственного и параллельно с чтимой всеми Афродитой Апатурой получает развитие зародившийся в I в. до н.э. новый аспект культа — почитание богини в ипостаси Наархиды[24].

Афродита Урания (Небесная) неоднократно представлена на золотых и серебряных украшениях из Горгиппии, она изображалась со скипетром в сопровождении одного или двух Эротов. Прямоугольный щиток со штампованной полуфигурой Афродиты помещен в центре золотого венка из анапского скального склепа II – середины III в. Шея богини на этом щитке украшена ожерельем с подвесками, из-за левого плеча ее выступает фигурка Эрота, справа помещен скипетр (Рис. 60). Две круглые броши из могил городского некрополя — одна серебряная из комплекса I в. н.э., другая золотая из комплекса I–II вв.[25] — также представляют Афродиту погрудно в диадеме над пышными волосами с ожерельем на шее (Рис. 63, 64). За плечами богини два крылатых Эрота, спереди справа налево вытянут скипетр. По-видимому аналогичный сюжет украшал серебряный медальон, найденный в могиле горгиппийского некрополя, датированной И.Т. Кругликовой II в. до н.э.[26] Сводка подобных анапским штампованных украшений эллинистической эпохи и первых веков н.э. составлена Л.К. Галаниной при описании впускного погребения I в. н.э. из Курджипского кургана[27]. И.И. Гущина публикует аналогичные изображения на бронзовых бляшках I–II вв. н.э. из Бельбекской долины в Крыму и называет представленное на них женское божество Афродитой или Великой богиней-матерью[28]. Тип Афродиты с двумя Эротами за плечами известен коропластике еще в III в. до н.э.[29]

Рис. 63. Золотой медальон: Афродита с двумя Эротами. Погребение I в., некрополь Горгиппии.

Керченская плита II в. до н.э. из местного известняка представляет летящую на лебеде Афродиту со скипетром в левой руке и крылатым Эротом слева[30]. Плита содержит посвятительную надпись Афродите Урании, владычице Апатура (КБН 75) и тем самым определяет местный иконографический образ богини в ипостаси Урании. В вазовой росписи подобное изображение Афродиты, стоящей на лебеде со скипетром в сопровождении двух Эротов, сочетается с фигурами Диониса и Гермеса[31], свидетельствуя о сложном синкретизме культов и заимствовании из метрополии местного типа богини-покровительницы. На монетах Савромата II покровительница государства Афродита Урания изображена с яблоком в правой руке и скипетром в левой, у ног ее стоит Эрот, перед богиней помещен бюст императора[32]. Синкретизм

культа подтверждает еще одна золотая бляха из горгиппийского некрополя (Рис. 65). Обычное изображение Афродиты со скипетром и двумя Эротами дополнено сценой терзания двух зверей (лису терзает собака ?) — настигнутое животное обернулось к напавшему. Это дополнение, скорее, символизирует культ Артемиды, но может отдавать дань и распространенному в Северном Причерноморье сюжету терзания — благого терзания, то есть смерти во имя жизни. Анапские штампованные украшения из золота, изображающие Афродиту с символом власти, происходят из комплексов I–II вв. н.э. В культурном слое городища найден бронзовый штамп для оттиска бюста Афродиты Урании с Эротом и жезлом (Рис. 56). С культом Афродиты Урании, возможно, связаны глиняные фигурки лебедей, найденные в горгиппийском доме II в. до н.э. (Т: 76–78). Обычно с образом Афродиты Апатуры связывают терракотовые фигурки, изображающие стоящую женщину в высоком головном уборе, закутанную в гиматий и придерживающую на груди его край[33]. Такие статуэтки найдены и в Горгиппии (Т: 56, 58, 70, 71, 107, 146–154), а также в ее окрестностях[34].

Рис. 64. Серебряный медальон: Афродита с двумя Эротами. Погребение I в., некрополь Горгиппии.

В обрядовом отношении культ Афродиты выступает и как домашний — изображения ее встречены на бытовых предметах при раскопках жилых домов и могил городского некрополя.

Афродита Анадиомена, рожденная морем, на терракотовой статуэтке II в. до н.э. укрывается в раковине (Т: 6), на бронзовых ключах (Табл. 177: 1, 2) и золоченой бронзовой фигурке II в. она выжимает волосы[35], на терракотовых статуэтках рубежа тысячелетий она стоит рядом с дельфином[36].

Афродиту, богиню красоты, возлежащую и увенчанную диадемой, представляет терракотовая статуэтка I в. до н.э. – I в. н.э.[37] Афродита, покровительница любви, на глиняном рельефе начала III в. стоит у алтаря рядом с Потосом, олицетворением страсти, изображенным в виде маленькой фигурки бородатого мужчины[38]. На терракотовой статуэтке из могилы первой половины I в. Афродита изображена с Эротом около гермы Приапа, ее сына, бога плодородия и покровителя стад (Т: 5). В горгиппийском доме I в. н.э. найдена хорошей работы фигурка Афродиты Анадиомены с дельфином около гермы Приапа (Т: 179).

Рис. 65. Золотой медальон: Афродита с Эротами.
Погребение I в., некрополь Горгиппии.

Горгиппию украшали и мраморные статуи Афродиты. Сохранилась голова богини от фигуры высотой около метра, датируемая I – началом II вв.[39] Возможно, подобной статуе Афродиты принадлежит головка конца III в. до н.э., хранящаяся в Государственном музе Грузии[40]. Обе эти головки относятся к распространенному в греческой пластике типу юной девушки или богини. Черты лица ее обобщены, идеализированы и лишены портретной индивидуальности. Пышные волосы разделены прямым пробором, уложены

с помощью ленты широким валиком и сзади собраны в узел. Отсутствие каких-либо атрибутов сохраняет условность отождествления изображений с Афродитой. Небольшой мраморной фигурке конца II – начала III вв. принадлежит голова Афродиты в диадеме[41]. В городской яме с разновременным материалом, но функционировавшей до сооружения здания конца I в. н.э. найдена еще одна мраморная головка типа "мраморных Афродит", но с иной прической. Видимо, она принадлежит скульптурному изображению эпохи эллинизма (Рис. 66). В подвале дома, заключенного внутри мощной цитадели в северо-восточном углу города, погибшей во всеобщем пожаре Горгиппии 240 г., найдена скульптурная группа и мраморовидного известняка — Афродита с Эротом. Она разбита и пострадала в огне, возможно, что на ней были изображены и другие персонажи (Рис. 67).

С культом Афродиты связана находка в слое городища бронзовой фигурки летящего Эрота (Табл. 174). На крыльях гравировкой передано оперение, левую руку украшает навитый сверху браслет, прическа собрана в высокий локон надо лбом, лицо и волосы детально проработаны. Фигурка тяжеловата, голова непропорционально велика. Подобные изображения Эротов Лампадофоров, исполненные еще более посредственно, распространены в римских провинциях[42]. От-

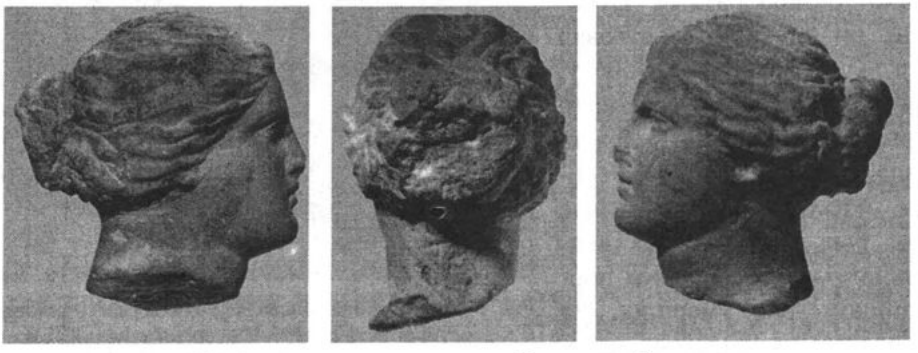


Рис. 66. Мраморная женская голова. Эллинизм. Горгиппия.

тиском геммы с изображением стреляющего из лука Эрота помечено глиняное грузило из горгиппийской глины, происходящее из культурного слоя с преобладанием находок эллинистического времени (Рис. 68).

Официальный характер носил в Горгиппии также и культ Гермеса. В первой половине III в. до н.э. на протяжении многих лет в городе устраивался праздник в честь Гермеса, сопровождавшийся спортивными состязаниями (КБН 1137). Культ Гермеса в городе был и домашним — маленькие гермы с изображением бога встречены при раскопках жилых домов, они клались в могилы и служили вотивными приношениями в храмы (Т: 50, 54, 103, 180–185). В Горгиппии найдена форма для оттиска терракотовых гермов. Здесь известны посвященные богу граффити ЕР (Ἑρ[μεῖ]) — Гермесу[43], найдены бронзовые фигурки бога (Табл. 176: 1,2). Аналогичные небольшие бронзовые фигурки обнаженного Гермеса-Меркурия в петасе с плащом, кошельком и кадуцеем в первые века нашей эры пользовались популярностью во многих центрах античного мира[44]. В горгиппийском доме II – начала I в. до н.э. найдено клеймо с маленькой фигуркой Гермеса — им отмечено горло кругового кувшина (Табл. 76: 3), сердоликовая гемма с подобной фигуркой Гермеса найдена в могиле I в. н.э. (вставка в бронзовый перстень, который полностью коррозирован: Рис. 69).

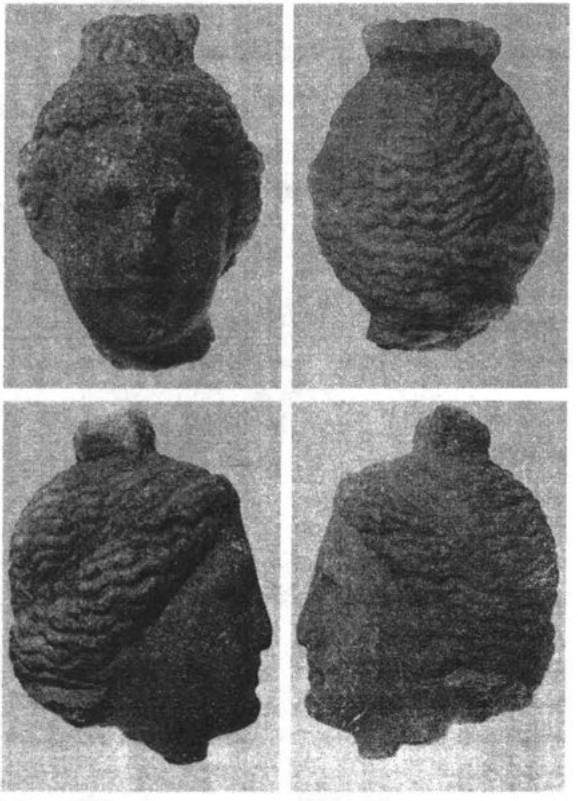


Рис. 67. Мраморная голова Афродиты (часть композиции Афродита с Эротом), горгиппийский дом, сгоревший около 240 г.

В античном обществе Гермес был очень популярен, богу приписывались чрезвычайно разнообразные функции: он покровительствовал торговле, ловкости, успеху, случайному счастью находки, охранял пастбища и множил стада, приносил удачу путникам, посылал благоприятные сны, был связан с заклинательной магией, являлся проводником душ умерших. На основании имеющегося материала трудно выявить наибо-

лее характерные черты почитания Гермеса в Горгиппии. Находки итифаллических терракотовых гермов (Т: 50–53, 180–182, 184, 185) освещают сторону культа, связанную с почитанием производящих сил природы. Известно, что Гермес Кадмил был тесно связан с божествами плодородия в культе Кабиров. Итифаллические гермы найдены не только в городе, но также и в окрестностях Горгиппии в сельских домах эллинистического времени. Гермеса, покровителя земледелия и аграрной территории, совместно с Гераклом почитали в Херсонесе и внутренних областях Фракии[45]. Находки гермов на территории городского некрополя свидетельствуют о культе Гермеса Психопомпа, проводника душ в царство мертвых. Очевидно, в торговом городе, каким являлась Горгиппия, почитался покровитель торговли —Гермес Агорей.

В эллинистический период в Горгиппии был популярен Гермес Ἀγωνίος — покровитель гимнасиев, палестр, состязаний и молодежи. На празднике в честь него устраивали спортивные состязания. В античном мире Гермеи были популярны в целом ряде мест: Афинах, Беотии, Сиракузах, Пергаме, Сесте, Теосе, Одессе, на Саламине, Делосе, Самосе, Боспоре Фракийском, Ольвии, Херсонесе; в Аргосе и Беотии они справлялись в месяце Ἑρμαῖα, приходившемся на рубеж зимы и весны[46]. Это был праздник преимущественно детей и юношества. Известно, что в Теосе и Одессе во время Гермей юноши увенчивали свои гимнасиархов[47]; в Афинах, на Делосе и Боспоре Фракийском они совершали ритуальный бег с факелами. Состязания на Гермеях в разных местах были неодинаковы. Так, в Элевсине и Беотии состязались колесницы, в Теосе соревновались в стрельбе из лука и метании копья, наиболее популярными были различные соревнования в беге. Э.О. Берзин, произведя сравнительный анализ уцелевших сведений о Гермеях в различных центрах античного мира, пришел к выводу о несомненности военного характера проводившихся на празднике состязаний[48]. Найденная в Анапе в 1895 г. мраморная плита с почетными агонистическими списками этих состязаний подверглась неоднократным исследованиям[49]. Горгиппийская почетная плита содержит четыре списка, по два на каждой из сторон. Списки самостоятельны, имена одинаковых уровней столбцов не синхронны. Заголовок столбца AII сообщает, что перечисляемые ниже лица победили на празднике в честь Гермеса — Ἑρμαῖα. Это заголовок исследователями надписи обычно распространяется на четыре ее списка. Лица, представленные в списке AII (51 победитель), соревновались в длинном беге — δόλιχος. Участники этого вида соревнования должны были

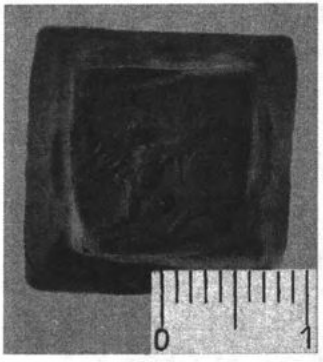


Рис. 68. Оттиск геммы на глиняном грузике: Эрот стреляет из лука, внизу дельфин. Горгиппия, дом конца III – середины I вв. до н.э.

8 Зак. 1779

несколько раз обежать стадий, что в сумме составляло не менее 4000 м[50]. Столбец AI представляет 57 победителей, состязавшихся в эуексии — ε[ὑε]-ξία. Конкретный характер этого вида состязаний не вполне ясен. Э.О. Берзин сравнительным анализом установил, что в других центрах эуексия встречается всегда среди упражнений чисто военного характера. Он сопоставил горгиппийскую эуексию с афинскими состязаниями, обозначавшимися термином εὐανδρία, символизировавшими телесную силу и красоту. Исследователи горгиппийской надписи термин εὐεξία переводят как состязания в "крепости тела". На основании полутора уцелевших букв и исходя из отведенного пространства, Э.О. Берзин предлагает восстановление подзаголовка к списку БII: [τήν λαμπάδι] ἐν[ίκησαν], то есть бег мальчиков с факелами. Список содержит имена 57 победителей. Столбец БI включает 61 имя, вид состязаний неизвестен. Просопографический анализ надписи позволил установить, что промежуток между соревнованиями в Горгиппии равнялся одному году. Плита была рассчитана на запись результатов 47 состязаний, эти сведения зафиксированы единовременно одной рукой. Результаты последующих 14 состязаний вносились дополнительно, списки прерваны внезапно, в результате чего низ плиты оказался использован неполностью. Таким образом, горгиппийский регистр охватывает промежуток времени, равный 61 году. Для сравнения отметим, что олимпийские и пифийские регистры велись не прерывно несколько сот лет.

Рис. 69. Гемма на сердолике: Гермес. Погребение I в., некрополь Горгиппии.

Всего в надписи из Горгиппии представлено 226 победителей, на которых приходится 170 различных имен. Некоторые имена с отчествами повторены в разных списках: 35 сочетаний встречены дважды, 4 — трижды. Списки содержат 14 пар лиц со взаимнообратимыми именами и отчествами (например, Пагурион, сын Горгия и Горгий, сын Пагуриона), в 31 паре имя одного победителя является отчеством другого. Вряд ли в надписи имеет место такое большое совпадение имен — скорее, следует считать, что списки охватывают два поколения и содержат имена отцов с сы-

новьями. Доказательством этому служит определяемый порядком перечисления средний возрастной разрыв между такими лицами, он равен 26 годам. Исходя из строгой закономерности в последовательности побед одних и тех же лиц во всех 39 случаях двойных и тройных выигрышей, Э.О. Берзин выявил порядок побед, среди которых наиболее ранним он считает состязание по списку БII, далее с небольшим интервалом следуют списки AI и AII, список БI является последним. Известно, что, например, в Афинах и Ионии состязания проводились по трем возрастным группам: 12–16 лет, 16–20 и старше 20[51]. Горгиппийский каталог фиксирует наибольший разрыв между победами одного лица в 6–7 лет, что полностью соответствует установленному порядку в метрополии. Поэтому можно предположить, что в списке БII перечислены мальчики, в списках AI и AII — эфебы двух возрастных групп, список БI представляет результаты состязания взрослых со средним возрастом около 30 лет. Подавляющее большинство победителей носило чисто греческие, причем, общераспространённые имена. В.В. Латышев признает местными только шесть из 170. Среди греческих он указал 8 имен дорийского происхождения, Э.О. Берзин выявил 38 редких имен, встречающихся в дорийских полисах[52]. Эти 20 % от общего числа победителей он связывал с переселением в Горгиппию калатийцев и приурочил к этому событию само учреждение в городе Гермей, отнеся его к 309–304 гг. до н.э.; прекращение списка в таком случае следует отнести примерно к 250 г. до н.э.

Празднества в честь Гермеса должны были отдавать должное всему сложному многообразию этого культа. Не исключена взаимосвязь культов Гермеса и Афродиты Урании. Согласно мифологическим версиям родства Гермес был братом Афродиты Урании[53], а Приап и Эрот, постоянные спутники Афродиты, в свою очередь, иногда называются происходящими от Гермеса и Афродиты[54]. Эти вариации мифологической родословной свидетельствуют о сложном синкретизме культов, в данном случае, Афродиты и Гермеса. На Боспоре эпиграфически засвидетельствовано приношение Афродите Апатуре мраморного герма (КБН 1111). В Ольвии к северо-западу от теменоса обнаружены остатки алтаря с посвятительными граффити совместно Афродите и Гермесу[55].

В городе, вывозившем в больших количествах хлеб, особой популярностью пользовались покровители земледелия — прежде всего, Деметра и ее дочь Кора-Персефона, издревле популярные в земледельческих странах Средиземноморья (Paus., VIII, 25, 2). Об официальном характере культа Деметры в Горгиппии свидетельствует открытие раскопками священного места — теменоса, связанного с поклонением богине в IV–III вв. до н.э.[56] Теменос располагался за городской чертой и пределами некрополя. Вдали от жилья находились святилища Деметры и в Греции (Paus., IX, 20). Остатки святилища Деметры в Горгиппии исследованы на площади не более 3 м^2 в строительной

траншее, которую в условиях современного города расширить не удалось (юго-восточный угол улиц Анапы Протапова и Черноморской). На маленьком раскопанном участке священного места выявлен край сброса различных предметов, связанных с областью культа: свыше ста терракотовых протом, десятки чернолаковых сосудов IV–III вв. до н.э. с посвятительными граффити и вотивные сосуды из местной глины. Протомы также выполнены из местной глины и представлены несколькими типами изображений Деметры и Коры. Одни из них сделаны в виде полуфигуры Коры-Персефоны, изображенной на фоне покрывала[57]. Левая рука поддерживает край спускающегося с головы покрывала. Выдвинутое вперед правое плечо обнажено, около груди в правой руке богиня держит тонкий предмет, возможно, стебелек растения. Другие протомы относятся к типу так называемых протом sans buste. Среди них есть протомы почти прямоугольных очертаний, у которых лицо Деметры-Коры выступает на фоне нависшего над головой высокого калатоса[58]. Оно разделено на прямой пробор пышными волосами, уши и волосы богини на многих протомах украшены круглыми розетками. Другие подобные протомы имеют более живописные контуры: покрывало, опускаясь с головы, обрисовывает шею и плечи; основания этих протом имеют скошенные углы[59]. Среди протом найдена уникальная высотой 27 см, представляющая Деметру с символами около груди в парадном одеянии с длинной кистеобразной серьгой местного образца[60]. Все типы протом, найденных на священном месте рядом с Горгиппией, восходят к средиземноморским образцам VI–V вв. до н.э. и относятся к распространенным в Северном Причерноморье. Сводка городов Северного Причерноморья, выпускавших подобные горгиппийским протомы Деметры-Коры, составлена Г.А. Цветаевой[61]. Среди них указаны: Ольвия, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Тиритака, Мирмекий, Нимфей, Михайловское городище, Фанагория, Танаис. В последние годы появились новые издания ранее известных и вновь найденных протом Деметры-Коры, подтверждающие их единообразие[62]. Города выпускали различные, но очень близкого облика протомы, которые оттискивались как в привозных формах, так и в сделанных по привозным образцам местных. Формы изготавливали и самостоятельно, учитывая местный сложившийся иконографический образ богини, популярный в различных направлениях боспорского искусства[63]. Формы употреблялись долго, отпечатки из них выходили нечеткими. Среди протом горгиппийского теменоса выявлено не менее 20 отпечатков, оттиснутых в одной форме. Поверхность протом часто оставалась незаглаженной, налипшие комочки глины не удалялись, что свидетельствует о разовом использовании протом как вотивных приношений. Отсутствующие в формах детали изображались живописно, на некоторых протомах уцелели остатки белого грунта под роспись.

В горгиппийском святилище одновременно с Деметрой-Корой почитались и другие, связанные с этим культом божества. Из Павсания (VIII, 31; XVIII, 8) известно, что в метрополии в святилищах Деметры стояли статуи Зевса, Диониса, Афродиты, Афины и других богов. Среди приношений в горгиппийское святилище встречены ножки чернолаковых канфаров с граффити ΔΙ-Διί (Зевсу), найдены терракотовый герм и головка молодого Сатира, а также обломки двух терракот, изображающих юношу и Эрота, каждого с петухом[64]. Керамические сосуды из сброса святилища относятся к обычным, распространенным в быту.

Протомы Деметры и Коры, сделанные из местной глины, встречаются при раскопках жилых кварталов Горгиппии (Т: 1, 11, 17, 19, 20–24, 29, 73, 100, 105, 108). Находки их связаны, главным образом, со слоями и комплексами эллинистического времени. Среди них есть и такие, которые не представлены в сбросе святилища, хотя и синхронны ему, например, полуфигуры с опущенными руками в безрукавном хитоне, подпоясанном под грудью, аналогичные известным в Кепах и Фанагории в IV–I вв. до н.э.[65] В Горгиппии они найдены в комплексах позднего эллинизма.

В городском колодце с материалом преимущественно IV в. до н.э. найдена протома Коры в венке над пышными волосами и растительными символами около груди. Она отличается индивидуальностью лица и высоким качеством исполнения (Т: 1).

В Горгиппии был известен распространенный в Северном Причерноморье иконографический образ Деметры с маленькой Корой на плече. Одна такая статуэтка найдена в окрестностях Горгиппии на Семибратнем городище, другая — в культурном слое самой Горгиппии (Т: 3). Коре принадлежит прекрасная терракотовая голова в венке, по-видимому эллинистического времени, найденная на поселении у хутора Благовещенского в Анапском районе (Т: 30). Ей можно указать аналогии среди ольвийских изображений Коры эпохи эллинизма[66].

На керамических сосудах из Горгиппии встречаются граффити и лигатура двух букв ΔΙ и Η. Эти надписи могут быть посвящены Деметре (Δή[μητρι])[67].

Одна из известных эпиклез Деметры — Куротрофос. В Горгиппии с культом Деметры-Куротрофы, Вскармливающей, можно связать четыре однотипные терракотовые фигурки, изображающие женщину с ребенком на руках. Трактовка образа несколько варьирует: ребенок сидит у левого плеча или лежит на левой руке, фигура женщины плотно окутана плащом, иногда с головы спускается покрывало, но вырез хитона и руки остаются открытыми. В культурном слое Горгиппии найдены целые фигурки стоящих на подставках богинь[68] и выполненные из местной глины обломки терракот (Т: 14–16). Статуэтки Куротрофос в виде стоящей и сидящей обычно немолодой женщи-

ны с ребенком на руках были распространены в различных центрах Северного Причерноморья[69], известны они и в метрополии. В Северном Причерноморье большинство терракотовых изображений богини Куротрофос относится к IV–III вв. до н.э. и позднему эллинизму, они также известны и в комплексах I в. н.э. Случайно найденные в Горгиппии фигурки Куротрофос отнесены И.Т. Кругликовой к первым векам нашей эры. Встреченные в последние годы обломки изображений Деметры-Куротрофы происходят из комплексов эллинистического времени. Повсеместно фигурки богини исполнены нечетко. На горгиппийских статуэтах сохранились следы краски и остатки светлого грунта под роспись. Видимо, фигурки носили культовый характер, употреблялись недолго и служили для приношений во время отправлений культа.

Скорее всего Деметру изображают глиняные фигурки сидящей на троне богини, происходящие из комплексов II в. до н.э. (Т: 7, 8, 12). Они восходят к образцам VI в. до н.э., известным как в метрополии, так и в Северном Причерноморье, имеющим стандартные прототипы. На ранних фигурках сидящая богиня изображалась в статической позе, в переданной слитно с телом одежде и обычно без атрибутов, что затрудняет определение ее эпиклезы и дает основание многим исследователям видеть в ней Великую богиню-мать. Находки подобных фигурок в святилищах Деметры позволяют отождествлять изображение с главной богиней земледелия, это мнение подтверждается и наличием парных фигурок богинь[70]. Статуэтки сидящих богинь отличаются трактовкой одежды, головного убора, прически, трона и его высокой спинки, положением рук. Хронологическая последовательность их разработана Р.Хиггинсом[71]. Со временем изображения усложнялись, детализировались и дополнялись символами. Горгиппийские статуэтки представляют богиню сидящей в кресле с высокой спинкой с раздвоенными выступами на углах. На голове — калаф, на шее — гривна, волосы спускаются на плечи, хитон с рукавами до локтей подпоясан под грудью. Левое плечо и руки богини закрыты перекинутым через колено плащом, правая рука лежит на подлокотнике кресла и держит фиалу (Т: 12). В горгиппийском доме II в. до н.э. найдена и глиняная форма для оттиска лицевой части таких терракот[72]. Складки одежды на статуэтках эллинистического времени не всегда обозначены.

По-видимому, подобные изображения Деметры с чашей и плодом, сложившиеся в эпоху эллинизма, легли в основу иконографического облика синкретического верховного женского божества, распространенного на Боспоре во II–III вв. н.э., объединившего идеи плодородия, умирания и воскрешения жизни, лежавшие в основе культов Деметры, Афродиты, Кибелы. С культом Великой богини-матери связаны находки в Горгиппии терракотовых фаллических гротесков с подвесными конечностями, особенно популярных в Пантикапее и его окрестностях (Рис. 44; Т: 83)[73]. Гротески были ритуальными, имели отношение к тайным мистериям, связанным с культом богов пло-

дородия. С почитанием Деметры, а в первые века нашей эры с культом Верховного женского божества могут быть связаны глиняные фигурки зверей и птиц: быка, лошадей, голубя, петуха (Т: 79, 81, 82, 92)[74]. Встречаемые в Горгиппии граффити М могут означать посвящения Великой богине — μεγάλῃ θεᾷ или Матери — μητρί[75]. На фреске анапского склепа II–III вв. н.э., несущей основную смысловую нагрузку всей росписи, сидящая в кресле женская фигура помечена граффити ΜΕ. Героизированный умерший и его супруга являются здесь залогом вечной жизни и продолжения рода.

Культ малоазийской богини Кибелы выявлен в Горгиппии с IV в. до н.э. К этому времени относятся части терракотовой статуэтки из жилого дома, изображающей богиню сидящей в кресле со львенком на коленях (Т: 75). Большой живот под складками платья символизирует производящее начало Великой матери. Еще одна терракотовая фигурка из комплекса II в. до н.э. представляет богиню подобным образом, но крайне схематично (Т: 74), она целиком окрашена в красный цвет. Эта фигурка найдена вместе с двумя терракотовыми богинями, сидящими с чашей и яблоком в руках (Т: 7, 8). Образ богини со львенком на коленях восходит к малоазийским прототипам[76]. В могиле II в. до н.э. горгиппийского некрополя найден бронзовый перстень боспорского производства с рельефным изображением на щитке Кибелы, сидящей между двух львов[77]. Этот образ также заимствован из малоазийских центров, он получил развитие и в позднебоспорском искусстве. Лев, сопровождающий Кибелу, является астральным символом, он указывает на владычество богини над небесным сводом. Находка изображения Кибелы в могиле может быть связана с хтонической сущностью культа. Возможно, в Горгиппии существовал синкретический культ Кибелы-Афины, защитницы города, о чем свидетельствует обломок женской терракотовой головы в башенной короне (Т: 13). Перечисленные горгиппийские находки с изображением богини предназначались для частного почитания и отправления домашних культов.

С поклонением производящим силам природы связана терракотовая фигурка идущей беременной женщины (Т: 57). Она найдена в доме II в. до н.э. вместе с изображениями лебедей и сидящей на троне богини с чашей. Возможно, сидящей на троне Великой матери принадлежит рука от крупной терракотовой фигуры (Т: 10).

Как и повсеместно, наряду с Кибелой в городе почитался ее супруг Аттис, олицетворявший весеннее пробуждение растительности, наделенный чертами хтонизма. Городу известен образ стоящего бога во фригийском колпаке с обнаженным животом и сирингой, популярный в Северном Причерноморье с I в. до н.э. (Т: 49)[78].

Культ великого женского божества в Горгиппии получил распространение и в образе Артемиды Эфесской, о чем известно из посвящения ей вто-

рой половины IV в. до н.э. (КБН 1114). Подобные эпиграфические упоминания посвящений богине также IV в. до н.э. найдены в Пантикапее и Гермонассе (КБН 6а, 11, 1040). Во всех боспорских надписях прилагательное Ἐφεσείῃι имеет ионийскую форму. Судя по керамике, поселение, предшествовавшее Горгиппии, могло быть основано ионийцами. Очевидно, вместе с первыми колонистам проник сюда культ Артемиды Эфесской, а затем укрепился в разросшемся к IV в. до н.э. полисе. Павсаний (III, 31, 6) указывает на знаменитый храм Артемиды в Эфесе, "превосходящий все человеческие сооружения", и отмечает "исключительное положение, которым пользуется здесь богиня". По его мнению (VII, П, 4) Артемиде Эфесской "началось поклонение гораздо раньше, чем поселились в Эфесе ионяне... Вокруг святилища жило много разного народа, пришедшего молить богиню о защите". Павсаний (III, 31, 6) описывает виденные им празднества в честь Артемиды Лафрии, отождествляемой с Артемидой Эфесской, у жителей Патр во времена Августа. Ежегодную блестящую процессию в честь богини завершали торжественным выездом жрицы и жертвоприношением в костер на алтаре различных животных, в том чиме и диких зверей (Paus., VII, 28, 6). По-видимому, в Горгиппии существовал храм или святилище Артемиды Эфесской, куда и было совершено приношение дара, о котором сообщает горгиппийская надпись IV в. до н.э. Артемида была популярна в Горгиппии и в 100–75 гг. до н.э., когда на городских серебряных драхмах чеканилась ее голова и связанный с культом олень[79].

В Горгиппии знали египетскую синкретическую богиню Афродиту-Изиду, покровительницу плодородия и жизненного начала, торговли и мореплавания, владычицу душ умерших. Среди украшений из могил горгиппийского некрополя первых веков нашей эры встречаются привозные египетские фаянсовые подвески, изображающие Гора-Гарпократа, сына Озириса и Изиды. В городском доме, погибшем во всеобщем пожаре города 240 г., найден бронзовый бюст богини с короной на голове, в которой два пера опираются о рога[80]. Одежда и прическа богини характерны для римских императриц конца II – начала III вв. Очевидно, это изображение отдавало дань культу обожествленного римского императора.

Обязательные термины φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος в титулатуре боспорских правителей, появившиеся со времени Асандра и Аспурга (КБН 40), отражали определенную политическую зависимость Боспора от Рима, формально установившуюся после Митридата VI Евпатора.

Со времени Котиса I боспорский царь становится верховным жрецом культа римских императоров[81]. Тем не менее, императорский культ в боспорских полисах, очевидно, не играл серьезной политической роли и отправление его носило характер демонстрации лояльности по отношению к Риму. Отмечая в официальных документах императора, жители города ставили по-

священия общеэллинским богам. В восточных провинциях империи распространился обычай совмещать обслуживание культа императора с отправлением культов наиболее почитаемых в полисе богов[82].

В то же время на Боспоре был распространен культ собственных царей и в Горгиппии он, несомненно, поддерживался. Царский культ на Боспоре носил династический характер и распространение его имело целью придать правящей династии легитимный характер, что было особенно свойственно эллинистическим монархиям, но на Боспоре это положение сохранилось вплоть до III в. н.э. На Боспоре царский культ был как общегосударственным, так и внутриполисным.

В эллинистический период в Горгиппии, как и в других центрах античного мира, получил распространение культ Тюхэ, богини судьбы и случая. Постоянные войны этой эпохи, крушение старых полисов, изменчивость и неустойчивость мира способствовали росту популярности Тюхэ. В это время развивается как культ персональной Тюхэ, покровительницы частных лиц и царей (Τύχη βασιλέως), так и культ Тюхэ — покровительницы городов, акрополей и отдельных мест (Τύχη πόλεως, φερέπολις, ἀκραῖα). Имя Тюхэ впервые упоминается в гомеровском гимне о Деметре (H., V, 417; Paus., IV, 30, 3–4), где она только названа в числе спутниц Коры. Коррелатом "случая" у Гомера, по мнению А.А. Тахо-Годи, может быть "daimon". В одах Пиндара (XII, 01) Тюхэ впервые выступает как покровительница города Гимеры и его спасительница, но рассматривается им как одна из Мойр. Павсаний согласен со словами оды Пиндара в том, что Тюхэ "является одной из Мойр и что она сильнее своих сестер" (VII, 26, 8). Классика еще не знает Тюхэ как богиню. Она персонифицируется в драмах Еврипида (El. 890, Tphig. Taur. 476–478; Phoen. 1202; Tphig. Aul. 1404), но у Еврипида (974) "божество связано с чрезвычайно великим, а малое оставляет на волю Случая". В средней и новой эллинистической комедии Тюхэ трактуется чрезвычайно пестро, но там ей уже определенно присваиваются божественные атрибуты, Тюхэ Менандра и его современников всем управляет и все изменяет. Семантическое сравнение понятий природы и случая эпохи эллинизма привело А.А. Тахо-Годи к выводу о том, что "Тюхэ искони была принадлежностью мифологическо-поэтических конструкций", тогда как природа "оставалась привилегией философских построений; случайность и стихийность у философов имели выражение в категории материи"[83].

Эквивалентом греческой Тюхэ была римская Фортуна. Фортуна, однако, являлась преимущественно божеством счастливого случая, в то время как Тюхэ олицетворяла любой случай и была своевольным мстительным божеством.

О популярности Тюхэ в античном мире свидетельствуют упоминания Павсанием многочисленных культовых мест богини по всей Элладе[84]. Святи-

лища Тюхэ были у элейцев, в Фивах, Мегарах, храмы — в Аркадии, у аргосцев, в Коринфской области, Ферах, Беотии. Статуи Тюхэ помещали и в храмах других богов. От Павсания мы узнаем (IV, 30, 4), что известный художник Бупал первый, "создавая для жителей Смирны статую Тюхэ, создал ее с полосом на голове, в одной руке держащей так называемый у эллинов рог Амалфеи. Этим он указал на сферу действия богини; впоследствии ее воспел Пиндар и, в частности, назвал ее Фереполис — городу счастье и помощь несущей". У элейцев рядом со святилищем Тюхэ в небольшом здании совершали поклонение Сосиподу, спасителю города (Paus., VI, 25, 4).

У афинян на площади стоял жертвенник Тюхэ (Paus., I, 17). В Беотии совместный храм Тюхэ и Доброго демона был расположен около прорицалища. Прежде, чем спуститься в пещеру, человек, пожелавший узнать свою судьбу, жил несколько дней в этом храме, совершая различные очистительные обряды и множество жертвоприношений (Paus., IX, 39, 4). Функции богини-предсказательницы впоследствии распространились и на Фортуну. У аргосцев в храм Тюхэ были посвящены игральные кости (Paus., II, 20, 3). В Горгиппии также вместе с мраморным изображением богини найдены игральные кости, одна из них с надписью "ΔΟΡΙΩΝ" (Табл. 77).

В орфических гимнах Тюхэ наделена чертами хтонизма, присущими Артемиде-Гекате, и связана с Деметрой, Корой, Плутоном, дарующими произрастание плодов и возобновление жизни[85]. В Северном Причерноморье черты хтонизма в образе Тюхэ появляются в конце эллинистической эпохи. В I в. до н.э. – I в. н.э. богиня изображается с атрибутом Великой матери — с фиалой и в калафе[86]. Этот синкретизм культа нашел отражение и в Горгиппии, где каменное изображение Тюхэ найдено в городском доме конца III – первой половины I в. до н.э. вместе с терракотовой фигуркой Великой матери, формой для оттиска других таких же фигурок, статуэткой беременной женщины, глиняными птицами культового назначения и глиняной формой для оттиска терракотового изображения сидящего перед чаном Силена (Т: 102). Тюхэ из мраморовидного сероватого известняка величественно сидит в высоком кресле (Табл. 74). Над пышным прядями волос богини возвышается калаф, рукав хитона с прорезями скреплен украшаниями, с правого плеча на колени спускается покрывало. Обратная сторона статуи обработана бучардой. Слева к плечу Тюхэ тянулся рог Амалфеи. Фигура сильно пострадала от пожара, в котором сгорел дом, она великолепно реставрирована И.А. Хазановой. Помимо этой фигуры Тюхэ в Горгиппии найдены и терракотовые ее изображения, рог изобилия на этих статуэтках наполнен плодами (Т: 2, 18). В одном из горгиппийских домов, погибшем во всеобщем пожаре III в., найдена бронзовая фигурка женщины (Табл. 177: 3). Она изображена без атрибутов, но подобна распространенным в античном мире бронзовым фигуркам Фортуны с рогом изобилия[87].

Относительно культа Зевса в Горгиппии известно немногое. Во времена Аспурга он почитался в городе с эпиклезой Σωτήρ — Спаситель. Два рескрипта Аспурта, провозглашающие на мраморной плите привилегии для граждан Горгиппии, были установлены под его божественной защитой, очевидно в храме[88]. При Рескупориде II (68–91 гг.) на Боспоре существовал фиас Зевса и Геи Спасителей (КБН 76).

Зевс был связан с земледельческими культами, но специальной эпиклезы при этом не имел. На элевсинских мистериях разыгрывалась сцена вступления в брак Деметры с Зевсом, олицетворявшем небо как источник света и дождя[89]. В Горгиппии среди различных предметов в сбросе городского святилища Деметры найдены обломки вотивных чернолаковых канфаров с граффити, посвященными Зевсу — ΔΙ-Διί. У Платона (Crat., 386 a, B) этимология этого названия Зевса раскрыта как часть выражения di'hon dzen — название бога, через которого всегда получают жизнь[90]. Распавшись надвое, это выражение дало два названия богу — Зена (Dzena) и Дия (Dia). Философ-стоик III в. до н.э. Корнут (Corn., 2) объясняет название Дия тем, что через бога (di'ayton) все возникает и сохраняется. Греческий ритор II в. н.э. Элий Аристид (Ael. Aristid. P. 9, 23) также называет Дия причиной, от которой все происходит (di'ayton). Граффити Διί встречены на обломках чернолаковых сосудов также не только в святилище, но и в культурном слое Горгиппии, они широко распространены в различных центрах Причерноморья[91].

Среди лапидарных памятников из Горгиппии известны две манумиссии I в. с одинаковой использованной формулой — ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον, сообщавшей об освобождении рабов под защитой триады богов Зевса, Земли и Солнца. Таким образом, в Горгиппии засвидетельствованы сотерические и хтонические функции бога. Из культурного слоя города с разновременными находками извлечена бронзовая фигурка стоящего Зевса Громовержца. Она имеет аналогии среди множества себе подобных и датируется II–III вв. (Табл. 175)[92].

В Горгиппии встречаются солярные символы, в различные времена здесь почитался солнечный бог. В последние десятилетия II в. до н.э. город чеканил серебряную драхму с изображением на лицевой стороне лучезарной головы Гелиоса в профиль, вправо, лучи окружали голову бога наподобие короны[93]. Тип лицевой стороны этой монеты полностью повторял изображение на современных ей родосских монетах[94]. В случае подлинности единственно известного экземпляра такой горгиппийской драхмы культ Гелиоса в конце II в. до н.э. следует признать в городе официальным.

В 1909 г. в Анапе найдена золотая четырехугольная пластина местной работы от жреческого или погребального венка со штампованным изображением солнечного бога на квадриге. Над головой бога размещены солярные

символы: шестилучевая звезда — солнце и полумесяц. Н.И. Веселовский определил бога на пластине как Гелиоса, О.Я. Неверов — как Гелиоса-Нерона, С.Ю. Сапрыкин — как обожествленного Аспурга в образе Митры-Гелиоса[95]. У греков широко изображался солнечный бог на движущейся по небу колеснице, многочисленны изображения Гелиоса и на различных предметах из Северного Причерноморья[96]. Анапскую пластину отличает от массы подобных памятников наличие над головой бога шестилучевой звезды и полумесяца — солярных символов, присущих сарматской династии на Боспоре, уходящих корнями в иранскую почву.

Иранский солярный символ — живописная шестилепестковая розетта — венчает свод Анапского склепа 1975 г. Она вписана в широкий (диаметром 0,8 м) круг с каймой, декорированной в стиле росписи всего склепа узором сине-бело-красной мраморировки. Контуры лепестков розетты нарисованы желтой краской. Шестилепестковая розетта, вписанная в круг, процарапана также на белом фоне штукатурки задней стенки одной из ниш того же склепа. Орнаментация пояса, имитирующего в склепе облицовку стены пестрым камнем, а также обе люнеты склепа украшены широкими лучистыми кругами, возможно, также имеющими отношение к солярным символам (Табл. 256, 267). Круги состоят из дисков с узором пестрой мраморировки, обрамленных каймой темных треугольников. Круги содержат по 10, 12, 13, 14 и 15 окаймляющих треугольников.

Рис. 70. Гемма на аметисте: Аполлон с луком за плечами. Золотой перстень из погребения I–II вв., некрополь Горгиппии.

На различных сосудах из Горгиппии, обычно внутри поддонов, встречены процарапанные солярные знаки в виде круга с вписанным в него крестом. Иногда процарапан лишь крест, поддон же в этом случае заменяет круг. Особенно распространены эти знаки на доньях сероглиняных мисок из укрепления конца I в. до н.э. – I в. н.э. в окрестностях Горгиппии (около станицы Анапской). Солярные символы, как известно, связаны с культом многих богов: Гелиоса,

Аполлона, Адониса, Пана, Мена, Озириса, Баала, Митры, Сабазия. В 100–75 гг. до н.э. Горгиппия чеканила медные оболы с изображением на лицевой стороне головы бога Мена и тетрахалки с головой Аполлона. В культурном слое Горгиппии встречена привезенная из Средиземноморья фигурка Аполлона раннего типа в виде стоящего в статической позе обнаженного юноши с длинными локонами на плечах, найдены также глиняная голова Мена в высоком уборе, часть большой терракоты, изображавшей Месна верхом на петухе (Т: 9, 44, 45) и золотой перстень с геммой на аметисте: Аполлон в профиль, за плечом — лук (Рис. 70).

О культе одного из популярных богов Греции — Дионисе — в Горгиппии известно немногое. Безусловно, жителям города был знаком общегреческий образ бога и его спутников. Они представлены еще в археологических материалах из поселения, существовавшего на берегу Анапской бухты в V в. до н.э., главным образом, на различного вида аттических краснофигурных сосудах. Вплоть до первых веков нашей эры встречаются в Горгиппии терракотовые маски Сатира, различные изображения силенов и Пана (Т: 48, 98, 99). В Горгиппии найдены глиняные формы для оттиска терракотовых фигурок силена, обнявшего большой сосуд (Т: 102), силена с музыкальным инструментом, маски Сатира (Т: 178). Великолепная голова Пана с длинными рогами вырезана на николо, вставленном в литой золотой перстень из склепа горгиппийского некрополя (Рис. 71). Бородатая голова Пана или Фавна с короткими рожками и широкое обрамленное пышными волосами лицо молодого Сатира помещены в центрах кассет мраморного блока от здания в коринфском ордере (Табл. 41: 2). Совместно с ликами Медузы Горгоны эти персонажи украшали, скорее всего, культовую постройку в честь хтонического Диониса — Диониса Сабазия[97].

Рис. 71. Гемма на николо: голова Пана. Золотой перстень из анапских склепов 1975 г.

Видимо, с ритуалом дионисийских культов следует связать пелику с красным покрытием и процарапанным на ней орнаментом (Табл. 212), происходящую из культурного слоя горгиппийского некрополя. На одной стороне сосуда помещена стилизованная виноградная лоза с очерченными по контуру сердцевидными листьями и треугольными гроздьями плодов, переданными множеством уколов острия в сырую глину. Лоза образует изгибы с острыми изломами. С другой стороны пелики, напротив плюща, в той

же манере изображены скачущие навстречу друг другу две лошади. Фигуры коней стилизованы, изображены легким росчерком, крупы их узорно орнаментированы мотивом бегущей волны, плетенки и сердцевидного виноградного листа, что, возможно, передает нарядные попоны. Изображены торчащие гривы, развевающиеся хвосты и круглые выпуклые глаза. Коней разделяет уродливая человеческая фигурка. От нее уцелело обращенное в фас лицо с торчащими волосами и ушами, брови и нос переданы одной тонкой линией подобно тому как они изображались на стеклянных пронизях и во фресковой росписи[98]. Глаза, рот и щетина на щеках переданы уколами тонкой иглы. Босые ноги человека двигаются влево, средняя часть фигурки утрачена, утраты есть и на фигурах коней. Под одной из ручек пелики изображены три длинные стрелы или копья остриями вверх. Они нанесены по сырой глине в виде углублений, а затем как и весь узор покрыты краской. Под второй ручкой сосуда изображено человекообразное существо с большой головой в профиль, с редкими торчащими волосами, глазом и бровью.

Форма пелики, ее красноватое покрытие, орнамент плюща и узоры на лошадиных крупах характерны для эпохи эллинизма. Композиция с двумя скачущими навстречу друг другу конями находит аналогии на стенах пантикапейского позднеэллинистического склепа Анфестерия[99]. Фигурки уродливых человечков и трактовка их ног перекликаются с фигурками пигмеев в сцене сакрального апотропеического погребального танца на расписном пантикапейском саркофаге I – начала II в. н.э.[100] Тип танцующего пигмея уходит корнями в Египет, где пляшущие карлики изображались вплоть до римского времени, откуда в виде подвесок-апотропеев массово поступали в Северное Причерноморье[101]. Орнамент на крупах лошадей согласуется с узорами на кусках гипсовой облицовки ларя, найденных в Пантикапее и относящихся ко времени, близкому к рубежу тысячелетий[102]. Все это позволяет датировать пелику поздним эллинизмом. Возможно, она являлась ритуальным сосудом, связанным с отправлением хтонического дионисийского культа. Извивающаяся виноградная лоза с плодами является распространенным символом представлений о бессмертии души, линии повторяющихся орнаментов (крестов и бегущей волны) на попонах коней символизируют вечное движение жизни. Экстатические танцы характерны для обрядов культа Диониса-Сабазия[103]. Пляски уродливых человечков и аналогичные лозы изображены на стенах пантикапейского склепа сабазиастов 1901 г.[104] Один из человечков анапской пелики, безусловно, танцует; сцена замыкается тремя торчащими копьями. Изображение коня и всадника является обычным для стел, относящихся к кругу религии Диониса-Сабазия. Известен рельеф из Македонии, где конный Дионис-Загрей окружен виноградными лозами и своими постоянными спутниками-силенами. Пан же на этом рельефе ухватился за хвост лошади[105]. Все сказанное позволяет видеть ритуальный характер орнамента гор-

гиппийской пелики. Сосуд мог использоваться в мистических религиозных обрядах культа бессмертия и возрождения жизни.

Единственным доказательством почитания в Гортиппии Бога высочайшего являются надписи. Его упоминают шесть горгиппийских надписей (КБН 1116, 1123, 1125, 1126, 1231)[106]; пять из них содержат одинаковую преамбульную формулу обращения к божеству: θεῶι ὑψίστωι παντοκράτορι εὐλογητῶι (Богу высочайшему, вседержителю, благословенному). Из этих надписей три являются манумиссиями рабов 41, 68 и 93– 123 гг., одна свидетельствует о неизвестном посвящении богу в первой половине I в. и одна относится к спискам фиаситов, чтущих Бога высочайшего во второй половине II в. Надпись КБН 1116 называет θεὸς δίκαιος (Бога справедливого). Она нанесена на архитрав ионийского ордера и свидетельствует об установке какого-то сооружения в честь бога. По одной из манумиссий вольноотпущенница посвящается молельне — προτευχή. Дважды посвящение совершается под защитой Зевса, Геи, Гелиоса. Можно предположить, что еще одна надпись из Горгиппии рубежа II–III вв. относится к фиасу почитателей Бога высочайшего, однако, самого бога она не называет[107].

Эпитет ὕψιστος (всевышний) прилагался к христианскому и иудейскому богам, к верховным божествам греко-римского мира, главным образом, Зевсу еще во времена Эсхила и Пиндара, притом с оттенком монотеизма, а также к Сабазию[108]. Эпитеты παντοκράτορ и εὐλογήσος по мнению Э.Шюрера[109] являются иудейскими, но в обиходном еврейском языке не встречаются и характерны только для библейских текстов. Эти библейские эпитеты бога из горгиппийских надписей не имеют аналогий в других центрах Боспора. В танаисских, в пантикапейской и китейской надписях θεὸς ὕψιστος наделен эпитетом ἐπήκως (внемлющий). Надпись из Китея называет бога βροντῶν (гремящий).

Определению места Бога высочайшего в религии античного мира посвящен ряд исследований[110], но в выявлении его ипостасей многое еще не ясно. Несомненно этот языческий культ был синкретическим и в основе своей нес идею монотеизма, на что указывает и около культовая терминология. Присущая с начала нашей эры широкому региону Средиземноморья и связанных с ним областей идея монотеизма охватила также и Боспор. Различия в эпитетах могут отражать локальные особенности в исходных местных культах верховного божества, сложившихся повсеместно согласно данному этапу развития общества и религии. Культ Бога высочайшего впитал в себя элементы греческих и негреческих религиозных представлений о Зевсе, Сабазии, Митре, фракийском конном боге, христианском и иудейском богах, испытал на себе влияние малоазийских культов. Т. Тачева-Хитова видит в основе боспорского культа Бога высочайшего солярный аспект, связанный с солярными верованиями местных племен, ссылаясь на рассказ Геродота (I, 2, 216) о том,

что единственным богом, которого почитали массагеты, был бог солнца[111]. В распространении культа Бога высочайшего следует иметь ввиду общность религиозной жизни больших этнических массивов района Средиземноморья и Причерноморья, которая создавалась постепенно в результате передвижения населения, начиная с эпохи неолита и бронзы. Интересно и то, что став одним из главных культов в различных центрах Боспора, монотеистический культ Бога высочайшего не изменил сложившегося представления о генеалогии царствующей на Боспре династии, которая по-прежнему считала себя происходящей от Посейдона и Геракла. Тем не менее, судя по изображениям, приобщение богу, антропоморфизированному в виде всадника, даровало власть как и приобщение Великой богине-матери[112].

В Горгиппии есть данные о распространении здесь христианства. Очевидно, оно проникало в город, восстановленный после пожара 240 г., и продолжавшие развиваться его окрестности. Как отмечалось выше, в Горгиппии выявлены (правда, очень слабые) признаки жизни после пожара 240 г.: найдены монеты второй половины Ш в. и раскопаны отдельные постройки, возведенные на руинах. На городском некрополе найдено краснолаковое блюдо с отштампованным крестом, характерным для V в. н.э.[113] В окрестностях Горгиппии встречены каменные надгробия с крестом, относящиеся к раннему средневековью.

Приведенными данными в настоящее время исчерпываются наши знания относительно официальных культов в Горгиппии. Отдельные штрихи постоянно дополняют сведения о знакомстве жителей города с другими персонажами греческой мифологии. Возможно, и они были достаточно популярны, но наши представления о ряде культов отрывочны.

Изображения Афины на перстнях из Горгиппии охватывают широкий промежуток времени. К эпохе эллинизма относятся два массивных бронзовых перстня — один боспорского производства с врезанной на щитке головой Афины в профиль в коринфском шлеме[114], другой с врезанным на щитке изображением Афины Промахос. Богиня стоит в шлеме, повернувшись вправо. Правой рукой она держит перед собой щит, в отведенной назад левой руке поднято копье. Одежда атакующей богини состоит из длинного хитона и подпоясанной апоптигмы[115]. Иконография Афины Промахос на горгиппийском перстне несомненно восходит к изображениям на панафинейских амфорах IV в. до н.э.

На резном николо, украсившем золотой литой перстень из могилы III в. н.э. горгиппийского некрополя, изображена стоящая Афина, повернутая влево (Рис. 61), правая рука ее опирается о длинное копье с прислоненным к нему щитом. Левая рука вытянута вперед, согнута в локте и обращена открытой ладонью вверх. Богиня одета в длинный хитон с высоко подпоясанной апоптигмой, правая нога обнажена, на голове шлем с развевающимся

гребнем[116]. Тип этой Афины восходит к знаменитой Афине Парфенос Фидия. Наиболее часто такая Афина изображалась с фигуркой Ники на вытянутой ладони левой руки, иногда в левой руке помещалась сова, у ног — алтарь. Эта композиция в различных вариантах была широко распространена на геммах I–III вв.[117]

Миф о Персее, обезглавившем Медузу горгону, представлен на гравированных пластинах из слоновой кости, украшавших погребальное ложе или деревянный саркофаг из сырцовой гробницы рубежа I–IV вв. до н.э. из поселка Уташ в окрестностях Анапы. Среди обилия резной кости в гробнице уцелели две пластины, раскрывающие этот миф. На одной изображена поверженная на скалы обезглавленная Медуза горгона, на другой — одна из ее сестер горгон в облике атлетической девы, карабкающейся по скалам (Рис. 4, 5). Лики Медузы заполняют мраморные кассеты горгиппийского храма II в. н.э. С обликом Медузы горгоны на берегу Анапской бухты были знакомы еще в V в. до н.э. по росписям привозных аттических киликов (Рис. 20).

Рис. 72. Золотой перстень с изображением Сераписа. Горгиппийский дом, сгоревший около 240 г.

В Горгиппии был известен Сфинкс: его изображения встречены на чернофигурной керамике из культурного слоя поселения VI–V вв. до н.э., на резных пластинах из слоновой кости в том же уташском склепе рубежа V–IV вв. до н.э., на краснофигурном аске из ямы Горгиппии с материалом IV в. до н.э., на золотых нашивных бляшках из городской могилы II в. н.э.

В каменном завале, заполнявшем подвал горгиппийского дома, погибшего в середине III в. н.э., найдѐн золотой перстень с рельефным изображением на щитке повернутого влево бюста Сераписа (Рис. 72). Созданный при Птолемеях культ этого бога объединял культы греческого Зевса и египетского Озириса, он был связан с культами Изиды, жены и сестры Озириса, а также Гора-Гарпократа, сына этой пары. Уже в III в. до н.э. культ Сераписа проник в Малую Азию и Северное Причерноморье[118]. На медных боспорских монетах конца I в. до н.э. – I в. н.э., возможно, в подражание Синопе чеканилась голова Сераписа влево[119]. Именно в это время отмечается наплыв в Северное Причерноморье из Александрии различных амулетов из египетского

фаянса, среди которых немало египетских божеств, в том числе, известны многочисленные Гарпократы, на одном амулете представлен Серапис[120]. Изображения Сераписа на светильниках, перстнях и других бытовых предметах были распространены в различных центрах античного мира вплоть до III в. н.э.[121] На широкую золотую пластину горгиппийского перстня, слегка изогнутую и расширенную для щитка, напаян золотой овальный диск с чеканным изображением бюста бородатого Сераписа. Его венчает традиционный для Зевса калаф, символ хтоничности, изобилия и плодородия.

Таким образом, в Горгиппии были распространены все основные культы эллинского мира, их почитали здесь в различных ипостасях. Собранный материал не позволяет нам проследить развитие в городе каждого культа и выявить специфику их развития. Официальный государственный характер почитания установлен не менее, чем для 20 культов: Посейдона, Геракла, Афродиты, Гермеса, Деметры и Коры-Персефоны, Великой богини-матери, Кибелы, Аттиса, Артемиды, Зевса, Гелиоса, Аполлона, Мена, Диониса и Пана-Сатира, Бога высочайшего, римского императора. Эти культы поддерживали незыблемость правящих династий.

В городе поклонялись Тюхэ, Афине, знали Эрота, Персея, горгон, Сфинкса, Гарпократа, Изиду, Сераписа. Сведения, собранные о распространенных в Горгиппии культах, подтверждают сильную эллинизацию городской культуры. Ведущим аспектом в культовых представлениях населения города выступает идея хтонизма, умирания и воскрешения жизни, идея плодородия, которая так или иначе проявляется в культе почти каждого божества. Хтоническая направленность безусловно выявлена в почитании Геракла, Кибелы, Тюхэ. По содержанию культа она была ведущей в поклонении Афродите, Деметре и Коре-Персефоне, Великой богине-матери, Аттису, Артемиде, Изиде, Дионису. Очевиден также синкретизм мифологических представлений, обусловленный как большой этнической пестротой города, так и широтой его экономических связей.

Местных, неэллинских культов пока не выявлено. Специфические религиозные представления коренного населения отмечаются в погребальном обряде. Следует отметить умеренную встречаемость таких обрядовых предметов, как курильницы, обереги, амулеты.

Представление людей, живших в Северном Причерноморье в античную эпоху, о структуре окружавшего их мира раскрывают фрески анапского склепа, роспись которого была выполнена в первой половине III в. В живописных картинах склепа заложена система взаимосвязанных изображений, создающих сложную картину развития микромира погребенных. Она согласуется с общими, присущими эпохе, космическими представлениями (напомним, что для людей античной эпохи понятие “космос” не означало вселенную, а рассматривалось лишь как всеобщий порядок).

Основную смысловую нагрузку в росписи склепа несет композиция люнеты напротив входа. Ее трехъярусность и символика соответствуют трем мирам индоевропейской мифологии. Обрамляющие люнету два дерева несут идею сакрального образа мира (Табл. 259). На уровне корней этих деревьев стоят саркофаги с погребенными — там царство мертвых, подземный мир, нижний ярус космоса. На грани мира живых и потустороннего изображены плывущие черепахи, символы долголетия — это посредники между низом и верхом, связующее звено двух миров. На уровне растущих стволов деревьев в средней зоне космоса развивается земная жизнь — очевидно, картина представляет жизнь погребенных. Глава семьи помечен граффити "πα". Он изображен произносящим речь, которую записывает стилем на диптихе стоящий рядом слуга — этот второстепенный персонаж передан маленькой фигуркой. На том же кресле сидит супруга произносящего речь, рядом с ее фигурой помещено поясняющее граффити "МН". Эти две центральные фигуры символизируют развитие и вечность рода. Окружающие картину сцены с подвигами Геракла, размещенные на двух боковых стенах склепа, означают непрерывное развитие жизни и вечную борьбу в ней добра со злом. Среди этого жизненного повествования нашел место и семейный портрет владельцев усыпальницы (на боковой стене среди картин о Геракле). Декор из повторяющихся поясков, разделяющих фризы росписи, также создает ритм бесконечного развития и движения. Сцены преследования и терзания, помещенные по обе стороны центральной оси люнеты над входом, подводят итог долгому рассуждению фризов с подвигами Геракла. Они раскрывают тему "благого терзания" во имя необходимой смены жизни и смерти — философию искусства кочевых народов южно-русских степей античной эпохи. Мифологизированная идея вечного умирания как залога жизни, смены луны и солнца, дня и ночи переданы на двух люнетах сакральными символами: деревьями и лучистыми ("солнечными") кругами. Сцены терзания разворачиваются в нижней зоне деревьев.

Огромная (диаметром 0,6 м) венчающая свод шестилепестковая розетта, вписанная в широкий круг и расположенная по центральной оси склепа, указывает на небесный аспект мифологического восприятия мира, всего космоса, в данном случае, жизненного порядка. Живописно изображенные развешенные по стенам склепа и безусловно культовые покрывала с бахромой и кистями покрыты узором солярных знаков — розетками. Роспись всех стен склепа подчинена солярной символике — на каждой из них размещены круги в обрамлении лучей, узора бегущей волны (олицетворение вечности) и крестов (солярный символ). Шесть глубоких ниш склепа, означающие тьму, обрамлены лучистыми полукругами — символами неизбежного возрождения света. Кроме того, вписанная в круг шестилепестковая розетта "освещает" заднюю стенку одной из ниш.

Растительные мотивы в виде цветов и плодов выполняют роль связующего звена между средним "поясом жизни" и верхним ярусом космоса. Крона мирового дерева и поднятые до ее уровня павлины определяют эту верхнюю зону космоса — зону обитания героизированных умерших. Геральдические позы козликов, величественные павлины, наличие слуги-писаря, — все это подтверждает право хозяина склепа на героизацию после смерти, на жизнь после смерти. Символом героизированного умершего и всего верхнего яруса космоса выступает вписанная в двойной широкий круг змея. Это изображение венчает центральную ось основной картины склепа.

В заключение следует отметить наличие в системе росписи склепа общего канона, которому следовали создавшие роспись живописцы. Этот канон, сложившийся в изобразительном искусстве эпохи и проявлявшийся в различных его направлениях, отражал мировозрение больших этнических групп, приобретая индивидуальные особенности на локальных участках обширного греко-варварского мира. В склепе и схема росписи, и ее трехъярусное построение являются данью устоявшемуся, складывавшемуся веками канону. Канонизированы солярная символика, смысловая нагрузка орнаментов, сцен терзания, геральдического построения композиций.

---

[1]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. Л., 1949. С. 56, 324, 326.

[2]Кроме собранных в КБН см. еще одну надпись: *Кругликова И.Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // ВДИ. 1967. № 2. Фрагмент № 2.

[3]Бур. XXX, 231–238; *Масленников А.А.* Геракл Савромата II // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 175.

[4]Бур. XXXVII, 18.

[5]*Алексеева Е.М.* Раскопки Горгиппии и ее окрестностей // АО — 1975. М., 1976. С. 105; *Она же.* Горгиппия и ее окрестности // АО — 1976. М., 1977. С. 83.

[6]*Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия // Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. Гос. музей искусства народов Востока. М., 1987. С. 65.

[7]*Алексеева Е.М.* Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры. С. 118.

[8]*Щеглов А.Н.* Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 44; *Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее з эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 40.

[9]*Граков Б.Н.* Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. XXXI. С. 7.

[10]*Наливкина М.А.* О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940. Том VI. С. 107; *Она же.* Новая находка рельефа в Херсонесе // СА.

1940. Том VI. С. 307; *Щеглов А.Н.* Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 44.

[11]*Höpfner W.* Topographische Forschung // Forschungen ander Nordkünste Kleinasiens. Wien 1972. Bd. I. S. 37.

[12]*Передольская А.А.* К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре // ТГЭ. 1958. Том II. С. 55.

[13]*Gruppe O.* Herakles // Pauli-Wissowa R.-E. Stuttgart, 1918. T. III. Taf. 926, 1006, 1008.

[14]*Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 142.

[15]*Wolters P., Bruns G.* Das Kabirion — Hailigtum bei Theben. Berlin, 1940. S. 100. T. 24, 27, 34.

[16]*Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Гераклее в эпоху эллинизма. С. 38.

[17]*Щеглов А.Н.* Подвиги Геракла по памятникам Херсонеса Таврического. Л., 1964. С. 26; *Он же.* Геракл отдыхающий. С. 51.

[18]*Борухович В.Г.* Античная мифология и "библиотека" Аполлодора // Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 148.

[19]*Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии // САИ ГI–11, 1974. С. 48. Табл. 55,2.

[20]Там же. Табл. 53, 3; *Пругло В.И.* Геракл в коропластике Боспора // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968; *Силантьева Л.Ф.* Терракоты Пантикапея // САИ ГI–11. Часть III. С. 28. Табл. 30, 2.

[21]*Wheeler I.R.* A Bronze Statue of Heracles in Boston // AJA. X.

[22]*Блаватский В.Д.* Акарнанские бронзы Лисиппа // СА. 1941. Том VII. С. 189.

[23]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 202.

[24]*Харко Л.П.* Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1976. Вып. XIII. С. 137.

[25]*Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Том II. Краснодар, 1982. С. 22, 84. Рис. 14, 48.

[26]*Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–64 гг. // Горгиппия. II. С. 126. Рис. 6, 2. Прорись в публикации неясного происхождения делает это сравнение условным. Наличие в могиле шестигранной бусины, характерной для первых веков нашей эры, вызывает сомнение в чистоте комплекса.

[27]Галанина Л.К. Впускное погребение I в. н.э. Курджипского кургана // СА. 1973. № 2. С. 45.

[28]Гущина И.И. Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 25.

[29]Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI – I вв. до н.э.). Киев, 1982. С. 72. Рис. 29, 4.

[30]*Вальдгауэр О.Ф.* Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК. 1922. Вып. II. С. 112. Рис. 4.

[31]Там же. С. 216. Рис. 6.

[32]Бур. XXXI, 240, 244, 245; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 337.

[33]*Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М., 1978. С. 24. Рис. 54.

[34]*Крушкол Ю.С.* Терракоты из античного сооружения близ Горгиппии (хутор Рассвет) // САИ Г1–11. Часть IV. Табл. 58: 1, 2.

[35]*Кругликова И.Т.* Боспор III–IV вв. н.э. в свете новых археологических исследований // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 7. Рис. 2.

[36]*Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии. С. 48. Табл. 57: 1, 2.

[37]Там же. С. 48. Табл. 54: 5.

[38]Там же. С. 45, 49. Табл. 56: 6.

[39]*Кругликова И.Т.* Мраморная головка Афродиты из Горгиппии // Новое в археологии. М., 1972. С. 79.

[40]*Грач Н.Л.* Мраморная скульптура из Горгиппии // СА. 1970. № 1. С. 245.

[41]*Кругликова И.Т., Цветаева Г.А.* Раскопки в Анапе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 70. Рис. 26: 2.

[42]*Boube-Picot Ch.* Les bronze antiques du Maroc. I. La statuaire. Planches // ETAM. T. IV. 1969. Fig. 157–159, 220.

[43]*Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.–Л., 1953. № 36, 180.

[44]*Boube-Picot Ch.* Les bronze antiques du Maroc. Pl. 142–144; *Boucher St., Tassinari S.* Bronzes antiques. Lyon, 1976. № 129, 130, 137, 138.

[45]*Safarov T.* Sur le culte d'Heraclès en Bulgarie // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archeologica. София, 1963. С. 171; *Щеглов А.Н.* Геракл отдыхающий. С. 54.

[46]*Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 118.

[47]*Блаватская Т.В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. М., 1952. С. 249.

[48]*Берзин Э.О.* Там же.

[49]*Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // МАР. 1899. № 23. С. 72; *Он же.* ΠΟΝΤΙΚΑ. С. 244; *Семенов-Зусер С.А.* Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940. С. 20; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 217, 240; *Кубланов М.М.* О местной историографии на Боспоре // ВДИ. 1954. № 4. С. 143; *Берзин Э.О.* Горгиппийский агонистический каталог.

[50]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 241.

[51]*Gardiner E.* Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1920. S. 271.

[52]См. сноску 49.

[53]*Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 521, сноска II.

[54]*Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. С. 116.

[55]Там же. С. 118.

[56]*Цветаева Г.А.* Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. № 1. С. 138.

[57]Там же.

[58]Там же. Рис. 6–7.

[59]Там же. Рис. 8.

[60]Там же. С. 143. Рис. 5.

[61]Там же. С. 140.

[62]Например: САИ. Вып. Г1–11. Часть I, II. Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970; Часть III, IV. Терракотовые статуэтки. М., 1974; *Русяева А.С.* Земледельче-

ские культы в Ольвии догетского времени; *Денисова В.И.* Коропластика Боспора. Л., 1981; *Русяева А.С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев, 1983; Тайны терракоты. Памятники культуры Кубани. Краснодар, 1987.

[63]Например: *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913. Табл. IX.

[64]*Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии. С. 45.

[65]*Николаева Э.Я.* Терракоты города Кеп // САИ. Вып. Г1–11. Часть IV. М., 1974. Табл. 10, 5; *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки из Фанагории // Там же. Табл. 23, 2.

[66]*Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Рис. 31, 32.

[67]*Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. № 28, 168.

[68]*Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии. С. 44, 47–48. Табл. 54: 1, 2, 4.

[69]САИ. Вып. Г1–11. Часть II. Табл. 40: 2; Там же. Часть IV. Табл. 2: 4; 10: 4, 6; 14: 5; 28: 6; *Winter Fr.* Die Typen der Figurlichen Terrakotten. Berlin, 1903. T. I. Taf. 151: 8, 9.

[70]*Дремсизова Ц.* Терракоти из некропола на Аполония // Аполония. София, 1963. С. 277. Табл. 138, 803.

[71]*Higgins R.A.* Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. I. London, 1954. P. 30.

[72]*Кругликова И.Т.* О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 218.

[73]*Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии. Табл. 56: 1, 3; *Марченко И.Д.* Марионетки и культовые статуэтки из Пантикапея // САИ. Вып. Г1–11. Часть III. С. 38.

[74]Кроме публикуемых в этой книге еще терракоты из Горгиппии: *Кругликова И.Т.* Терракоты из Горгиппии. Табл. 56: 2, 5, 7.

[75]*Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. № 246.

[76]*Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. С. 11. Рис. 1, 2.

[77]*Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 69, 76. Рис. 1, 15.

[78]*Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. С. 13. Рис. 14.

[79]З. XLIII, 11.

[80]*Кругликова И.Т.* Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 93.

[81]*Блаватский В.Д.* О культе римских императоров на Боспоре // *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 192.

[82]*Свенцицкая И.С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль "возрастных союзов" в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 42.

[83]*Тахо-Годи А.А.* Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии // Вопросы классической филологии. 1971. № 3–4. С. 244, 260.

[84]*Павсаний.* Описание Эллады. М.–Л., 1940. Том II. С. 574. Указатель: Тиха.

[85]*Тахо-Годи А.А.* Там же. С. 257.

[86]*Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–11. Часть I. С. 17.

[87]*Boube-Picot Ch.* Les bronze antiques du Maroc. Pl. 166, 167, 168.

[88]*Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 200.

[89]*Новосадский Н.И.* Елевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 142.

[90]Подборку сведений древних авторов по теме "Античная этимология имени Зевса" см.: *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 96.

[91]*Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. № 21, 29; Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 579; *Голенцов А.С.* Граффити из Керкинитиды // КСИА. 1983. Вып. 174. № 5, 6.

[92]*Белов Г.Д.* Бронзовые статуэтки Херсонеса // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 23; *Menzel H.* Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd. I. Mainz, 1960; *Fleicher R.* Die römischen Bronzen aus Österreich. Mayence, 1967. Bd. 3. № 2; *Boucher St.* Musée des beaux-arts. Lyon. Bronzes romains figurés du Musée des beaux-arts de Lyon. Lyon, 1973. P. 71.

[93]З. XLII, 12.

[94]*Шелов Д.Б.* К истории связей эллинистического Боспора с Родосом // СА. 1958. Том XXVIII. С. 336.

[95]ОАК за 1906 г. С. 127. Рис. 179; *Неверов О.Я.* Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. – IV в.). Каталог выставки Гос. Эрмитажа. Л., 1980. № 140; *Сапрыкин С.Ю.* Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1. С. 77.

[96]Сводку аналогий пластине с территории Боспора и окружающих его северокавказских степей см.: *Сапрыкин С.Ю.* Золотая пластина из Горгиппии.

[97]См. выше раздел об архитектуре. *Савостина Е.А.* Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия. I. Краснодар, 1980. С. 68. Рис. 8–10.

[98]*Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М., 1975. Табл. 48: 27–43.

[99]*Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 174. Табл. II, 1.

[100]Там же. С. 379, 381. Табл. XCV.

[101]*Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М., 1975. С. 38. Тип 35. Табл. 6: 13–22.

[102]*Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 398.

[103]*Ельницкий Л.А.* Из истории эллинистических культов в Причерноморье (Дионис-Сабазий) // СА. 1948. Том VIII. С. 108.

[104]*Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. С. 426, 430. Табл. XCVII, XCVIII.

[105]RA. III. 1904. С. 19. Табл. I.

[106]Шестая надпись: *Болтунова А.И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. 1982. № 3. Фрагмент № 2. Надпись КБН 1231 найдена около Краснодара и условно отнесена В.В. Латышевым к Горгиппии (IOSPE, IV, 436).

[107]*Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1982. № 1. Фрагмент № 3.

[108]*Тачева-Хитова М.* О культе ΤΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре // ВДИ. 1978. № 1. С. 133, 139.

[109]*Schürer E.* Die Funden im Bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον ebendaselbst // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1897. S. 205.

[110]Библиографию по данному вопросу см.: *Надель Б.И.* К вопросу о культе безымянного "всевышнего" бога в Танаисе // Listy filologické. 1966. 89. I; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 292. Сноски 159–173.

[111]*Тачева-Хитова М.* Ук. соч. С. 140.

[112]*Blawatsky W., Kochelenko G.* Le culte de Mithra sur la côte Septentrionale de la Mer Noire. Leiden, 1966.

[113]*Кругликова И.Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия II. Краснодар, 1982. С. 124. Рис. 6: 3.

[114]*Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67. № 3. Рис. I:X11.

[115]*Алексеева Е.М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия II. С. 86. Рис. 10: 7.

[116]*Алексеева Е.М.* Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 118.

[117]AGDS. № 45–47, 777.

[118]*Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. С. 111.

[119]З. XLV, 8.

[120]*Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М., 1975. С. 23–49. Табл. 7: 1–9; 8: 1–9.

[121]*Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. С. 111–114.

Заключение

Рассмотрение материалов, связанных с историей античного города Горгиппии, полученных в результате его многолетних археологических исследований, позволило построить для раскопанных памятников и комплексов синхронистическую шкалу с распределением по ней выявленных объектов (начало, то есть VI в. до н.э., см. таблицу).

Результатом всех произведенных в Анапе исследований явилось создание в городе археологического заповедника с экспозицией участка древнего города под открытым небом (Табл. 260)*. Разработка научной концепции создания экспозиции на данном памятнике оказалась достаточно сложным и спорным вопросом. Речь идет не о насыщении вещественными находками (музейными экспонатами) привычных витрин и залов или даже помещений в открытом грунте. Создание заповедников на раскопках античных городов является сложной научной задачей. Мы имеем ввиду памятники античной эпохи Северного Причерноморья, где в мощном культурном слое на разных глубинах расположены строительные остатки многих периодов жизни города. Процесс создания заповедника с общественно полезной экспозицией на таких памятниках не может быть сведен к механическому сохранению всех найденных в грунте фрагментов построек.

Потенциальное право на экспонирование имеет все обнаруженное. Как образец работы археологов можно демонстрировать и просто раскоп в том виде, каков он есть на данный момент. Памятник сам по себе и памятник в процессе исследовательских работ представляют культурную ценность, полное завершение раскопок для экспонирования не обязательно. Однако, раскоп — это еще не заповедник. Античные города существуют на одном

---

* Археологический заповедник "Горгиппия" создается на базе Краснодарского Гос. историко-археологического музея-заповедника Постановлением Совета Министров РСФСР от 1977 г. и Приказом Министерства культуры РСФСР. Автор проекта археологической экспозиции — доктор исторических наук, начальник Анапской экспедиции Института археологии РАН Е.М. Алексеева; главный архитектор заповедника — член Союза архитекторов и член Союза художников России В.А. Гаврилов.

месте многие века, переживают различные культурно-исторические периоды, времена расцвета и упадка. Каждая последующая эпоха уничтожает значительную часть более ранних напластований. В результате раскоп представляет причудливую мозаику хронологически неоднородных фрагментов, верхние из которых в процессе исследования, как правило, разбираются. Перед археологом, поставившим задачу сохранить сбереженное веками, встают многочисленные проблемы: интерпретировать разрозненные обрывки объектов, связать их в комплексы, датировать. Только после этого можно ставить вопрос о том, что и как показывать на заповеднике.

Для многослойных археологических памятников античной эпохи наиболее верным нам кажется принцип выборочной демонстрации объектов, несущих основную смысловую нагрузку экспозиции на каждом отдельном участке заповедника. Центральным экспонатом участка может стать либо комплекс наилучшей сохранности, либо единственный в своем роде объект, выделявшийся из рядовой застройки. Такой объект свяжет в единую картину разрозненные и разновременные строительные остатки, которые уже невозможно объединить в комплексы, но которые все же удастся сохранить вокруг него.

Готовых рецептов, впрочем, не существует. Всякий раз концепция заповедника будет обусловлена особенностями памятника, методами реставрации, климатическими условиями и прочими объективными причинами. При любом решении важно дать максимальную зримую информацию об экспонируемом объекте. Что-то придется подчеркнуть, чем-то придется пожертвовать. Экспозиция заповедника должна строиться по принципу последовательного исторического показа, быть доступна массовому зрителю, образной и запоминающейся. На первый план выходит проблема научного обоснования архитектурной реконструкции. Речь идет не о восстановлении каких-либо уникальных сооружений, тем более, что данных для безусловных реконструкций чаще всего нет. Реконструкция в археологических заповедниках, на наш взгляд, необходима лишь для того, чтобы массовый зритель мог различать отдельные комплексы, получить впечатление о художественном образе застройки, планировке участка и быте соответствующей эпохи.

Грамотной реконструкции всегда предшествует большая исследовательская работа. Если мы воссоздаем в плане горгиппийский дом (а дома занимали 500, 700 и более м^2), мы должны аргументировать, почему те или иные обрывки стен, полов и прочих строительных остатков необходимо свести в единый объект. При этом необходимо выделять бесспорные построения и подчеркивать степень допущения других. Этим выводам предшествует анализ строительной техники и огромного количества вещественных находок, большая работа по определению хронологии. На фоне вырисовывающегося объекта, превалирующего на том или ином участке, следует выделять детали

предшествующих или последующих построек и также обосновывать анализом материала и подбором аналогий достоверность хронологических построений для них.

Создавая экспозицию строительных остатков Горгиппии, мы учли ту особенность памятника, что следов наземных кладок здесь почти не сохранилось. Раскопки показали, что на данном памятнике мы имеем дело преимущественно с глубоко впущенными в грунт фундаментами — стенами подвалов. Следовательно, раскапывая культурный слой города, мы обнажаем кладки так, как они никогда не стояли. Поэтому, предлагая проект реконструкции, мы должны были в каждом случае решать, что и до какой нивелировочной отметки засыпать, выявляя тем самым рабочие поверхности стен и уровни дневных поверхностей, соответствующие экспонируемым строительным объектам, вырисовывая при этом планы застройки. Итогом в этом направлении явилось создание плана археологической экспозиции заповедника, готового к исполнению со всеми нивелировочными отметками.

В сравнении с остатками жилищ античная архитектура обладает неоспоримым преимуществом — она выразительна и в руинах. Каждая архитектурная деталь — это произведение искусства. Историческая ценность, проецируясь на ценность художественную, превращает ее в музейный экспонат. Можно использовать и такое замечательное свойство ордерной архитектуры, как строгая пропорционально-модульная упорядоченность. В ряде случаев необязательно восстанавливать здание целиком. Достаточно демонстрировать его фрагменты, но в заповеднике это возможно не на выставочном стенде и не на земле, а на том единственном месте в пространстве, которое они занимали.

Это путь создания реконструкций частных, позволяющих наблюдателю домыслить и ощутить целое, активно включиться в процесс восприятия и сотворчества. Подобные опыты известны в пластическом искусстве. Здесь можно использовать не только уникальные, особенно выразительные детали, но и рядовой строительный материал. Хорошо известны, скажем, исторические типы черепиц и системы их укладки — весьма несложно показать на соответствующей высоте фрагмент кровли. Достичь таким образом определенного пространственно-художественного эффекта можно, ничуть не противореча подлинности. Основой для таких реконструкций послужат искусственные, откровенно современные и нейтральные конструкции, способные обеспечить развитие экспоната во времени и пространстве. Подобные реконструкции должны осуществляться по мере накопления новых находок и их интерпретации. Археологический заповедник — живой, творчески меняющийся организм, он может беспрестанно пополняться фрагментами реконструкций и экспонатами по мере научного осмысления материала. Это и подлинный раскоп, и исторический музей, и памятник античной архитектуры, и научная

лаборатория, и яркая тематическая выставка, и часть современной городской среды, часть Академии наук, деятельность которой и составляет ядро заповедника. В этом отношении музей-заповедник "Горгиппия" — первый в России.

Отмечая результаты и высвечивая проблемы в создании археологического заповедника "Горгиппия", мы не касаемся здесь огромного комплекса вопросов, связанных с технологией реставрации (прежде всего, укрепления грунтов, сохранения на длительный срок хрупких и мелких деталей, применения тех или иных растворов, имитирующих силу пожара или цемянковое покрытие виноделен). Вопрос химического состава наполнителей, клеев, растворов и прочей химии в Анапе стоит очень остро, так как все применяемые материалы должны быть устойчивы к влажным соленым ветрам и морским туманам, засоленности грунта, резким перепадам температур (от 40° жары летом до 20° мороза зимой). Решение всех этих вопросов безусловно предлагается в разрабатываемых и утверждаемых проектах заповедника. Эти вопросы находятся в ведении Московского химико-технологического Университета им. Д.И. Менделеева и разрабатываются под руководством профессора В.С. Осипчика.

Создавая основную концепцию заповедника "Горгиппия", как это бывает в любом новом деле, мы столкнулись со множеством проблем. В их решении мы ориентировались на существующий международный опыт. Основные принципы консервации и реставрации исторических, в том числе и археологических, памятников нашли отражение в Международной Хартии, принятой по этому вопросу в 1964 г. в Венеции. В ней выделено шесть методов реставрации: 1) эмпирический свободный ремонт; 2) ремонт-консервация, ограниченный научными исследованиями; 3) аналитический или археологический метод, то есть чистая реставрации на основе натурных данных самого памятника; 4) синтетический — реставрация плюс творчестве, ограниченное исследованиями; 5) компилятивный — творчество, ограниченное стилизацией; 6) подстановочный — метод, при котором свободное творчество, по существу, подменяет старое новым, более эффектным (реставрация Пантеона в Риме во II-III вв.). Применительно к Горгиппии мы выбрали, как наиболее целесообразные, второй, третий и четвертый методы среди перечисленных и пользуемся ими в зависимости от конкретной ситуации на том или ином участке памятника.

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ШКАЛА ОБЪЕКТОВ, РАСКОПАННЫХ В ГОРГИППИИ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ

Периоды	Посл. четв. VIв. (сер. VI в. до н.э.?)	Рубеж VI-Vвв.; нач. V в.	Середина V в.	Последняя четв. V в.	Рубеж V-IV вв. и первая четв. IV в.	Вторая четв., сер. IV - III в. до н.э.	Конец III - сер. I в. до н.э.	Вторая пол. I в. до н.э. - I в. н.э.	II и III вв. до пожара 238/239 г.	III в. н.э. после пожара 238/9 г.
Объекты: 1	Раскоп "Океан": полуземлянки ← ←	Раскоп "Океан", дом 1	Раскоп "Океан", разрозненные объекты: 33, 34а, 51, 80, 81, 82, 83. Оборонительная стена сзади гостиницы "Анапа"	Раскоп "Океан": дома 2, 3, 4, 5, 6	"Предгоргиппия": заповедник, строительный период IA; раскоп "Ткацкая фабрика" 1974 г., дом 7	Горгиппия. Строительный период IБ: дома 1, 2, 3, 10, 13, 14, 22, 29, 41, 42, 42а, 45, 52, 53, 54	Горгиппия. Строительный период II: дома 4, 15, 46, 51, 55, 56; основание городской стены в раскопе 1988 г. на ул. Ленина	Горгиппия. Строительный период III: дома 8, 16, 17, 27, 60; остатки городских укреплений в раскопе 1988 г. по ул. Ленина; винодельни 1, 2, 3	Горгиппия. Строительный период IV: дома 5, 6, 7, 9, 11, 12, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 33, 43, 47, 49, 50, 57; городские укрепления на территории заповедника; винодельни 4-11	Горгиппия. Строительный период V: дома 21а, 28
2	← Сельское поселение в Алексеевском → → → → → → → → → → → → → → → → →									
3						Усадьба Джемете III	Усадьба Джемете I	Крепость в Анапской		
4							Усадьба Джемете II	Усадьба в совхозе "Рассвет"		
5						Сельские поселения у Красной Скалы и в Красном Кургане				
6						Сельские поселения в Су-Псехе → → → → → →				
7						Сельские поселения на Уташе по высокому берегу → →				
8						Сельские поселения на виноградниках Джемете → → →				
9	Некрополи в Воскресенском → → → → → → → → → → → → → → →									
10	Некрополь в совхозе "Рассвет" → → → → → → → → → → → → → → → → →									
11	Некрополь на территории ОПХ "Анапа" → →									
12					Уташ, гробница					
13				Некрополи у пос. Красный Курган, Красная Скала →						
14										*

* Монетные клады из Гай-Кодзора.

Summary

The book is devoted to the history of Gorgippia, an important Greek colony and one of the largest centres of antique civilization in South Russia. Ancient city of Gorgippia is actually recovered with the centre of modern health-resort Anapa.

In antiquity Gorgippia played an essential role in the economy and cultural life of North-Western Caucasus. In the light of recent archaeological excavations, on the basis of new epigraphical and numismatic materials and the data of classical sources the author restores the political and cultural life of this city within all the period of its existance from the VIth c. BC to IIIrd c. AD.

Beside the carreful analysis of archaeological material from the excavations carried out in Anapa since many years, the general problems of formation of early Greek polis, its contacts with the Mediterranean cities, cultural and political interaction with the barbarian population of Kuban region are studied in the book. Long development of a polis included into the Bosporus kingdom is reconstructed in details, together with the history of town planning, public life, religion, economy and trade, administration, material culture and the ways of contacts with the neighbouring peoples.

Extensive new archaeological material published in the book comes from the excavations of the Mission of the Institute of archaeology of the Russian Academy of Sciences which investigates the city itself and the Anapa region since more than 25 years.

Список рисунков в тексте

Рис. 1. Археологические памятники Боспора.
Рис. 2. Полуземлянка со спуском в нее. VI в. до н.э. Раннее поселение греков в Анапе.
Рис. 3. Краснофигурный италийский кратер конца V в. до н.э. Силены с музыкальными инструментами, менады с тамбурином, пальмовой ветвью и факелом, юноши с посохами. Использован как погребальная урна. Некрополь раннего поселения греков в Анапе.
Рис. 4. Пластина из слоновой кости с гравировкой: горгона на скале. Гробница рубежа V–IV вв. до н.э. около пос. Уташ.
Рис. 5. Пластина из слоновой кости с гравировкой: Медуза горгона обезглавлена и повержена на скалы. Уташская гробница.
Рис. 6. Костяная пластина из Уташской гробницы.
Рис. 7. Костяная пластина из Уташской гробницы; в углублениях орнамента красная краска.
Рис. 8. Гравированная пластина из слоновой кости: лев. Фон окрашен сыпучей синей красной. Уташская гробница.
Рис. 9. Гравированная пластина из слоновой кости: пантера. Фон окрашен сыпучей синей краской. Уташская гробница.
Рис. 10. Орнаментальные пластины из слоновой кости. В углублениях узора красная краска. Уташская гробница.
Рис. 11. Костяные пластины: сфинкс, лев. Уташская гробница.
Рис. 12. Золотая нашивная бляшка: петух. Уташская гробница.
Рис. 13. Амфора из тонкой оранжевой глины с крупными белыми, мелкими темными вкраплениями и мельчайшими блесткам. Некрополь VI–V вв. до н.э. около станции Анапской.
Рис. 14. Столовая чернофигурная амфора середины VI в. до н.э. из Клазомены. Роспись дополнена пурпуром и белилами. Раннее поселение греков в Анапе.
Рис. 15. Деталь росписи клазоменской амфоры: сфинкс.
Рис. 16. Деталь росписи клазоменской амфоры: сирена.
Рис. 17. Роспись обратной стороны клазоменской амфоры: две сирены.
Рис. 18. Чернофигурная столовая амфора. Раннее поселение греков в Анапе, дом последней четверти VI в. до н.э.
Рис. 19. Чернофигурный килик. Жилище последней четверти VI в. до н.э. Анапа.
Рис. 20. Чернофигурный горгонейон на дне килика; пурпур, белила. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.

Рис. 21. Край килика с беглой росписью черным лаком с металлическим отливом. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.
Рис. 22. Фрагмент закрытого сосуда с головой быка. Роспись лаком сургучного цвета. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.
Рис. 23. Ионийский аск из погребения на некрополе раннего поселения греков в Анапе.
Рис 24. Сосуд с росписью жидким лаком неустойчивой окраски. Жилище последней четверти VI в. до н.э. Анапа.
Рис. 25. Край столовой амфоры, лак сургучного цвета. Культурный слой раннего поселения греков в Анапе.
Рис. 26. Флаконы из глухого стекла, сформованные на керамическом сердечнике. Погребение на некрополе раннего поселения греков в Анапе.
Рис. 27. Клейма Горгиппа на обломках черепиц из культурного слоя Горгиппии.
Рис. 28. Бронзовый светильник. Горгиппия.
Рис. 29. Бронзовый светильник. Горгиппия.
Рис. 30. Бронзовые светильники из склепа. Некрополь Горгиппии. Анапские склепы первой половины III в. н.э. 1975 г.
Рис. 31. Бронзовая курильница с цветными эмалями. Анапские склепы первой половины III в. н.э. 1975 г.
Рис. 32. Полихромная стеклянная фиала с покладкой из золотой фольги. Стекло глухое белое, прозрачное лиловое, зеленое, синее, бесцветное. Анапские склепы первой половины III в. н.э. 1975 г.
Рис. 33. Блок антаблемента коринфского ордера II в. Мрамор. Найден вблизи станицы Натухаевской.
Рис. 34. Кассета с ликом Медузы горгоны. Мрамор. Найдена в Анапе.
Рис. 35. Вымостки дворов разновременных зданий, перекрывающих друг друга.
Рис. 36. Канал водостока II–III вв. (перекрывающие плиты сняты).
Рис. 37. Скальные гребни под снятым глинобитным полом подвала II–III вв.
Рис. 38. Слой пожара с кусками саманных кирпичей на полу подвала дома 15.
Рис. 39. Мраморная фигура Тюхе в слое пожара дома 15.
Рис. 40. Дромос разрушенного склепа IV–III вв. до н.э. на Султан-горе (кладка из ракушечника).
Рис. 41. Комплекс находок из дома 60 I в. н.э.
Рис. 42. Фигурный сосуд в виде головы юного Диониса в слое пожара дома 60.
Рис. 43. Участок Широкой улицы Горгиппии.
Рис. 44. Угол в горгиппийском подвале.
Рис. 45. Стена подвала II в. на более ранней кладке.
Рис. 46. Пазы для лестничных стропил в горгиппийском подвале.
Рис. 47. Пифосы в подвале горгиппийского дома II–III вв.
Рис. 48. Разбитые амфоры в слое пожара на полу горгиппийского подвала III в.
Рис. 49. Комплекс сосудов из одного горгиппийского подвала II–III вв.
Рис. 50. Горгиппийский подвал с амфорой в углу.
Рис. 51. Колодец дома II–III вв.
Рис. 52. Горгиппийская винодельня Г-12 II в. н.э. в юго-восточном углу заповедника.

Рис. 53. Глиняные формы для оттиска терракотовых фигурок, культурный слой горгиппийского керамика.
Рис. 54. Керамический предмет из культурного слоя Горгиппии.
Рис. 55. Штампованное изображение Афродиты Урании с Эротом и скипетром на центральном щитке золотого венка из склепа первой половины III в. Некрополь Горгиппии.
Рис. 56. Бронзовый штамп с изображением Афродиты с Эротом. Культурный слой Горгиппии.
Рис. 57. Деталь фрески Анапского склепа 1975 г.; первая половина III в.
Рис. 58. Деталь фрески Анапского склепа 1975 г.; первая половина III в.
Рис. 59. Монета бронзовая.
Рис. 60. Монета бронзовая (царь Савромат II — Геракл с вепрем).
Рис. 61. Гемма на николо: Афина в шлеме с копьем и щитом. Золотой перстень из гробницы первой половины III в.; некрополь Горгиппии.
Рис. 62. Фреска Анапского склепа 1975 г.: семейный портрет.
Рис. 63. Золотой медальон: Афродита с двумя Эротами. Погребение I в., некрополь Горгиппии.
Рис. 64. Серебряный медальон: Афродита с двумя Эротами. Погребение I в., некрополь Горгиппии.
Рис. 65. Золотой медальон: Афродита с Эротами. Погребение I в., некрополь Горгиппии.
Рис. 66. Мраморная женская голова. Эллинизм. Горгиппия.
Рис. 67. Мраморная голова Афродиты (часть композиции Афродита с Эротом), горгиппийский дом, сгоревший около 240 г.
Рис. 68. Оттиск геммы на глиняном грузике: Эрот стреляет из лука, внизу дельфин. Горгиппия, дом конца III – середины I вв. до н.э.
Рис. 69. Гемма на сердолике: Гермес. Погребение I в., некрополь Горгиппии.
Рис. 70. Гемма на аметисте: Аполлон с луком за плечами. Золотой перстень из погребения I–II вв., некрополь Горгиппии.
Рис. 71. Гемма на николо: голова Пана. Золотой перстень из анапских склепов 1975 г.
Рис. 72. Золотой перстень с изображением Сераписа. Горгиппийский дом, сгоревший около 240 г.

Описание таблиц

ТАБЛ. 1. Памятники античной эпохи в окрестностях Горгиппии.

ТАБЛ. 2. Археологический план Анапы:

а — территория фиксации культурного слоя поселения греков VI–V вв. до н.э. (1 — место фиксации оборонительной стены V в.); б — территории фиксации некрополя раннего полиса; в — территория фиксации культурного слоя Горгиппии IV в. до н.э. — первой половины III в. н.э. (наиболее значительные участки исследований: 2 — археологический заповедник "Горгиппия", 3 — пансионат "Океан", 4 — пансионат "Кубань", 5 — раскоп на ул. Ленина); г — территория фиксации некрополя Горгиппии (6 — склепы 1975 г.) ; к — керамик. Археологический план Анапы с указанием конкретных мест раскопов, наблюдений и - мест отдельных находок см.: *Е.М. Алексеева.* Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 66. Табл. I.

ТАБЛ. 3. Строительные остатки Анапского полиса VI–V вв. до н.э. (территория пансионата "Океан"):

1 — первый период (ров, землянки); 2 — второй период; 3–5 — третий период; 6 — глинобитные полы и каменные вымостки.

ТАБЛ. 4. Полуземлянка Анапского поселения, план и реконструкция.

ТАБЛ. 5. Пластины из слоновой кости из сырцовой подкурганной гробницы рубежа V и IV вв. до н.э. вблизи поселка Уташ.

ТАБЛ. 6. Украшения саркофага или клине из уташской гробницы (слоновая кость).

ТАБЛ. 7. Амфоры VI–V вв. до н.э. из Анапского поселения и его окрестностей:

1 — à la brosse; 2 — неизвестного центра; 3, 4 — Самос; 5, 6 — Иония с широкими полосами; 7–12 — Хиос; 13–16 — протофасос; 17–20 — со стаканообразными доньями.

ТАБЛ. 8. Набор посуды, сделанной на гончарном круге, из комплексов VI–V вв. до н.э. Анапского поселения и его окрестностей.

ТАБЛ. 9. Лепные сосуды, оружие и украшения из комплексов VI–V вв. до н.э. из Анапского поселения и его окрестностей:

1–6 — железо, 7 — свинец, 8–10 — бронза, 11 — бронза с серебряным покрытием и без него, 12 — стекло.

ТАБЛ. 10. Чернолаковые сосуды из комплексов Анапского поселения и его окрестностей.

ТАБЛ. 11. Чернолаковые сосуды из комплексов Анапского поселения и его окрестностей.

ТАБЛ. 12. Усадьба конца III – первой половины I в. до н.э. на территории современного Джемете:

1 — ситуация на местности, 2 — план раскопанной части (а — вымостки, б — границы пятен с камнями и керамикой на пахоте).

ТАБЛ. 13. Окрестности Горгиппии, усадьба конца IV–II вв. до н.э. в современном Джемете:

а — вымостки верхнего горизонта, б — вымостки нижнего горизонта, в — следы выбор-

ки стен.

ТАБЛ. 14. Горгиппийские черепичные клейма.

ТАБЛ. 15. Крепость рубежа тысячелетий в окрестностях Горгиппии (станица Анапская):

Б — дворовая часть, В — крепость первого строительного периода, л — опора лестницы, м — материк, сп — слой пожара под основанием стен.

ТАБЛ. 16. Амфоры из крепости в станице Анапской.

ТАБЛ. 17. Краснолаковая керамика из крепости в станице Анапской.

ТАБЛ. 18. Лепные (1–14) и темнолощеные (15–19) сосуды из крепости в станице Анапской.

ТАБЛ. 19. Некрополь сельского поселения в окрестностях Горгиппии (Анапский район, поселок Красная Скала).

ТАБЛ. 20. Некрополи поселений в окрестностях Горгиппии, распространенность типов погребальных сооружений:

ВС — Воскресенский, КР.К. — Красный Курган, КР.СК. — Красная Скала; I – III — раскопы; 1, 2, 3 — номера погребений.

ТАБЛ. 20а. Участок горгиппийского некрополя на ул. Терской в Анапе и монументальные гробницы с плитовым и бревенчатым перекрытием на некрополе Горгиппии.

ТАБЛ. 21. Горгиппия. План раскопа на ул. Ленина в Анапе:

а — эпоха эллинизма, б — I в. до н.э. – I в. н.э., в — первая половина III в. н.э.

ТАБЛ. 21а. Горгиппия. Раскоп на ул. Ленина в Анапе, строительные остатки I в. до н.э. – I в. н.э.

ТАБЛ. 22. Горгиппия. Остатки оборонительной системы эпохи эллинизма в раскопе на ул. Ленина в Анапе.

ТАБЛ. 23. Горгиппия. Гончарный комплекс II эпохи эллинизма:

а — прогоревший песок, б — горелая саманная крошка, в — угольно-сажная прослойка, г — известковое пятно, д — прокаленные до оранжевого цвета конструкции из глины, е — лилово-коричневые участки прокаленной глины, ж — остатки конструкций пода, з — пятна оранжевой глины, и — камни, к — светло-коричневый культурный слой, ч — черепица.

ТАБЛ. 24. Горгиппия. Гончарные печи III и IV эпохи эллинизма:

л — серая зола, м — зеленовато-оранжевая ошлакованная глина, прочие условные обозначения см. Табл. 23.

ТАБЛ. 25. Горгиппия. Гончарная печь I первых веков нашей эры.

ТАБЛ. 26. Керамик Горгиппии:

1 — печь V (а — оранжевая глина, б — белая масса, в — черная прогорелая глина); 2–6 — керамические подставки (2, 3 — из культурного слоя на территории керамика, 4, 5 — в заполнении печи I, 6 — из оранжевого слоя под сырцовым завалом печи I; 2 — светлоглиняная, 3–5 — из местной оранжевой глины с белыми, темными, красными включениями и блестками, 6 — из очень рыхлой оранжевой глины, насыщенной белыми включениями, шамотом и песком; г — срезы по сырой глине, д — поверхностный налеп).

ТАБЛ. 27. Горгиппия. Раскоп на месте строительства пансионата "Океан", план строительных остатков IV – первой половины III в. до н.э. (а) и III – II вв. до н.э. (б).

ТАБЛ. 28. Раскоп на месте строительства пансионата "Океан", план строительных остатков дома 51 второй половины III – II вв. до н.э.

ТАБЛ. 29. Раскоп на месте строительства пансионата "Океан", план строительных остатков II – первой половины III вв. до н.э.

ТАБЛ. 30. Археологический заповедник "Горгиппия" в Анапе, план исследования площадей.

ТАБЛ. 31. Археологический заповедник "Горгиппия", план строительных остатков IV в. до н.э. – I в. н.э.:

а — рубеж V–IV вв. до н.э., б — вторая четверть IV – третья четверть III вв. до н.э. (кладки и культурный слой), в — последняя четверть III – первая половина I вв. до н.э., г — середина I в. до н.э. – третья четверть I в. н.э., д — условные индексы домов (номера сквозные для всех строительных периодов всех раскопов Горгиппии), е — индексы помещений (номера также сквозные) и нивелировочные отметки полов, А — городские укрепления IV–III вв. до н.э., з — постройки поздней Горгиппии.

ТАБЛ. 32. Археологический заповедник "Горгиппия", план строительных остатков II–III вв. н.э.:

а — вымостки, б — сохранившиеся части стен, в — прослеженные следы выборок кладок, г — индексы домов, д — индексы помещений и нивелировочные отметки полов, е — винодельни, ж — следы жизни 2-ой половины III в. н.э. (дома 9а, 21а, 28), Б — цитадель.

ТАБЛ. 33. Башня IV–III вв. до н.э. (?)в северо-восточном углу городища.

ТАБЛ. 34. Цитадель поздней Горгиппии в северо-восточной части города.

ТАБЛ. 35. Горгиппия, раскоп у западного края лечебного корпуса пансионата "Кубань":

1-й строительный период — кладки 15, 16, 18, 21, 22; 2-ой — помещения 1 и 2, кладки 2 (низ), 3 (низ), 5, 6а, 7, 7а, 14, 17, 19, 20, 23, 24, 26; 3-й — помещение 1, кладки 1, 2, 3, 5, 9, 25; 4-й — помещение 4; а — глиняная обмазка стен 5 и 14.

ТАБЛ. 36. Горгиппия, раскопы у восточного края пансионата "Кубань" (на территории бывшей трикотажной фабрики Анапы):

1 — 1974 г., 2 — 1975 г., 3 — ситуация на местности, а — цемянка виноделен, б — вымостки, в — постройки рубежа V и IV вв. до н.э., г — стены и вымостки эпохи эллинизма, д — вымостки и кладки II – первой половины III в. н.э.

ТАБЛ. 37. Строительные остатки Горгиппии:

1 — подвалы дома IV – середины III вв. до н.э. на месте здания морского вокзала Анапы; 2 — части зданий в саду гостиницы "Анапа" у западного крыла.

Строительные периоды: I — 1, 2, 3, 4, 5; II — 8, 9; водостоки — 3, 8; блоки вторичного использования от здания с кладкой 1–6, 7.

ТАБЛ. 38. Дорический ордер в Горгиппии (ракушечник): антаблемент Г-1, барабан колонны, реконструкция фасада по Е.А. Савостиной; антаблемент Г-2.

ТАБЛ. 39. Горгиппия, архитектурные фрагменты из ракушечника:

1–3 — антаблемент ионического ордера с реконструкцией фасада по Е.А. Савостиной, 4–6 — фрагменты архитектурных деталей дорического ордера.

ТАБЛ. 40. Коринфский ордер в Горгиппии:

1 — реконструкция системы модульного пропорционирования по И.А. Крюковой и Г.Ф. Арзаманова; 2 — фасад коринфского ордера по И.Р. Пичикяну, 3 — разрезы кассет с головами Пана и Сатира, 4 — разрез кассеты из анапского музея с головой Медузы (3 и 4 — мрамор).

ТАБЛ. 41. Мраморные архитектурные детали зданий коринфского ордера:

1 — аттическая база угловой пилястры (набережная Анапы, 1981 г.), 2 — блок с двумя кассетами (лица Пана и Сатира в обрамлении ов, поселок Гай-Кодзор, ул. Шаумяна, дождевой сель 1975 г.), 3 — консоль с листом аканта (каменный завал на территории археологического заповедника).

ТАБЛ. 42. Капители пилястр коринфского ордера, мрамор:

1 — район Анапы, Су-Псех, 1982 г., 2 — заповедник 1977 г., 3 — пригород Анапы, Алексеевка, 1981 г.

ТАБЛ. 43. Части горгиппийских зданий:

1, 2 — водомет из ракушечника и профилированный блок из раскопа у западного края пансионата "Кубань"; 3 — сухарный карниз из слоя дома 4 эпохи эллинизма, заповедник; 4 — известняковый карниз из слоя дома 15 эпохи эллинизма, заповедник; 5 — известняковый барабан колонны, случайная находка в Анапе; 6 — мраморная архитектурная деталь; 7 — мраморная капитель анта с именем царя Перисада II; 8 — железная скрепа на квадре из ракушечника; 9 — карниз из ракушечника.

ТАБЛ. 44. Строительные камни из Горгиппии:

1 — фрагмент карниза из слоя эпохи эллинизма; 2 — карнизная плита (полочка и валик с выкружкой); 3 — часть карниза с выносом; 4 — фуст колонны; 5 — фрагмент карниза; 6 — карниз с сухариками из дома III–II вв. до н.э.; 7 – облицовочный блок из дома первой половины I в. (1–6 — ракушечник, 7 — мрамор).

ТАБЛ. 45. Архитектурные детали горгиппийских зданий, ракушечник:

1 — ионийская капитель от внутреннего ордера, 1988 г., при рытье котлована для расширения санатория им. Крупской; 2 — барабан колонны дорического ордера; 1988г., в культурном слое на строительстве здания по ул. Ленина; 3 — капитель пилястры, использована вторично в доме 60 I в. н.э.; 4 — база аттического профиля, использована вторично в кладке первых веков н.э.; 5–7 — база аттического профиля, передана строителями вместе с № 1.

ТАБЛ. 46. Известняковые блоки от монументальных зданий Горгиппии:

1 — блок со следами обработки инструментами, 3–4 — блоки с рустами, 5 — карниз дорийского ордера, 6 — база угловой пилястры, 7 — часть фуста дорической колонны.

ТАБЛ. 47. Архитектурные детали из Горгиппии, известняк:

барабан колонны дорического ордера из культурного слоя раскопа по ул. Ленина в 1988 г. и капительки колонок внутреннего ордера (2, 3 — из помещения 72 дома 10 эллинистического времени, 4 — вторично использованная в кладке помещения 31 дома 9 II–III вв. н.э.).

ТАБЛ. 48. Детали горгиппийских зданий:

антефиксы (1 — из слоя пожара эллинистического времени, площадь 238 заповедника "Горгиппия", 2 — из верхнего слоя заповедника; 3 — из слоя V–IV вв. до н.э. на месте строительства пансионата "Океан" (окрашен красным) и фрагменты перегородок из саманной глины на камышовом каркасе из домов II – первой половины III вв. н.э.

ТАБЛ. 49. Кирпичи обожжённые:

1–3 — из дома 60 I в. н.э., 4–5 — из культурного слоя над руинами дома эпохи эллинизма (тамга царя Аспурга).

ТАБЛ. 50. Кирпичи из горгиппийских домов:

1 — из саманной глины, 2–7 — хорошо обожжены (глина красная, в тесте видны выгоревшие примеси соломы и куски шамота, поверхность обмазана отмученной жидкой глиной, на одну из сторон налип песок, бороздки нанесены пальцами по сырой глине).

ТАБЛ. 51. Заповедник "Горгиппия", дом 10 IV–II вв. до н.э., план сохранившихся фрагментов и разрез колодца 12.

ТАБЛ. 52. Дом 10, амфоры из колодца 12:

1–3 — фасосские, 4–5 — синопские, 6–9 — гераклейские, 10–12 — с колпачковыми ножками, 13 — из белой глины с темными включениями (Родос ?); а — красная краска.

ТАБЛ. 53. Дом 10, обломки керамических сосудов из помещения 72:

1–6 — гераклейские амфоры, 7–9 — синопские, 10–13 — типа Солоха I, 14 — полое дно

амфоры VI–V вв. до н.э., 15–18 — АМ с колпачковыми ножками, 19–20 — АМ неизвестного центра, 21–22 — косские АМ, 23–25 — АМ фасосского круга, 26–31 — лутерии, 32–36 — пифосы.

ТАБЛ. 54. Дом 10, находки из помещения 72:

3–9 — простые круговые сосуды, 10–18 — с лиловым покрытием, 19–22 — с красным лакообразным покрытием, 23 — пробка из сырцовой глины, 24 — грузик обожженный, 25–26 — темнолощеная керамика, 27–36 — чернолаковая, 37 — с темным лакообразным покрытием, 38–39 — с черным лаком по серой глине, 40–41 — с лощением по темному покрытию.

ТАБЛ. 55. Дом 10, находки из колодца:

1–14 — чернолаковые сосуды, 15 — стрела бронзовая, 16 — алебастровый алабастр, 17–19 — глиняные светильники, 20–23 — сероглиняная керамика с черным лаком, 24–26 — амфоры.

ТАБЛ. 56. Дом 10, керамика из колодца.

Сосуды, сделанные на гончарном круге: 1–15 — миски, 16–20 — лутерии, 21–27 — крышки, 28–32 — блюда, 33–37 — кастрюли; 48–52 — лепная посуда.

ТАБЛ. 57. Дом 10, обломки посуды, сделанной на гончарном круге из помещения 72:

1–11 — кувшинов, 12–22 — горшков, 23–27 — крышек, 28–38 — блюд и тарелок, 39–41 — светильников, 42–44 — кастрюль.

ТАБЛ. 58. Дом 10, круговые кувшины из колодца:

1–2 — с темным лакообразным покрытием, 3 — с лиловой окраской, 4–7 — с тонким красным лакообразным покрытием, 8–31 — без покрытия; К — красная полоса.

ТАБЛ. 59. Дом 10, находки из слоя пожара (3), помещений 52 (7, 10, 11) и 72 (1, 2, 4–6, 8, 9, 12–18).

1 — голова терракотовой фигуры, 2–5 — оттиски гемм на пирамидальных грузилах, 6 — узор на верхней грани пирамидального грузика, 7–12 — клейма гераклейских амфор, 13 — известняковая капитель, 14–17 — черепичные клейма, 18 — клеймо на венце пифоса.

ТАБЛ. 60. Дом 10, находки из слоя пожара:

1–3 — клейма фасосских амфор, 4–5 — клейма синопских амфор, 6–10 — обломки чаш с рельефным орнаментом, 11–12 — граффити на круговых сосудах, 14 — свинцовые скрепы для починки пифоса, 15 — терракотовая фигурка Кибелы, 16 — глиняная форма дня оттиска герма, 17 — светильник, 18–26 — чернолаковая керамика.

ТАБЛ. 61. Дом 10, находки из подвала 72:

1–3 — части терракот, 4 — глиняный штамп, 5–6 — обломки краснофигурных кратеров, 7–10 — круговые сосуды, 11–12 — черепичные клейма, 13 — граффити на стенке пифоса.

ТАБЛ. 62. Дом 10, находки из колодца:

1 — лекиф, 2–3 — клейма на ручках синопских амфор, 4 — клеймо ручки целой синопской амфоры (Табл. 52:4), 5 — клеймо на амфорной ручке, 6–8 — клейма на ручках фасосских амфор, 9 — клеймо на ручке целой фасосской амфоры, 10 — граффити на дне темноглиняного кувшина, 11–16 — клейма гераклейских амфор, 17 — черепичное клеймо.

ТАБЛ. 63. Дом 10, находки из колодца:

1–5 — обломки краснофигурных сосудов, 6–8 — терракоты, 9 — граффити на стенке светлоглиняной амфоры, 10 — напильники костяные.

ТАБЛ. 64. Заповедник "Горгиппия", дом 29 середины IV – середины III вв. до н.э., уцелевшие строительные остатки.

ТАБЛ. 65. Дом 29, находки из слоя пожара:

1–5 — части терракот; 6 — осколки расписного лагиноса (роспись красная лакообразная); 7–8 — серолощеный и простой светильники; 9–10 — части чернолаковых блюд со штам-

пованным орнаментом (профиля см. Табл. 71: 7, 9); 11 — слив глиняного лутерия.

ТАБЛ. 66. Дом 29, находки из слоя пожара:

1–2 — терракотовые головки, 3–12 — клейма на ручках синопских амфор (6 и 7 от одной амфоры), 13 — фасосское клеймо, 14 — клеймо на амфорном горле, 15 — фрагмент цедилки, 16 — черепичное клеймо, 17 — красное дипинти на плечике АМ, 18 — просверленный астрагал, 19 — часть чаши с орнаментом мегарского типа, 20–22 — клейма гераклейских амфор.

ТАБЛ. 67. Дом 29, части амфор из помещения 102:

1–2 — косских, 3–4 — родосских, 5–7 — синопских, 11–12 — светлоглиняных (Синопа?), 13 — гераклейской, 14 — фасосской, 15 — из рыхлой коричневой глины (Колхида?).

ТАБЛ. 68. Дом 29, осколки амфор из слоя пожара:

1–2 — пантикапейских, 3–6 — херсонесских, 7–11 — из красной боспорской глины.

ТАБЛ. 69. Дом 29, находки из помещения 102:

1–3 — части АМ типа Солоха II, 4–6 — части АМ типа Солоха I, 7 — венец АМ Усть-Лабинского типа, 8–10 — обломки лутериев, 11–12 — пряслица, 13 — грузик керамический, 14 — гвоздь железный, 15 — садовый нож, 16 — стрела бронзовая.

ТАБЛ. 70. Дом 29, круговая керамика из слоя пожара.

ТАБЛ. 71. Дом 29, находки из слоя гибели внутри помещений:

1–6 — круговая посуда с красным покрытием, 7 — мраморный лутерий, 8–14 — чернолаковые сосуды, 15 — наконечник сопла (глина грубая, оранжевая с темным закалом поверхности, с блестками и обилием мелких черных включений).

ТАБЛ. 72. Заповедник "Горгиппия", дом 15 последней четверти III – середины I в. до н.э., план строительных остатков и аксонометрия северо-восточного угла с элементами реконструкции:

К — колодец, ПОМ — помещение, ск — скала, я — яма.

ТАБЛ. 73. Дом 15, разрез с реконструкцией.

ТАБЛ. 74. Дом 15, помещение 42, богиня судьбы Тюхе (мрамор).

ТАБЛ. 75. Дом 15, находки из помещения 42:

1 — лагинос с белым покрытием и буролаковой росписью, 2–3 — обломки чернолаковых сосудов с белой росписью, 4 — круговой светлоглиняный лутерий, 5 — глиняная фигурка беременной женщины, 6 — чернолаковая ойнохоя, 7 — лутерий с орнаментом, 8 — терракотовая Деметра-Куротрофа.

ТАБЛ. 76. Дом 15, находки из помещений 41 (4–6) и 42 (1–3, 7–15):

1 — клеймо на верхней грани грузила (голова лошади); 2 — клеймо на верхней грани грузила (Геракл); 3 — клеймо на плечике кувшина (Гермес); клеймо на верхней части грузила (кадуцей и колос); 5, 14 — клейма на ручках фасосских амфор; 6 — клеймо на верхней части грузила (Геракл); 7 — клейма на ручках амфоры косского типа; 8–10 — клейма родосских амфор; 11 — клеймо на ручке кувшина (голова лошади); 12 — клейменая ручка синопской амфоры; 13 — синопское клеймо на плечике кувшина; 15 — черепичное клеймо.

ТАБЛ. 77. Дом 15, находки в помещении 42:

1 — набор игральных костей, 2 — пряслице керамическое, 3 — измятая золотая бусина, 4 — игральная кость с подтеской, 5 — астрагал с надписью "дарю".

ТАБЛ. 78. Дом 15, круговые кувшины из помещения 42.

ТАБЛ. 79. Дом 15, сосуды из помещения 42:

1 — лепная миска, 2 — лощеный кувшин, 3–12 — круговые горшки и кастрюли.

ТАБЛ. 80. Дом 15, находки в помещениях 41 (6) и 42 (1–5):

1 — набор обожжённых глиняных грузил (найдено 98, на десяти сверху оттиск овальной

геммы: 1 с головой лошади, 9 — со стоящей человеческой фигурой); 2 — каменное пряслице; 3 — грузик из обожженной глины; 4 — сырцовая пробка сосуда; 5 — сырцовая обмазка с отпечатками камыша; 6 — терракотовый герм.

ТАБЛ. 81. Дом 15, находки из подвалов 41 (4) и 42:

1 — верх АМ из белой глины, 2 — терракотовая фигурка богини, 3 — терракотовая фигурка птицы, 4 — оттиск геммы (колос и кадуцей) на грузике, 5–6 — флаконы, 7 — чернолаковая тарелка, 8–12 — миски, 13–18 — сырцовые пробки, 19–23 — миски круговые, 24 — сырцовая пробка, 25 — глиняная форма и гипсовый оттиск (Силен с чаном), 26 — часть терракоты — голова гуся.

ТАБЛ. 82. Дом 15, помещение 42, круговые горшки и сырцовая крышка.

ТАБЛ. 83. Дом 15, горшки и сосуды открытых форм из помещения 42:

1–7, 9–16 — простые круговые, 8 — с лиловым покрытием, 17 — чернолаковое блюдо, 18 — серолощеная миска, 19 — буролаковая чашка с граффити.

ТАБЛ. 84. Дом 15, керамика из помещения 42:

1 — керамическая подставка с птицей (обожженная), 2 — сероглиняный унгвентарий, 3 — части лагиноса с желтым ангобом, 4–15 — фрагментированные круговые кувшины.

ТАБЛ. 85. Дом 15, находки из помещения 42:

1 — амфора родосская, 2 — амфора из тонкой глины, 3–4 — сосуды с тусклым черным лаком, 5–6 — простые круговые сосуды, 7–8 — лепные сосуды из тонкой глины.

ТАБЛ. 86. Дом 15, керамические находки:

1–22 — грузила и круговая посуда из помещения 41, 23 — часть чернолаковой пелики с каннелированным туловом (роспись жидкой глиной).

ТАБЛ. 87. Дом 15, керамика из слоя пожара в помещениях 41 (6–7) и 42 (1–5):

1 — чернолаковый кубок с рельефным орнаментом, 2 — части чернолаковой фиалы делосского круга, 3–4 — чаши делосского круга с красновато-бурым лаком, 5 — флакон со светлым покрытием и росписью желтым лаком, 6–7 — части чаш с рельефным орнаментом.

ТАБЛ. 88. Заповедник "Горгиппия", раскопанная часть дома 5 II – середины III вв. н.э.

ТАБЛ. 89. Дом 5, красноглиняные амфоры из помещения 74:

6 — с граффити, 8–9 — с красными дипинти.

ТАБЛ. 90. Дом 5, помещение 74, красноглиняные амфоры.

ТАБЛ. 91. Дом 5, находки из подвала 74:

1–3 — железные серп, нож, гвоздь; 4 — подставка для амфоры; 5 — край красноглиняного пифоса; 6 — носик краснолакового светильника; 7 — часть амфоры из розовой глины с белыми включениями; 8 — слив светлоглиняного лутерия; 9–10 — светлоглиняные амфоры; 11–13 — красноглиняные амфоры.

ТАБЛ. 92. Дом 5, обломки керамики из помещения 74:

1 — краснолаковой миски, 2–5 — круговой посуды, 6–13 — светлоглиняных амфор, 14–18 — коричневоглиняных амфор, 19–21 — красноглиняных амфор.

ТАБЛ. 93. Дом 5, помещение 73, светлоглиняные амфоры.

ТАБЛ. 94. Дом 5, помещение 73, красноглиняные амфоры.

ТАБЛ. 95. Дом 5, помещение 73, фрагменты красноглиняных амфор.

ТАБЛ. 96. Дом 5, находки в помещении 73:

1–5 — коричневоглиняные амфоры, 6–7 — серолощеная керамика, 8 — краснолаковый кувшин, 9 — железный штырь, 10–12 — круговые кастрюли, 13 — кувшин с красным покрытием, 14 — граффити на обломках амфор, 17 — саманный кирпич, 18 — светлоглиняный лутерий, 19–21 — красные дипинти на амфорных черепках.

ТАБЛ. 97. Дом 5, помещение 7, железные бруски-заготовки с прямоугольным поперечным сечением (товарные крицы).

ТАБЛ. 98. Дом 5, железные предметы из помещения 73:

1–4 — гвозди, 5–6 — жаровни, 7–12 — уключины с бронзовыми кольцами, 13 — мотыжка, 14 — ключ, 15— топор, 16–25 — части колесовидных удил, 26 — кусок крицы.

ТАБЛ. 99. Дом 5, находки в помещении 60:

1–6 — краснолаковые сосуды, 7–8 — грузики из обожженной глины, 9–15— части красноглиняных амфор, 16–17 — венцы светлоглиняных амфор, 18 — ножка коричневоглиняной амфоры, 19–21 — круговые кастрюли и граффити внутри поддона кругового сосуда, 22–23 — лепная керамика, 24–27 — темнолощеная керамика.

ТАБЛ. 100. Дом 5:

1 — ниша в южной стене подвала 74; 2 — подвал 74 с лестничной опорой и погребом.

ТАБЛ. 101. Дом 5:

1–3 — находки из подвала 74 (железный ключ, зооморфная ручка серолощеного кувшина, клеймо на горле большой красноглиняной амфоры); 4 — подвал 17.

ТАБЛ. 102. Заповедник "Горгиппия", дом 6 II – первой половины III в. н.э., план:

а — каменные вымостки, б — глиняная обмазка стен, в — граница глинобитного пола, г — подрубка скалы, д — нивелировочные отметки (максимально сохранившегося верха/низа–дна–подошвы), А — амфора, К — колодец, Л — хозяйственный люк, П — пифос, ПОМ — помещение, Я — яма.

ТАБЛ. 103. Дом 6, подвал 69: очаг и разбитые амфоры в слое пожара.

ТАБЛ. 104. Дом 6, находки из помещения 59:

1–12 — красноглиняные АМ, 13–18 — светлоглиняные АМ, 19 — коричневоглиняные АМ, 20 — красноглиняные пифосы, 21 — часть железного меча, 22 — железный инструмент.

ТАБЛ. 105. Дом 6, находки из помещения 58:

1 — коричневоглиняные АМ, 2–7 — красноглиняные АМ, 8–10 — светлоглиняные АМ, 11–16 — круговая посуда, 17–21 — краснолаковая керамика, 22–24 — лощеная керамика, 25–29 — железные предметы (части меча, псалий, серп).

ТАБЛ. 106. Дом 6, находки в помещении 57:

1 — АМ из коричневой глины, 2–6 — АМ светлоглиняные, 7 — гвоздь железный, 8 — гвоздь бронзовый, 9–22 — красноглиняные АМ (14 с граффити).

ТАБЛ. 107. Дом 6, находки из помещений 57 (1–9, 15) и 58 (10–14):

1 — граффити на горле красноглиняной АМ; 2 — стенка пифоса с красной окраской орнамента; 3 — крышка круговая; 4 — инструмент железный; 5 — спекшиеся в пожаре браслеты и пряжки из бронзы; 6 — ойнохоя с лиловым покрытием; 7 — ручка кувшина с коричневым лощением; 8, 12 — светильники с коричневым лощением; 9 — глиняная обмазка тростника; 10 — бронзовая дужка фибулы с серебряной обмоткой; 11 — кусок железной кольчуги; 13 — обгоревший светильник; 14 — бронзовая фигурка женщины (до реставрации); 15 — железный наральник.

ТАБЛ. 108. Дом 6, находки из помещений 57 (1–20) и 59 (21–33):

1–5, 30–33 — толстостенные сосуды; 6–14 — круговая посуда; 15–18 — сосуды с лощением; 19–20, 24–27 — железные предметы; 21–23 — изделия из бронзы; 28 — миска краснолаковая; 29 — горшок лепной.

ТАБЛ. 109. Дом 6, находки в помещениях 59 (1–9) и 65 (10–11):

1 — лепной сосуд, 2–3 — железные скрепы, 4 — железное дверное (?) кольцо, 5 — меч, 6 — стенка коричневоглиняной амфоры с граффити, 7 — железные удила, 8–9 — куски глиняной обмазки тростниковой перегородки, 10 — крышка круговая, 11 — фрагмент каменной зернотерки.

ТАБЛ. 110. Дом 6, массовый материал из помещений 56 (1–10) и 65 (11–37):

1, 3, 21, 22 — красноглиняные АМ; 4–5 — АМ из тонкой оранжевой глины; 6–7 — АМ светлоглиняные; 8, 15–17 — лощеная керамика; 9 — АМ коричневоглиняные; 10 — ключ бронзовый; 11–14 — краснолаковая посуда; 18 — лепной сосуд; 19 — дно стеклянного сосуда; 20 — пряжка бронзовая; 23–25 — круговая посуда; 37 — гвоздь железный.

ТАБЛ. 111. Дом 6, керамика из помещения 69:

1 — венец красноглиняного пифоса, 2 — коричневоглиняные амфоры, 3–15 — светлоглиняные амфоры.

ТАБЛ. 112. Дом 6, керамика из помещения 69:

1–6 — лепные предметы, 2–13 — АМ красноглиняные.

ТАБЛ. 113. Дом 6, керамика из помещения 69:

1–11 — круговая, 12–23 — краснолаковая, 24–29 — лощеная.

ТАБЛ. 114. Дом 6, находки из помещения 69:

1–3 — точильные камни, 4 — круговой горшок с красноватым лощением, 8–11 — железные изделия.

ТАБЛ. 115. Дом 6, находки из подвалов 57 (33–38), 58 (39–40) и 69 (1–32):

Египетский фаянс бирюзового цвета: 1 — 298 экз., 26–28 — 3 экз., 39 — 1 экз.; стекло с внутренней позолотой: 10 — 1 экз., 11 — 2 экз., 12 — 2 экз., 13 — 2 экз., 14 — 17 экз., 36 — 1 экз., 37 — 1 экз.; стекло глухое белое: 5 — 4 экз., 15 — 2 экз.; стекло глухое черное: 2 — 55 экз., 16 — 4 экз., 17 — 1 экз.; стекло глухое красное: 7 — 1 экз., 8 — 1 экз., 9 — 11 экз.; стекло глухое голубое: 4 — 2 экз., 6 — 38 экз.; стекло прозрачное зеленое: 5 — 2 экз.; золото: 3 — 4 экз.; коралл: 21 — 1 экз.; раковина каури: 25 — 1 экз.; сардер, сверление одностороннее: 22 — 1 экз.; халцедон, сверление одностороннее: 23, 24 — 4 экз.; стекло полихромное с накладным орнаментом: 18 — 1 экз., ядро черное, нить белая; 19 — 3 экз., ядро прозрачное синее, нить белая; 20 — 2 экз., ядро черное, капли белые и бирюзовые; в технике мозаичного стекла: 29 — 2 экз., ядро бирюзовое, узор желтый, черный и красный; 30 — 2 экз., цвет бирюзовый, белый, желтый и лиловый; 31 — 1 экз., ядро красное, узор зеленый и желтый; 32 — 1 экз., ядро зеленое, узор желтый и красный; бронза: 33–35, 38, 40.

ТАБЛ. 116. Дом 6, находки в подвалах:

1 — край краснолаковой тарелки из помещения 75; 2–10 — железные предметы из помещения 69 (2–4 — наконечники дротиков, 6–7 — топоры, 8 — замковая пластина, 9 — виноградный нож, 10 — серп).

ТАБЛ. 117. Дом 6, находки из помещений 69 (1–5, 7–11) и 71 (6):

1 — краснолаковый светильник; 2–3 — круговые сосуды; 4–5, 7–8 — лепные сосуды со слабым лощением; 9 — лепной горшок из очажной конструкции; 10 — известняковая опора; 11 — крышка глиняная обожжённая.

ТАБЛ. 118. Дом 6, амфоры из помещения 75:

А — светлоглиняные, Б — красноглиняные.

ТАБЛ. 119. Дом 6, находки в помещении 75:

1–3 — АМ красноглиняные, 4 — темнолощеный кувшин, 5–8 — керамика с коричневым лощением, 9–10 — граффити на плечиках светлоглиняных АМ, 11 — курильница с красными полосами и треугольниками, 12–13 — граффити на горлах красноглиняных АМ, 14 — часть сырцовой обмазки, 15 — кусок саманного кирпича.

ТАБЛ. 120. Дом 6, находки в помещении 75:

1 — АМ светлоглиняные; 2 — АМ коричневоглиняные; 3–11 — АМ красноглиняные; 12–13 — сосуды с коричневым лощением (12 — см. Табл. 119: 6); 14–17 — изделия из железа (садовый нож, гвоздь, копье, замковая пластина); 18 — пифос красноглиняный; 19 — чашка краснолаковая.

ТАБЛ. 121. Дом 6, черепица из помещения 57:

глина рыхлая; найдено целыми 3 калиптера и 9 соленов; бороздки проведены пальцами по сырой глине.

ТАБЛ. 122. Заповедник "Горгиппия", дом 7 II – первой половины III в. н.э. План и разрез через помещение 69:

а — каменная вымостка, б — территория двора, в — трамбовка из киловой глины и скальной крошки, Г — деревянная крышка погреба, д — нивелировочные отметки максимально сохранившегося верха и дна (подошвы), ПОМ — помещение, Я — яма, К — колодец, П — пифос.

ТАБЛ. 123. Дом 7, строительные остатки:

1 — коридор в хозяйственный люк из подвала 88, 2 — спуск в подвал 89, 3 — развал амфор в юго-восточном углу подвала 49 (очевидно, под лестницей).

ТАБЛ. 124. Дом 7, находки в помещении 55:

1–7 — АМ светлоглиняные, 8 — АМ коричневоглиняные, 9–20 — АМ красноглиняные, 21 — грузик сырцовый, 22–24 — пифосы, 25–35 — лепная керамика.

ТАБЛ. 125. Дом 7, находки в помещении 55:

1–9 — краснолаковая керамика, 10–21 — простая круговая посуда, 22–34 — лощеная керамика, 35–39 — обломки стеклянных сосудов, 40 — зернотерка, 41–43 — бронзовые инструменты, часть фибулы и браслет.

ТАБЛ. 126. Дом 7, находки из помещения 55:

1–2 — красные дипинти на стенках светлоглиняных АМ, 3–4 — граффити на стенках АМ, 5 — ручка мраморного лутерия, 6 — лепная миска, 7 — краснолаковый кувшин, 8 — лепной горшок с лощением, 9 — круговой кувшин.

ТАБЛ. 127. Дом 7, находки из помещениям 68:

1–2 — АМ красноглиняные, 3 — АМ из тонкой глины с блестками (близкой группе глин АМ-1), 4–5 — сосуды круговые с лощением, 6 — крышка гончарная, 7 — лепной горшок.

ТАБЛ. 128. Дом 7, керамика из помещения 85:

1–12 — краснолаковая, 13–21 — круговая.

ТАБЛ. 129. Дом 7, керамика из помещения 85:

1–5 — АМ светлоглиняные, 6 — АМ коричневоглиняная, 7 — АМ красноглиняная, 8–14 — сосуды с коричневым лощением (9 — граффити на плечике кувшина), 15–17 — лепная керамика с лощением, 18–20 — лепные сосуды.

ТАБЛ. 130. Дом 7, находки из помещения 88 (1–6, 17), ямы 303 и ведущего в нее коридора (7–16):

1, 9 — грубогончарные сосуды; 2–4 — АМ красноглиняные; 5–6, 10–11 — круговые сосуды; 7 — АМ коричневоглиняная; 8 — АМ светлоглиняная; 12 — сосуд темнолощеный; 13–15 — краснолаковые сосуды; 16 — лепной горшок; 17 — известняковая пробка.

ТАБЛ. 131. Дом 7, керамика из помещения 89:

1–11 — АМ красноглиняные, 12–14 — АМ светлоглиняные, 15–17 — АМ коричневоглиняные, 18 — грузик обожжённый, 19–23 — круговая посуда, 24–28 — краснолаковая, 29–30 — лепная, 31–37 — пифосы красноглиняные.

ТАБЛ. 132. Дом 7, находки из слоя гибели:

1–5 — краснолаковые светильники и набор астрагалов из помещения 89; 6 — терочник из помещения 89; 7 — клейменый кирпич, найден рядом с помещением 85; 8, 9 — клейменый кирпич и часть краснолакового блюда из помещения 88; 10 — клейменый кирпич из ямы 267; 11 — клеймо на обожженном пирамидальном грузике из ямы 241.

ТАБЛ. 133. Дом 7, массовый материал из помещения 49:

1 — пифос красноглиняный, 2 — круговой сосуд, 3–6 — АМ из коричневой глины, 7–10 — АМ светлоглиняные, 11–23 — АМ красноглиняные.

ТАБЛ. 134. Дом 7, находки из помещения 49:

1–3 — удила железные, топор и рукоятка; 4–6 — АМ красноглиняные.

ТАБЛ. 135. Дом 7, находки из помещений 85 (1–9) и 89 (10–13):

1 — 40 бусин из глухого красного и бирюзового стекла; 2–7 — бронзовые колокольчик, ручка сосуда, фибула, 4 застежки, 2 накладки; 8–9 — железные пластины, 10 — мраморный лутерий; 11 — граффити на АМ; 12–13 — глиняные пряслица.

ТАБЛ. 136. Дом 7, находки из ям:

1–2 — серолощеные сосуды из ямы 241, 3 — АМ коричневоглиняная из ямы 246, 4 — крышка известняковая из ямы 262.

ТАБЛ. 137. Части стеклянных сосудов из слоя гибели домов 6 и 7.

ТАБЛ. 138. Заповедник "Горгиппия", дом 11 II – первой половины III в., план строительных остатков.

ТАБЛ. 139. Дом 11, реконструкция (архитектор Б.Д. Лурье).

ТАБЛ. 140. Дом 11, реконструкция Б.Д. Лурье.

ТАБЛ. 141. Заповедник "Горгиппия", дом 21 II – первой половины III в., план раскопанных строительных остатков:

м — материк, сг — слой гибели здания.

ТАБЛ. 142. Дом 21, хозяйственное сооружение при винодельне (погреб):

1–2 — план и фас южной стороны, 3 — АМ из тонкой розовой глины, 4 — АМ коричневоглиняные.

ТАБЛ. 143. Дом 21, фигурный краснолаковый сосуд из сооружения 109.

ТАБЛ. 144. Дом 21, находки из сооружения 109:

1–3 — краснолаковая керамика; 4–6 — железные топор, клинок и умбон щита; 7–13 — лепные сосуды.

ТАБЛ. 145. Дом 21, находки из сооружения 109 (1–27) и ямы 352 (28–33):

1, 3–12, 30, 31 — АМ красноглиняные; 2, 28, 29 — АМ светлоглиняные; 13 — миска лощеная, 14–24 — круговая посуда; 25, 27 — обожженные глиняные грузики; 26 — саманный грузик; 32 — чашка краснолаковая; 33 — лепной горшок.

ТАБЛ. 146. Дом 21, находки из слоя гибели помещения 103 (1–9) и южнее помещения 109:

1–3 — АМ; 4 — темнолощеный сосуд; 5–7, 12 — краснолаковая керамика; 8–9 — саманный и каменный грузики; 10 — топор железный; 11 — подставка для АМ; 12 — круговой сосуд; 14 — часть саманной жаровни.

ТАБЛ. 147. Дом 21, процесс расчистки и находки:

1 — лестница в помещение 1; 2–3 — АМ коричневоглиняная и лощеный светильник из сооружения 109; 4–7 — часть открытого светильника и граффити на плечиках коричневоглиняных АМ из слоя гибели дома.

ТАБЛ. 148. Заповедник "Горгиппия", дом 25 II – первой половины III в., план расчищенных строительных остатков и два опорных камня из помещения 95 (известняк).

ТАБЛ. 149. Дом 25, помещение 91, находки:

1 — АМ из тонкой оранжевой глины; 2 — АМ из лиловатой глины типа АМ-2; 3–17 — АМ из красной глины типа АМ-1; 18–19 — обожженные глиняные грузики.

ТАБЛ. 150. Дом 25, помещение 91, части амфор:

1–4 — светлоглиняных, 5–6 — коричневоглиняных, 7–16 — из красной глины типа АМ-1.

ТАБЛ. 151. Дом 25, лепная керамика из ямы 328 (1–4) и находки из помещения 91:

5–6 — бусины сердоликовая и стеклянная с внутренней позолотой, 7–8 — серолощеная керамика, 9–18 — круговая посуда, 19–21 — красный лак, 22–25 — лепные сосуды.

ТАБЛ. 152. Дом 25, находки из помещения 95:

1–6 — АМ светлоглиняные, 7–9 — АМ коричневоглиняные, 10–11 — АМ красноглиняные, 12–14 — краснолаковая керамика, 15–18 — круговая.

ТАБЛ. 153. Дом 25, находки из ямы 308 (1–14) и помещения 95:

1 — лепной сосуд с лощением, 2 — краснолаковая чашка , 3 — бронзовый гвоздь, 4 — известняковая крышка, 5 — лутерий из сероватого мрамора, 6 — АМ коричневоглиняная, 7 — АМ красноглиняная, 9–12 — круговая посуда, 13 — лепные сосуды, 14 — стекло бесцветное прозрачное, 15–17 — лепные сосуды, 18 — части коричневолощеного кувшина, 19–20 — сосуды с темным лощением.

ТАБЛ. 154. Дом 25 , находки в яме 308:

14 — светлоглиняные, 5 — АМ красноглиняные, 6–12 — красный лак, 13–14 — коричневое лощение, 15–16 — серое лощение, 17–29 — круговая керамика (21 — узор лаком коричневатого цвета, 25 — на дне граффити).

ТАБЛ. 155. Дом 25, находки в ямах 309 (1–28) и 347:

1–13 — бусы и раковина каури, 14 — стеклянные инкрустационные вставки, 15 — халцедоновая вставка, 16 — бронзовые поделки, 17–19 — серебряные украшения, 20–21 — костяные поделки, 22 — фибула шарнирная с инкрустацией, 23 — сероглиняная круговая миска, 24–27, 29–33 — АМ красноглиняные, 28 — лепной сосуд, 34–36 — АМ коричневоглиняные, 37 — серое лощение.

ТАБЛ. 156. Дом 25, находки в яме 337:

1–3 — АМ красноглиняные (1 с красным дипинти), 4 — АМ из коричневой глины, 5–6 — АМ светлоглиняные, 7 — чернолощеный кувшин, 8 - светлоглиняная подставка для амфоры, 9–15 — круговая керамика, 16–21 — красный лак, 22–28 — лепная посуда.

ТАБЛ. 157. Дом 25, находки из ямы 316:

1–5 — АМ красноглиняные, 6–7 — АМ светлоглиняные, 8–11 — АМ коричневоглиняные, 12–14 — железные предметы, 15–16 — пряслица глиняные, 17–19 — красный лак, 20–22 — сосуды с черным лощением, 23–27 — лепные сосуды, 28–38 — круговая керамика, 39–40 — грузики каменный и обожженный глиняный.

ТАБЛ. 158. Дом 25, фрагменты расчистки и находки из слоя гибели:

1 — серолощёная ручка из ямы 318; 2 — краснолаковый светильник из ямы 308; 3–4 — серолощеная ручка и светильник из ямы 316; 5–6 — топорик из змеевика, стеклянная палочка, краснолаковый светильник, ручка с коричневым лощением и набор астрагалов из ямы 309; 10–11 — краснолаковые светильники из помещения 91; 12–14 — завал стены из саманных кирпичей и каменная платформа в углу помещения.

ТАБЛ. 159. Заповедник "Горгиппия", дом 33 II – первой половины III в. с винодельней, план расчищенных строительных остатков:

а — каменные вымостки, б — угольно-сажное пятно, в — граница глинобитного пола, г — след выборки стены, А — амфора, К — колодец, П — пифос, ПЛ — площадка винодельни, СК — подрубка скалы, Ц — цистерна винодельни, Я — яма.

ТАБЛ. 160. Дом 33, реконструкция северо-западного угла.

ТАБЛ. 161. Дом 33, винодельня Г4, погибшая в 240 г. н.э.

ТАБЛ. 162. Дом 33, красноглиняная амфора с граффити из цистерны 3 винодельни и винодельня Г4 в процессе расчистки.

ТАБЛ. 163. Дом 33, процесс раскопок и находки:

1 — гиря бронзовая из цистерны винодельни, 2–3 — граффити на керамических сосудах, 4 — известняковая плита с пазами из ямы 369, 5 — помещение 111, 6 — известняковый подпяточник, 7 — помещение 78.

ТАБЛ. 164. Дом 33, находки из цистерны 3 винодельни:

1 — бронзовая деталь весов, 2 — камень с углублением, 3 — светильник краснолаковый,

4–7 — гири бронзовые.

ТАБЛ. 165. Дом 33, серебряные и бронзовые монеты из цистерны 3 винодельни (в массе 533 экз. и некоторые из них).

ТАБЛ. 166. Дом 33, помещение 78, части красноглиняных амфор и профиля черепиц из рыхлой оранжевой глины (12 — с красным дипинти).

ТАБЛ. 167. Дом 33, находки в помещении 78:

1–7 — АМ светлоглиняные, 8–9 — АМ коричневоглиняные, 10 — часть железного долота, 11–13 — лепная керамика, 14–20 — пифосы.

ТАБЛ. 168. Дом 33, находки в помещении 78:

1–4 — краснолаковая керамика, 5–8 — круговая посуда, 9–10 — АМ красноглиняные.

ТАБЛ. 169. Дом 33, керамика из помещений 109 (19–30) и 110:

1–2 — кастрюля и пифос; 3–4 — лощеный и краснолаковый черепки, 5–11, 26–30 — АМ красноглиняные; 12–15, 21–25 — АМ светлоглиняные; 16–18 — АМ коричневоглиняные; 19–20 — стекло бесцветное прозрачное.

ТАБЛ. 170. Дом 33, керамика из помещений 110 (1–4, 12–16) и 111:

1–11 — круговая, 12–17 — краснолаковая, 18–20 — лощеная, 21–28 — лепная.

ТАБЛ. 171. Дом 33, находки в помещении 111:

1–8 — АМ из красной глины типа АМ-1; 9–11 — АМ из рыхлой красноватой глины; 12–16 — АМ из лиловой глины типа АМ-2; 17–18 — АМ светлоглиняные; 19 — пифос из рыхлой глины типа АМ-2; 20–21 — пифосы из рыхлой коричневой глины; 22 — точильный камень.

ТАБЛ. 172. Дом 33, находки из цистерн винодельни (1–10), колодца 17 (11–17), ям 364 (18–20), 365 (21), 368 (22–23):

1–2 — АМ светлоглиняные; 34, 1318, 21, 33 — АМ красноглиняные; 22 — АМ коричневоглиняные; 78, 19, 20 — круговая керамика; 5 — лепная; 6 — лощеная; 11 — стекло прозрачное бесцветное; 12 — красный лак.

ТАБЛ. 173. Бронзовая фигурка Геракла первых веков н.э. Заповедник "Горгиппия", зачистка поверхности Широкой улицы.

ТАБЛ. 174. Бронзовая фигурка Эрота первых веков н.э. Культурный слой Горгиппии в траншее на набережной Анапы.

ТАБЛ. 175. Бронзовые фигурки первых веков н.э. Зевса Громовержца и Гермеса. Культурный слой Горгиппии на территории археологического заповедника.

ТАБЛ. 176. Бронзовая фигурка Гермеса первых веков н.э. В руках кадуцей и кошель. Культурный слой Горгиппии в строительном котловане на ул. Ленина в Анапе.

ТАБЛ. 177. Бронзовые фигурки из Горгиппии первых веков н.э.:

1–2 — Афродита Анадиомена, ключи; культурный слой городища; 3 — женщина; дом 6, сгоревший в 240 г.; 4–5 — фаллические фигурки в шлемах; некрополь Горгиппии.

ТАБЛ. 178. Терракотовые изображения:

1 — протома Коры, на голове венок, в руке у груди цветок, заповедник "Горгиппия", колодец 12, с материалом конца V – середины III в. до н.э.; 2 — фрагмент фигурки Тюхе (складки одежды и рог изобилия с плодами), зап. 1983–440*; 3 — Деметра с маленькой Корой у плеча, найдена вместе с № 1; 4 — одностороннее изображение сидящей женщины в хитоне, зап., с материалом эпохи эллинизма, 1985–309; 5 — сидящая на скале Афродита

* Для фигурок, найденных вне комплекса (в культурном слое) указывается раскоп (зап. — здесь и далее заповедник "Горгиппия"), год раскопок (1983 г.) и номер полевой описи (440); пом. – помещение.

с Эротом около гермы Приапа, некрополь Горгиппии, могила первой половины I в. на ул. Астраханской.

ТАБЛ. 179. Афродита в раковине; зап., яма 226, II в. до н.э.

ТАБЛ. 180. Части терракот:

7*— одностороннее изображение сидящей в кресле богини с фиалой и плодом, найдена вместе с № 6; 8 — подобная фигурка, найдена там же; 9 — Мен на петухе, на строительстве пансионата "Океан", помещение, сгоревшее в 240 г.; 10 — рука в складках одежды (часть большой фигуры), зап., пом. 72, с материалом IV–II вв. до н.э.; 11 — часть женской протомы, зап. 1980–431; 12 — сидящая в кресле богиня с фиалой, зап. дом 15, конец III – первая половина I в. до н.э.

ТАБЛ. 181. Фрагментированные терракотовые изображения:

13 — голова богини (Афина в шлеме или Тюхе в башенной короне?), зап. 1976–80; 14 — женщина с ребенком на руках (тип Деметры Куротрофы), зап. пом. 18, погибшее в 240 г.; 15 — подобное изображение, зап. дом 15, конец III – первая половина I в. до н.э.; 16 — подобный тип, зап., яма 15 с материалом конца V – начала IV в. до н.э.; 17 — женская протома, зап. 1980–50; 18 — фигурка Тюхе, в правой руке у богини чаша, левой рукой она опирается о фаллический герм и поддерживает длинный рог изобилия, зап., под полом помещения 22, погибшего в 240 г.; 19 — женская протома, зап. 1979–2; 20 — женская полуфигура в хитоне, найдена вместе с № 16; 21 — подобное изображение, зап., яма 230; 22 — подобное изображение, вместе с № 20; 23 — то же, зап. 1979–1; 24 — часть протомы — драпировка на плече, зап., пом. 50, IV–III вв. до н.э.

ТАБЛ. 182. Терракотовые головки:

25 — женская с высоким пучком, зап. 1979–3; 26 — с полным лицом, зап., пом. 52, эллинизм; 27 — юноши с завитками волос, зап. 1974–8; 28 — женская в стефане, зап., 1979–74, зачистка дворика II–III вв.; 29 — женская в стефане, случайная находка в Анапе; 30 — Коры в венке с серьгой, Анапский район, Капустин хутор, поселение под водокачкой; 31 — женская в покрывале, зап. 1980–405; 32 — женская с пышными волосами, зап. 1979–76; 33 — женская в калафе, вместе с № 10; 34 — мужская (Геракл ?), волосы и бороду передают накладные лепешечки из глины, зап. 1978–58.

ТАБЛ. 183. Фрагментированные терракоты:

35 — Геракл, львиная шкура связана на груди, правая рука опирается о палицу, в левой лук, раскоп "Центр" 1978–71; 36 — подобное изображение, зап., зачистка вымостки эпохи эллинизма (371); 37 — юноша рядом с лошадью, в море напротив гостиницы "Анапа"; 38 — девочка с виноградной гроздью и птицей (петухом или гусем), зап., вместе с № 33; 39 — юноша со щитом, зап. под полом пом. 18, погибшего в 240 г.; 40 — обнаженный юноша опирается о колонку, через локти перекинуты концы плаща, зап. под вымосткой 334 с находками эпохи эллинизма; 41 — часть фигурки мальчика, несущего подмышкой петуха, зап., вместе с № 38; 42 — юноша с плащом около колонки, погребение на ул. Астраханской конца II – первой половины I в. до н.э.

ТАБЛ. 184. Фрагментированные терракоты:

44 — обнаженный юноша (тип Аполлона), в строительном котловане на углу улиц Ивана Голубца и Новороссийской; 45 — голова юноши в остроконечной шапочке, зап. 1981–340; 46 — мужской торс, раскоп "Ткацкая фабрика" 1976–202; 47 — юноша в плаще около герма, погребение в горпарке Анапы; 48 — часть маски Пана или Сатира, раскоп "Океан" 1982–400, слой эллинистического времени; 49 — Аттис с сирингой, раскоп "Океан" 1982–401; 50 — фаллический герм, набережная Анапы, 1981–37; 51 — фаллический герм,

* Таблицы 178—201 имеют сквозную нумерацию всех терракотовых изображений, представленных на них.

усадьба хоры Горгиппии — Джемете III, эпоха эллинизма; 52 — фаллическая герма Гермеса с изображением кадуцея, культурный слой горгиппийского некрополя на ул. Терской; 54 — база герма, зап. 1979–26, слой эпохи эллинизма.

ТАБЛ. 185. Терракотовые изображения:

55 — часть лицевой половины большой статуэтки — задрапированная длинными одеждами нога стоящей женщины, зап., яма 249, с керамикой эпохи эллинизма; 56 — задрапированная женская фигура, зап., яма 250; 57 — беременная женщина, на поверхности фигурки белый грунт под роспись, зап., вместе с № 12; 58 — задрапированная фигура, раскоп "Ткацкая фабрика" 1974–34; 59 — низ фигурки сидящей женщины, раскоп "Центр", 1978–72; 60 — часть задрапированной женской фигуры, зап., пом. 52, эпоха эллинизма; 61 — задрапированная фигура мужчины, зап. 1979–17, с находками эпохи эллинизма; 62 — подобное изображение, зап. 1978–63 — плечо женской фигуры, раскоп на ул. Ленина, под полом пом. 4 в эллинистическом слое; 64 — база фигурки с ногой, там же в слое эллинизма; 65 — фрагмент крупной терракоты — поднятая правая рука (танцовщица ?), зап. 1980–539; 66 — плечо задрапированной женской фигуры, зап., яма 291; 67 — фрагмент задрапированной женской фигуры, зап. 1981–192, с керамикой эпохи эллинизма; 68 — то же, вместе с № 10; 69 — то же, раскоп "Океан", слой эпохи эллинизма, 70 — женская фигура в гиматии, там же, с материалом IV в. до н.э.; 71 — тот же тип, там же, 1982–403; 72 — фрагмент задрапированной женской фигуры, зап. 1981–350.

ТАБЛ. 186. Фрагментированные терракоты:

73 — протома женская, зап. 1981–355, рядом с погребением 3 V в. до н.э.; 74 — Кибела со львенком на коленях, зап., яма 226, II в. до н.э.; 75 — Кибела, руки поддерживают большой живот, на коленях львенок, зап., пом. 52, IV – середина III в. до н.э.

ТАБЛ. 187. Части терракот:

76 — птица, помещавшаяся на подставке № 80, найдена вместе с № 12; 77, 78 — гуси из того же комплекса; 79 — птица, зап. 1981–339; 81 — петух (?),раскоп "Центр" 1978–24; 82 — голубь, зап. 1979–115; 83 — ритуальная фигурка с подвесными членами, зап., яма 255, II – первая половина III в. до н.э.; 84 — низ сидящей женской фигуры, зап., яма 297, раньше II в. н.э.; 85 — стилизованный атрибут (чаша или цветок), зап., яма ; 86 — база статуэтки, раскоп "Ткацкая фабрика" 1974–54; 87 — низ фигурки, зап., яма 249; 88 — розетта, зап. 1983–261, культурный слой IV – середина III в. до н.э.; 89 — чашечка цветка от полуфигуры — курильницы с рельефно оттиснутыми листьями, в углублениях красная лиловатая краска, найдена вместе с № 75; 90 — нога от фигурки с подвесными членами, зап. 1978; 91 — то же, зап. 1979–205; 92 — нога быка, зап. 1979–280; 93 — фрагмент статуэтки, зап. 1980–406; 94 — ноги стоящего юноши, набережная Анапы, яма под полом помещения II в. н.э. у морской воды; 95 — основание каннелированной колонны на профилированной базе, раскоп "Океан", пом. 6, IV–III вв. до н.э.; 96 — атрибут (плод?), зап., яма 325.

ТАБЛ. 188. Терракота:

97 — глиняная форма для оттиска рельефа — Геракл с ланью, зап. 1983–456 (лицевая сторона, обратная и гипсовый оттиск); 98 — маска Силена с отверстием для подвешивания, зап. 1983–178; 99 — лицо актера или Силена, с отверстием для подвешивания, зап. 1983–287; 100 — протома, зап., яма 167; 101 — женская голова, зап., пом. 87, II – первая половина III в. до н.э.

ТАБЛ. 189. Глиняные формы для оттиска терракотовых изображений (а, б) и оттиски из них (в):

102 — Силен с чаном, зап., дом 15, существовавший с конца III до середины I в. до н.э.; 103 — фаллическая герма с кадуцеем, зап., слой пожара под помещением 70 середины III в. н.э.

ТАБЛ. 190. Глиняные формы для оттиска терракотовых изображений:

104 — форма для оттиска кисти руки, использовалась для изготовления наборного изображения, раскоп "Океан", слой раннего эллинизма; 105 — форма (а, б) и оттиск (в) — женщина в гиматии, зап. 1981–54; 106 — низ формы, зап. 1981–41.

ТАБЛ. 191. Фрагментированные терракоты:

107 — голова женщины в калафе, зап., яма 186; 108 — голова ритуальной фигурки с подвесными членами, зап., дом внутри цитадели, погибший в 240 г.; 109 — женская протома, зап. 1984–27; 110 — женская фигурка, связанная с культом плодородия, зап., слой гибели дома 15, вместе с № 102.

ТАБЛ. 192. Фрагменты терракот:

111 — протома женская, зап. 1986–295; 112 — голова женская, зап., пом. 102, IV–III вв. до н.э.; 113 — голова в высоком уборе, зап., пом. 108, IV – середина III вв. до н.э.; 114 — голова гуся, найдена вместе с № 77; 115 — женская голова, зап. 1983–414; 116 — маска, найдена при пахоте в Анапском районе, хранится в частной коллекции; 117 — часть терракотового алтарика с голубой и розовой сыпучей красками, пальметта и сухарный карниз, зап., дом 52, вместе с № 89; 118 — мужской торс от рельефной композиции, раскоп "Океан", культурный слой конца V–IV вв. до н.э.; 119 — обнаженная мужская фигурка, уцелели куски белого грунта под роспись, зап., яма 17 1977 г.

ТАБЛ. 193. Фрагментированные терракотовые изображения:

120, 121 — крыло и лапа орла (тип : орел, держащий пучок молний), зап. 1984–31, 32; 122 — юноша у колонки, зап. 1985–307; 123 — Геракл у колонки, на груди связаны лапы львиной шкуры, найдена вместе с № 122; 124 — юноша у колонки (Геракл ?), зап., пом. 108, эпоха эллинизма; 125 — мужская фигура в коротком кафтане, спереди на кафтане черная краска, грудь окрашена красным, зап., пом. 81, II–III вв. н.э.

ТАБЛ. 194. Глиняная форма (а, б) и оттиск из нее (в):

126 — юноша около колонки, зап., яма 327 II–III вв. н.э. с отдельными фрагментами чернолаковой посуды из осыпи культурного слоя.

ТАБЛ. 195. Часть композиции: отдыхающий Геракл:

127 — фигура размещалась на глиняной подставке , от которой сохранился след вдоль левой ноги, зап., 1988-1, культурный слой дома 3 IV–III вв. до н.э.

ТАБЛ. 196. Части терракот:

128 — герм Гермеса с кадуцеем, зап. 1985–304; 129 — часть маски, зап. 1976–89; 130 — маска Пана с рожками, случайная находка в Горгиппии; 131 — протома, зап., пом. 103, IV– середина III вв. до н.э.; 132 — задрапированная женская фигура, зап., яма 333; 133 — то же, найдена там же; 134 — задрапированная фигура, зап. 1985–161; 135 — сидящая в длинных одеждах женщина, найдена вместе с № 131; 136 — герм фаллический, зап. 1985–305; 137 — фигура в гиматии, зап., колодец 12, с материалом конца V–III вв. до н.э.; 138 — плечо в драпировке, зап. 1984–33; 139 — фаллический герм Гермеса с кадуцеем, раскоп "Ткацкая фабрика" 1974–51; 140 — фаллический герм, зап., дом 15 конца III – первой половины I вв. до н.э.; 141 — часть фигурного сосуда, зап. 1987–57; 142 — фаллический герм Геракла с лапами львиной шкуры на груди, зап. 1986–68; 143 — основание герма, дом 15, вместе с № 140, 77 и другими; 144 — женщина в длинных одеждах, зап. 1985–302, 303; 145 — Геракл, найдена там же.

ТАБЛ. 197. Фрагментированные терракоты из раскопа на ул. Ленина в Анапе:

146–156, 158, 162 — различные типы задрапированных фигур; 157, 161 — женщина с птицей у колонки; 159 — мужской торс (Геракла ?); 163 — нога большой фигуры; 160, 164–169 — Геракл отдыхающий.

ТАБЛ. 198. Обломки терракот и глиняная форма с оттиском из раскопа на ул. Ленина в Анапе:

170–173, 175–177 — женские головки; 174 — Геракл; 178 — лицо Силена в профиль; 180 — фаллическая герма Гермеса с кадуцеем; 181–185 — фаллические гермы; 186 — птица.

ТАБЛ. 199. Афродита Анадиомена с дельфином около герма Приапа:

187 — на ногах и руках богини браслеты, на груди медальон, раскоп на ул. Ленина в Анапе, помещение 6 I в. н.э.

ТАБЛ. 200. Части терракот из раскопа на ул. Ленина в Анапе, культурный слой Горгиппии:

188–191 — части ритуальных фигурок с подвесными членами; 192 — юноша около колонки (Геракл ?); 193–195 — части гермов; 196 — женская головка.

ТАБЛ. 201. Чернолаковая ойнохоя о росписью жидкой глиной:

На плюще позолота, лак густой с оливковым отливом, починка свинцовыми скрепами. Аттика, конец V в. до н.э. Найдена в культурном слое Горгиппии на территории заповедника.

ТАБЛ. 202. Части краснофигурных кратеров, чаш (6, 7) и леканы IV в. до н.э.; культурный слой Горгиппии.

ТАБЛ. 203. Краснофигурная керамика IV в. до н.э. из культурного слоя Горгиппии:

1, 2 — фрагменты небольших кратеров, 3 — дно чаши, 4-15 — части киликов (преобладают композиции с атлетами, по внутреннему краю чаш жидкой глиной нанесен плющ).

ТАБЛ. 204. Чернолаковые фрагментированные сосуды IV–III вв. до н.э. из культурного слоя Горгиппии:

1–10 — лекифы (8 — из погребения); 11–21 — канфары; 22 — край блюда.

ТАБЛ. 205. Пелика краснофигурная с изображением Геракла из погребения горгиппийского некрополя, IV в. до н.э.

ТАБЛ. 206. Чернолаковые сосуды IV в. до н.э. из Горгиппии.

ТАБЛ. 207. Чернолаковая керамика со штампованным орнаментом и без него из комплексов IV – середины III вв. до н.э.

ТАБЛ. 208. Керамика лепная (1–4) и сделанная на гончарном круге (4–28). Формы, характерные для комплексов IV – середины III вв. до н.э.

ТАБЛ. 209. Керамика, исполненная на гончарном круге; формы, характерные для комплексов IV – первой половины III вв. до н.э.:

I — простая, II — с черным лаком по серой глине, III — с красным и лиловым покрытием.

ТАБЛ. 210. Сероглиняные сосуды с черным лаком эпохи эллинизма:

1 — пелика из горгиппийского некрополя, 2 — блюдо со штампованным орнаментом из культурного слоя городища.

ТАБЛ. 211. Расписная круговая керамика эллинистического времени:

1–11 — белая роспись по красному и лиловатому фону, 12 — часть чернолаковой пиксиды (пальметты дополнены белым, гирлянды исполнены жидкой глиной и позолочены, найдена под культурным слоем крепости рубежа тысячелетий около станицы Анапской).

ТАБЛ. 212. Пелика с красным покрытием и орнаментом в технике граффити: виноградная лоза, лошади в попонах, пляшущие человечки, под ручкой копья остриями вверх. Эллинизм, культурный слой некрополя Горгиппии на ул. Астраханской.

ТАБЛ. 213. Простые круговые сосуды, характерные для горгиппийских домов II – середины III вв. н.э.

ТАБЛ. 214. Краснолаковые сосуды из комплексов I в. н.э.

ТАБЛ. 215. Краснолаковая керамика из комплексов II – первой половины III вв. н.э.

ТАБЛ. 216. Краснолаковое блюдо со сфинксом из слоя гибели дома, сгоревшего в пожаре 240 г.

ТАБЛ. 217. Краснолаковые блюда с рельефными украшениями из горгиппийских домов, погибших в пожаре 240 г. н.э.:

1 — из дома 6, 2 — из дома 7, 3 — из каменного завала на городище, 4 — из дома 18, 5–9 — из дома 19.

ТАБЛ. 218. График распределения клейм гераклейских, синопских и фасосских амфор из Горгиппии IV–III вв. до н.э. (составлен В.И. Кацем).

ТАБЛ. 219. График поступления в Горгиппию клейменых синопских амфор (составлен В.И. Кацем):

Кк — коэффициент концентрации = частному от деления общего количества полностью восстановленных астиномных клейм каждой группы на количество представленных в группе астиномов (отражает колебания объема ввоза).

а — абсолютная плотность распределения клейм по группам = частному от деления общего количества клейм группы на количество лет ее составляющих.

ТАБЛ. 220. Лагинос и амфоры из горгиппийского дома 60, погибшего в первой половине I в. н.э.:

1 — красноглиняная, 2 — светлоглиняная, 3 — коричневоглиняная, 4 — из тонкой оранжевой глины с граффити.

ТАБЛ. 221. Амфоры из горгиппийского дома 60, погибшего в первой половине I в. н.э.:

1–3 — коричневоглиняные, 4–5 — красноглиняные с белыми включениями и ангобом.

ТАБЛ. 222. Светлоглиняные амфоры, характерные для горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.

ТАБЛ. 223. Разновидности амфор из горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.:

1–2 — из рыхлой красно-коричневой глины с темно-коричневым цветом поверхности (условно называются коричневоглиняными); 3–6 — из тонких красноватых глин небоспорского происхождения.

ТАБЛ. 224. Красноглиняные амфоры, характерные для горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.

ТАБЛ. 225. Красноглиняные амфоры, характерные для горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.

ТАБЛ. 226. Лепная керамика; разновидности форм, характерных для горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.

ТАБЛ. 227. Темнолощеные двуручные кувшины из Горгиппии:

1 — из ямы с монетой 315–300 гг. до н.э.; 2 — из колодца IV–III вв. до н.э.; 3 — из могилы I в. н.э.; 4 — из помещения, сгоревшего в 240 г.

ТАБЛ. 228. Лощеные кувшины:

1 — из погребения III в. до н.э. около пос. Красная Скала, 2 — из погребения I в. до н.э. горгиппийского некрополя, 3-9 — из домов и могил Горгиппии II – первой половины III в. н.э.; К — коричневое лощение, С — серое, Т — темно, черное.

ТАБЛ. 229. Лощеные кувшины:

3 — из кургана конца V в. до н.э. около Воскресенского; 1, 6, 7 — из городских домов II – первой половины III в. н.э.; остальные — находки вне комплексов; К — коричневое лощение, остальные — темнолощеные.

ТАБЛ. 230. Лощеные кувшины:

1 — из комплекса V в. до н.э.; 2 — из комплекса II в. до н.э.; 3–4 — из комплексов I в. н.э.; 5–11 — из комплексов II – первой половины III в. н.э. (5, 8, 9 — из одного помещения); остальные не могут быть датированы по условиям находки; К — коричневое лощение, С — серое, Т— темное.

ТАБЛ. 231. Лощеные сосуды:

3 — из комплекса V в. до н.э. (см. Табл. 230: 1); 1, 4, 7 — из комплексов II – первой половины III в. н.э. (см. Табл. 230: 7, 11 и 238: 1).

ТАБЛ. 232. Ручки лощеных сосудов:

2, 4 — из помещений II – первой половины III в. н.э.; 5 — из помещения конца III – первой половины I в. до н.э. (коричневое лощение); 7 — из погребения I в. до н.э.

ТАБЛ. 233. Лощеная керамика, зооморфные формы:

Из комплексов: 4 — первая половина I в. н.э. (см. Табл. 230: 4); 3, 10, 12 — первая половина III в. н.э. (к № 12 см. Табл. 230: 6); остальные по условиям находок не могут быть датированы.

ТАБЛ. 234. Фигурные сосуды с серым лощением поверхности:

1–3 — части сосуда в виде птицы (грудь и спина) из крепости рубежа тысячелетий около станицы Анапской; 4 — хвост птицы, случайная находка на пересечении анапских улиц Новороссийской и Ивана Голубца.

ТАБЛ. 235. Круговые горшки с лощением:

1–4 — из комплексов эллинистического времени; 9, 10 — из комплексов I в. н.э.; 58, 11–13 — из комплексов II – первой половины III в. н.э.; К — коричневое лощение, КР — красное лощение, в остальных случаях — лощение темное.

ТАБЛ. 236. Лощеные сосуды открытых форм:

1–5 — из комплексов IV–III вв. до н.э. (лощение исполнено по темному покрытию); 6 — гутус из погребения I в. н.э.; 7–8 — комплексы не имеют датирующего материала; 9 — из слоя рубежа тысячелетий; 10–15 — из комплексов II – середины III в. н.э. (лощение горизонтальными полосами); К — лощение коричневое, С — серое, в остальных случаях — темное.

ТАБЛ. 237. Круговая лощеная керамика, характерная для горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.

ТАБЛ. 238. Лепная керамика с лощением:

1 — из некрополя V в. до н.э. на территории ОПХ "Анапа", 2–3 — из горгиппийских домов II – первой половины III в. н.э.

Ж — желтое лощение, КОР — коричневое, КР — красноватое, Ч — черное, С — серое.

ТАБЛ. 239. Стеклянные сосуды горгиппийского некрополя:

1 — с поверхностной росписью (гирлянды, плоды; краска красная, жёлая, синяя, голубая); 2 — чашечка в технике миллефиоре (спаяна из орнаментированных глазков = отрезков стеклянных прутиков с полихромным поперечным сечением, использованы прутики трех типов, чаша оттиснута в форме, комплекс первой половины I в. н.э.); Г — голубой, Ж — желтый, К — красный, С — синий, расписной сосуд, сделан из бесцветного прозрачного стекла.

ТАБЛ. 240. Бальзамарии из бесцветного прозрачного стекла:

1–8 — I в.; 9 — III вв.; 10–11 — II – середина III в. н.э.;

12 — туалетная палочка с крышкой от флакона (стекло прозрачное сизо-голубое, орнамент — нить из глухого светло-голубого стекла).

ТАБЛ. 241. Стеклянные стаканы и фиалы из комплексов горгиппийского некрополя:

1 — стекло глухое бирюзовое, белое, прозрачное лиловое и янтарно-желтое; 3–6 — сосуды с гравировкой из комплексов I в. (1–4) и II – первой половины III в. н.э. (5, 7, 8).

ТАБЛ. 242. Стеклянные сосуды первых веков нашей эры из бесцветного прозрачного стекла:

5–7 — из помещений III в.; остальные из погребений горгиппийского некрополя: 3, 5, 9 — со шлифованным орнаментом; 2, 10 — с накладными нитями из бесцветного прозрачного стекла.

ТАБЛ. 243. Сосуды из прозрачного стекла из могил горгиппийского некрополя:

1 — лиловое стекло; 2 — бесцветное с глухой белой нитью; 3 — синее стекло; 4 — лиловое с глухой белой нитью; 5 — оливкового цвета; 6–7 — бесцветное с зеленоватым оттенком (к № 6 см. Табл. 242: 2, № 7 со шлифованным орнаментом); 8 — бесцветное с голубоватым оттенком.

ТАБЛ. 244. Стеклянные фиалы из дома 18, сгоревшего в пожаре 240 г.

Стекло прозрачное сизовато-зеленоватое с большим количеством пузырей и грубыми следами понтии на дне. Судя по доньям, разбито не менее 30 сосудов; радиусы варьируют в пределах 11–13 см; характерная для всех сосудов концентрация пузырей показана на участке одного сосуда.

ТАБЛ. 245. Разновидности светильников из Горгиппии:

I — V в. до н.э., жидкий черный лак с металлическим блеском; 2 — IV в. до н.э., густой черный лак; 3–5 — III–II вв. до н.э.; 6–8 — II–I вв. до н.э.

ТАБЛ. 246. Разновидности светильников из комплексов I в. н.э. (1–3) и II – первой половины III в. н.э. (4–8):

4, 6, 8 — лощеные; 7 — лепной.

ТАБЛ. 247. Разновидности светильников первых веков нашей эры:

1–11 — краснолаковые, 12 — сероглиняный, 13 — бронзовый.

ТАБЛ. 248. Водопроводные трубы и зернотерки.

ТАБЛ. 249. Керамические изделия хозяйственного назначения:

1 — часть ванны из культурного слоя городища, 2 — подставка "букраний" из усадьбы эллинистического времени (Джемете III).

ТАБЛ. 250. Железные орудия и инструменты:

1 — садовый нож из дома IV–III в. до н.э.; 2–4 — топоры, 5–6 — серпы, 7 — мотыга, 8 — садовый нож (2–8 из домов II – первой половины III в. н.э.).

ТАБЛ. 251. Участок горгиппийской хоры около поселков Красный Курган и Красная Скала, одна из усадеб этой территории (эллинизм).

ТАБЛ. 252. Винодельня Г3 I в. н.э.:

а — цемянковое покрытие, б — трамбовка из стоящих на ребре мелких галек (сцементированы раствором), в — плотная трамбовка камней, г — цемянковое покрытие, д — нивелировочные отметки по отношению к современной дневной поверхности, е — камни (известняковые / плотные дикарные / песчаниковые).

ТАБЛ. 253. Винодельня Г6 при доме 50 II – первой половины III в. н.э. на раскопе "Океан":

а — горелое пятно на глиняном полу; б, в — цемянковая обмазка.

ТАБЛ. 254. Горгиппийские винодельни Г6 (1–5) и Г8 (6):

1 — очажная конструкция, 2 — трамбовка под это сооружение, 3 — цистерна, 4 — цистерна с частью давильни, 5 — желобок для заслонки перед сливным отверстием на давильной площадке, 6 — цистерны.

ТАБЛ. 255. Винодельни Горгиппии:

1 — впущенные в скалу цистерны винодельни Г2 I в. н.э. под стеной подвала II – первой половины III в. н.э.; 2 — винодельня Г6 II – первой половины III в. н.э. на набережной Анапы перед гостиницей.

ТАБЛ. 256. Некрополь Горгиппии, склеп III в. н.э. (1975 г.), роспись северо-восточной стены (слева от входа).

ТАБЛ. 257. Фрагменты фресок.

ТАБЛ. 258. Фрагменты фресок.

ТАБЛ. 259. Некрополь Горгиппии, склеп III в. н.э. (1975 г.), роспись юго-восточной стены (напротив входа).

ТАБЛ. 260. Археологический заповедник "Горгиппия" в Анапе, улицы III в. н.э. с примыкающими подвалами домов.

Таблица 1

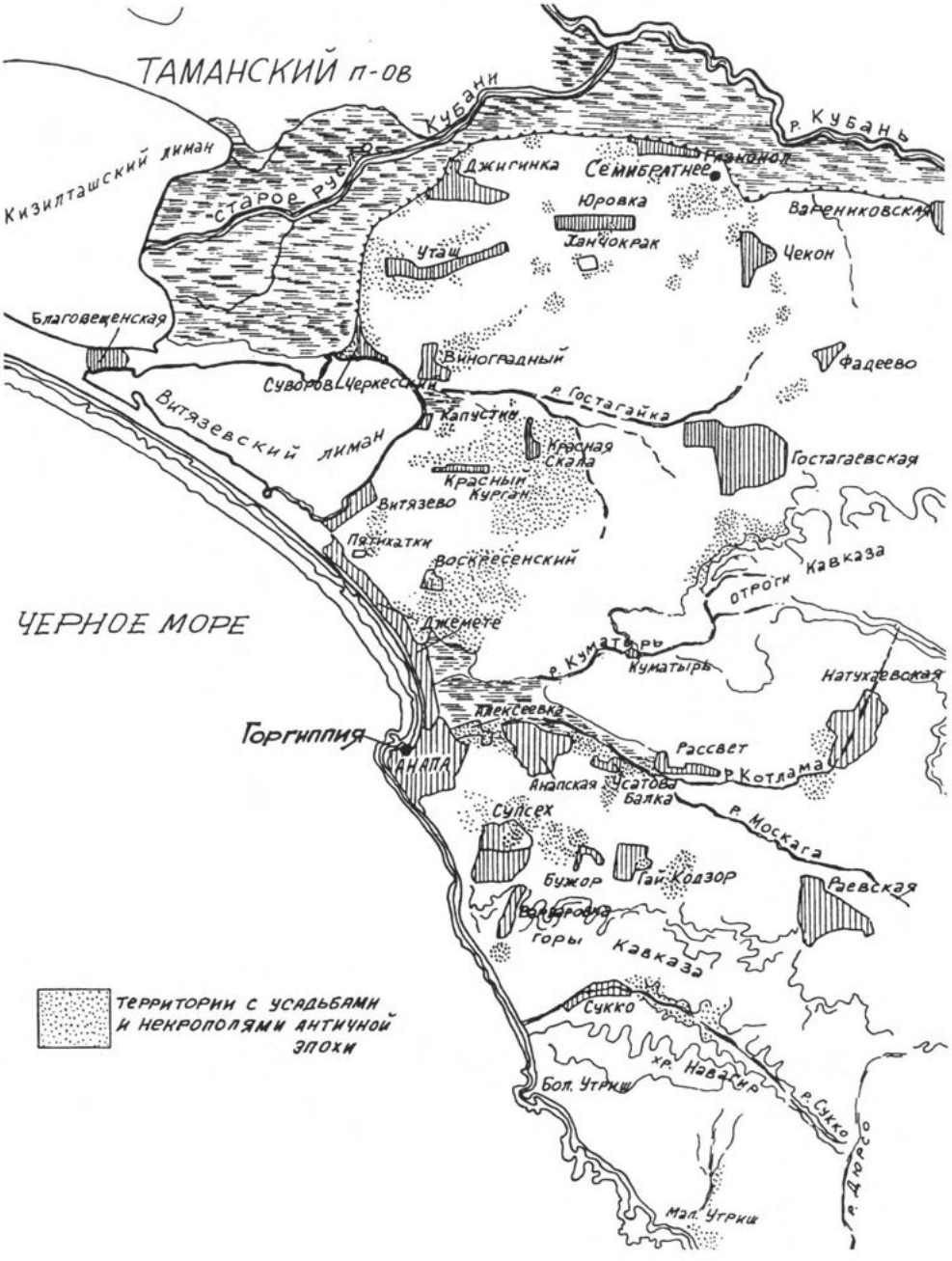

ТАМАНСКИЙ п-ов
Кубани
р. Кубань
Кизилташский лиман
Старое русло
Джигинка
Семибратнее
Юровка
Варениковская
Уташ
Янчокрак
Чекон
Благовещенская
Виноградный
Фадеево
Суворов
Черкесский
р. Гостагайка
Витязевский лиман
Капустка
Красная Скала
Гостагаевская
Красный Курган
Витязево
Пятихатки
Воскресенский
Кавказа
отроги
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Джемете
р. Куматырь
Куматырь
Натухаевская
Алексеевка
Горгиппия
АНАПА
Рассвет
р. Котлама
Анапская
Усатова балка
р. Москага
Сукпсех
Бужор
Гай-Кодзор
Раевская
Горы Кавказа
Сукко
хр. Наварский
р. Сукко
Бол. Утриш
р. Дюрсо
Мал. Утриш
территории с усадьбами и некрополями античной эпохи

Таблица 2

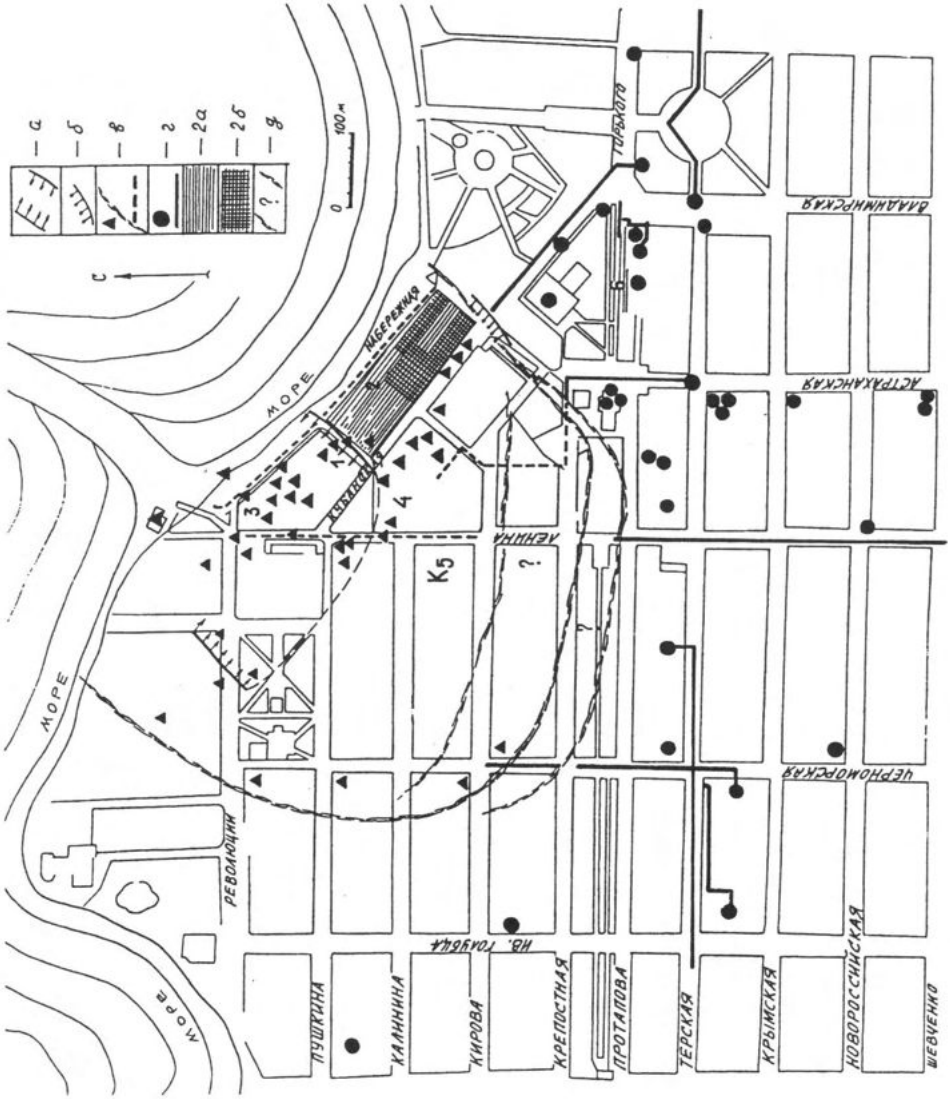
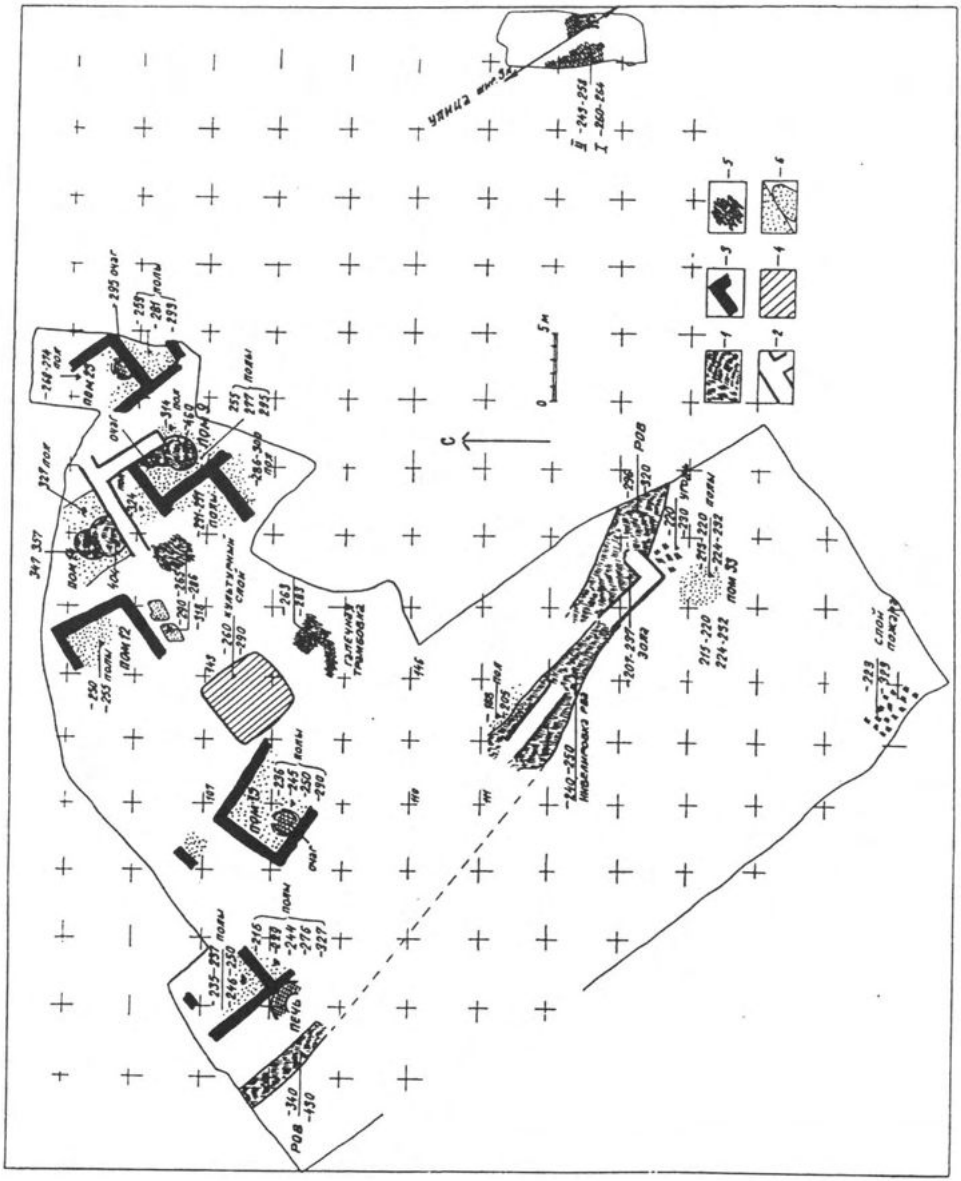
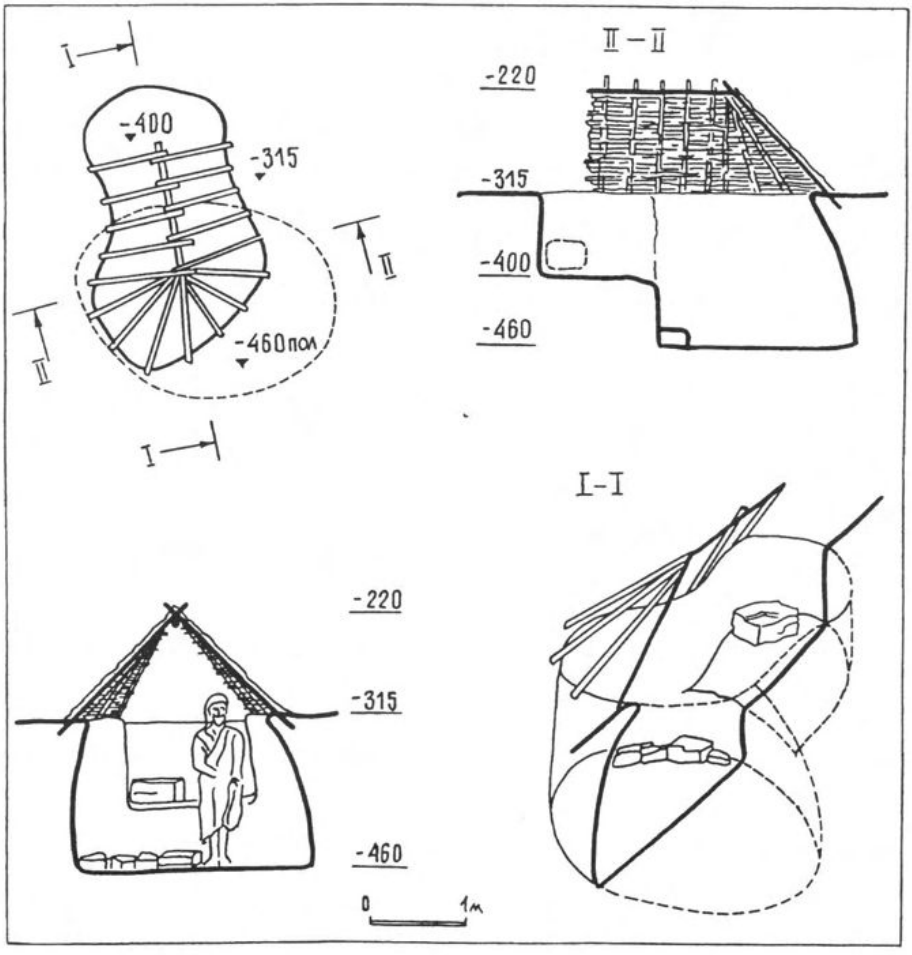
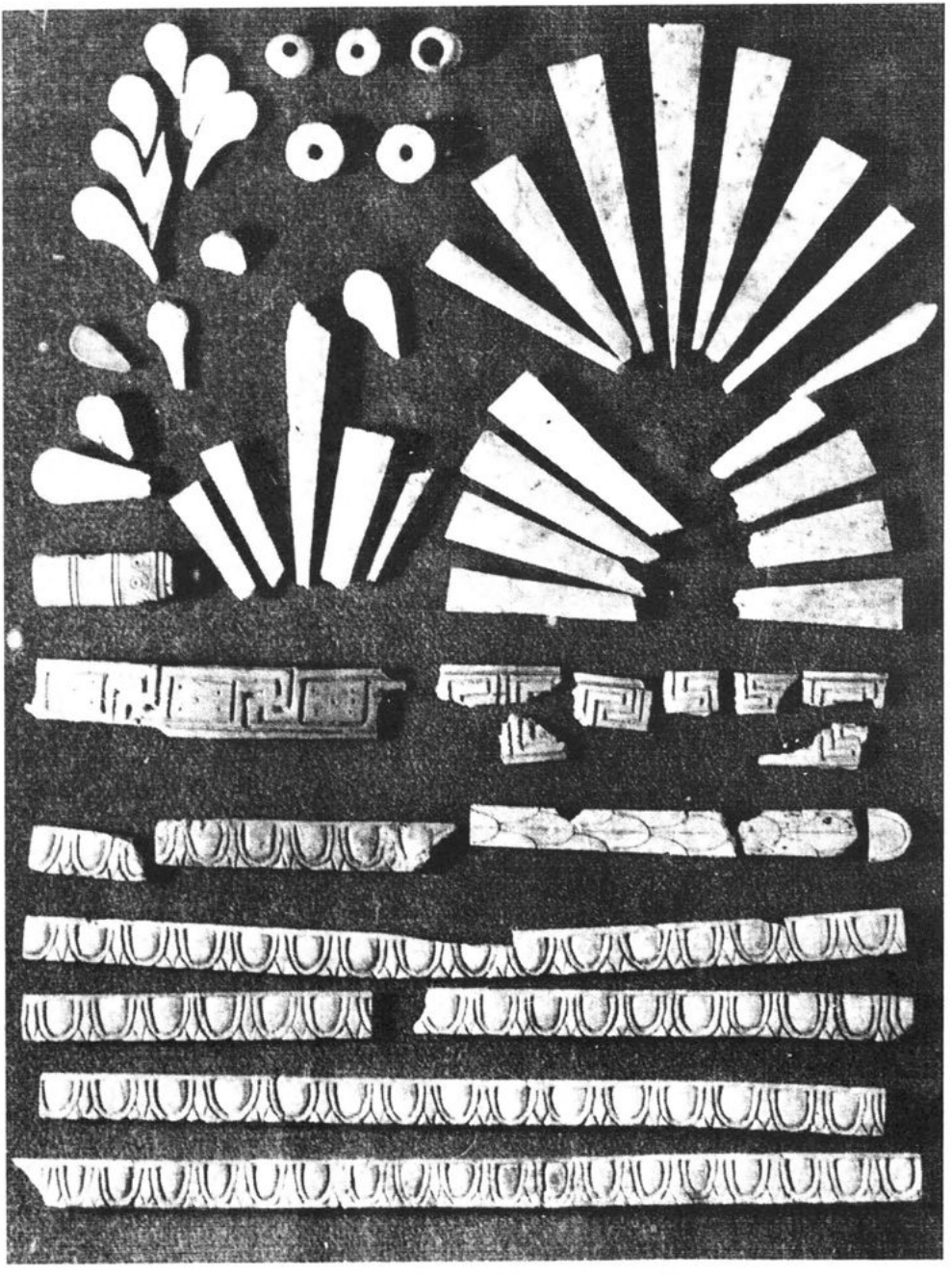
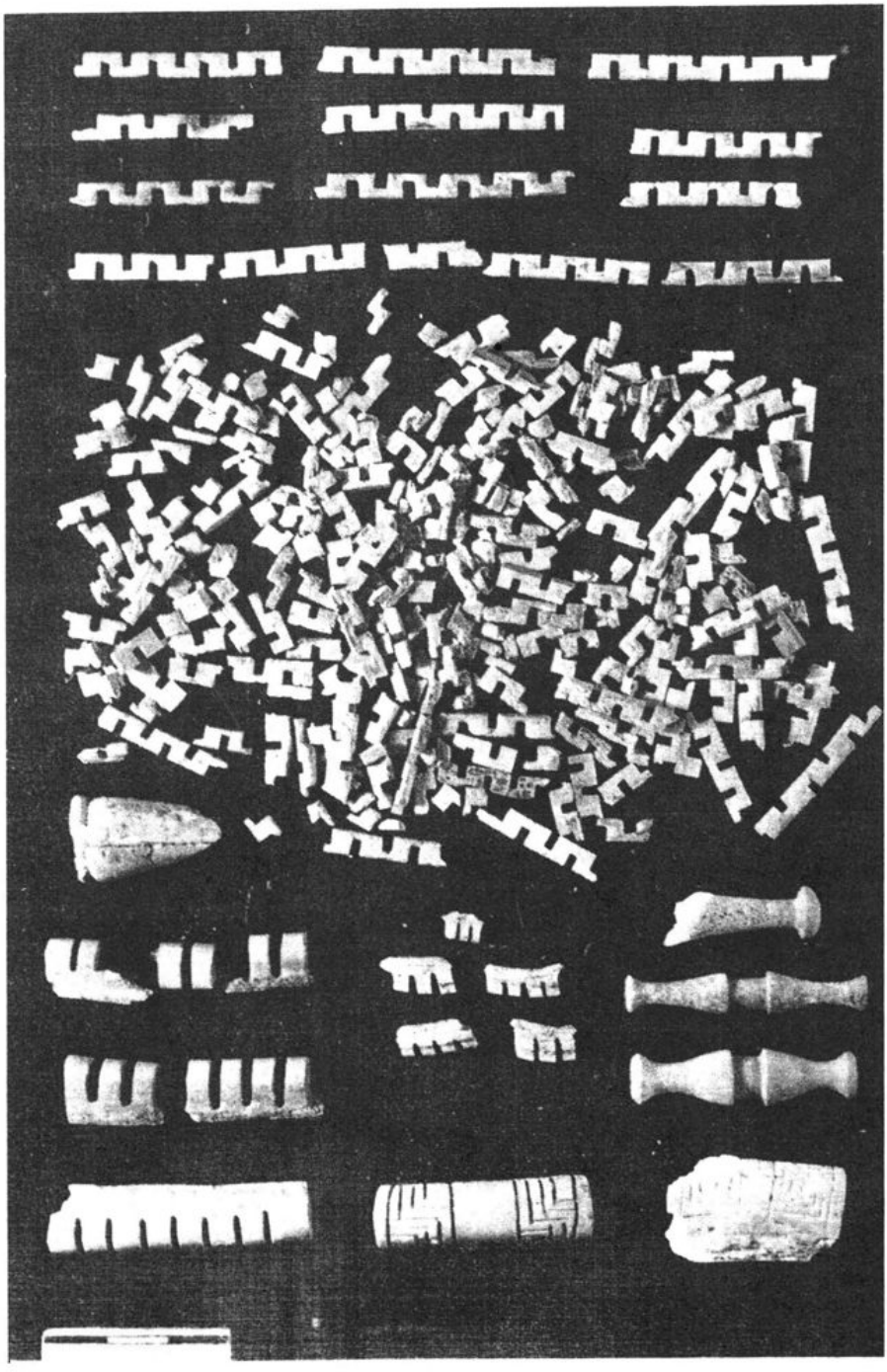

— а
— б
— в
— г
— 2а
— 2б
— д
0
100 м
С
МОРЕ
МОРЕ
МОРЕ
НАБЕРЕЖНАЯ
ЛЕНИНА
К5
ТОПЕЛЬНОЕ
ВАЛАНИНСКАЯ
АСТРАХАНСКАЯ
ЧЕРНОМОРСКАЯ
РЕВОЛЮЦИИ
ПУШКИНА
КАЛИНИНА
КИРОВА
КРЕПОСТНАЯ
ПРОТАЛОВА
ТЕРСКАЯ
КРЫМСКАЯ
НОВОРОССИЙСКАЯ
ШЕВЧЕНКО

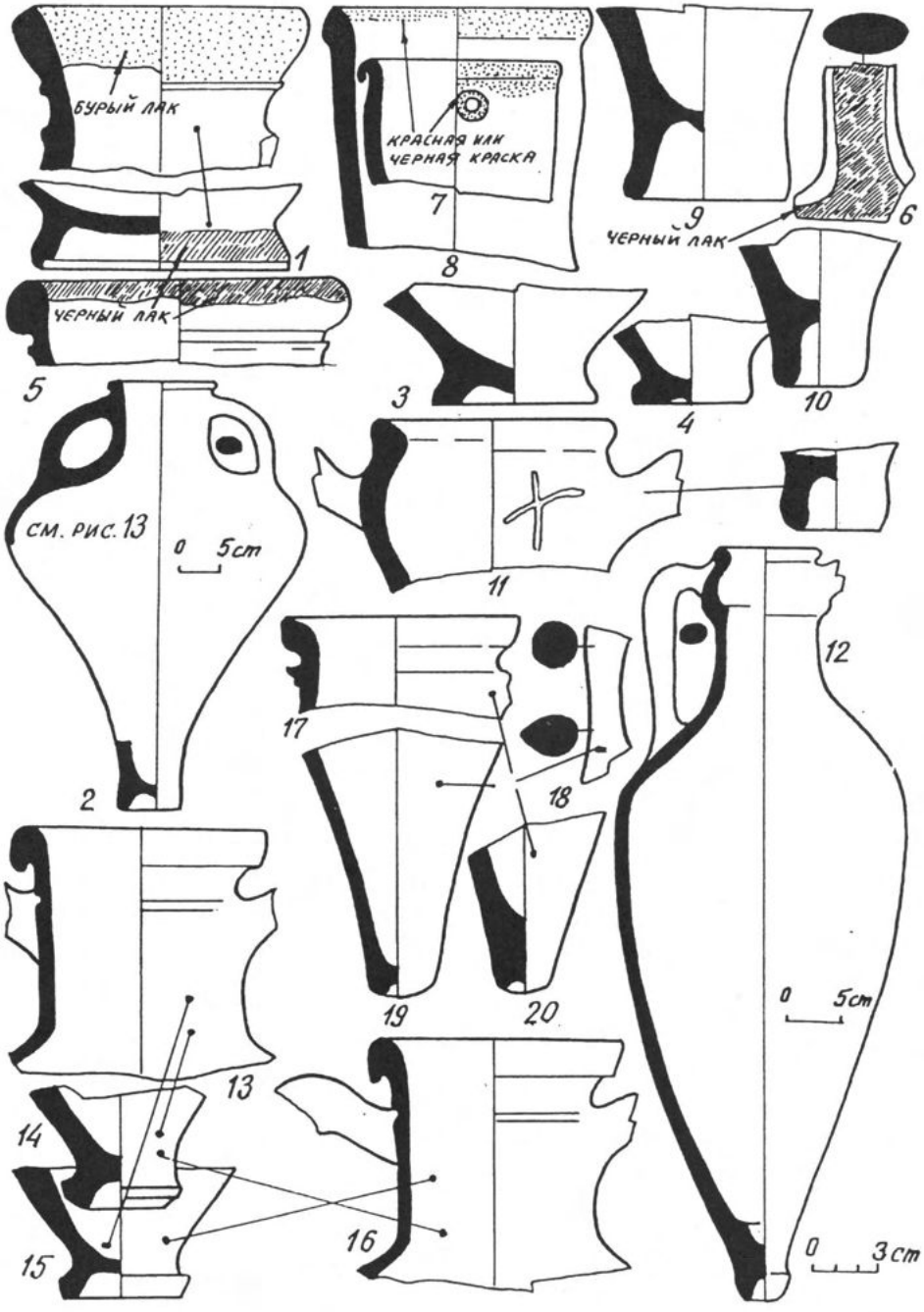
Таблица 3

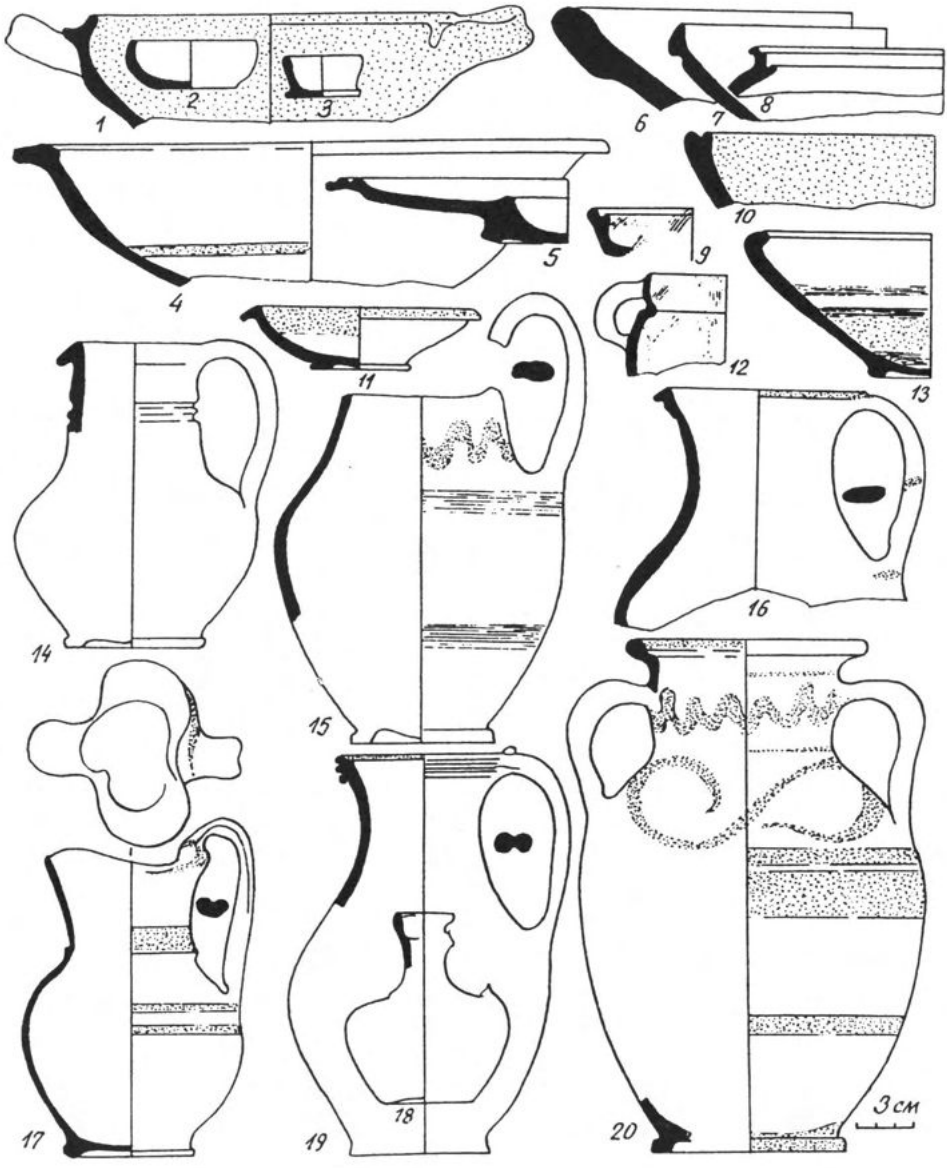

Улица
ПОМ 12
ПОМ 13
ПОМ 15
ПОМ 33
ПОЛЫ
ОЧАГ
ПЕЧЬ
РОВ
ГАЛЕЧНАЯ ТРАМБОВКА
ЗОЛА
СЛОЙ ПОЖАРА
С
5 м

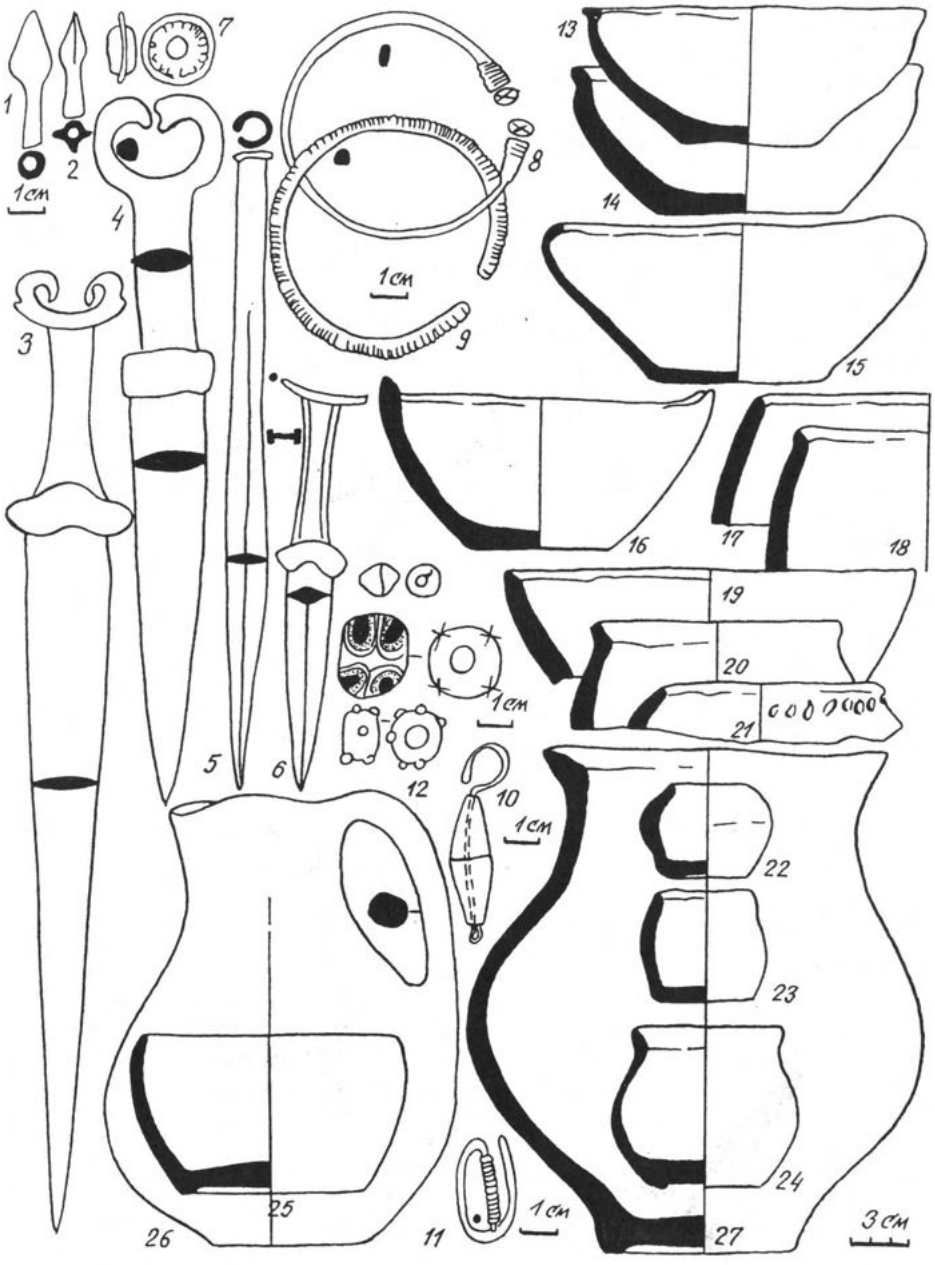

I
-400
-315
II
-460пол
II
I
II – II
-220
-315
-400
-460
I-I
-220
-315
-460
0
1м

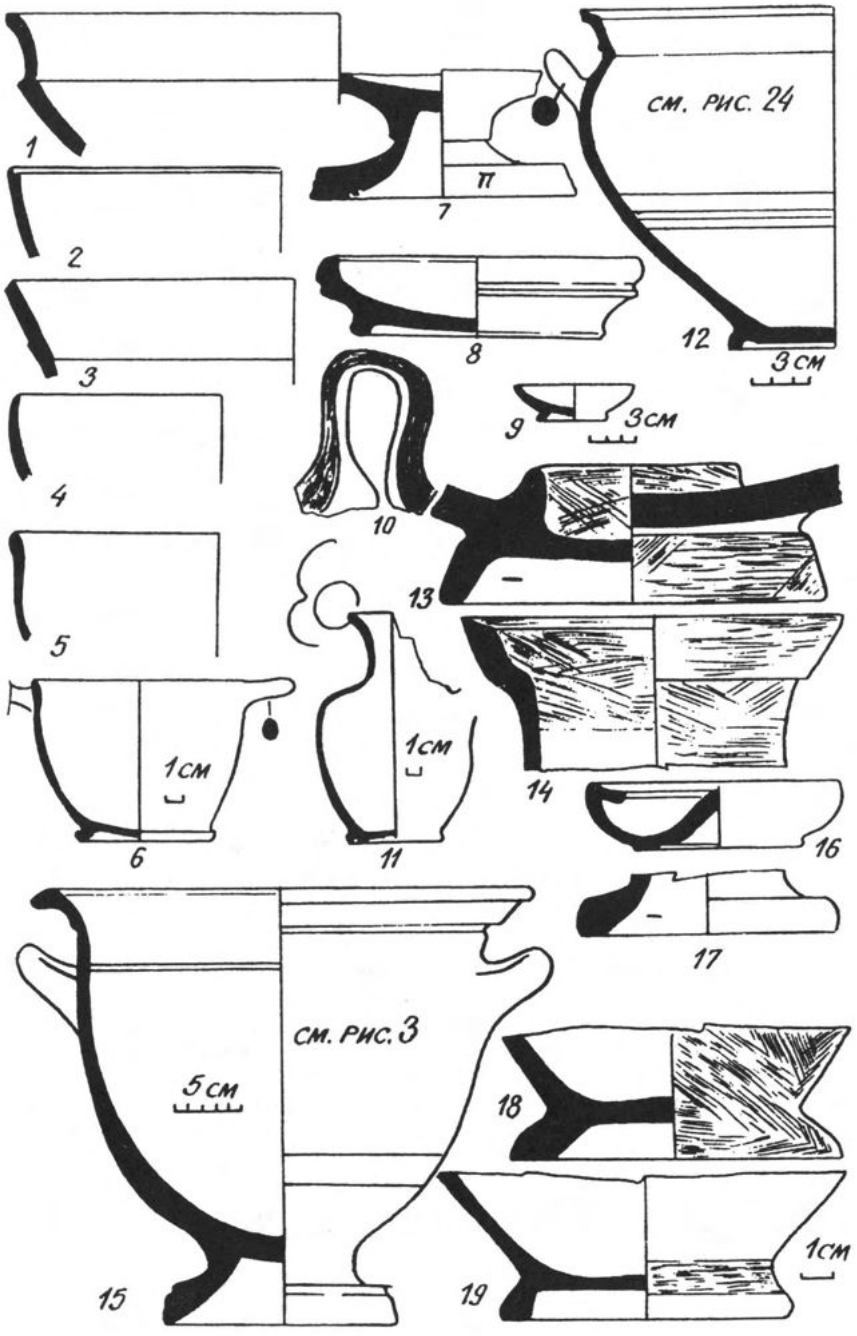


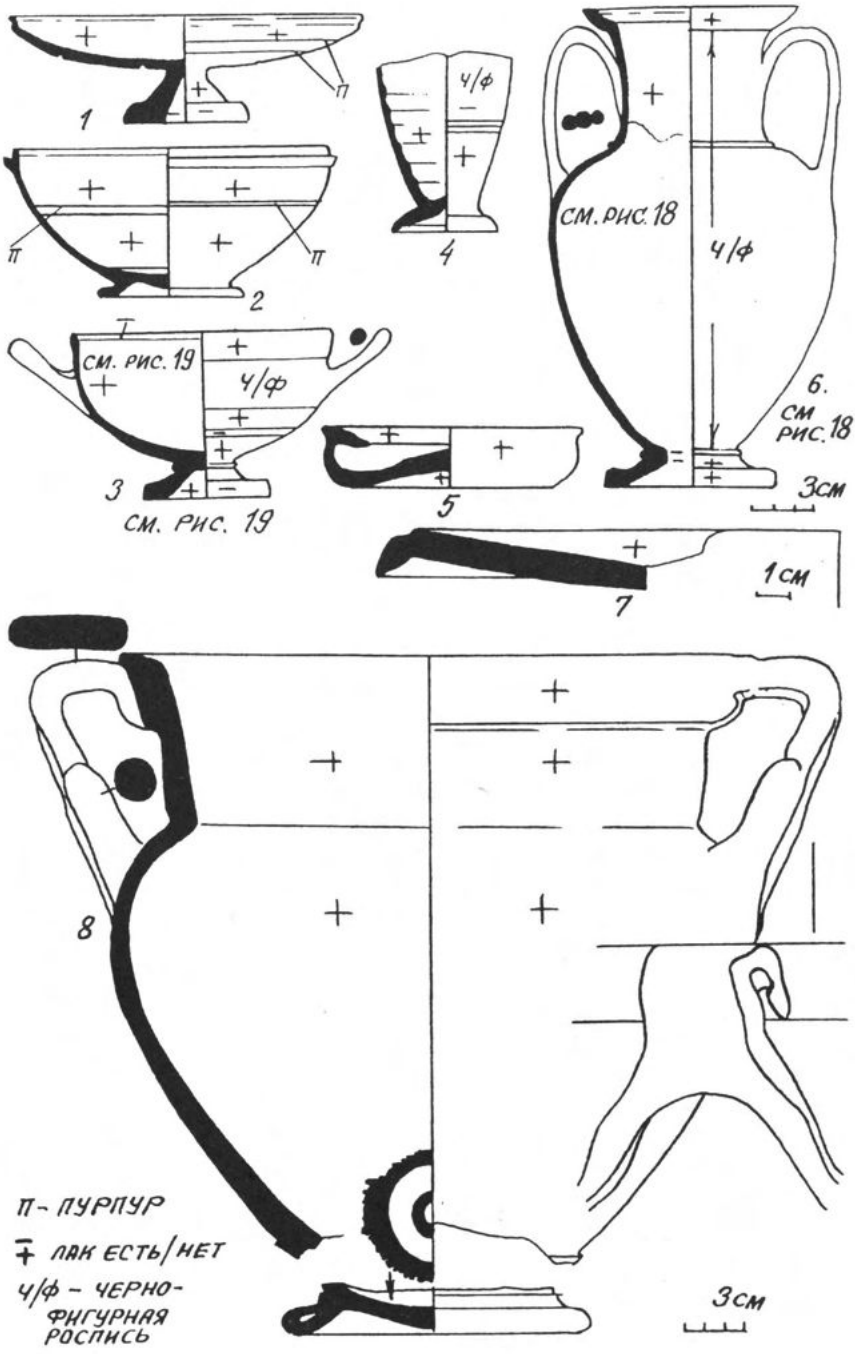



БУРЫЙ ЛАК
КРАСНАЯ ИЛИ ЧЕРНАЯ КРАСКА
ЧЕРНЫЙ ЛАК
ЧЕРНЫЙ ЛАК
СМ. РИС. 13
0 5см
0 5см
0 3см
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
3 см


1
2
1см
3
4
5
6
7
8
9
1см
10
1см
11
1см
12
1см
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
3см


см. рис. 24
1
2
3
4
5
6
7
π
8
9
3см
10
11
12
3см
13
14
16
17
1см
1см
см. рис. 3
5см
15
18
19
1см


1
2
3
4
5
6.
7
8
см. рис. 19
см. рис. 18
ч/ф
п
3см
1см
п - пурпур
лак есть/нет
ч/ф - черно-фигурная роспись

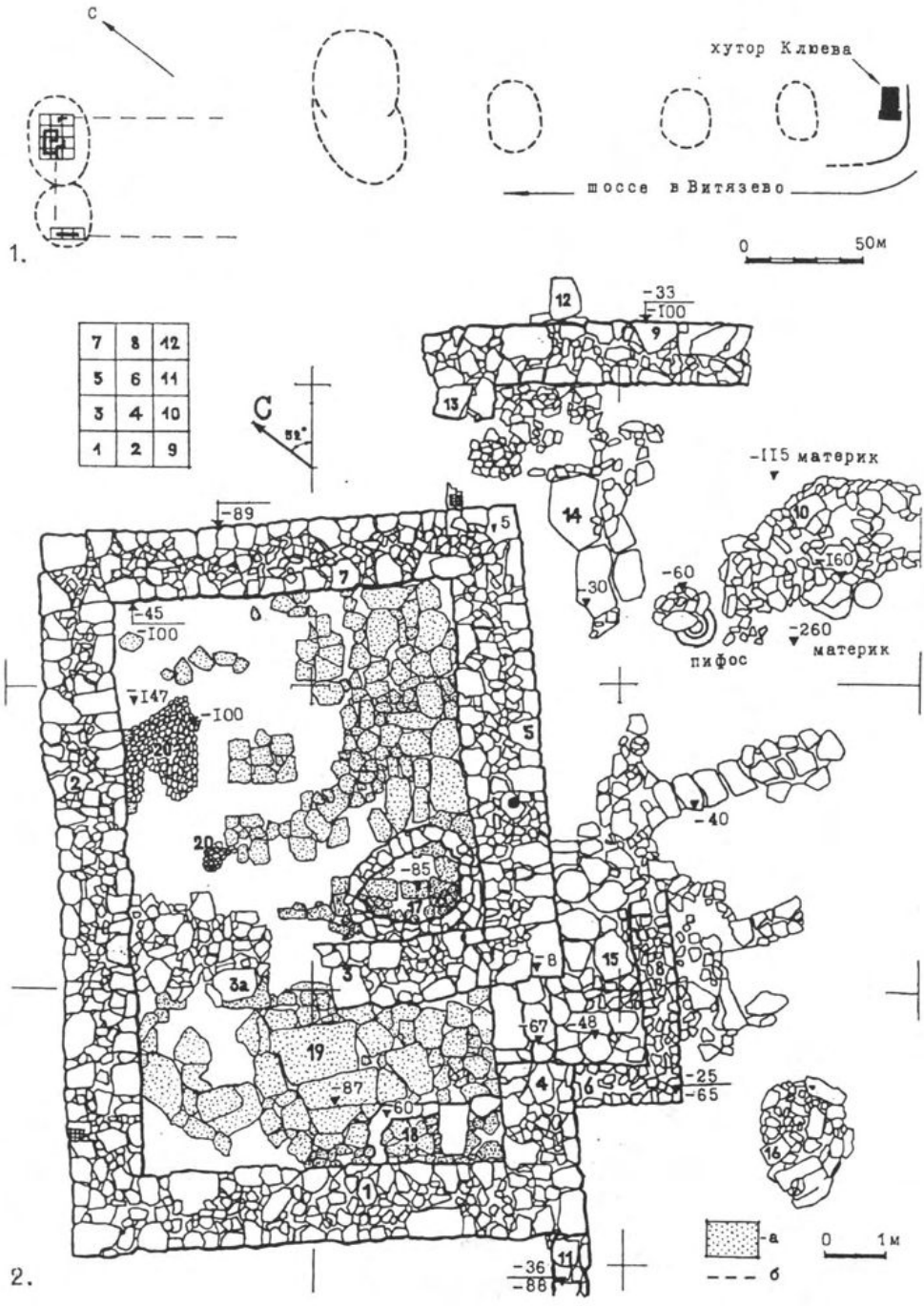
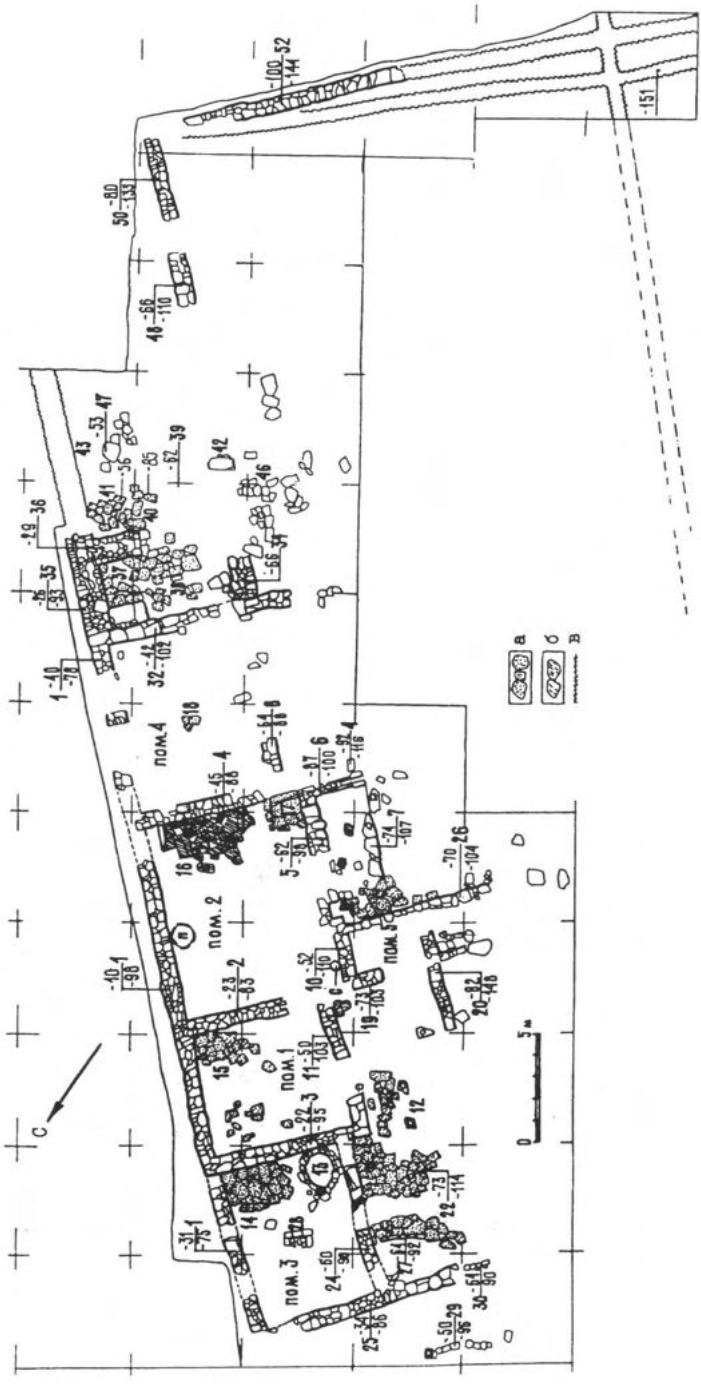
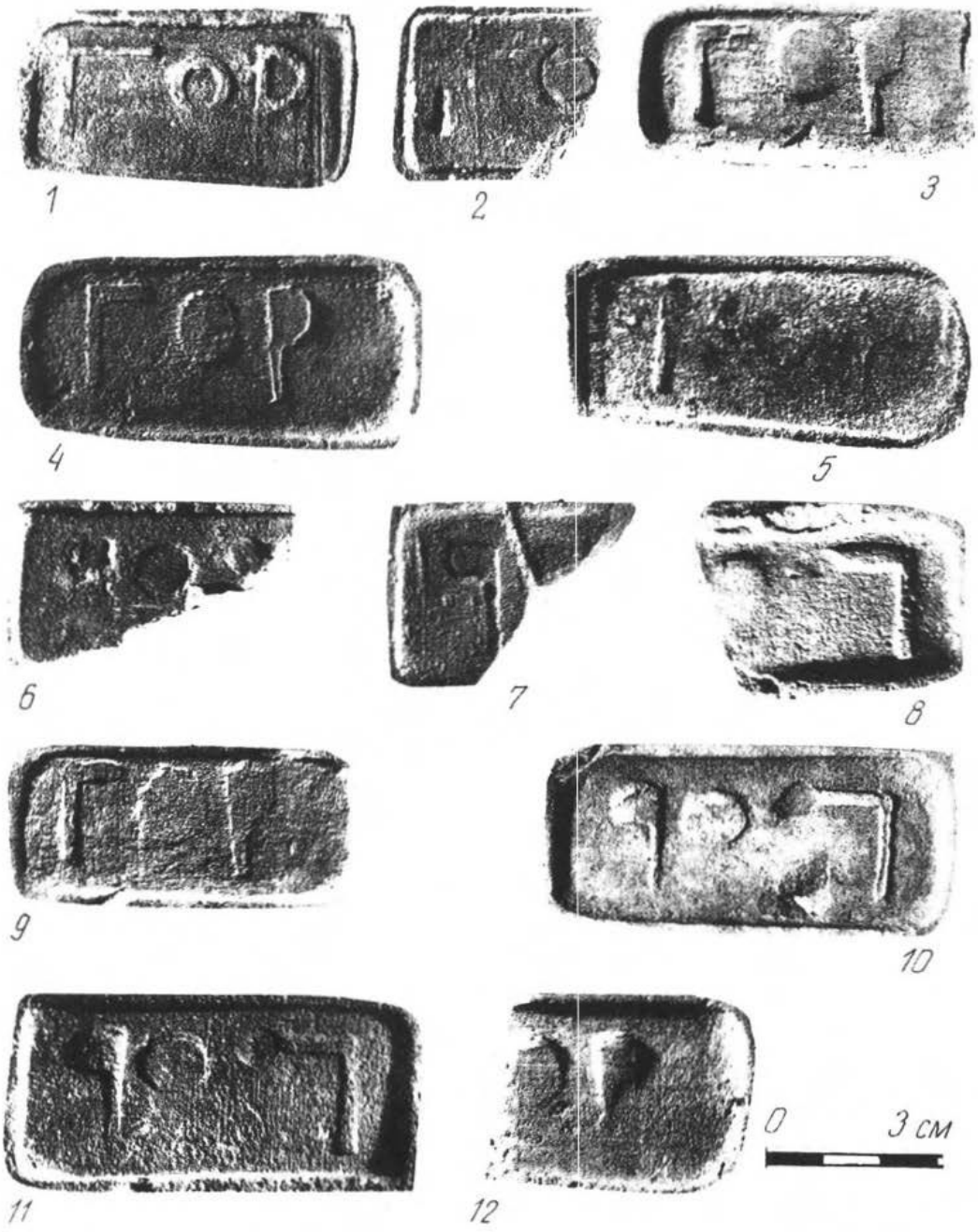
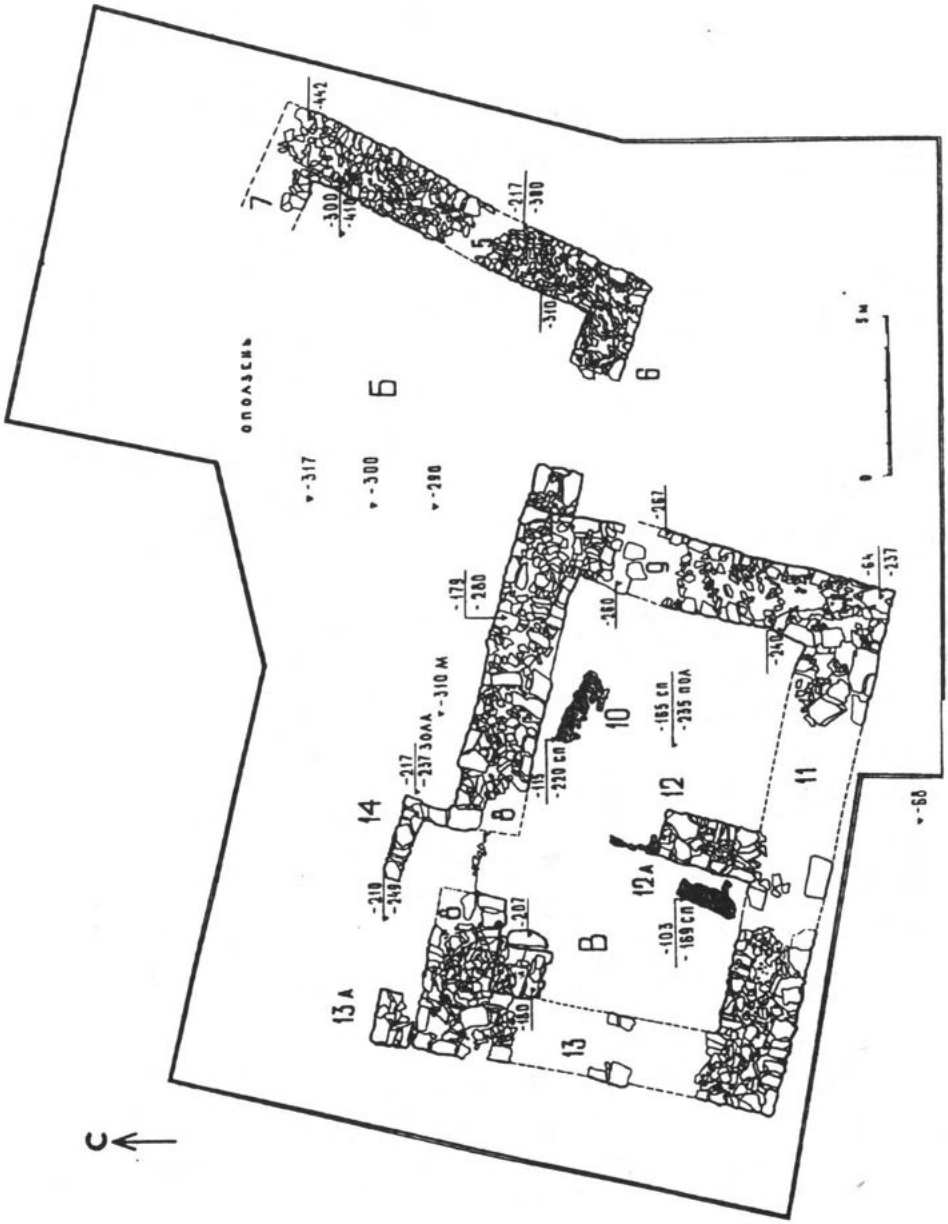
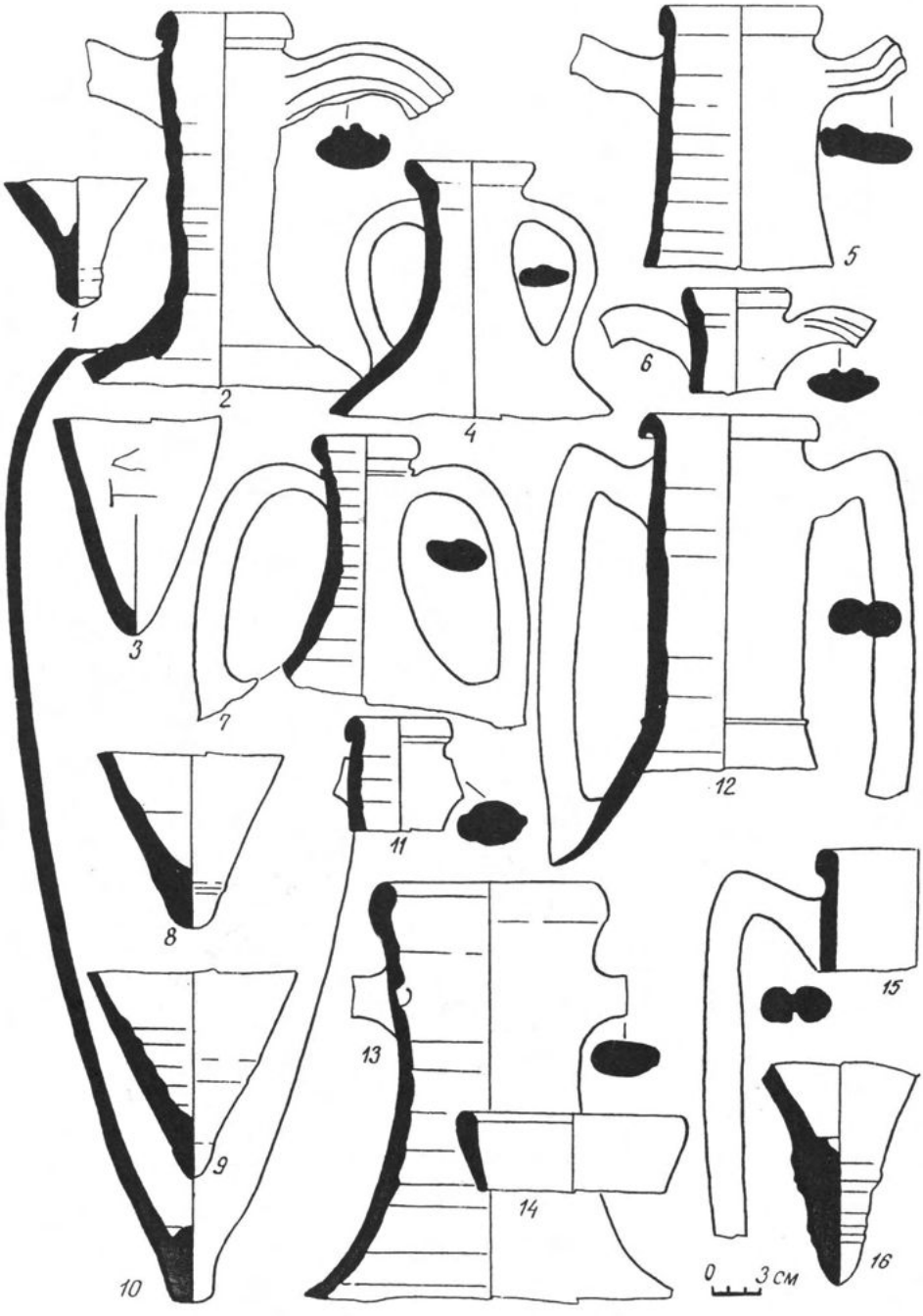

С
хутор Клюева
шоссе в Витязево
0 50м
1.
7 8 12
5 6 11
3 4 10
1 2 9
С
52°
-33
-100
-115 материк
-89
-45
-100
-147
-100
-60
-160
-260
материк
пифос
-30
-40
-85
-8
-67
-48
-25
-65
-87
-60
-36
-86
-а
б
0 1м
2.

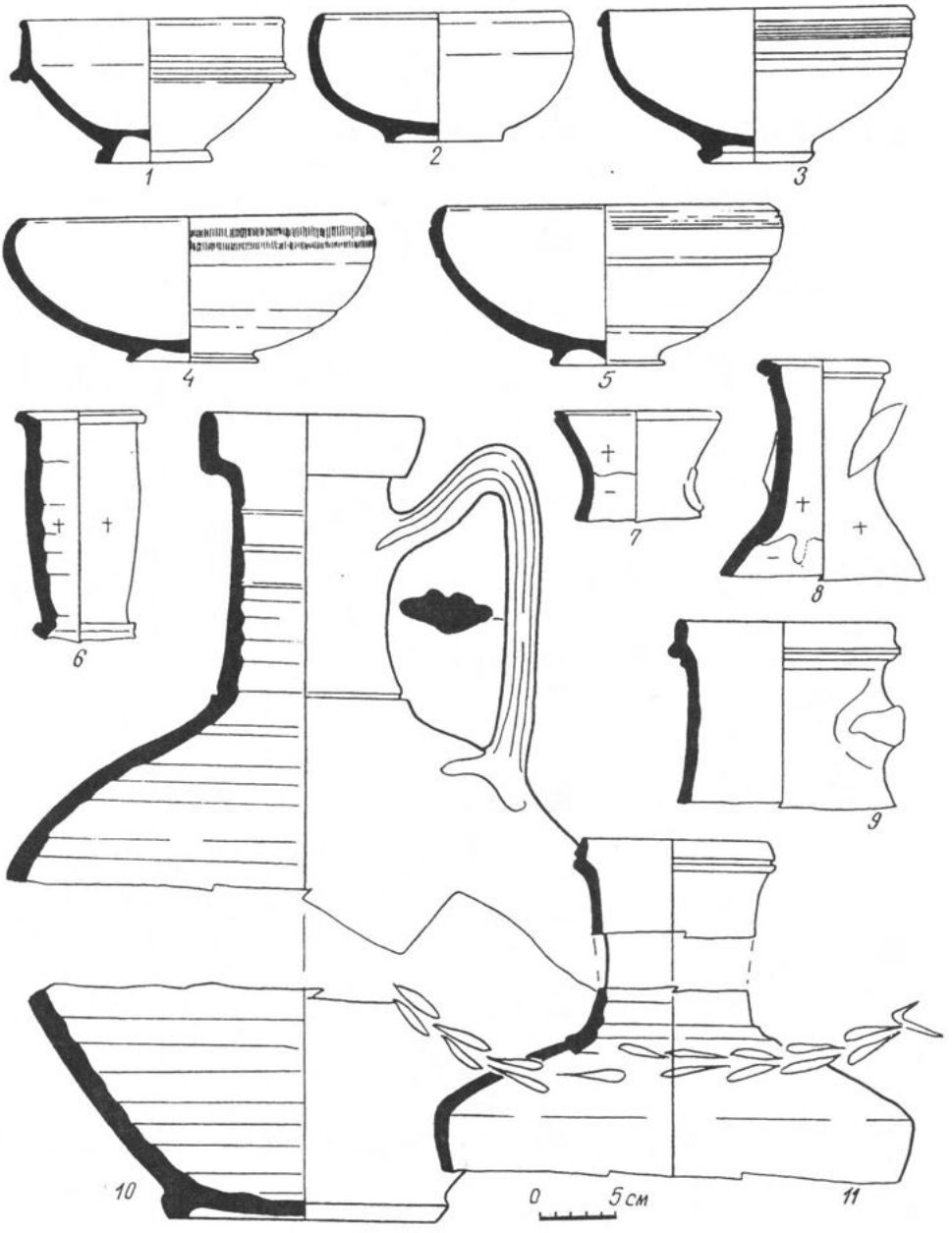
Таблица 13

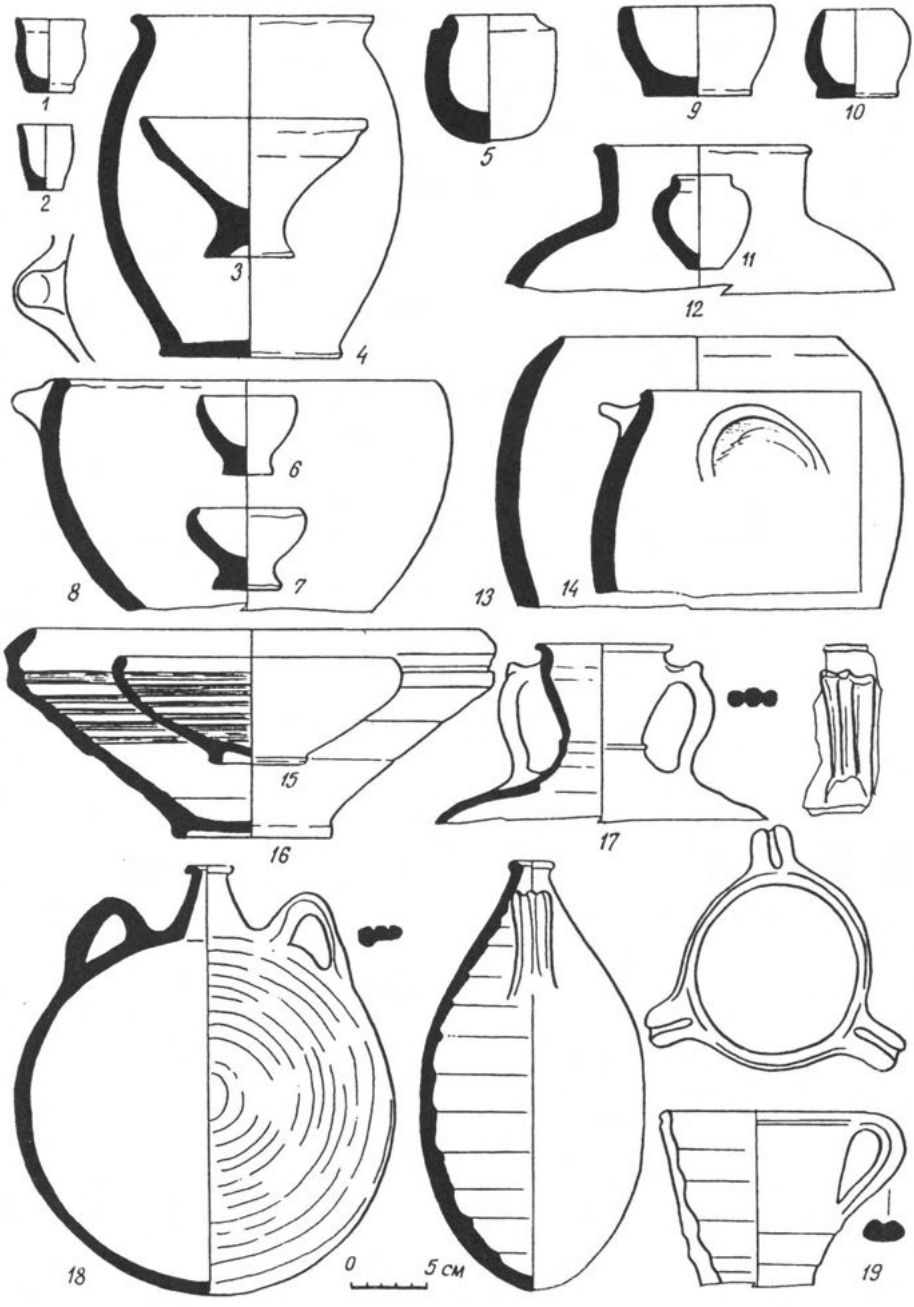


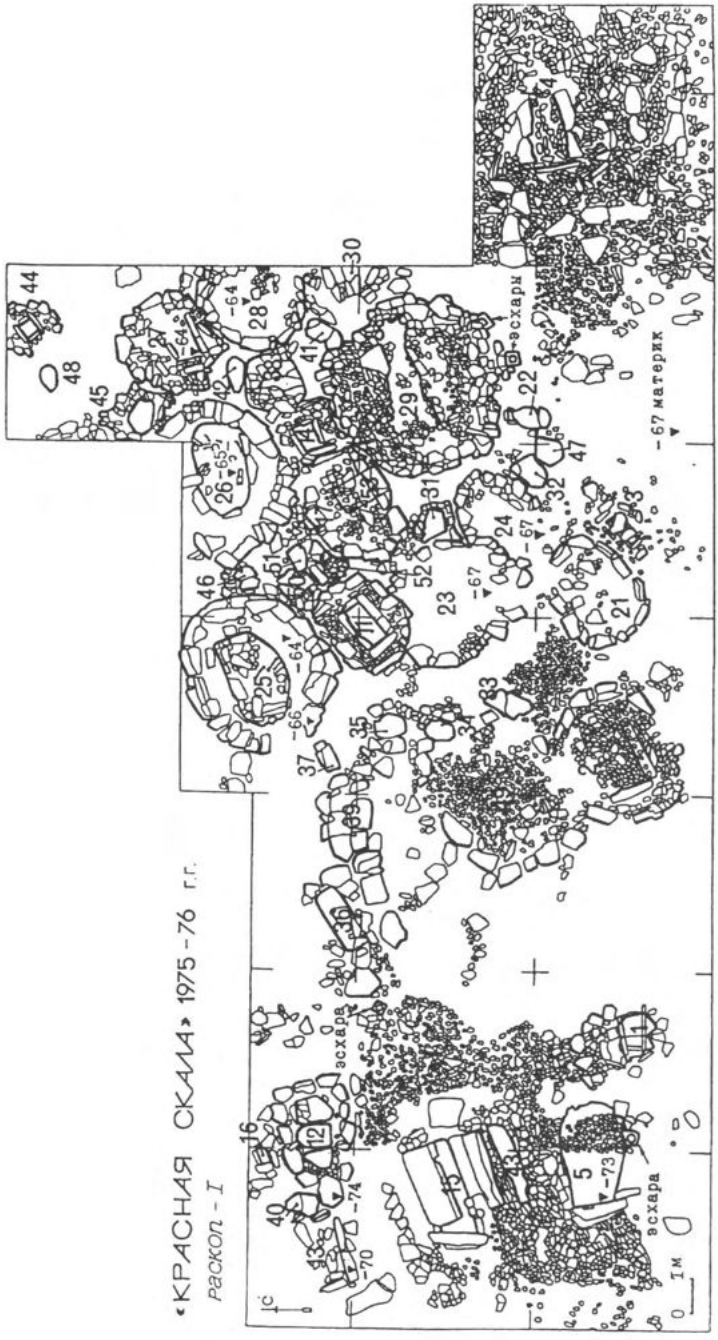

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
3 см

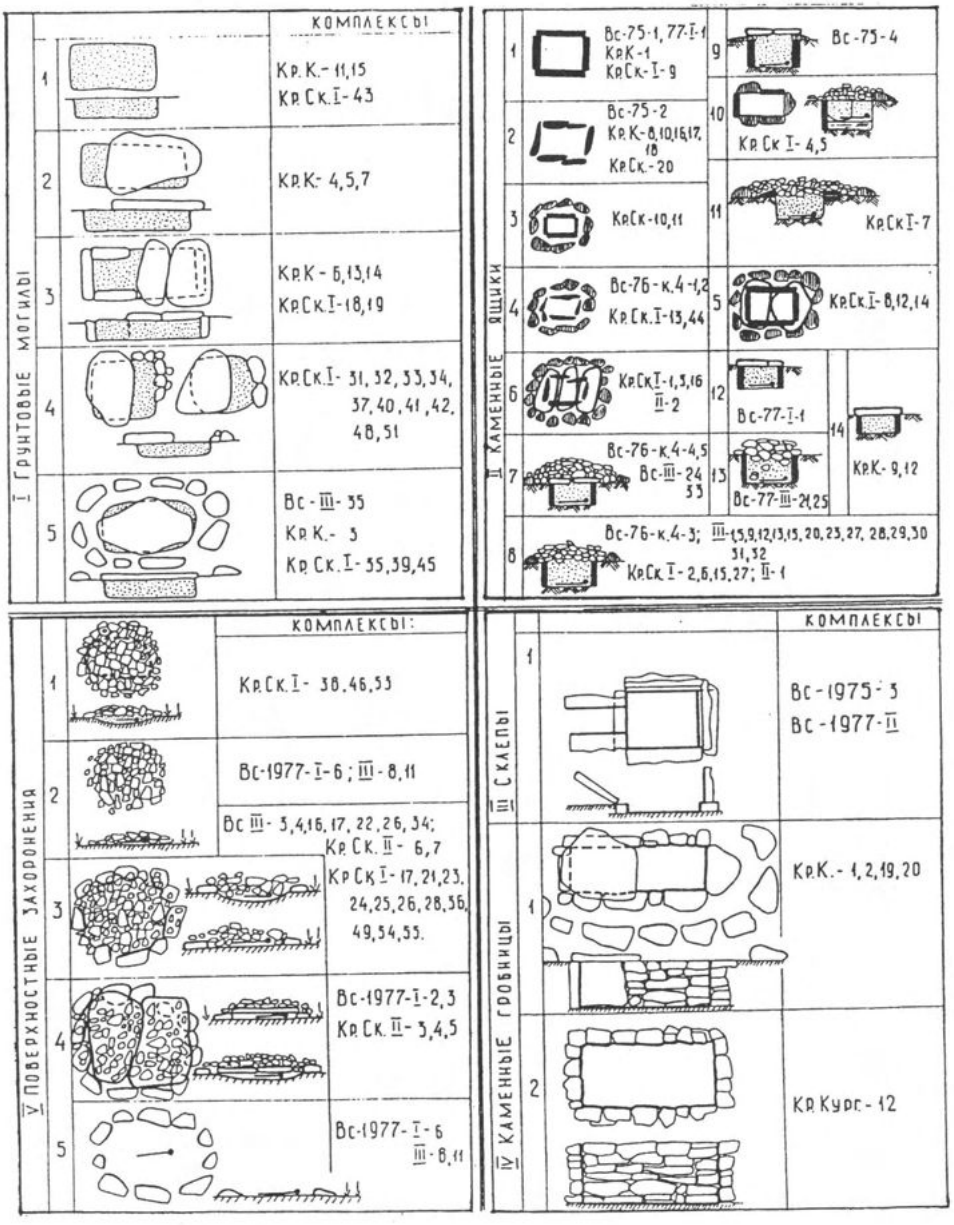

С
ОПОЛЗЕНЬ
Б
В
7
5
6
9
10
11
12
12А
13
13А
14
8
-317
-300
-298
-310 М
-217
-237 ЗОЛА
-210
-249
-173
-280
-220 СП
-115
-207
-180
-103
-169 СП
-185 СП
-235 ПОЛА
-262
-240
-64
-237
-68
-442
-410
-310
5 м
0

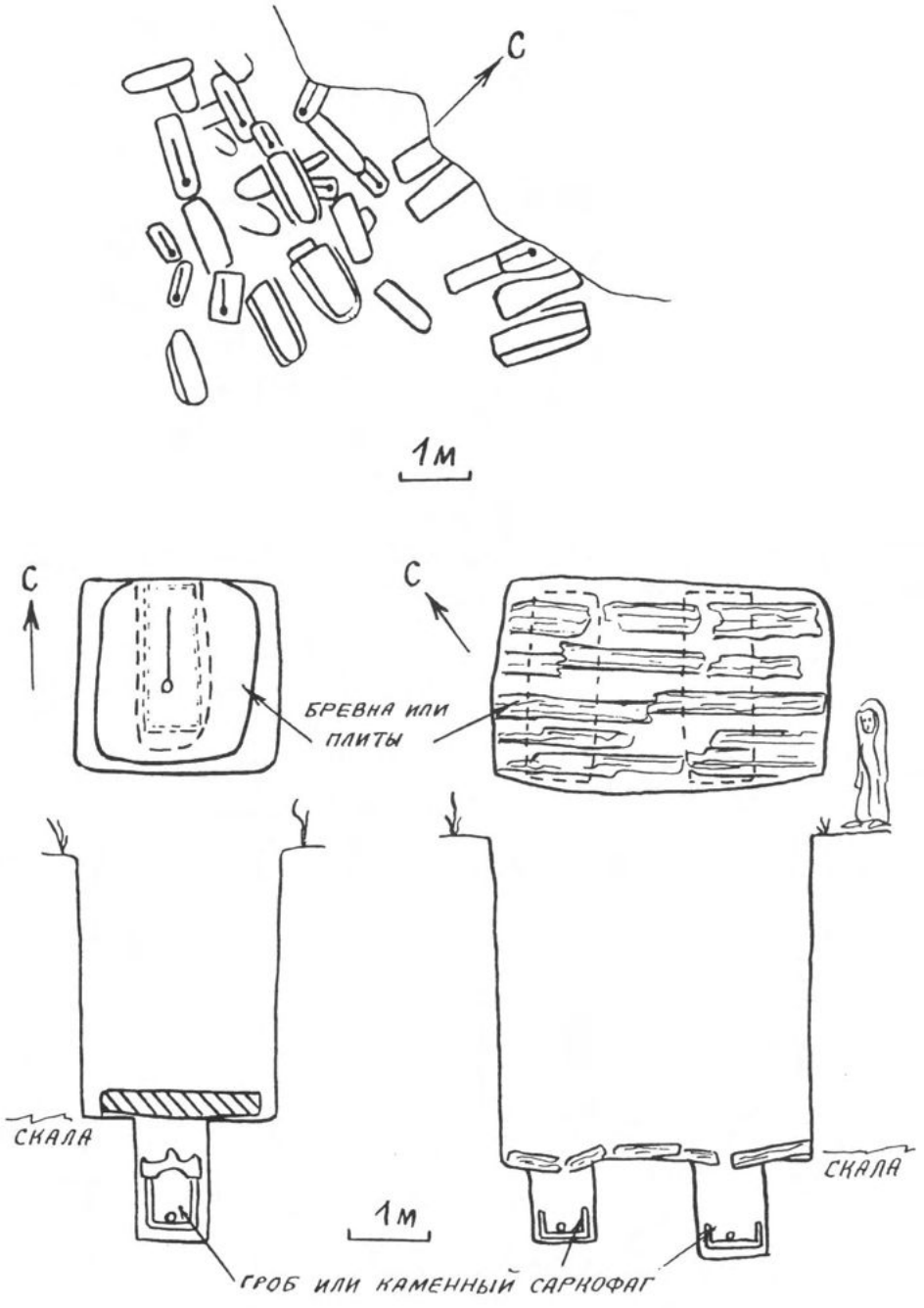

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
0 3 см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
0
5 см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
0
5 см


«КРАСНАЯ СКАЛА» 1975-76 г.г.
раскоп - I
эсхара
эсхары
-67 материк
0 1м


I Грунтовые могилы
КОМПЛЕКСЫ
1
Кр.К.- 11,15
Кр.Ск.I-43
2
Кр.К- 4,5,7
3
Кр.К - 6,13,14
Кр.Ск.I-18,19
4
Кр.Ск.I- 31,32,33,34, 37,40,41,42, 48,51
5
Вс-III-35
Кр.К.- 3
Кр.Ск.I-35,39,45
II Каменные ящики
1
Вс-75-1, 77-I-1
Кр.К-1
Кр.Ск-I-9
2
Вс-75-2
Кр.К-8,10,16,17, 18
Кр.Ск.-20
3
Кр.Ск-10,11
4
Вс-76-к.4-1,2
Кр.Ск.I-13,44
5
Кр.Ск.I-8,12,14
6
Кр.Ск.I-1,3,16
II-2
7
Вс-76-к.4-4,5
Вс-III-24 33
8
Вс-76-к.4-3; III-1,5,9,12,13,15,20,23,27,28,29,30 31,32
Кр.Ск.I-2,6,15,27; II-1
9
Вс-75-4
10
Кр.Ск I-4,5
11
Кр.Ск I-7
12
Вс-77-I-1
13
Вс-77-III-21,25
14
Кр.К-9,12
V Поверхностные захоронения
КОМПЛЕКСЫ:
1
Кр.Ск.I-38,46,53
2
Вс-1977-I-6; III-8,11
Вс III-3,4,16,17,22,26,34;
Кр.Ск.II-6,7
3
Кр.Ск I-17,21,23, 24,25,26,28,36, 49,54,55.
4
Вс-1977-I-2,3
Кр.Ск.II-3,4,5
5
Вс-1977-I-6
III-8,11
III Склепы
1
КОМПЛЕКСЫ
Вс-1975-3
Вс-1977-II
IV Каменные гробницы
1
Кр.К.-1,2,19,20
2
Кр.Кург.-12


С
1м
С
С
БРЕВНА ИЛИ ПЛИТЫ
СКАЛА
СКАЛА
1м
ГРОБ ИЛИ КАМЕННЫЙ САРКОФАГ

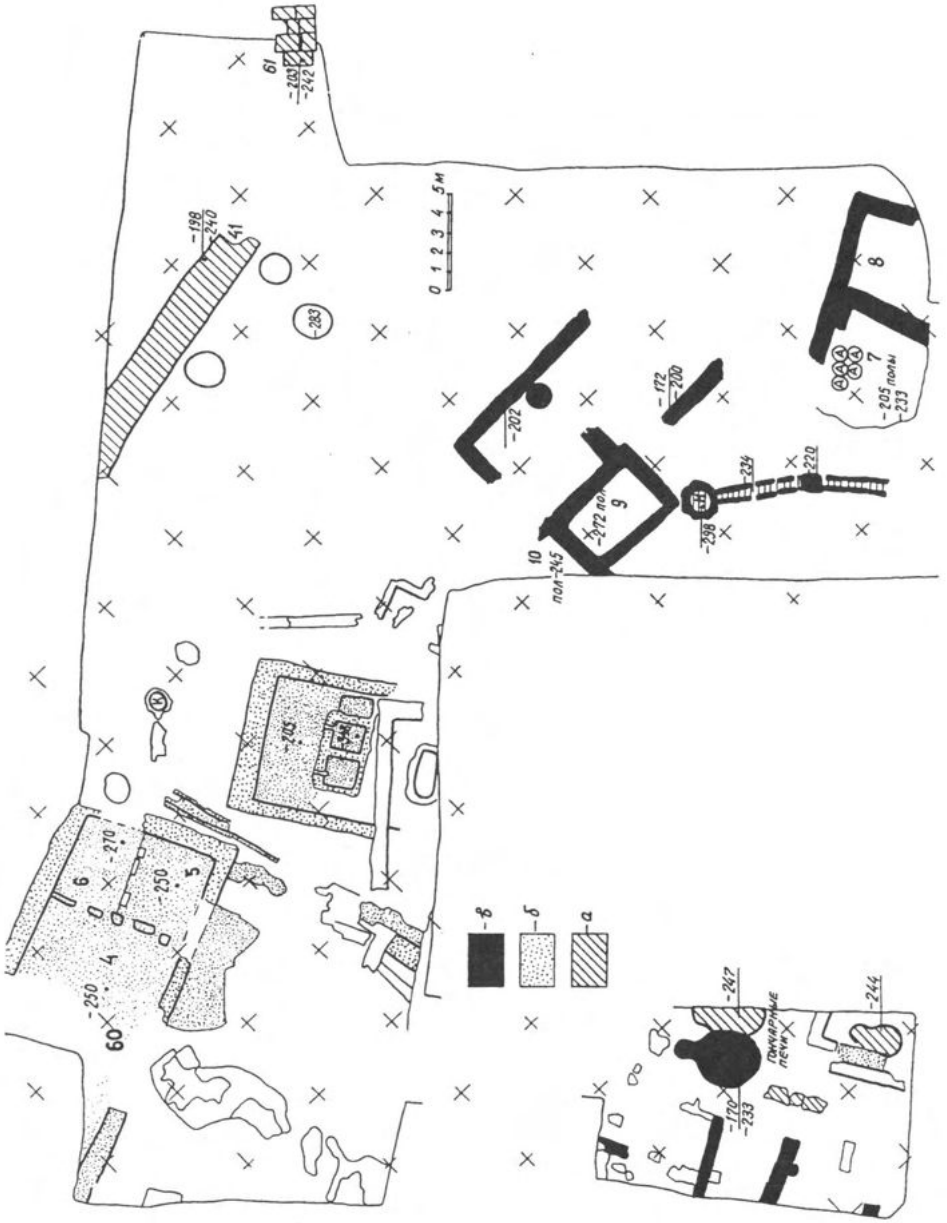

0 1 2 3 4 5 м
61
-203
-242
-198
-240
41
-283
-202
-172
-200
-229
-220
-272 пол
9
-258
10
пол -245
8
7
-205 полы
233
-205
-270
6
-250
5
4
60
-250
-в
-б
-а
-247
погребные
печи
-170
-233
-244

Таблица 21а

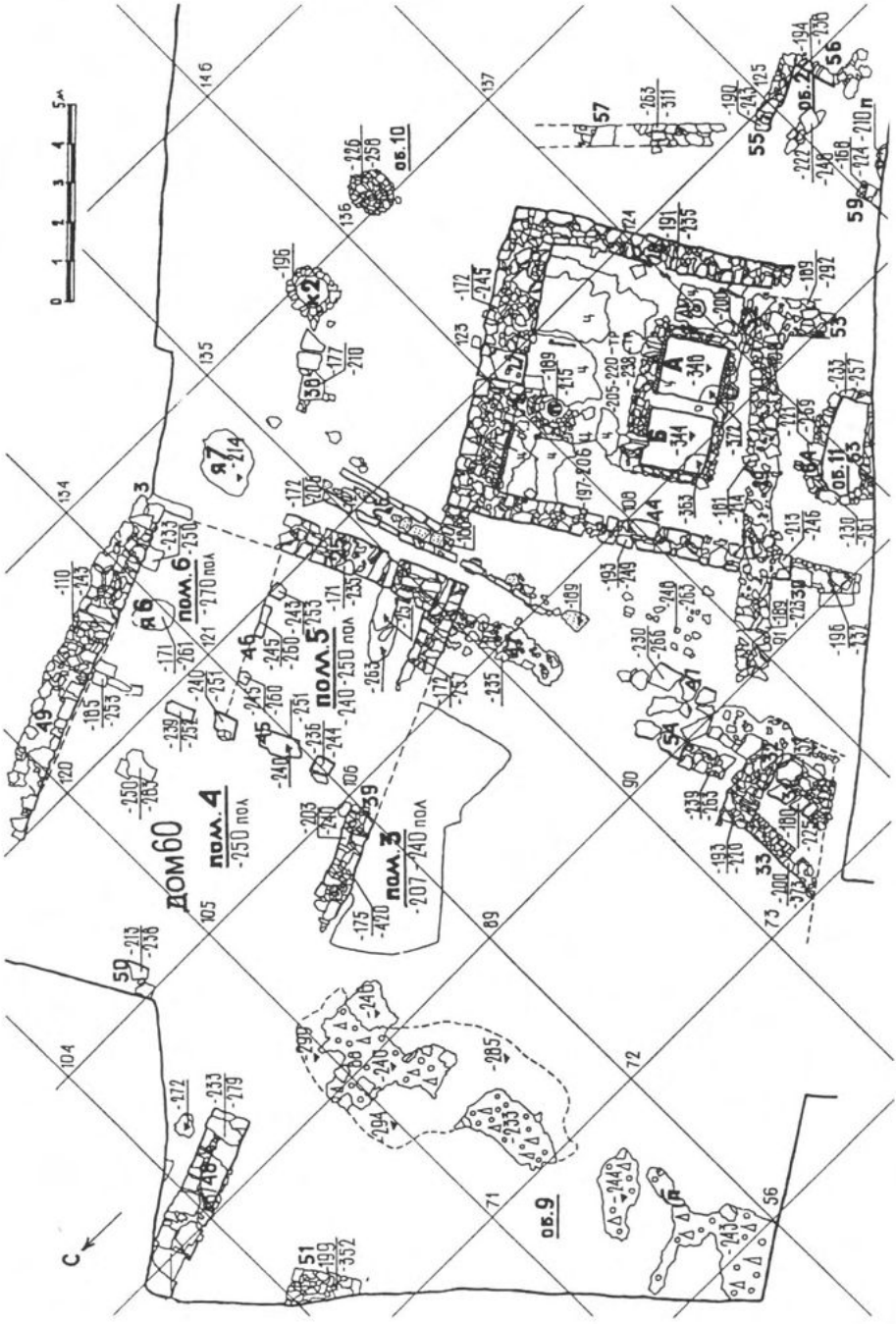
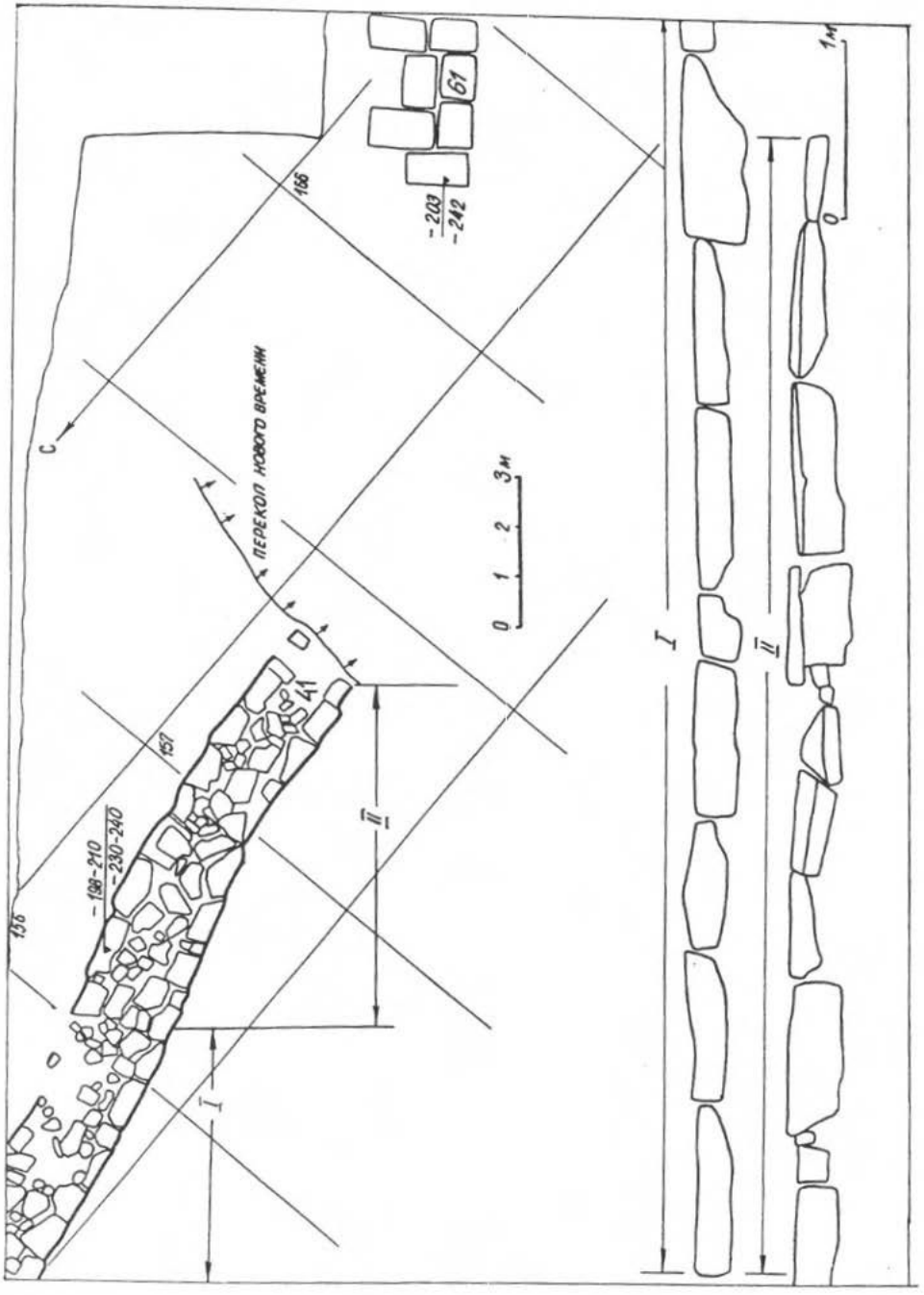
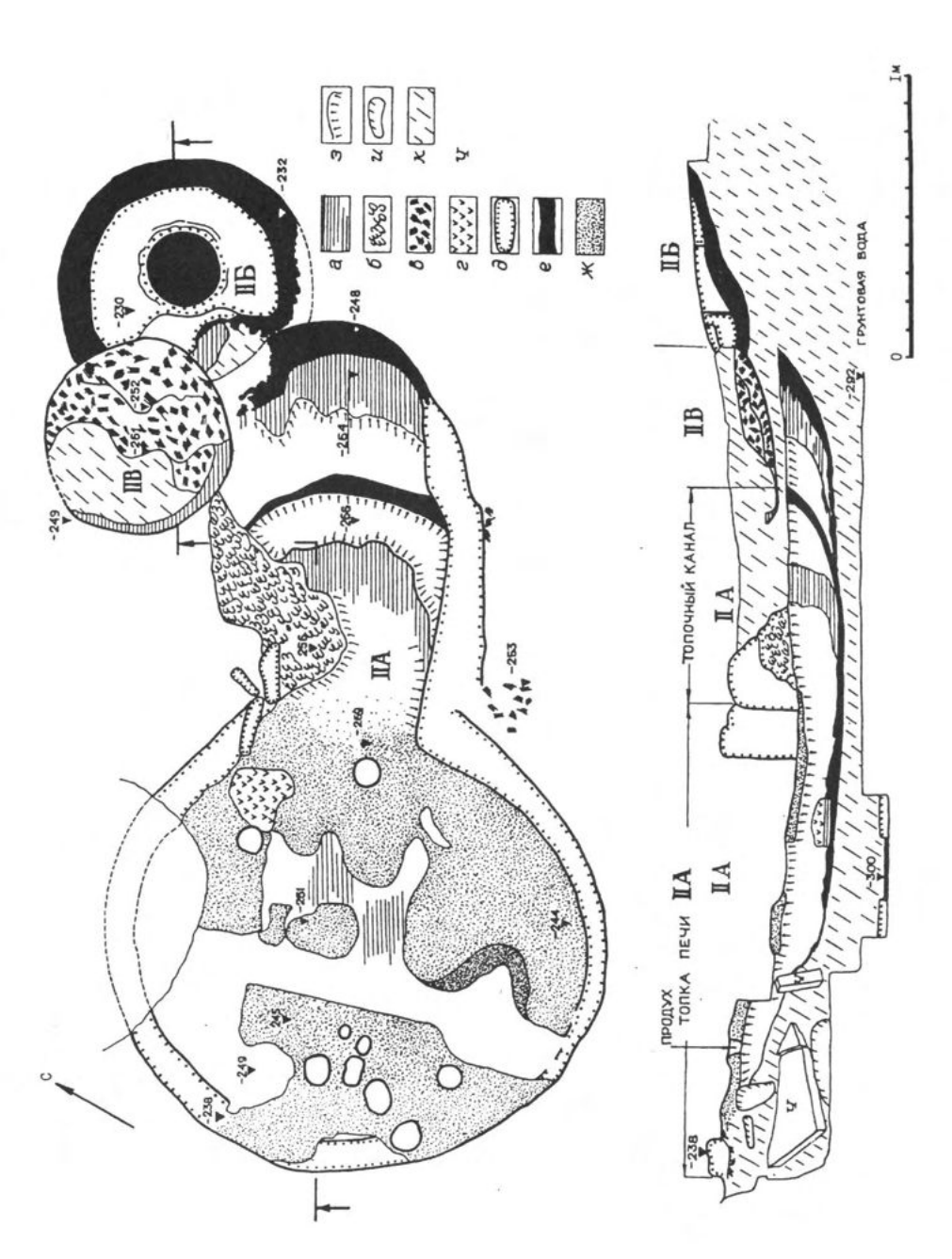
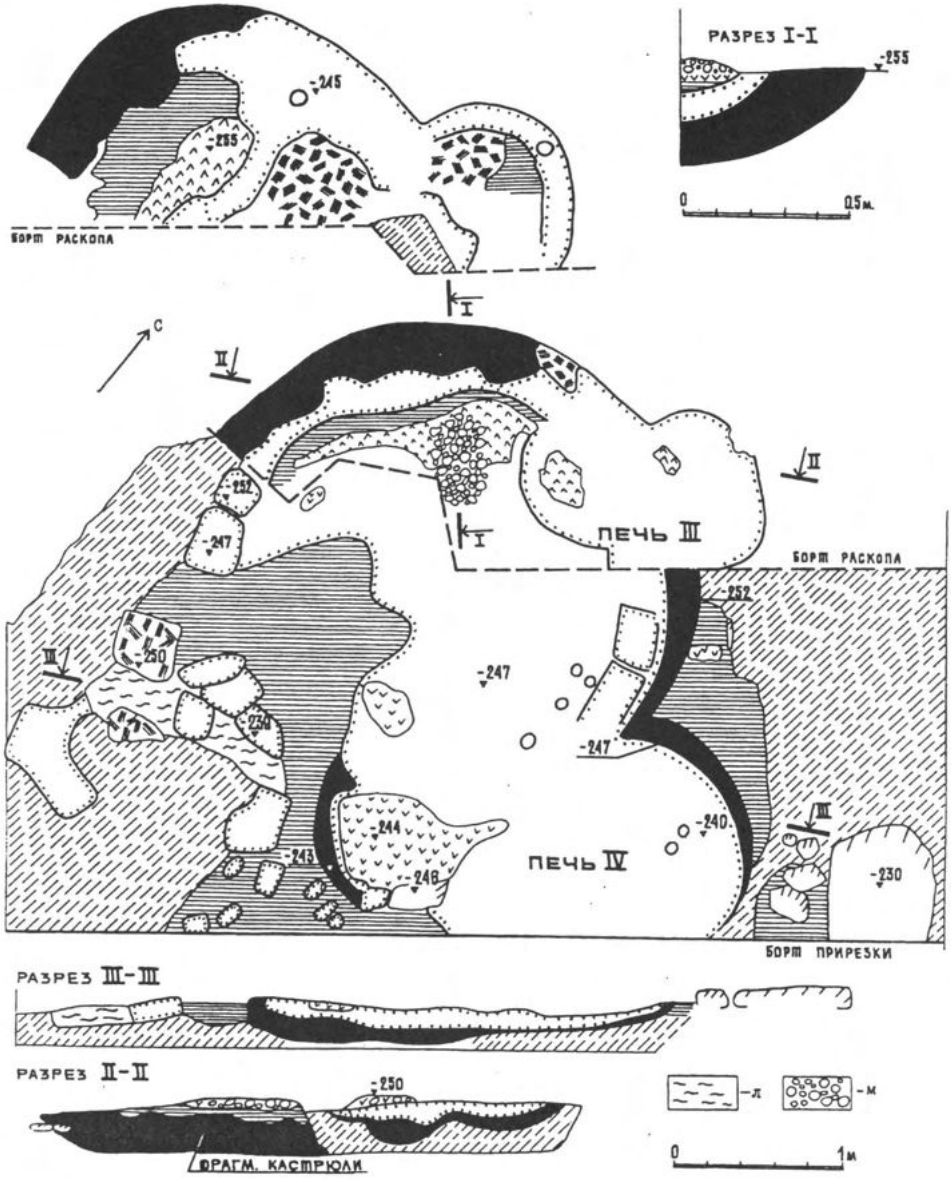
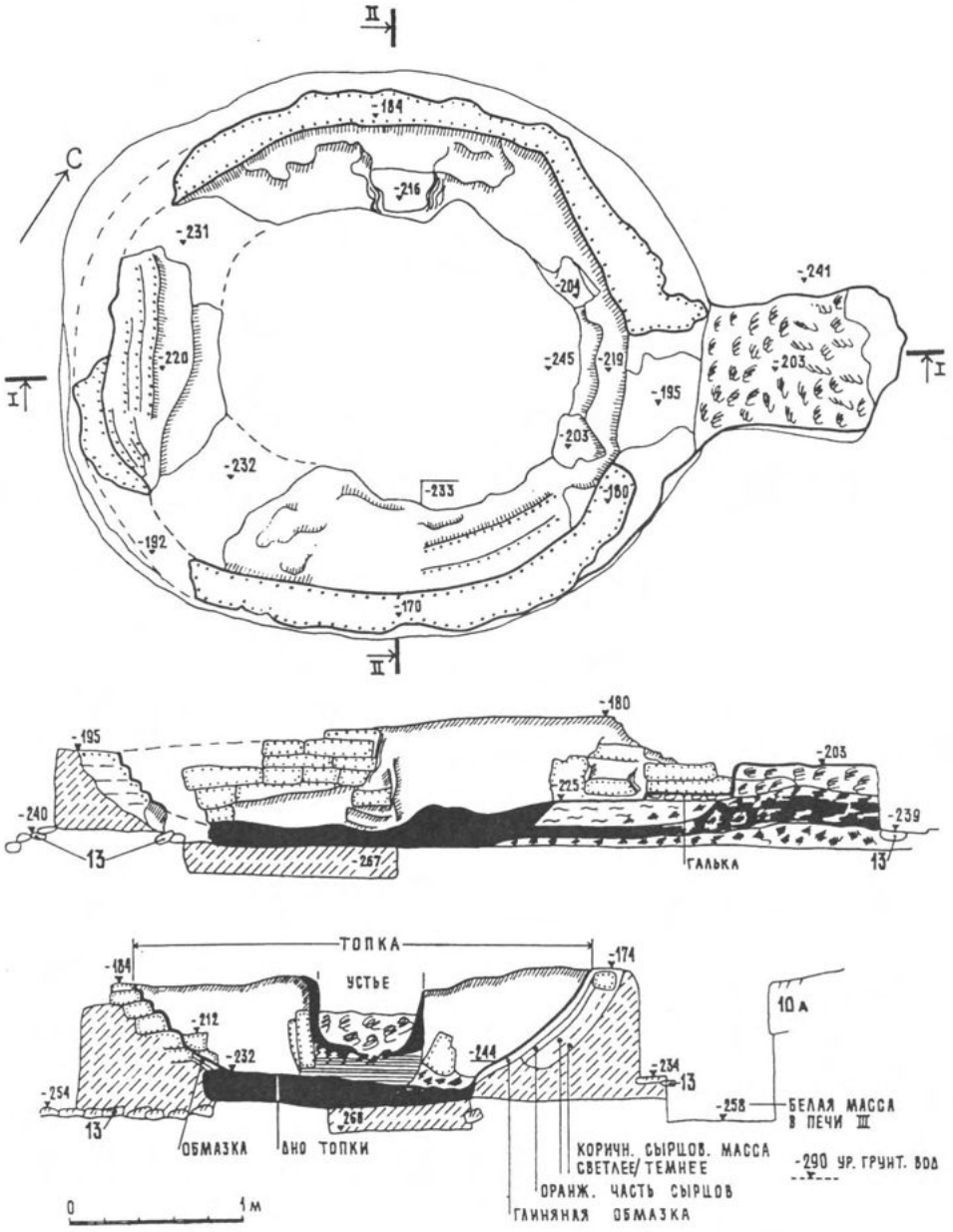


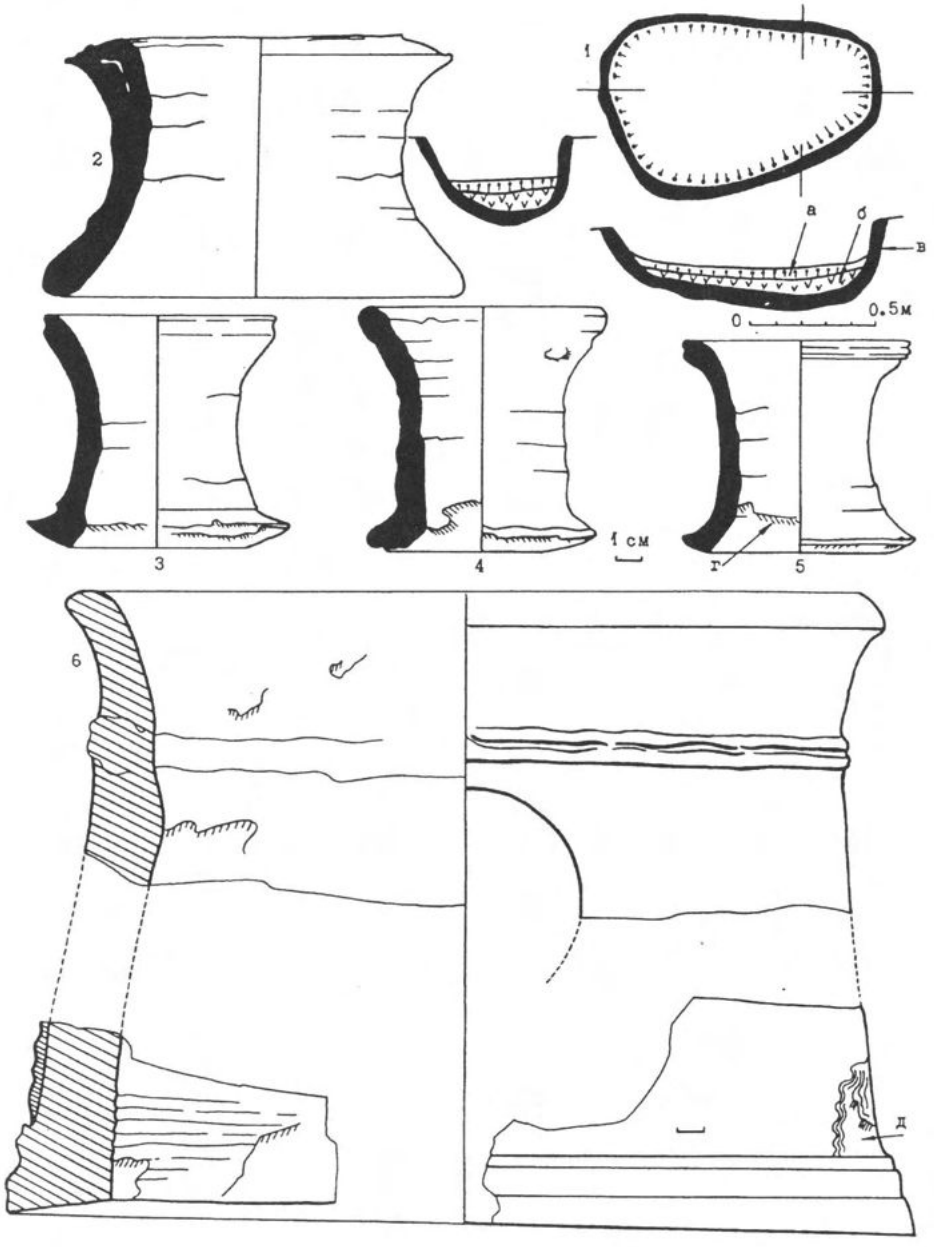
Таблица 22

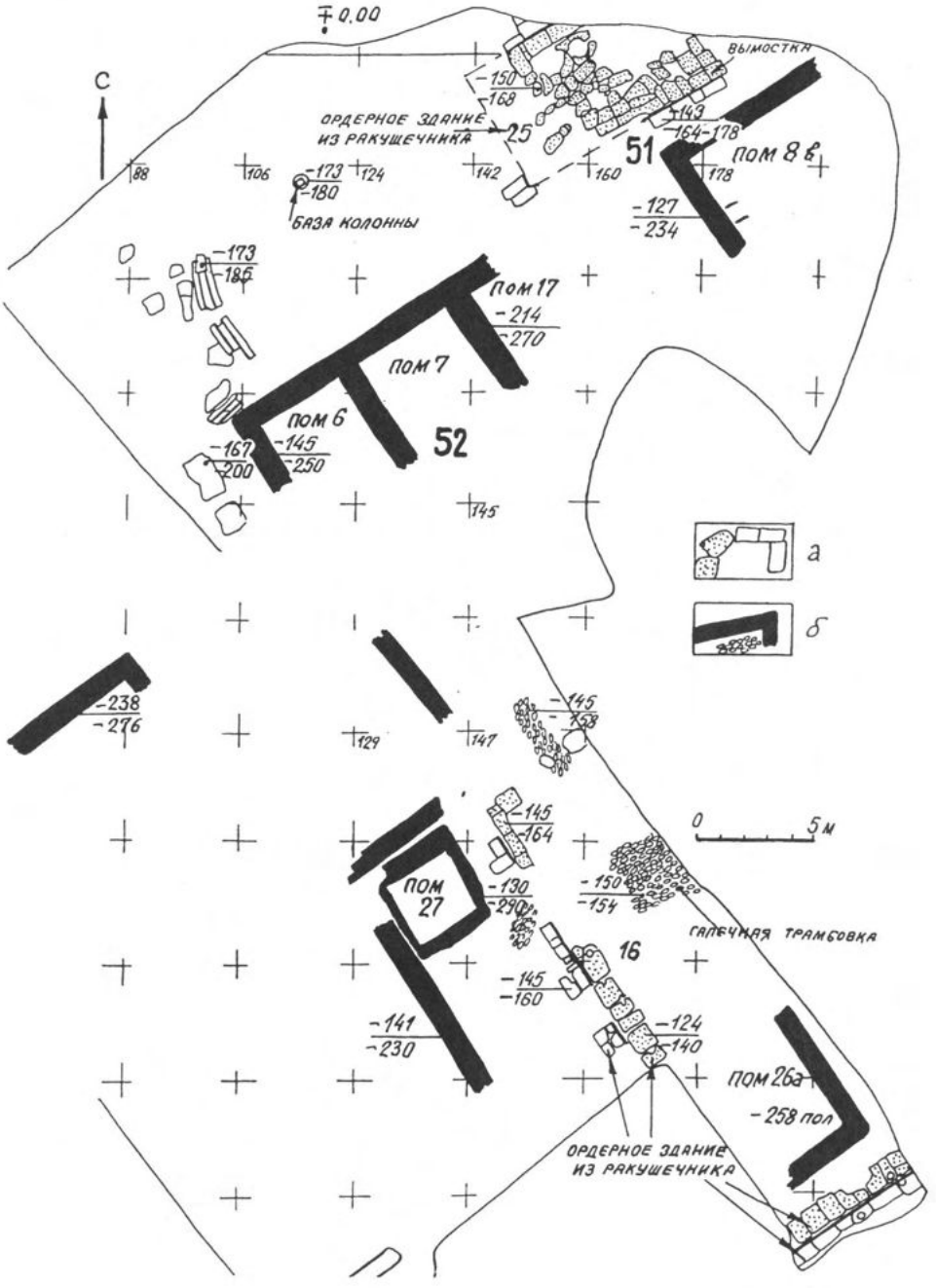

С
ПЕРЕКОП НОВОГО ВРЕМЕНИ
156
157
166
- 198-210
- 230-240
- 203
- 242
61
41
I
II
0 1 2 3м
0
1м

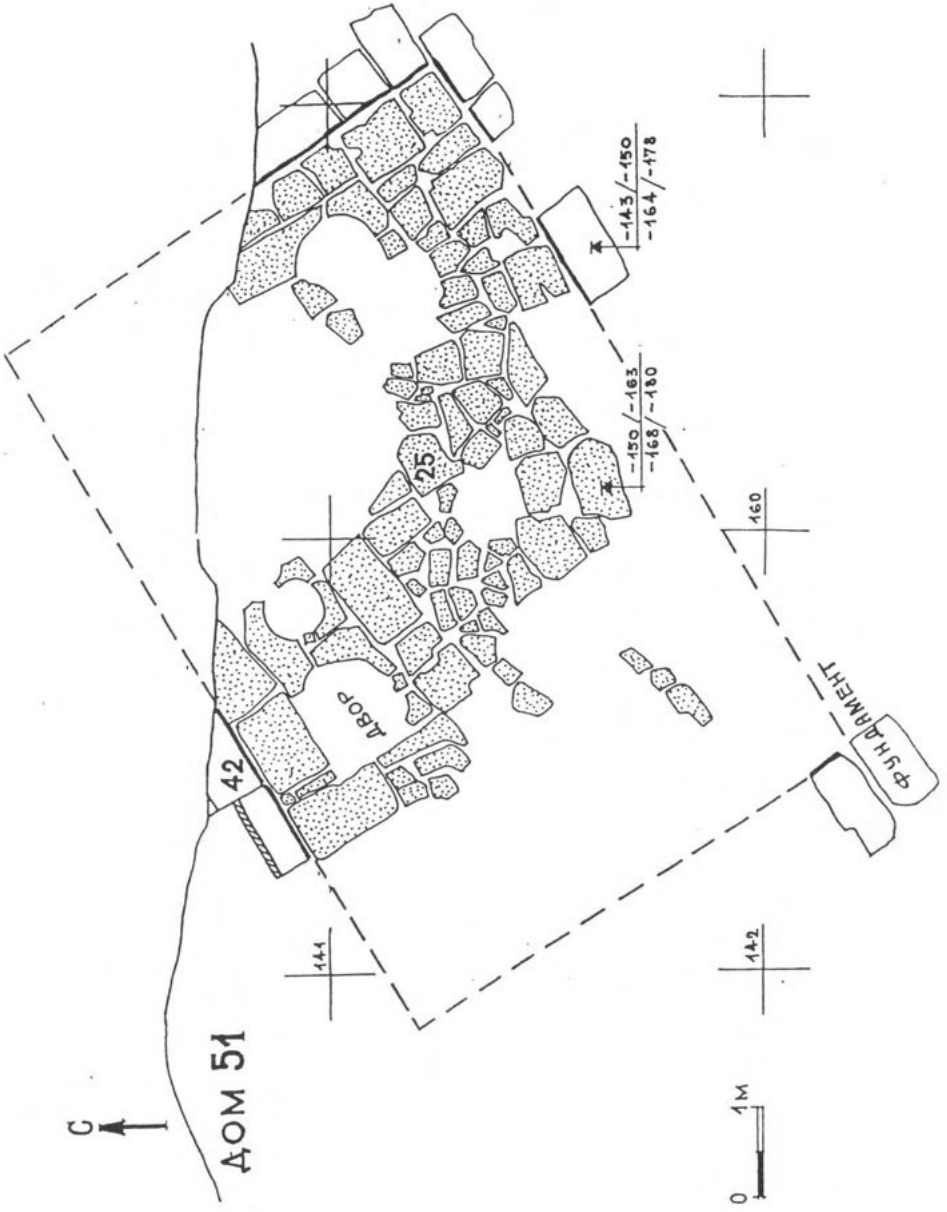

а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
ч
ПБ
ПВ
ПА
ПБ
ПВ
ПА
ПА
ТОПОЧНЫЙ КАНАЛ
ПРОДУХ ТОПКА ПЕЧИ
ГРУНТОВАЯ ВОДА
С
0
1м


РАЗРЕЗ I-I
-255
0
0,5м.
-245
-255
БОРТ РАСКОПА
I
С
II
II
-252
-247
I
ПЕЧЬ III
БОРТ РАСКОПА
-252
III
-250
-247
-250
-247
-244
-240
III
ПЕЧЬ IV
-243
-248
-230
БОРТ ПРИРЕЗКИ
РАЗРЕЗ III-III
РАЗРЕЗ II-II
-250
ФРАГМ. КАСТРЮЛИ
-л
-м
0
1м


II
C
-184
-216
-231
-204
-241
-220
-245
-219
-203
-195
I
I
-203
-232
-233
-160
-192
-170
II
-180
-195
-203
-225
-240
-239
13
-267
ГАЛЬКА
13
ТОПКА
-184
УСТЬЕ
-174
10 А
-212
-232
-244
-234
13
-254
-258
БЕЛАЯ МАССА
В ПЕЧИ III
13
-268
ОБМАЗКА
ДНО ТОПКИ
КОРИЧН. СЫРЦОВ. МАССА
СВЕТЛЕЕ/ ТЕМНЕЕ
-290 УР. ГРУНТ. ВОД
ОРАНЖ. ЧАСТЬ СЫРЦОВ
ГЛИНЯНАЯ ОБМАЗКА
0
1 м


1
2
а
б
в
0
0.5м
3
4
1 см
г
5
6
д


±0.00
С
ВЫМОСТКА
ОРДЕРНОЕ ЗДАНИЕ ИЗ РАКУШЕЧНИКА
25
51
ПОМ 8 в
БАЗА КОЛОННЫ
ПОМ 17
ПОМ 7
ПОМ 6
52
а
б
0
5 м
ПОМ 27
16
ГАЛЕЧНАЯ ТРАМБОВКА
ПОМ 26а
-258 пол
ОРДЕРНОЕ ЗДАНИЕ ИЗ РАКУШЕЧНИКА


С
ДОМ 51
42
АБОР
25
141
142
160
-143/-150
-164/-178
-150/-163
-168/-180
ФУНДАМЕНТ
0
1м

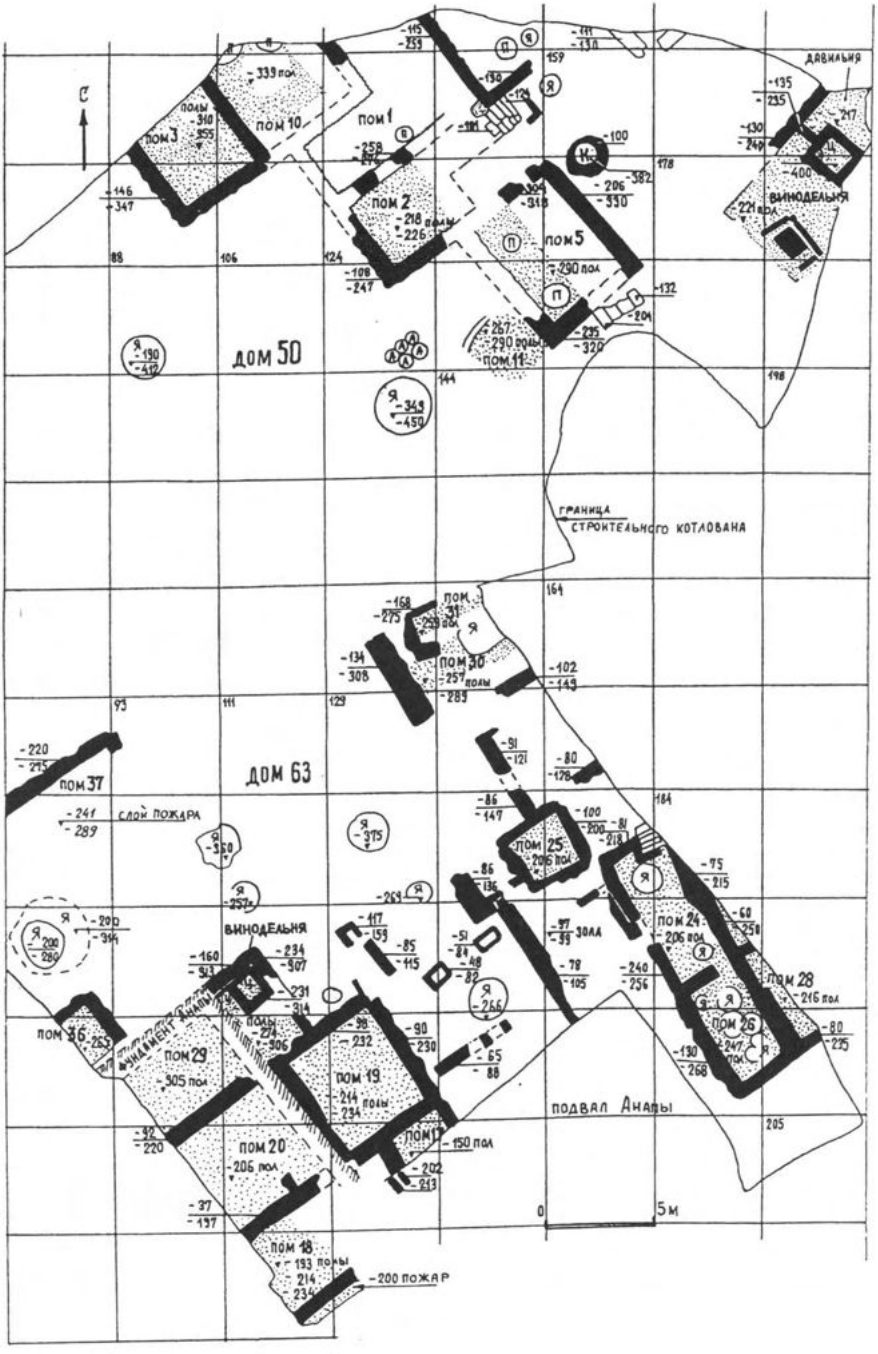

С
ДОМ 50
ДОМ 63
ПОМ 1
ПОМ 2
ПОМ 3
ПОМ 5
ПОМ 10
ПОМ 11
ПОМ 17
ПОМ 18
ПОМ 19
ПОМ 20
ПОМ 24
ПОМ 25
ПОМ 26
ПОМ 28
ПОМ 29
ПОМ 30
ПОМ 31
ПОМ 36
ПОМ 37
ДАВИЛЬНЯ
ВИНОДЕЛЬНЯ
ВИНОДЕЛЬНЯ
ГРАНИЦА СТРОИТЕЛЬНОГО КОТЛОВАНА
СЛОЙ ПОЖАРА
ЗОЛА
ФУНДАМЕНТ
ПОДВАЛ ДНАПЫ
ПОЖАР
0
5 м

Таблица 30

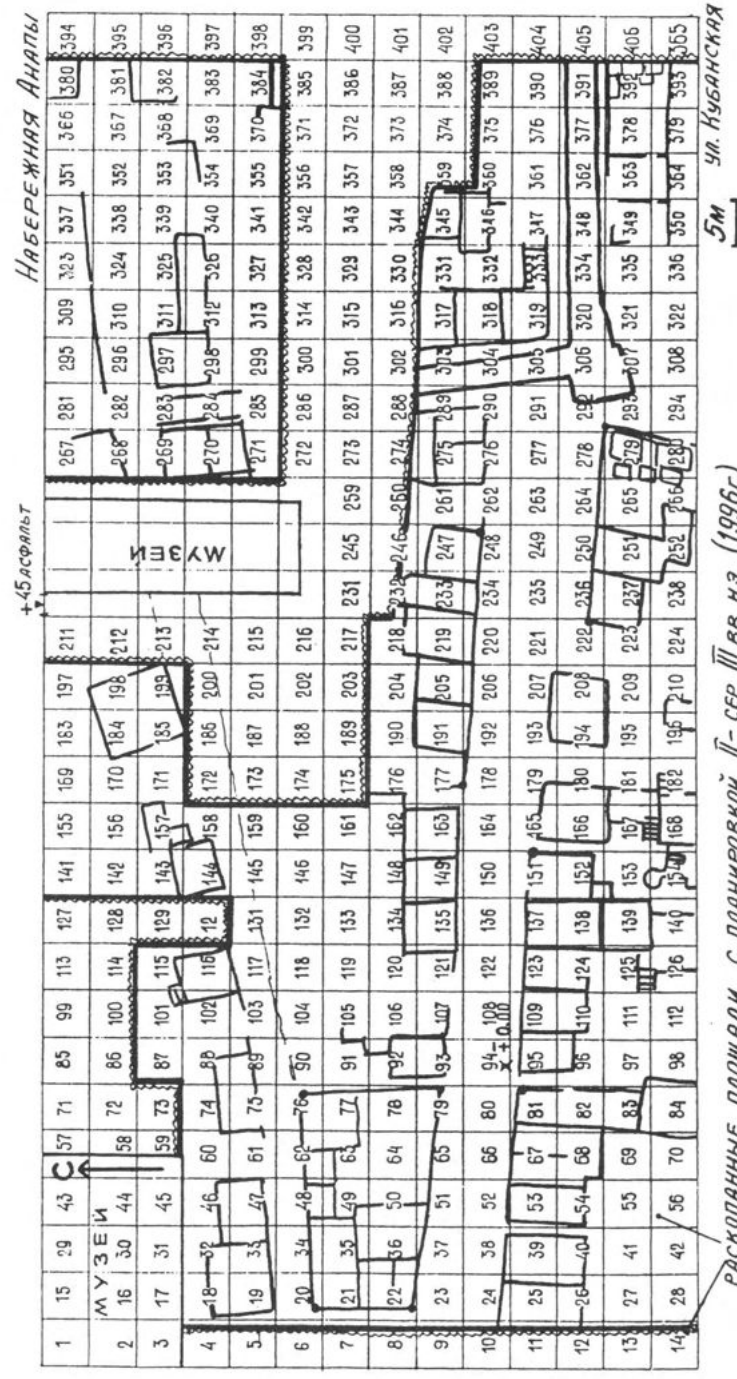
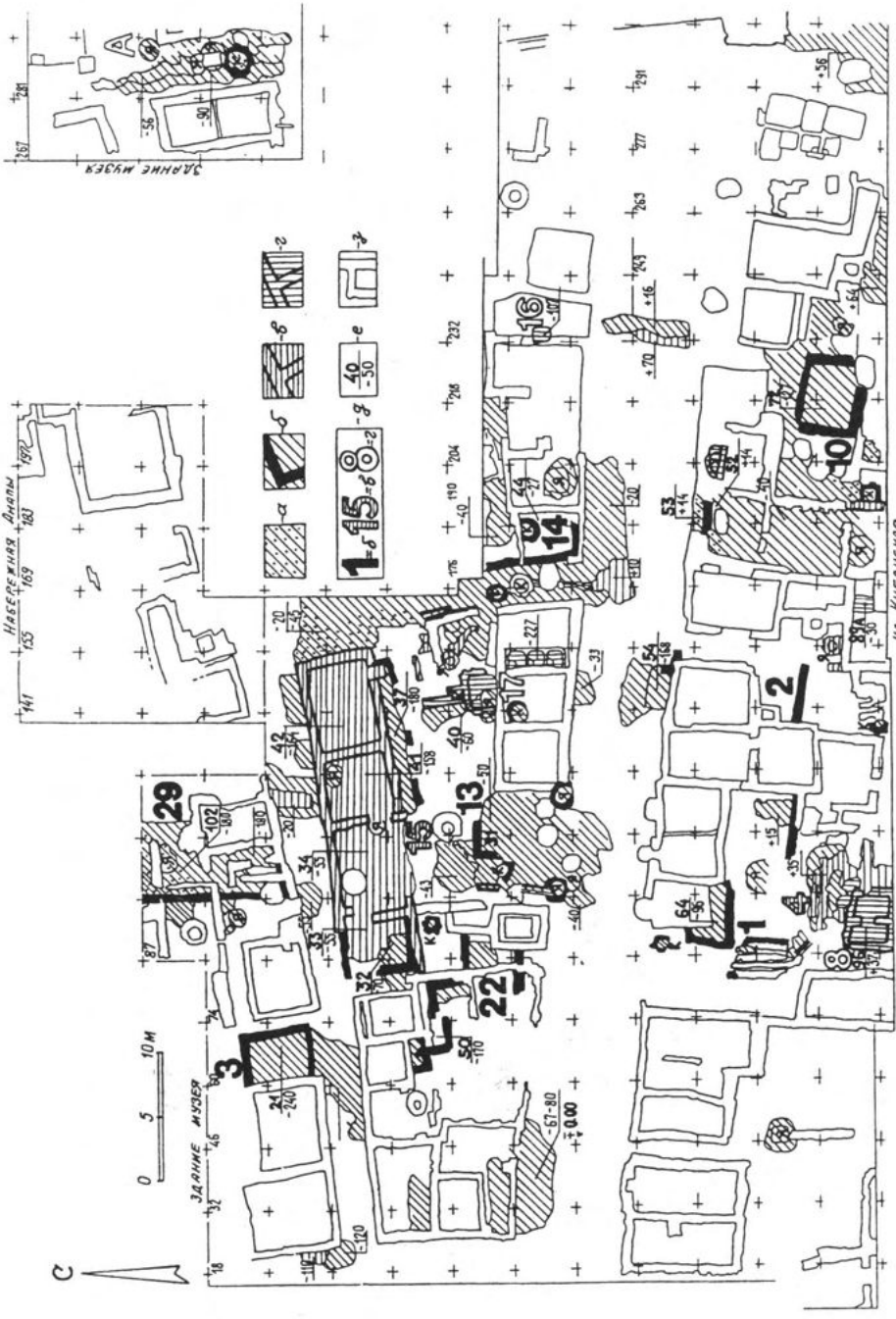
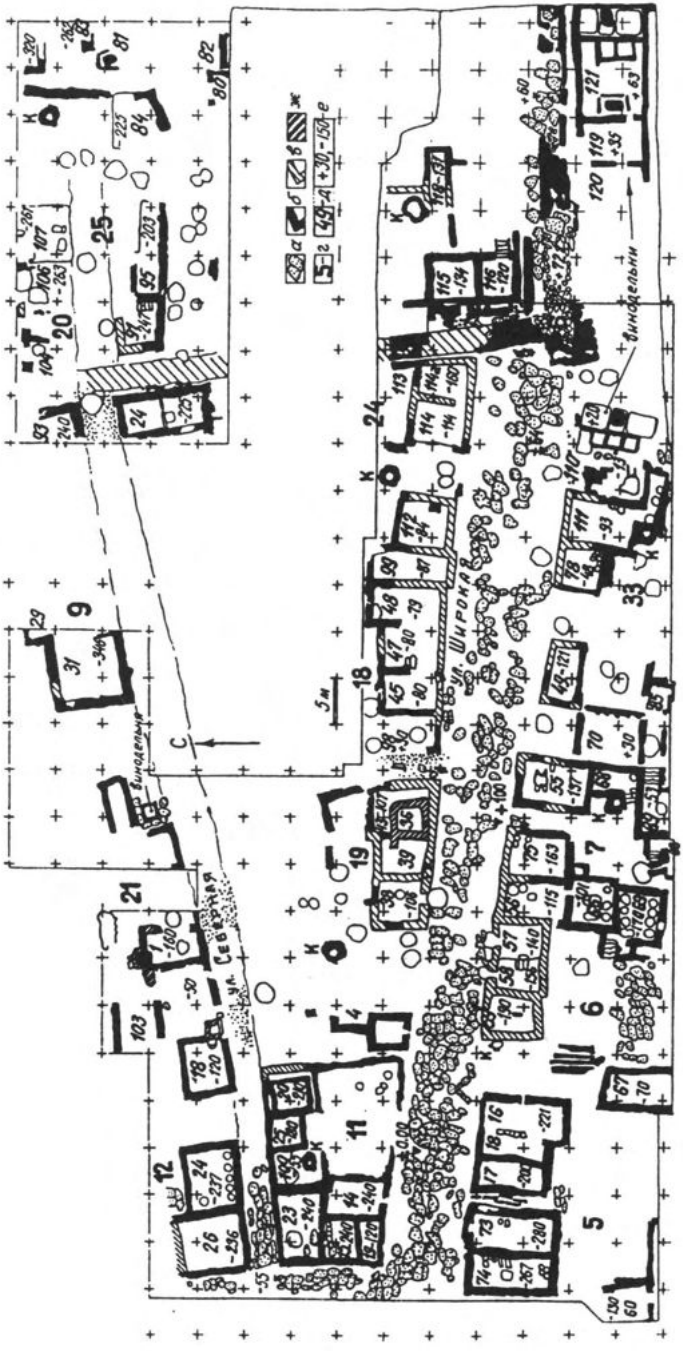
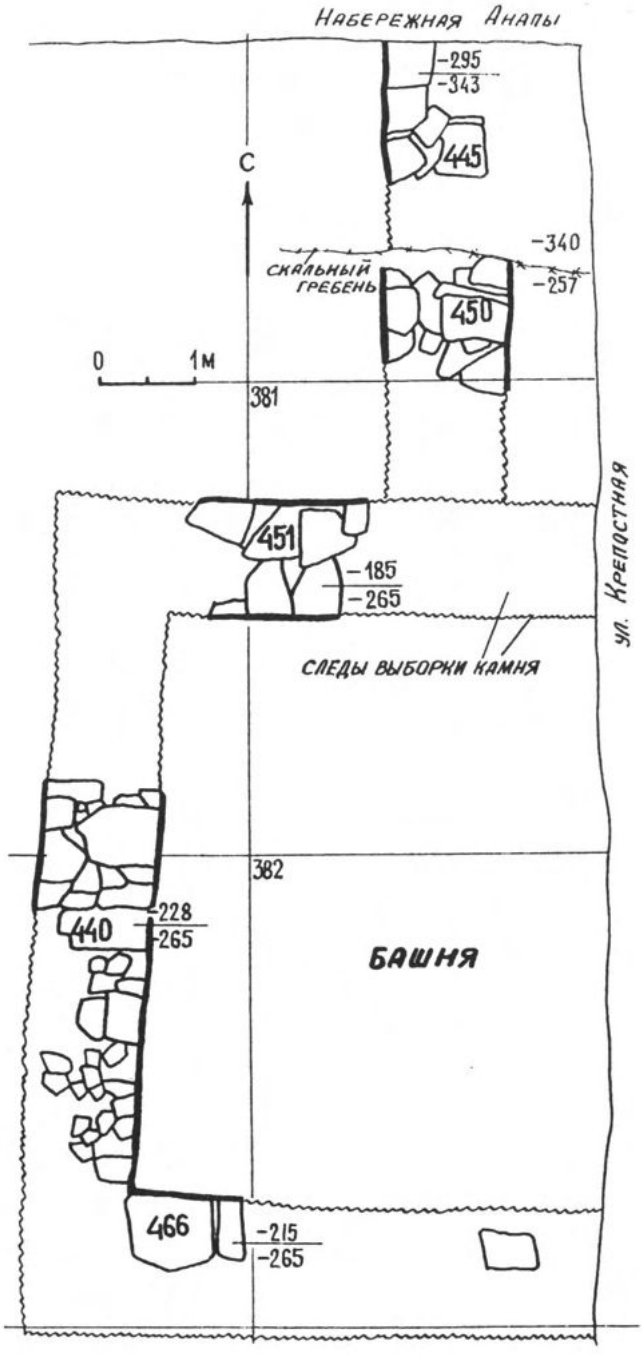
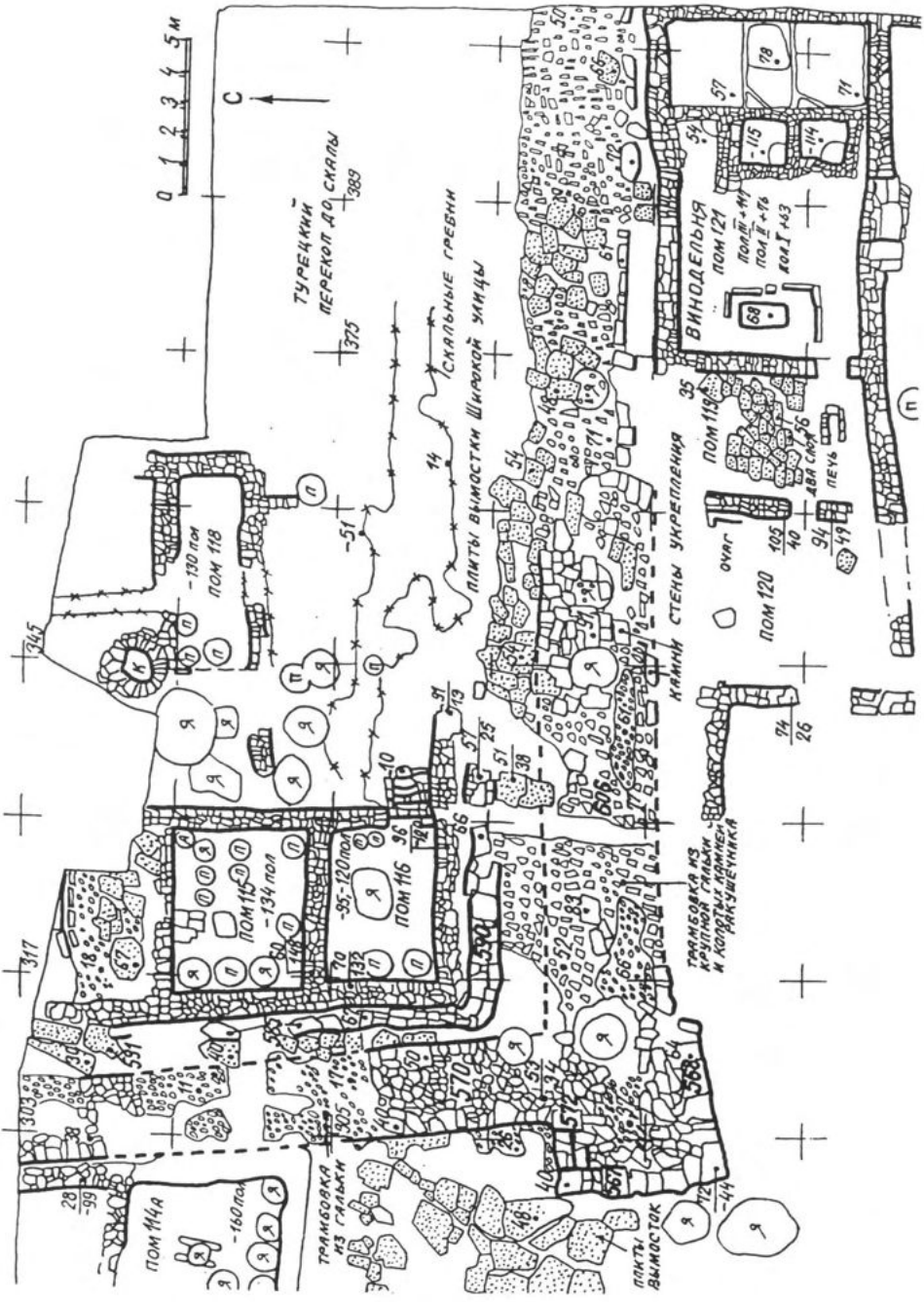

Набережная Анапы
+45 асфальт
МУЗЕЙ
МУЗЕЙ
С
ул. Кубанская
5м
Раскопанные площади с планировкой II- сер. III вв. н.э. (1996г.)

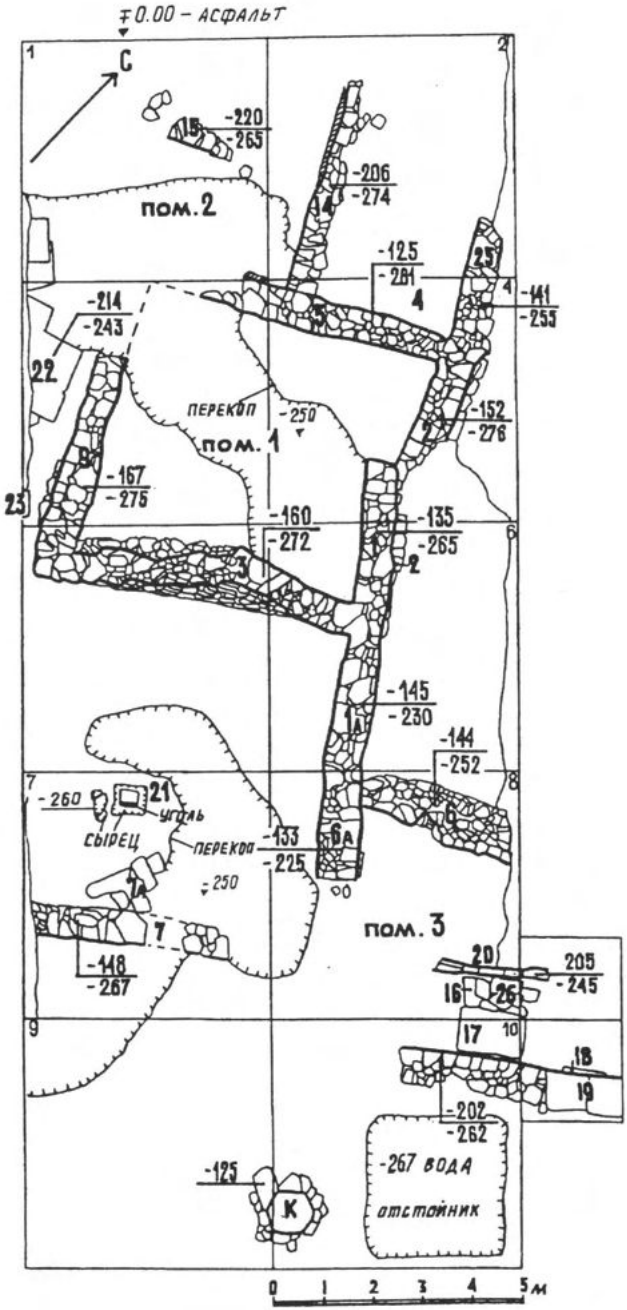
Таблица 31

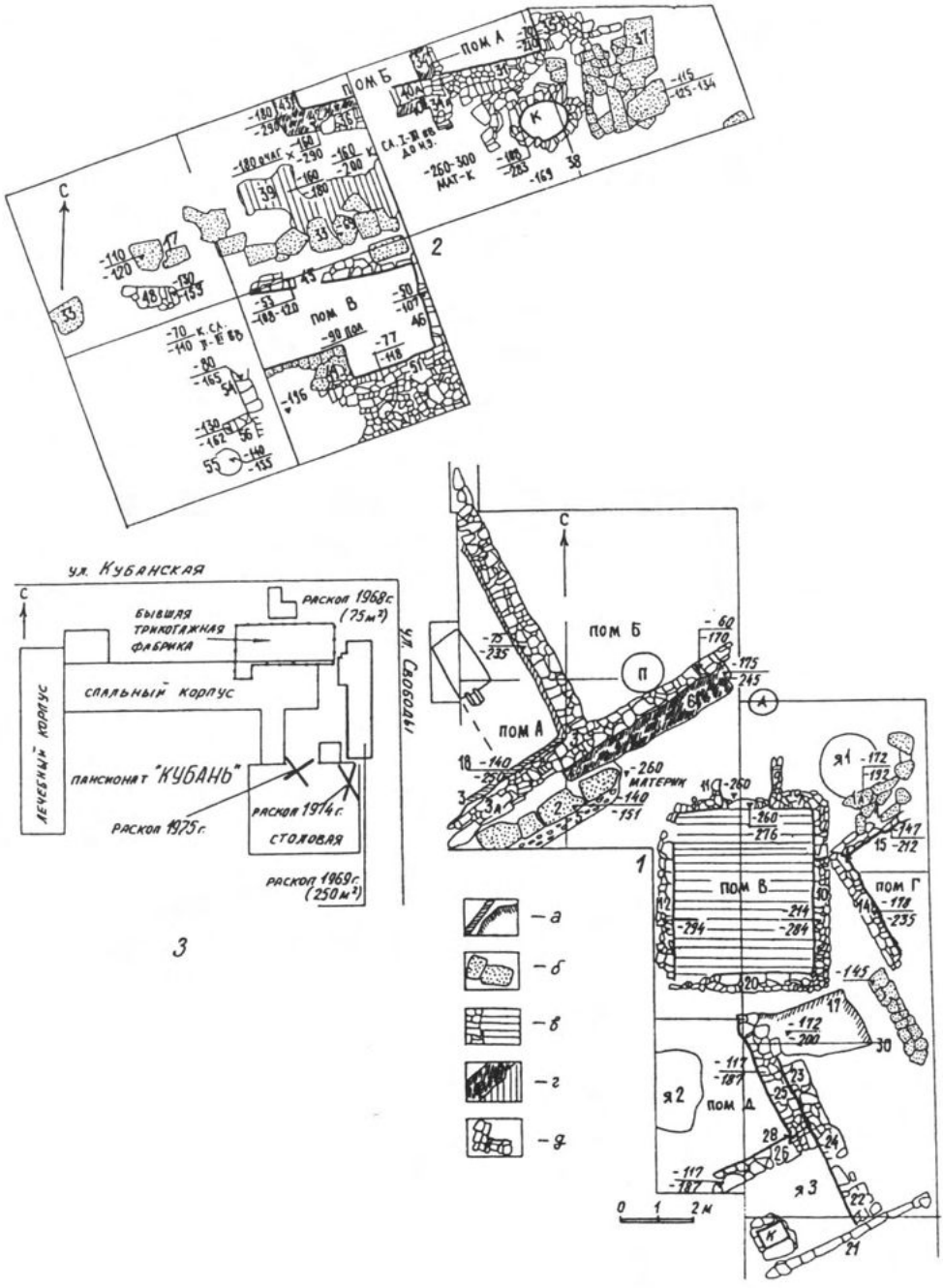

Здание музея
Набережная Анапы
Ул. Кубанская
Здание музея
0 5 10 м
С

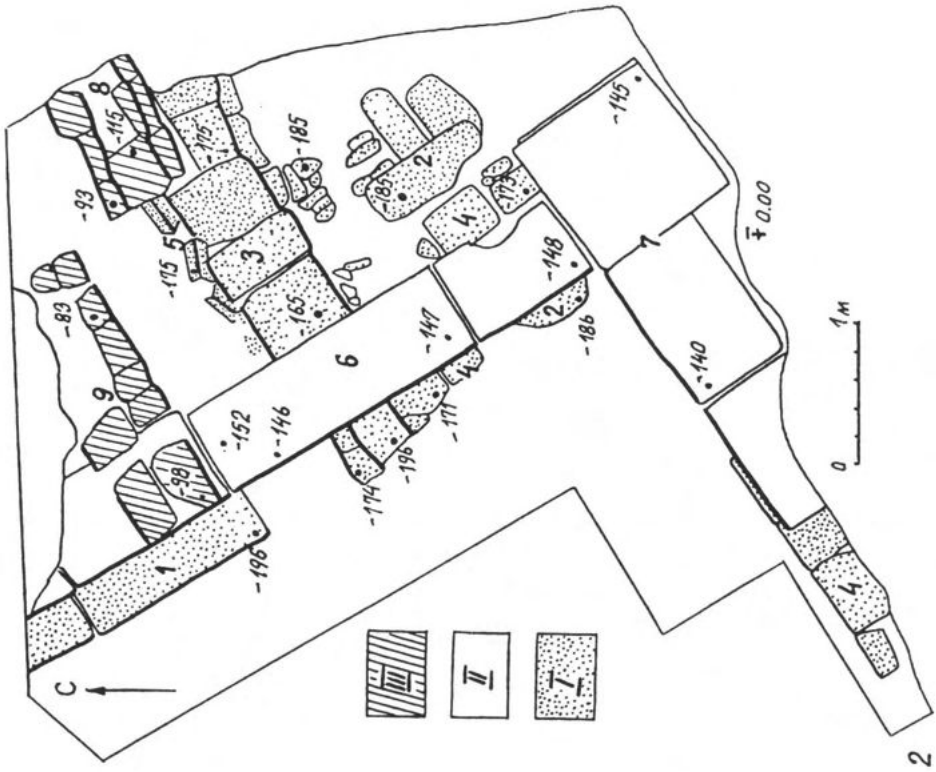

ул. Широкая
ул. Северная
Винодельня
Винодельня
5м
С

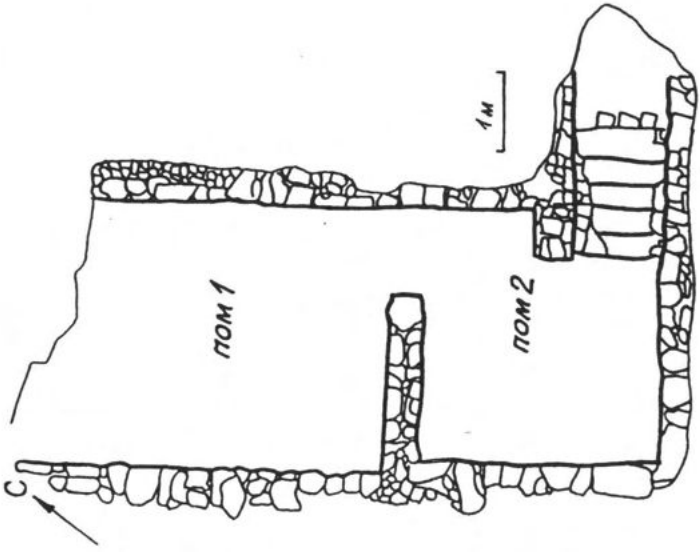

Набережная Анапы
-295
-343
445
С
-340
скальный гребень
-257
450
0
1м
381
451
-185
-265
ул. Крепостная
следы выборки камня
382
-228
440
-265
БАШНЯ
466
-215
-265

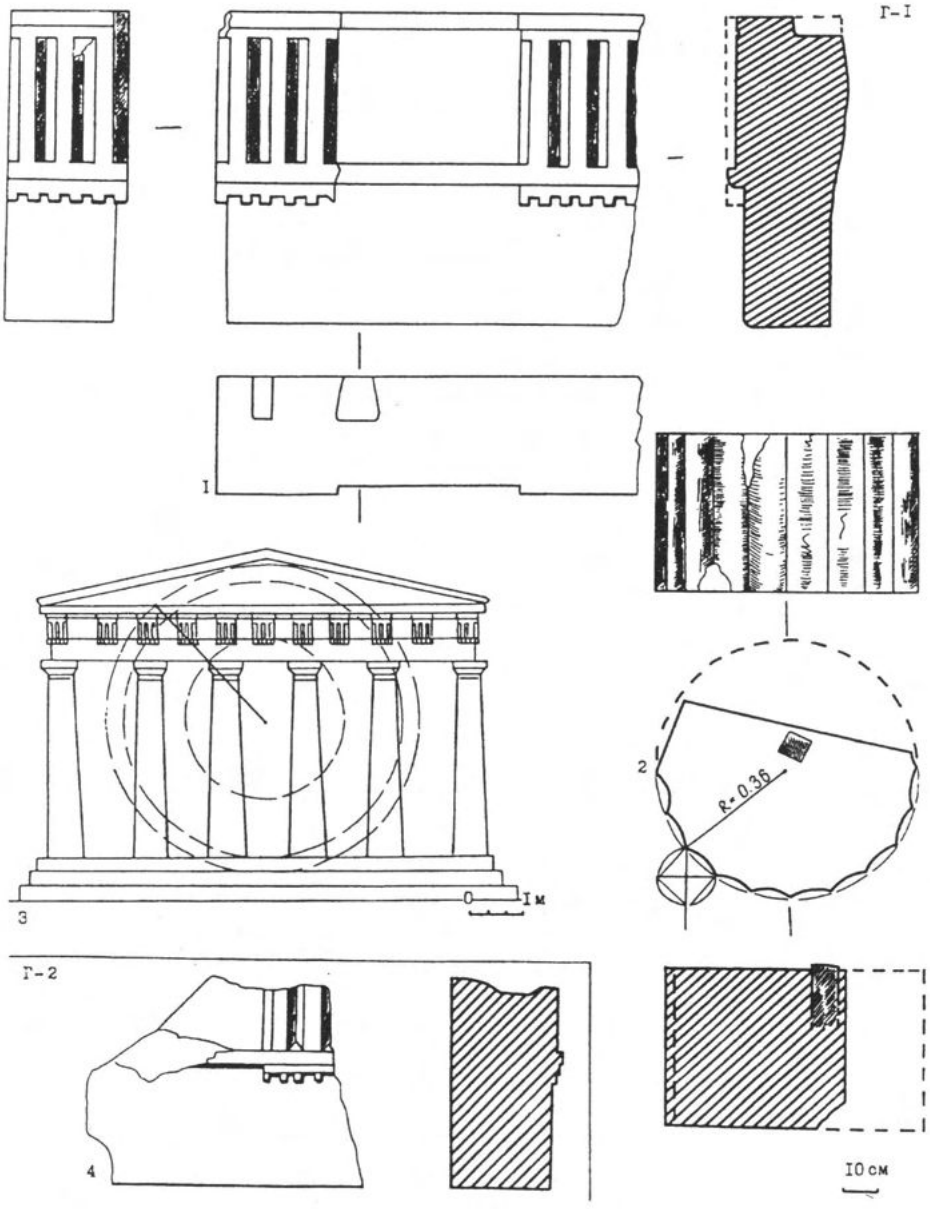

0 1 2 3 4 5 м
С
ТУРЕЦКИЙ ПЕРЕКОП ДО СКАЛЫ
СКАЛЬНЫЕ ГРЕБНИ
ПЛИТЫ ВЫМОСТКИ ШИРОКОЙ УЛИЦЫ
ВИНОДЕЛЬНЯ
ПОМ 121
ПОМ 118
ПОМ 119
ПОМ 120
ПОМ 115
ПОМ 116
ПОМ 114а
КАМНИ СТЕНЫ УКРЕПЛЕНИЯ
ОЧАГ
ПЕЧЬ
ТРАМБОВКА ИЗ ГАЛЬКИ
ТРАМБОВКА ИЗ КРУПНОЙ ГАЛЬКИ И КОЛОТЫХ КАМНЕЙ РАКУШЕЧНИКА
ПЛИТЫ ВЫМОСТОК

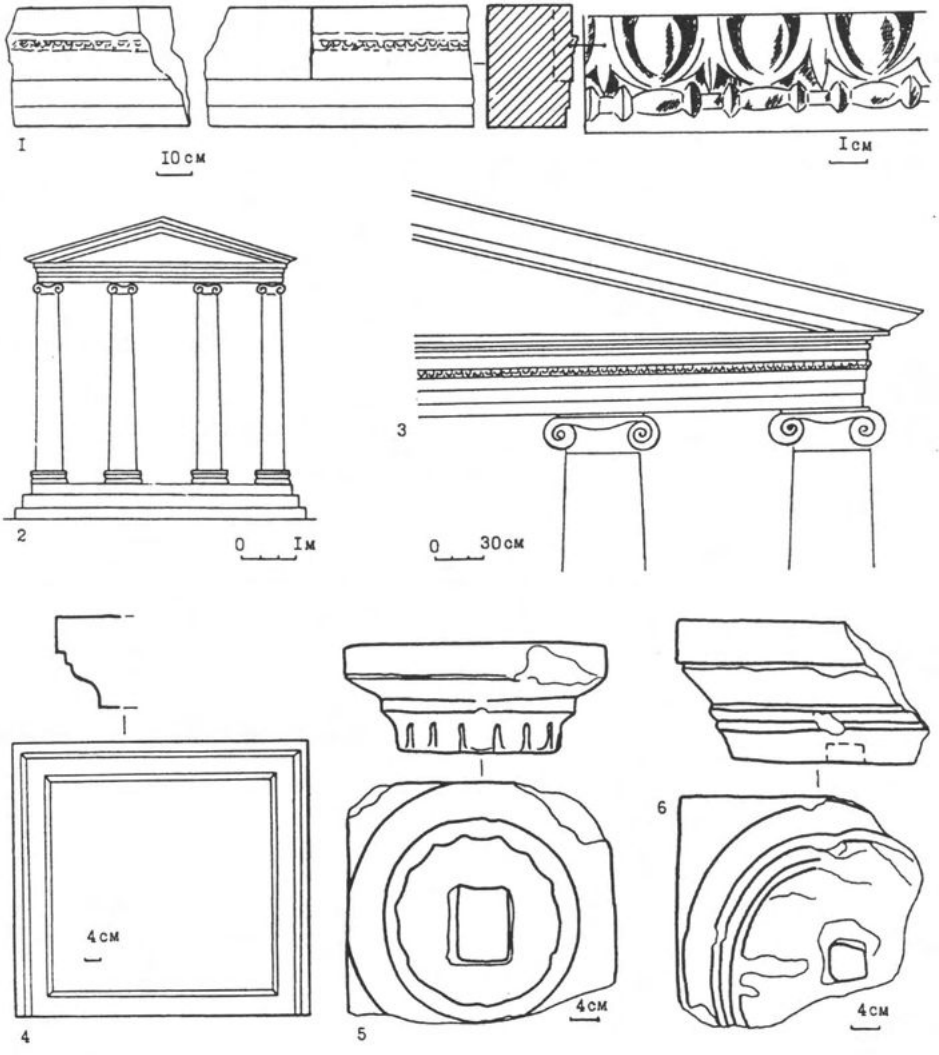

∓0.00 – АСФАЛЬТ
С
пом. 2
пом. 1
пом. 3
ПЕРЕКОП
-250
-220
-265
-206
-274
-125
-281
-141
-255
-214
-243
-152
-276
-167
-275
-160
-272
-135
-265
-145
-230
-144
-252
-260
СЫРЕЦ
УГОЛЬ
-133
-225
-118
-267
205
-245
-202
-262
-267 ВОДА
отстойник
-125
К
0 1 2 3 4 5 м

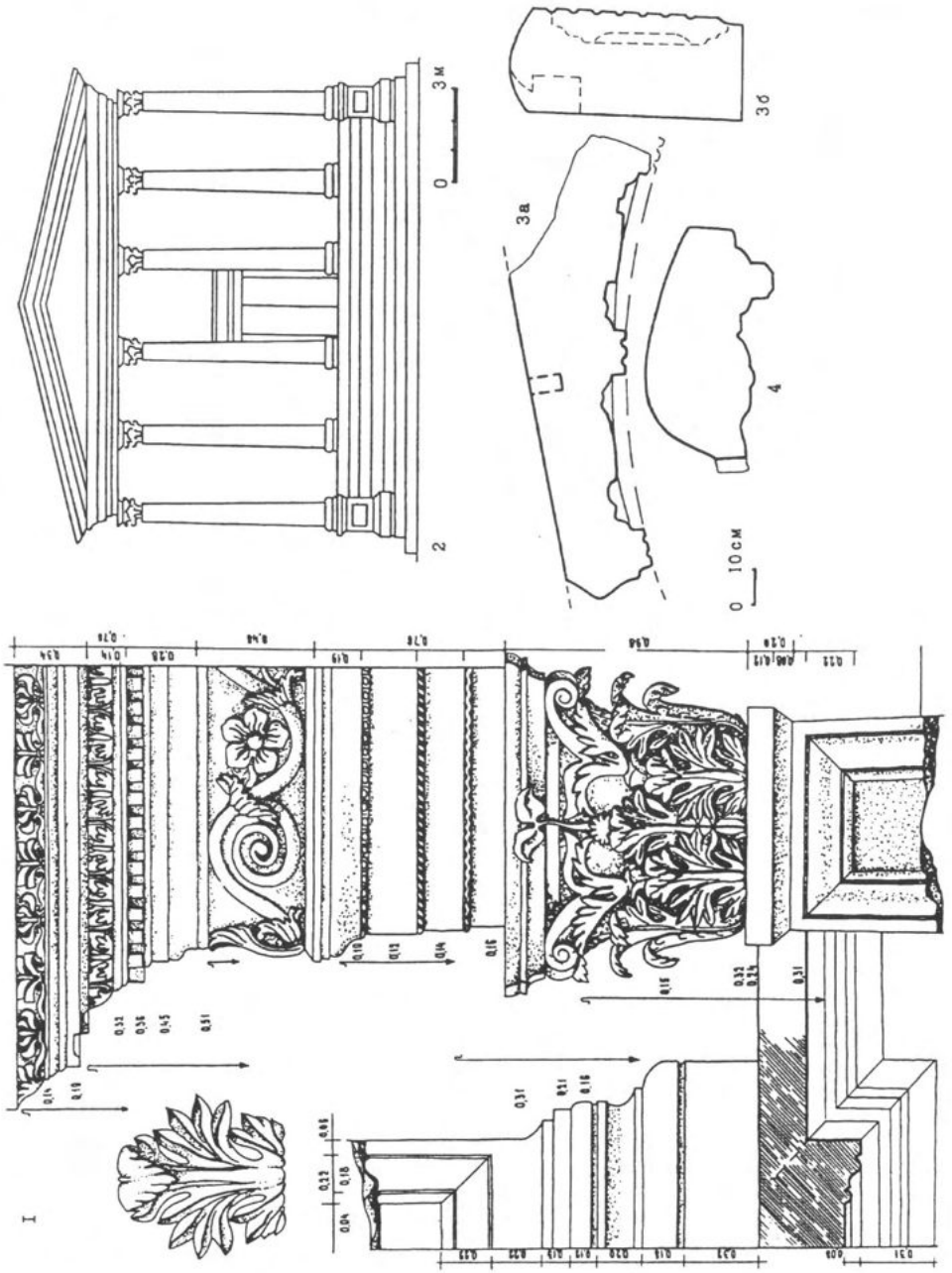

пом А
пом Б
пом В
пом Г
пом Д
2
1
3
ул. Кубанская
ул. Свободы
бывшая трикотажная фабрика
раскоп 1968г (75м²)
спальный корпус
лечебный корпус
пансионат "КУБАНЬ"
раскоп 1975г.
раскоп 1974г.
столовая
раскоп 1969г. (250м²)
материк
а
б
в
г
д
0 1 2м

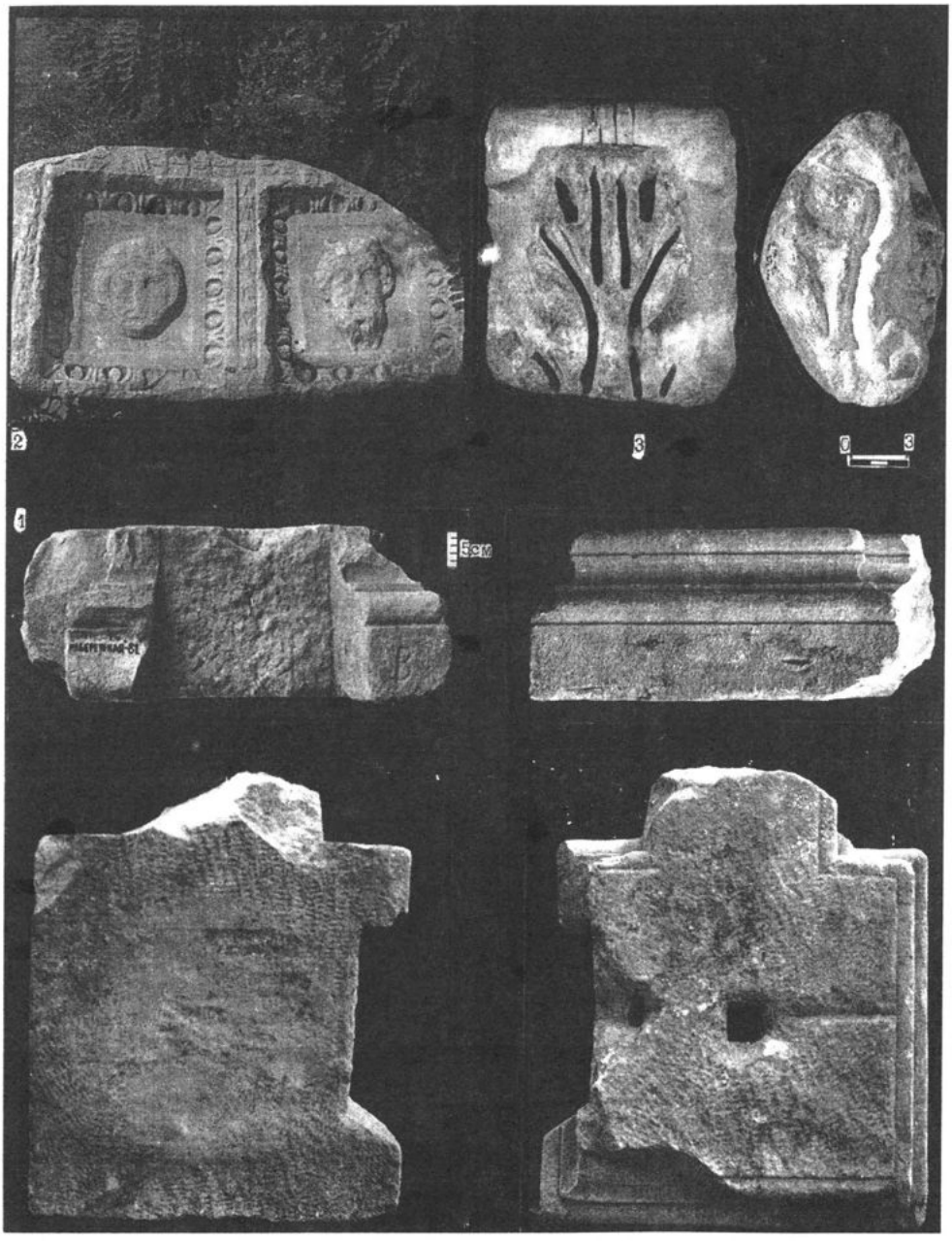

С
1
2
3
4
5
6
7
8
9
-196
-98
-152
-146
-174
-196
-171
-147
-163
-83
-93
-115
-115
-185
-185
-179
-148
-186
-145
-140
∓ 0.00
0
1м
I
II
III

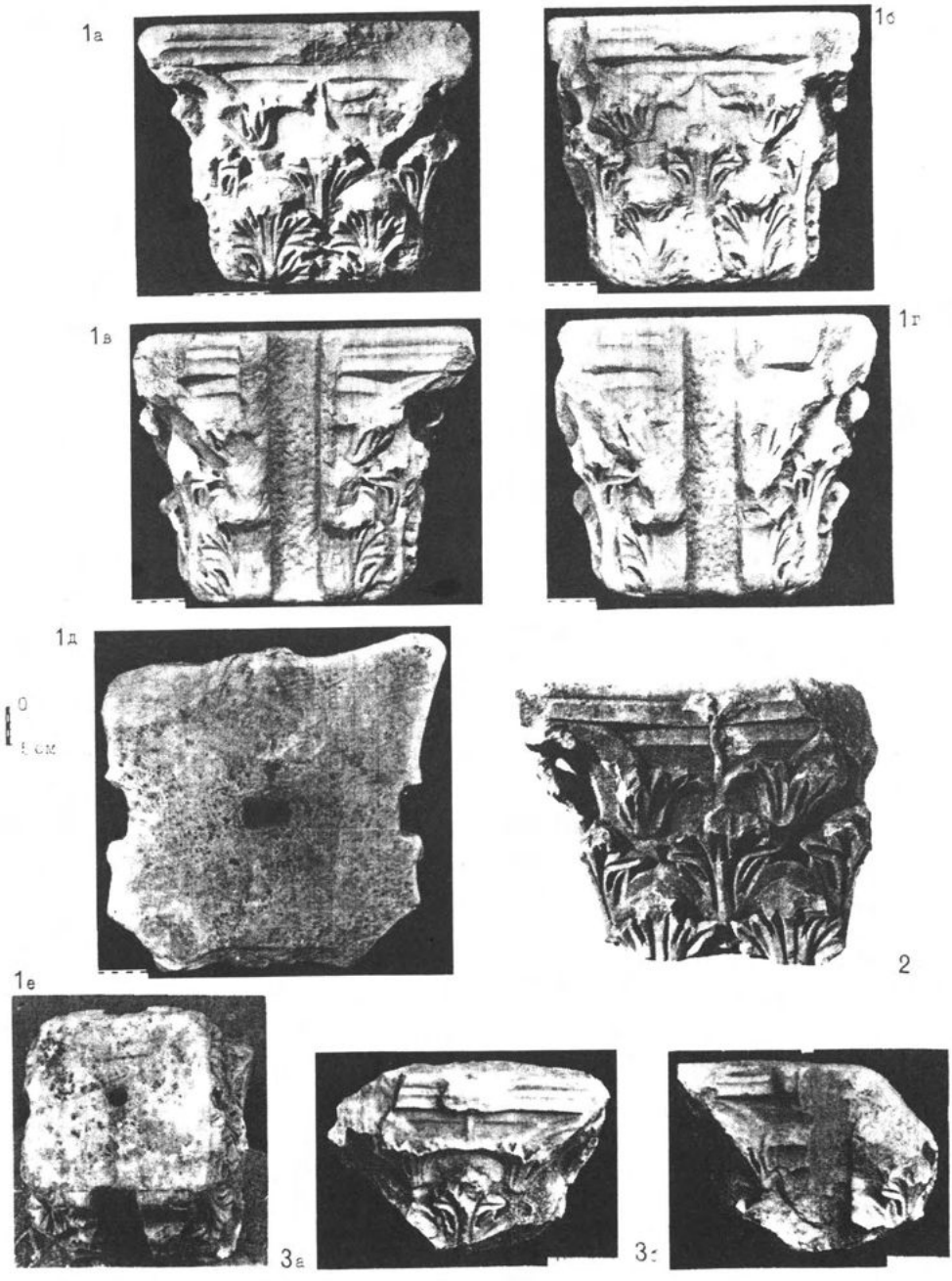

С
пом 1
пом 2
1м

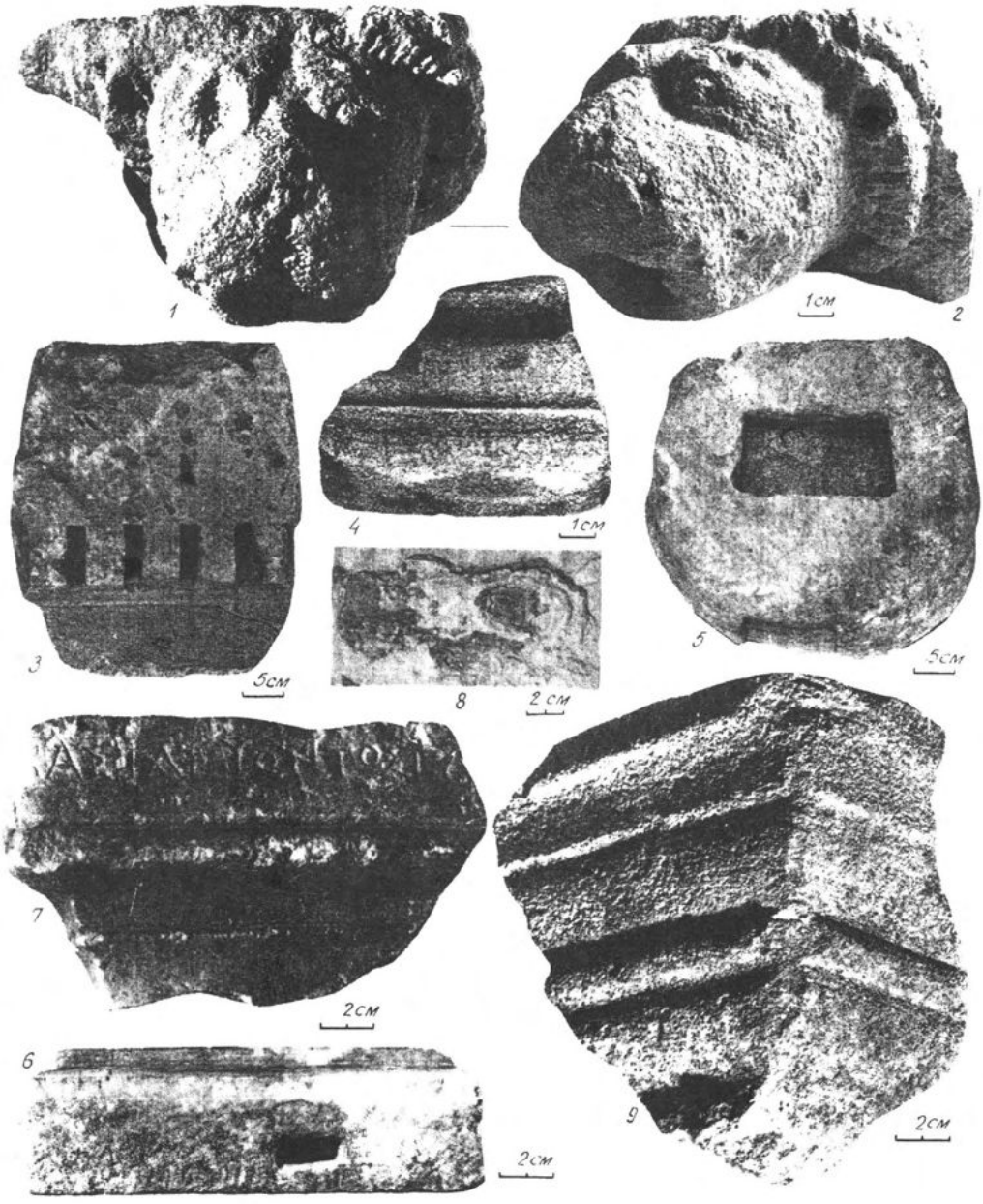

Г-I
I
2
R=0.36
3
0
Iм
Г-2
4
IO см

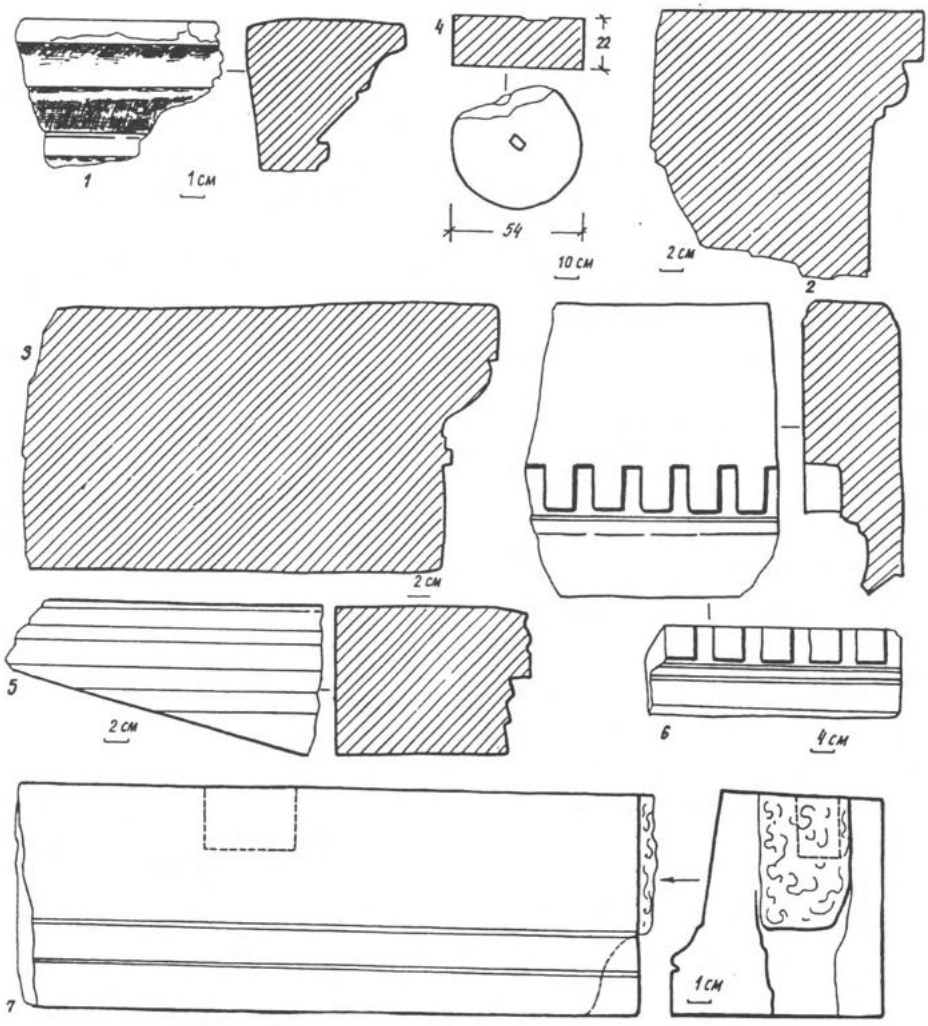

I
10 см
1 см
2
0 1 м
3
0 30 см
4 см
4
4 см
5
6
4 см

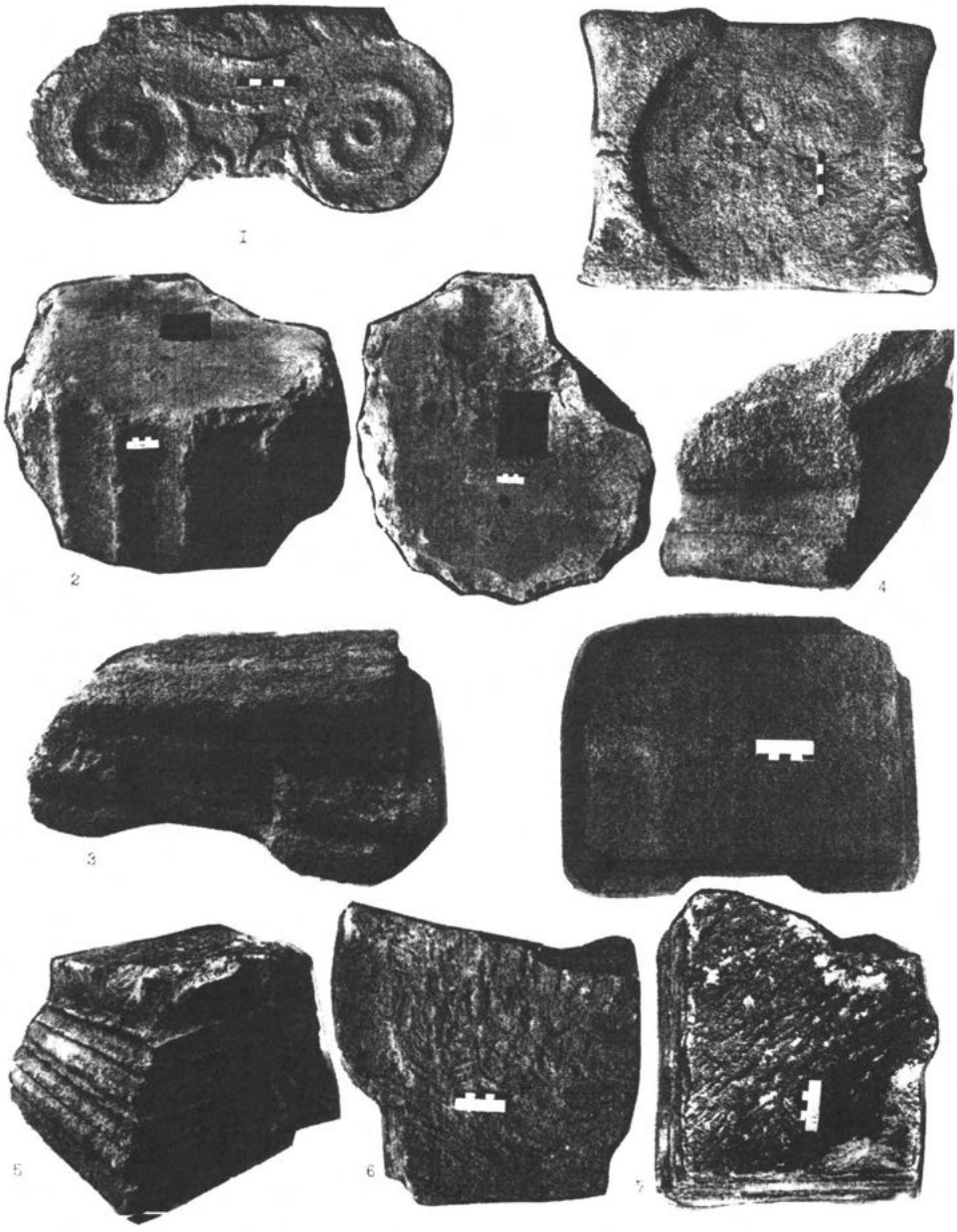

2
0
3 м
3а
3б
4
0 10 см
I

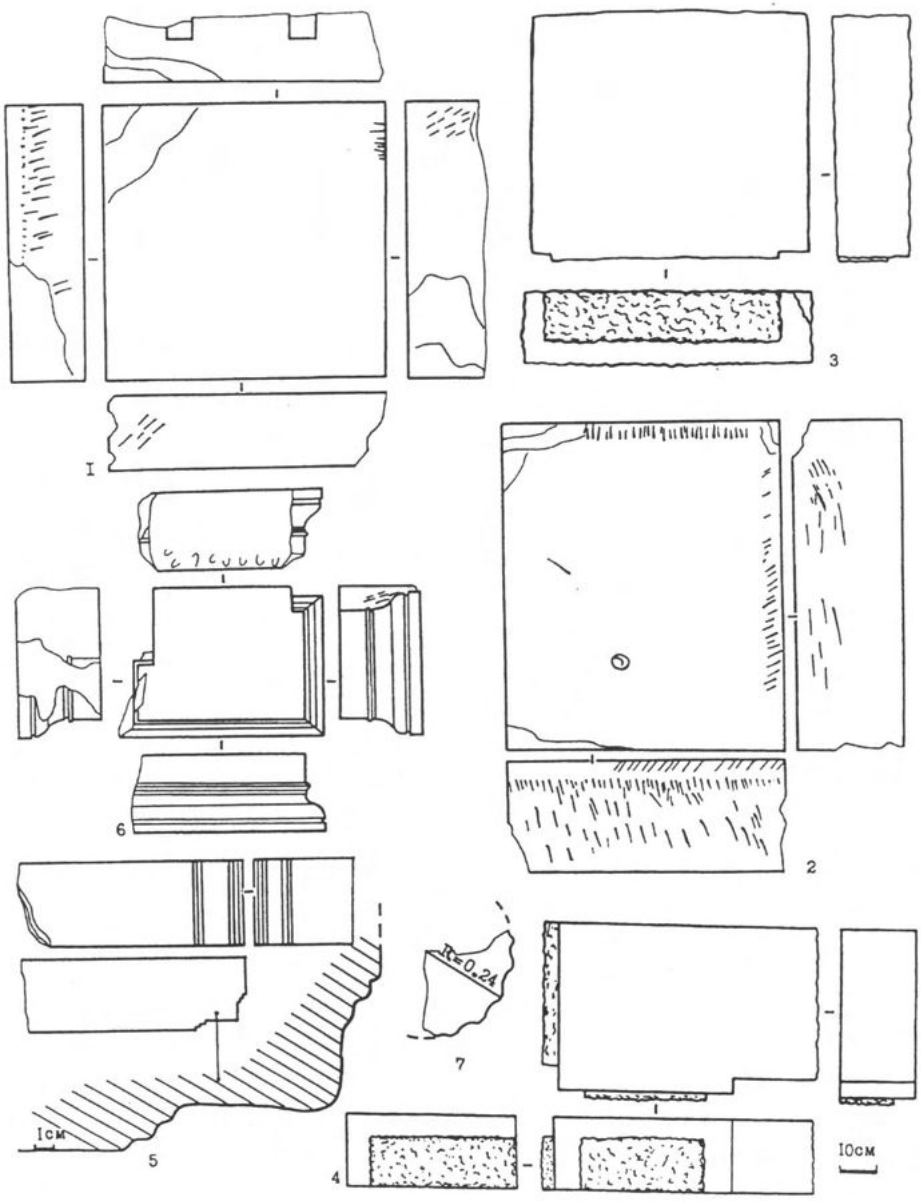

2
3
0
3
4
5см

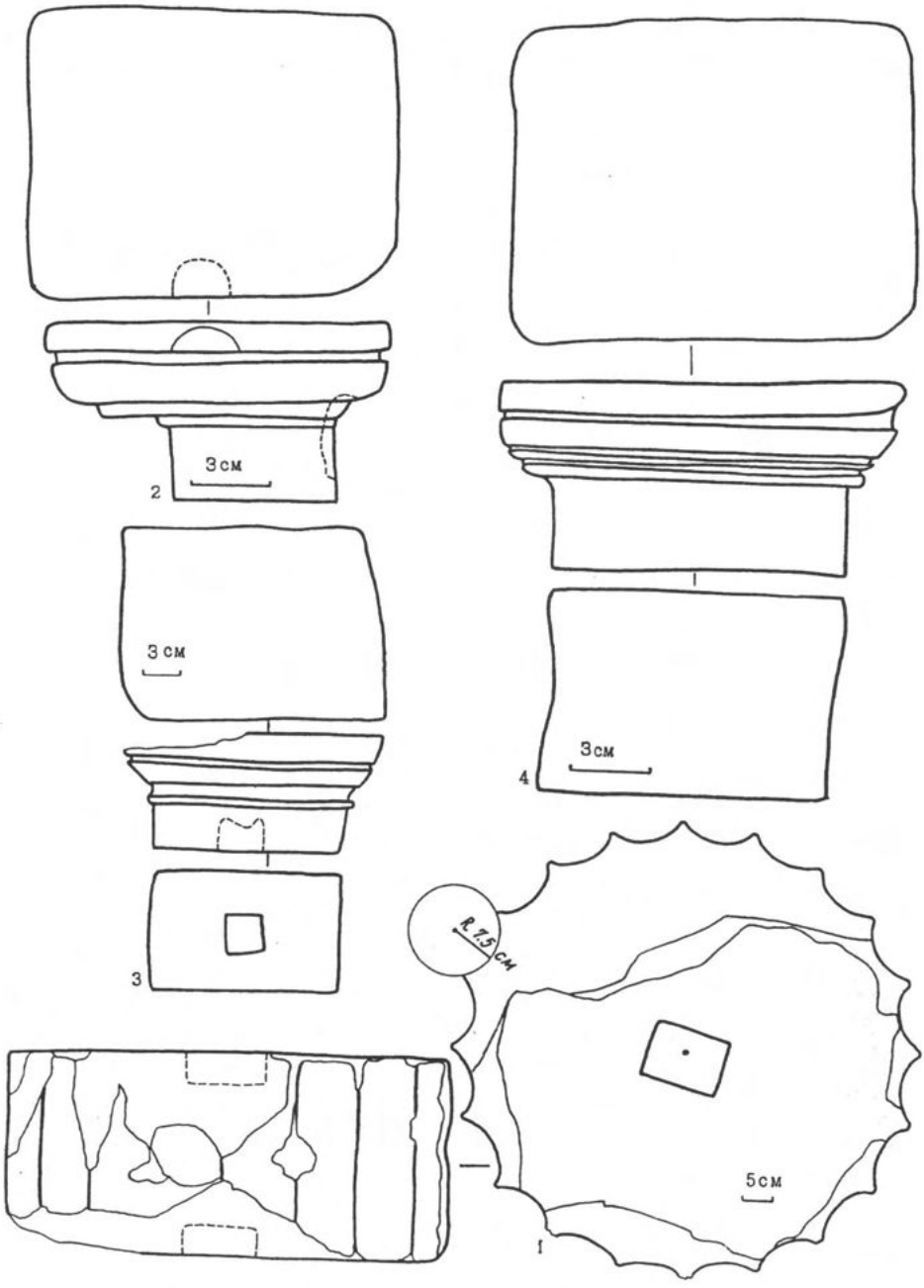

1а
1б
1в
1г
1д
0
5 см
2
1е
3а
3г

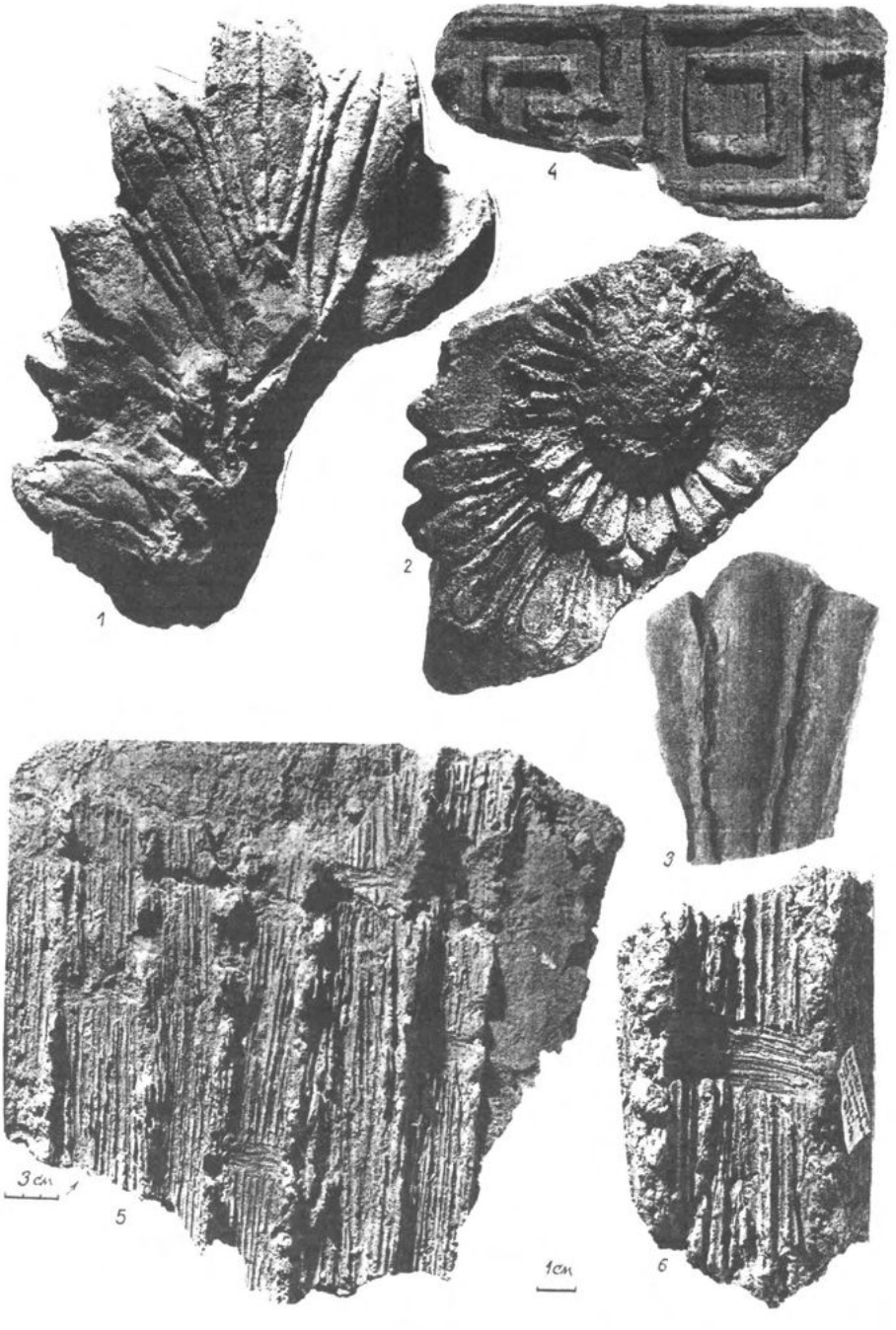

1
1см
2
3
5см
4
1см
5
5см
8
2 см
7
2см
6
2см
9
2см


1
1 см
4
22
54
10 см
2 см
2
3
2 см
5
2 см
6
4 см
7
1 см

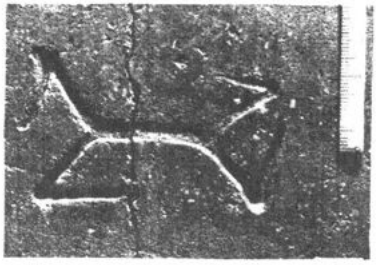

1
2
3
4
5
6
7


I
3
2
6
7
5
4
Ic=0,24
Iсм
Iосм

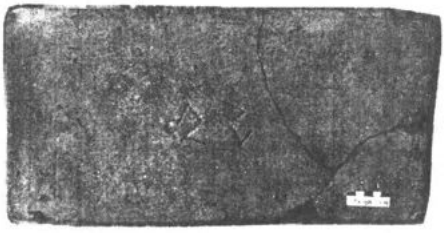

3см
2
3см
3
3см
4
R 7,5 см
5см
1

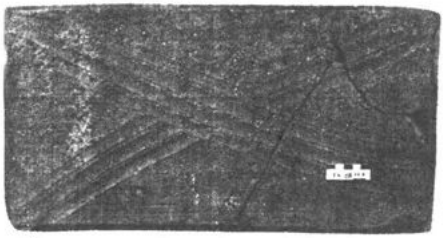

1
2
3
4
5
6
3 см
1см

2

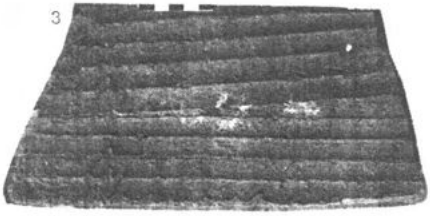


4



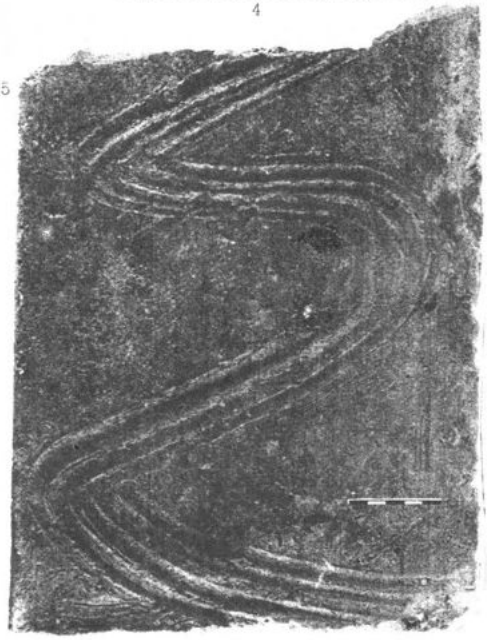


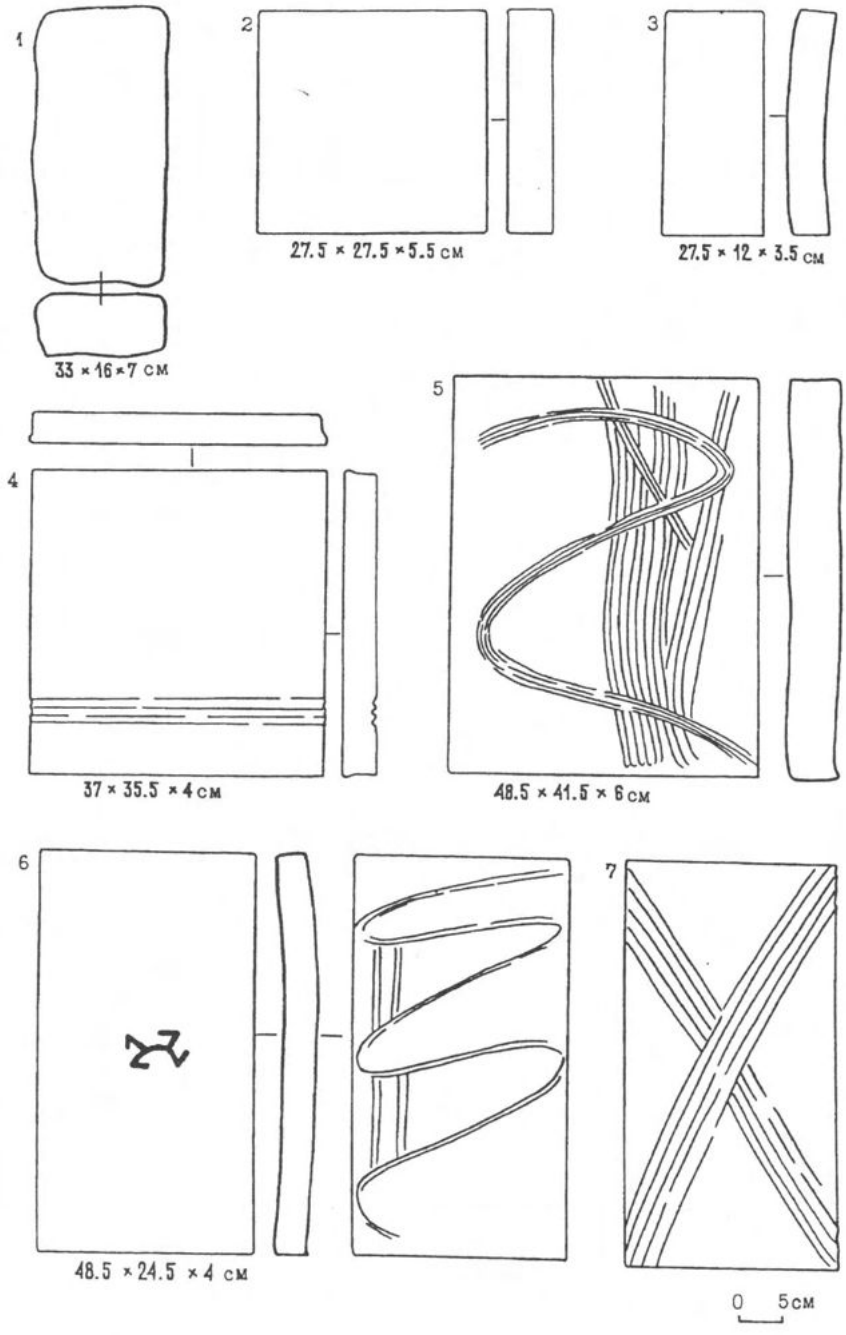
1

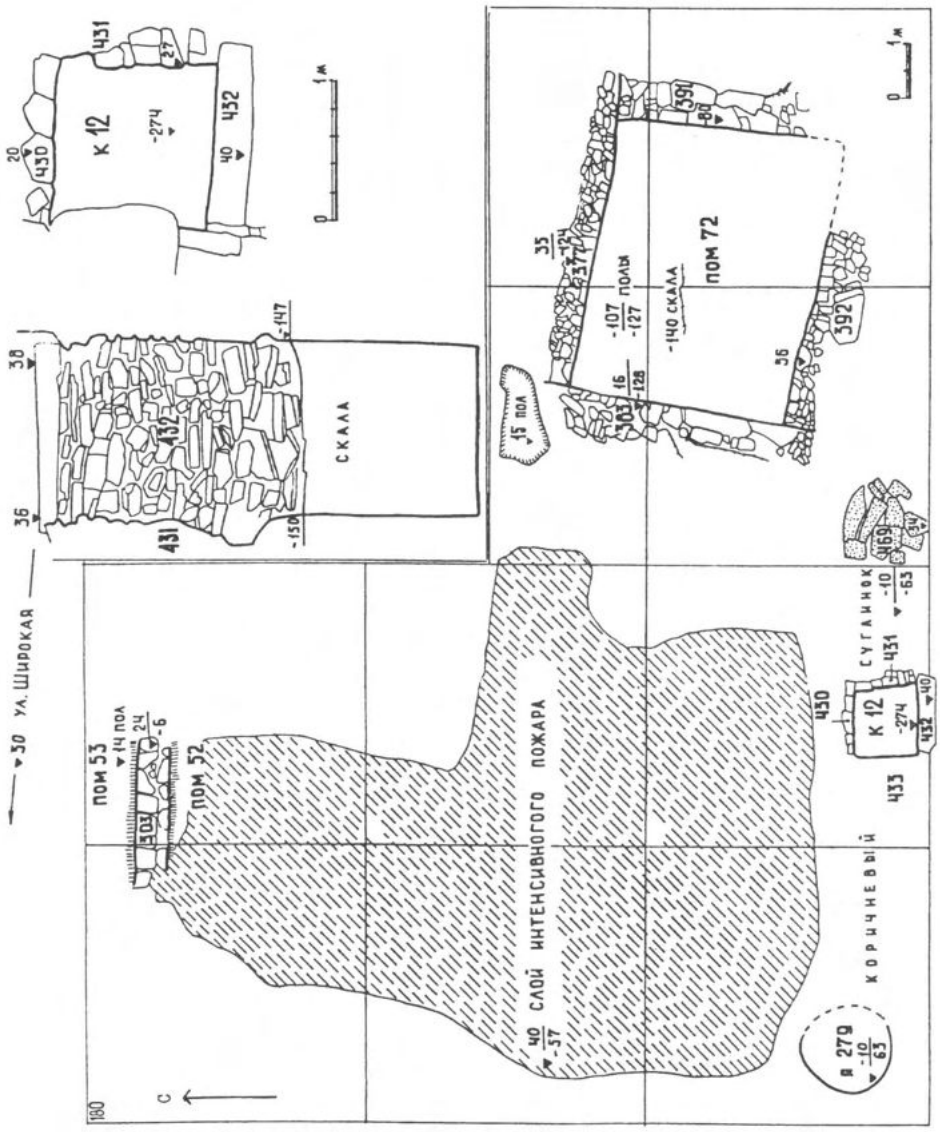


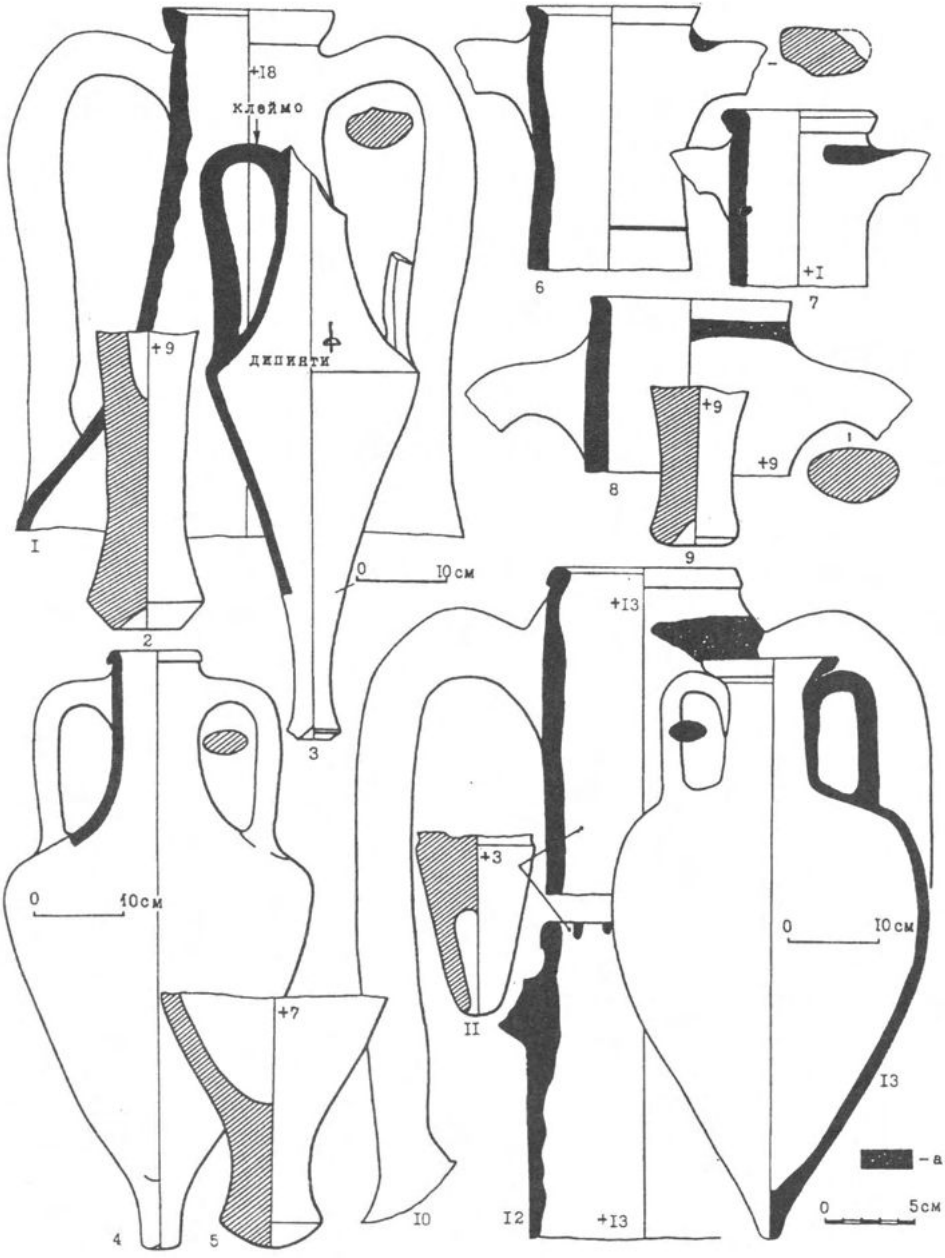
3

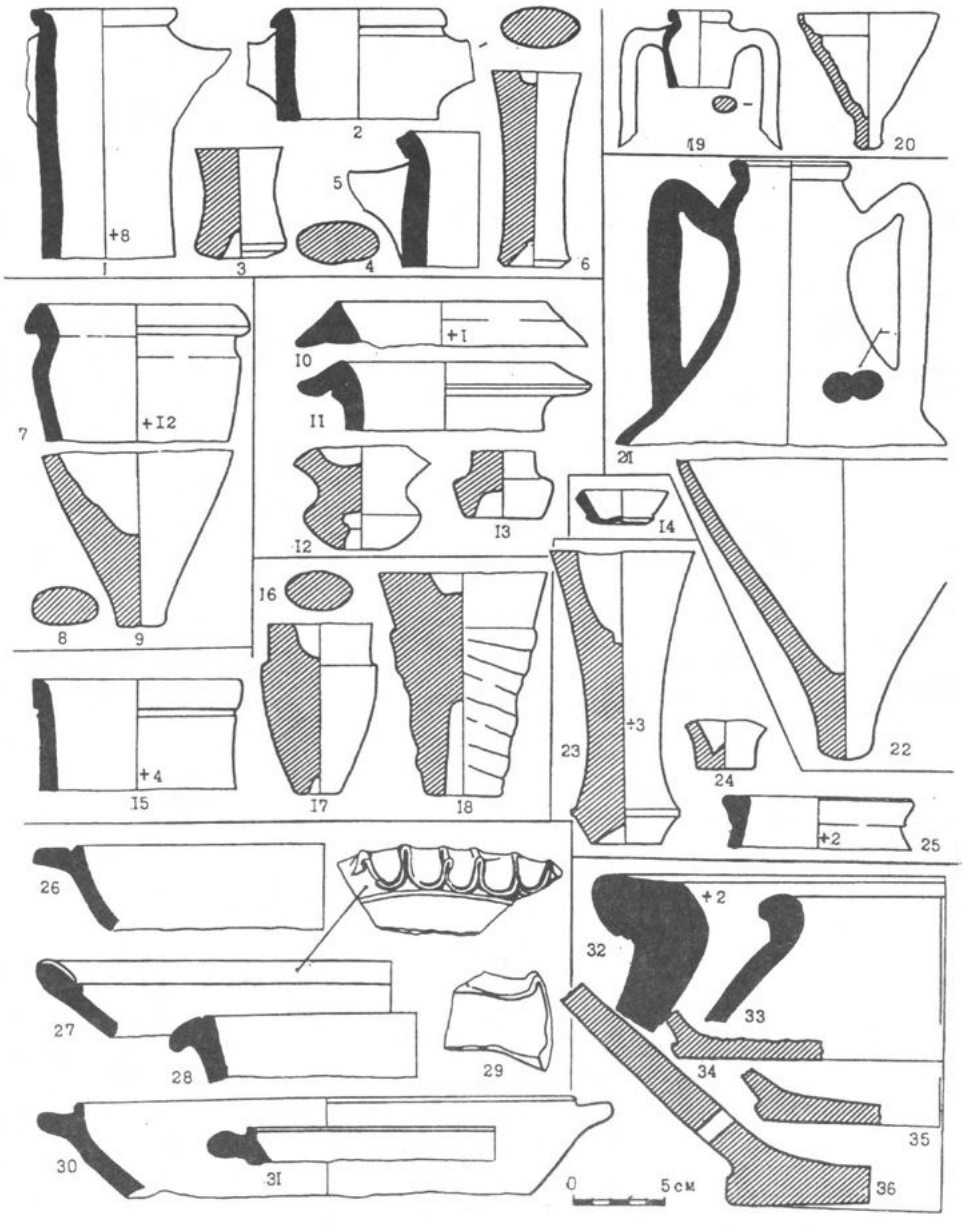
5

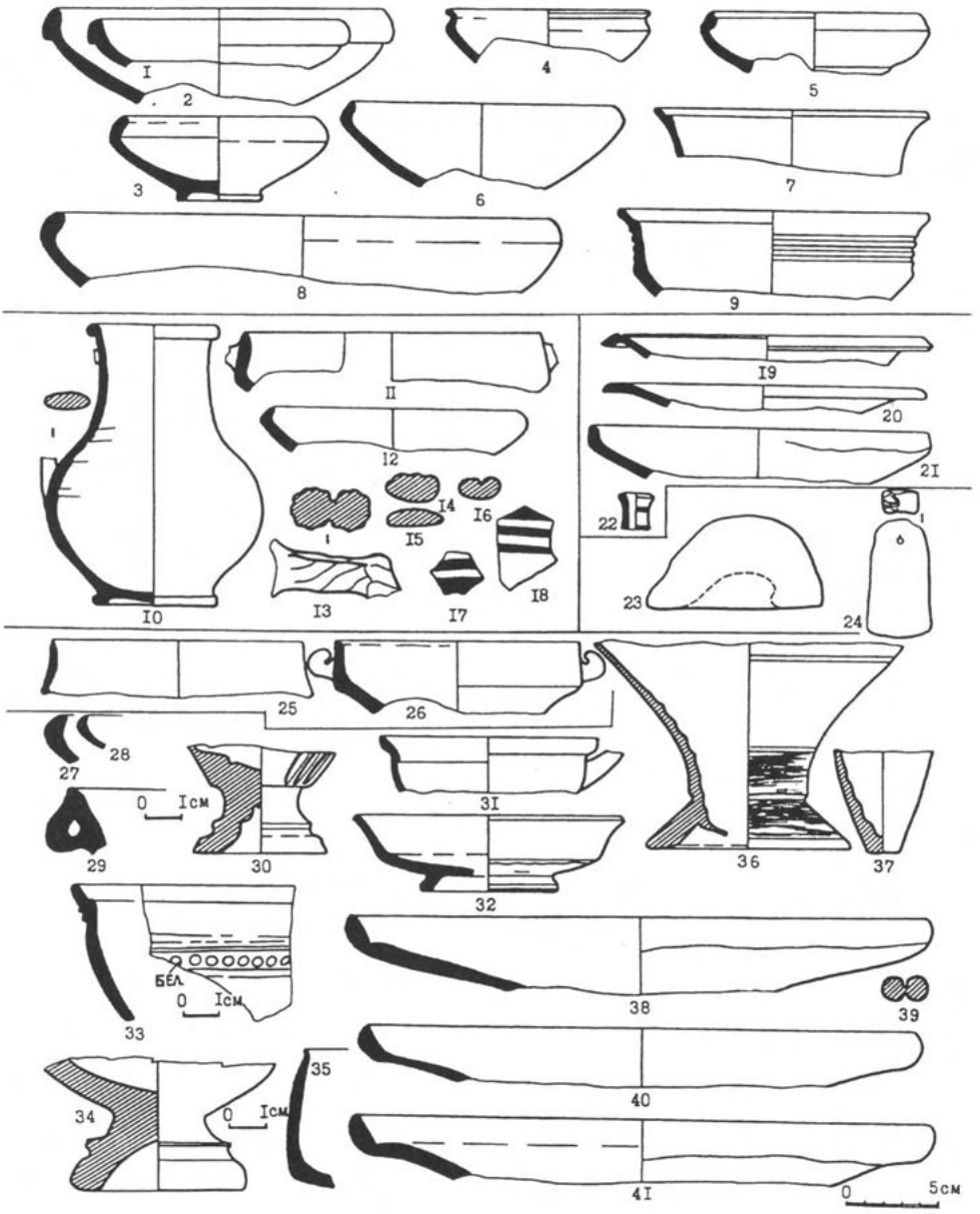


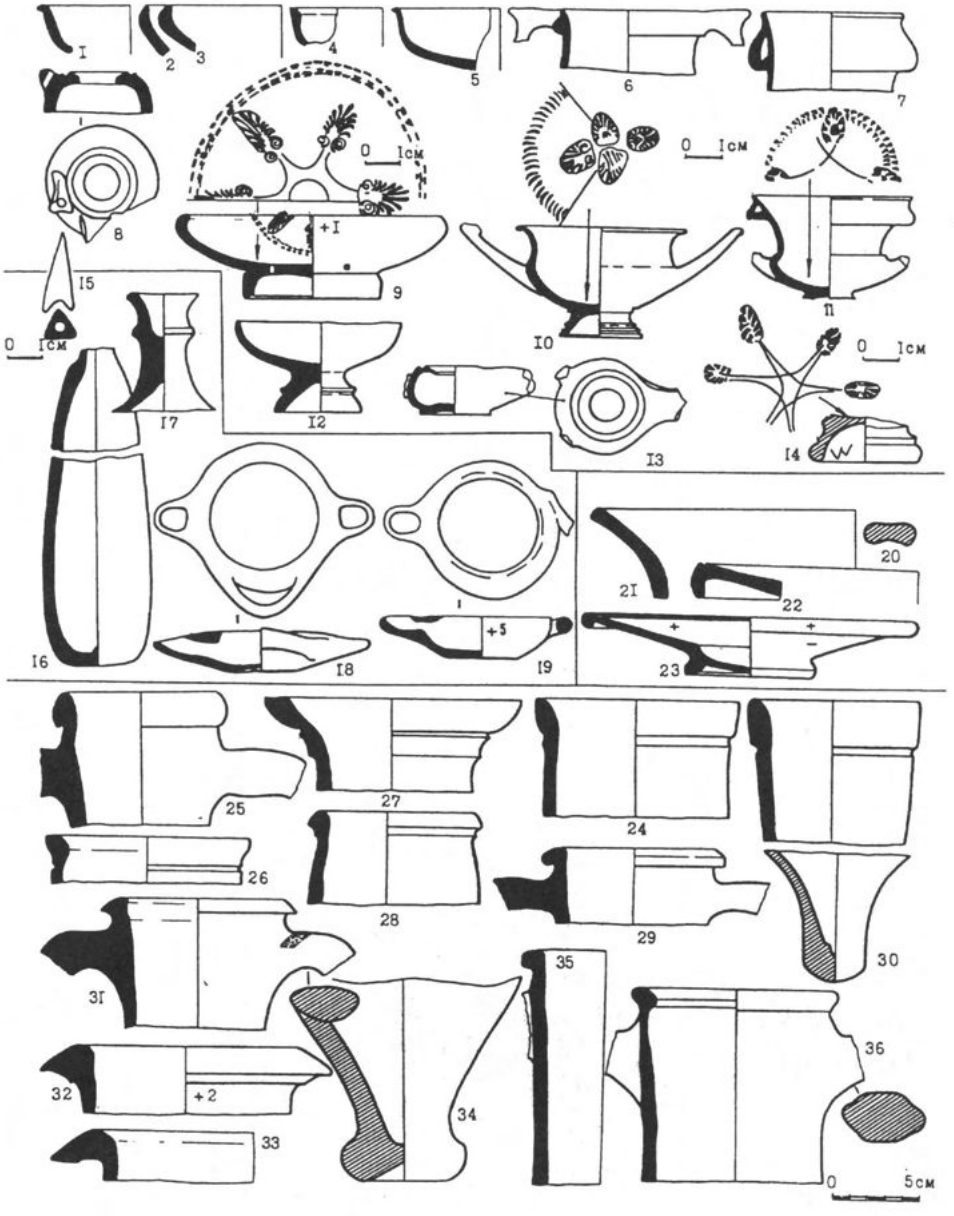

1
33 × 16 × 7 см
2
27.5 × 27.5 × 5.5 см
3
27.5 × 12 × 3.5 см
4
37 × 35.5 × 4 см
5
48.5 × 41.5 × 6 см
6
48.5 × 24.5 × 4 см
7
0 5 см

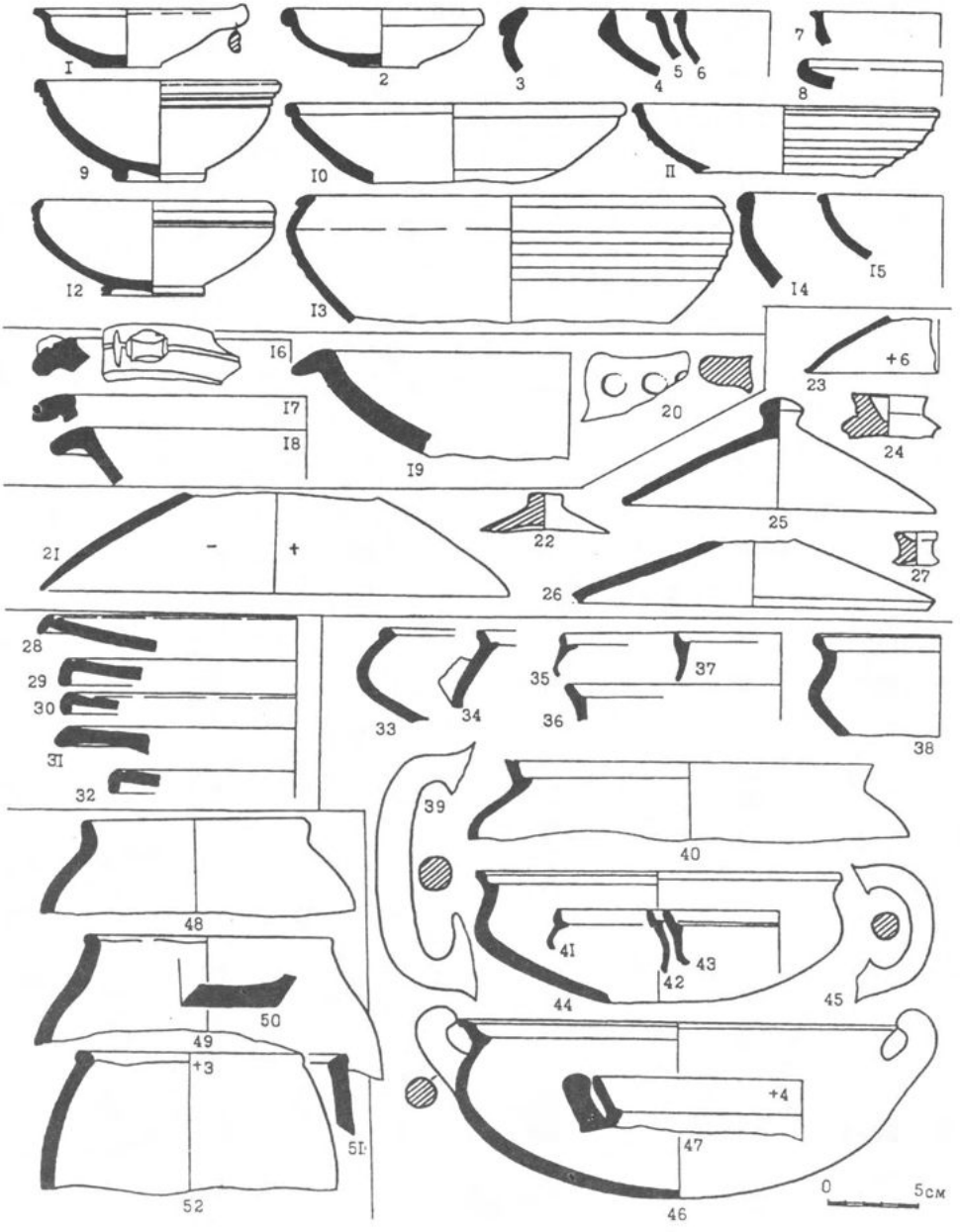

ул. Широкая
30
пом 53
пол
пом 52
180
С
слой интенсивного пожара
40
-37
коричневый
279
-10
65
К 12
-274
431
432
430
433
40
суглинок
-10
-63
369
-64
392
36
пом 72
-140 скала
-107
-127
полы
16
-128
391
-80
35
-124
-137
15 пол
0
1 м
К 12
-274
431
432
430
20
27
40
38
36
-147
-150
скала

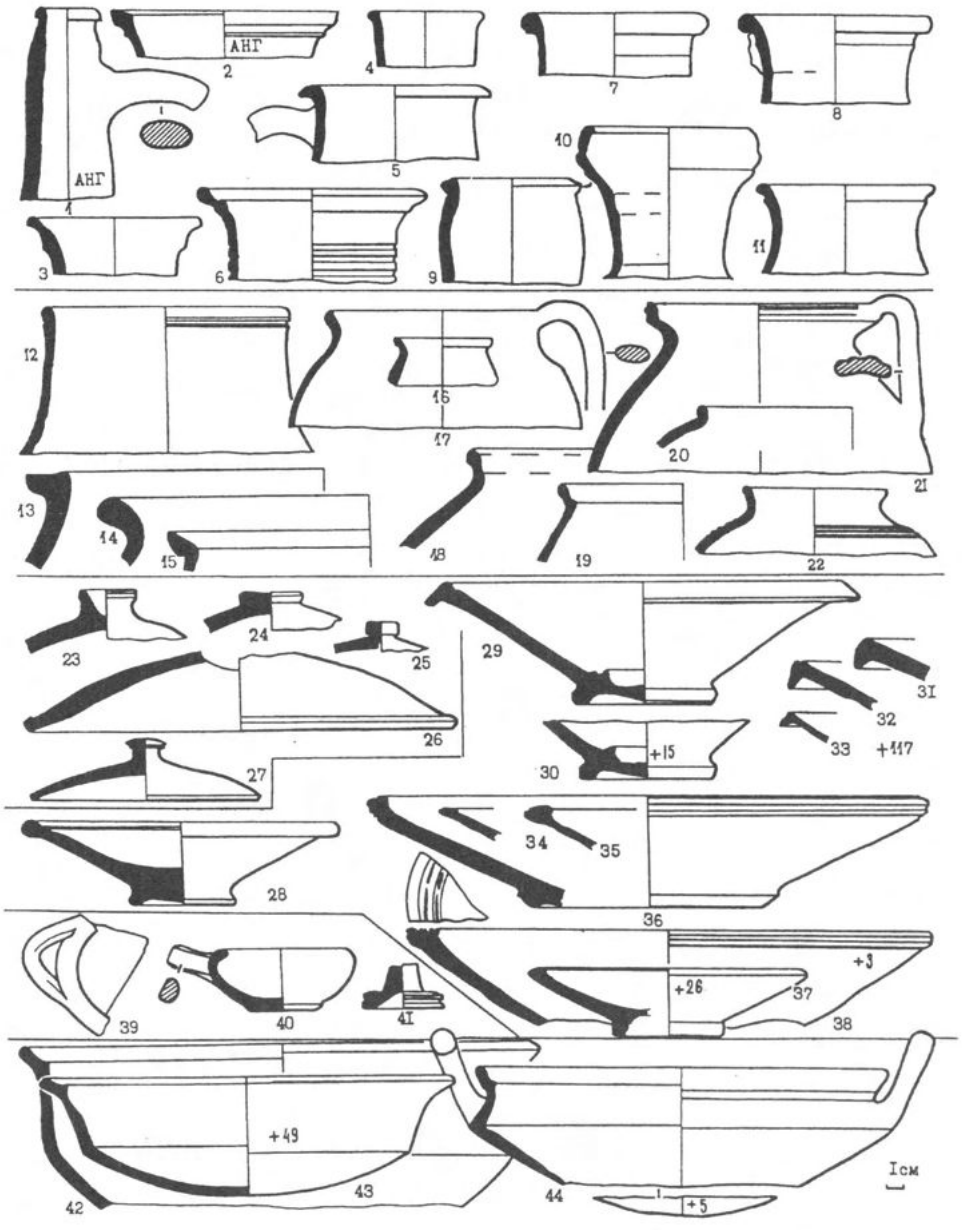

+18
клеймо
дипинти
+9
1
2
3
0 10см
6
7
+1
8
+9
+9
9
+13
+3
11
0 10см
0 10см
+7
4
5
10
12
+13
13
-а
0 5см

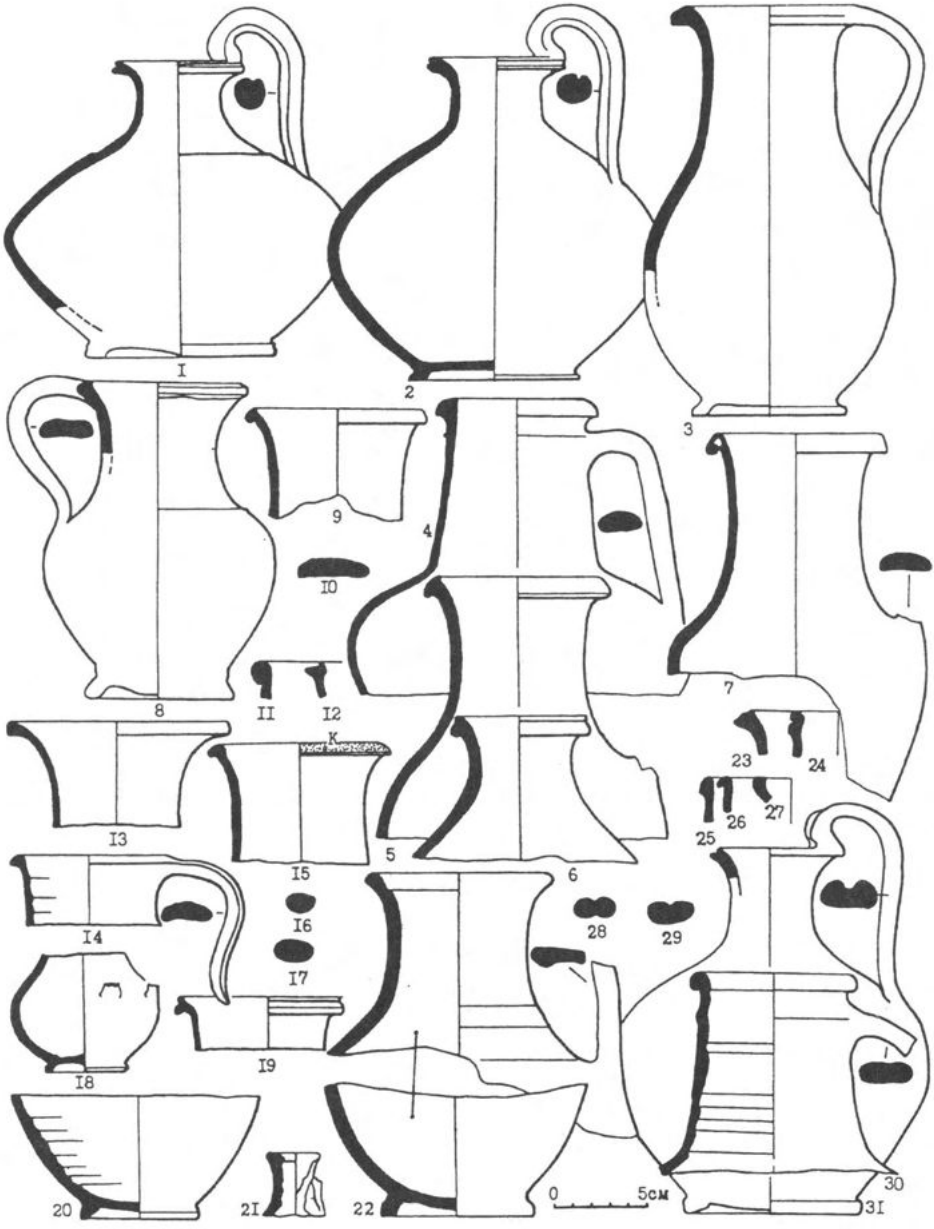

+8
1
2
3
4
5
6
19
20
7
+12
8
9
10
+1
11
12
13
14
21
16
17
18
15
+4
23
+3
22
24
+2
25
26
27
28
29
32
+2
33
34
35
30
31
36
0
5 см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
0 1см
БЕЛ
0 1см
0 1см
0 5см


0 1см
0 5см


I
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
+6
23
24
25
22
21
-
+
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
48
41
42
43
44
45
49
50
+3
51
52
+4
47
46
0
5см

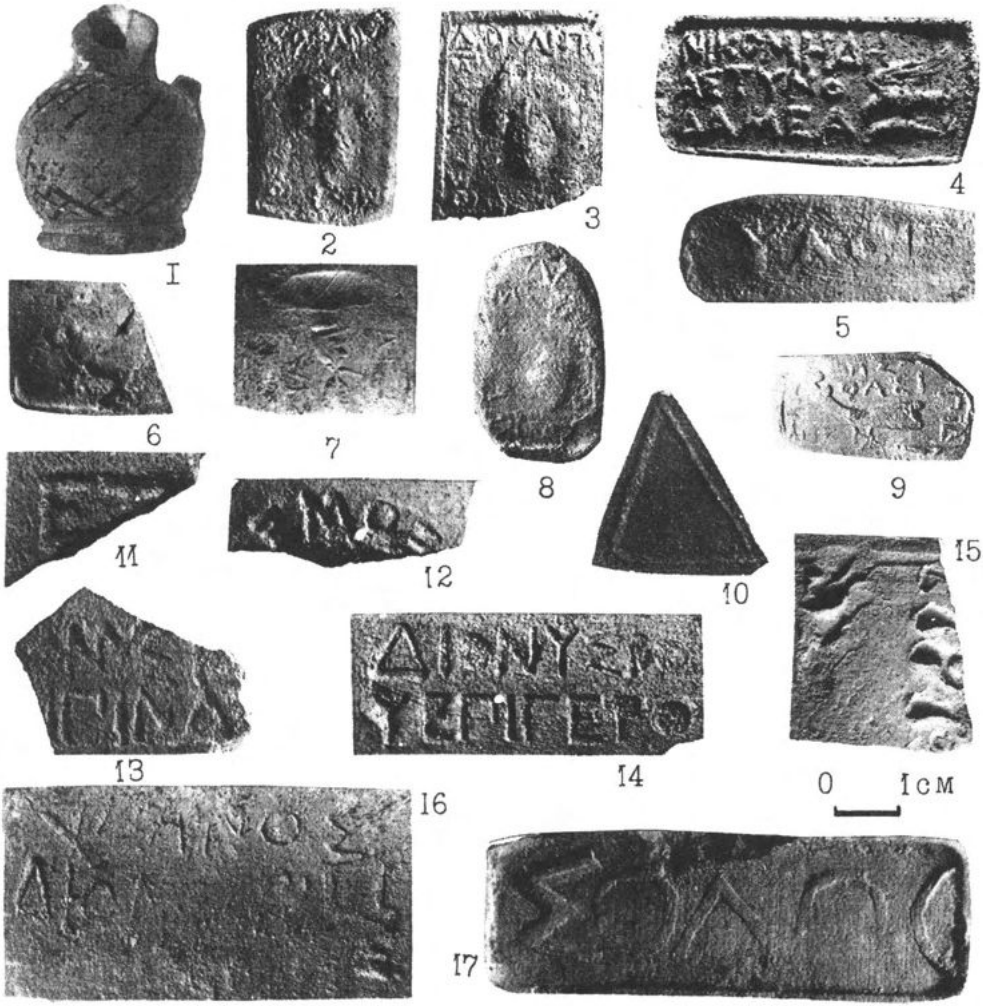

АНГ
АНГ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
+15
+117
+3
+26
+49
+5
1см


I
2
3
4
5
6
7
8
9
I0
II
I2
I3
I4
I5
I6
I7
I8
I9
20
2I
22
23
24
25
26
27
28
29
30
3I
0
5см

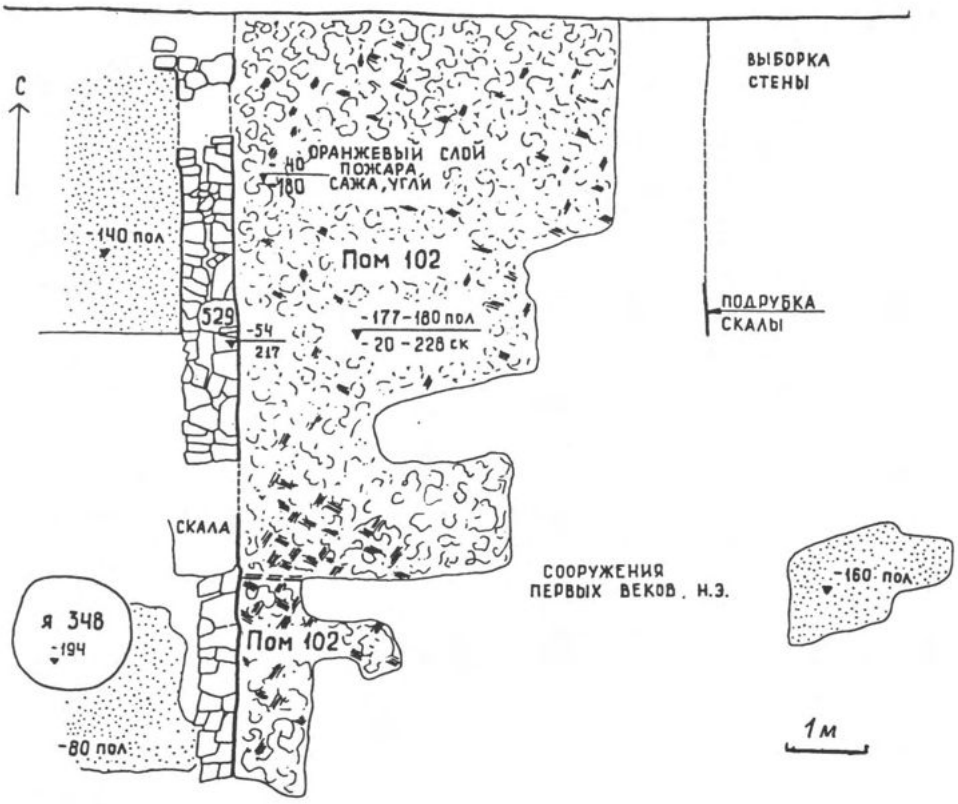
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
1см
13а
13б
13в
13г
14
15
16
17
18
5см
1см

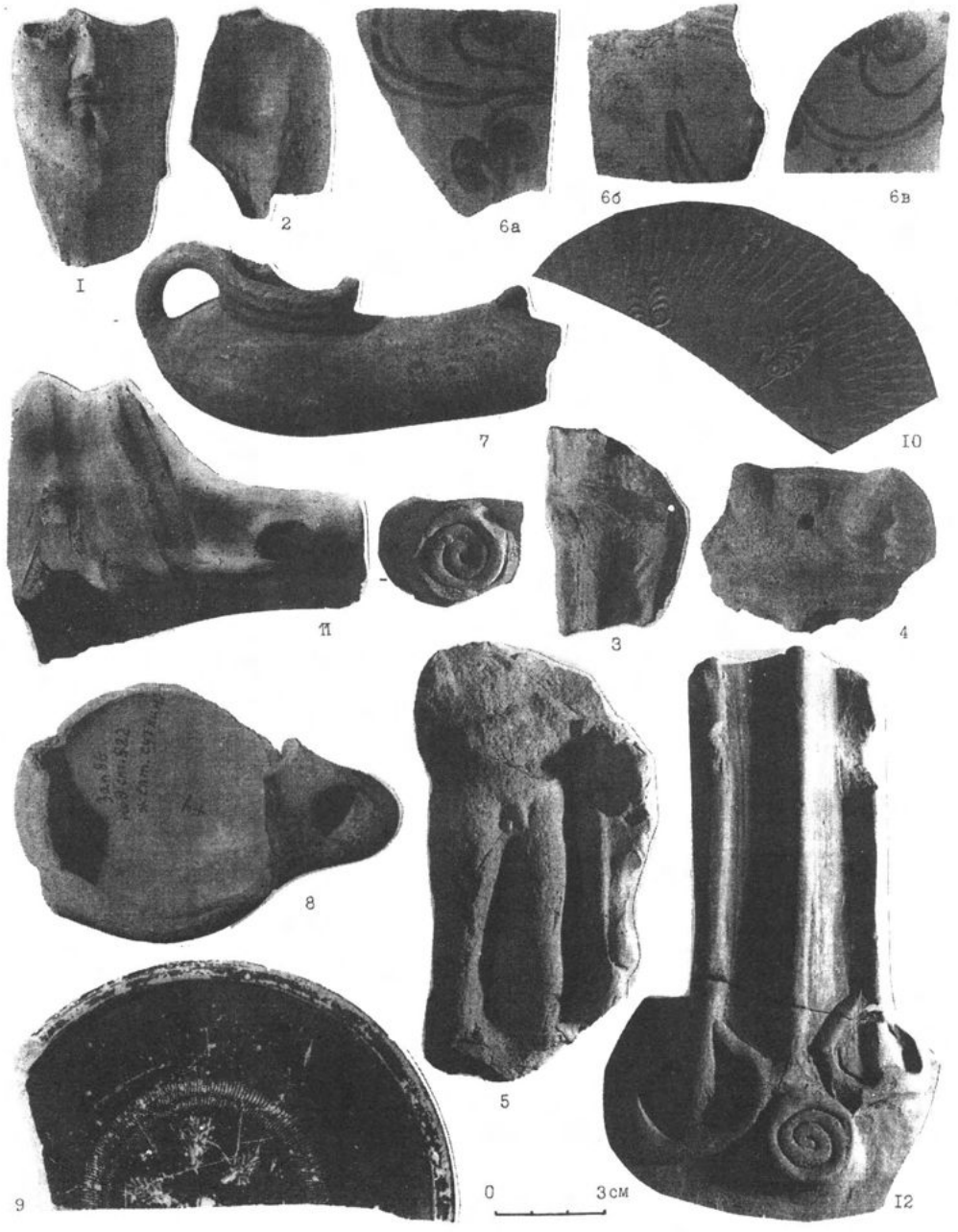
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
0
3см

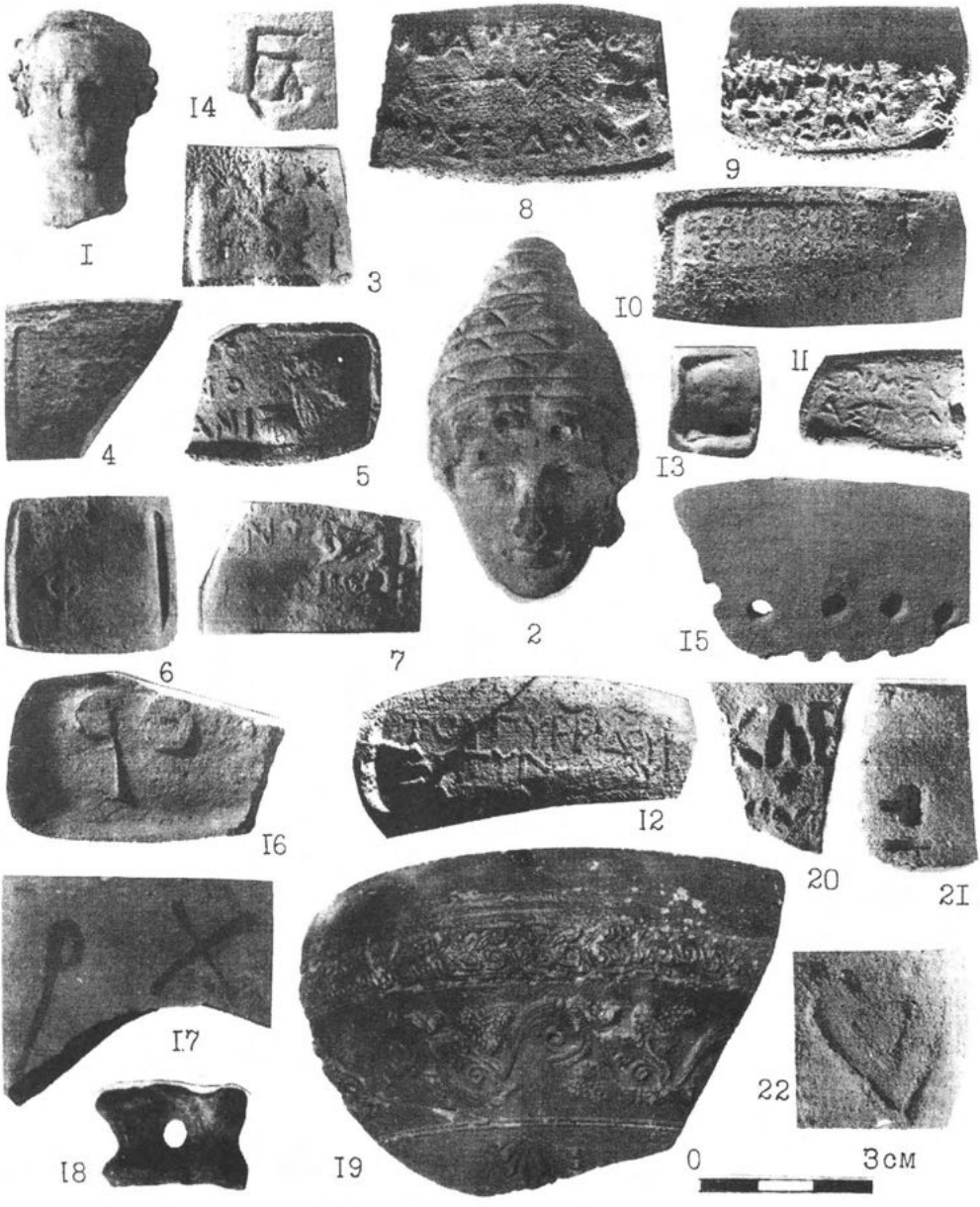
1
2
3
1
5
6
4
7
8
9
11
12
10
13
0
3см

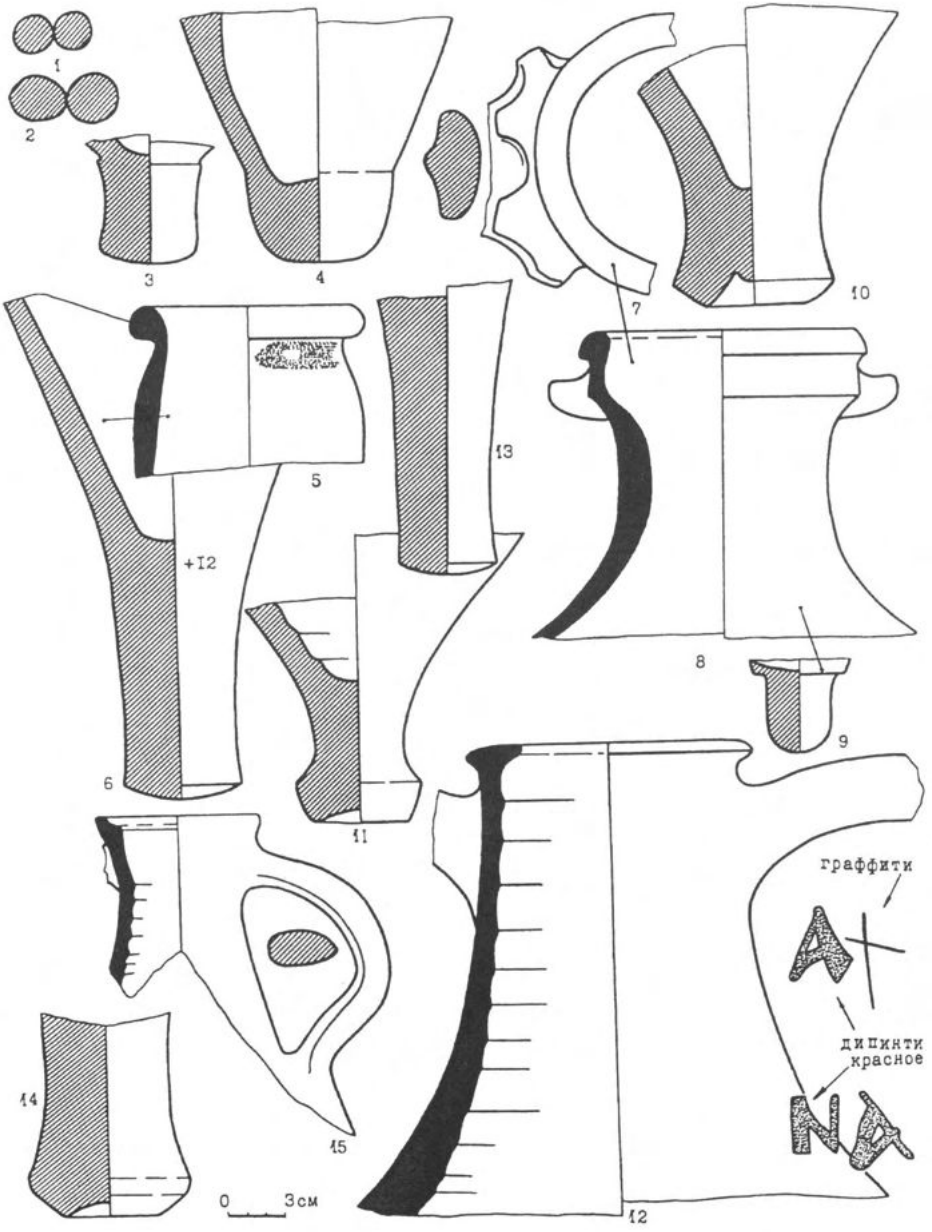

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
0 1 см

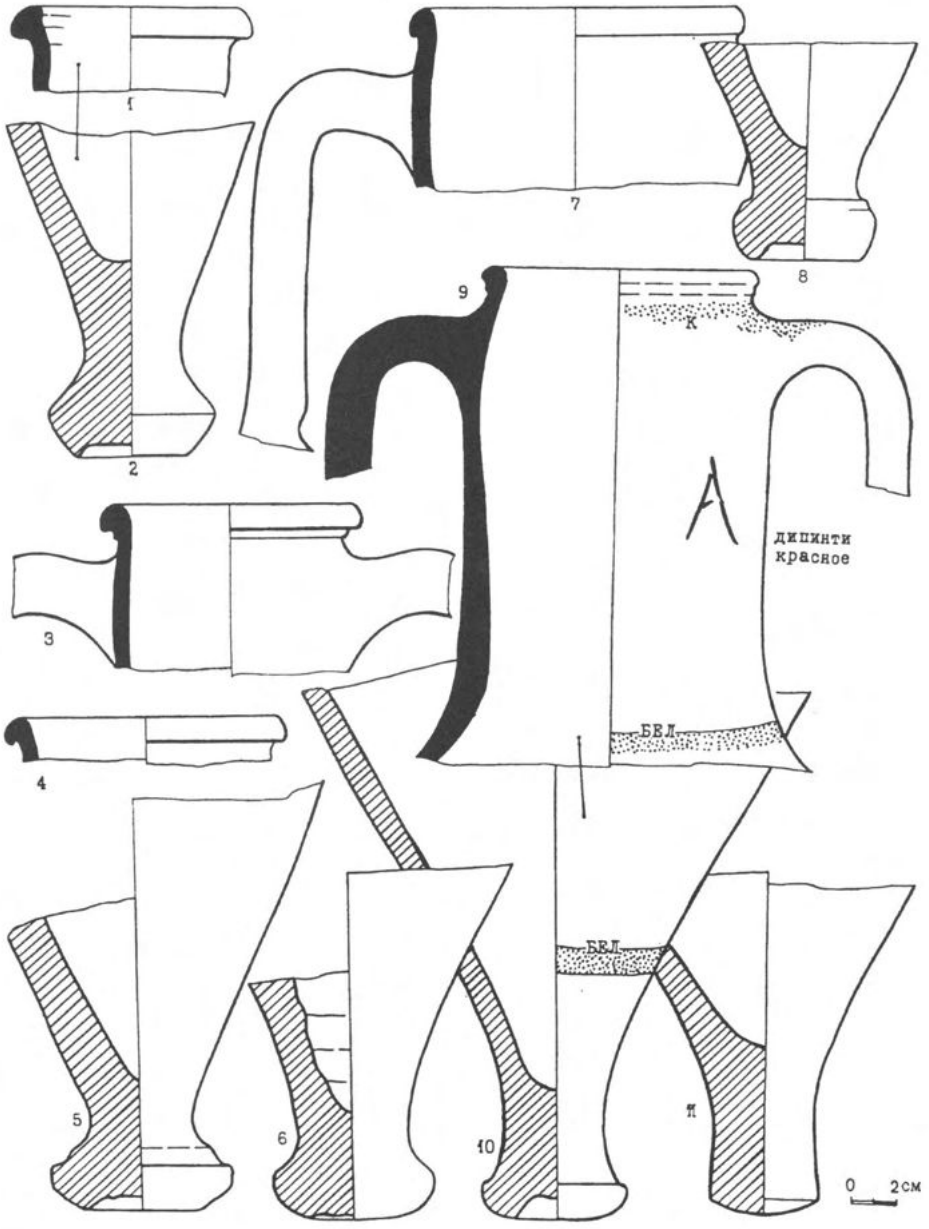
1
2
3
4
6
9
8
5
7
0
3 см
10
3 см

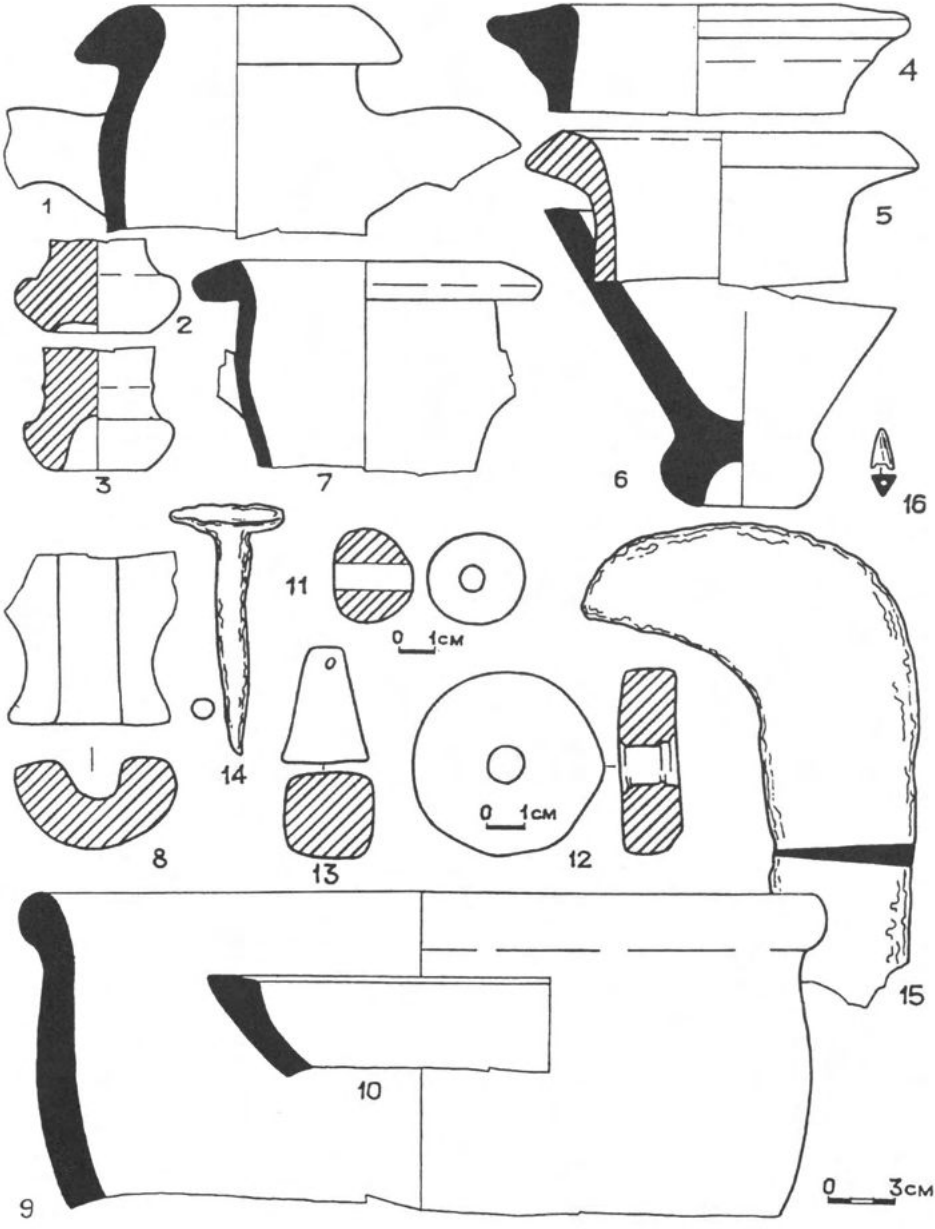

С
ВЫБОРКА СТЕНЫ
ОРАНЖЕВЫЙ СЛОЙ ПОЖАРА, САЖА, УГЛИ
-140
-180
-140 пол
Пом 102
529
-54
217
-177-180 пол
-20-228 ск
ПОДРУБКА СКАЛЫ
СКАЛА
СООРУЖЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ. Н.Э.
-160 пол
я 348
-194
Пом 102
-80 пол
1м

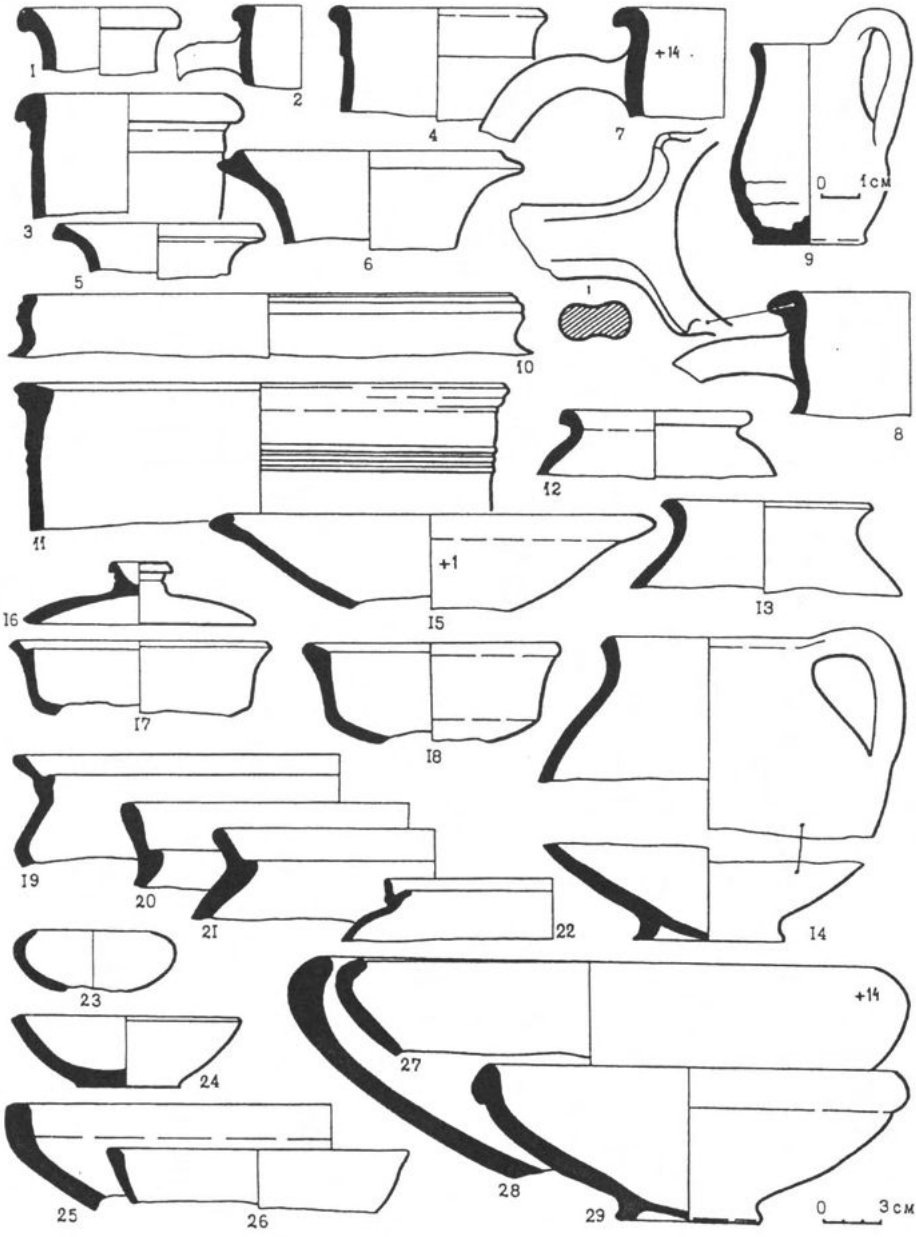

I
2
6а
6б
6в
7
10
11
3
4
8
5
9
0
3см
12

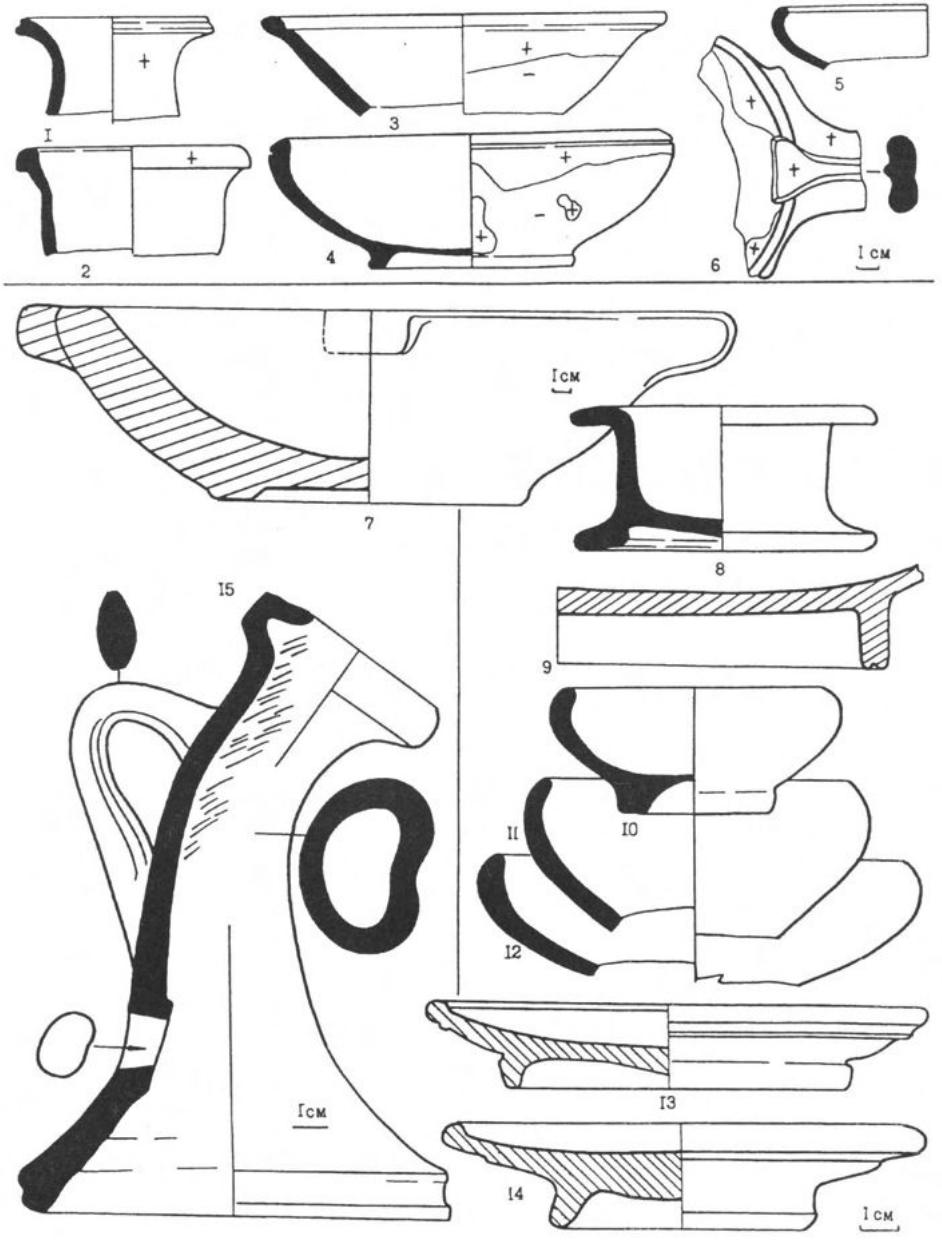

I
I4
3
8
9
I0
II
4
5
2
I3
6
7
I5
I6
I2
20
2I
I7
I8
I9
22
0
3см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
+12
0 3см
граффити
дипинти
красное


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
К
дипинти
красное
БЕЛ
БЕЛ
0 2см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
0 1см
0 1см
0 3см


1
2
3
4
5
6
7
+14
8
9
0 1см
10
11
12
13
14
15
+1
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
+14
0 3см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
1 см
1 см
1 см
1 см

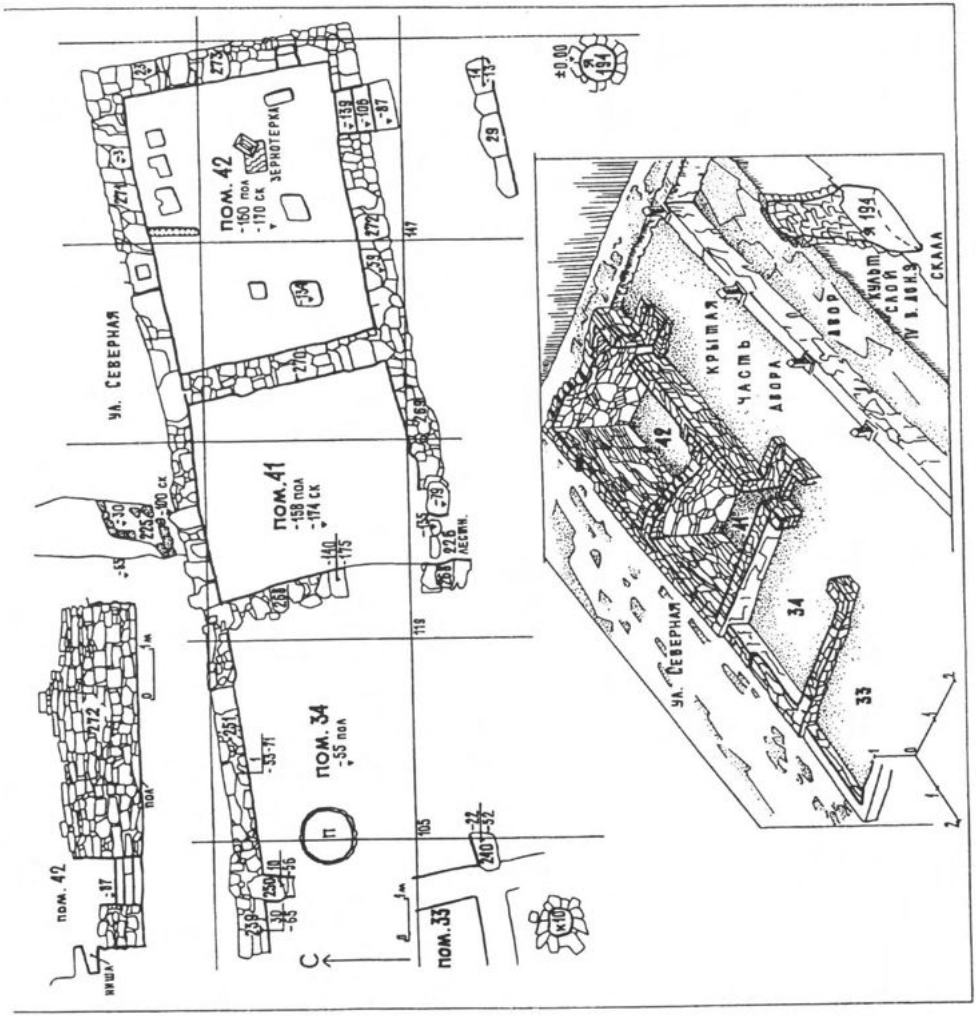
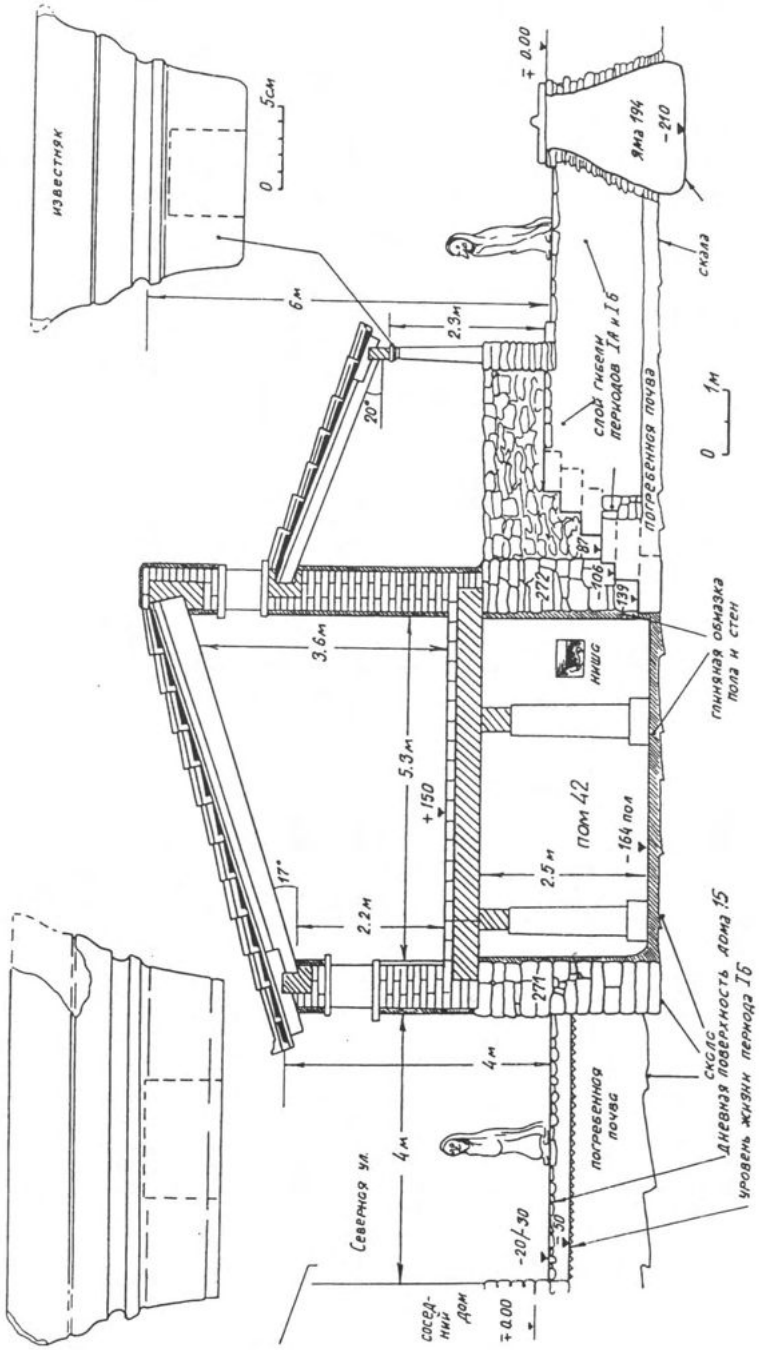
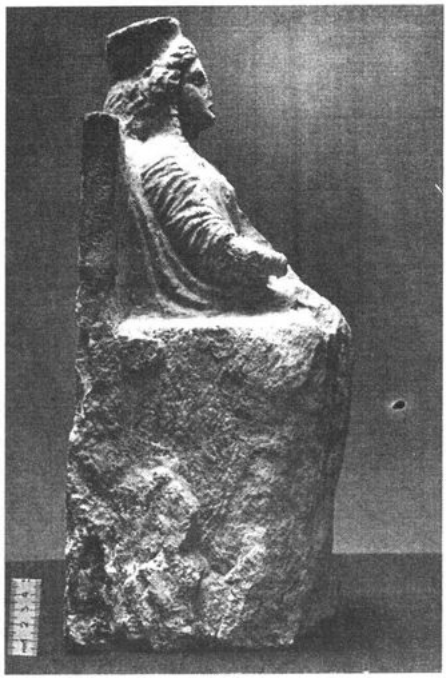
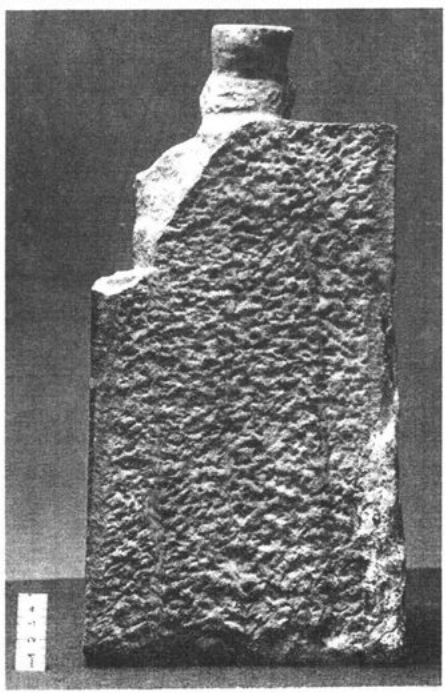

ул. Северная
пом. 42
-160 пол
-170 ск
ЗЕРНОТЕРКИ
пом. 41
-159 пол
-174 ск
пом. 34
-55 пол
пом. 33
±0.00
КРЫТАЯ ЧАСТЬ ДВОРА
ДВОР
КУЛЬТ. СЛОЙ IV в. до н.э.
СКАЛА
ул. Северная
42
41
34
33

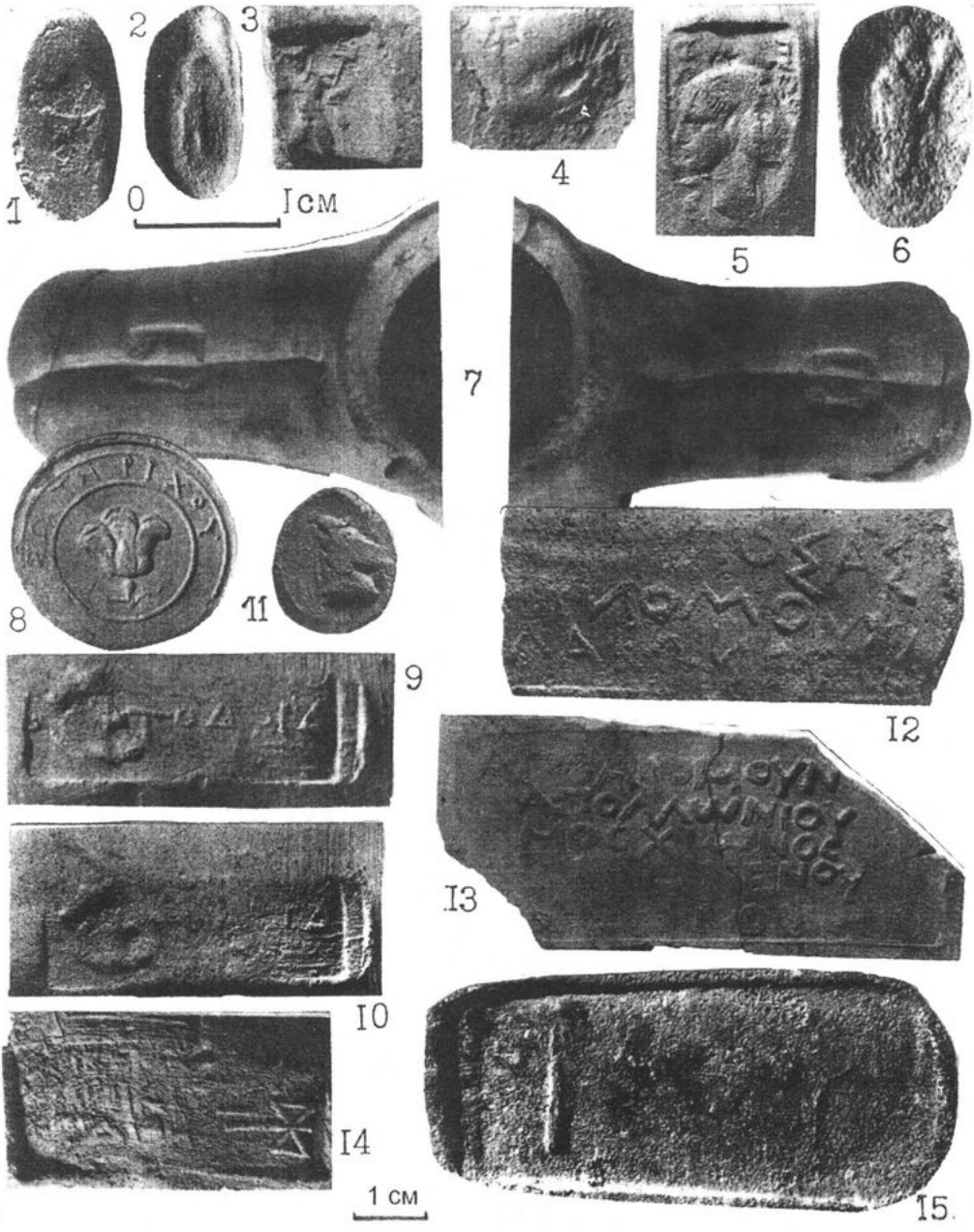
Таблица 73

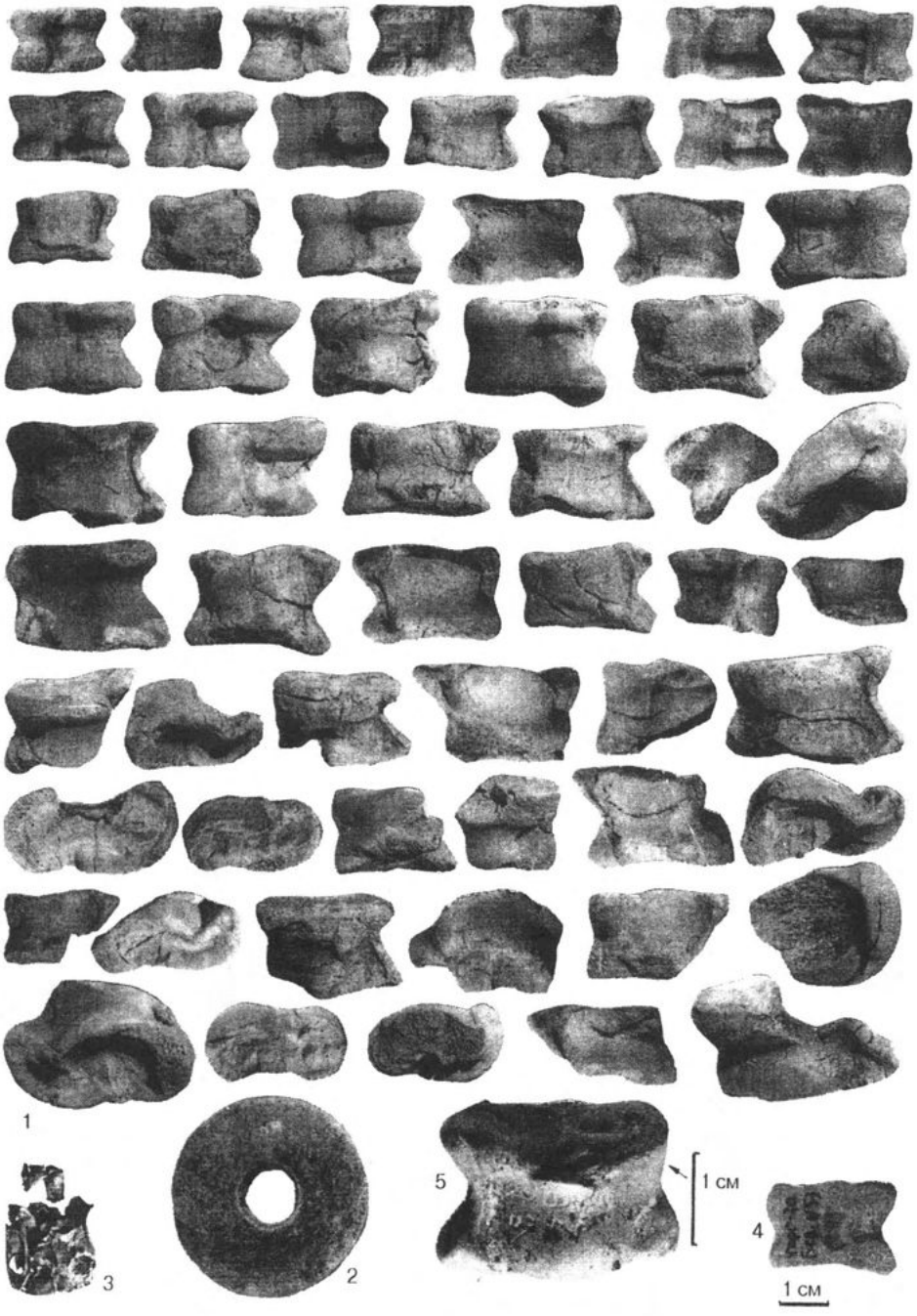

известняк
0
5см
6м
2.3м
20°
±0.00
яма 194
-210
скала
слой гибели периодов IА и IБ
погребенная почва
0
1м
3.6м
5.3м
+150
17°
2.2м
ниша
пом 42
-164 пол
2.5м
-272
-106
-87
-139
-271
4м
4м
Северная ул.
-20/-30
-30
±0.00
сосед-ний дом
погребенная почва
глиняная обмазка пола и стен
скол
дневная поверхность дома 15
уровень жизни периода IБ

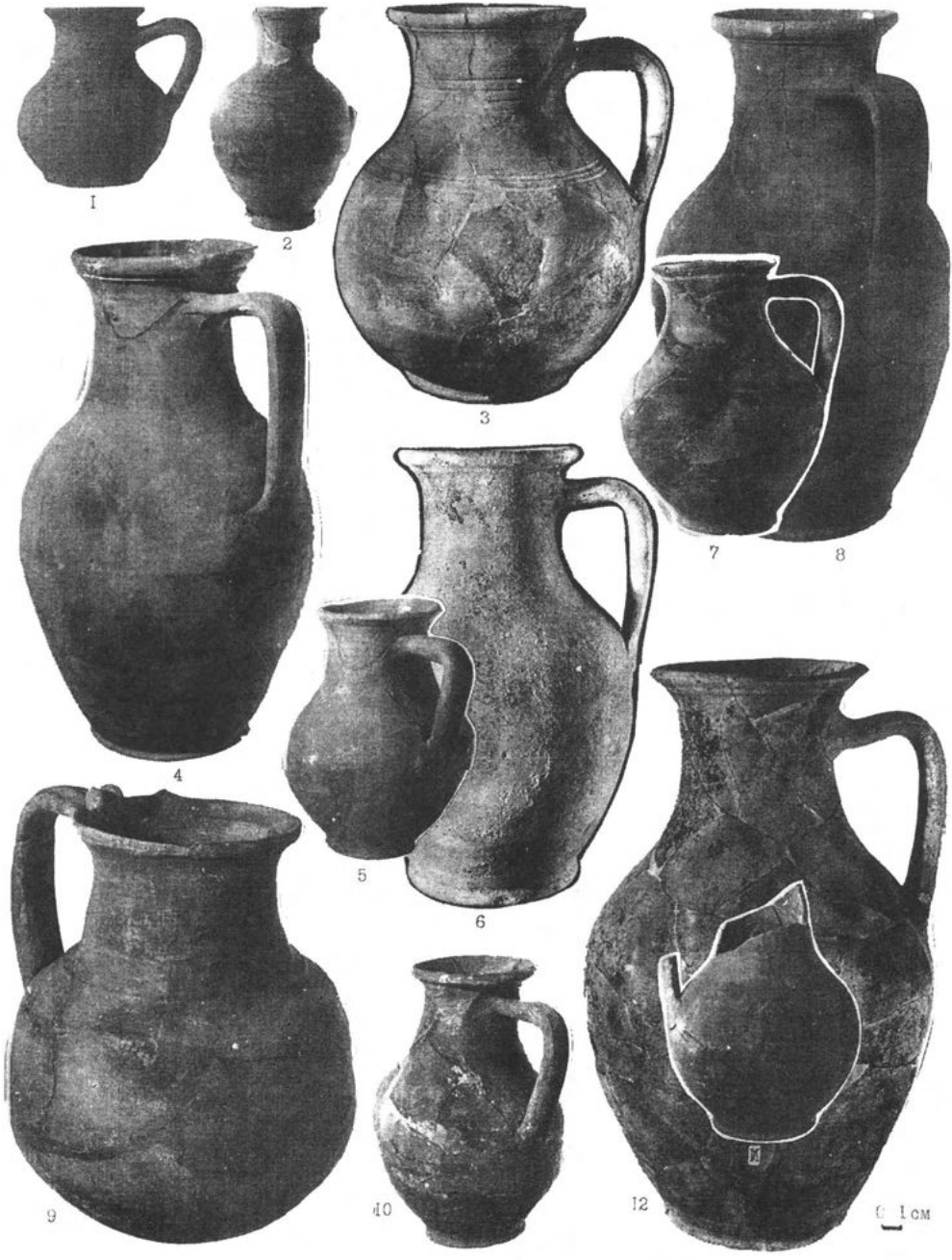


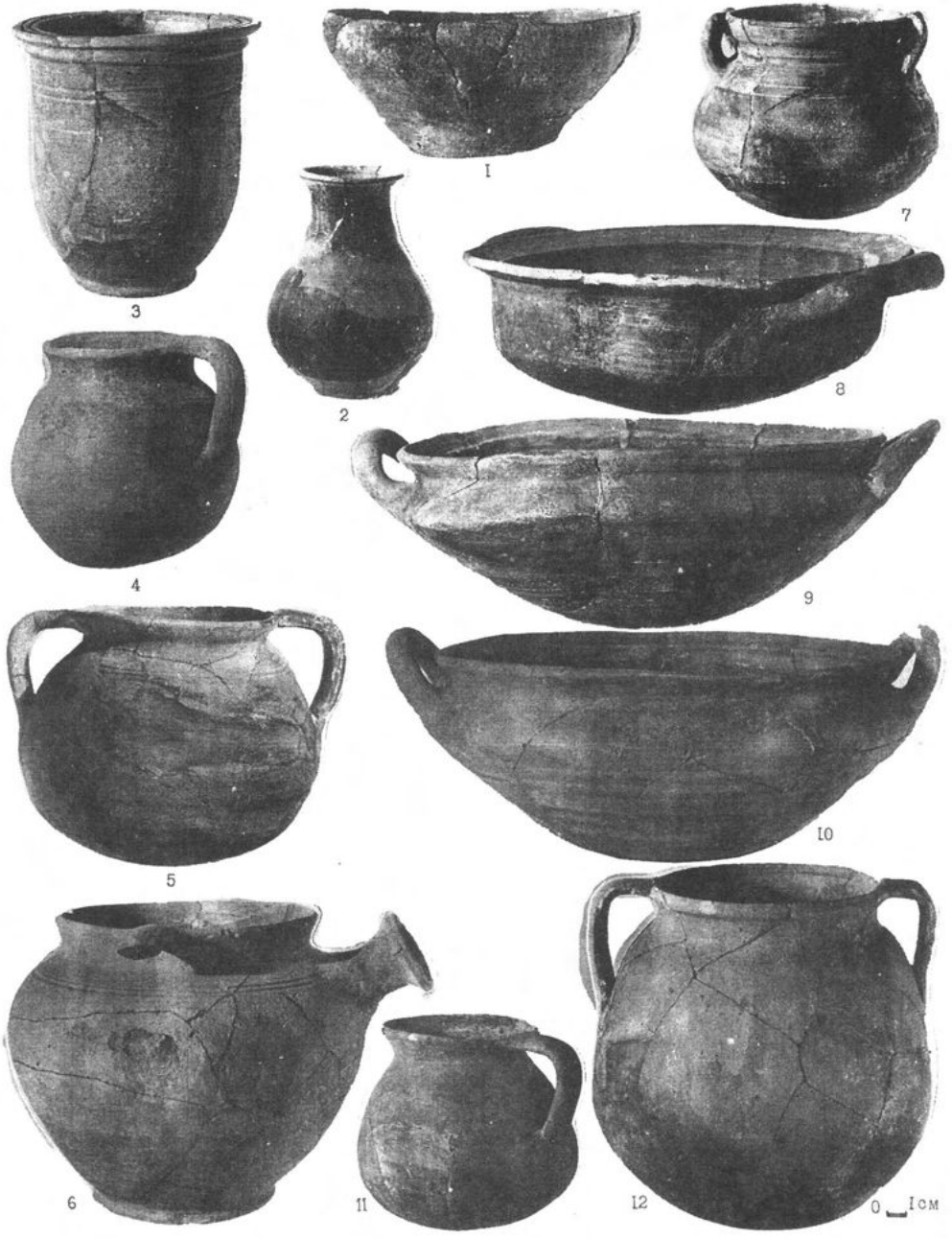


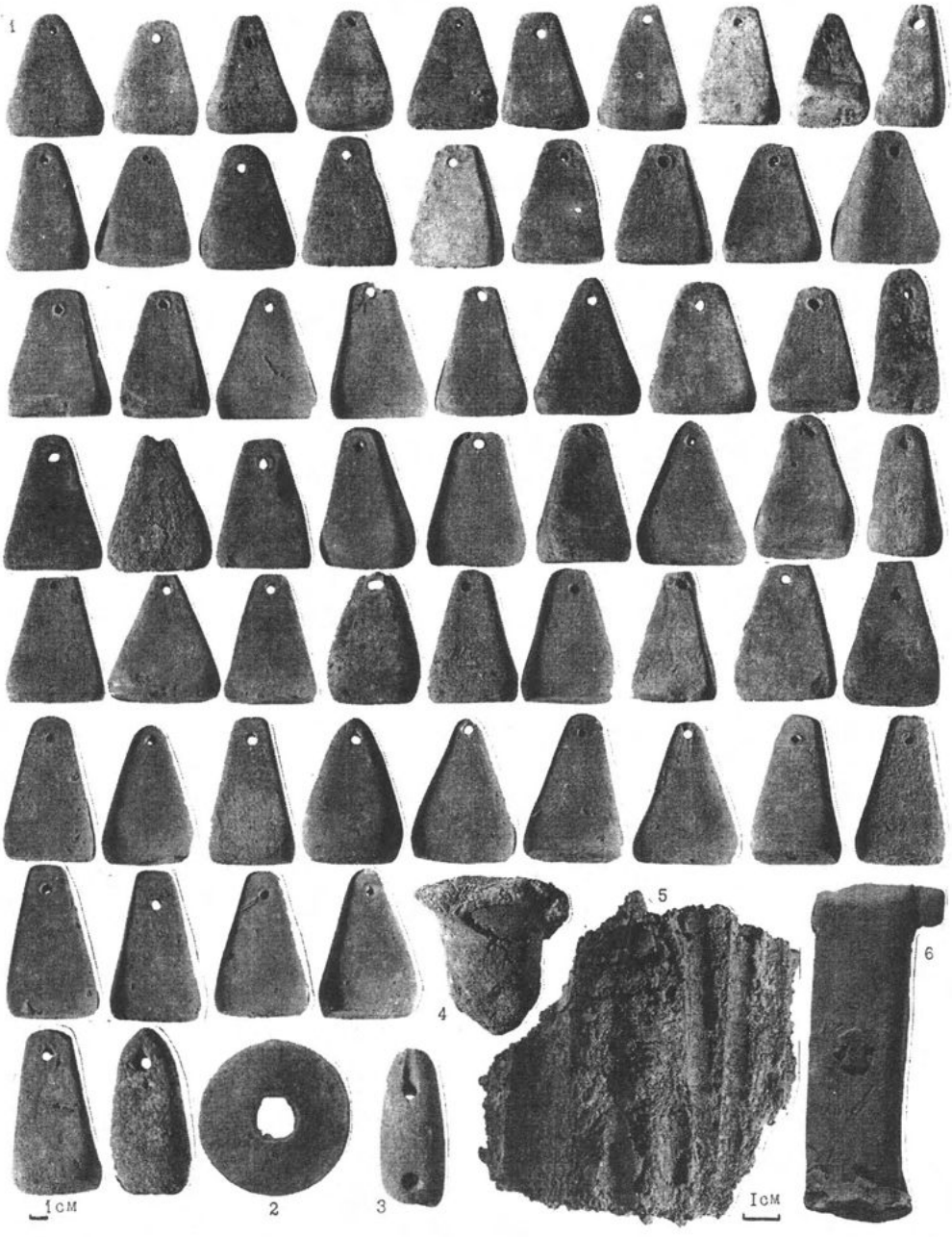
1
0 3см
4
0 5см
3
0 1см
5
0 1см
2
0 4см
0 5см
6
0 5см
7
8
0 3см


1
2
3
0
1см
4
5
6
7
8
11
9
12
10
13
14
1 см
15

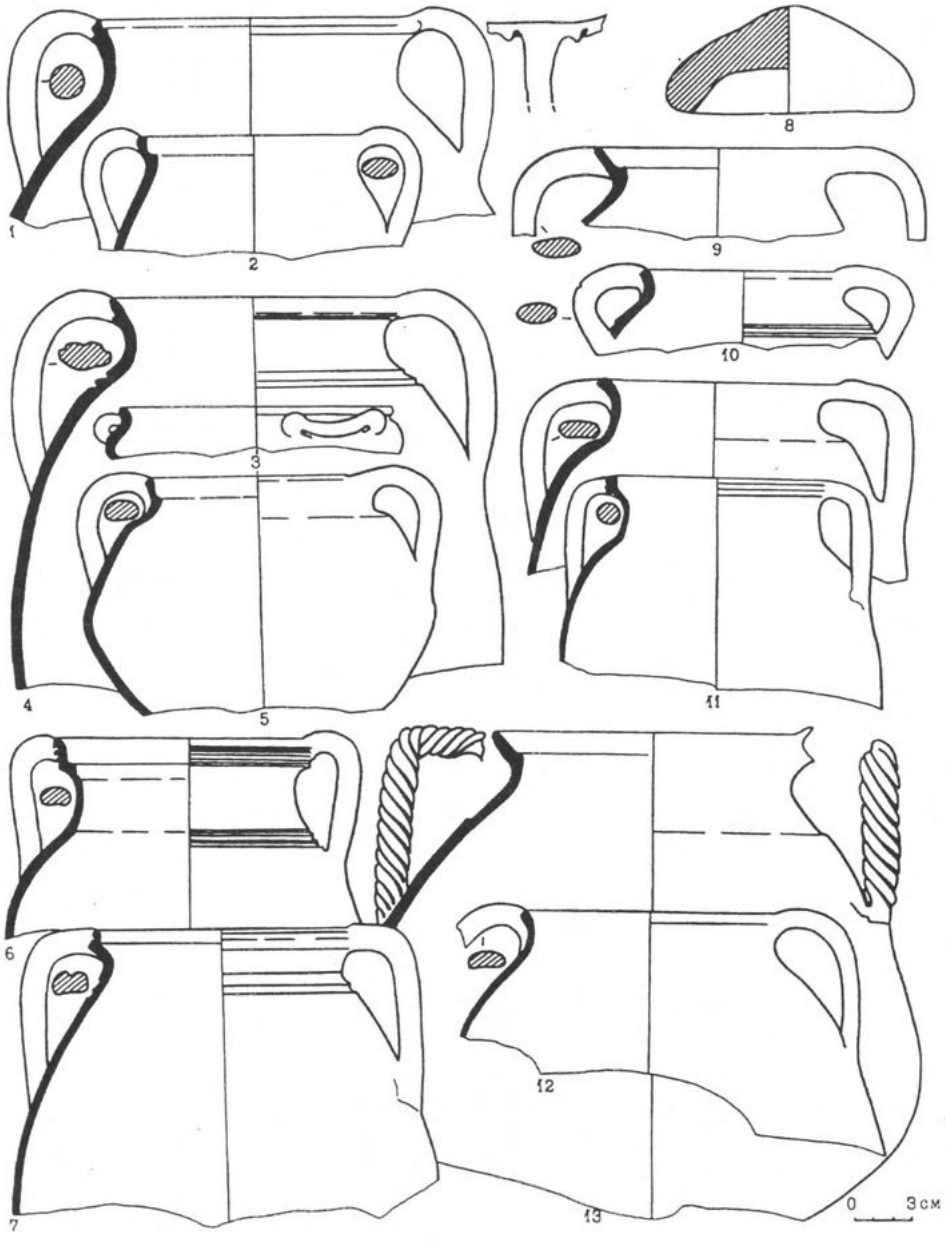

1
2
3
4
5
1 см
1 см

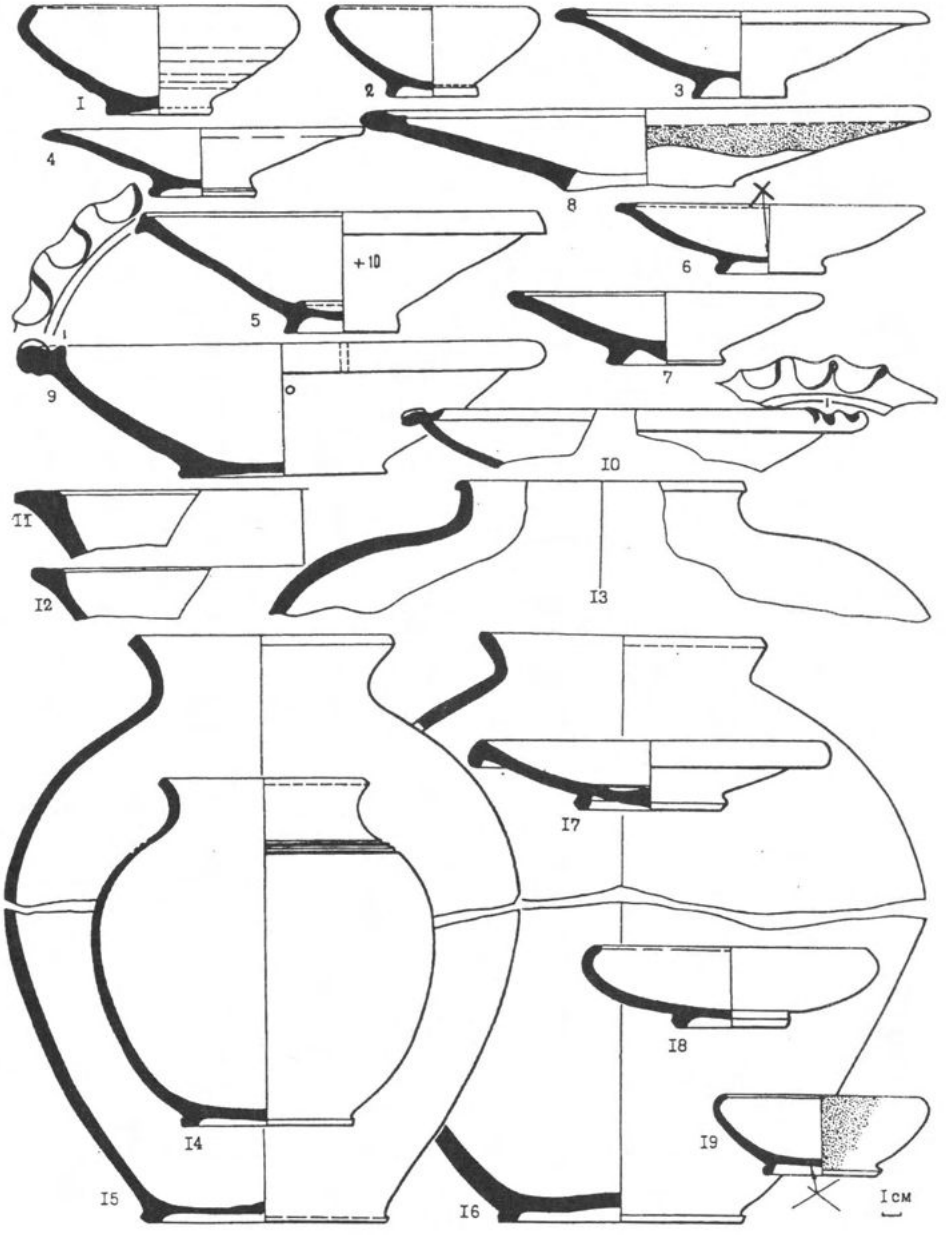

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
12
0 1 см

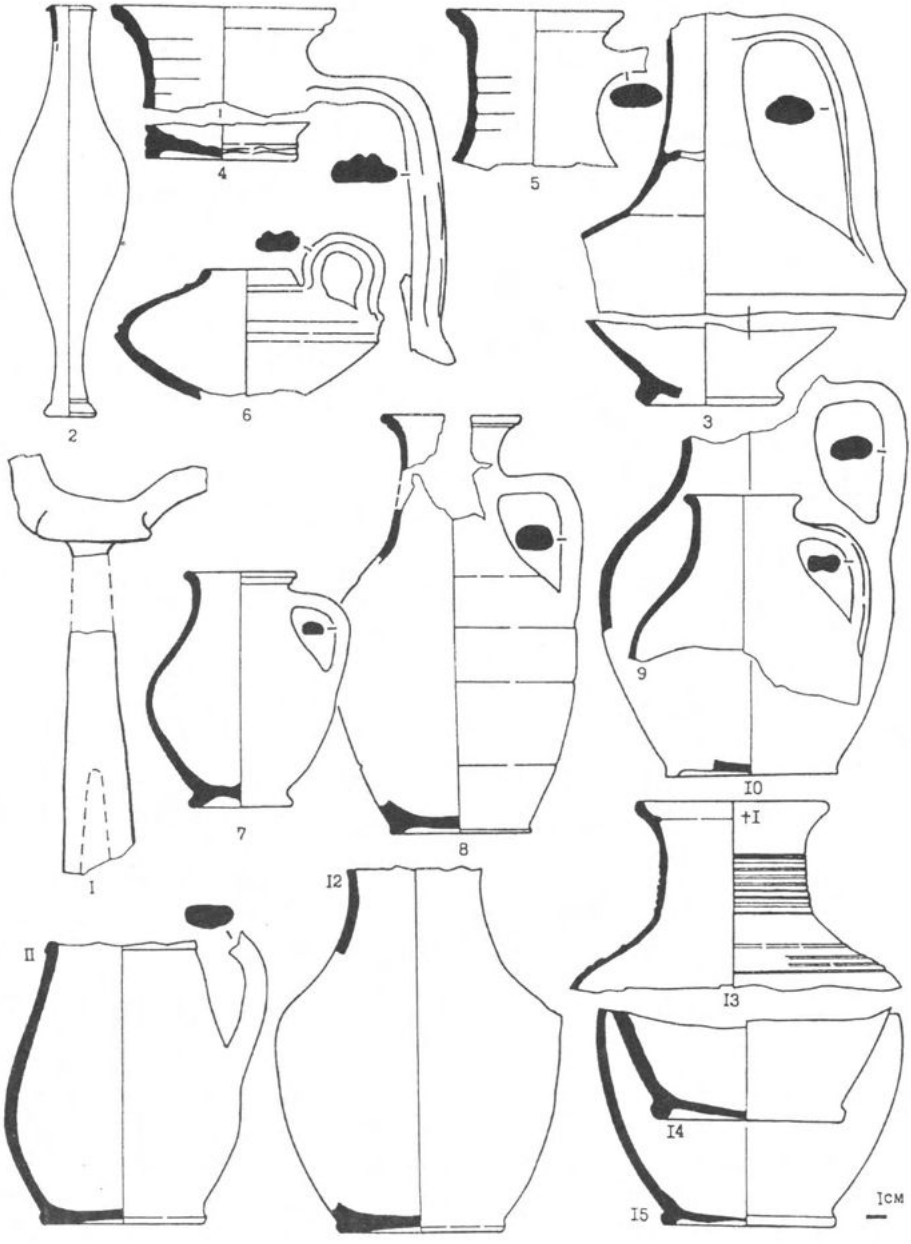

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0 1см

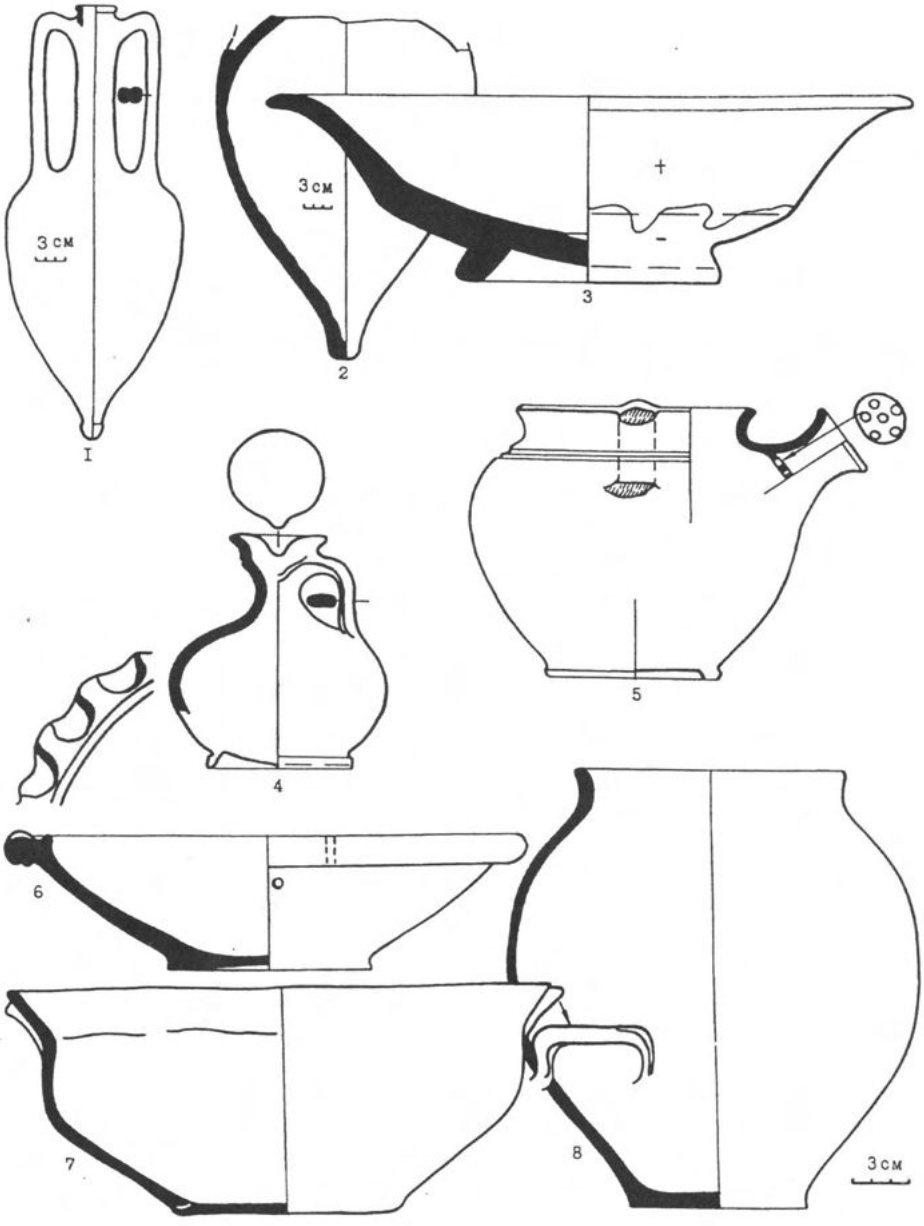

1
4
5
6
1см
2
3
1см

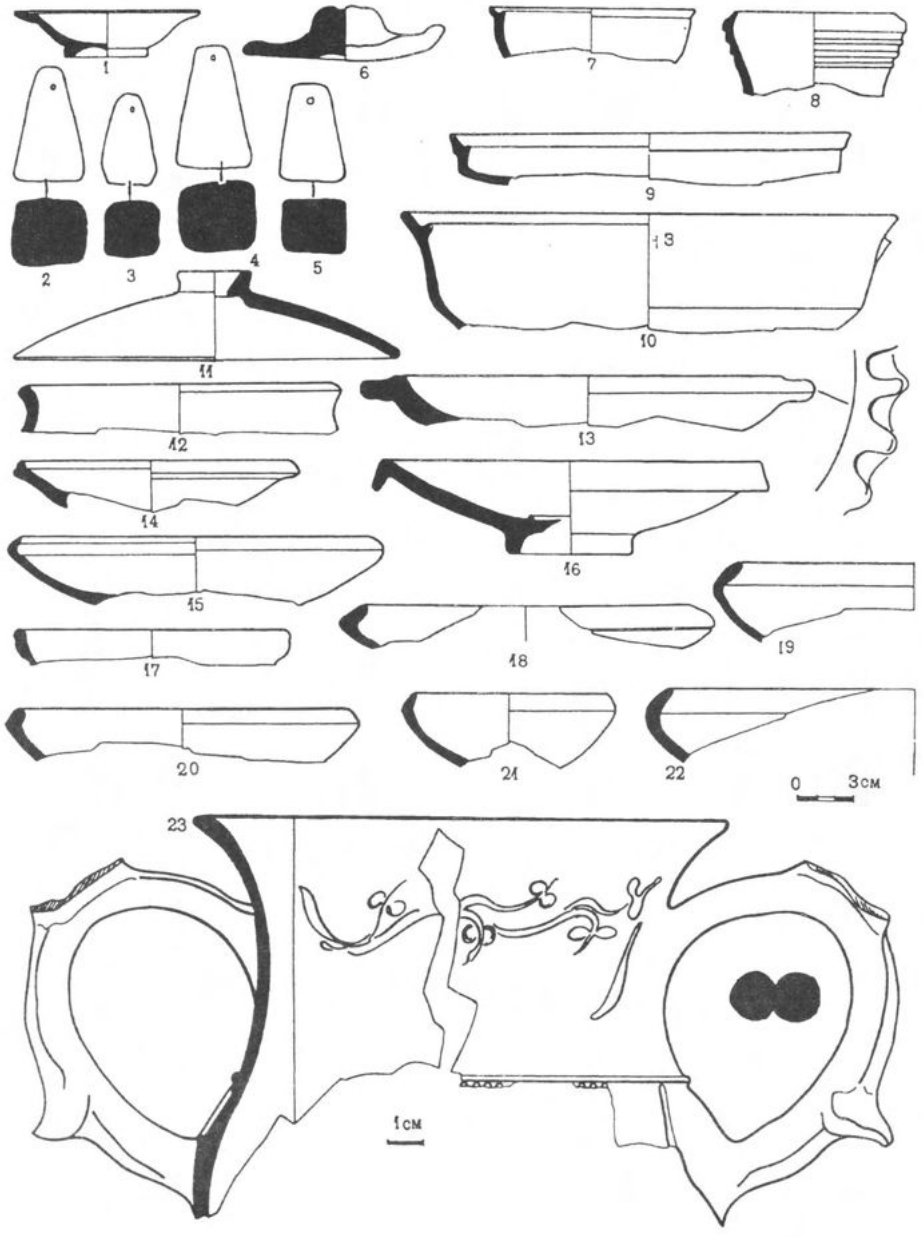
1
2
3
4
1 см
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
3 см
18
19
20
21
22
23
24
25
26
1 см


1
2
8
9
10
3
4
5
11
6
12
7
13
0
3 см

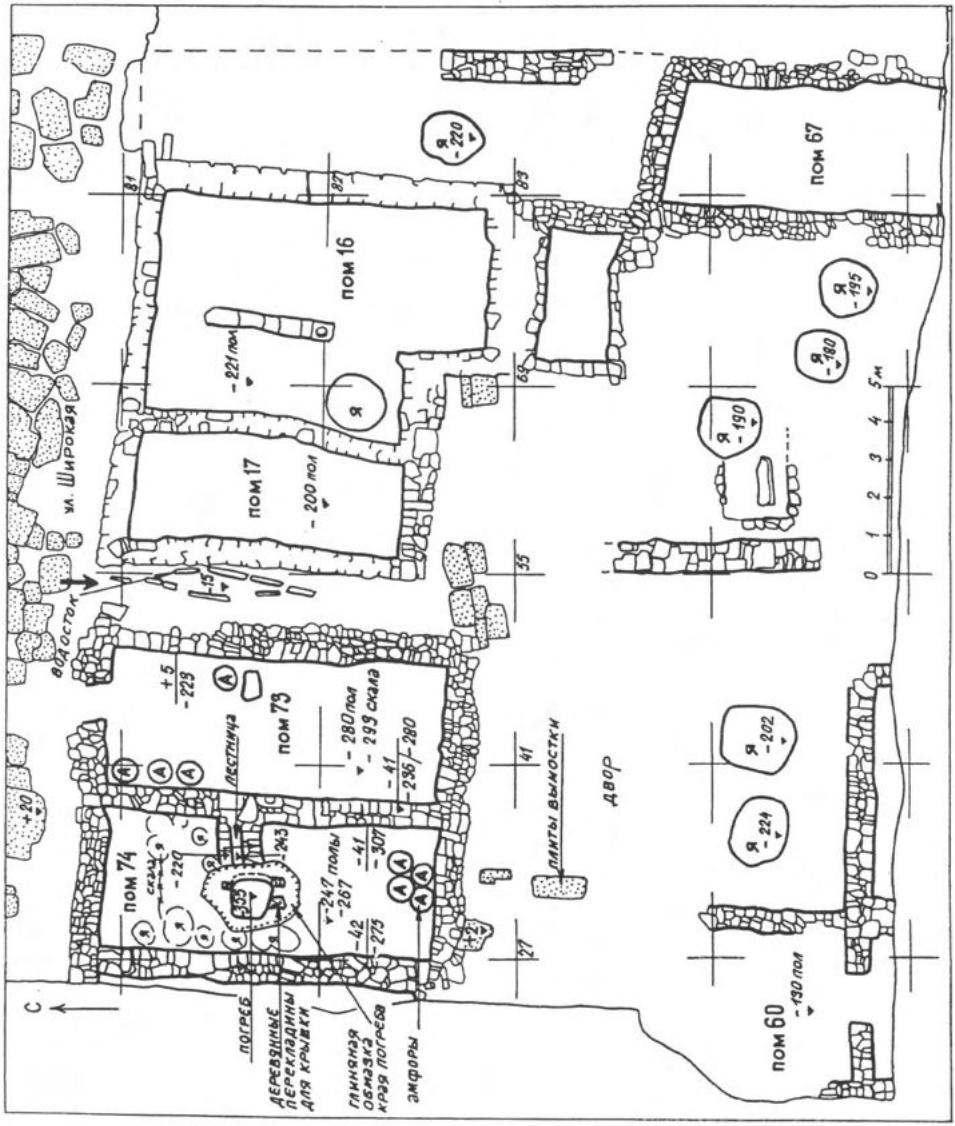

I
2
3
4
8
6
+10
5
7
9
I0
II
I2
I3
I7
I8
I4
I9
I5
I6
Iсм

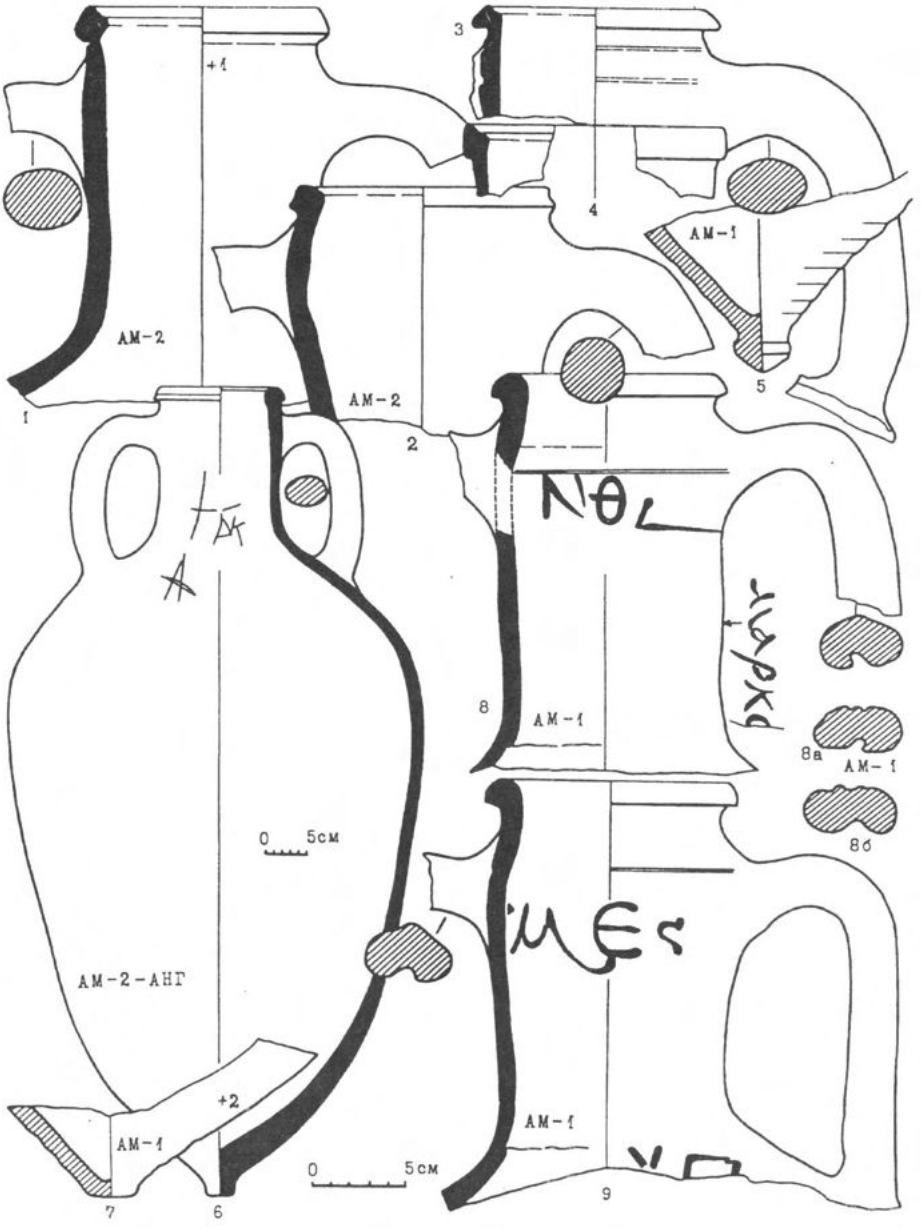

2
4
6
5
3
1
7
8
9
10
+1
11
12
13
14
15
1см

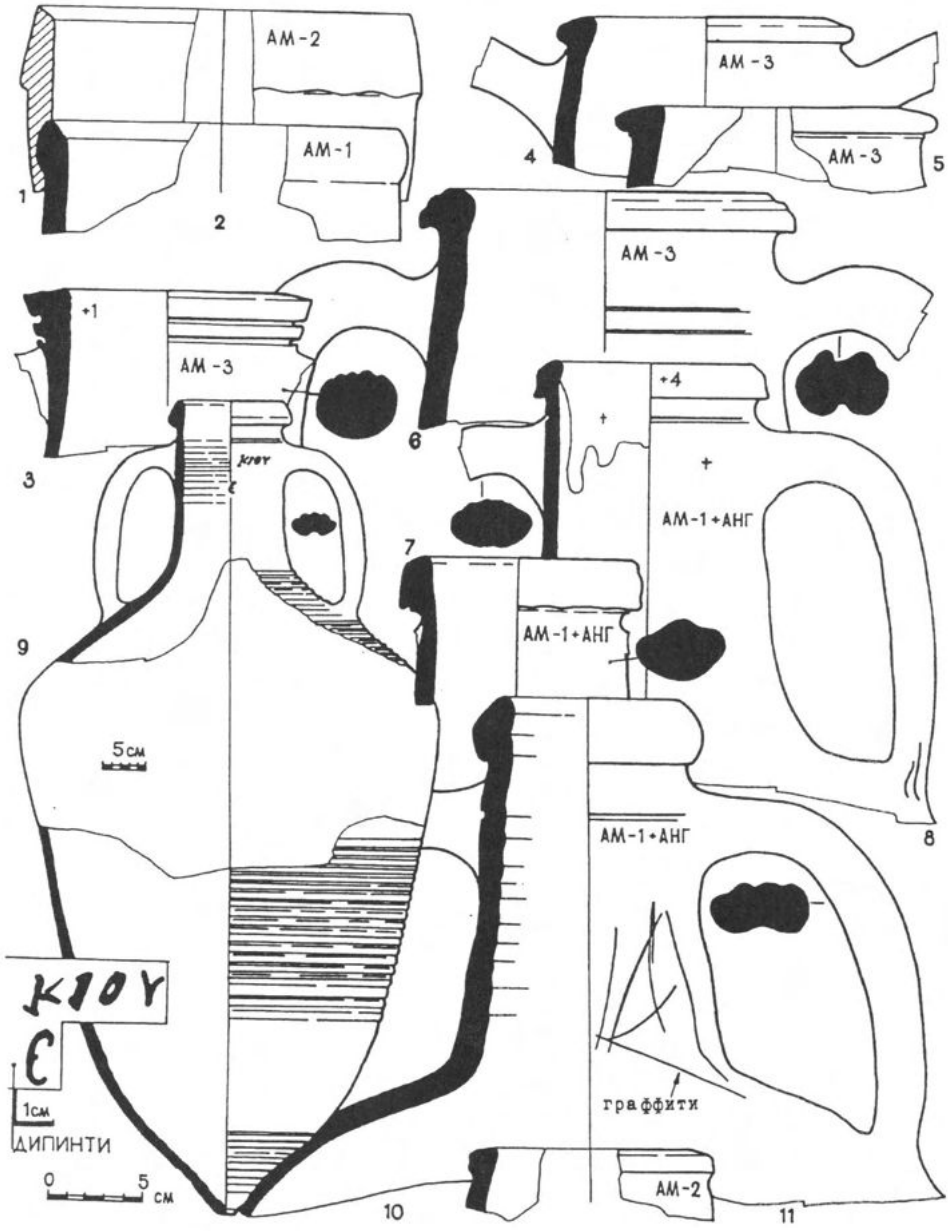

3 см
I
3 см
2
+
-
3
4
5
6
7
8
3 см

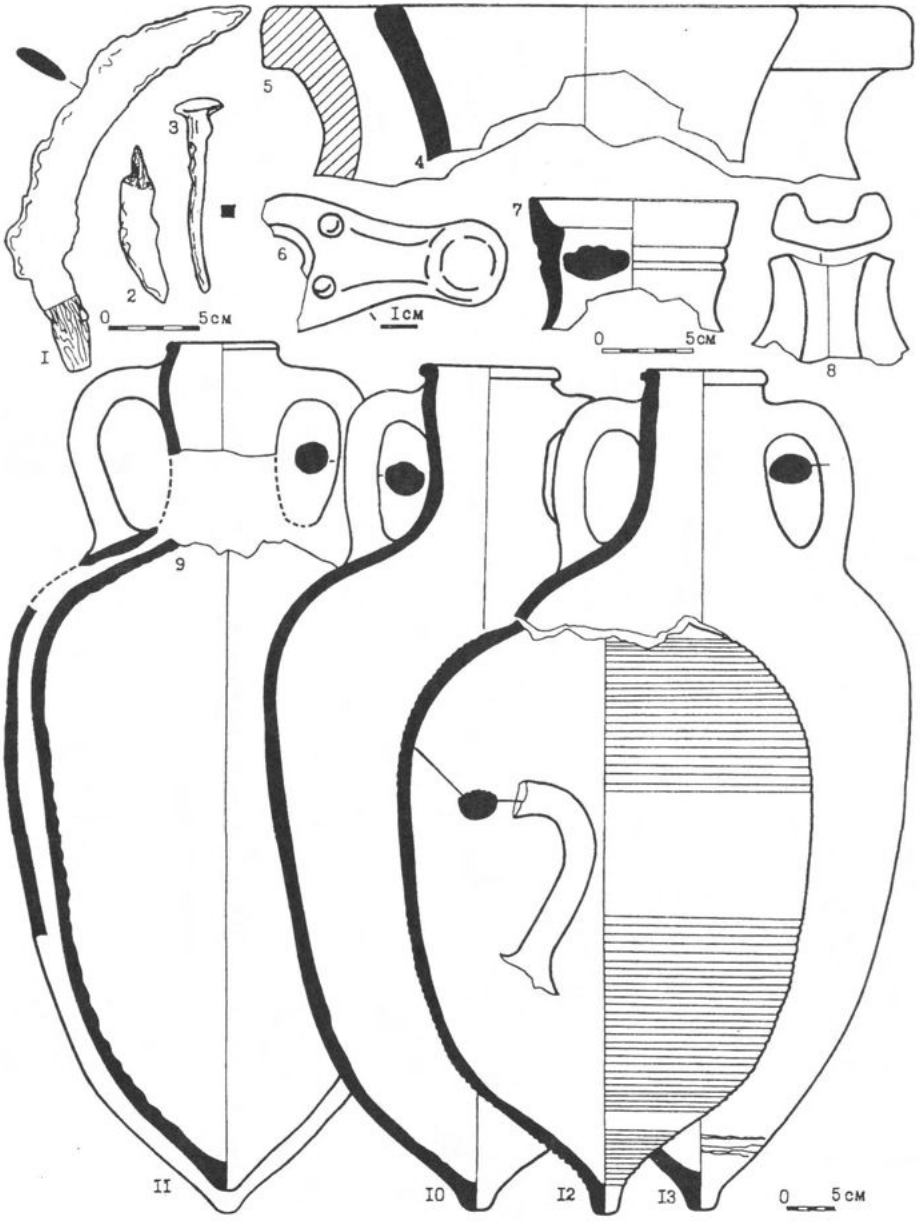

1
6
7
8
2
3
4
5
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
0 3см
23
1см

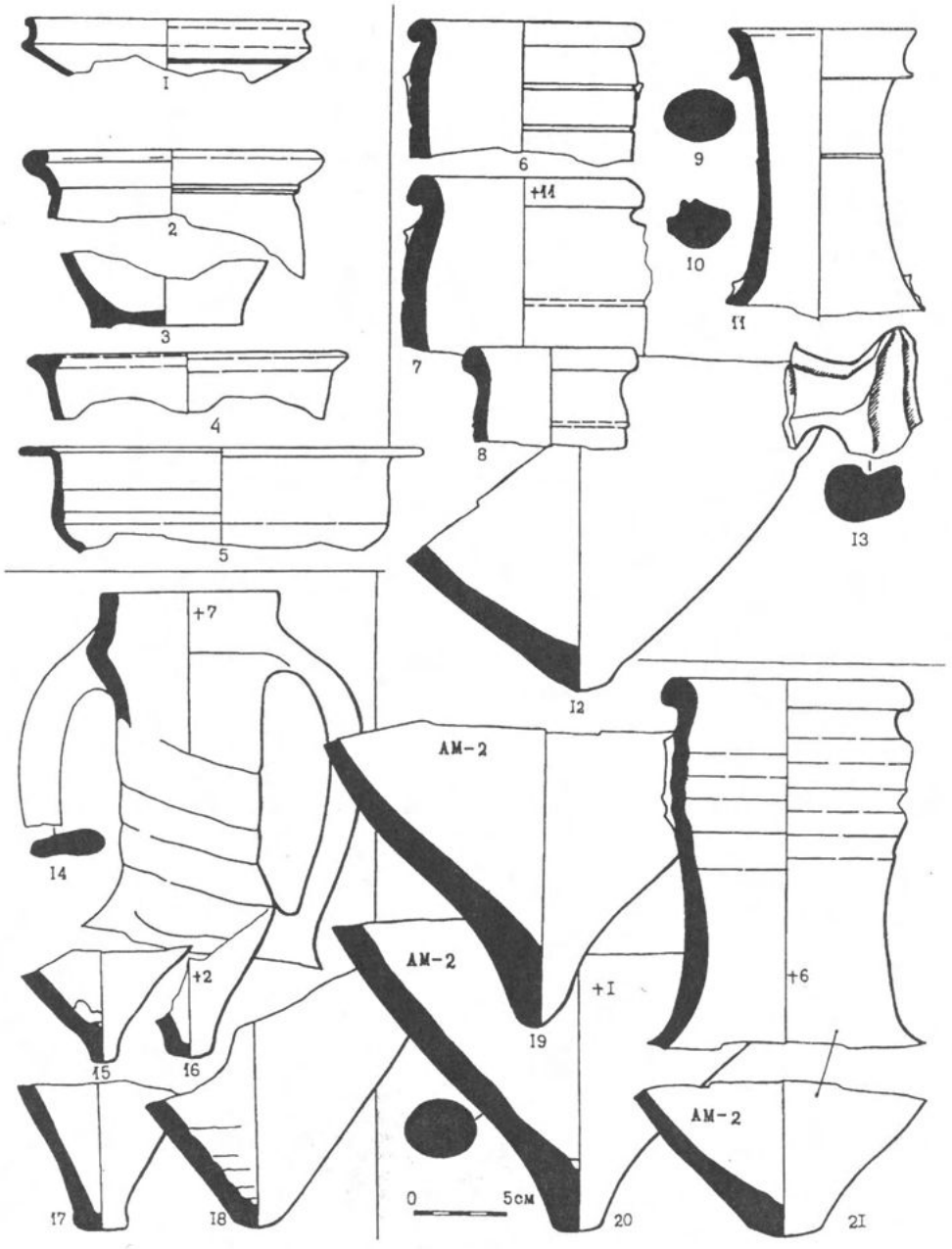
1
0 5см
0 1см
2
0 1см
3
4
5
6
7
3см
0 3см

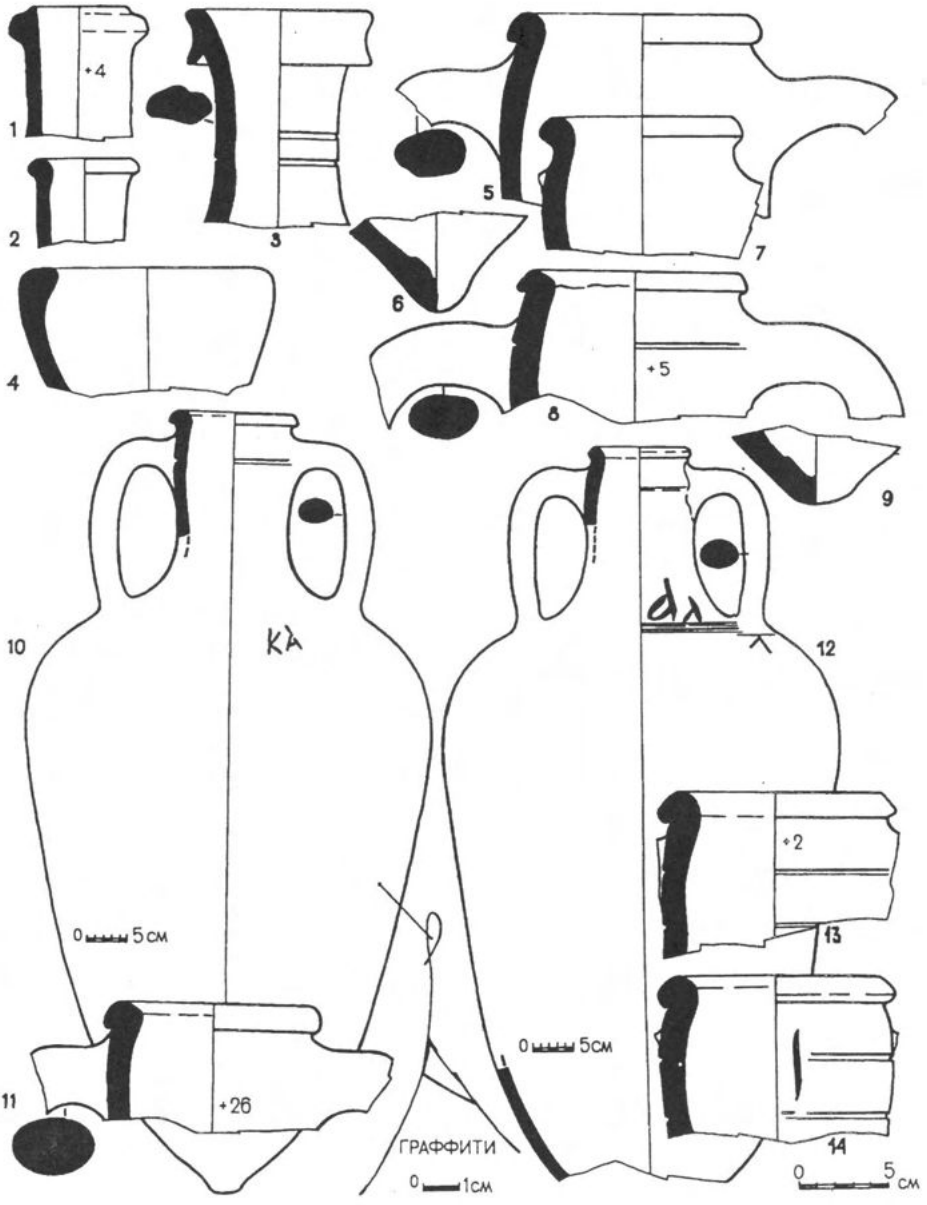

ул. Широкая
водосток
пом 16
пом 17
пом 67
пом 73
пом 74
пом 60
лестница
двор
ямы выкостки
погреб
деревянные перекладины для крышки
глиняная обмазка края погреба
амфоры
С
0 1 2 3 4 5м

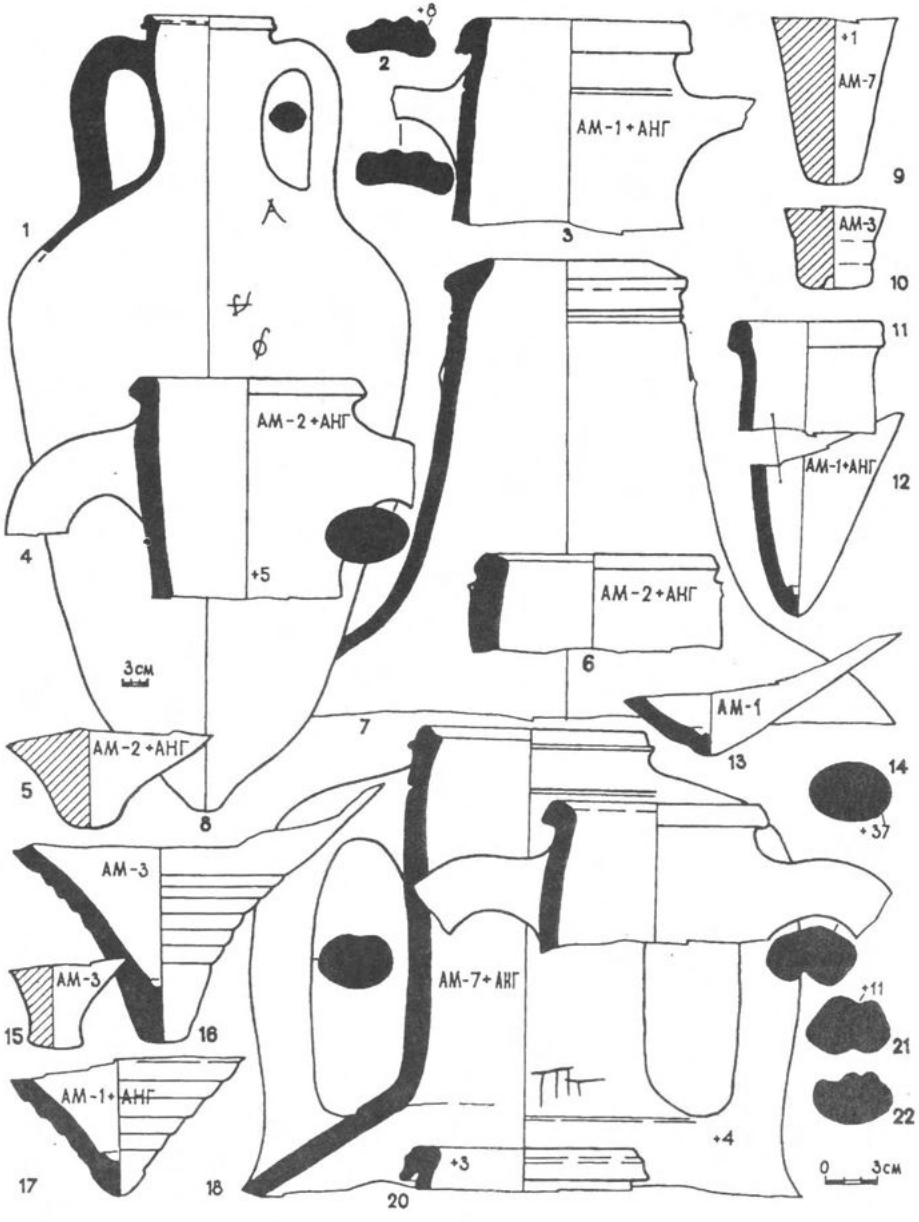

+1
3
4
АМ-1
АМ-2
5
1
АМ-2
2
8
АМ-1
8а
АМ-1
8б
0 5см
АМ-2-АНГ
+2
АМ-1
7
6
0 5см
АМ-1
9

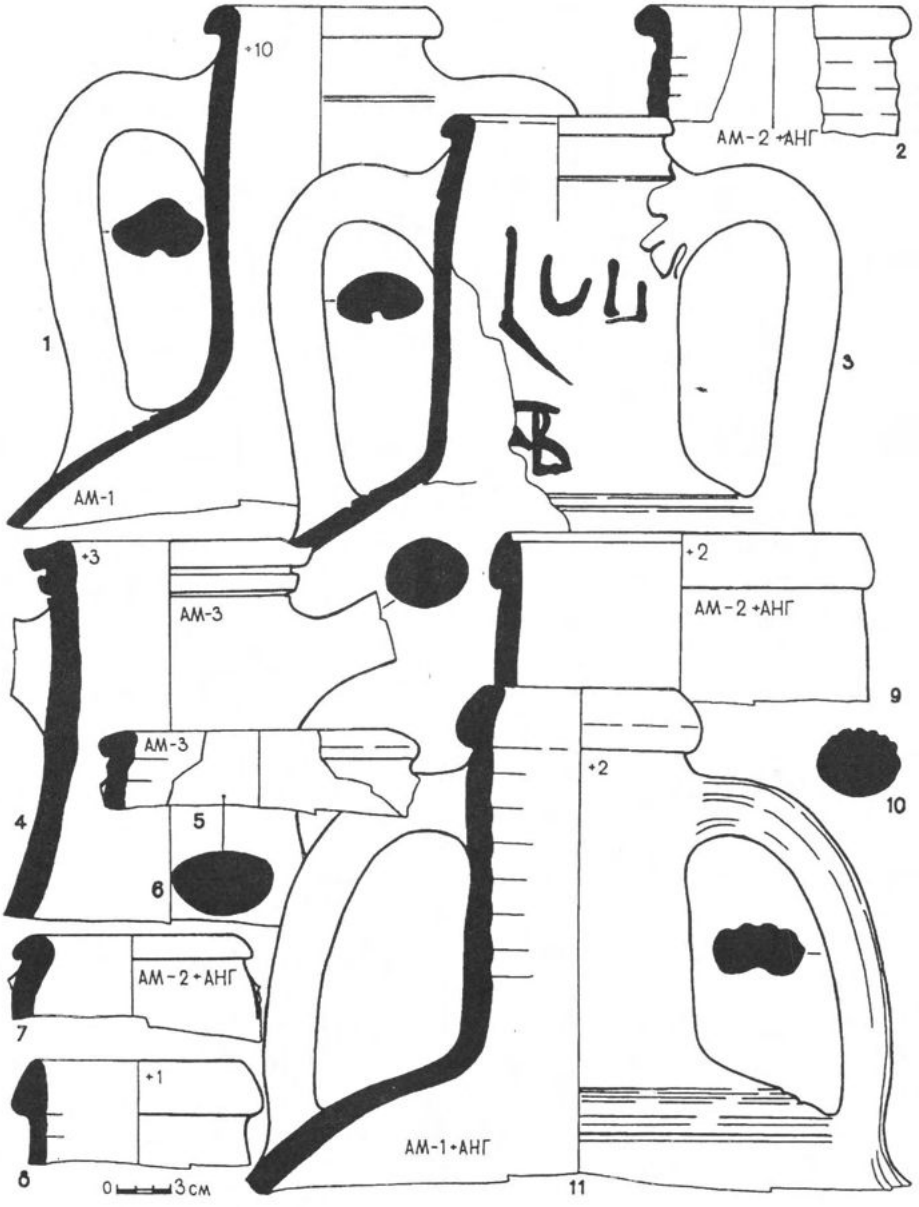

АМ-2
АМ-1
АМ-3
АМ-3
АМ-3
АМ-3
+1
+4
АМ-1+АНГ
АМ-1+АНГ
АМ-1+АНГ
АМ-2
5см
К10У
С
1см
ДИПИНТИ
0 5 см
граффити
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

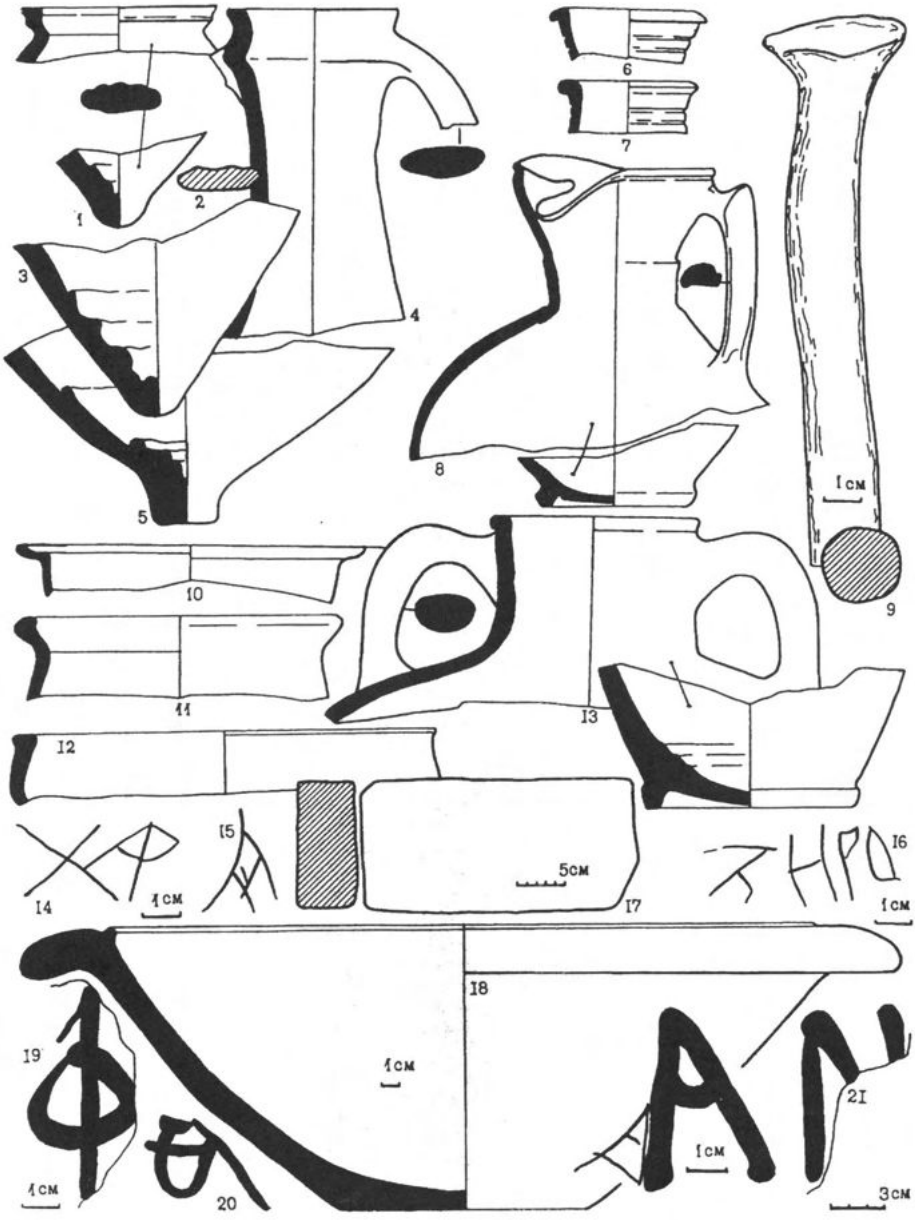

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
0 5см
1см
0 5см
0 5см

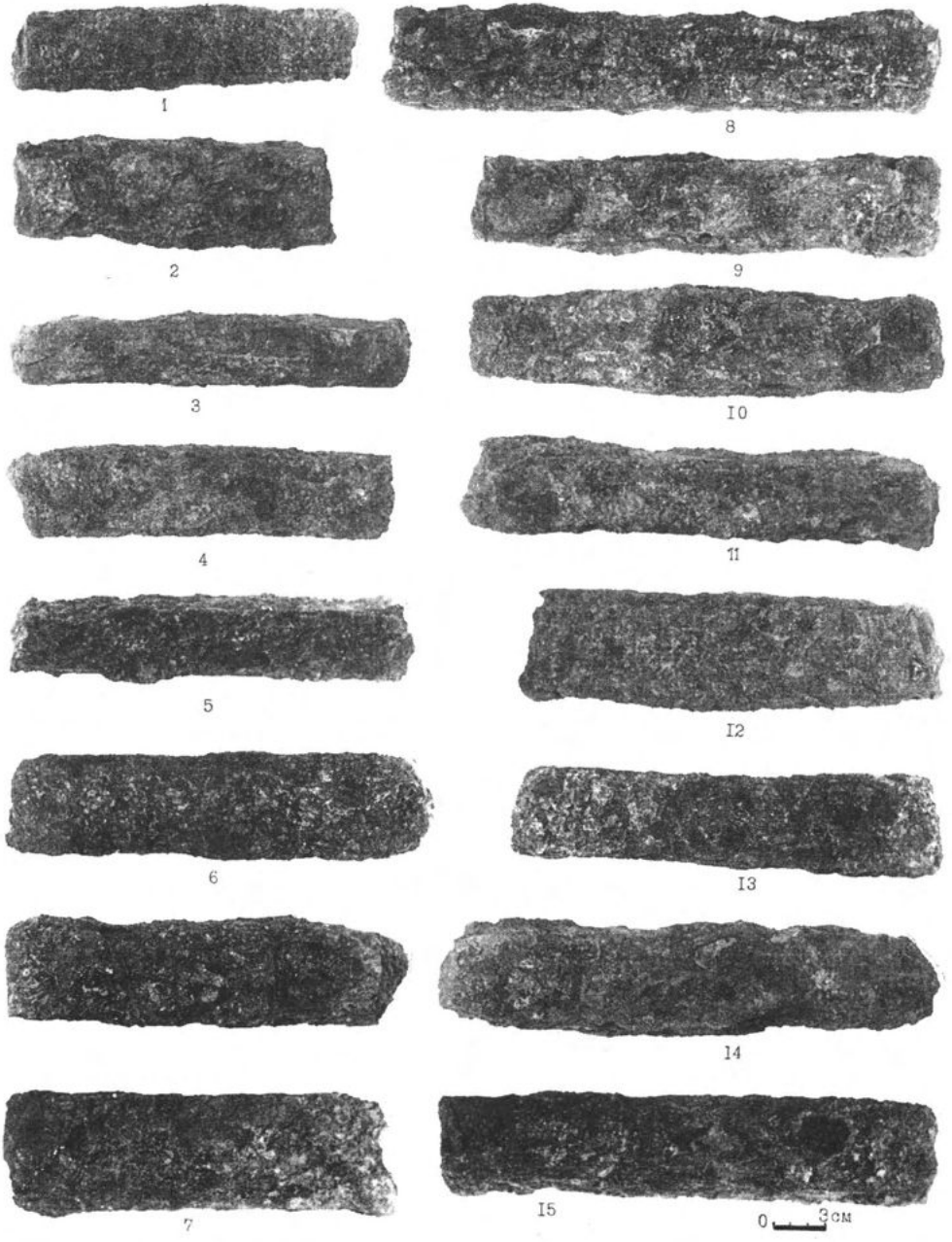

1
2
3
4
5
6
+11
7
8
9
10
11
12
13
+7
14
15
+2
16
17
18
AM-2
AM-2
+1
19
+6
AM-2
0
5см
20
21

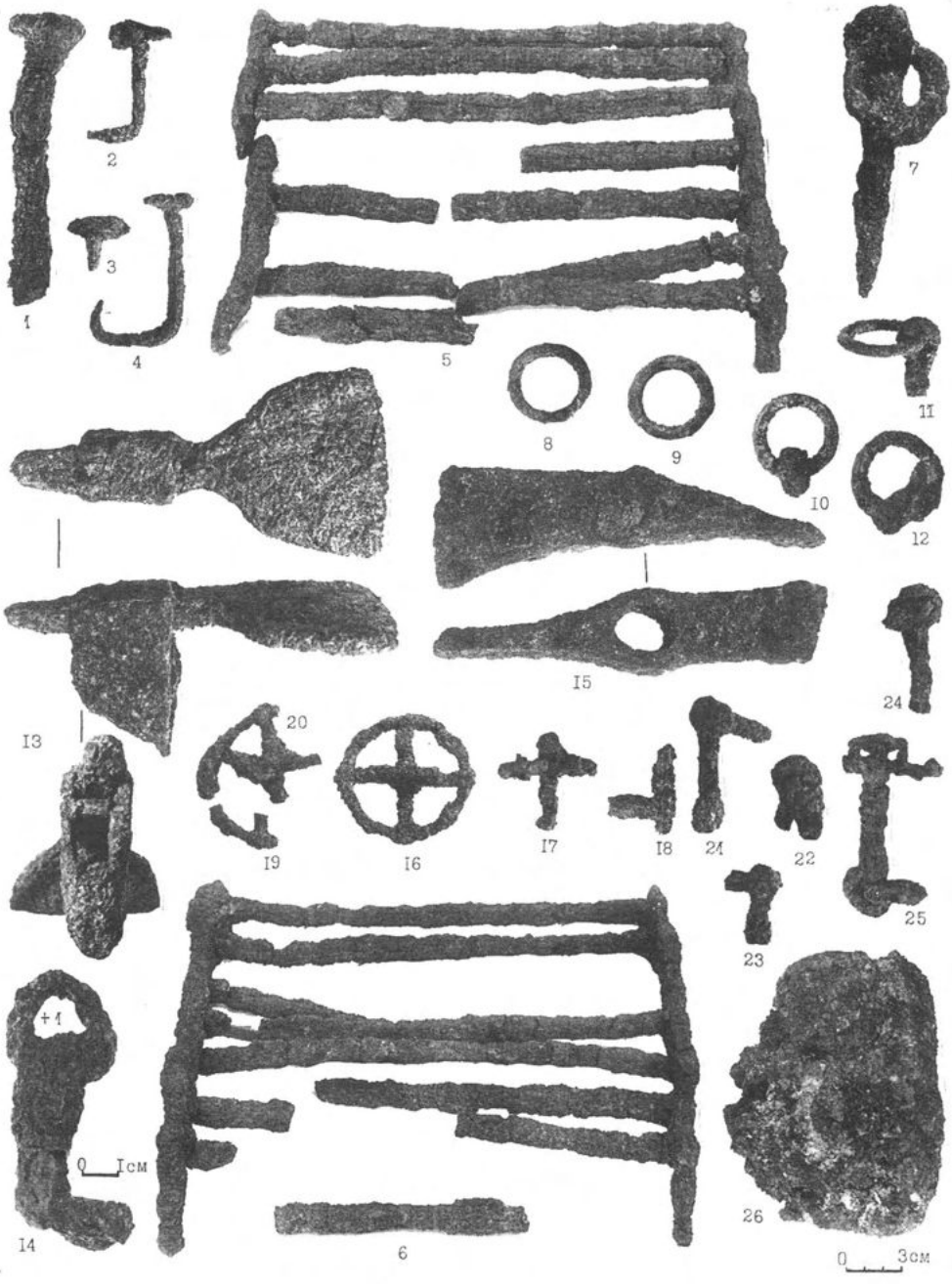

+4
1
2
3
4
5
6
7
+5
8
9
10
KA
0 5 см
11
+26
ГРАФФИТИ
0 1см
12
dA
+2
13
0 5см
14
0 5 см

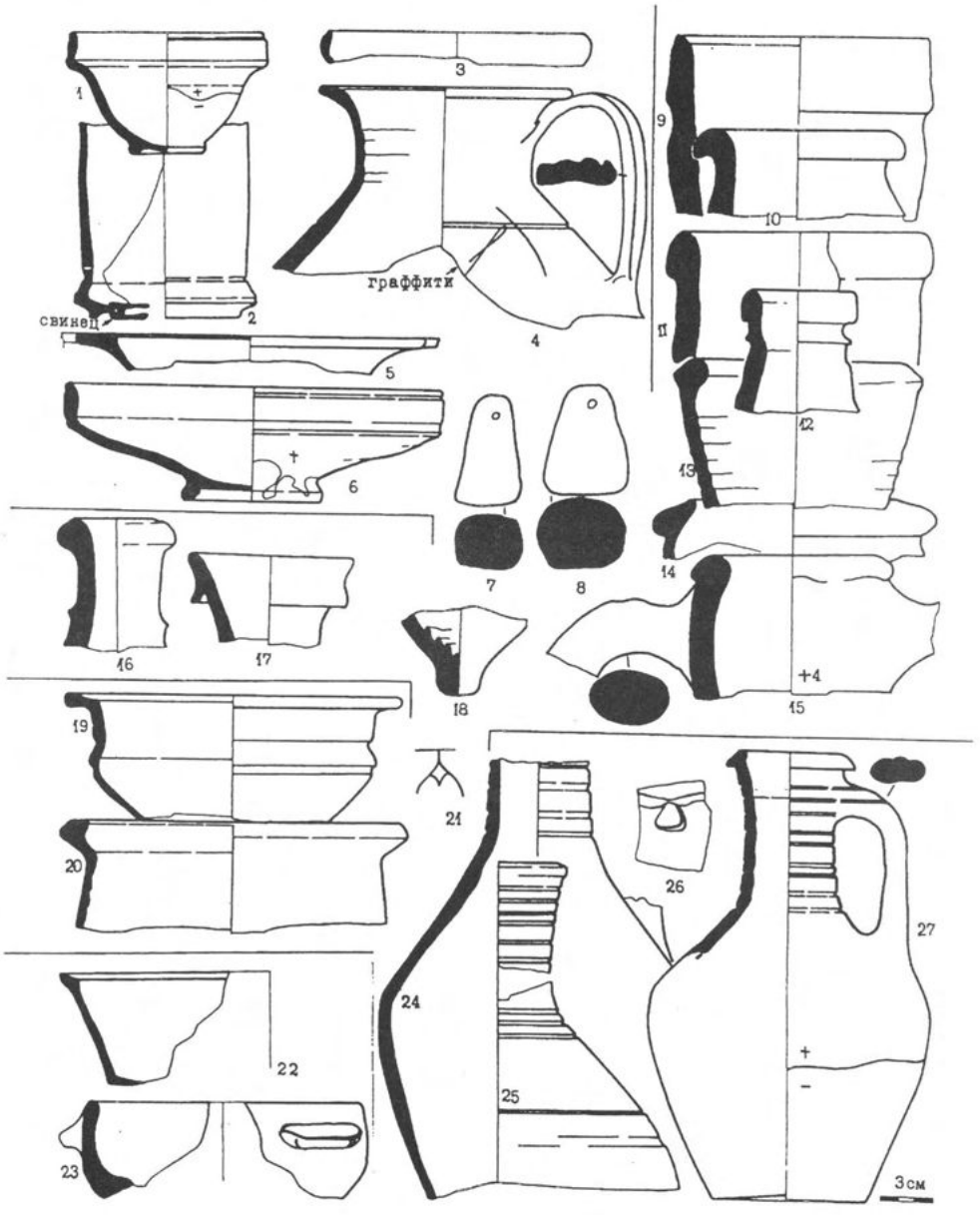

+8
2
АМ-1+АНГ
3
+1
АМ-7
9
АМ-3
10
1
11
АМ-2+АНГ
АМ-1+АНГ
12
4
+5
АМ-2+АНГ
6
3см
АМ-1
13
7
АМ-2+АНГ
5
8
14
+37
АМ-3
АМ-3
15
16
АМ-7+АНГ
+11
21
22
АМ-1+АНГ
17
18
+4
+3
20
0 3см

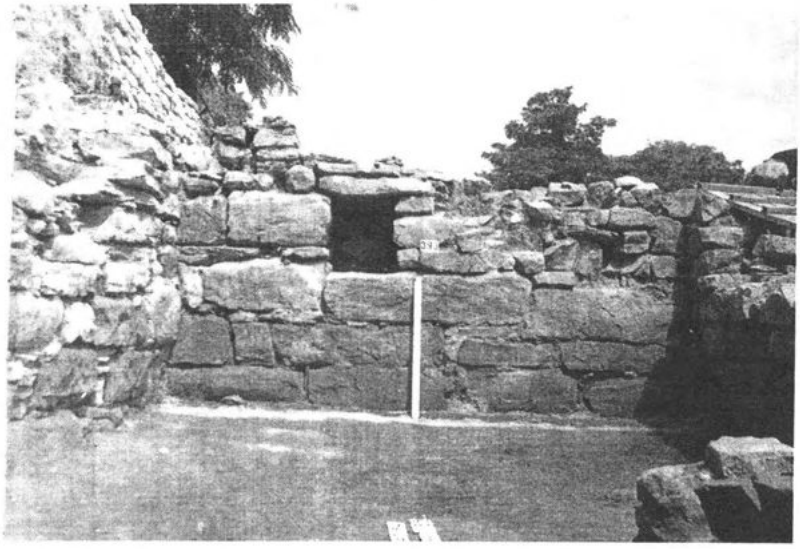

+10
АМ-2 +АНГ
2
1
3
АМ-1
+3
АМ-3
+2
АМ-2 +АНГ
9
АМ-3
+2
10
4
5
6
АМ-2 +АНГ
7
+1
АМ-1+АНГ
8
0 3 см
11


1
2
3
4
5
6
7
8
1см
9
10
11
12
13
14
1см
15
5см
17
16
1см
18
19
1см
1см
20
21
1см
3см

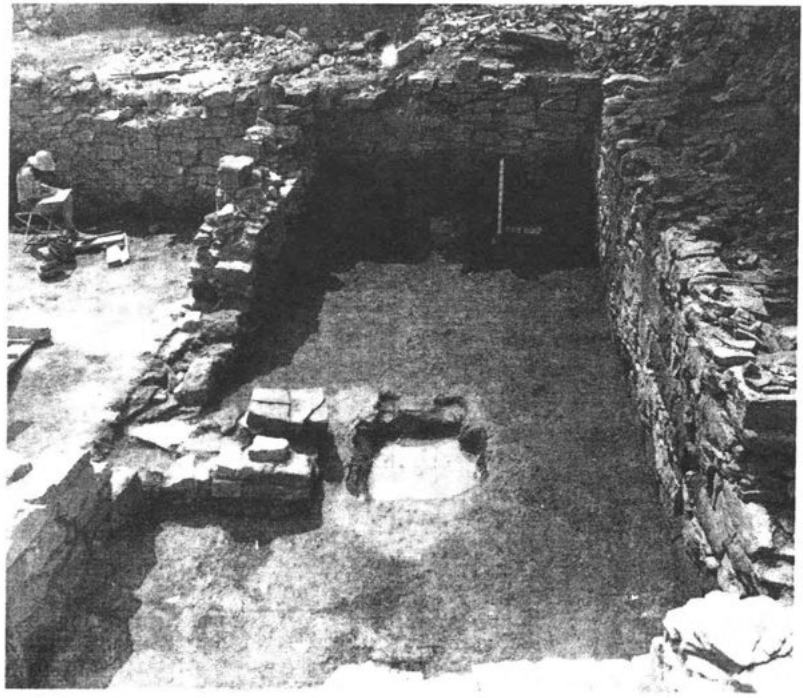

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
0 3см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
+1
0 1см
0 3см

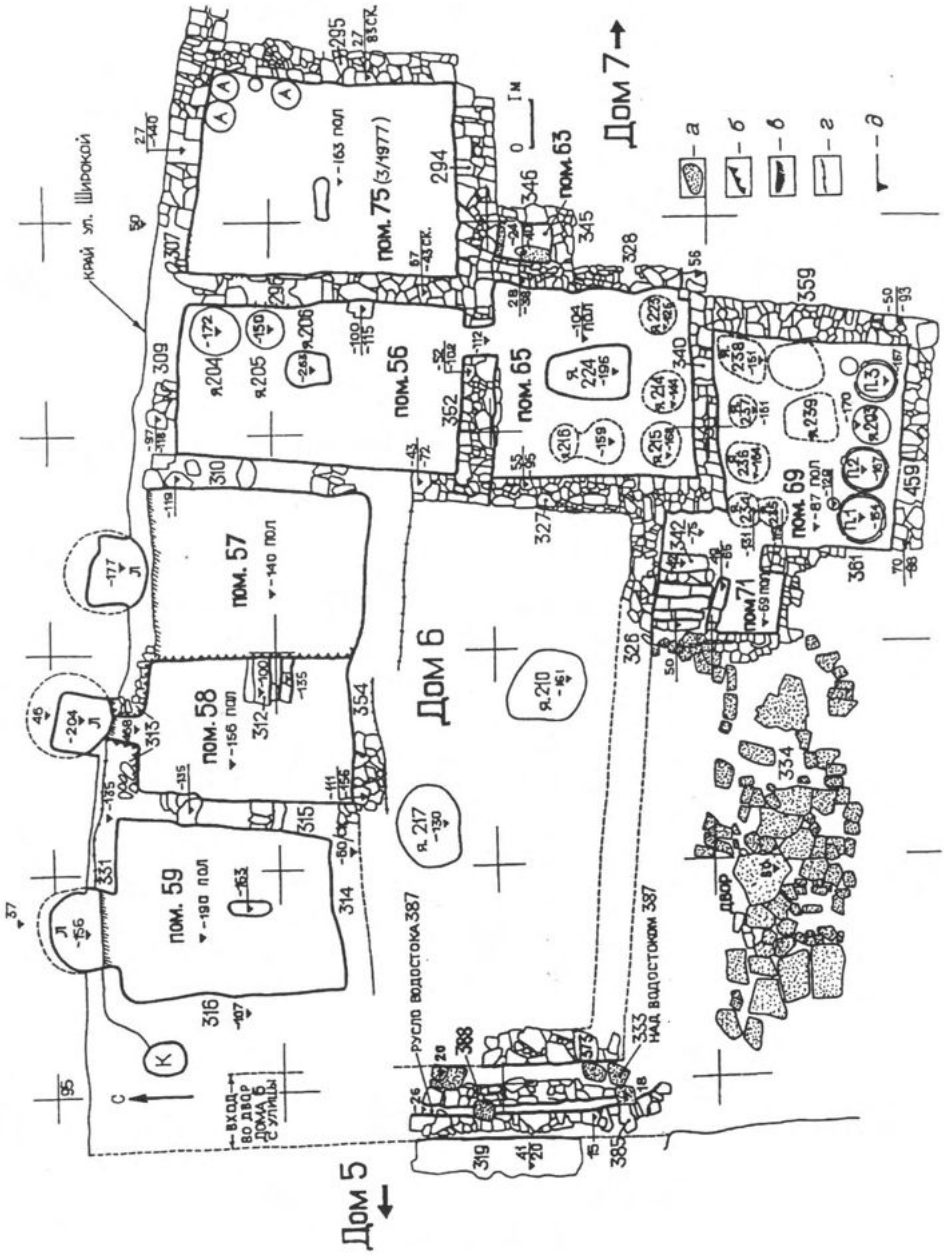

1
2
свинец
3
4
граффити
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
+4
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
3см



1

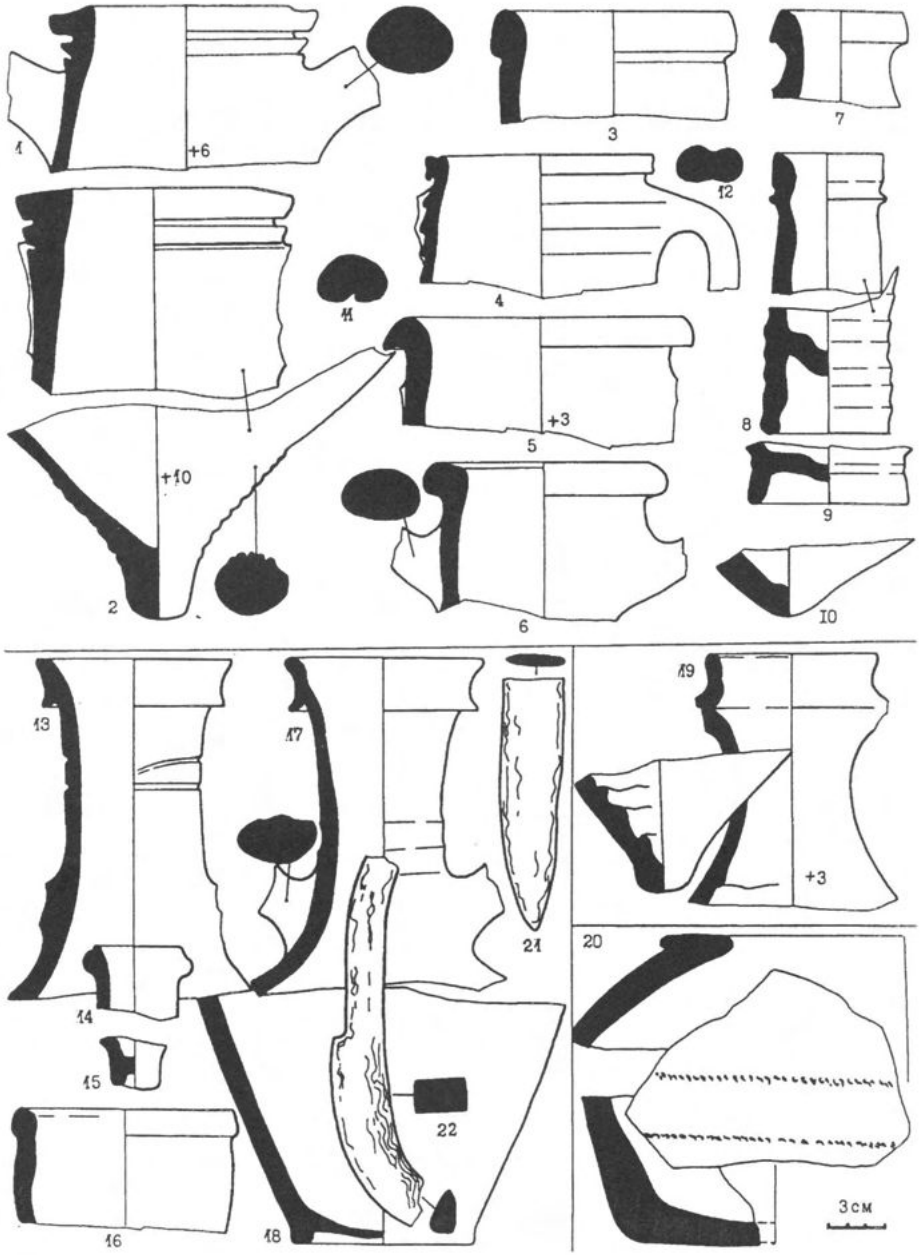


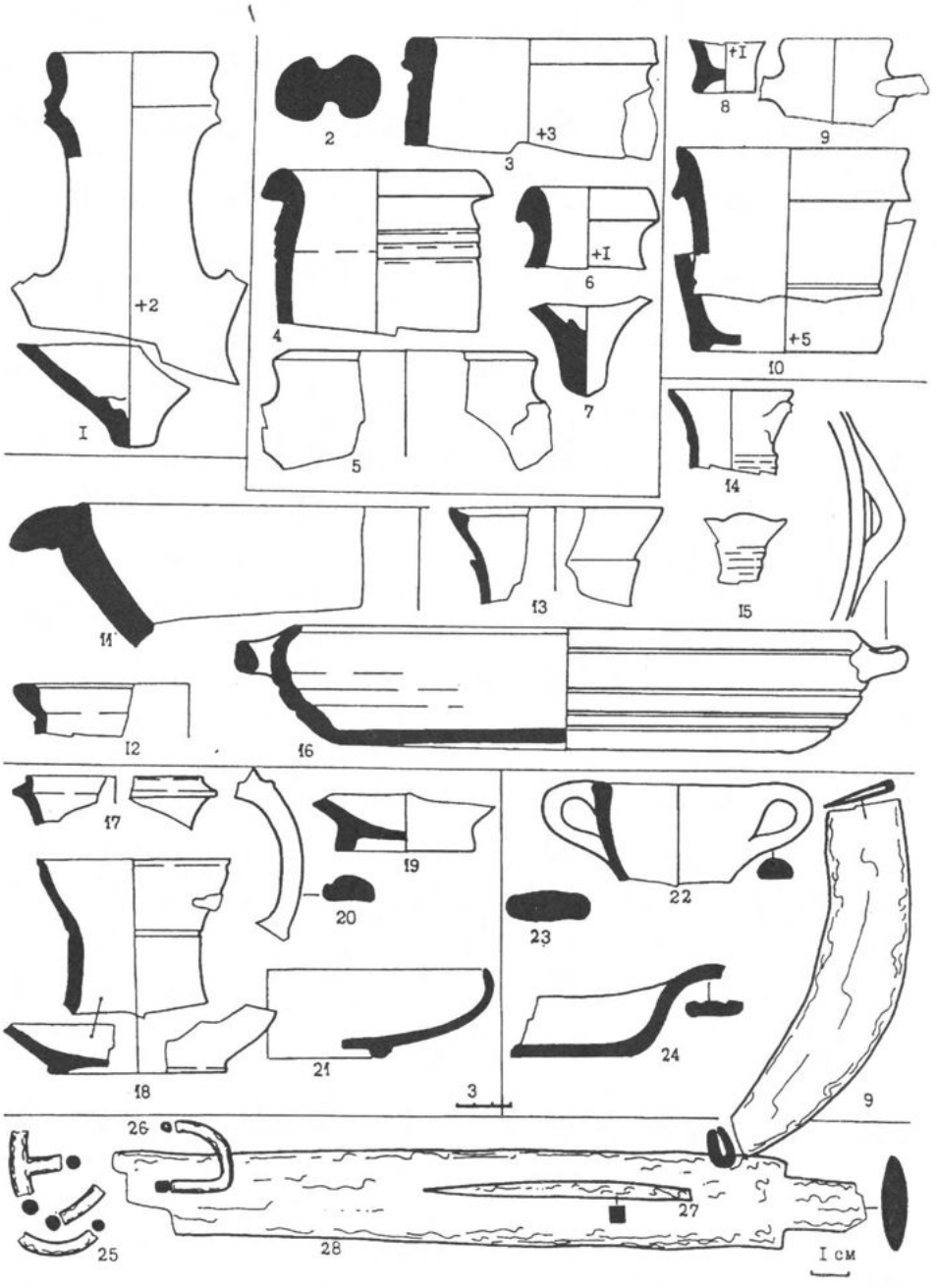
2

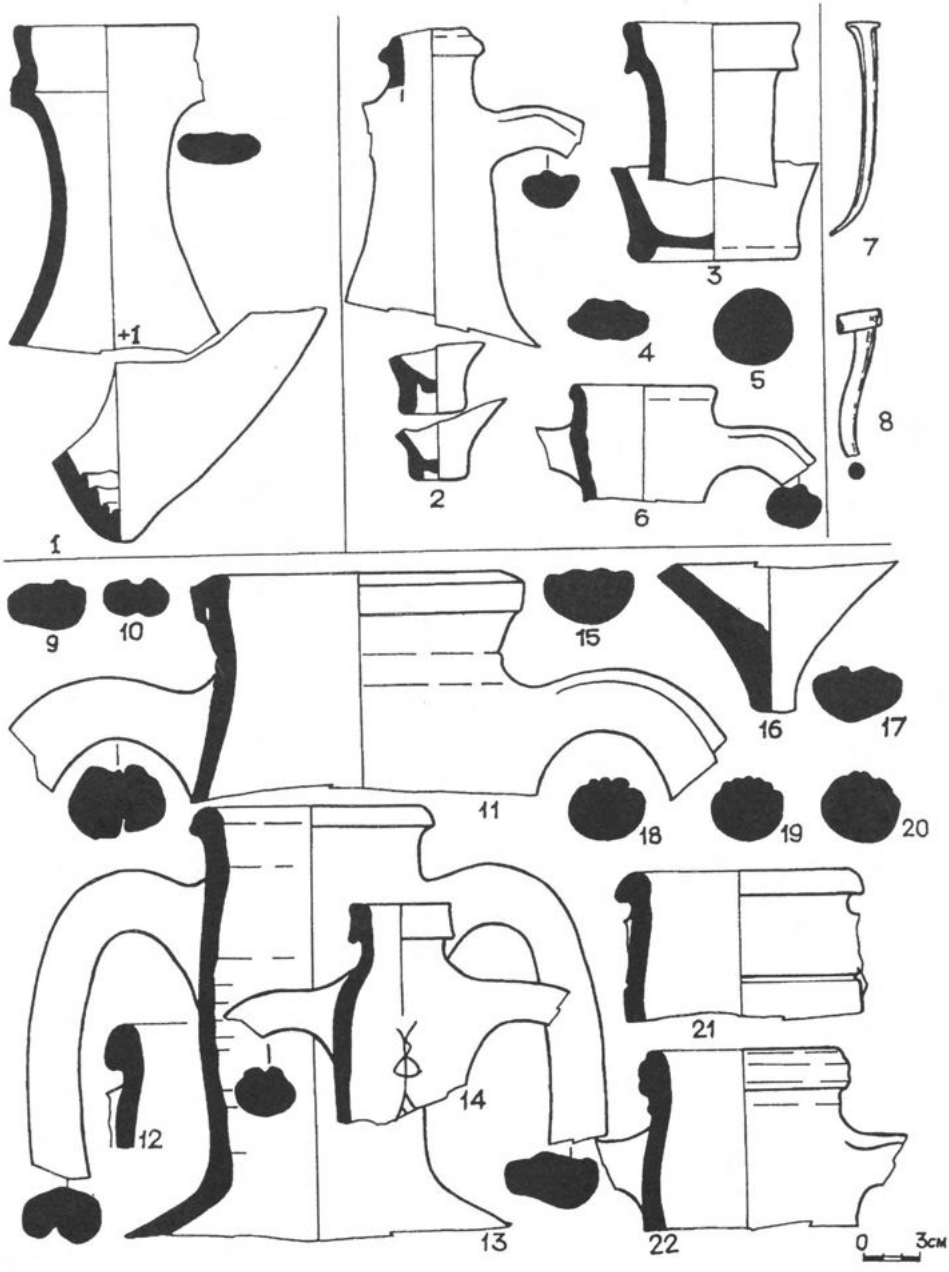

Дом 7
Дом 6
Дом 5
пом. 75 (3/1977)
пом. 63
пом. 56
пом. 65
пом. 57
пом. 58
пом. 59
пом. 69
пом. 71
Край ул. Широкой
Русло водостока 387
Над водостоком 387
Вход во двор дома 6 с улицы
двор
а
б
в
г
д

1

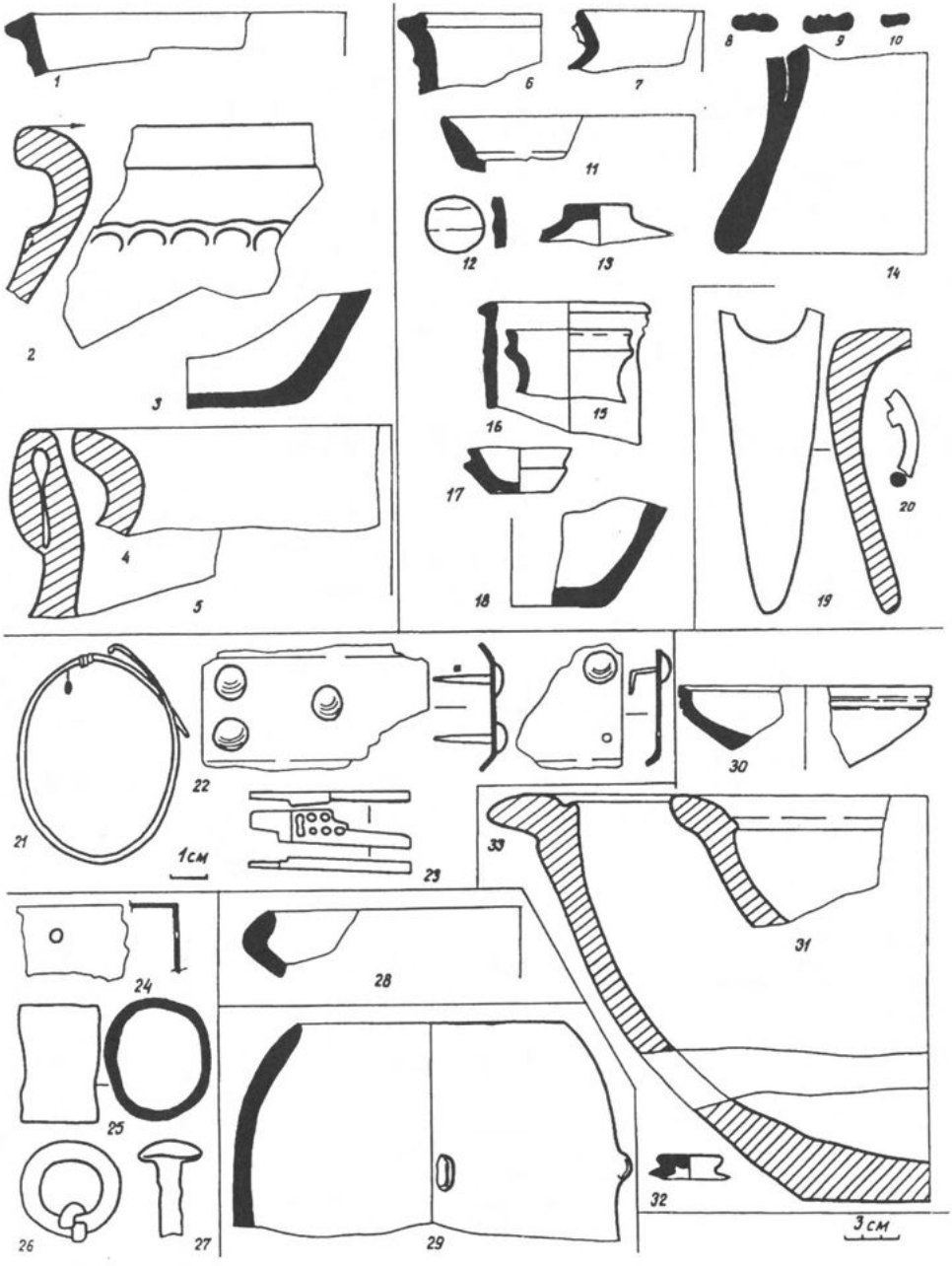
2

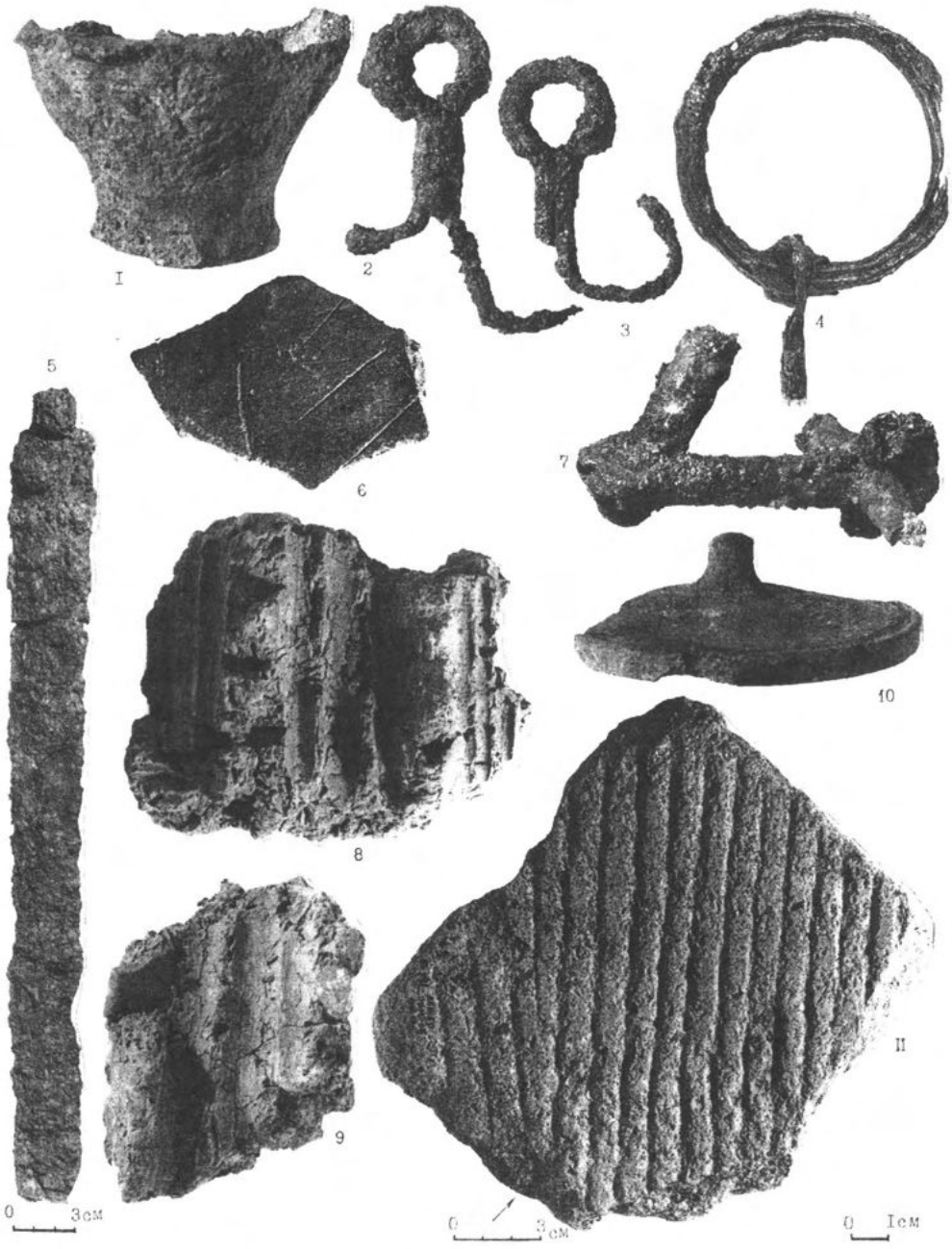

1
+6
3
7
12
4
11
5
+3
8
+10
9
2
6
10
13
17
19
+3
21
20
14
15
22
16
18
3см

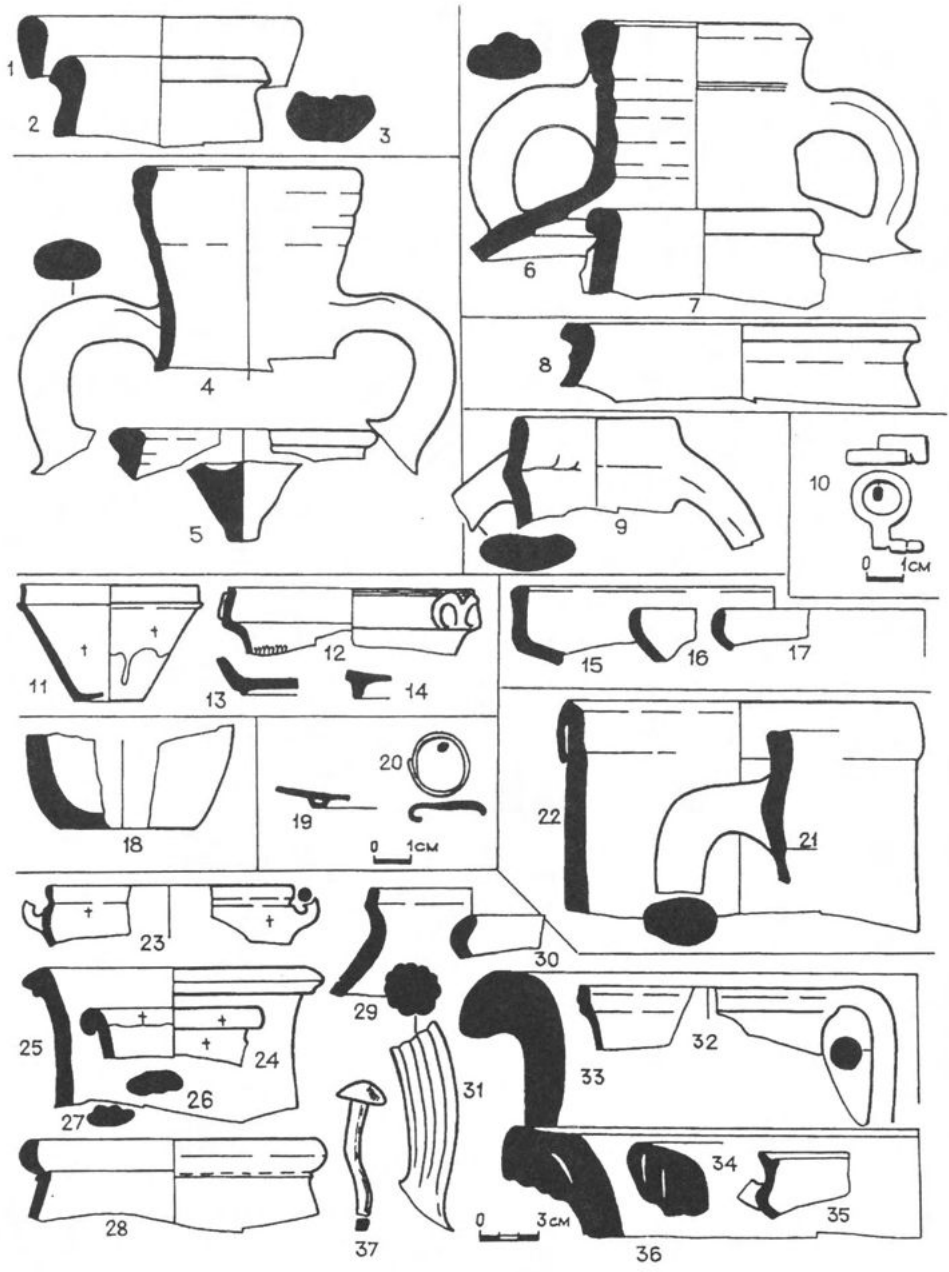

+2
I
2
+3
3
4
+I
6
5
7
+I
8
9
+5
10
14
11
13
15
12
16
17
19
20
18
21
3
22
23
24
9
26
25
28
27
I см

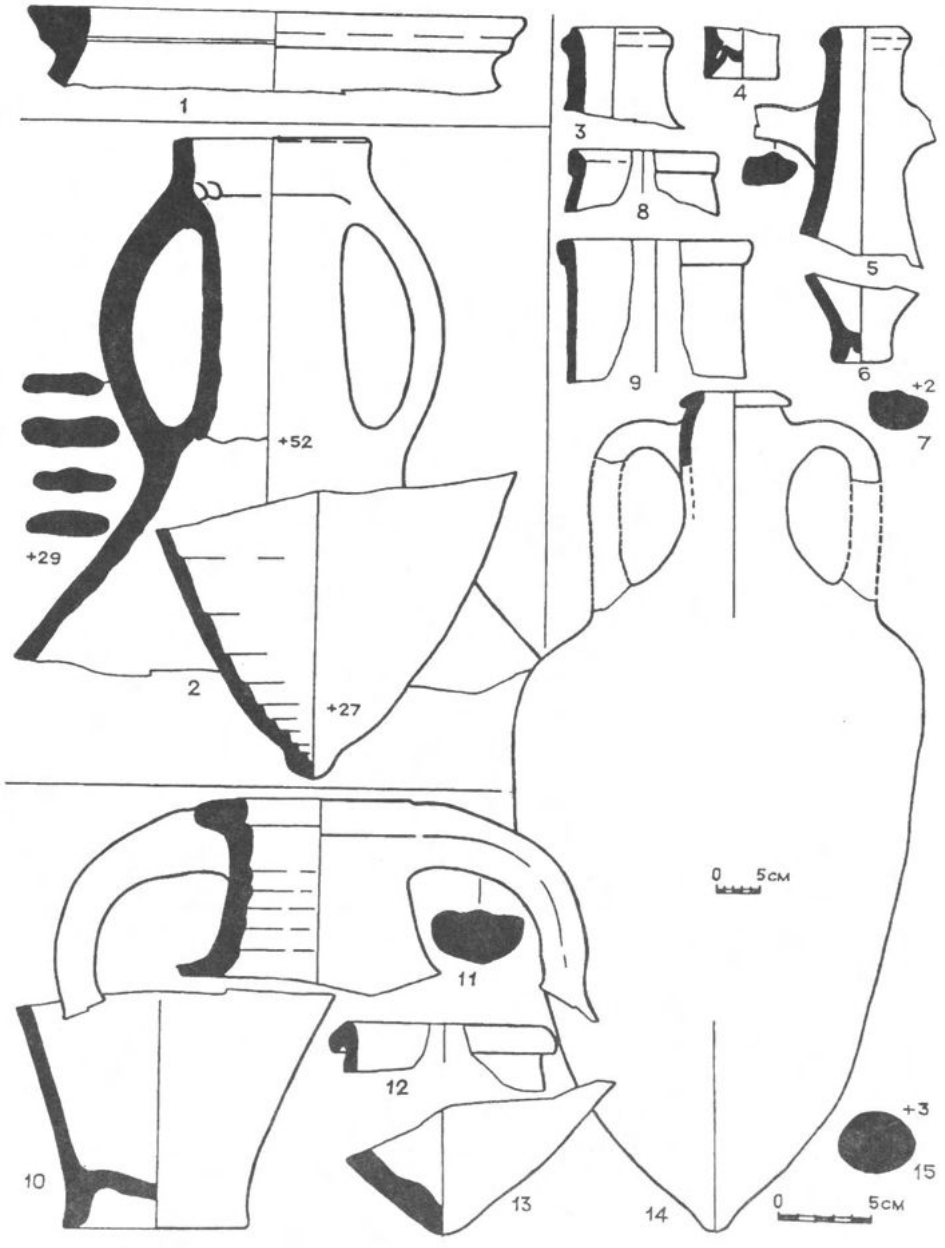

+1
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
0
3см

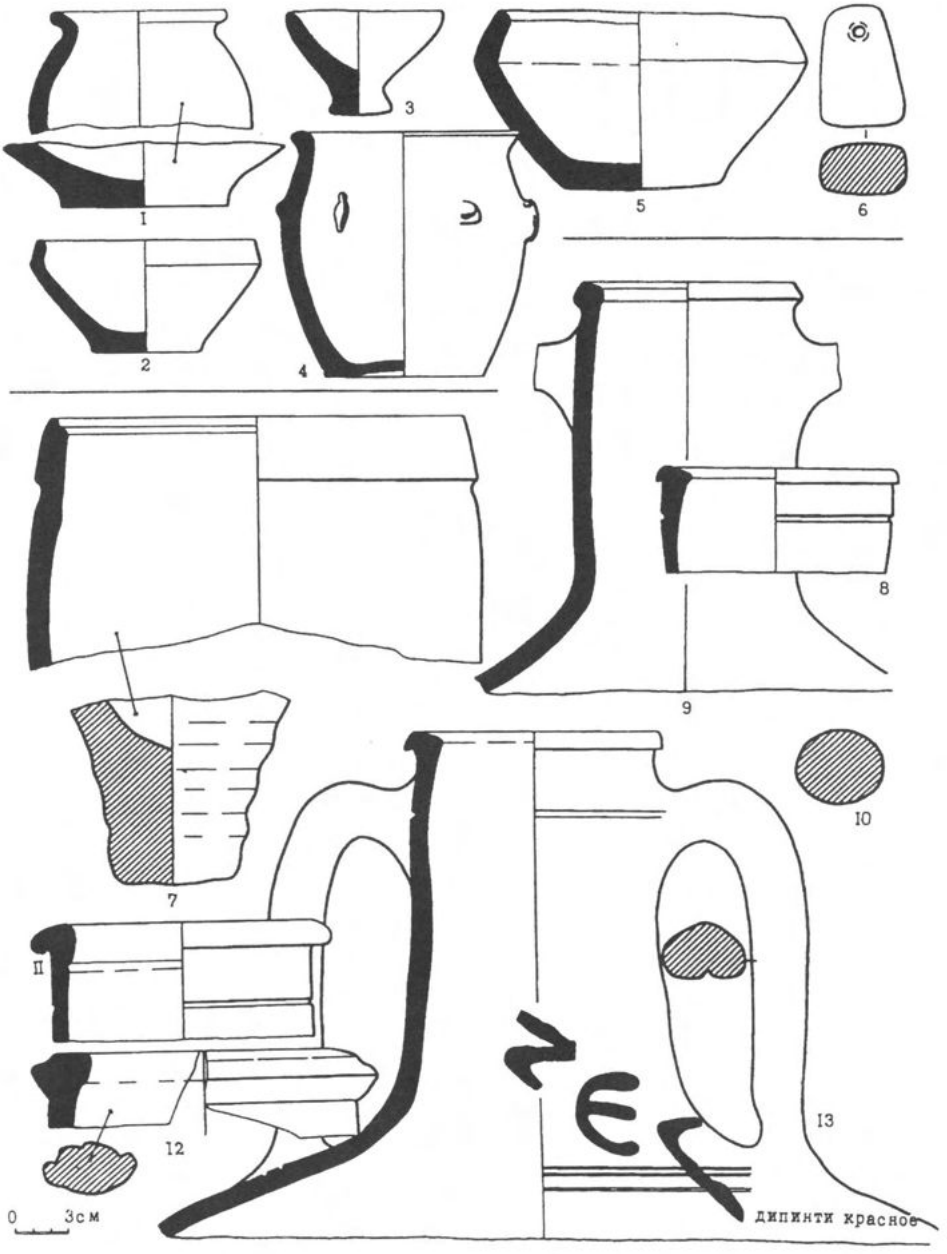
I
2
3
4
5
6
7
8
9
I0
0
1см
И
I2
I3
I4
I5
0
3 см
3 см

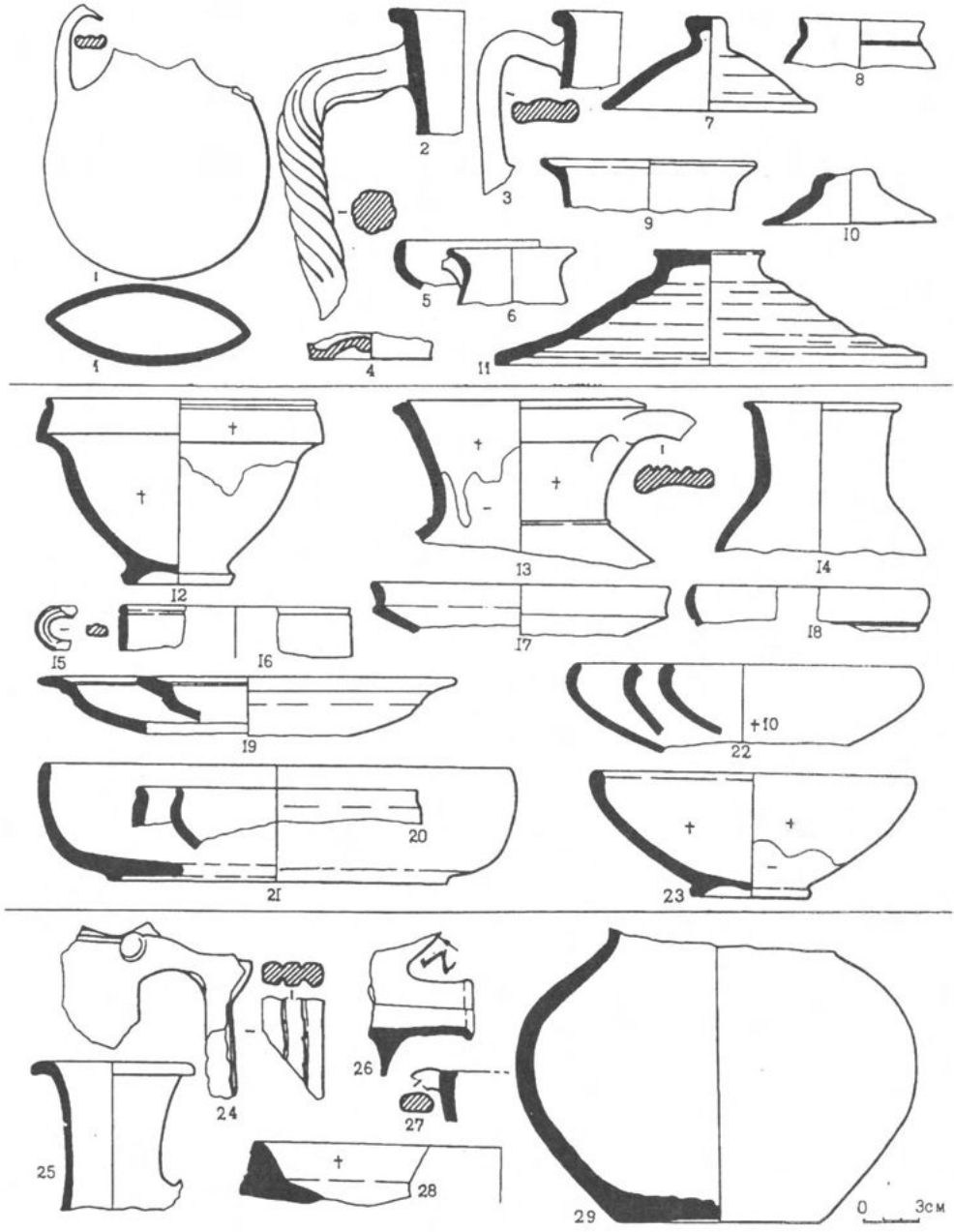

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
1см
3см

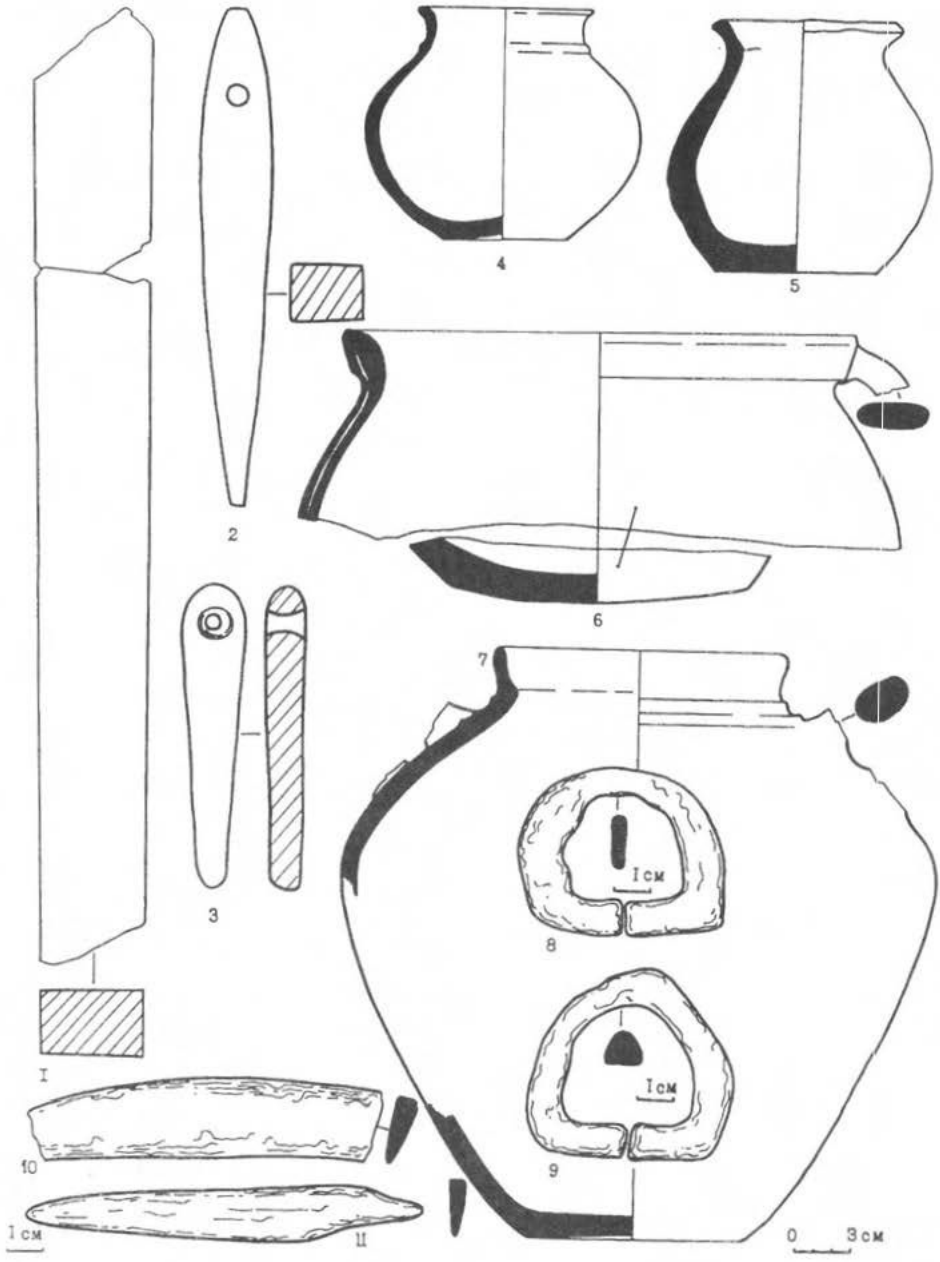

I
2
3
4
5
6
7
8
9
10
II
0 3см
0 3см
0 1см

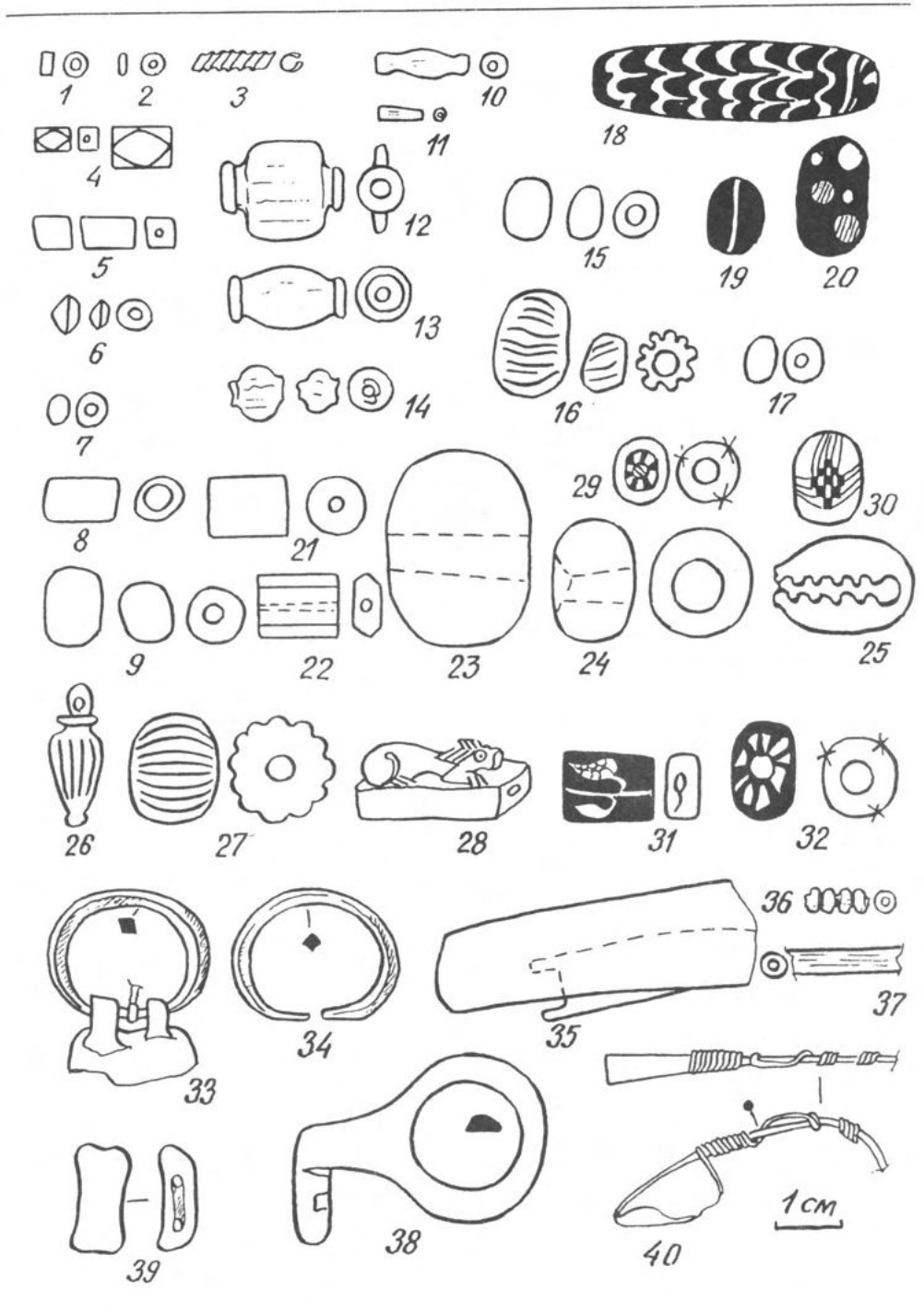

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0 1см
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
0 1см
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
0 3см

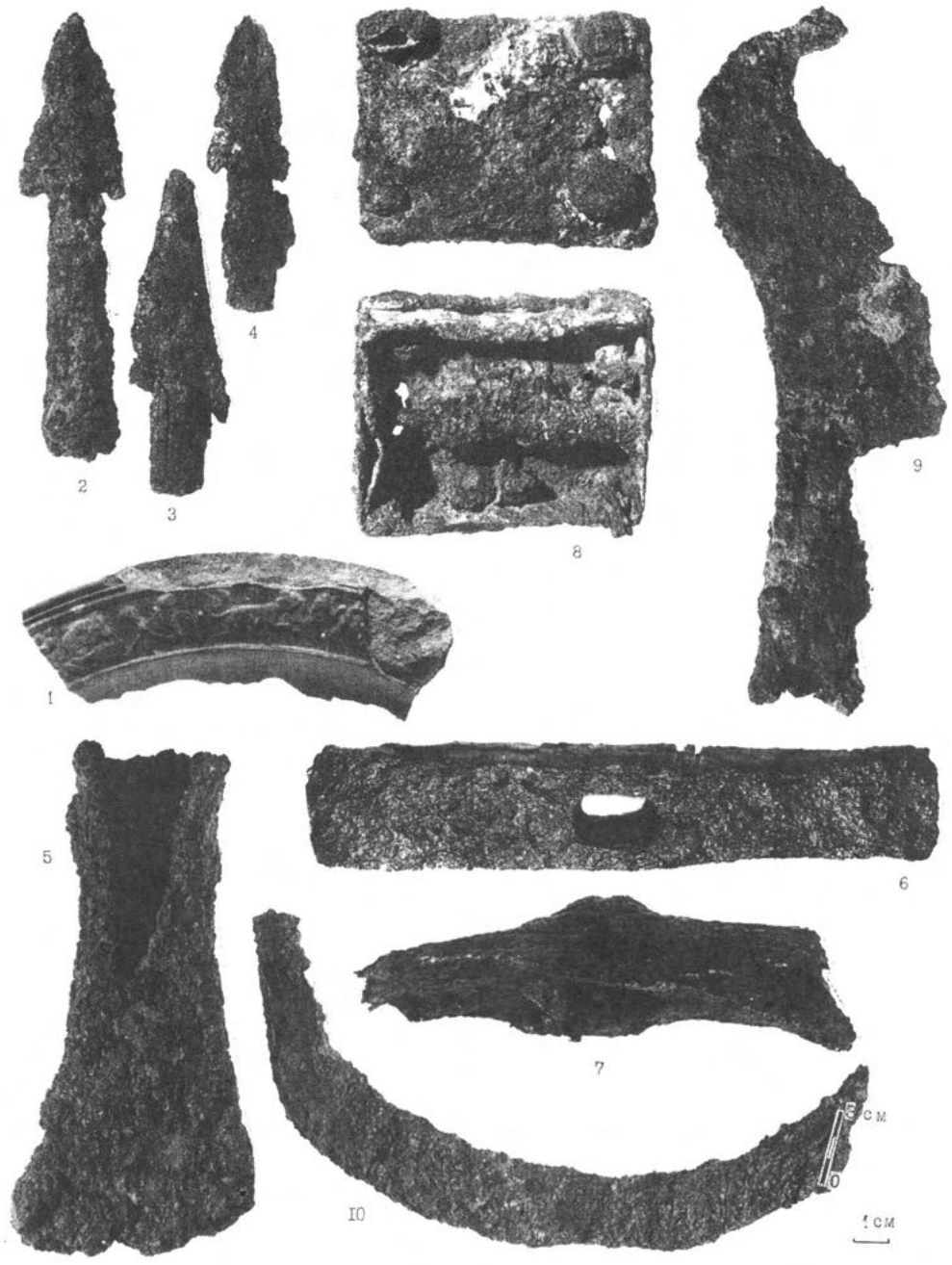

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
+52
+29
+27
+2
+3
0 5см
0 5см

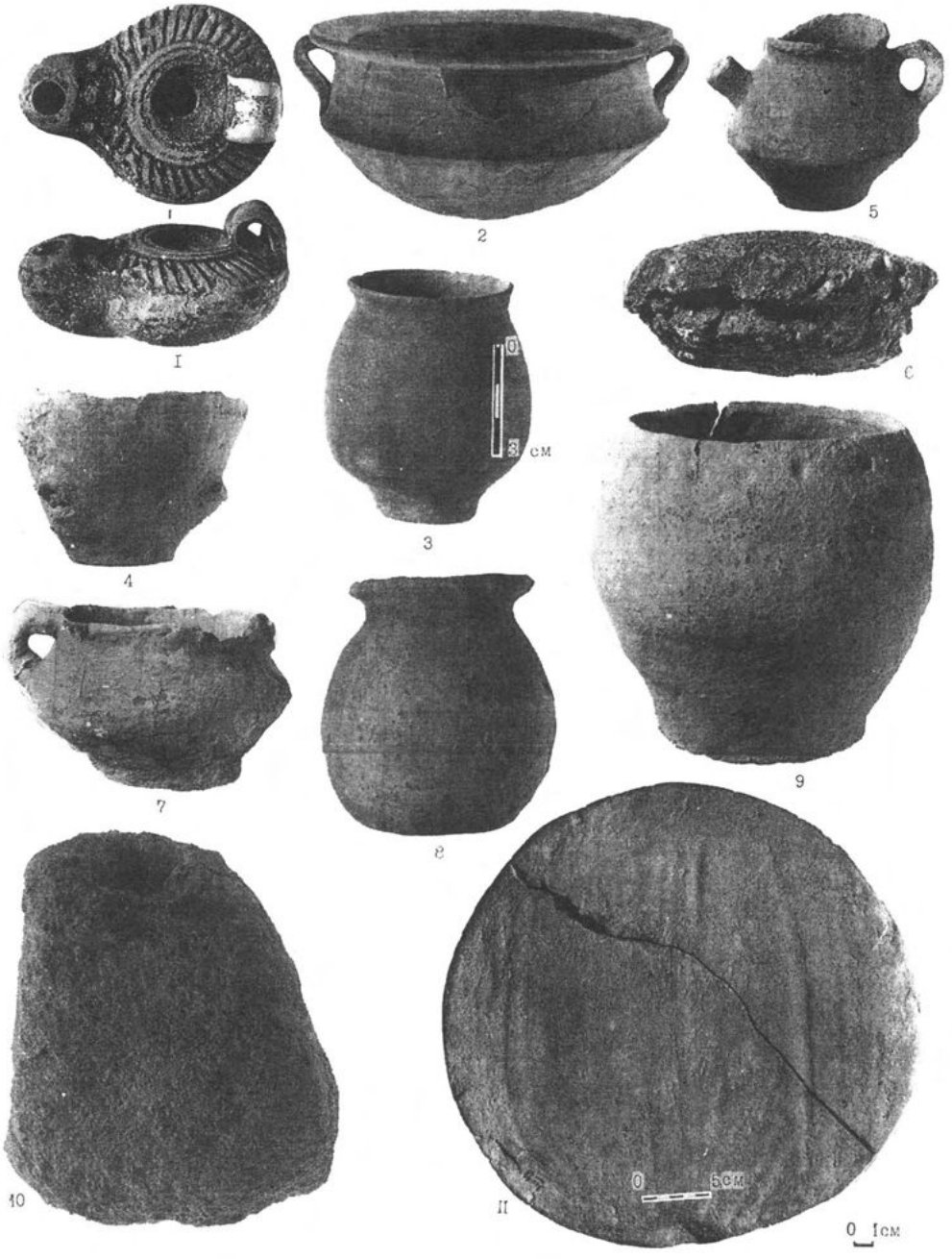

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
0 3см
дипинти красное

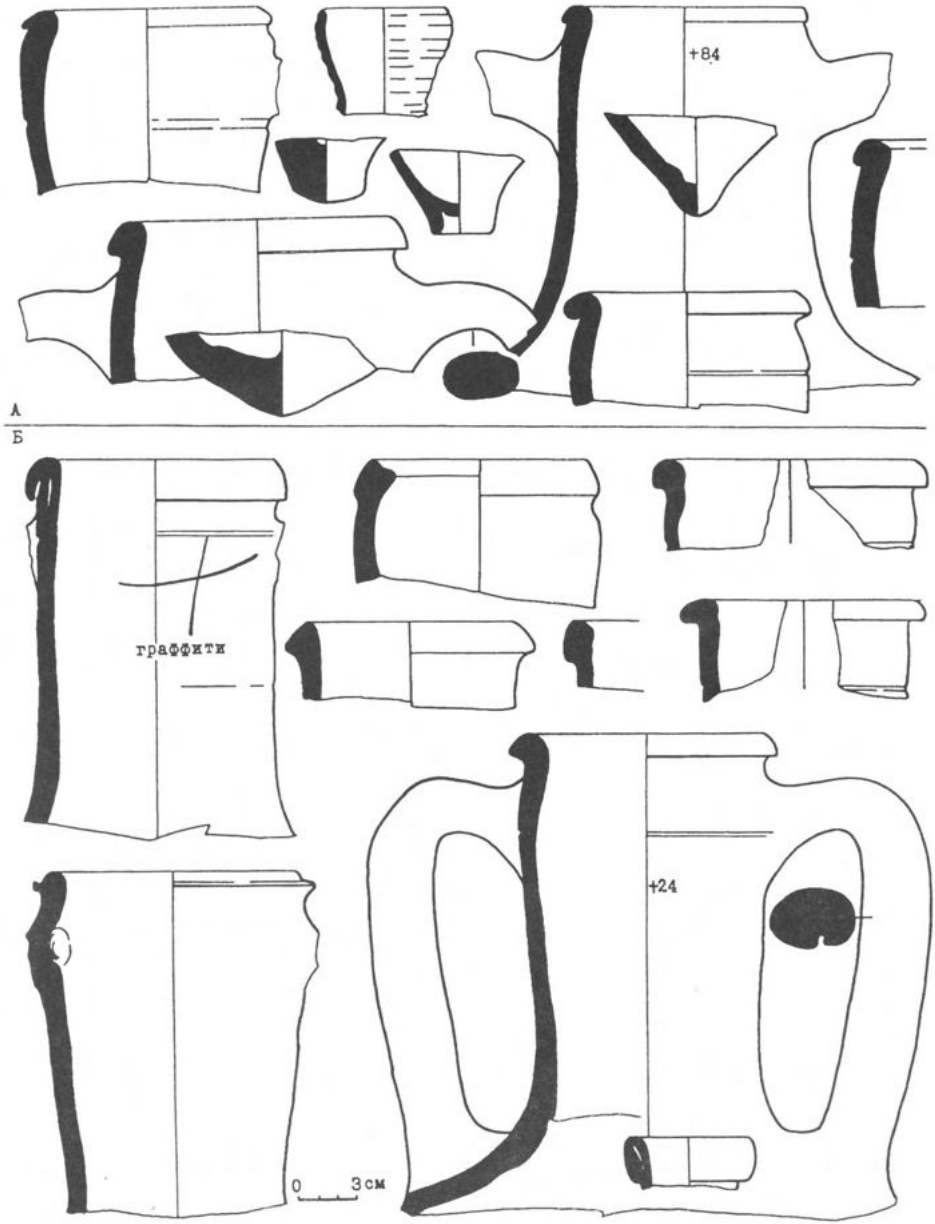

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
0 3см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
1 см
1 см
1 см
0 3 см

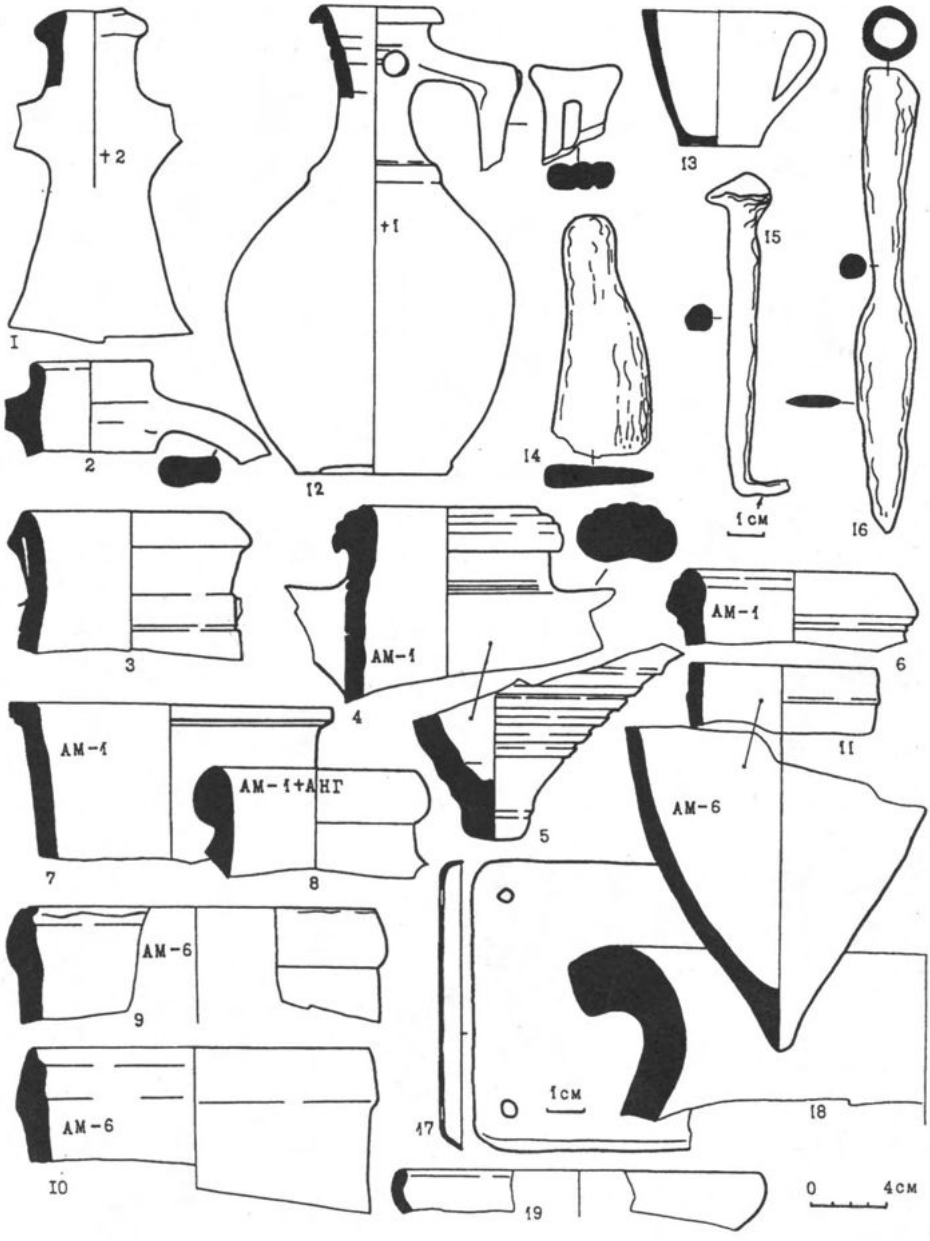

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
1 см

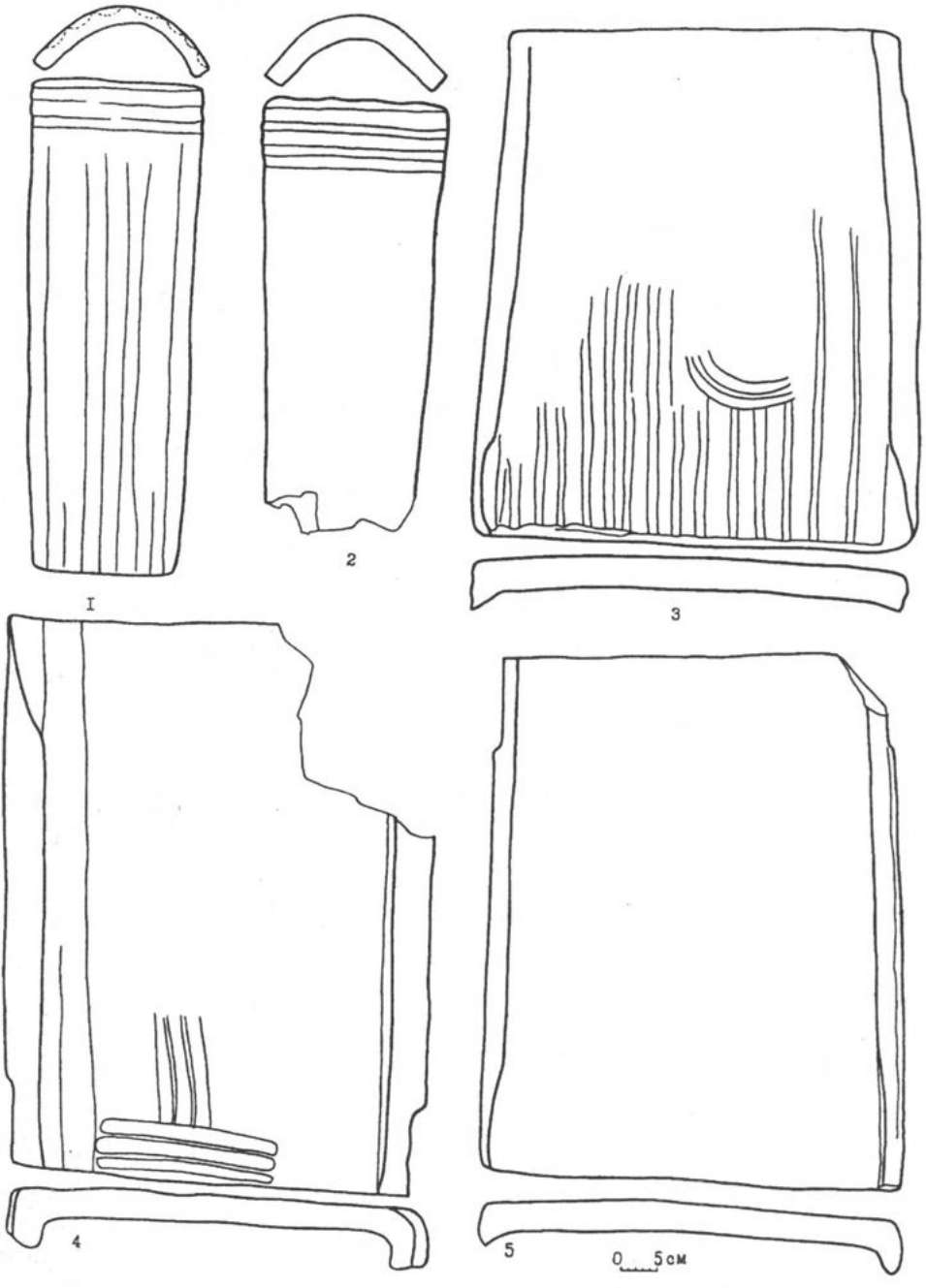

2
3
4
8
9
1
5
6
7
10
см
1 см

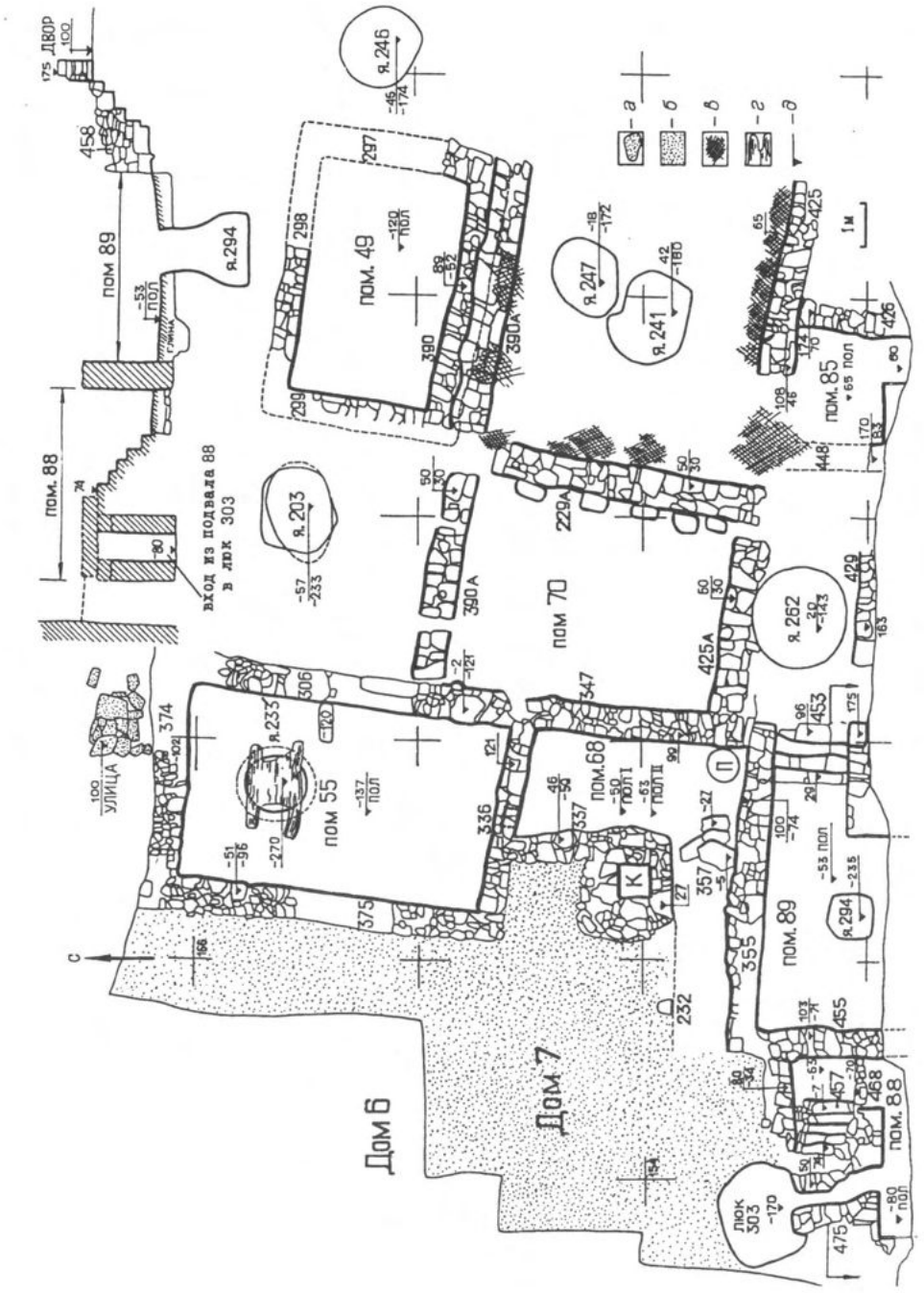

1
2
5
I
3
см
6
4
9
7
8
10
II
0 5см
0 1см

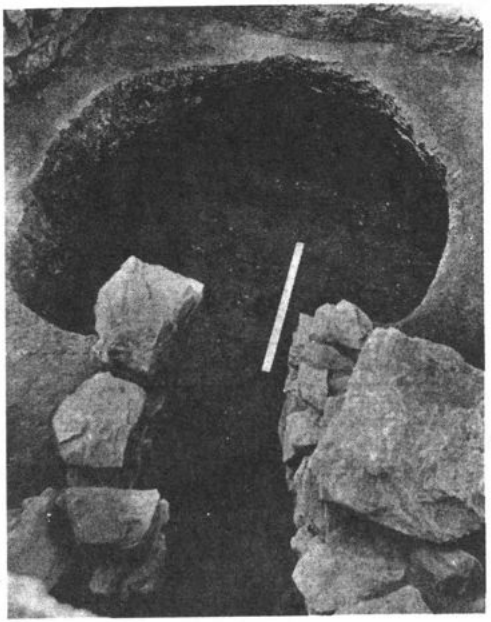

+84
А
Б
граффити
+24
0 3см

1
2
3
4
9
5
6
7
12
11
10
15
14
0 3см
13
8


+2
I
+1
12
2
13
14
15
16
1 см
3
АМ-1
4
АМ-1
6
АМ-1
7
АМ-1+АНГ
8
5
11
АМ-6
АМ-6
9
АМ-6
10
1 см
17
18
19
0
4 см


I
2
3
4
5
0 5см

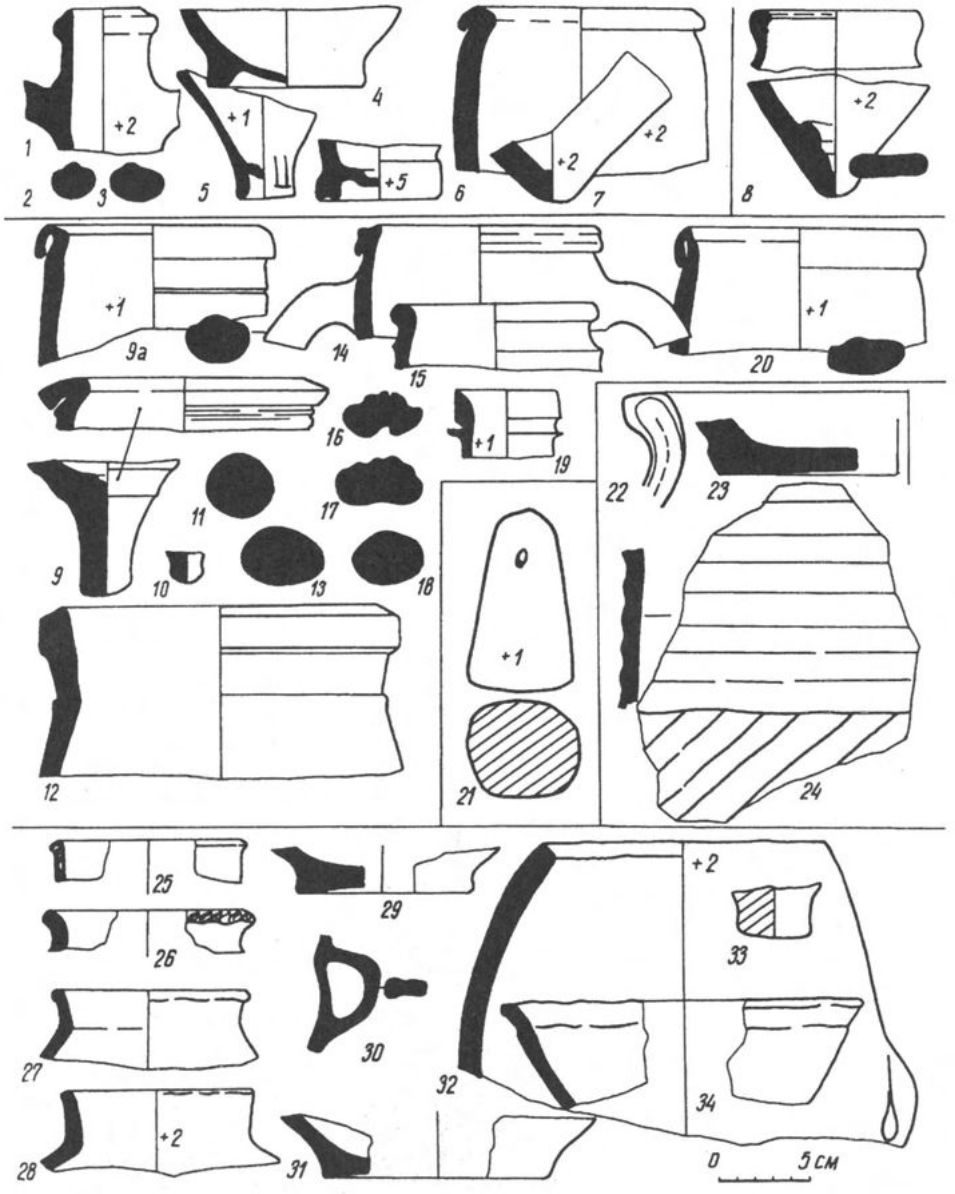

ДВОР
пом 89
я.294
пом. 88
вход из подвала 88 в люк 303
я.203
я.246
пом. 49
я.247
я.241
пом. 85
пом 70
я.262
УЛИЦА
я.233
пом 55
пом.68
пом. 89
пом. 88
люк 303
Дом 6
Дом 7
1м

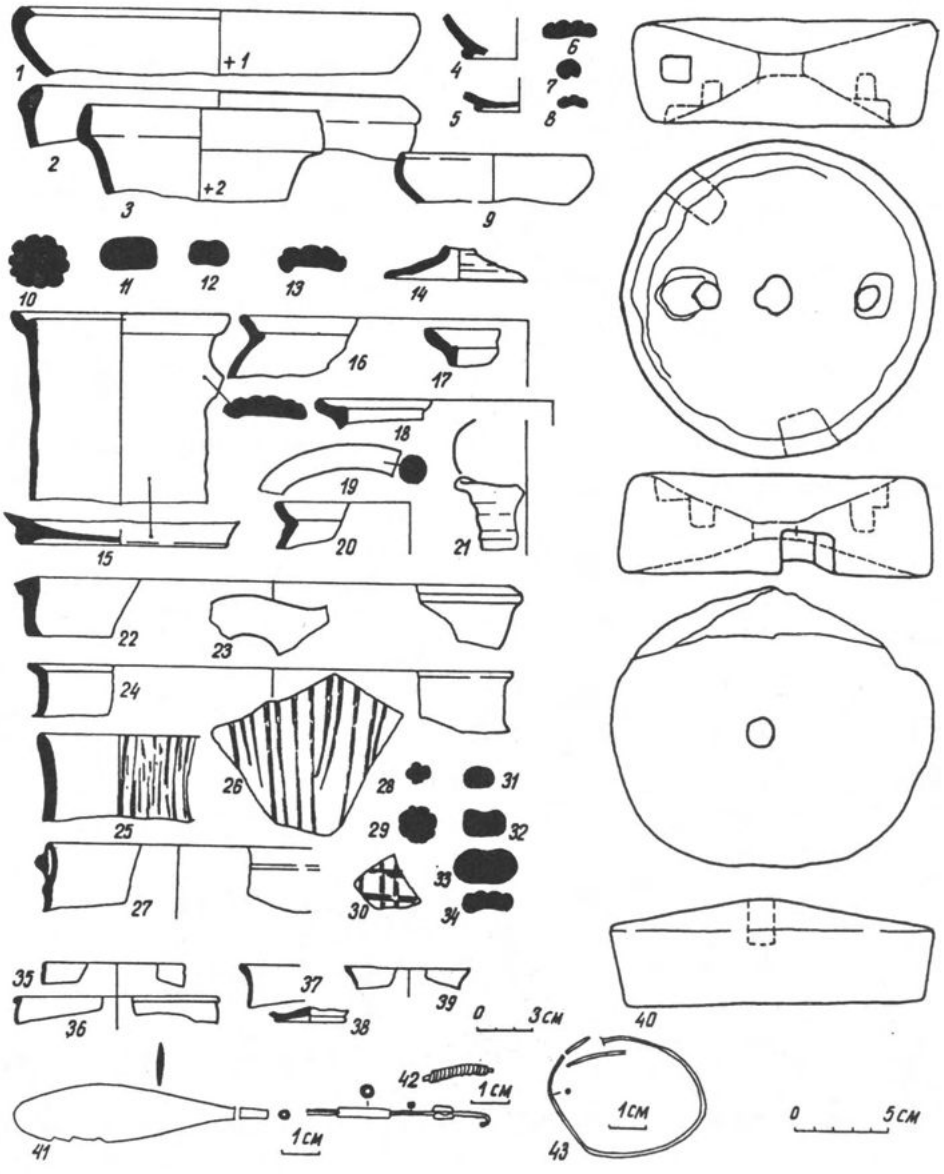


1

2

3

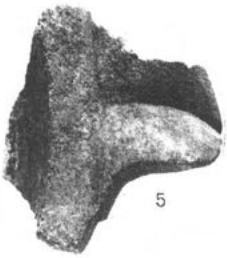

1
+2
2
3
4
+1
5
+5
6
+2
+2
7
8
+2
+1
9а
14
15
20
+1
16
+1
19
9
11
17
10
13
18
12
22
23
+1
21
24
25
29
+2
26
33
27
30
32
34
28
+2
31
0
5 см


1
+1
2
+2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
0 3см
40
41
1см
42
1см
43
1см
0 5см

I

3

2



5

6

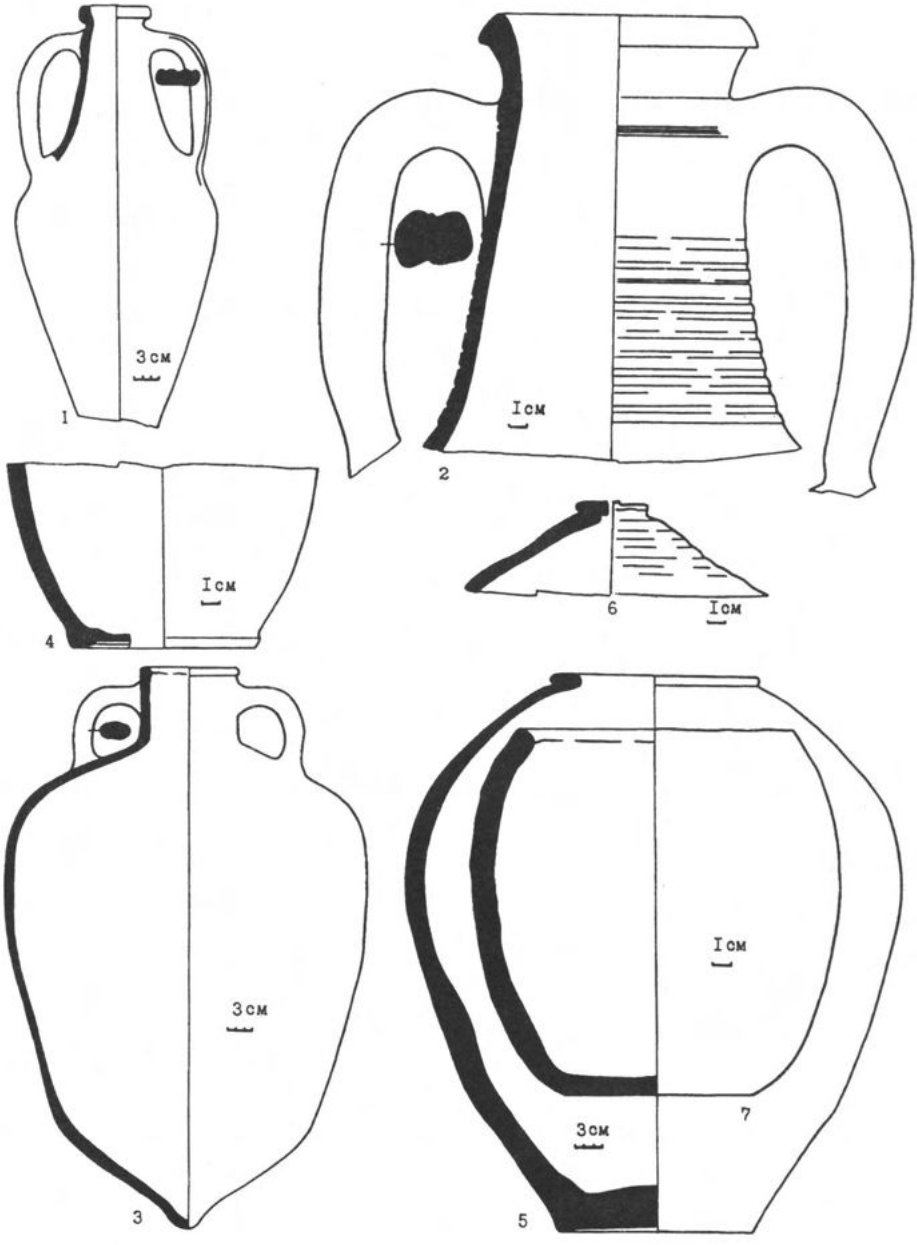
4

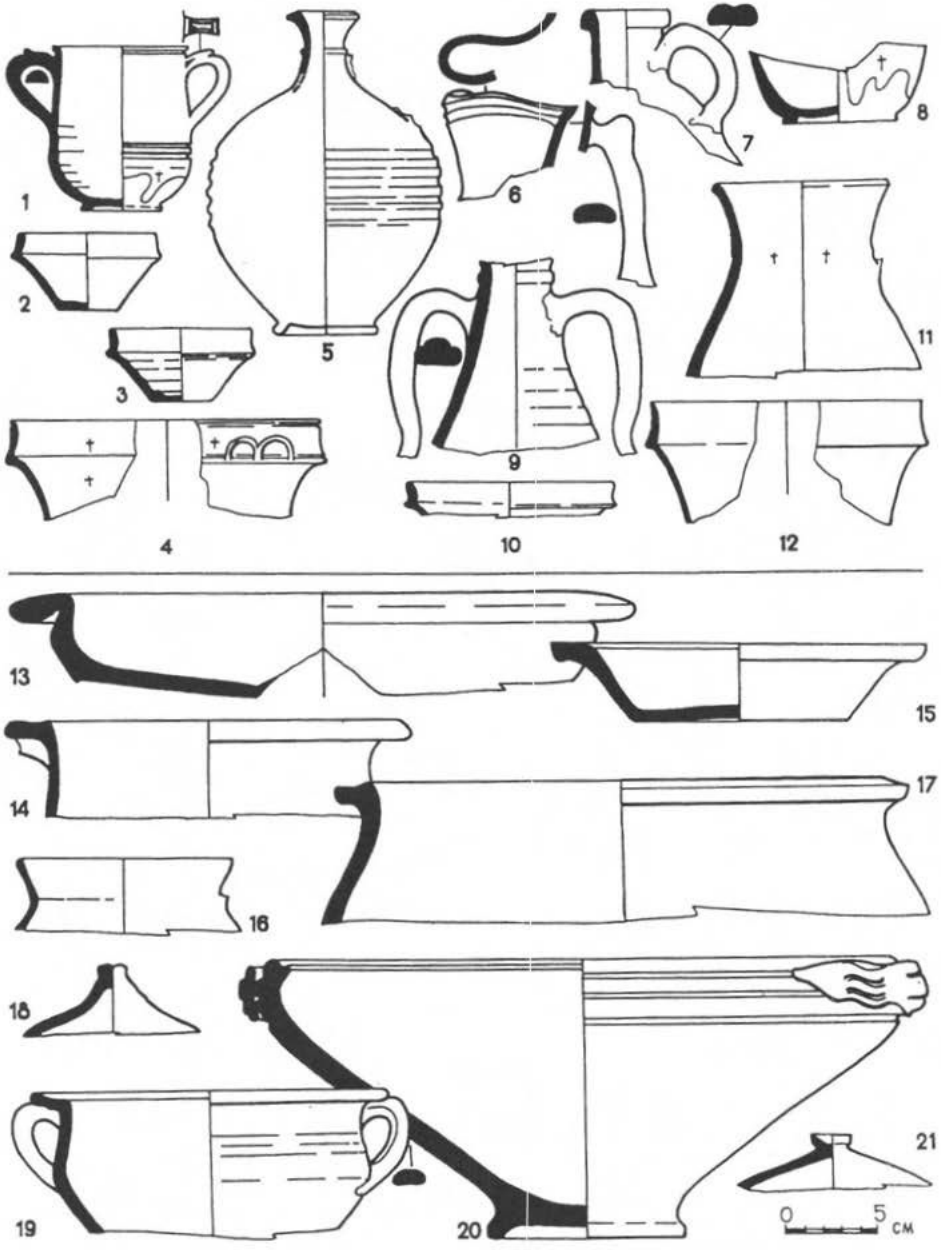
7

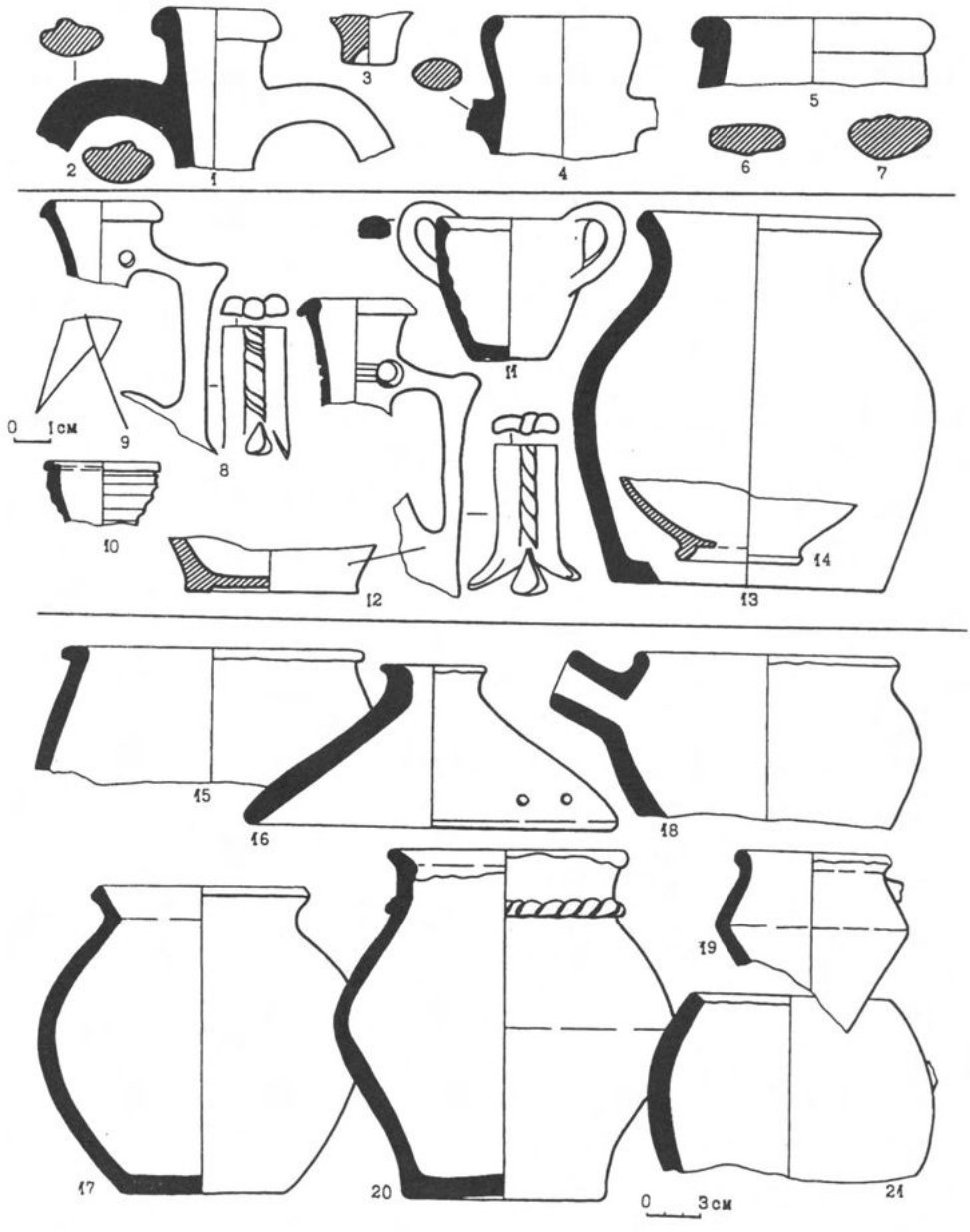
9

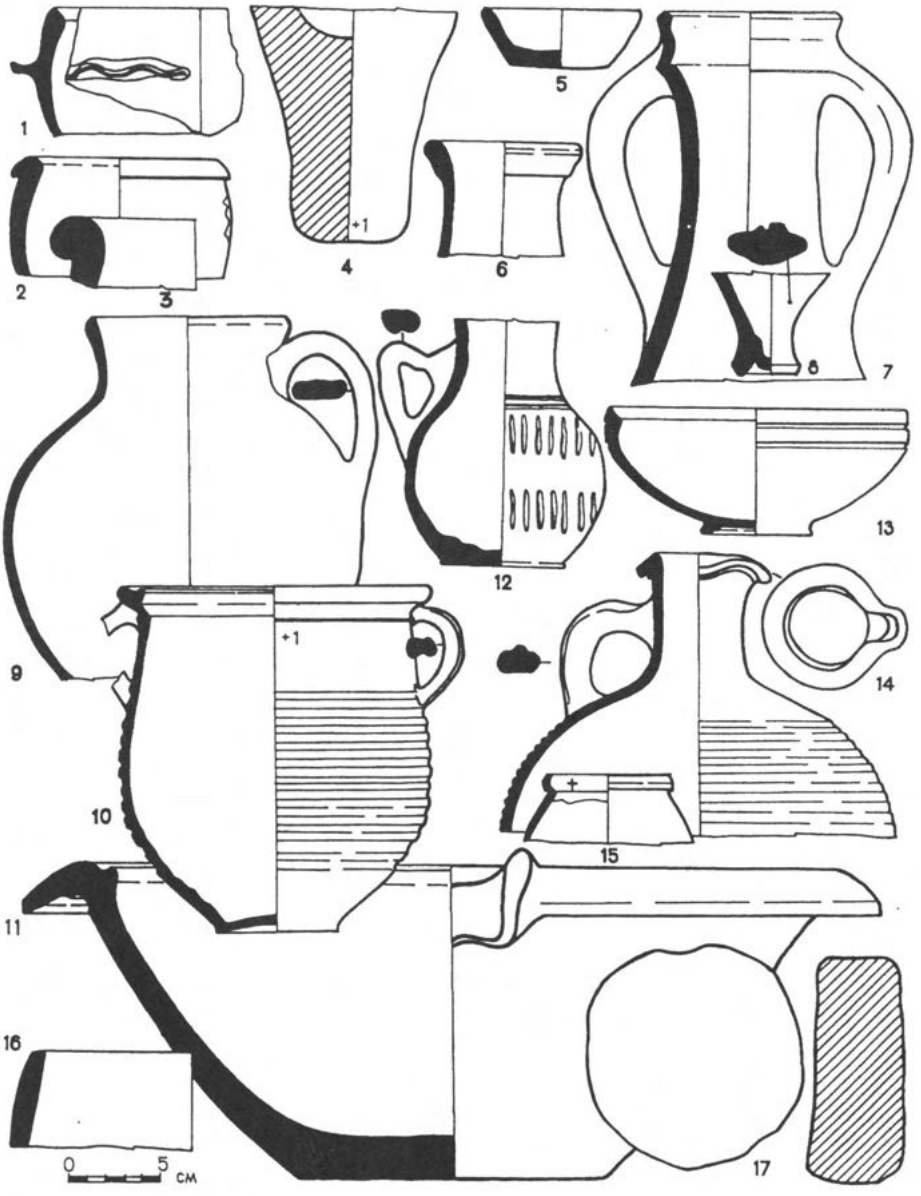
8

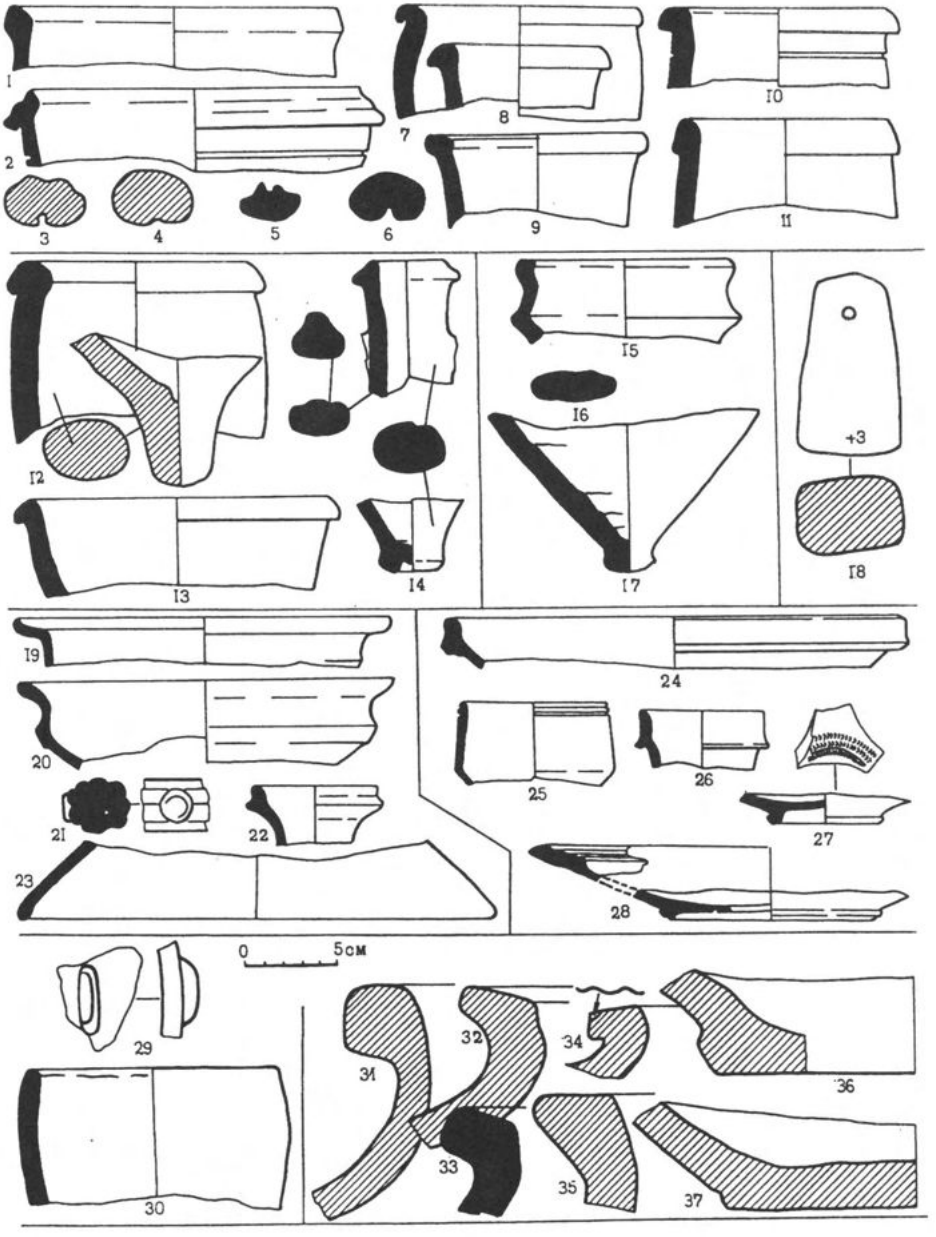
0 3см

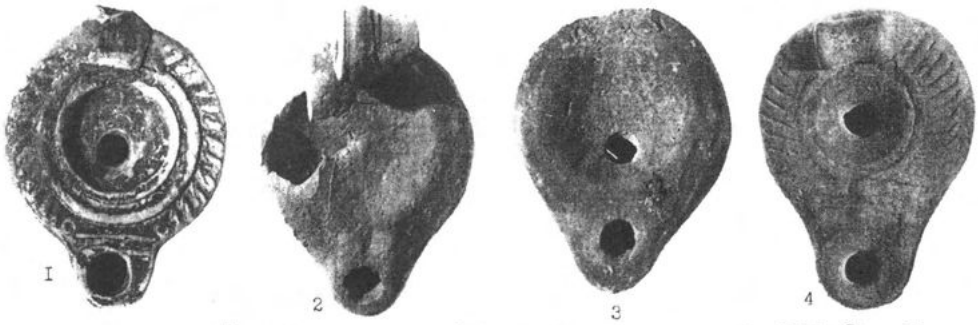

3см
1
Iсм
2
Iсм
4
6
Iсм
3см
3
Iсм
7
3см
5

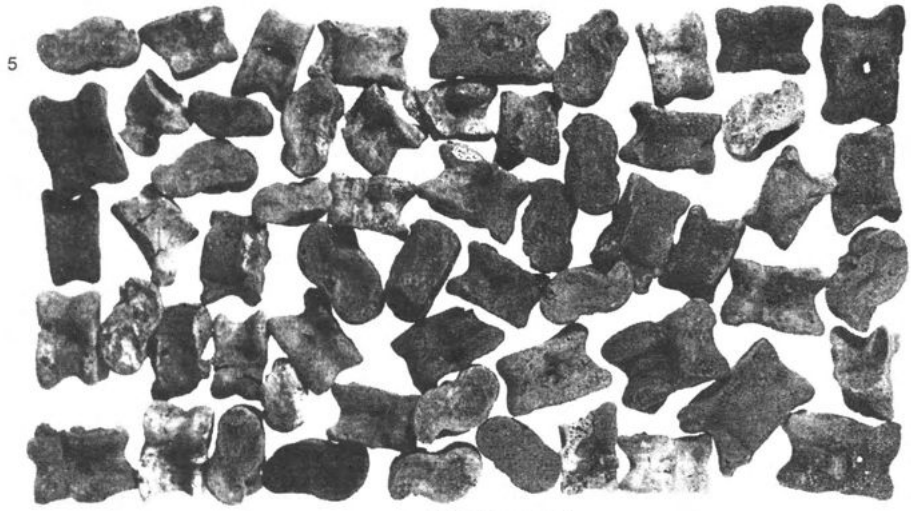

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
0
5
см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
0 1см
0 3см


1
2
3
4
+1
5
6
7
8
9
10
+1
11
12
13
14
15
+
16
17
0
5
см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
0 5см


I
2
3
4

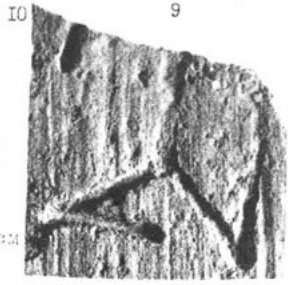

5

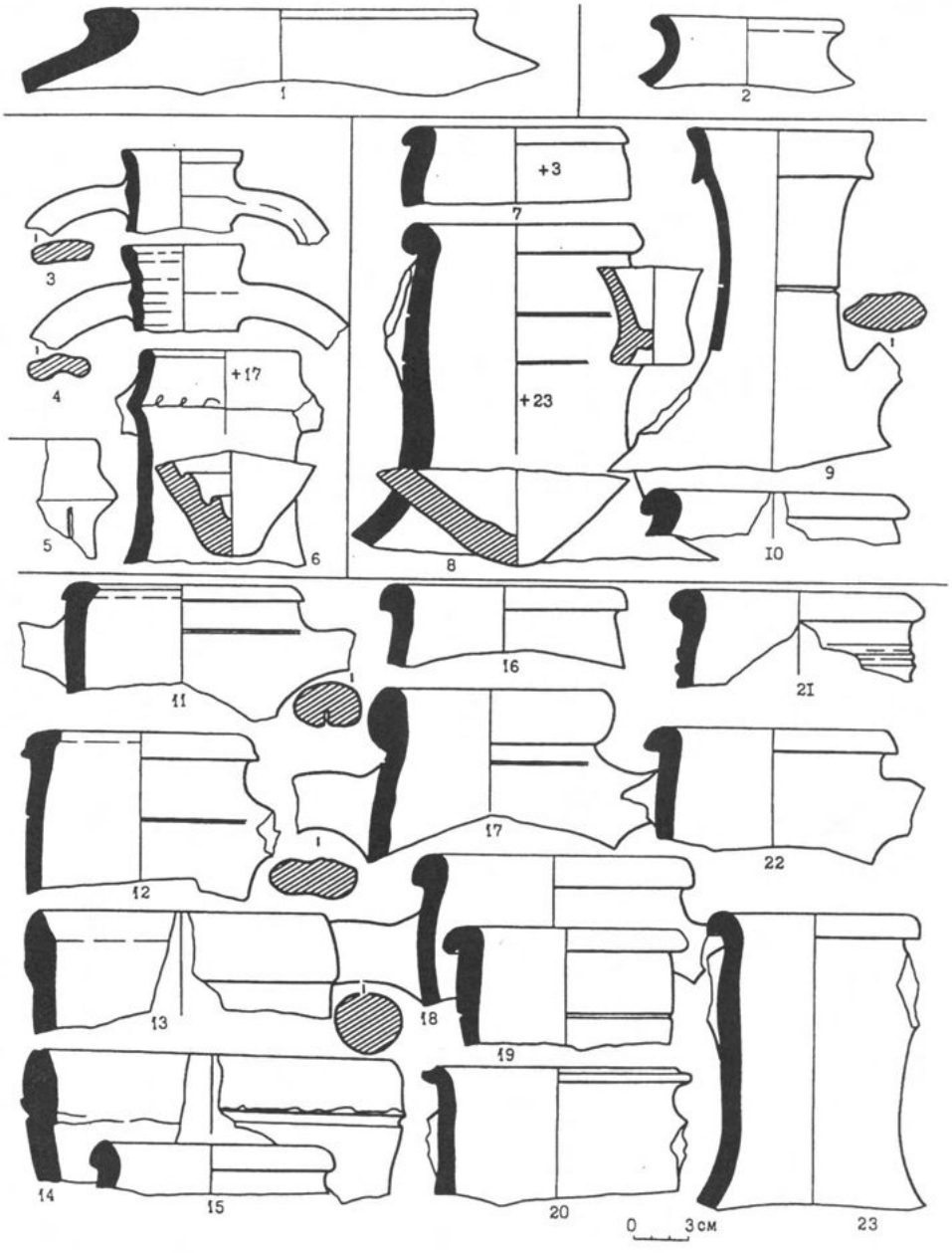
6

7

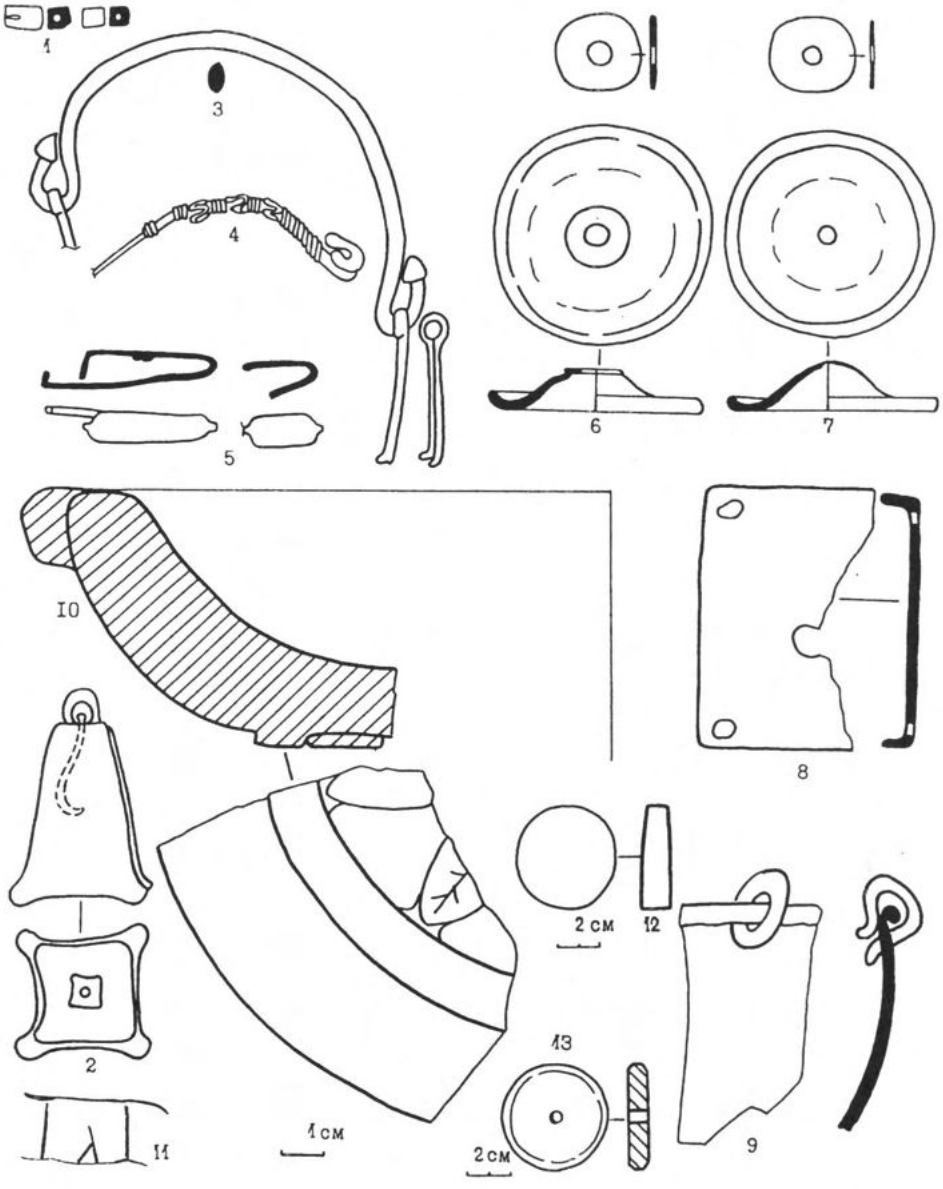
II
8
0
5см

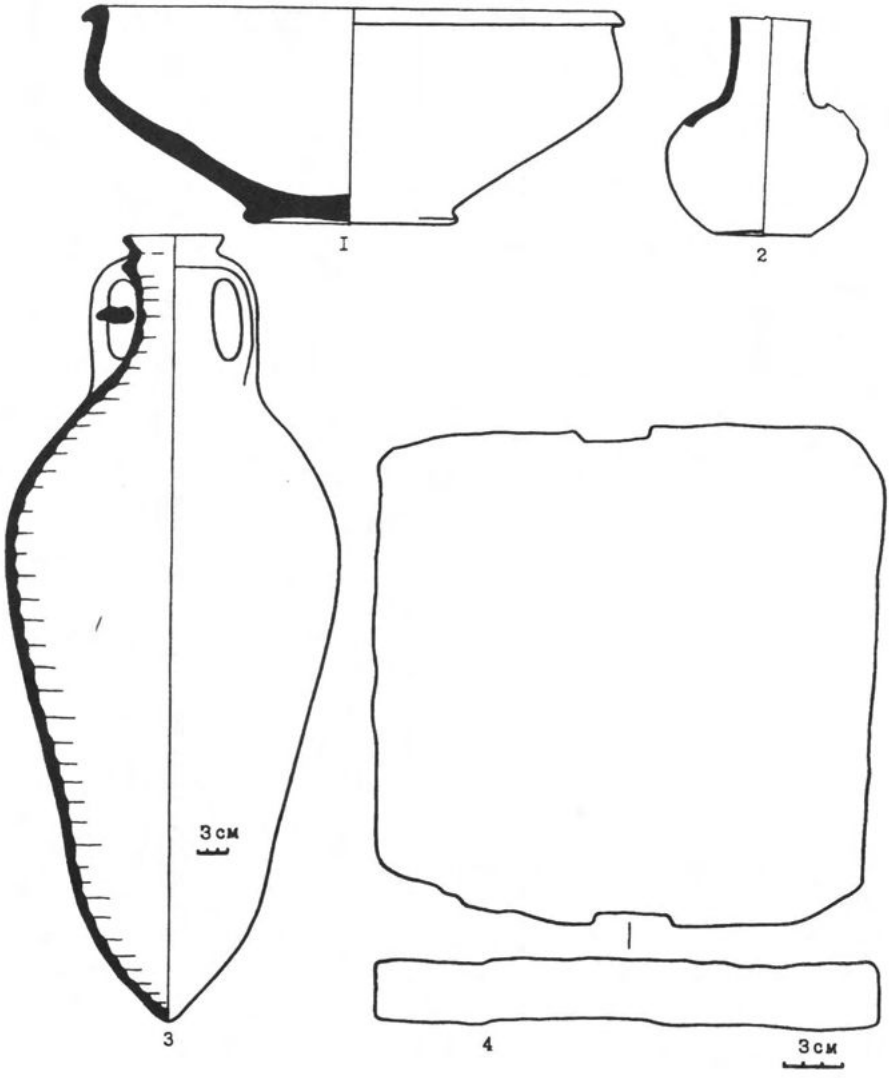
9

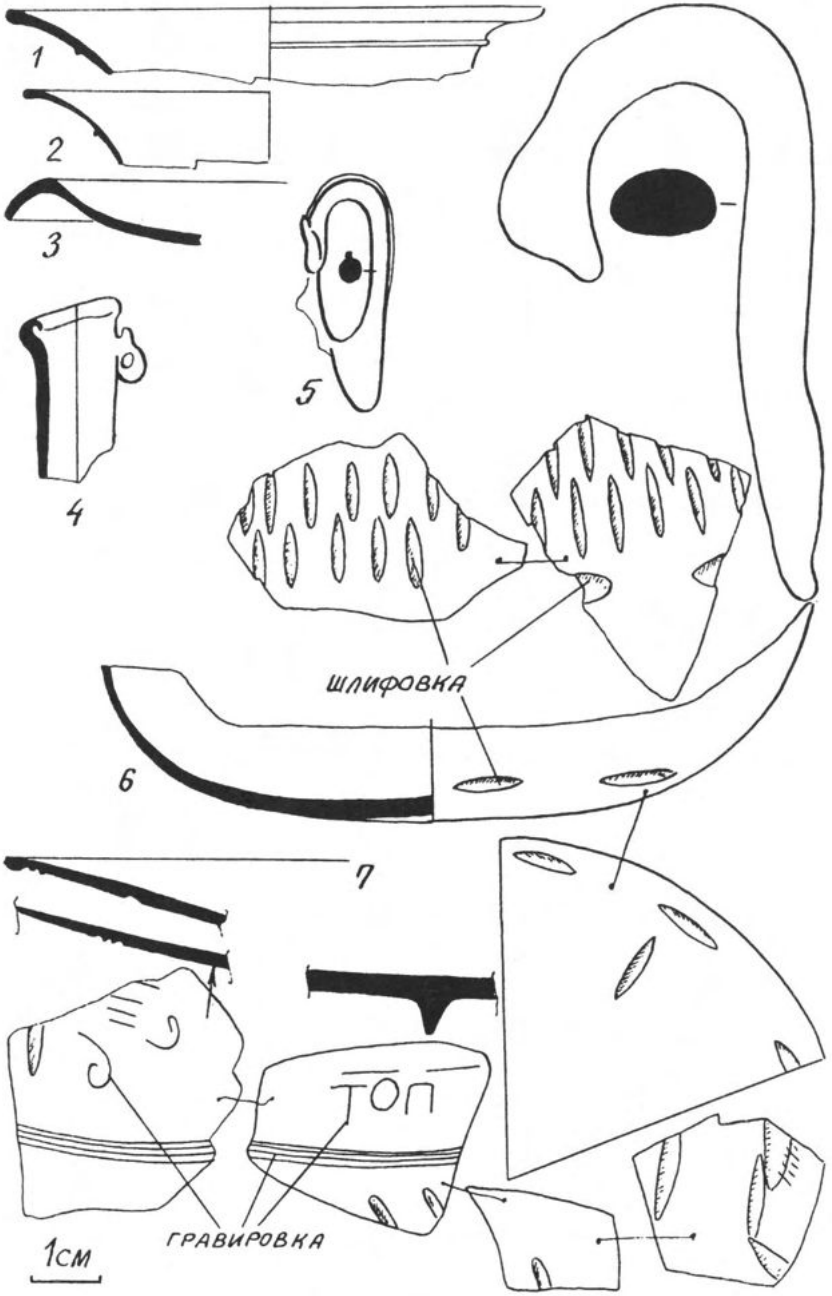

I0

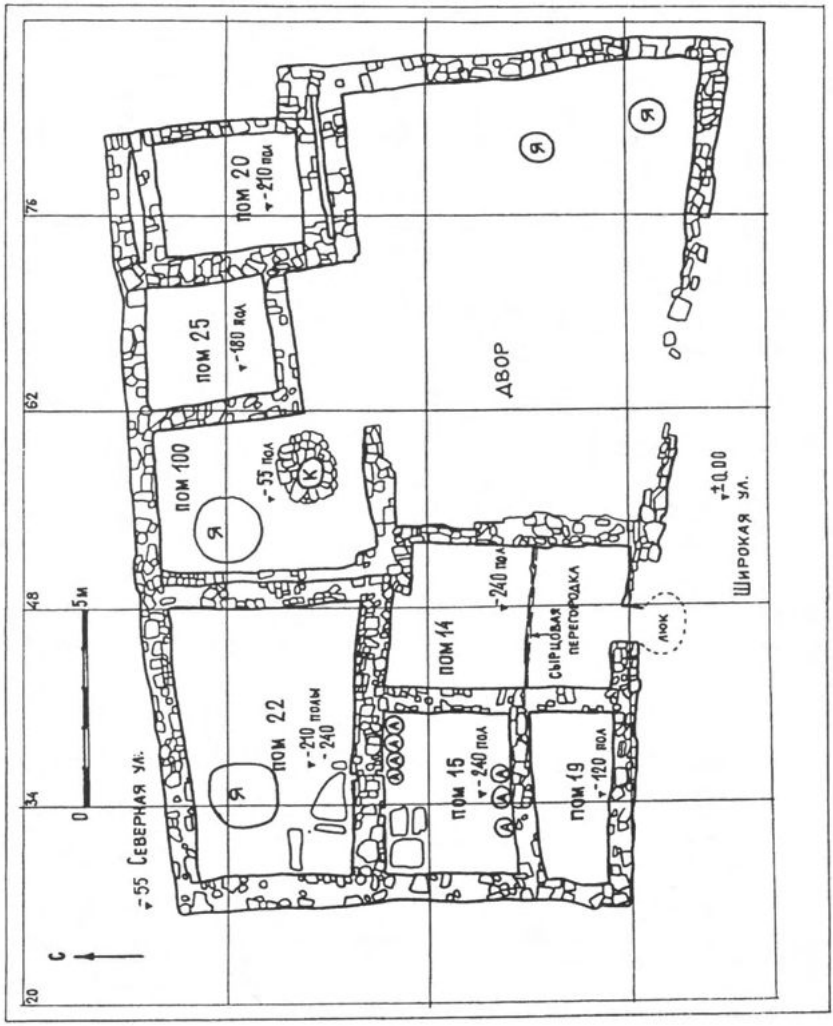

1
2
3
4
5
6
+17
7
+3
8
+23
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
0 3см

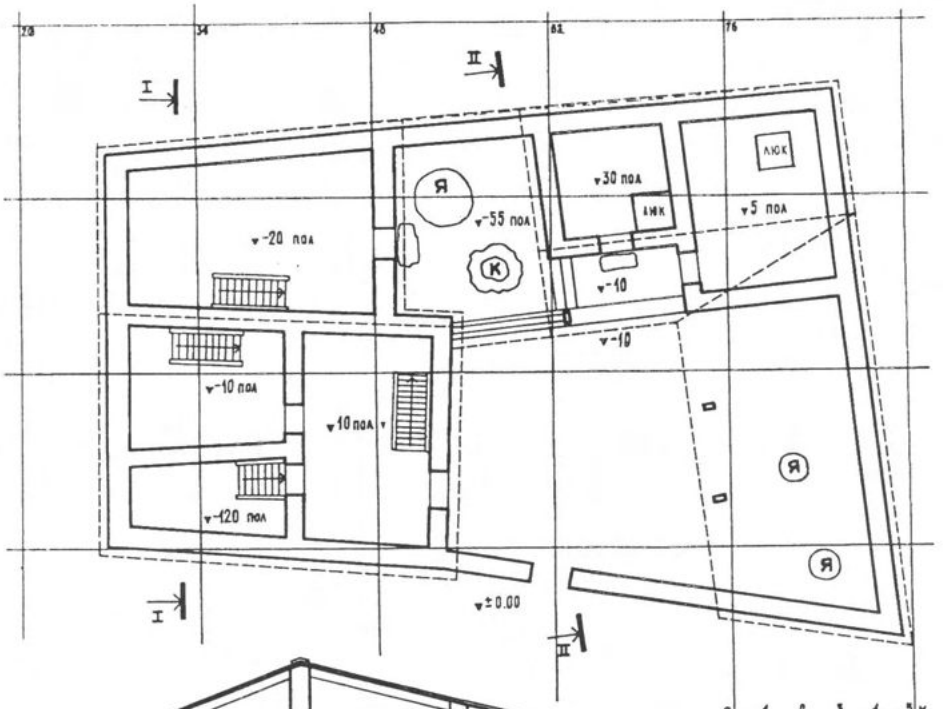
1
3 см
2
1 см
3
3 см
4
5
5 см
6

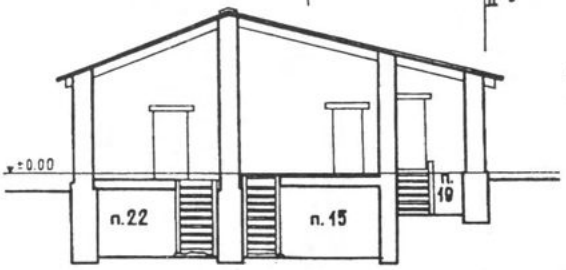

1
3
4
5
6
7
10
8
2
11
1 см
2 см
12
13
2 см
9


I
2
3 см
3
4
3 см

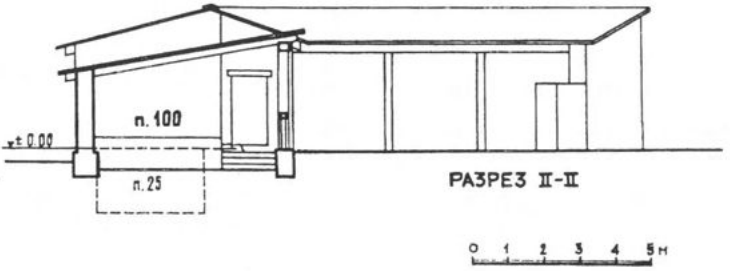

1
2
3
4
5
6
7
шлифовка
ТОП
гравировка
1см


20
34
48
62
76
С
0
5м
-55 Северная ул.
пом 22
-210 полы
-240
пом 100
-55 пол
пом 25
-160 пол
пом 20
-210 пол
пом 14
-240 пол
пом 15
-240 пол
пом 19
-120 пол
сырцовая перегородка
люк
двор
±0.00
Широкая ул.

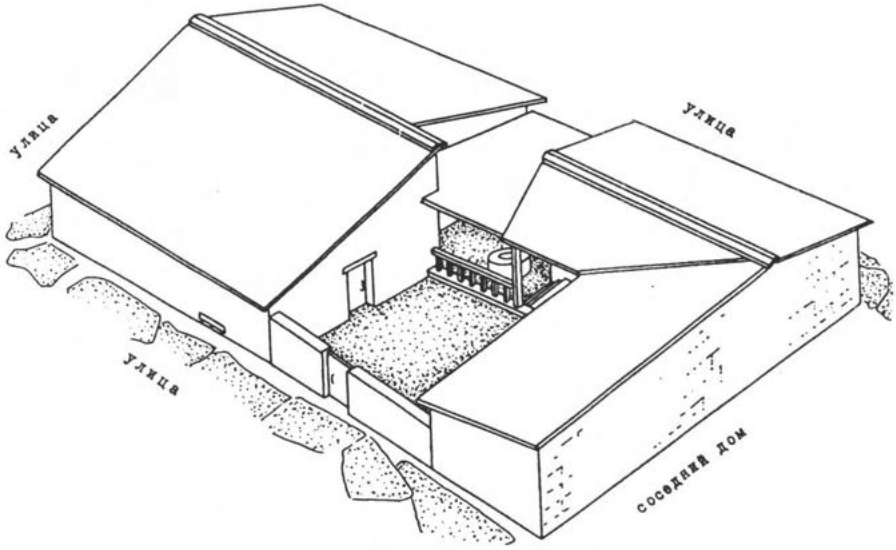


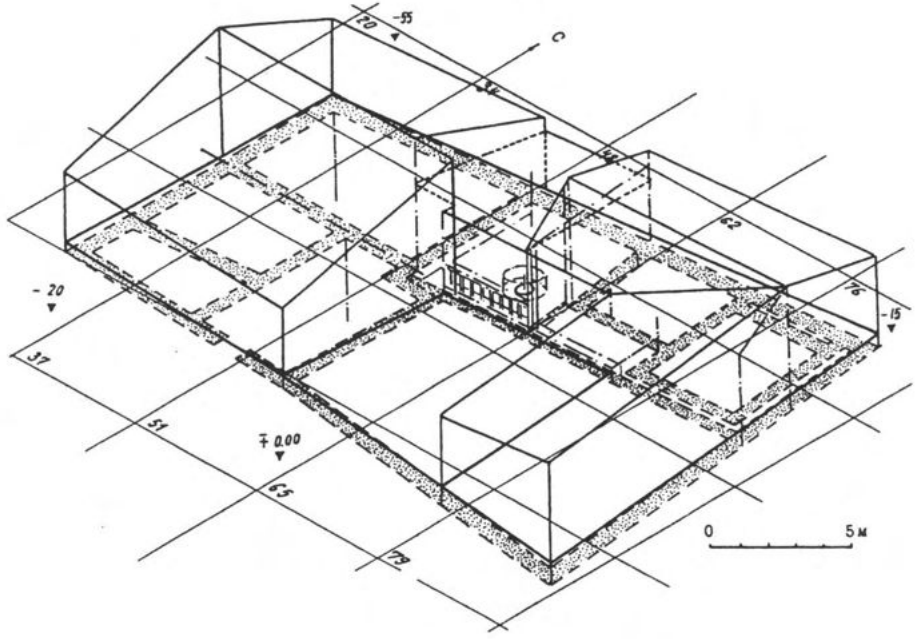


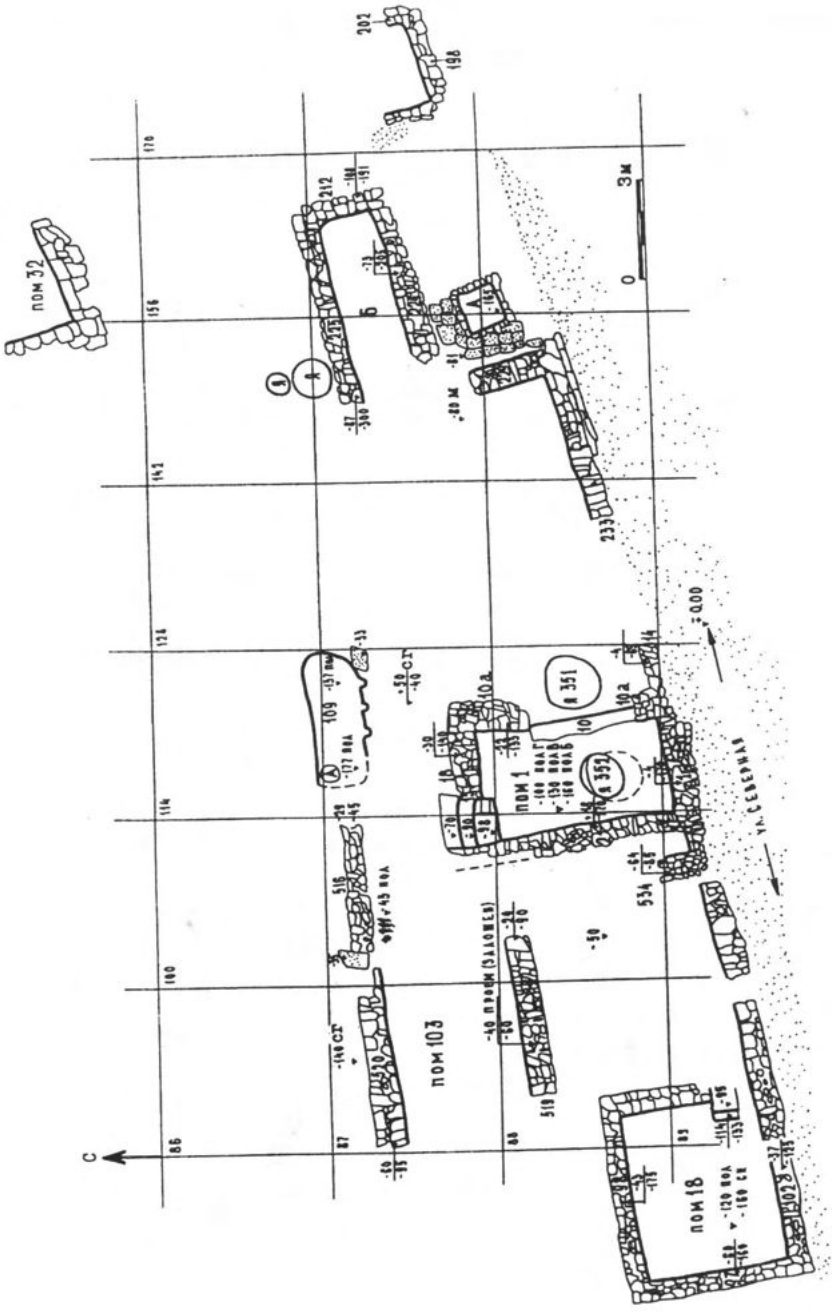
РАЗРЕЗ I-I

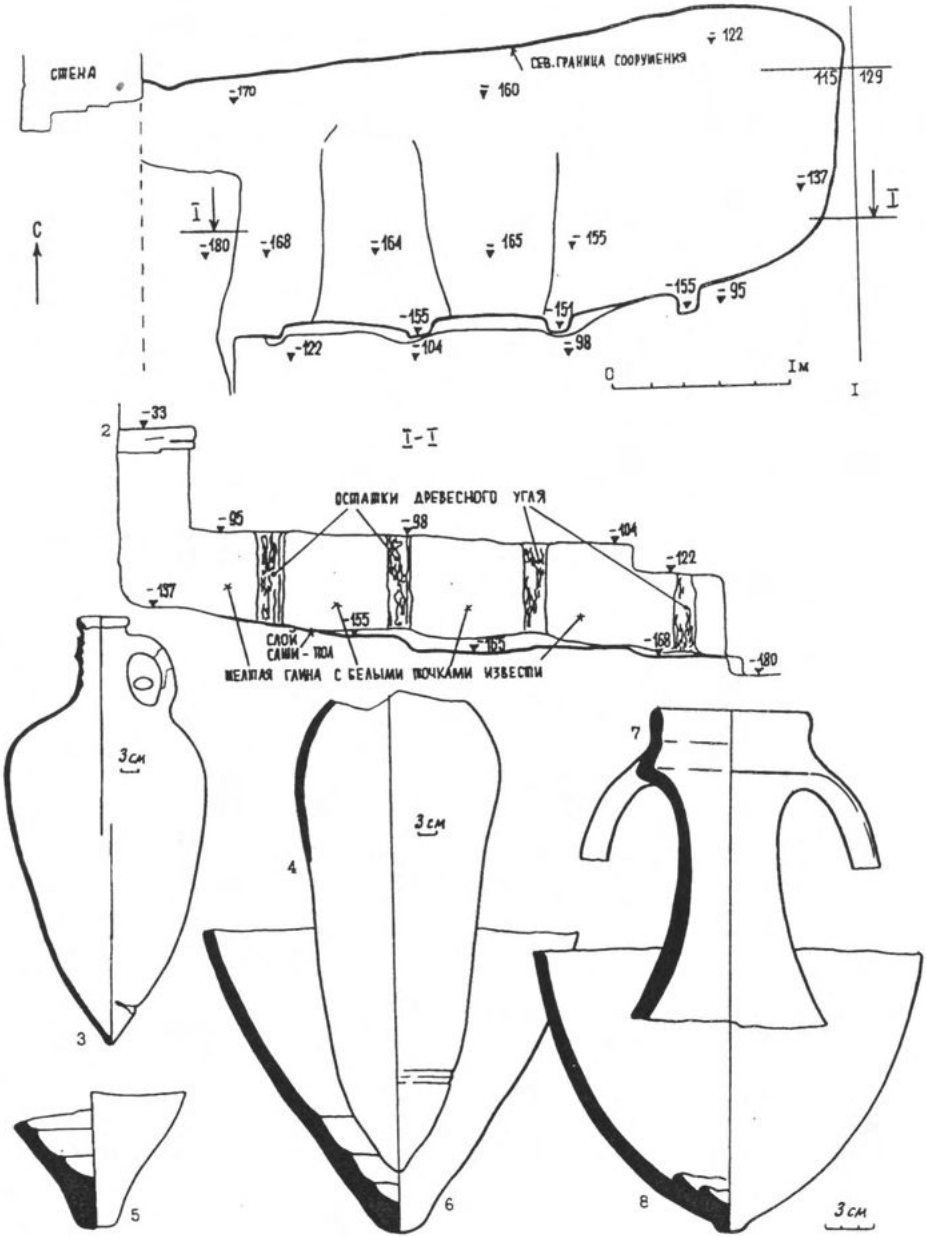


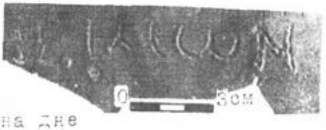
РАЗРЕЗ II-II


улица
улица
улица
соседний дом

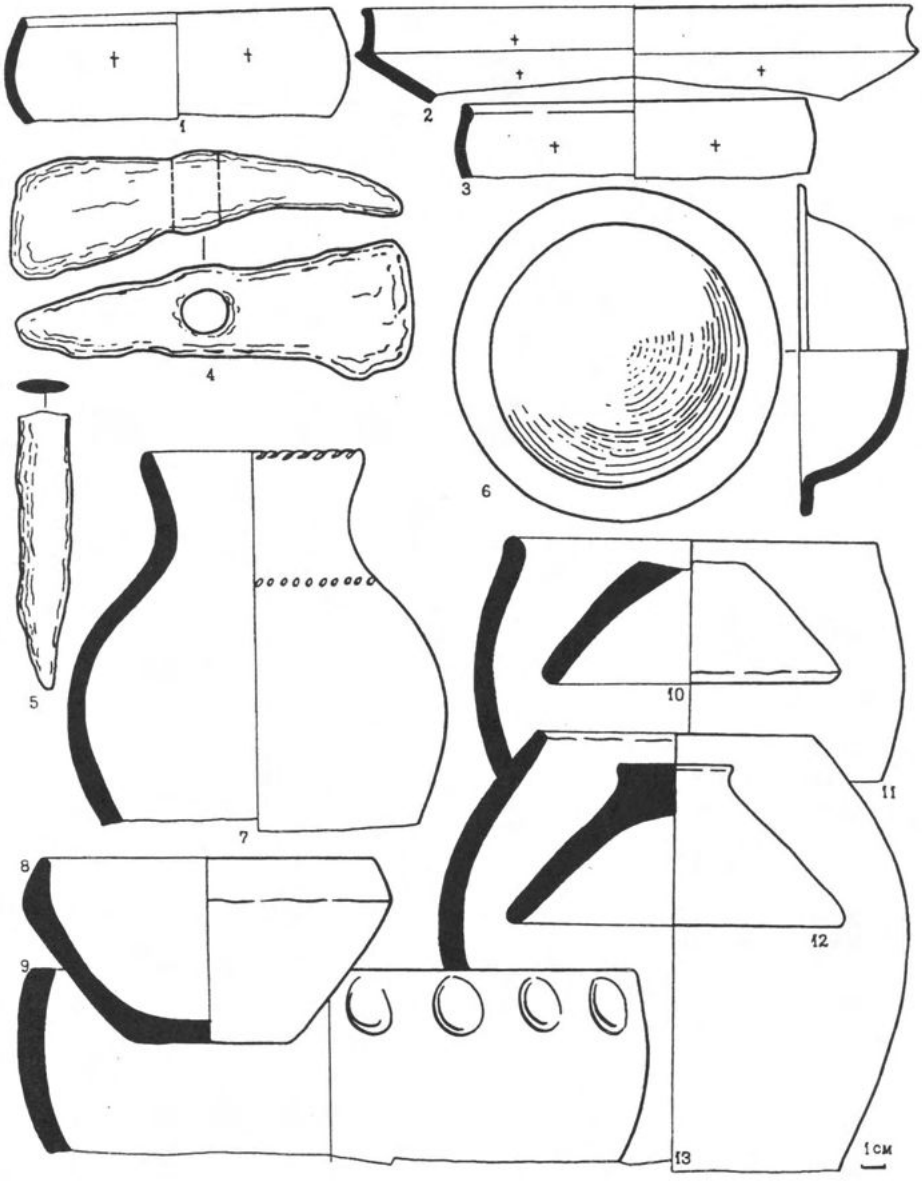

С
-55
-20
-15
±0.00
37
51
65
72
62
0
5 м

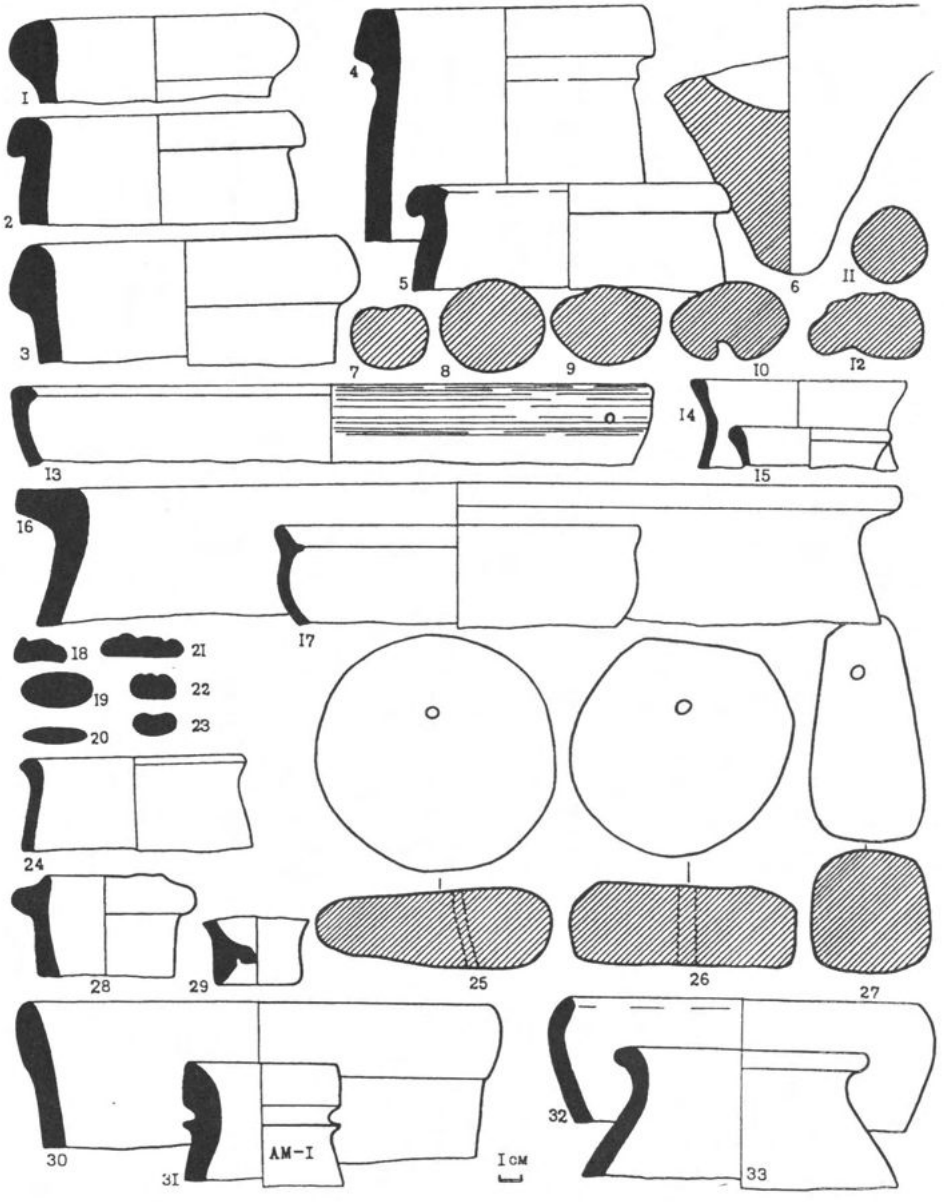

пом 32
202
198
212
233
109
пом 1
пом 103
пом 18
534
519
0
3м
С

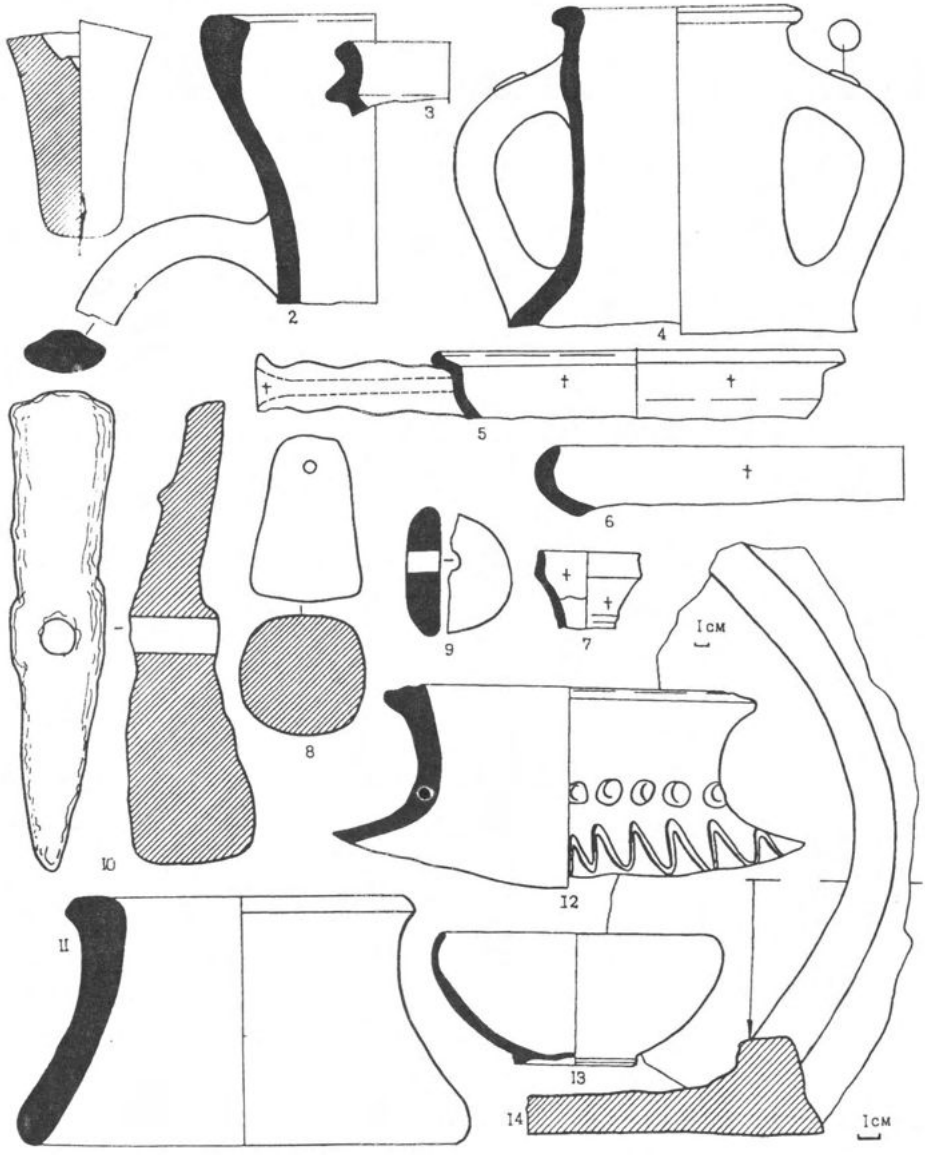

СТЕНА
СЕВ. ГРАНИЦА СООРУЖЕНИЯ
С
I
I-I
ОСТАТКИ ДРЕВЕСНОГО УГЛЯ
СЛОЙ САМИ-ТОА
ЖЕЛТАЯ ГЛИНА С БЕЛЫМИ ПОЧКАМИ ИЗВЕСТИ
3 см
0
1 м

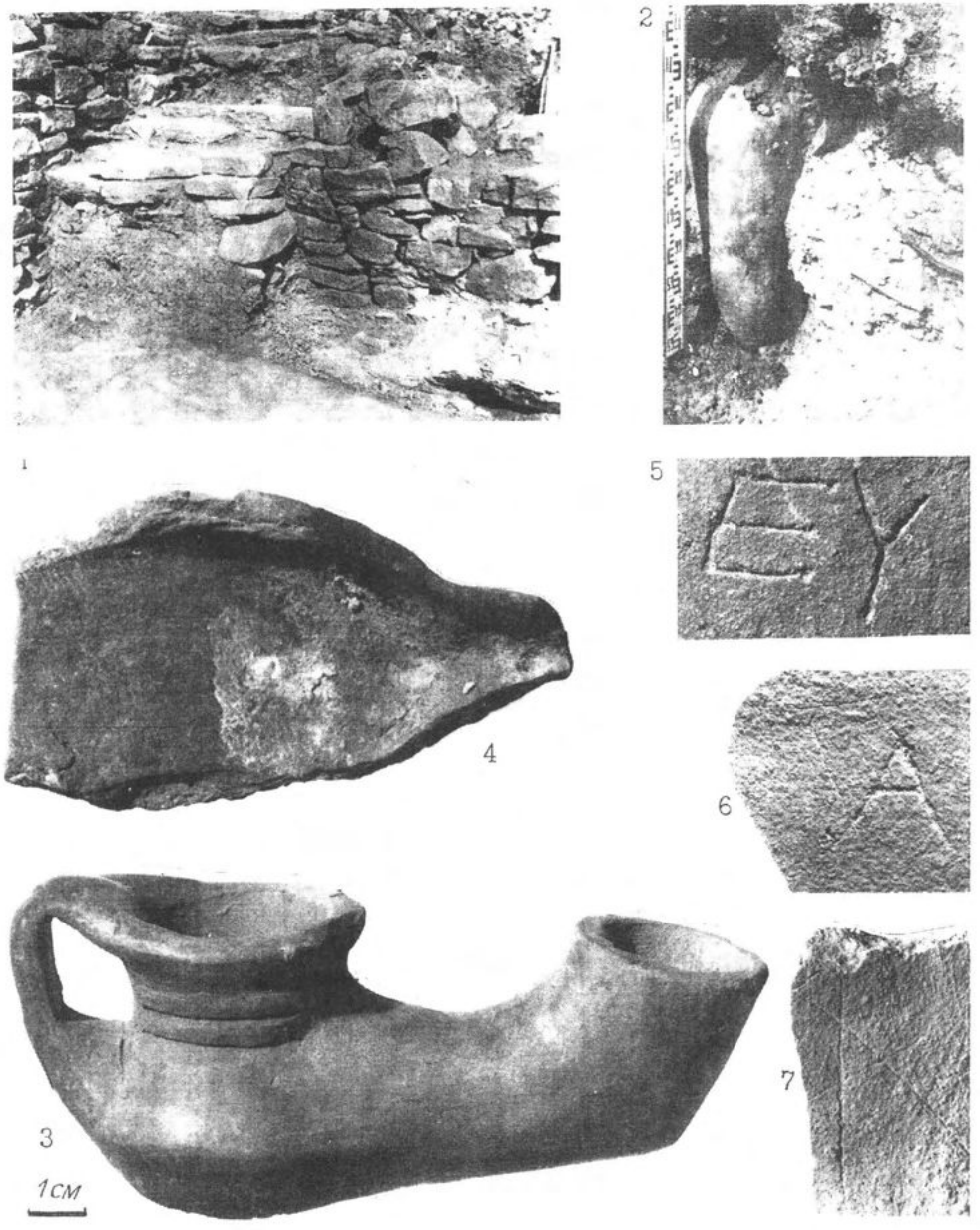


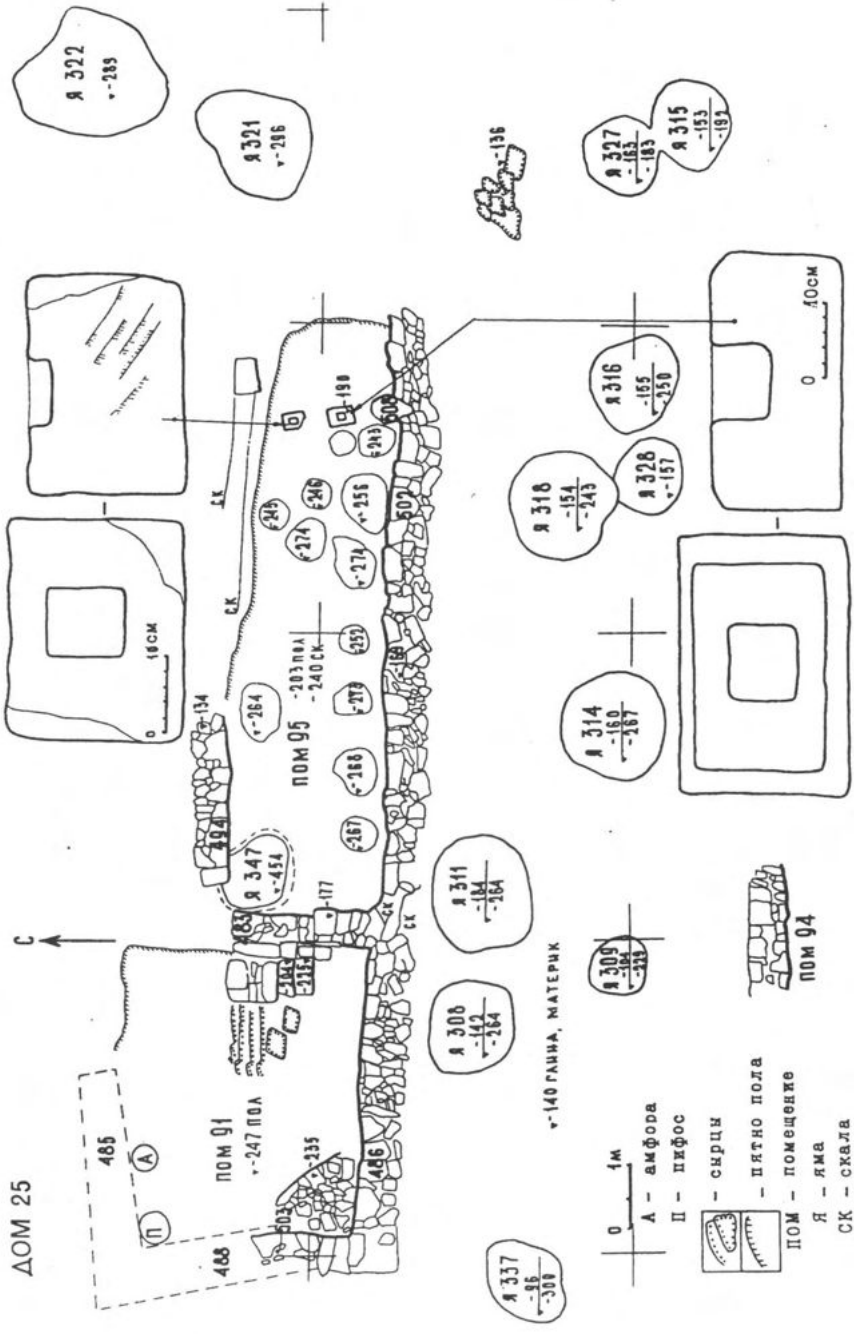
на дне

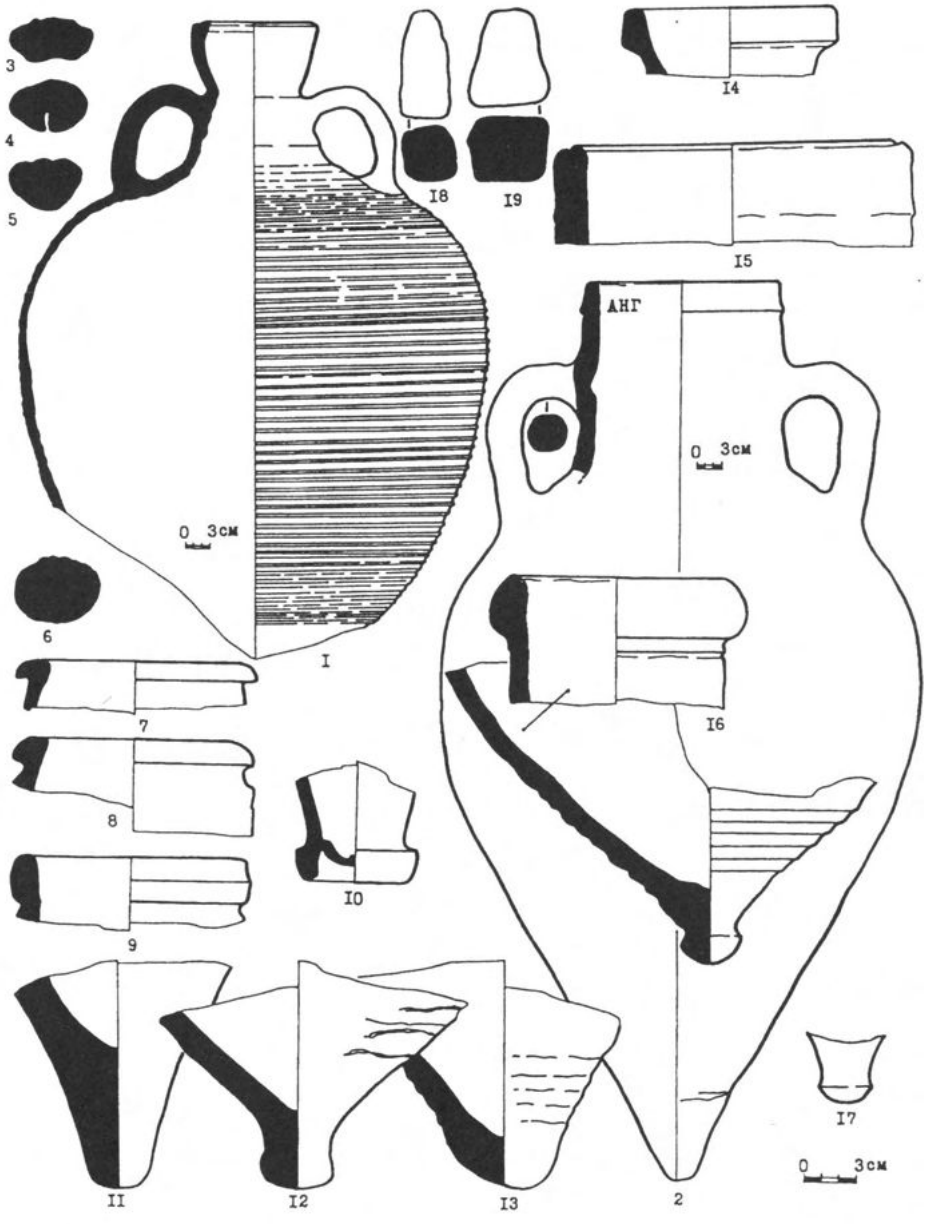

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
1 см

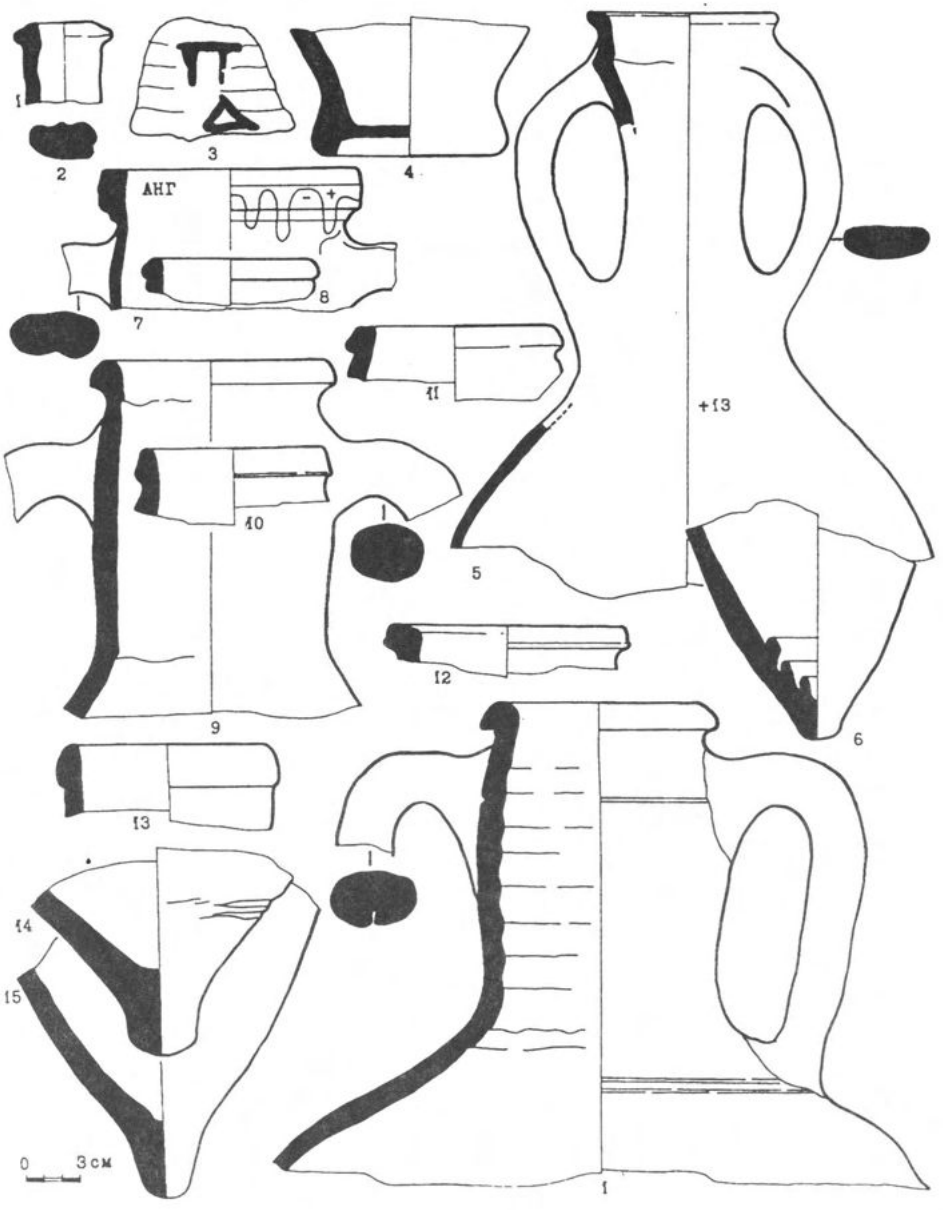

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
АМ-1
1 см

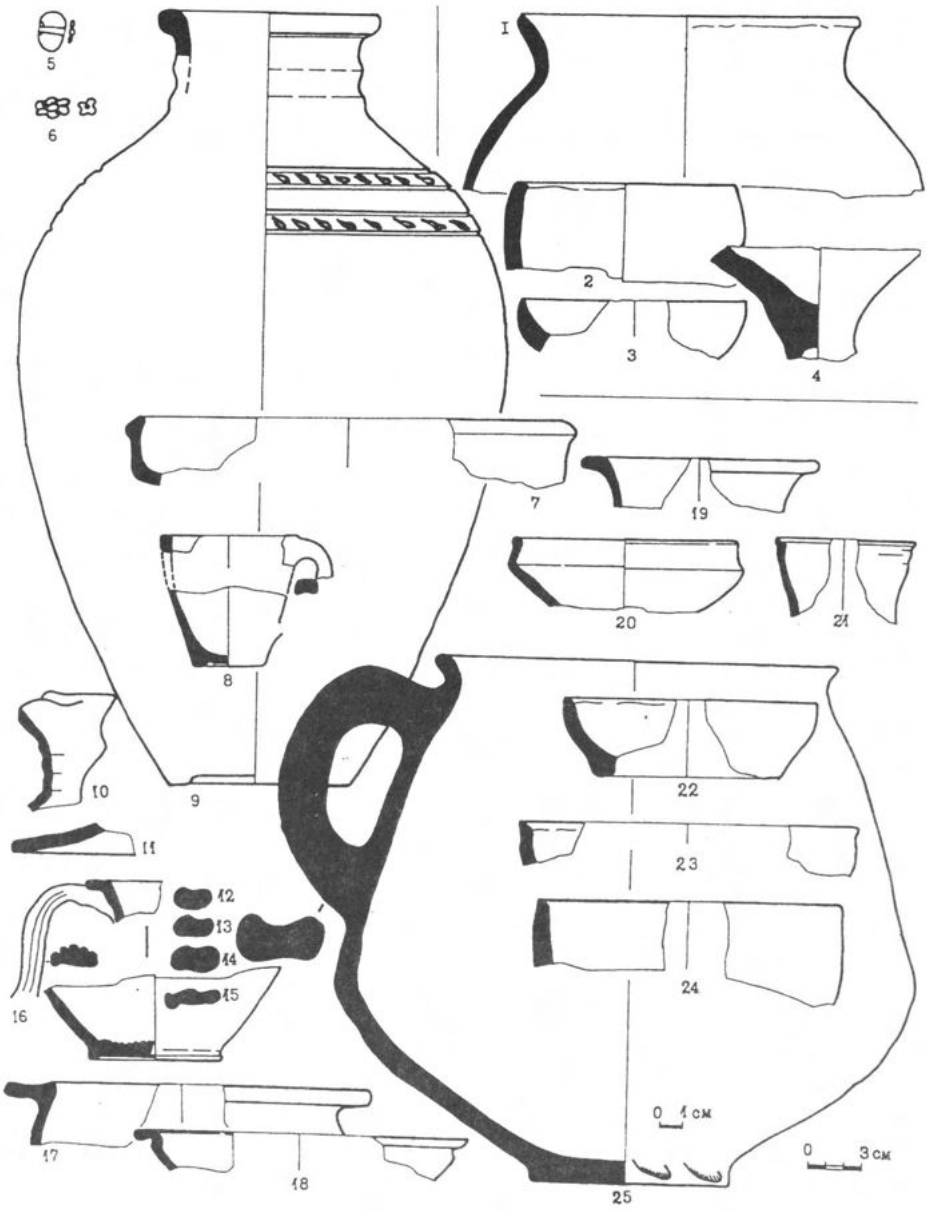

3
2
4
5
6
9
7
8
10
12
11
13
14
1см
1см

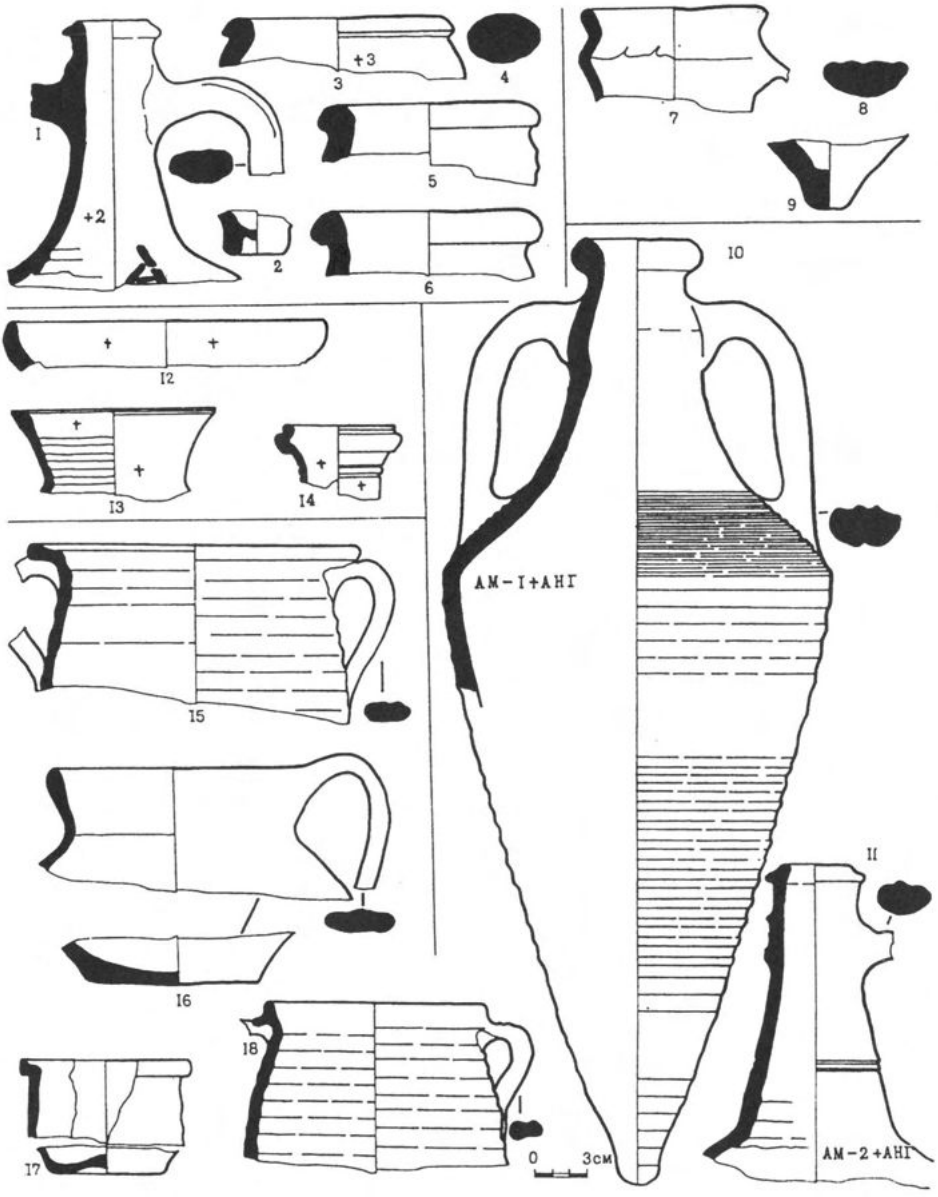

1
2
3
4
5
6
7
1см

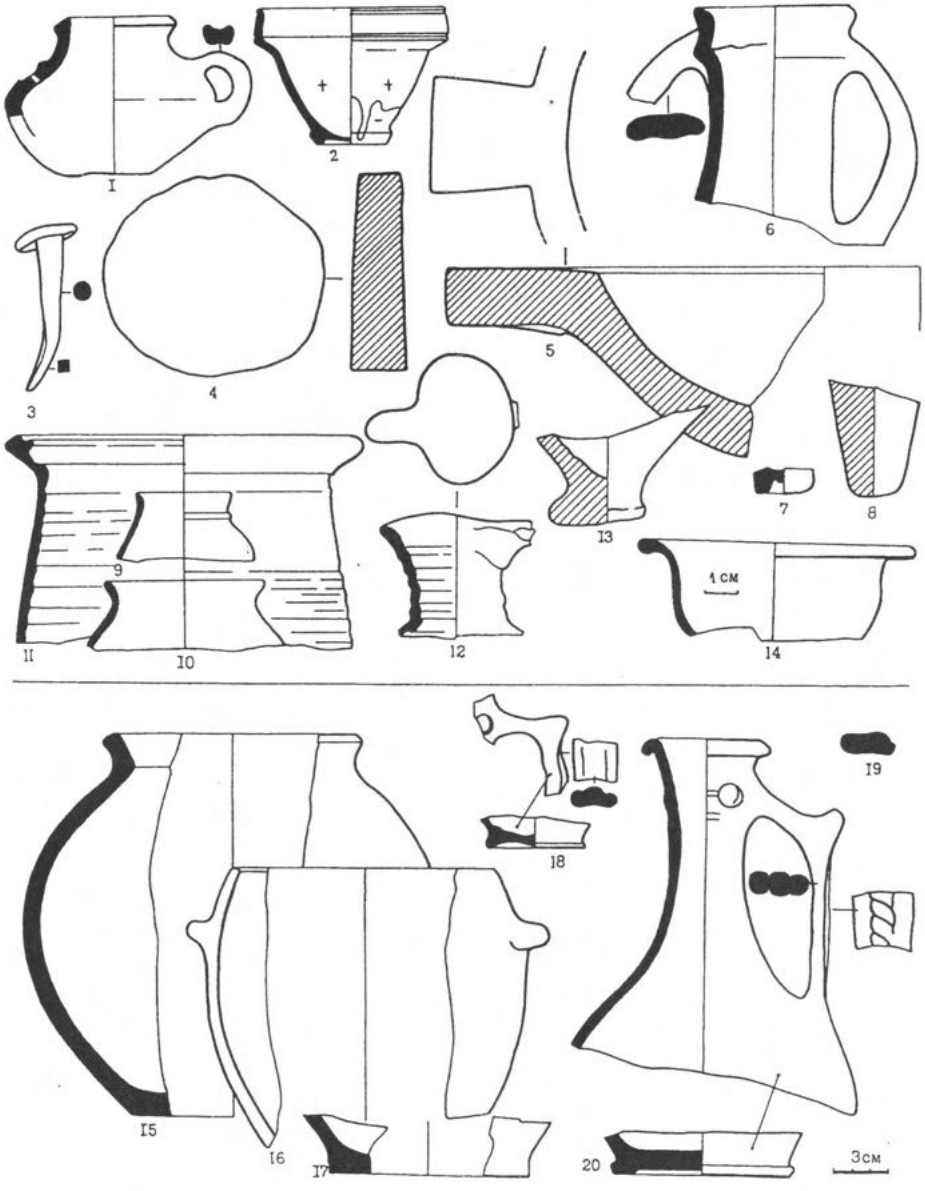

ДОМ 25
С
ПОМ 95
ПОМ 91
ПОМ 94
Я 322
Я 321
Я 327
Я 315
Я 316
Я 318
Я 328
Я 314
Я 311
Я 308
Я 309
Я 337
Я 347
СК
ГЛИНА, МАТЕРИК
А - амфора
П - пифос
- скрепы
- пятно пола
ПОМ - помещение
Я - яма
СК - скала
1м
40см
10см

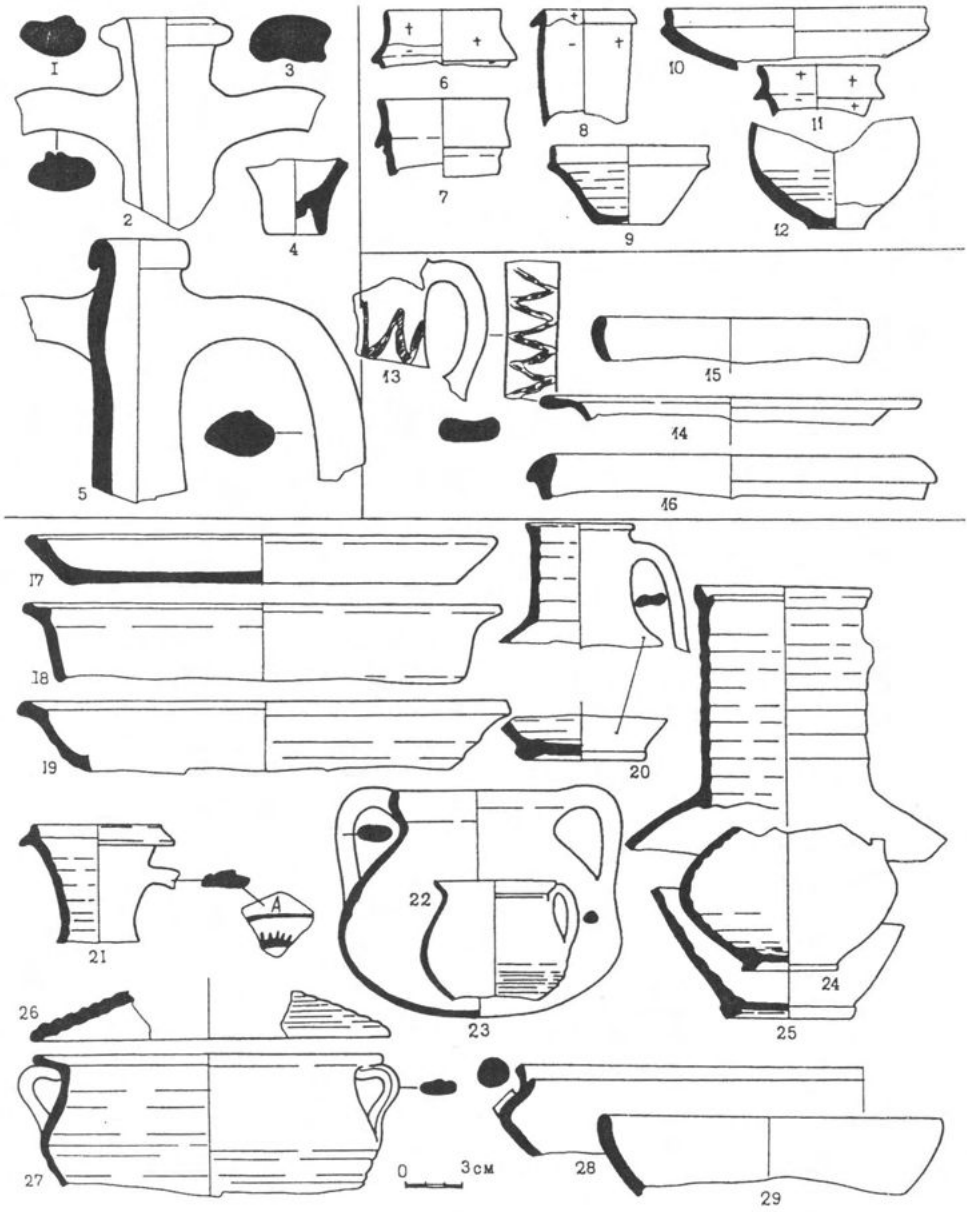

3
4
5
6
7
8
9
I
0 3см
I8
I9
I4
I5
АНГ
0 3см
I6
I0
I7
0 3см
II
I2
I3
2

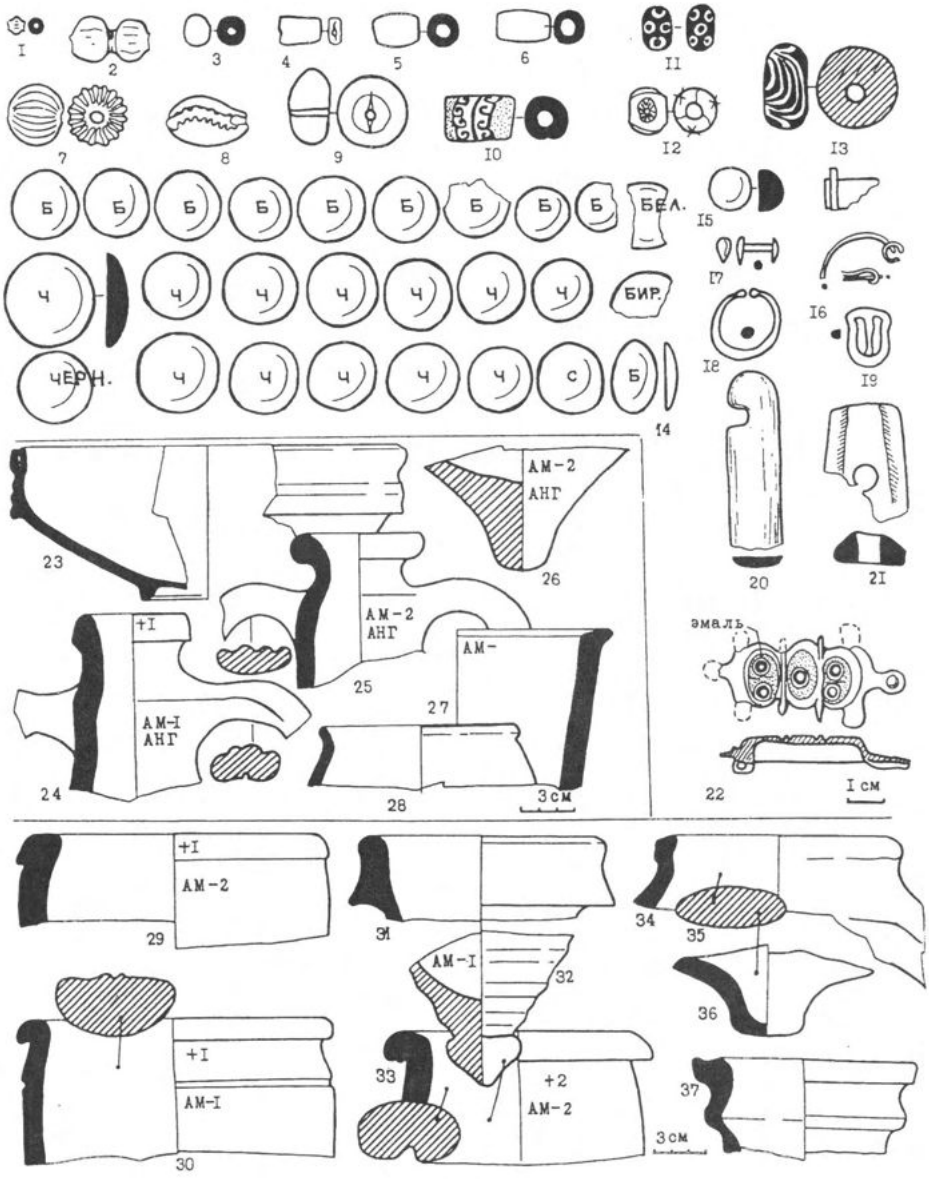

1
2
3
4
АНГ
7
8
11
+13
10
5
12
9
6
13
14
15
0 3 см
1

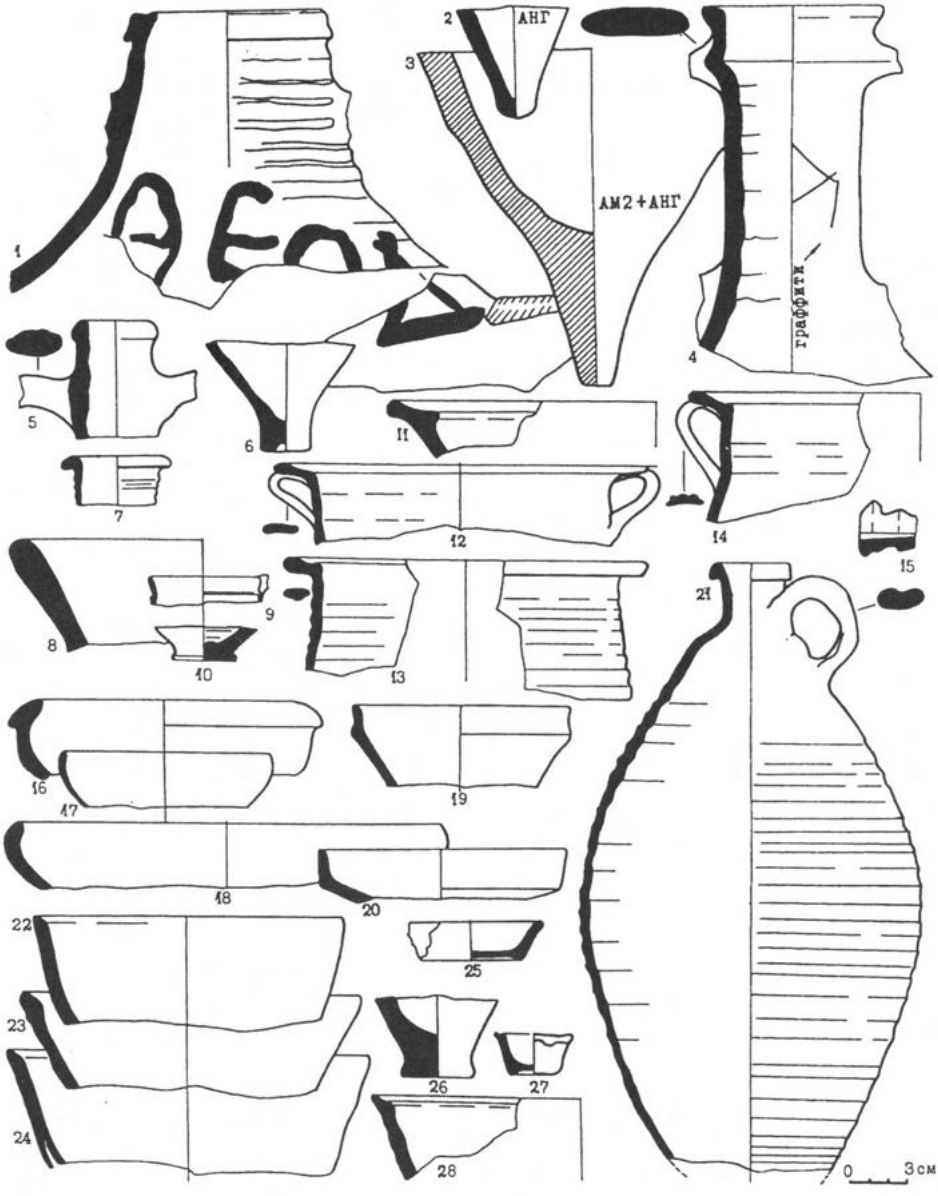

5
6
I
2
3
4
7
19
20
21
8
9
10
11
22
23
24
12
13
14
15
16
17
18
25
0 1 см
0 3 см

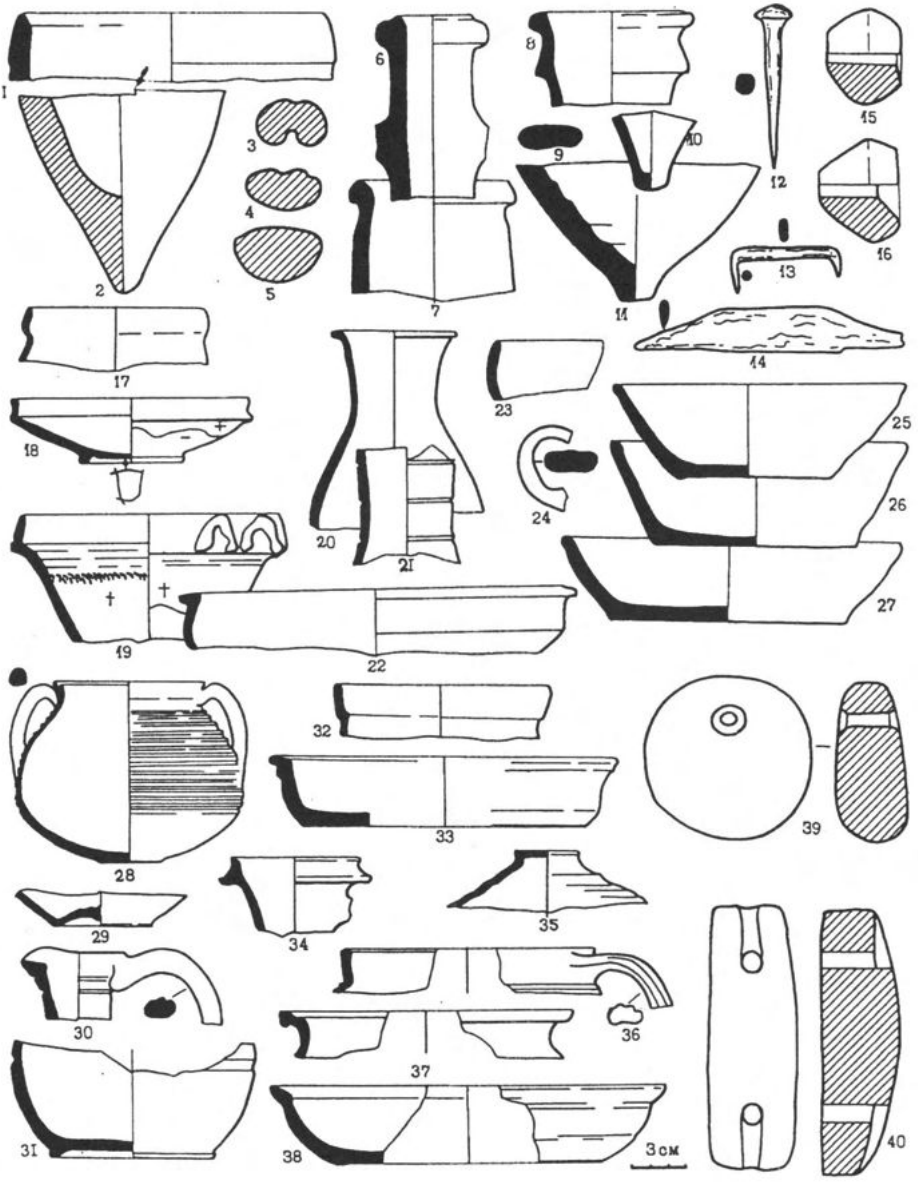

1
+2
2
+3
3
4
5
6
7
8
9
10
12
13
14
15
16
17
18
11
АМ-1+АНГ
АМ-2+АНГ
0
3см

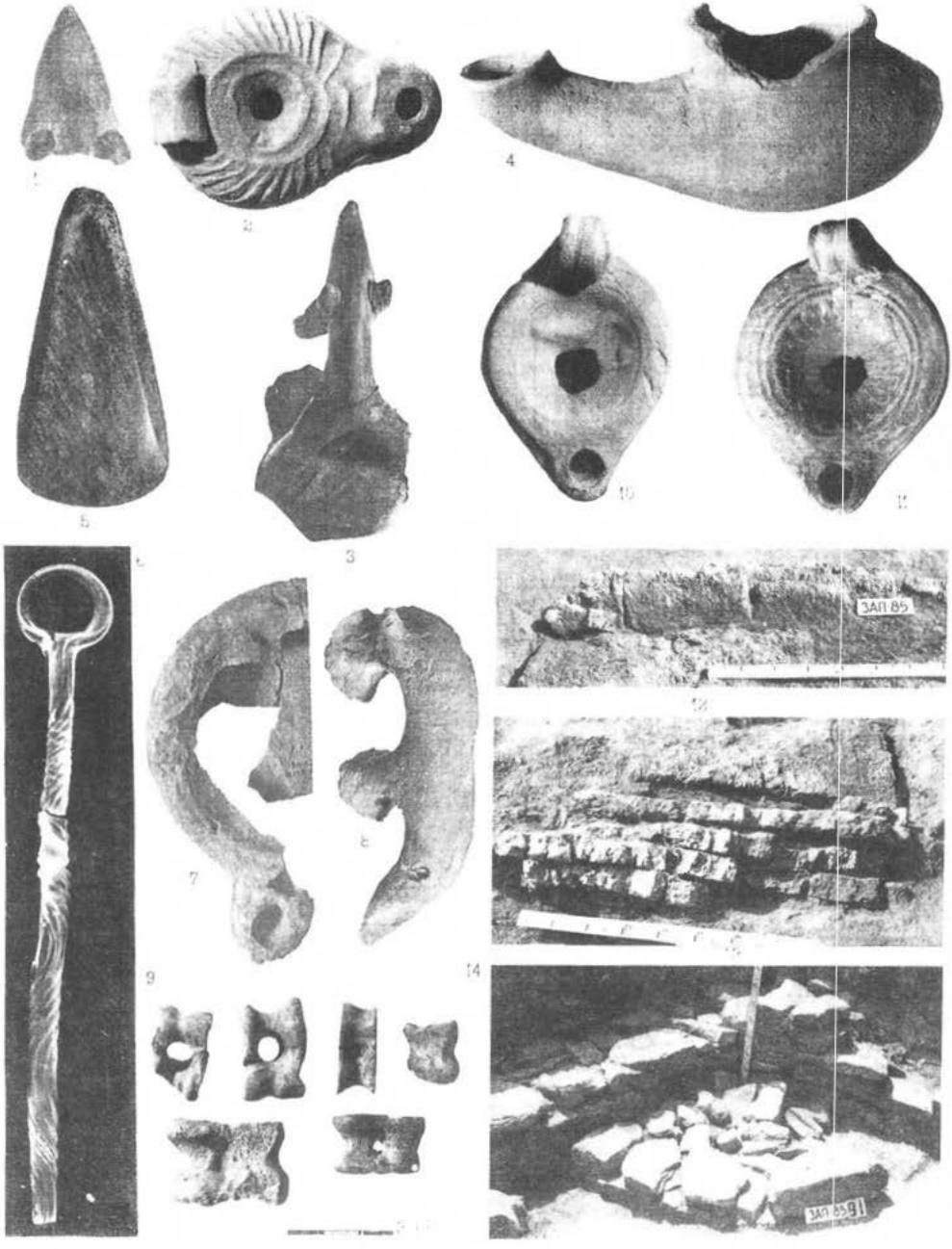

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
1 см
15
16
17
18
19
20
3см

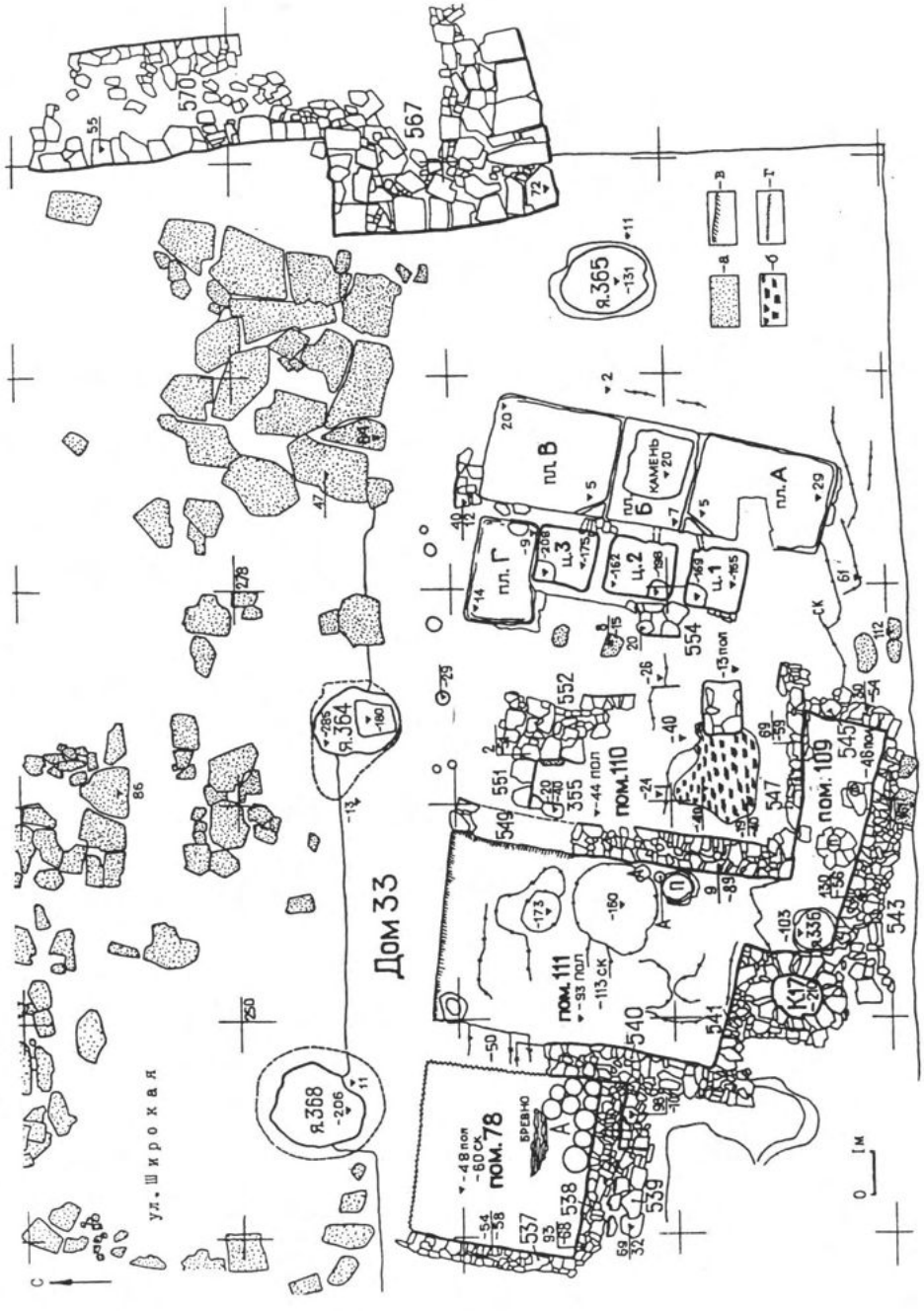

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
A
0
3см

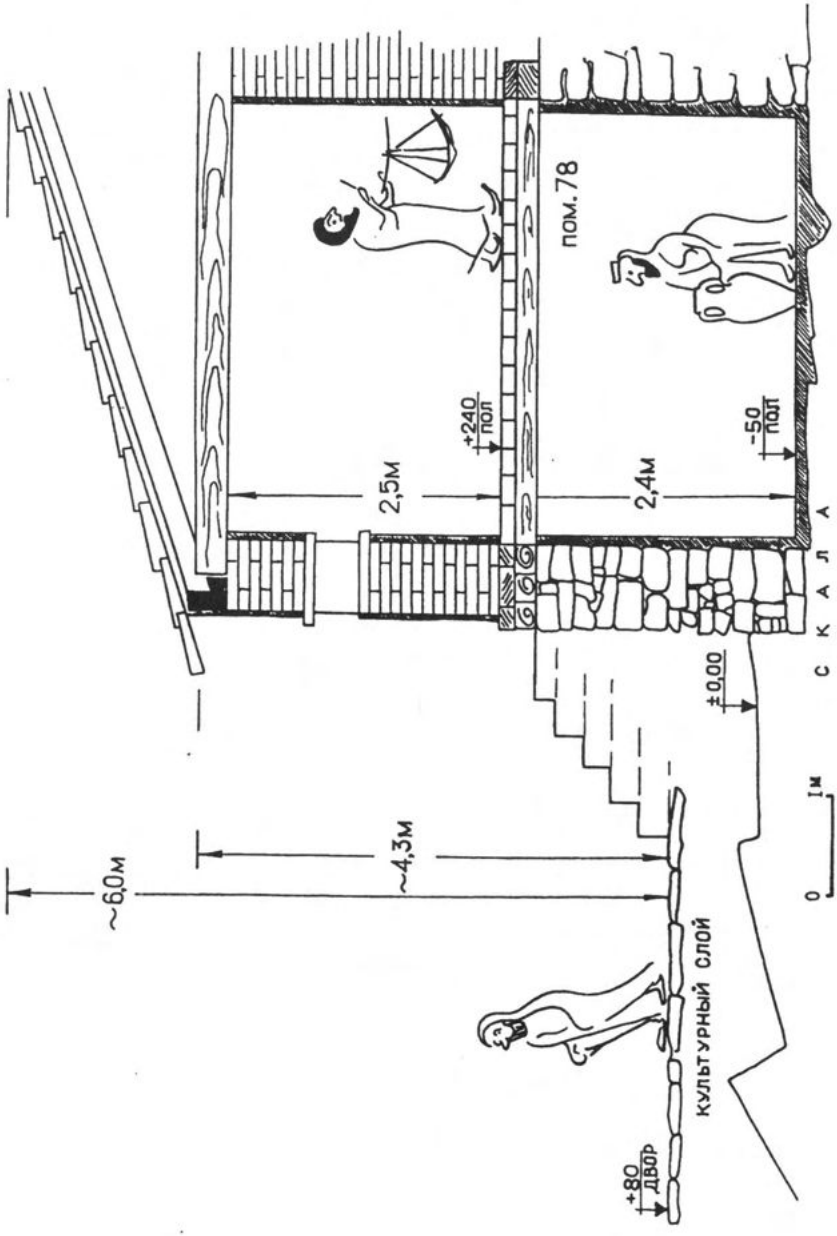

БЕЛ.
БИР.
ЧЕРН.
АМ-2
АНГ
+I
АМ-I
АНГ
АМ-
3 см
эмаль
I см
+I
АМ-2
АМ-I
+2
АМ-2

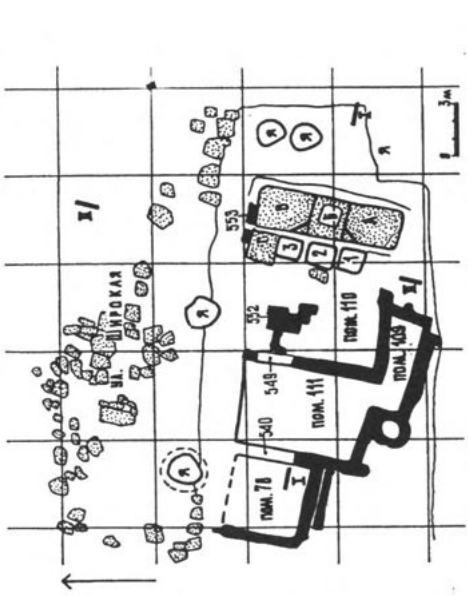

АНГ
АМ2+АНГ
граффити
0 3см

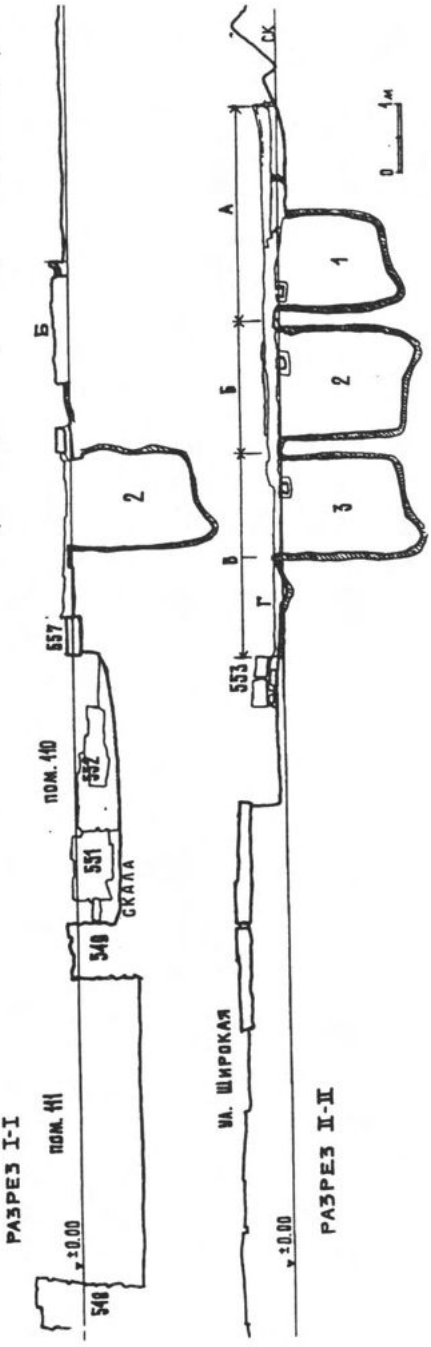

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
3 см

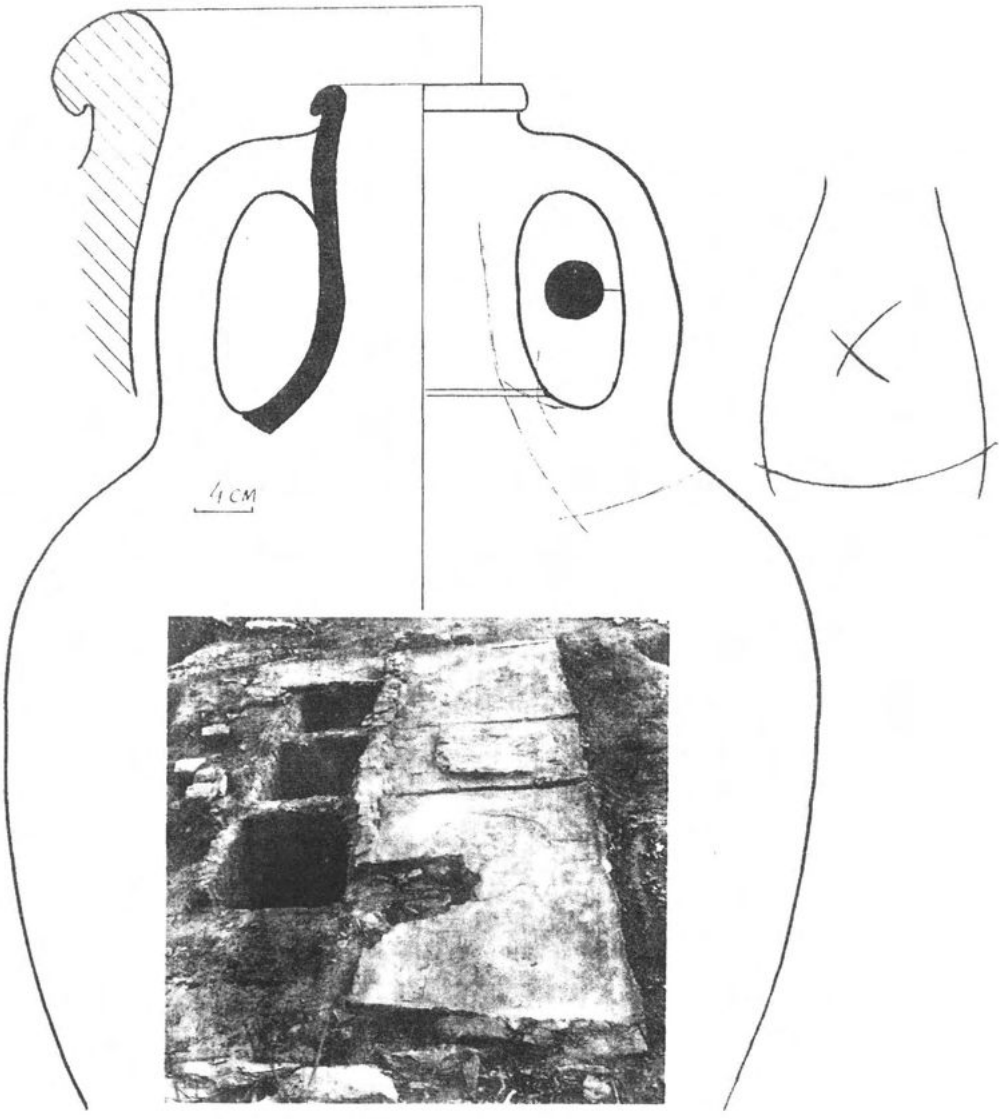

ЗАП 85
ЗАП 85


Дом 33
пл. А
пл. Б
пл. В
пл. Г
КАМЕНЬ
ц.1
ц.2
ц.3
пом. 110
пом. 109
пом. 111
пом. 78
БРЕВНО
я.364
я.365
я.368
К17
567
570
554
552
551
549
547
545
543
541
540
539
538
537
355
250
278
86
64
47
112
61
29
20
5
2
11
72
55
0
1м
С
СК
ул. Широкая


пом. 78
+240
пол
-50
пол
2,5м
2,4м
±0,00
~6,0м
~4,3м
культурный слой
+80
двор
0
1м
СКАЛА


ул. Широкая
553
552
549
540
пом. 78
пом. 111
пом. 110
пом. 109
I
3м

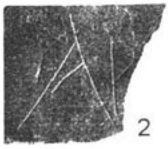

Б
2
557
пом. 110
552
551
СКАЛА
549
пом. 111
±0.00
549
РАЗРЕЗ I-I
СК
А
Б
В
Г
1
2
3
553
ул. Широкая
±0.00
РАЗРЕЗ II-II
0
1м


4 см

1

7

6

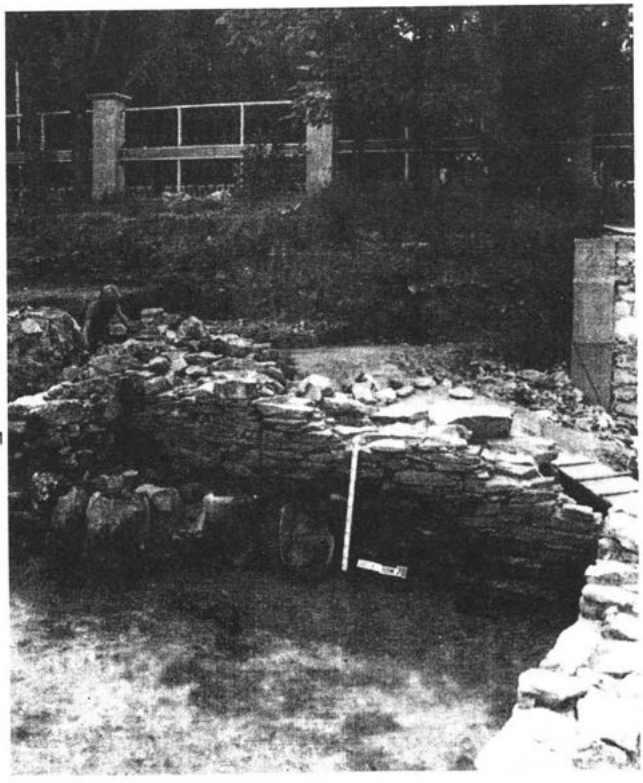

2

3

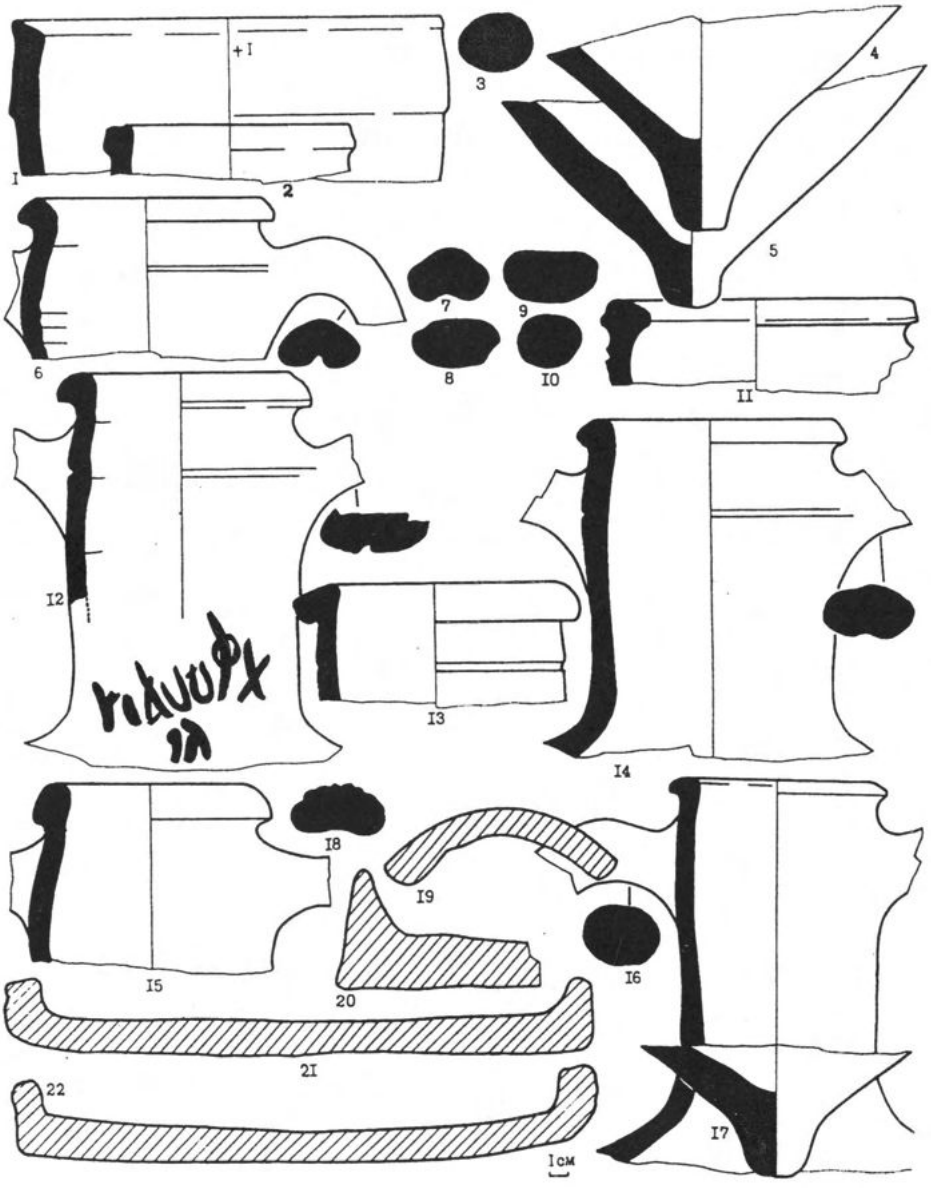
0 1см

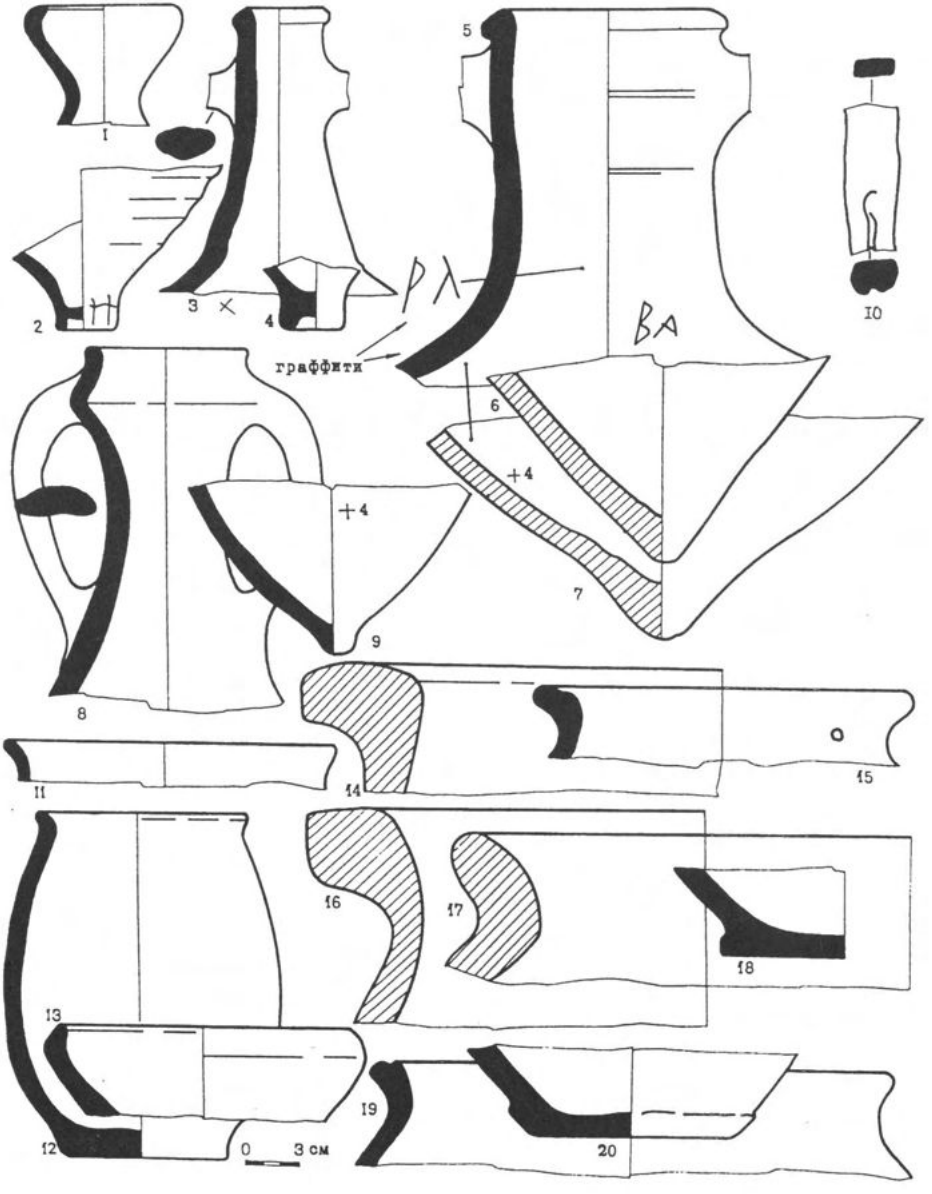
4

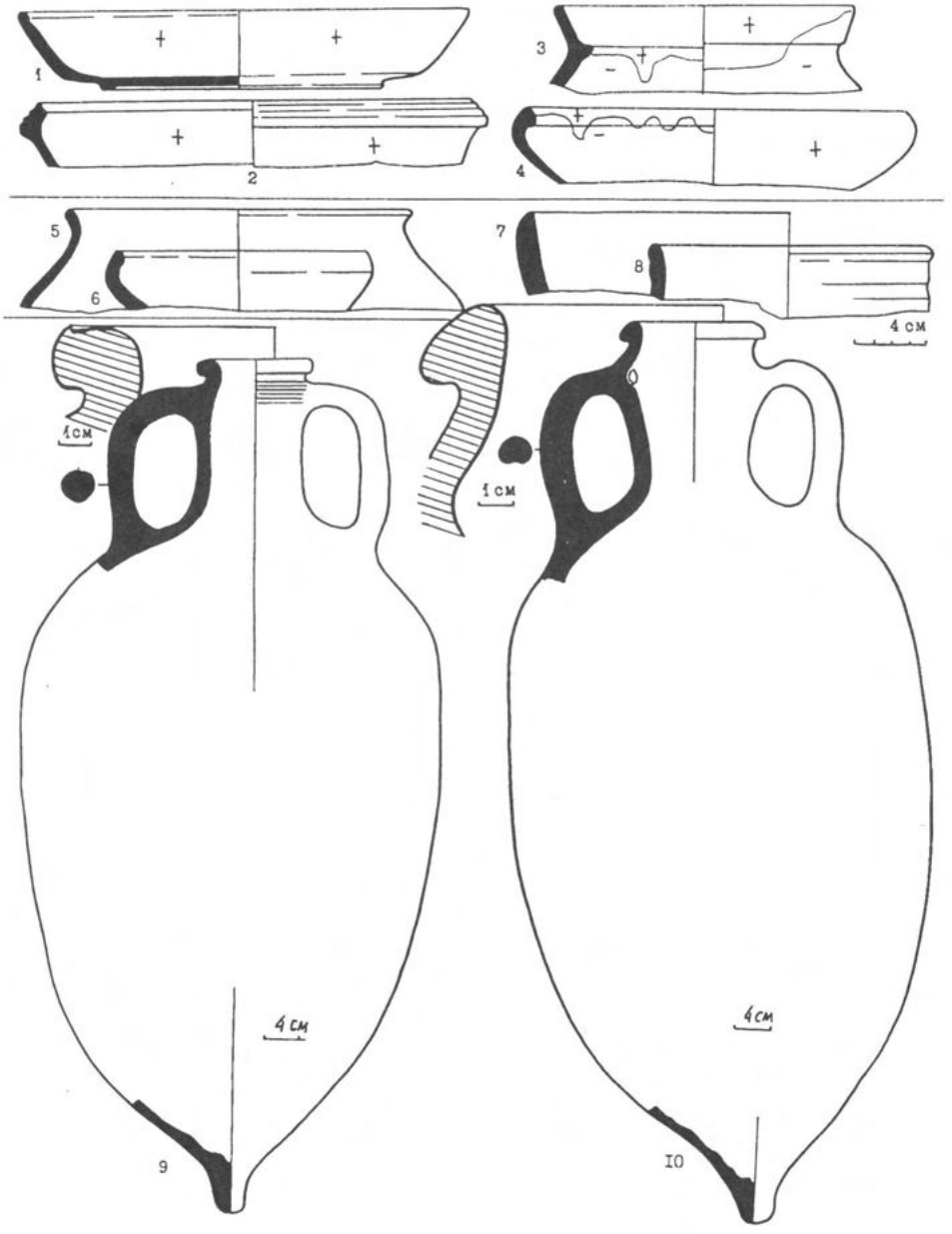
5

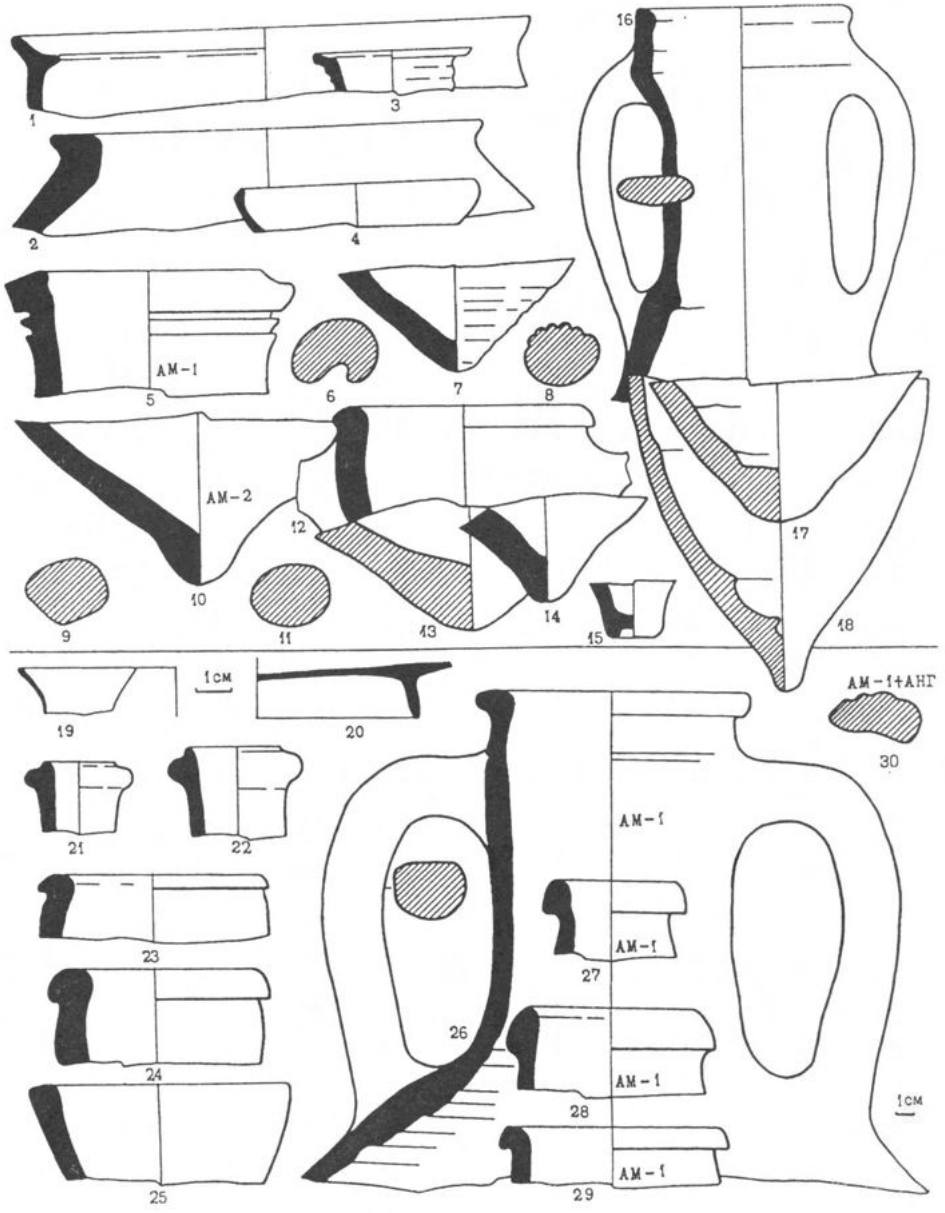


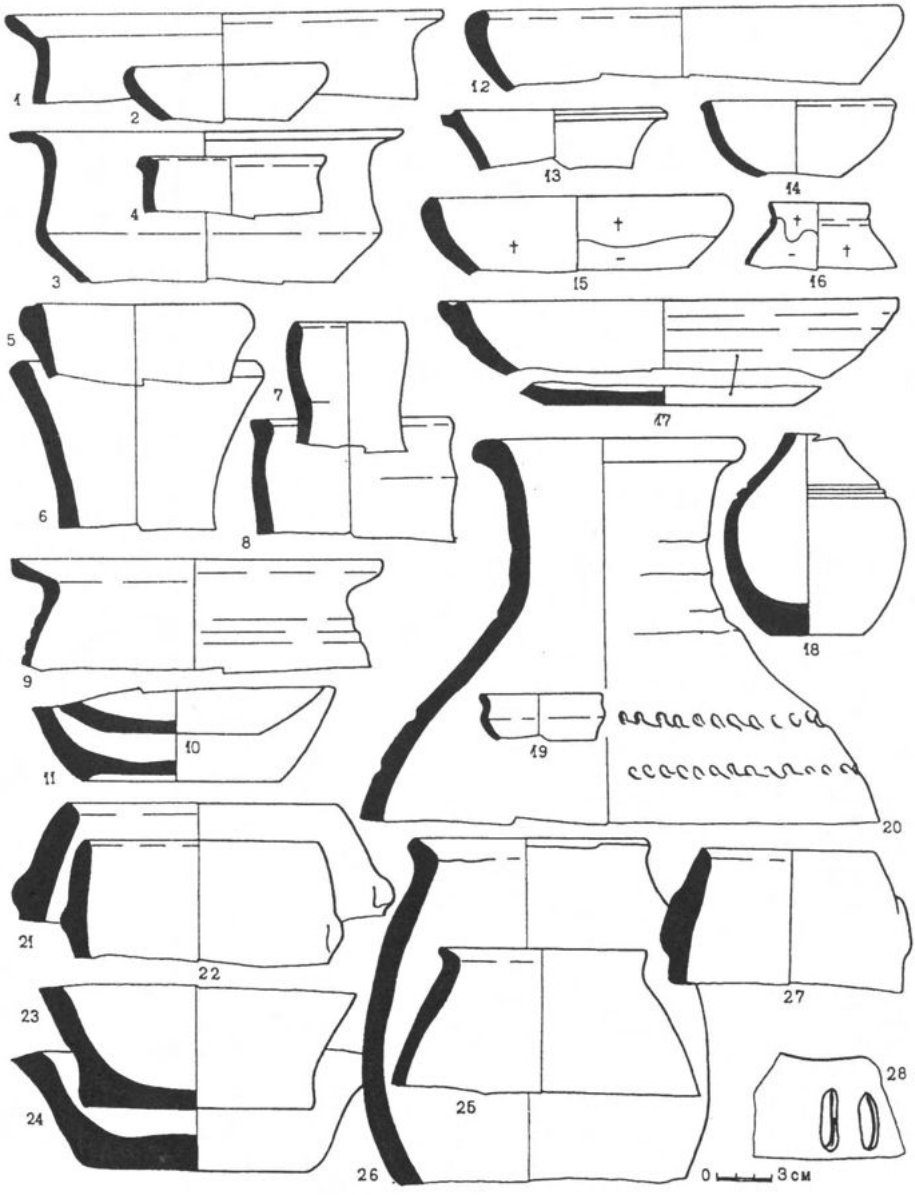
1
2
3
4
5
6
7
ДН
ДН
ДН
ДН
0
3 см

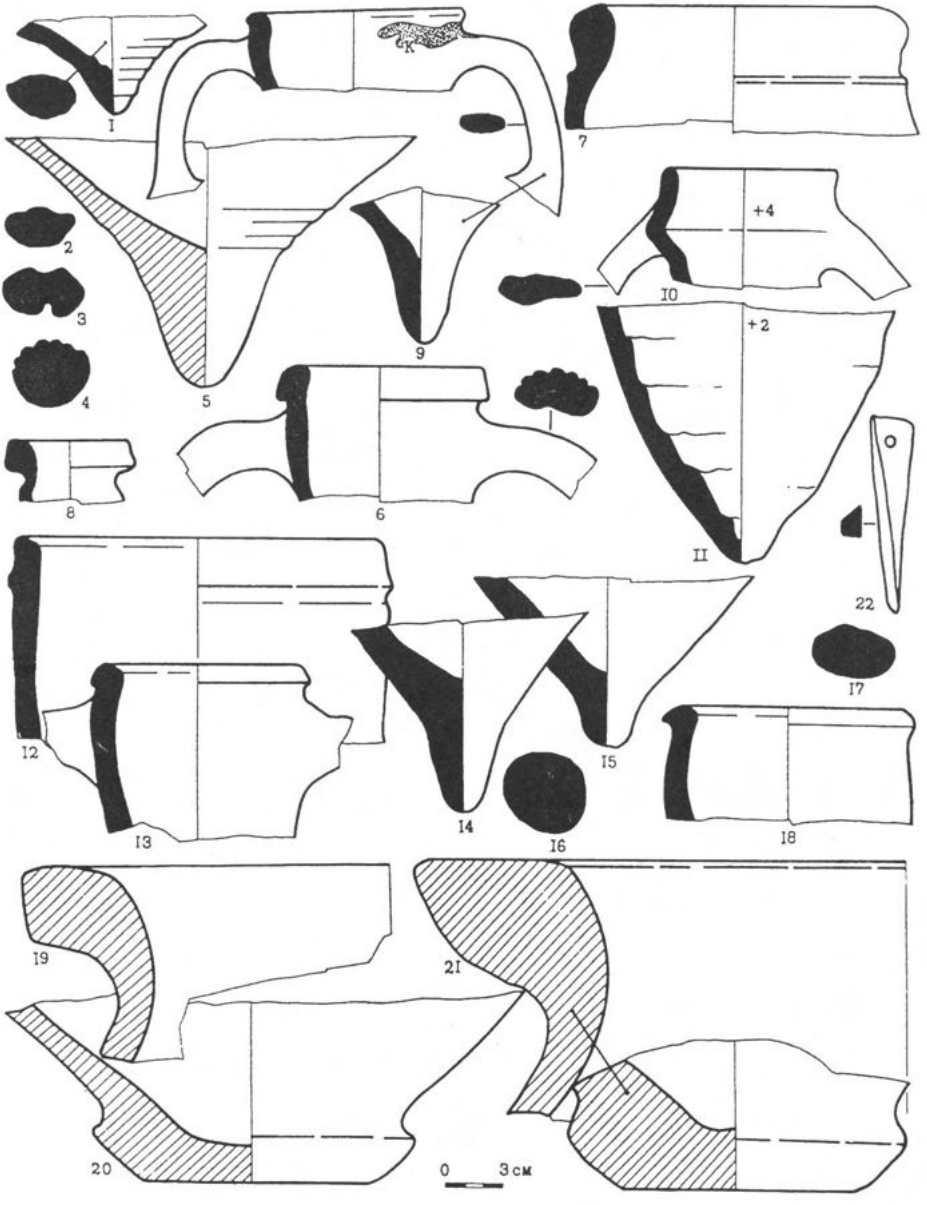

+I
I
2
3
4
5
6
7
8
9
I0
II
I2
I3
I4
I5
I6
I7
I8
I9
20
2I
22
Iсм

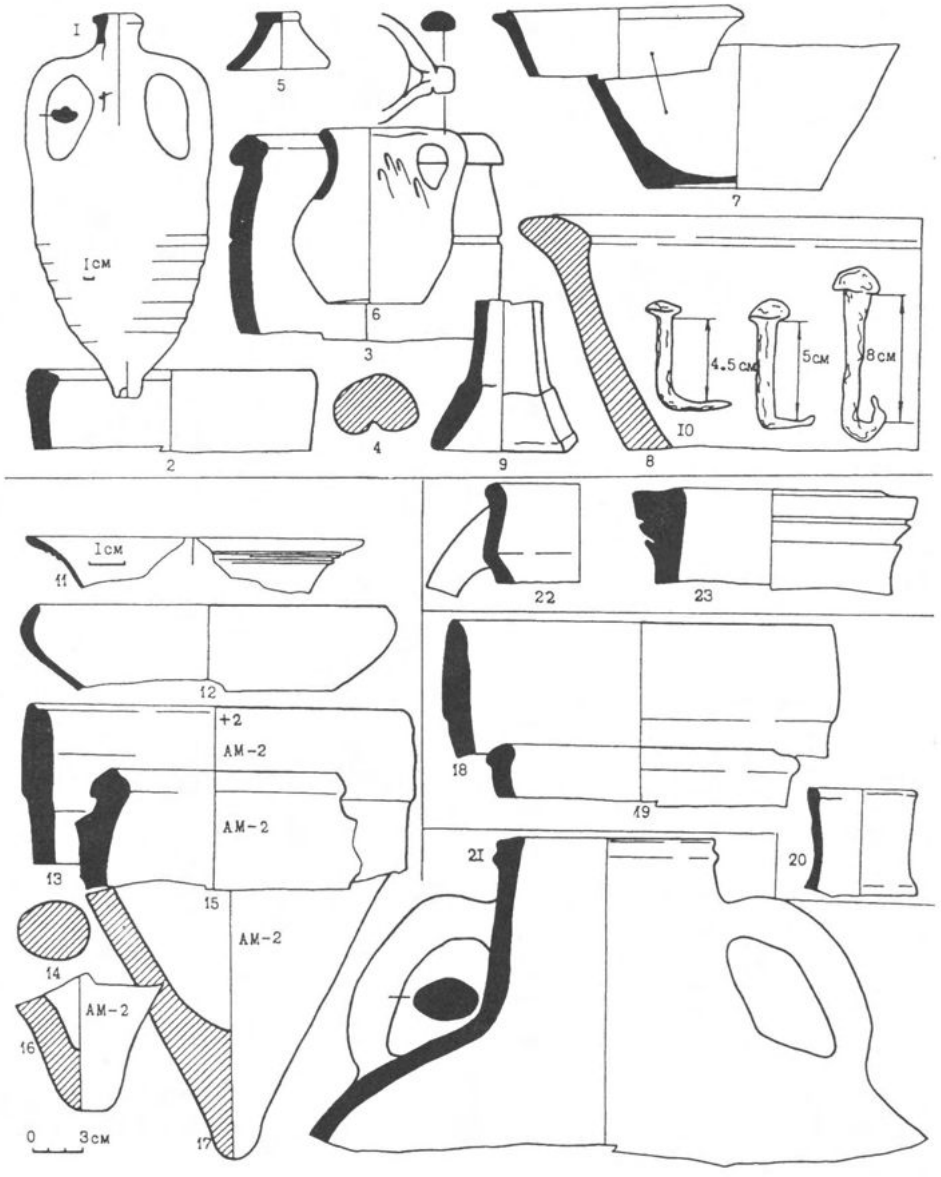

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
граффити
0 3 см


1
2
3
4
5
6
7
8
4 см
1 см
1 см
4 см
4 см
9
10


1
2
3
4
5
АМ-1
6
7
8
9
АМ-2
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
1см
20
21
22
23
24
25
26
АМ-1
27
АМ-1
28
АМ-1
29
АМ-1
АМ-1+АНГ
30
1см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
0 3 см

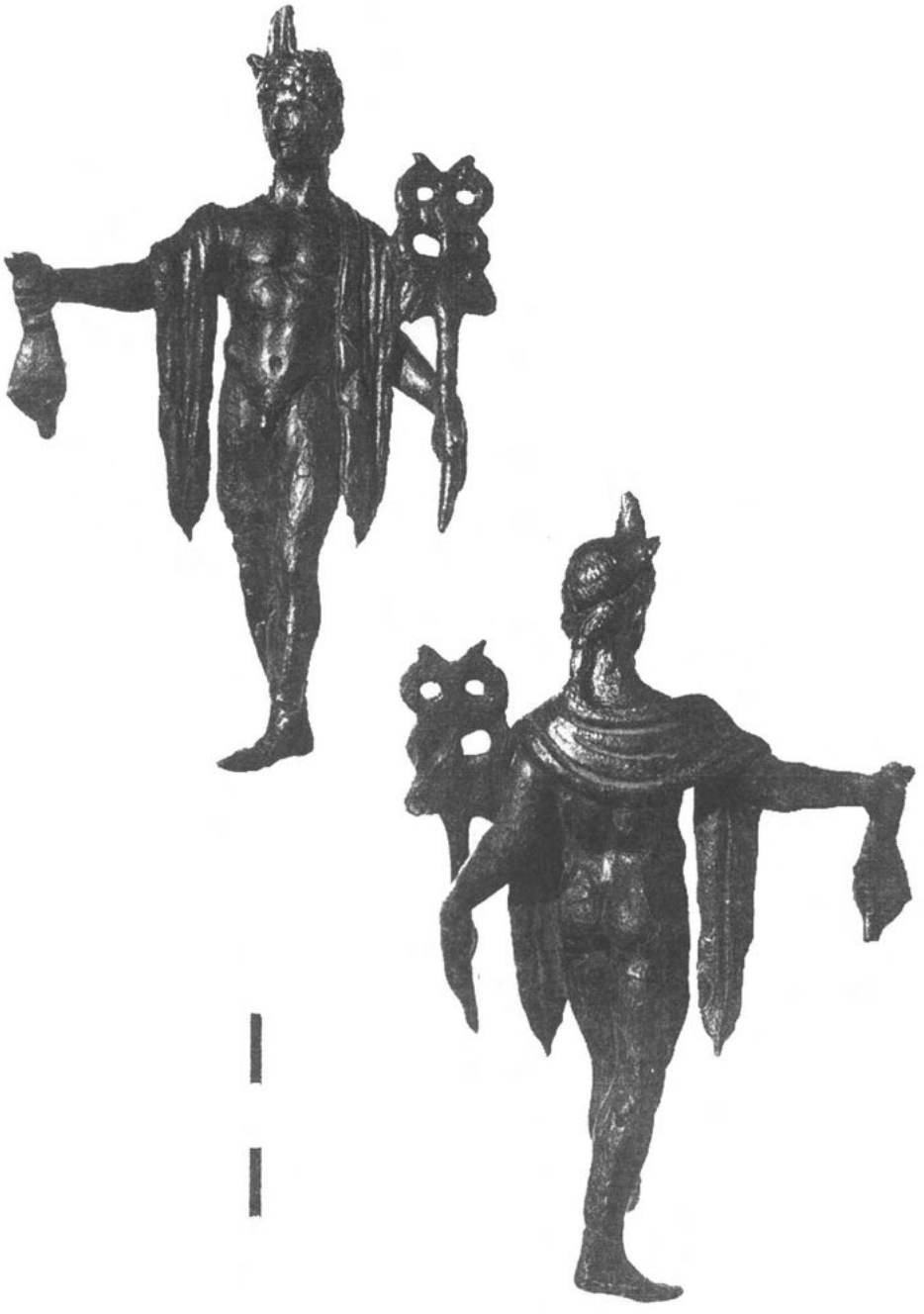

I
2
3
4
5
6
7
8
9
+4
10
+2
11
22
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
0 3см

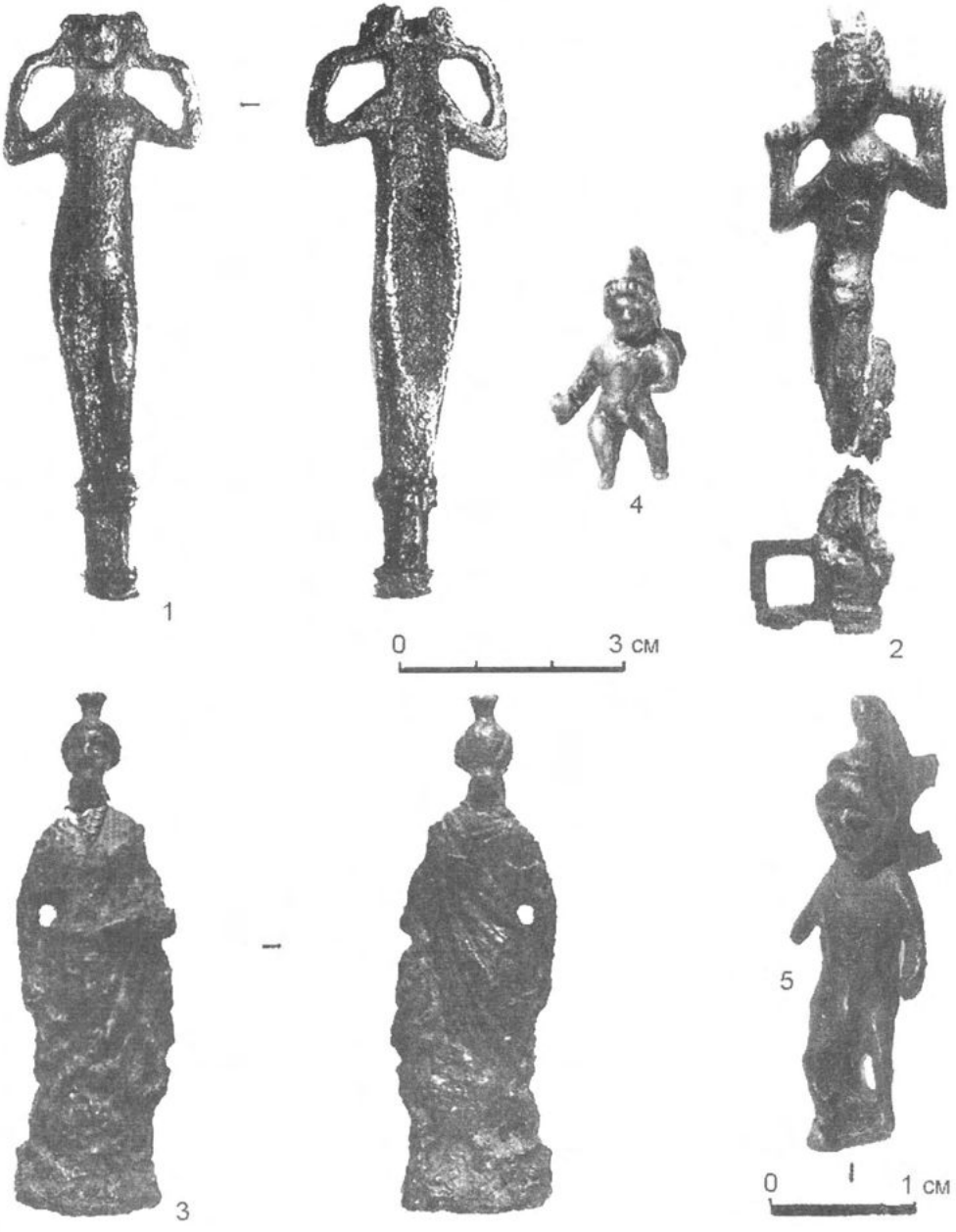

1
1см
2
3
4
5
6
7
8
9
10
4.5см
5см
8см
11
1см
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
+2
АМ-2
АМ-2
АМ-2
АМ-2
0 3см

1 см

0 1см

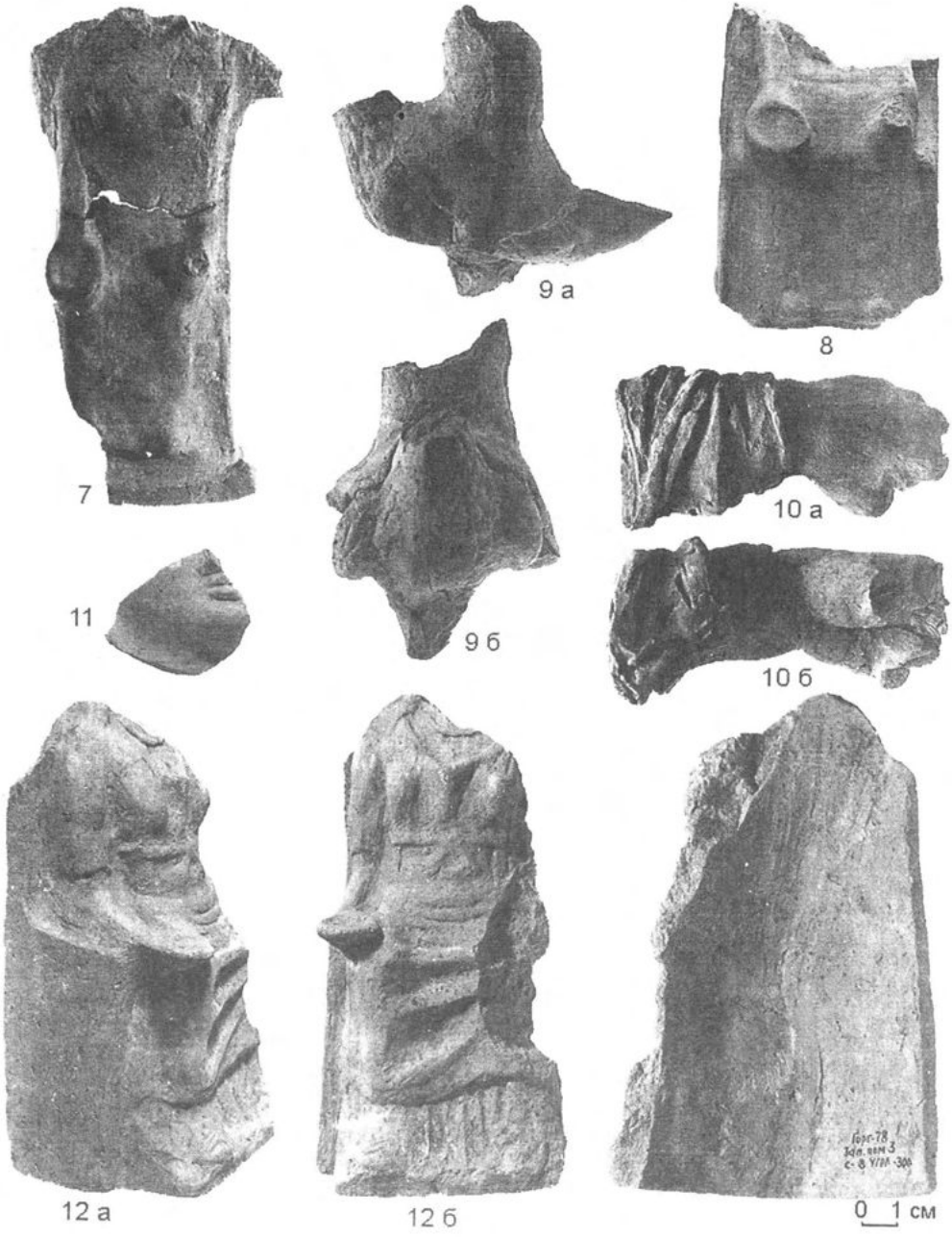
1
2
0 1 см



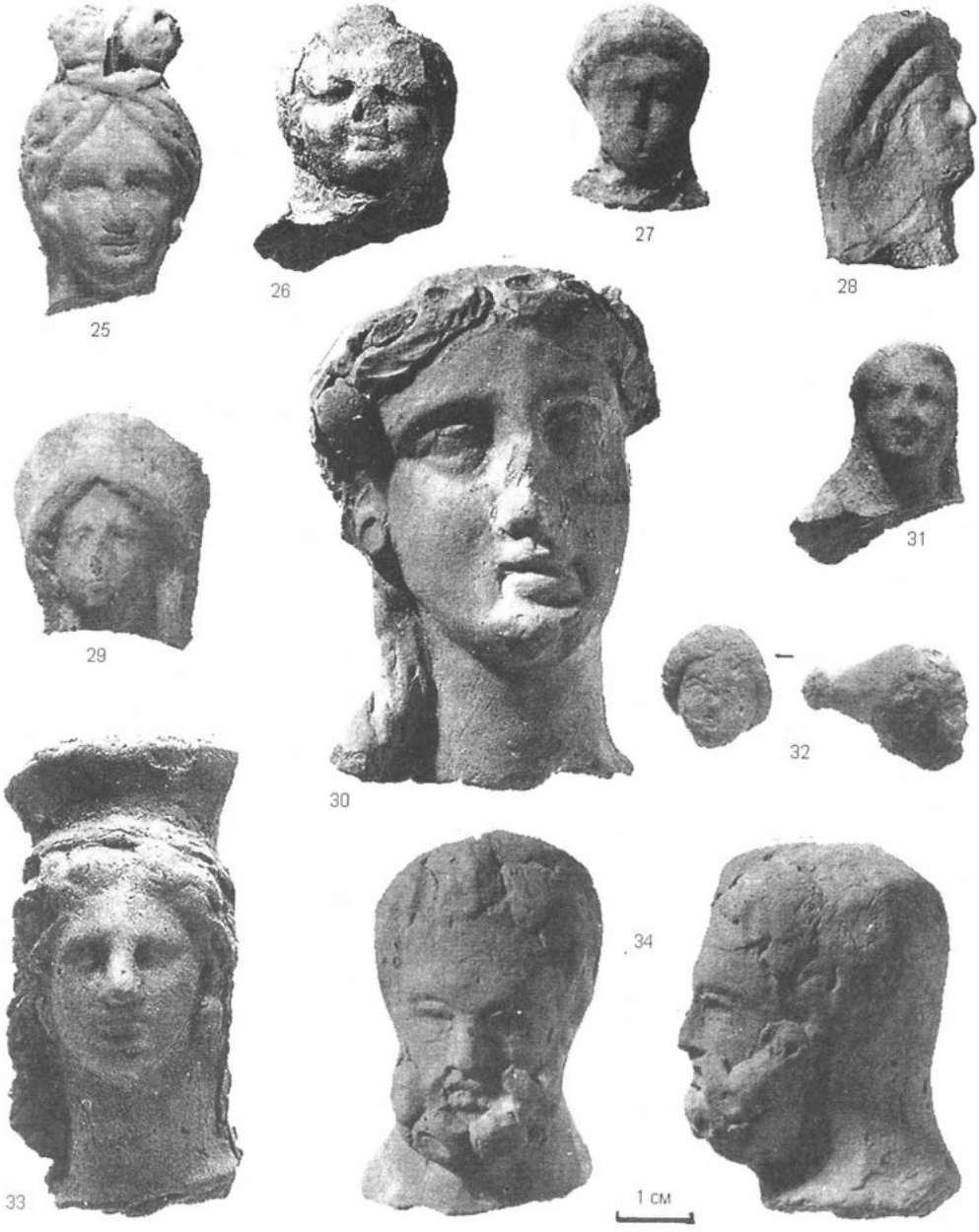

1
4
2
0
3 см
3
5
0
1 см

1
2
3
4
5
1 см

6
0 1 см

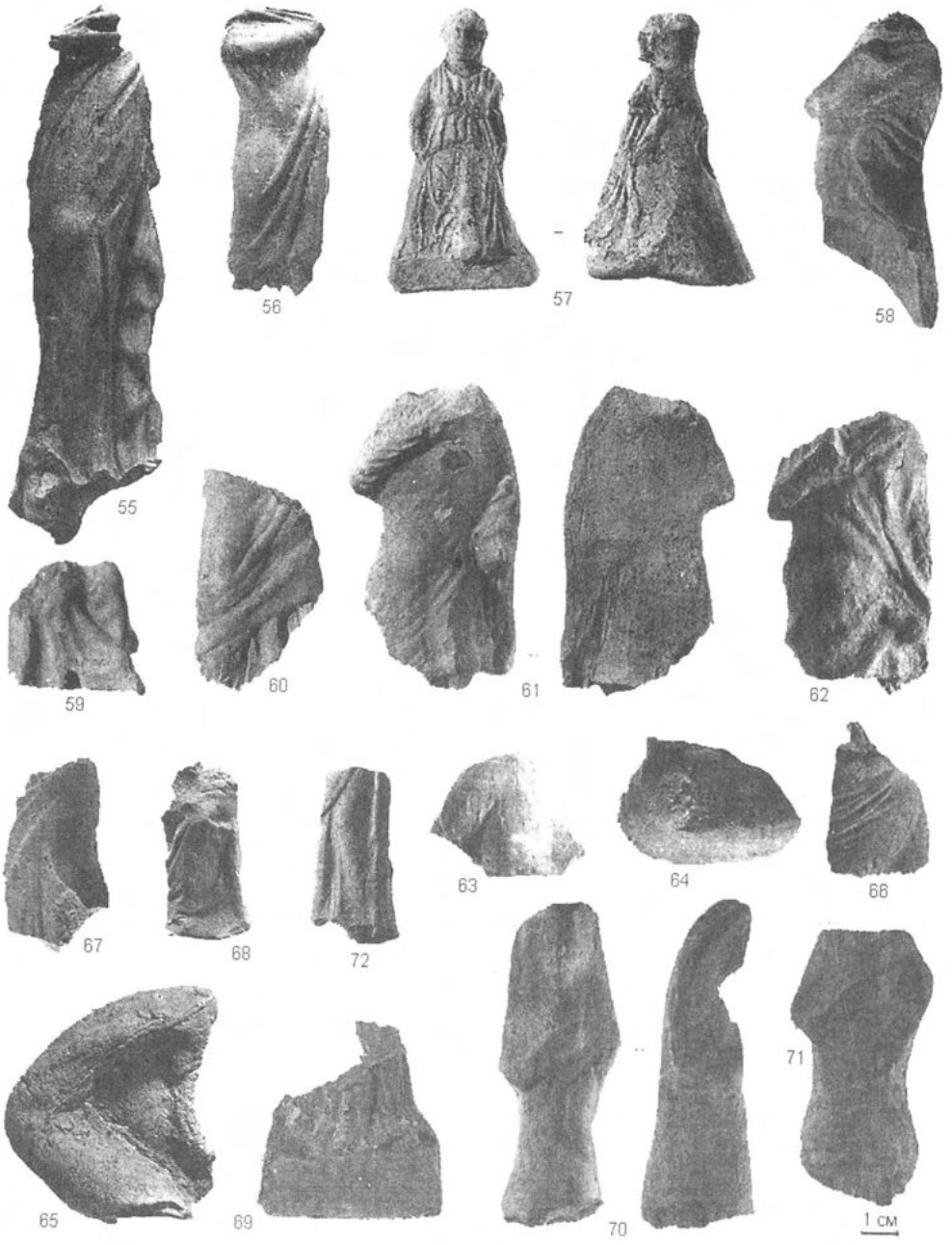

7
9 а
8
10 а
11
9 б
10 б
12 а
12 б
0 1 см

13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
0 1 см

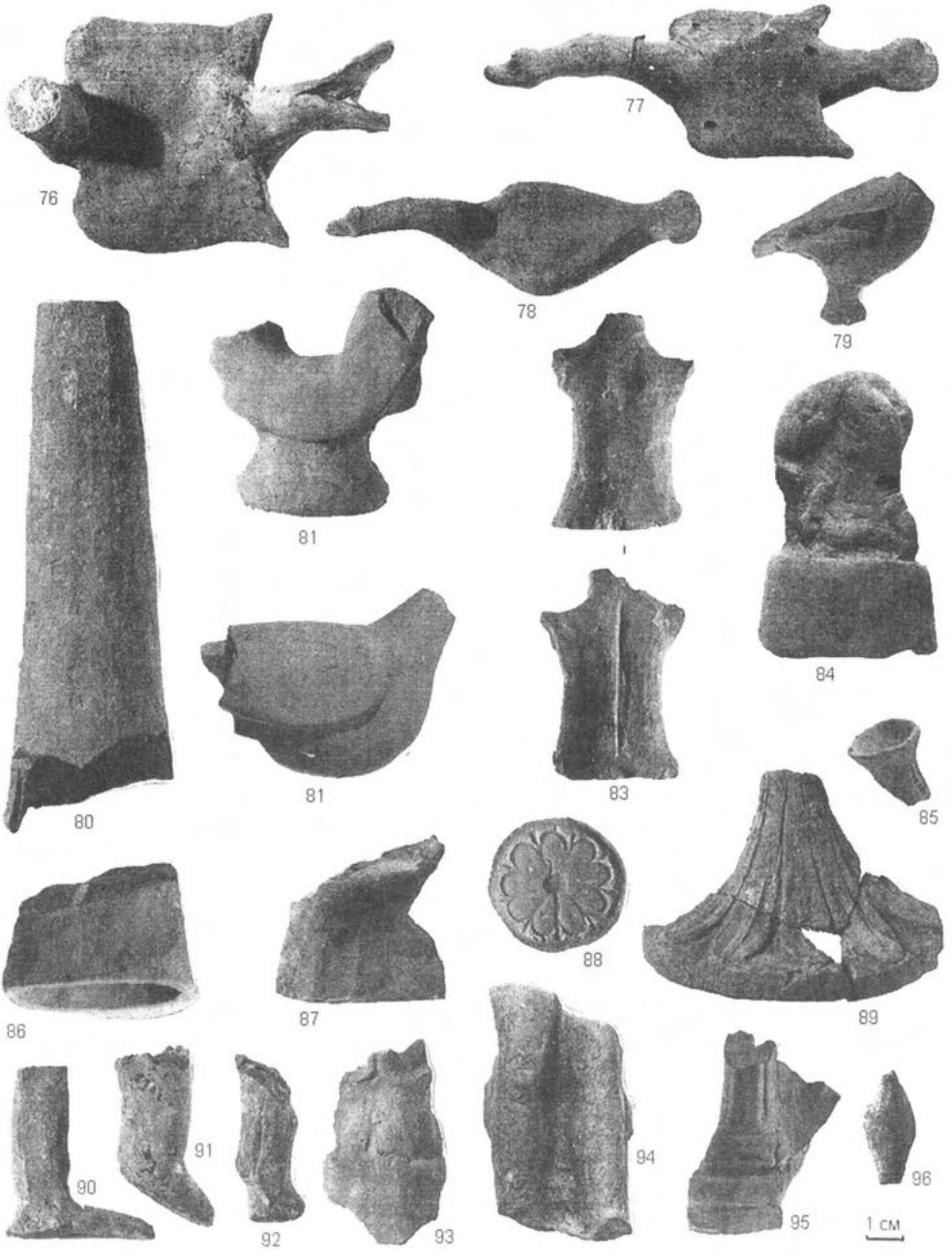

25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
1 см

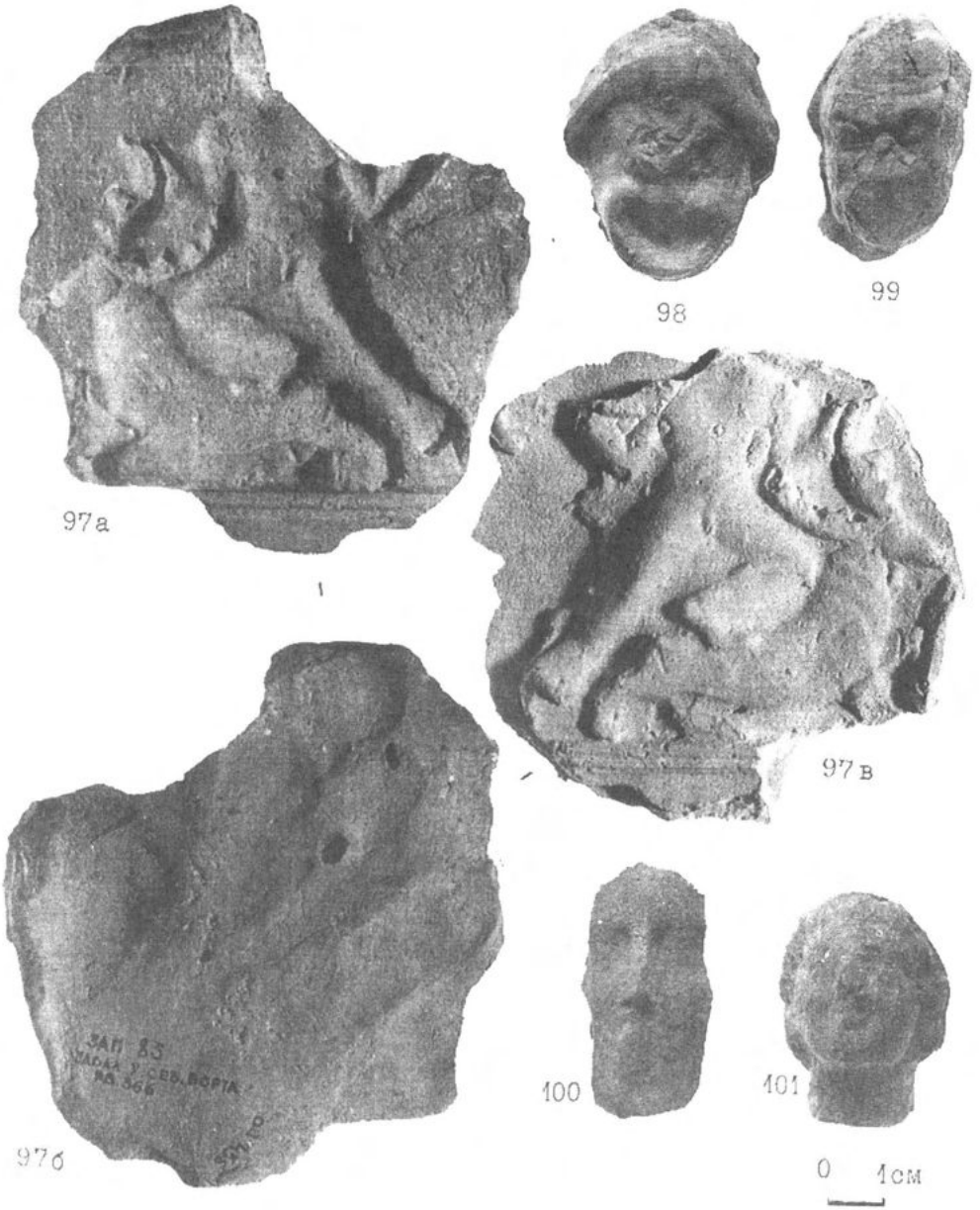
35
36
37
38
39
40
41
42
43
0 1 см

44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
0 1см


55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
66
67
68
72
65
69
70
71
1 см

73
74
75
0 1см


76
77
78
79
80
81
81
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
1 см


97а
98
99
97в
97б
ЗАП 83
СЛОЙ У СЕВ. ВОРТА
КВ. 36Б
100
101
0 1см

102 а

102 в

102 б

103 а

103 в

103 б

0 1 см

105 а

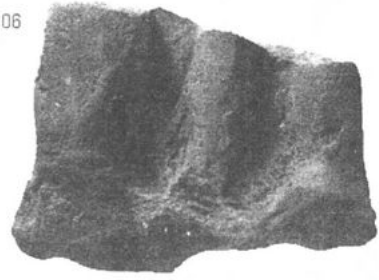
104 а

104 б

105 в

105 б

106



0 3 см

108

107

109

110

1 см

111

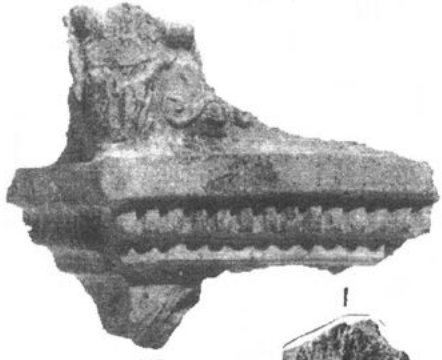
112

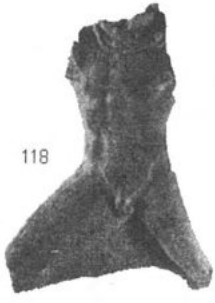
114

113

115

116


117


118

119

0 1 см

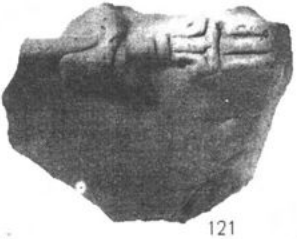
122

123

124

125 а

120



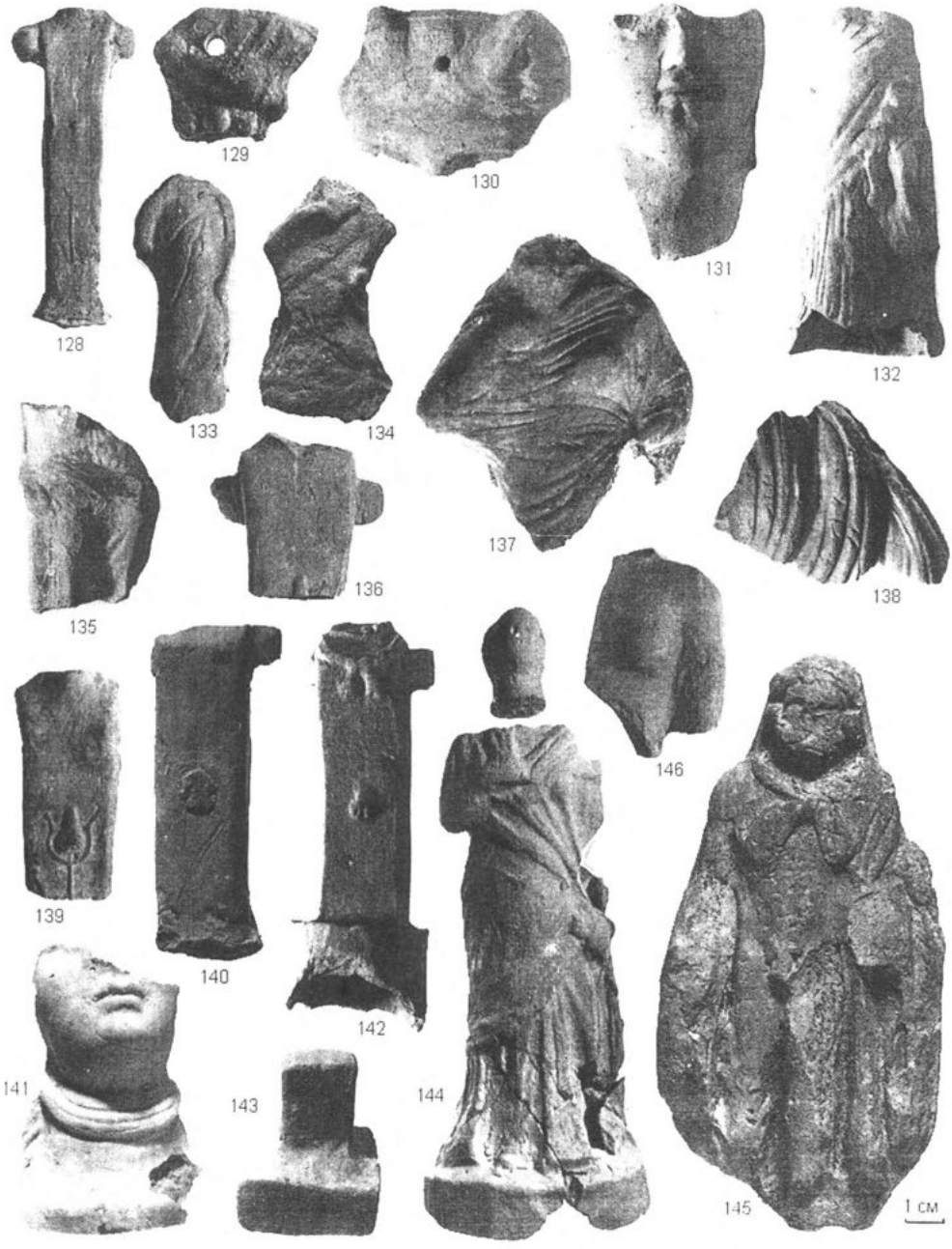
121

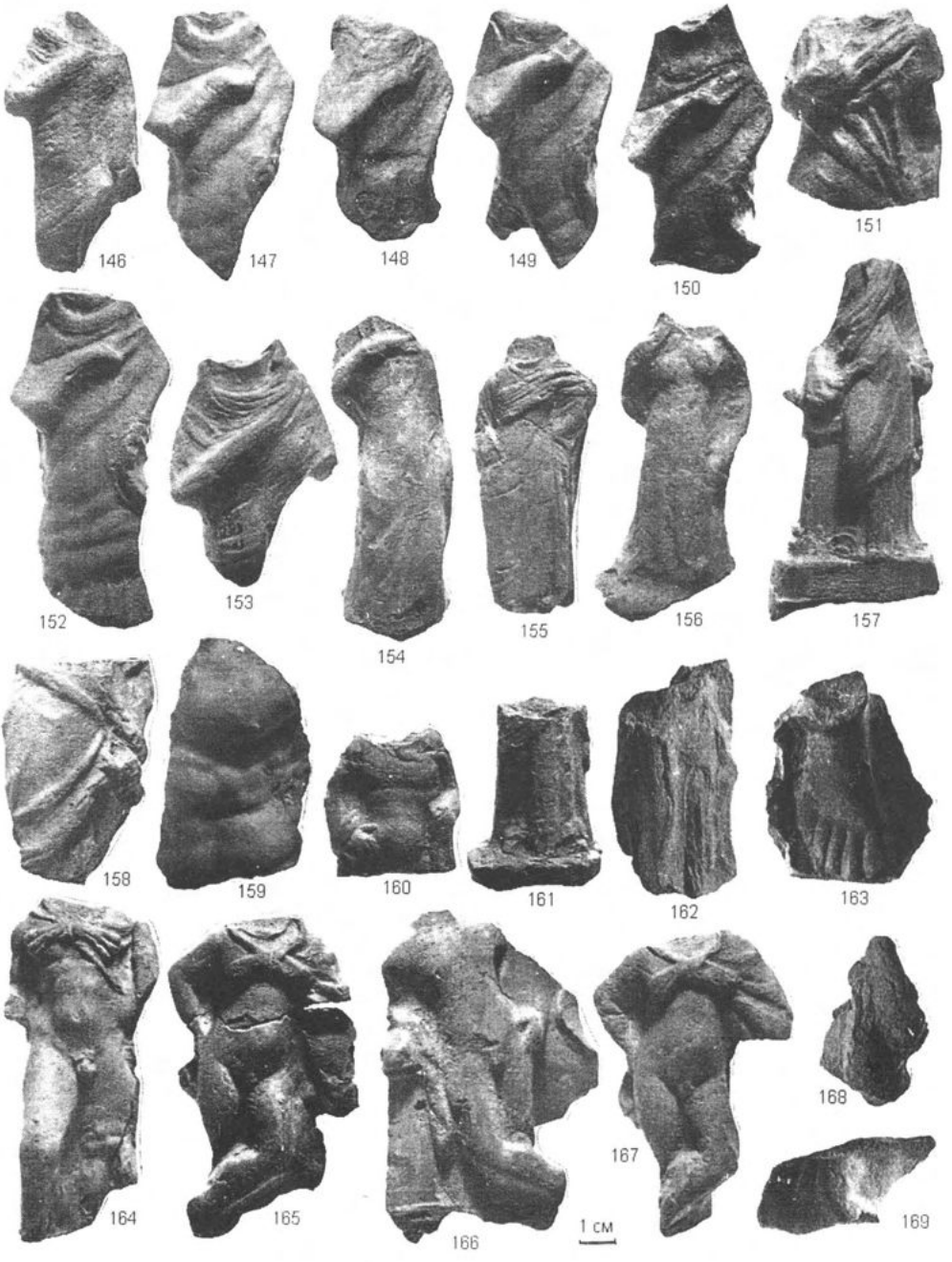
0 1 см

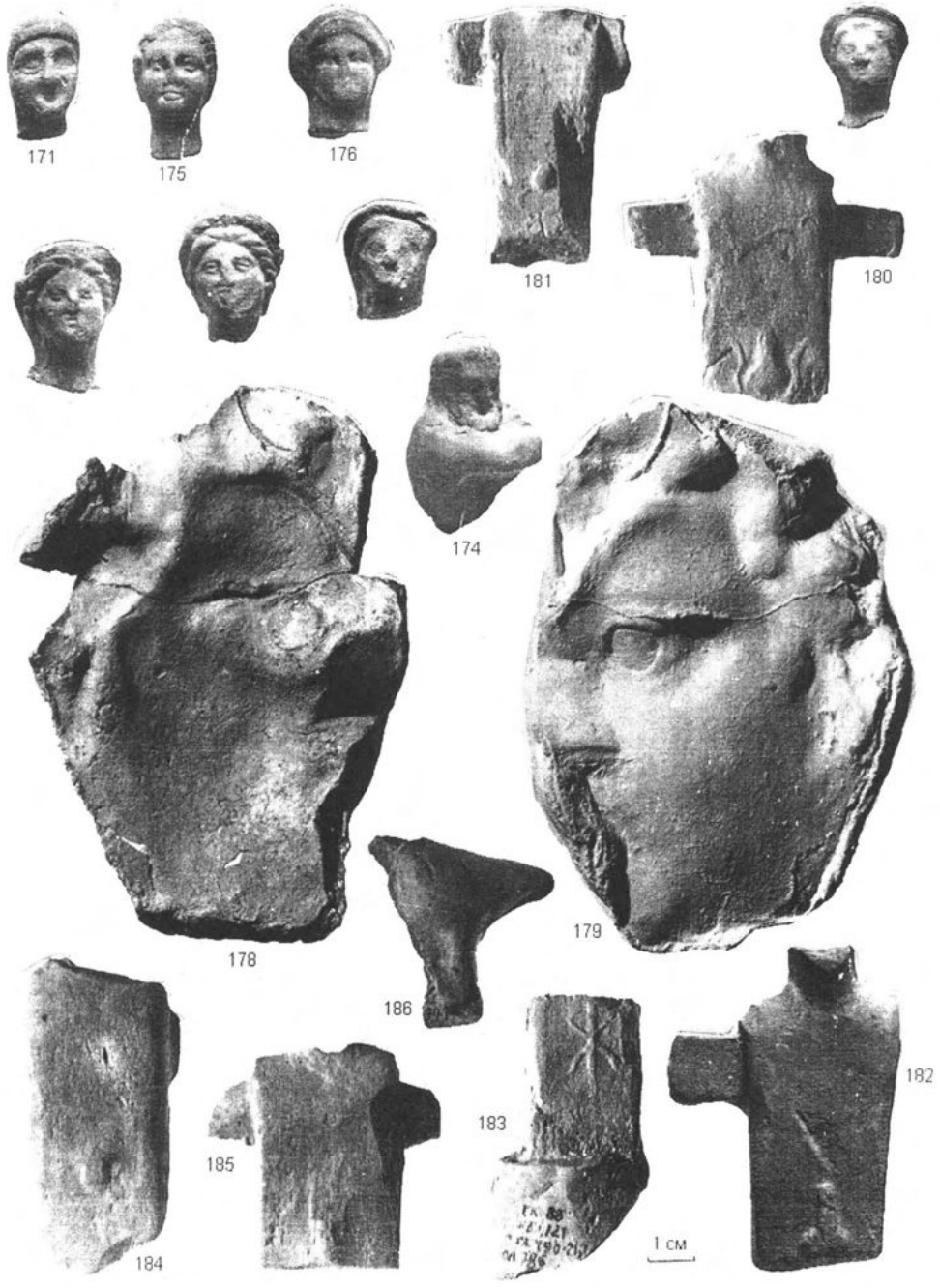
125 б

126

127
0 3 см

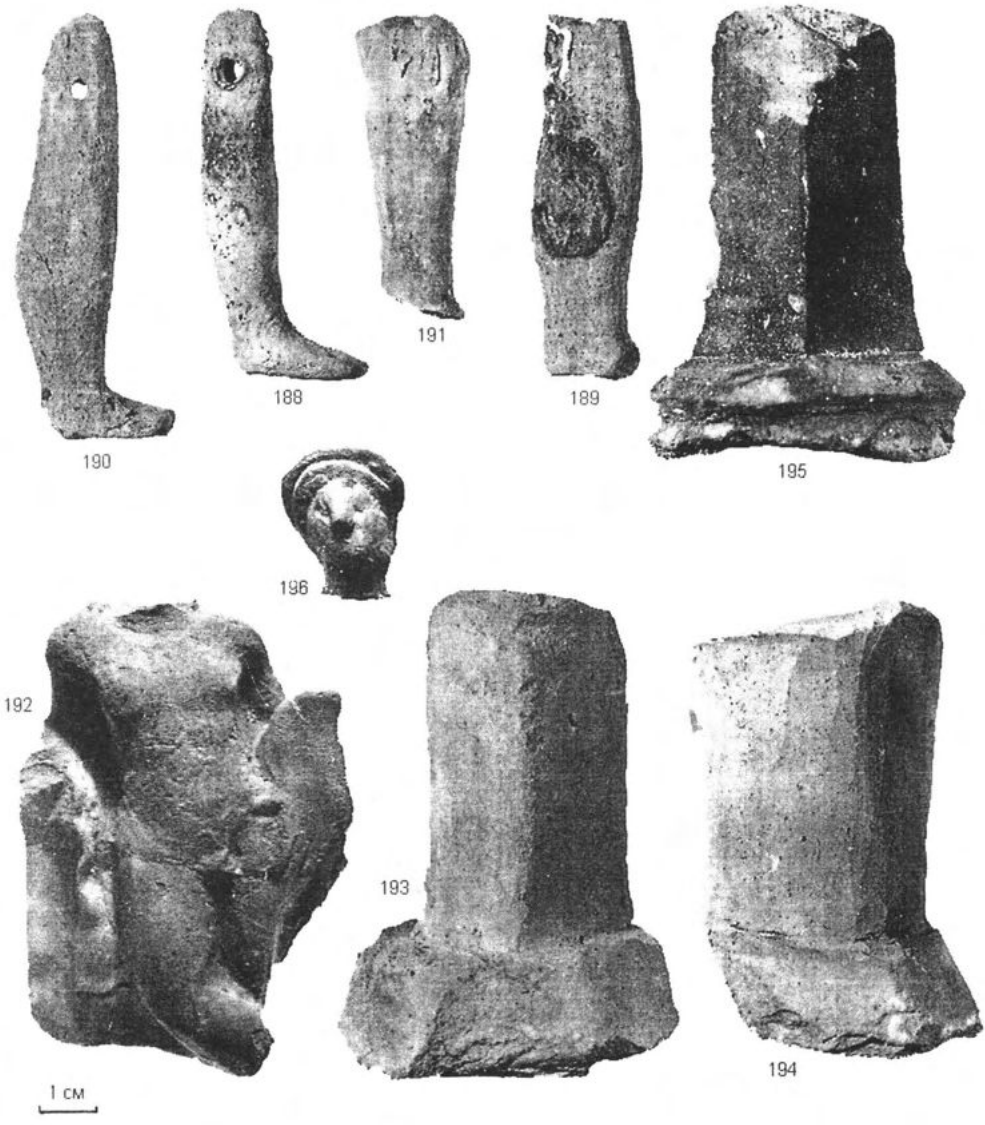

128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
1 см

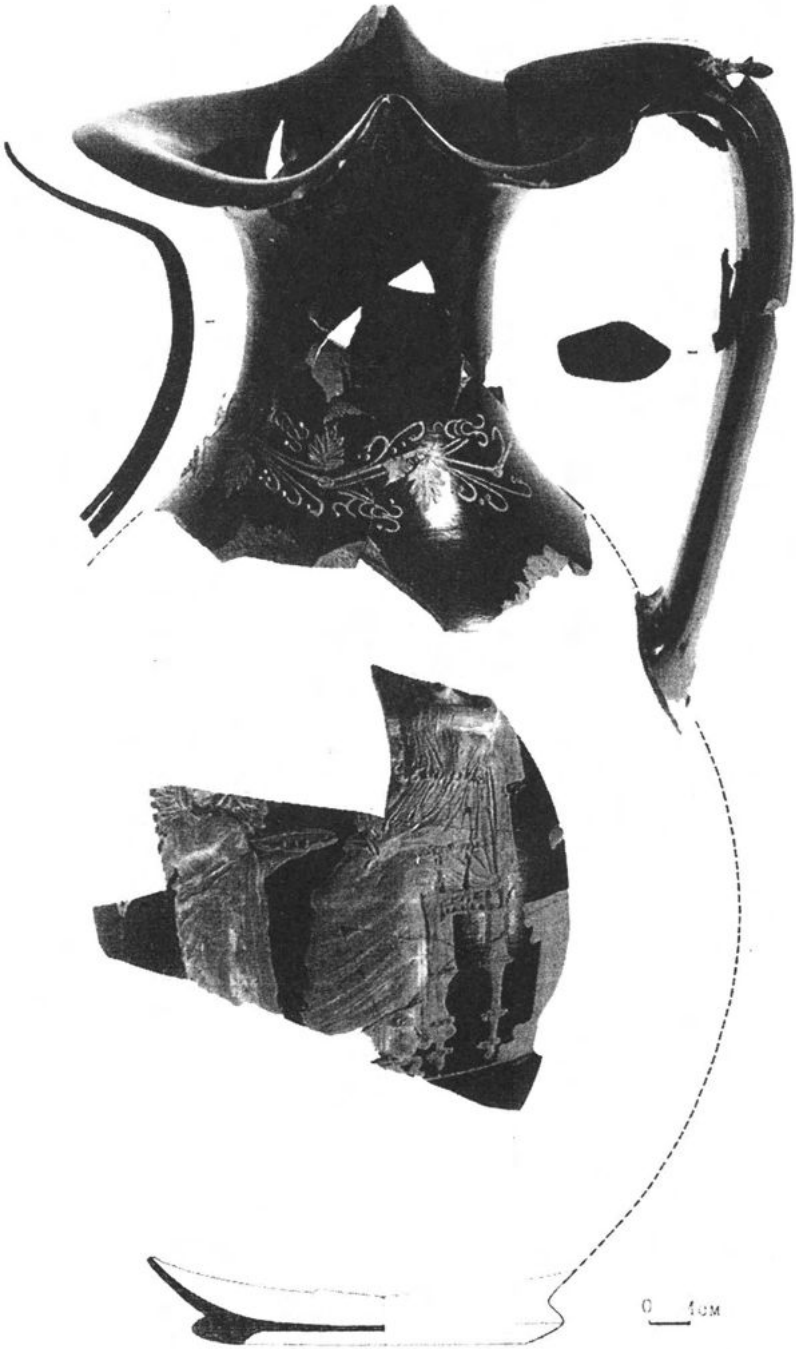

146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
1 см

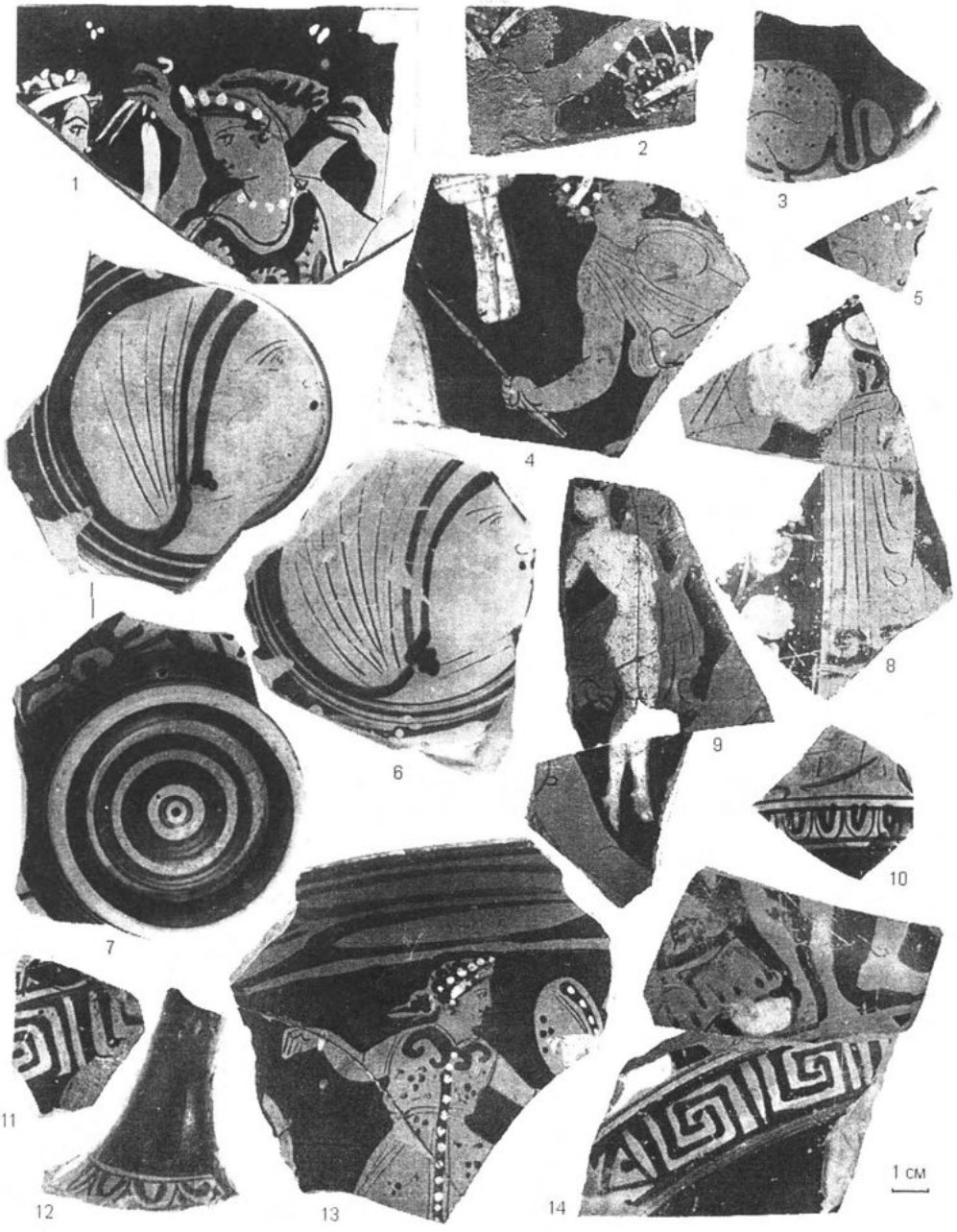

171
175
176
181
180
174
178
179
186
184
185
183
182
1 см

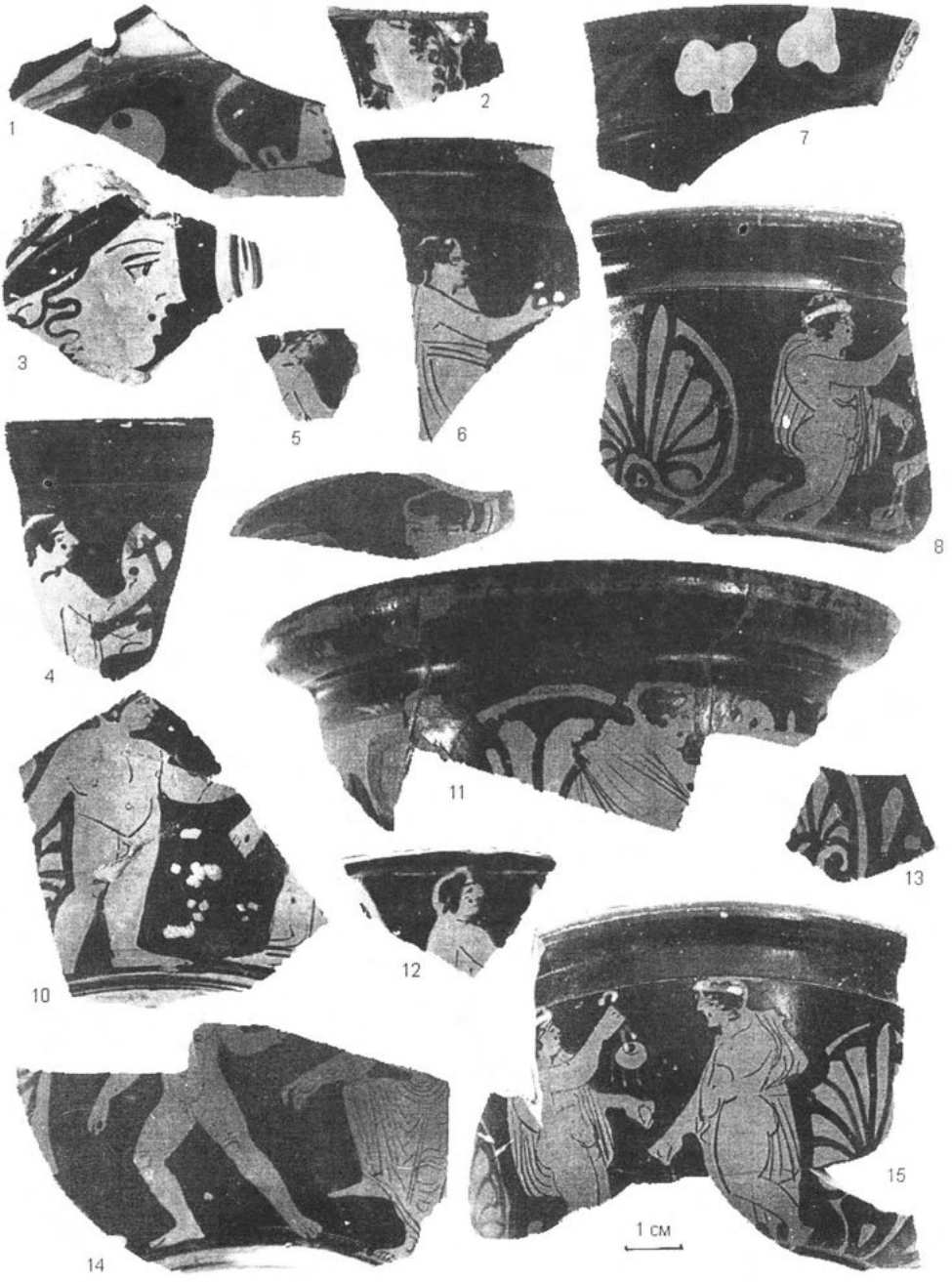
187

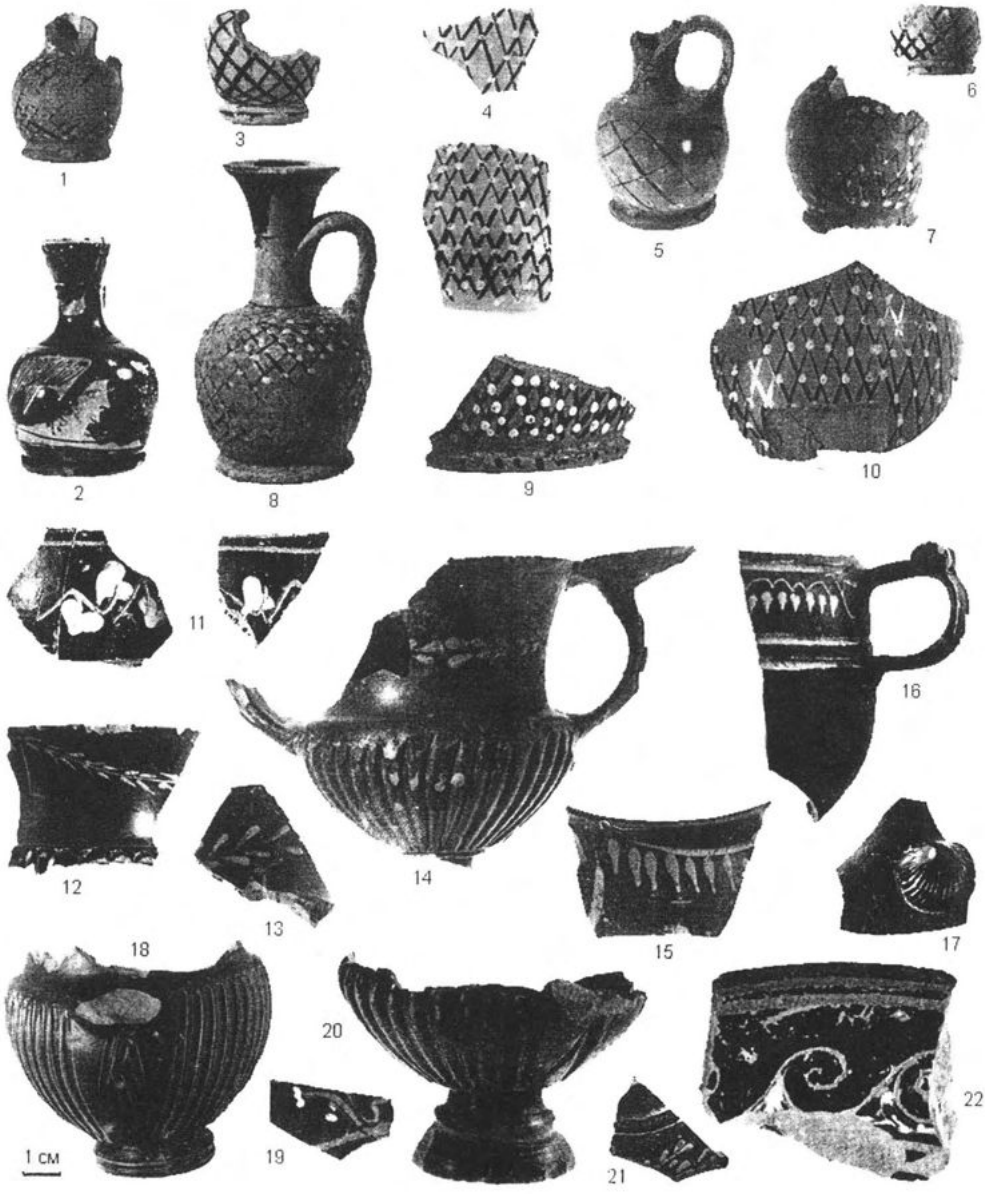
0 3 см


190
188
191
189
195
196
192
193
194
1 см

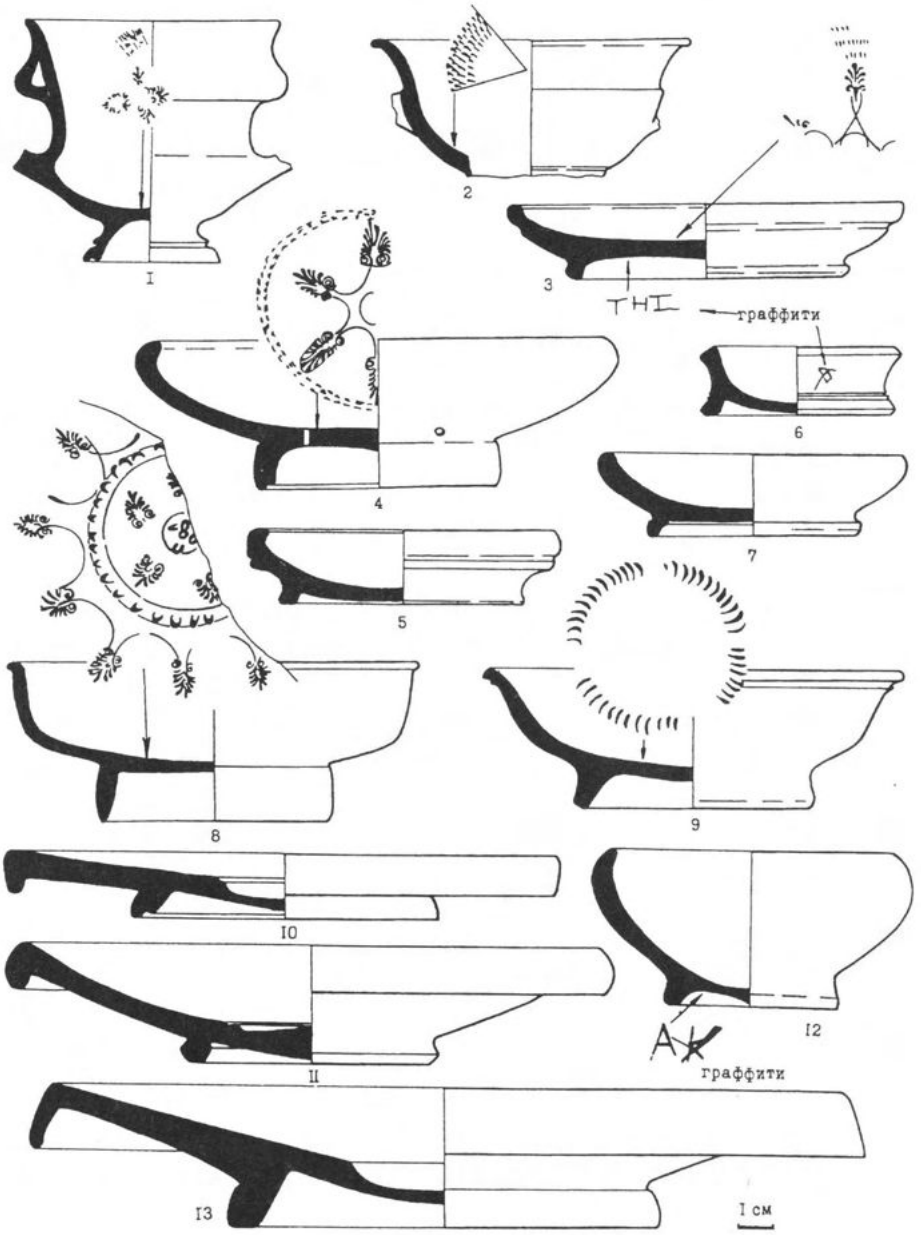

0 1см

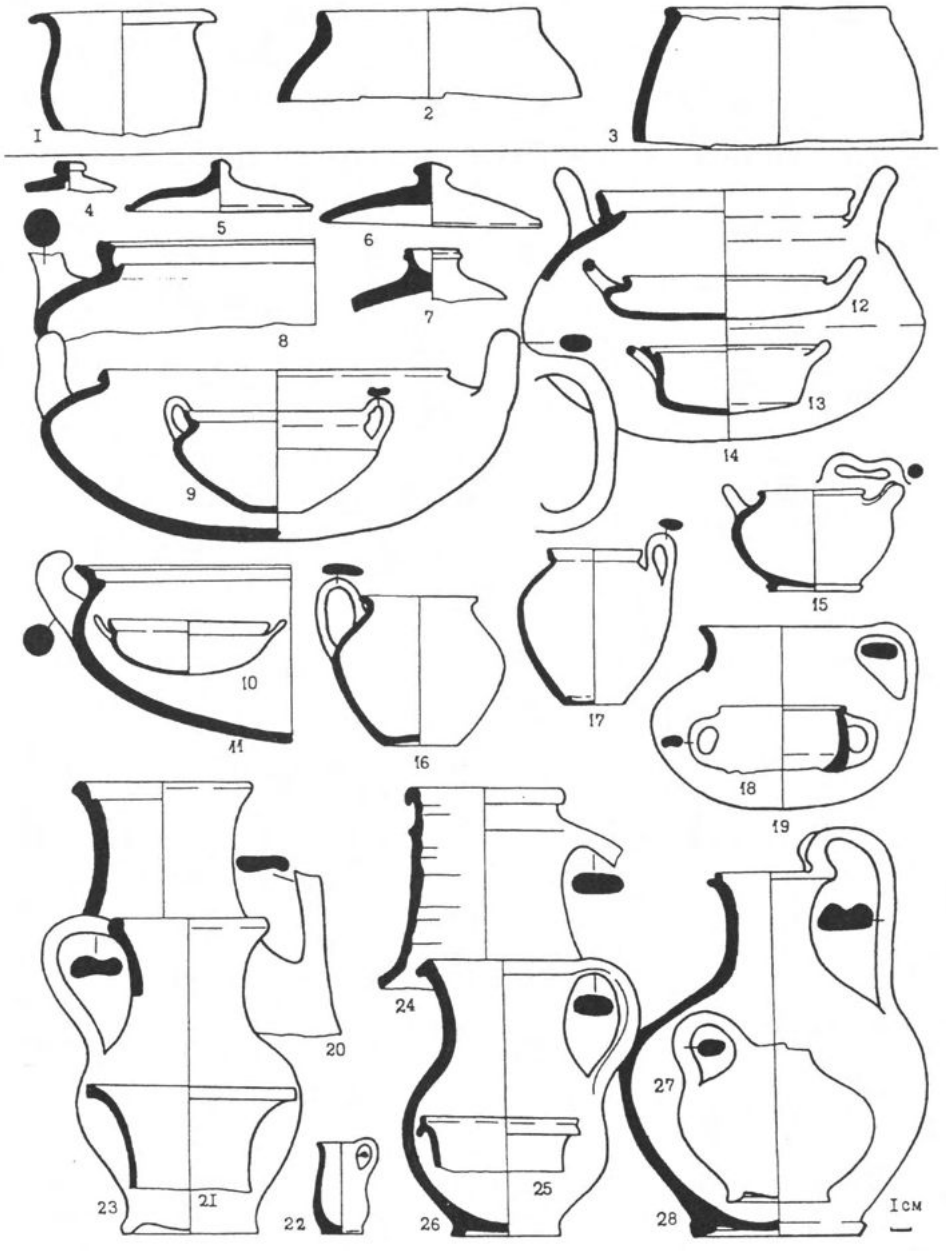

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
1 см

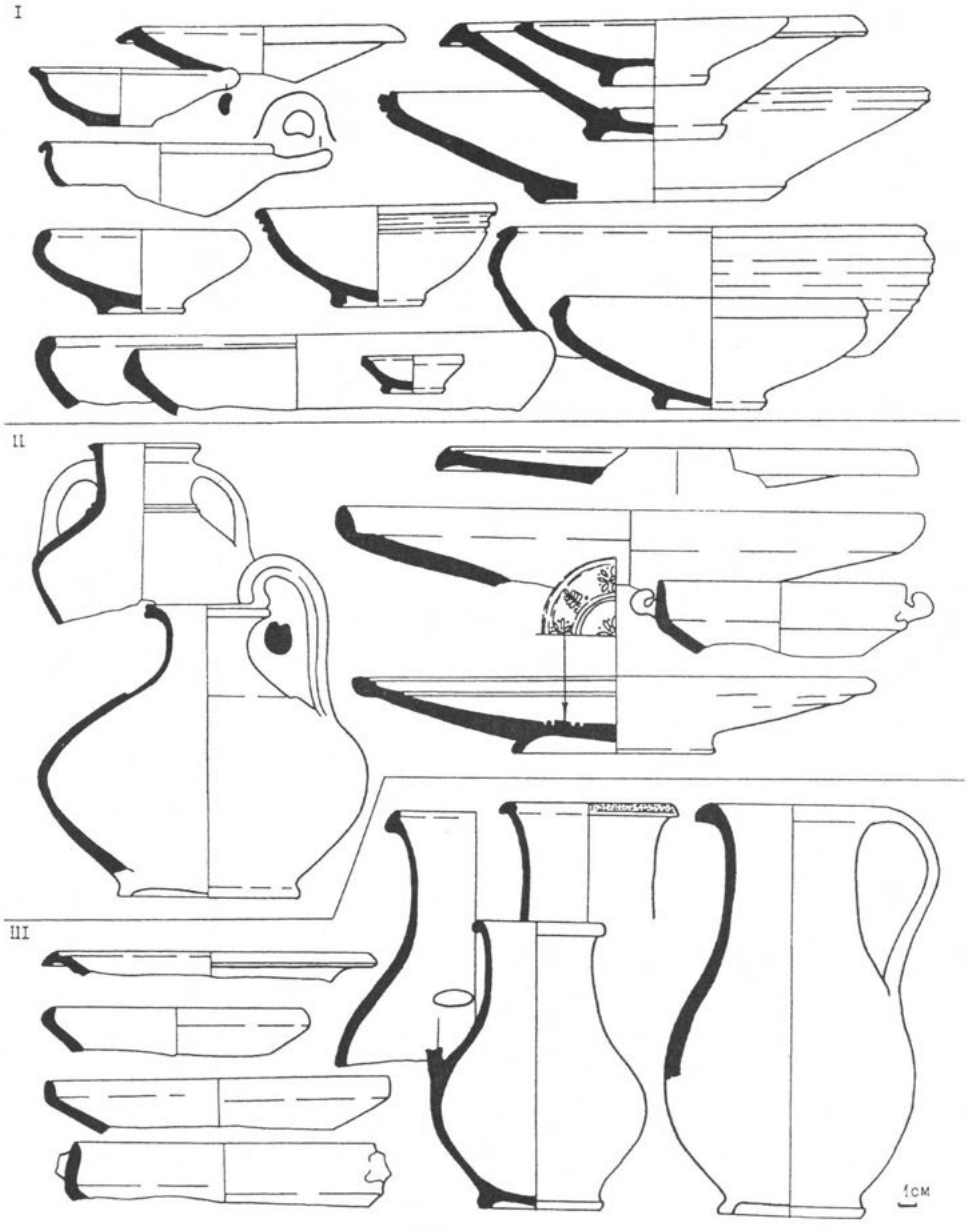

1
2
7
3
5
6
8
4
11
13
10
12
15
14
1 см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
1 см

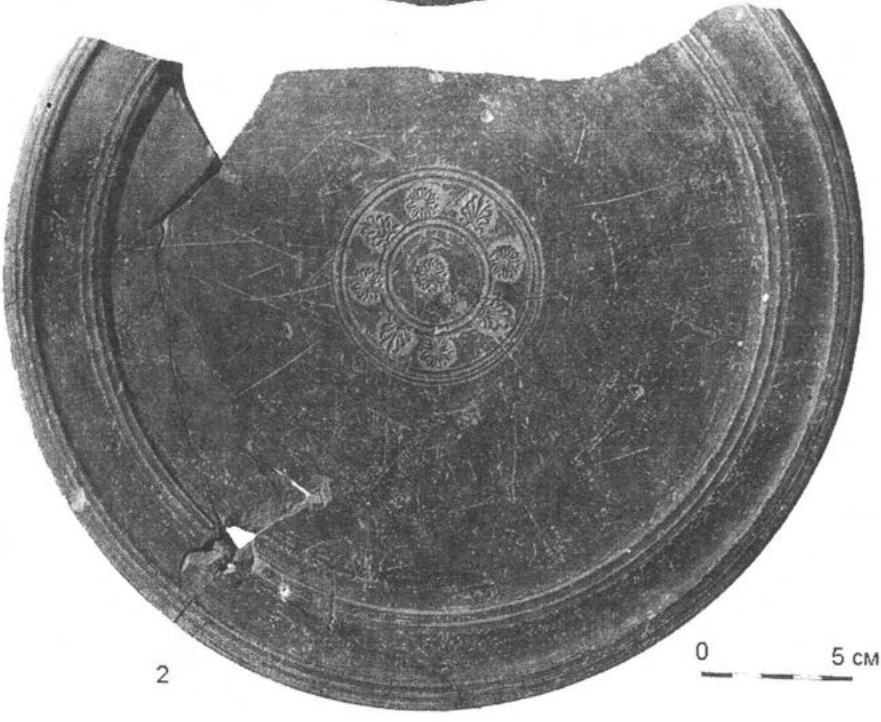
1 см
1
2
1 см
3
1 см
4
6
5
1 см
1 см


1
2
3
ΤΗΙ
граффити
4
5
6
7
8
9
10
11
12
граффити
13
1 см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
1см


I
II
III
1см

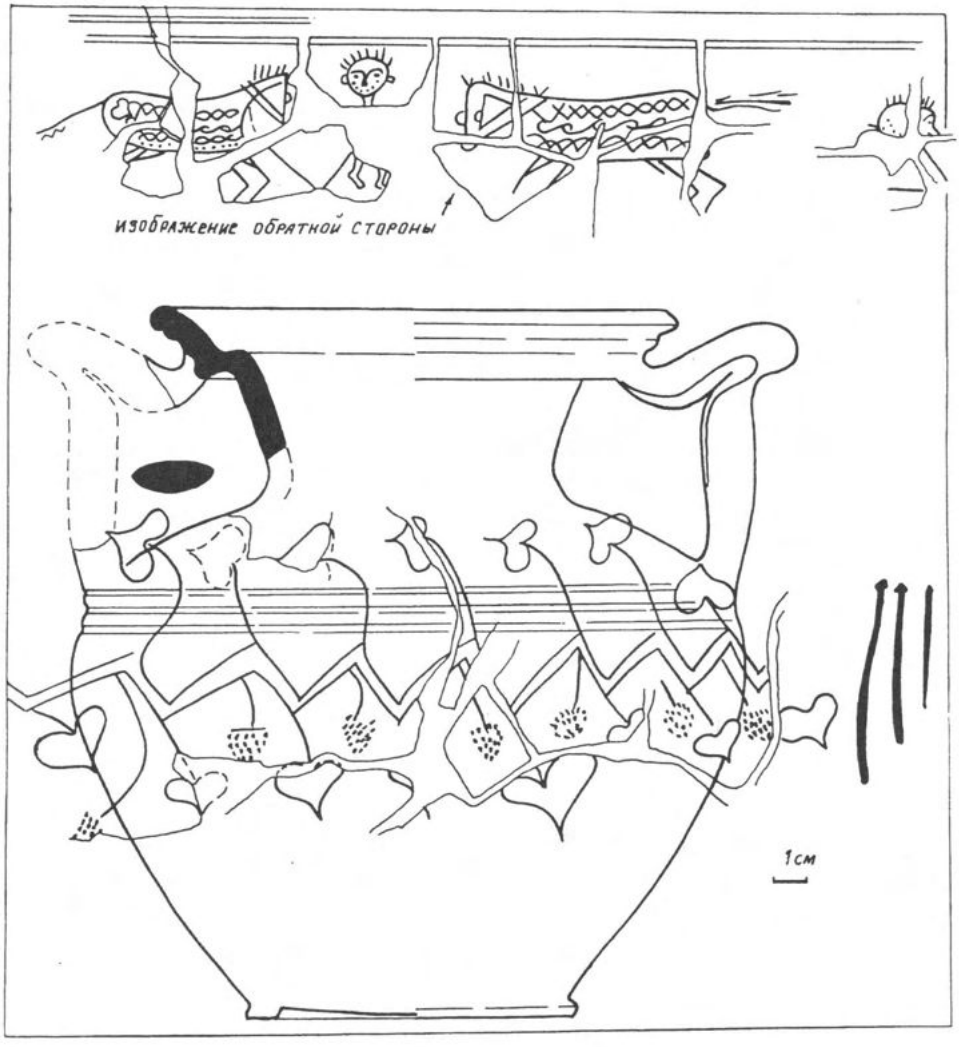
1

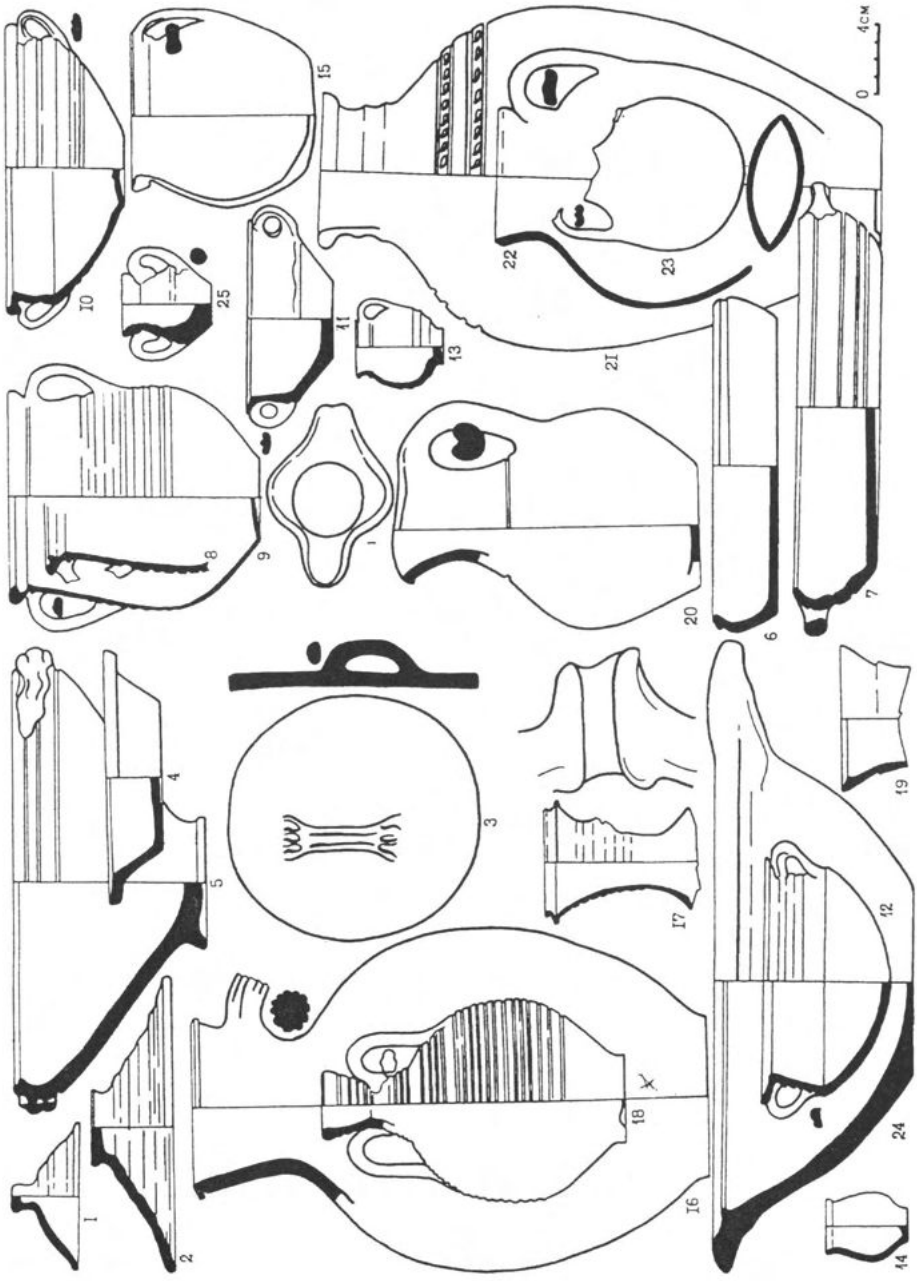


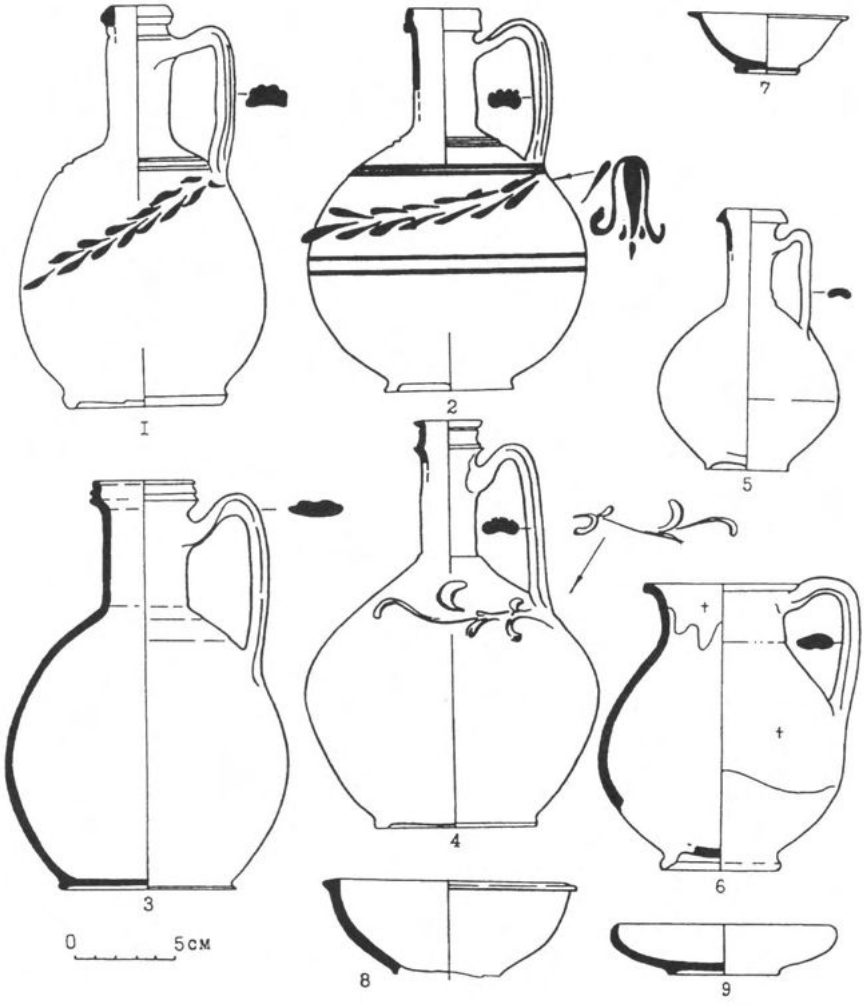
2

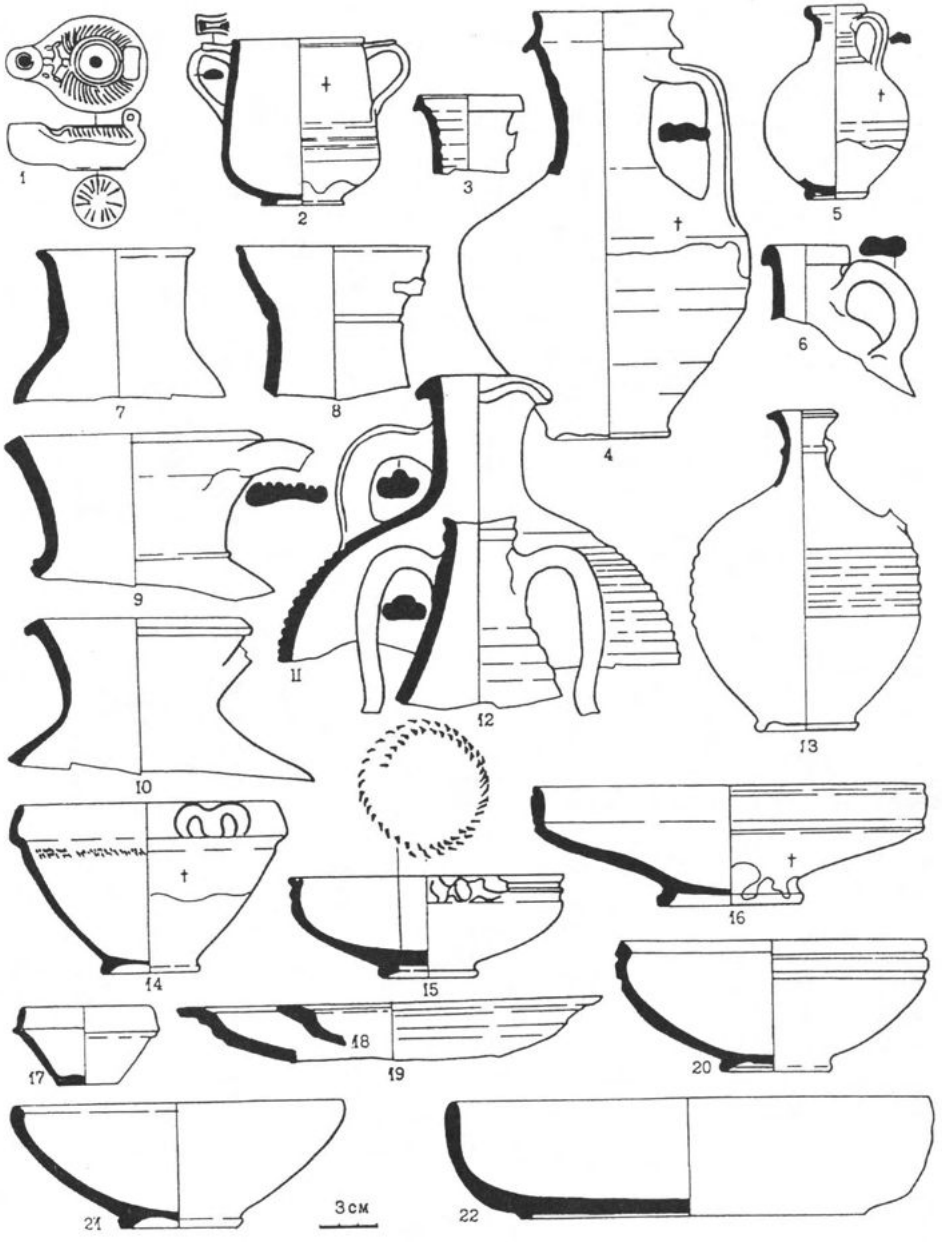
0 5 см

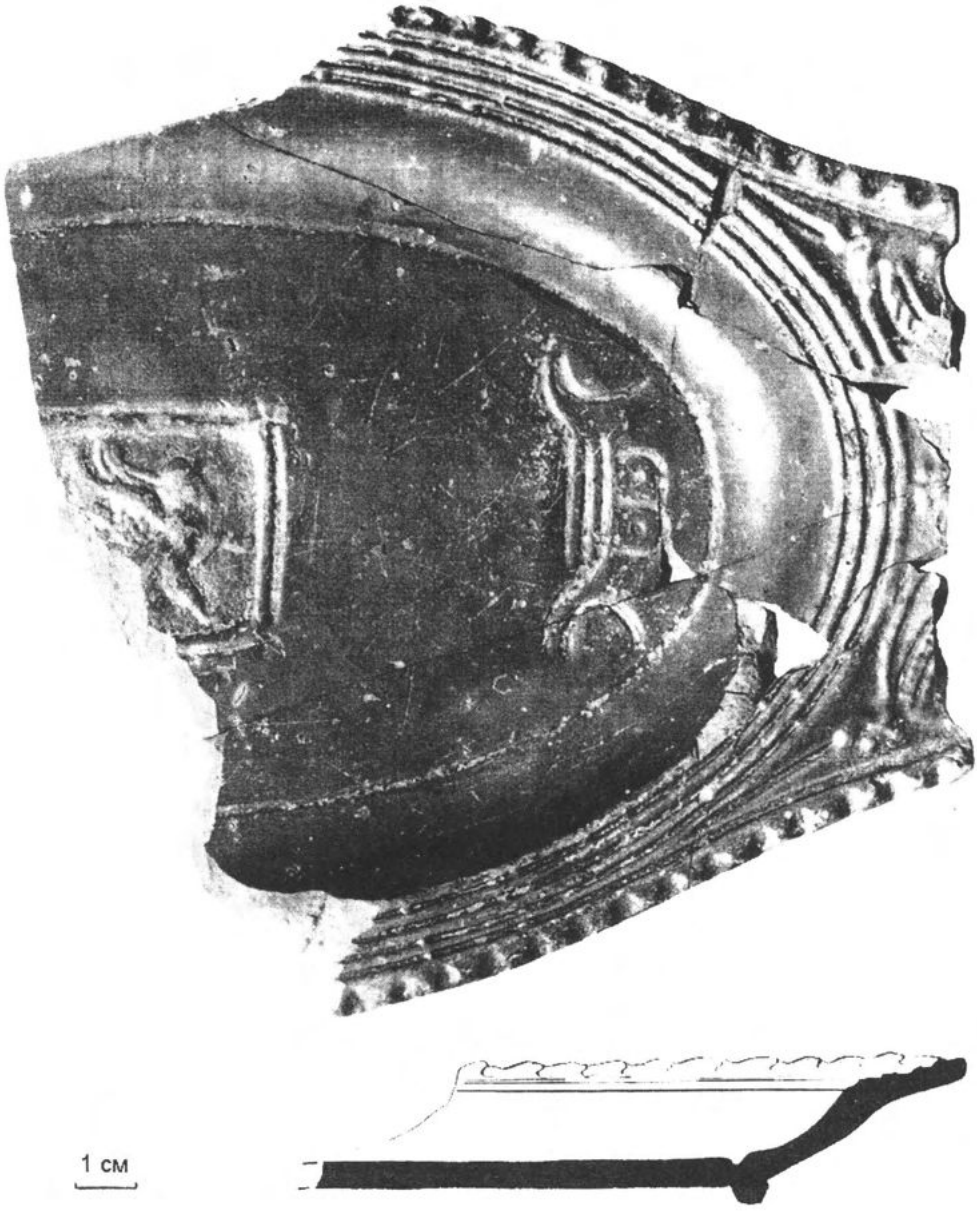
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
3 см


изображение обратной стороны
1см


0
4см


I
2
7
5
3
4
6
8
9
0
5см


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
3 см


1 см

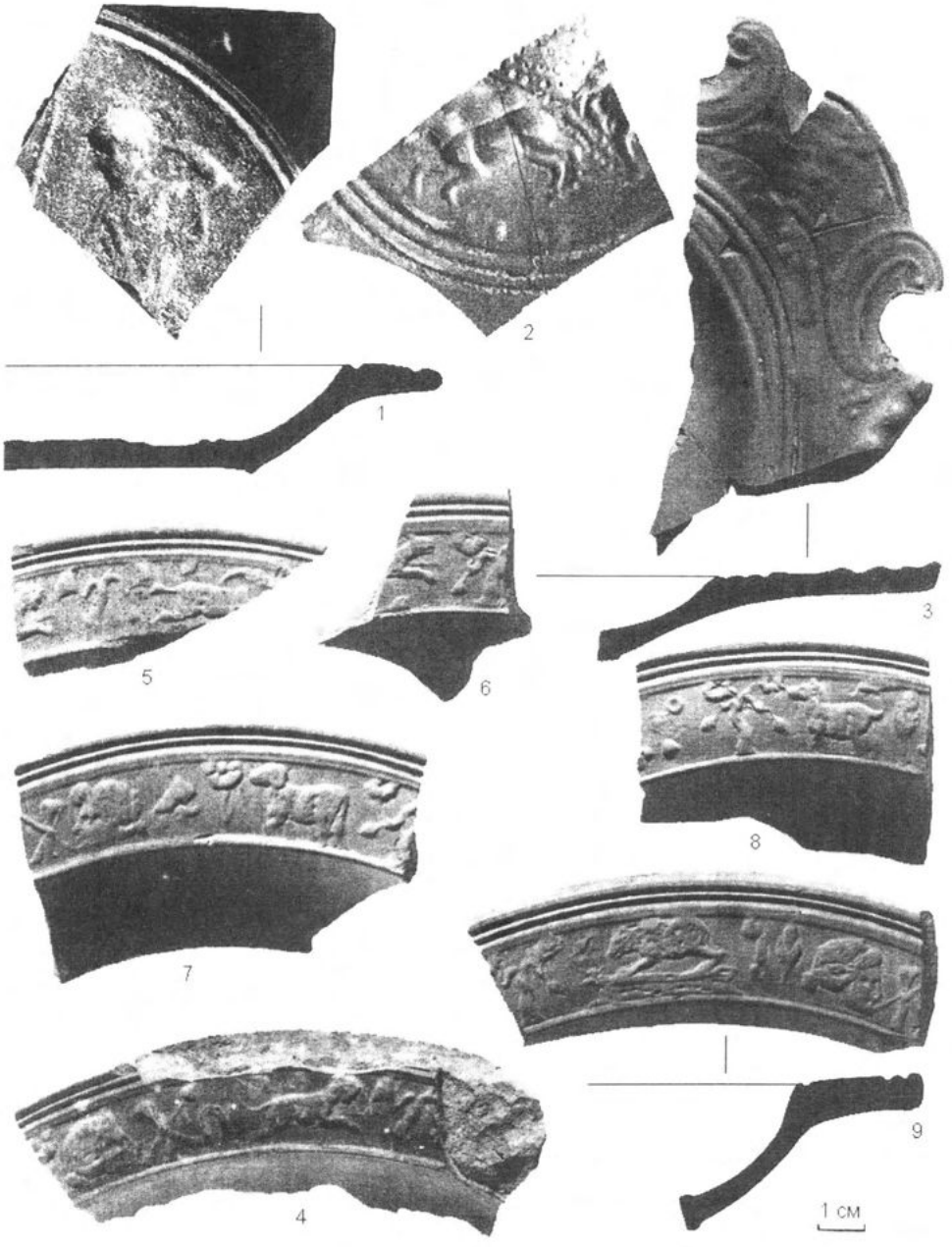

2
1
3
5
6
8
7
9
4
1 см

Таблица 218

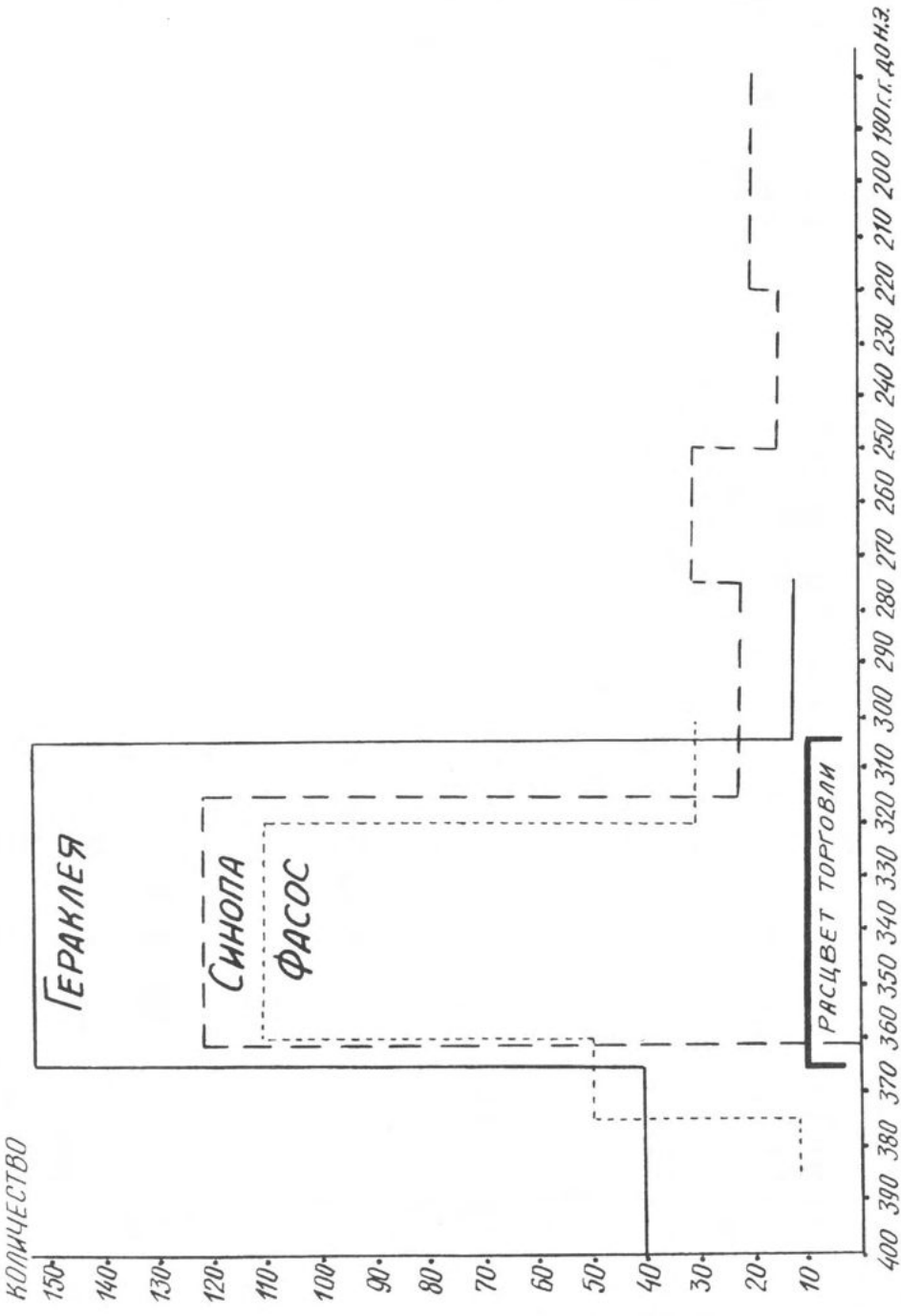
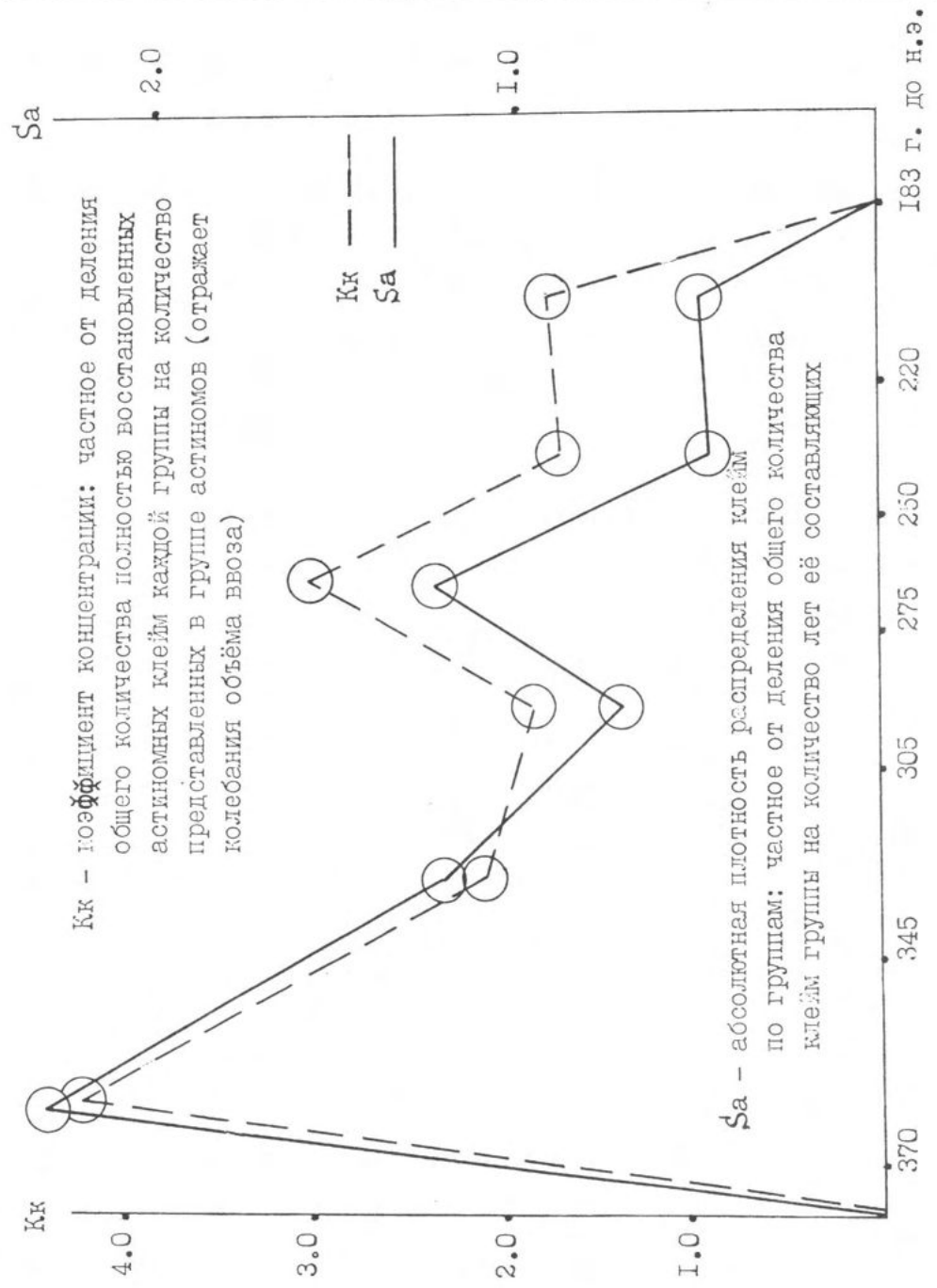
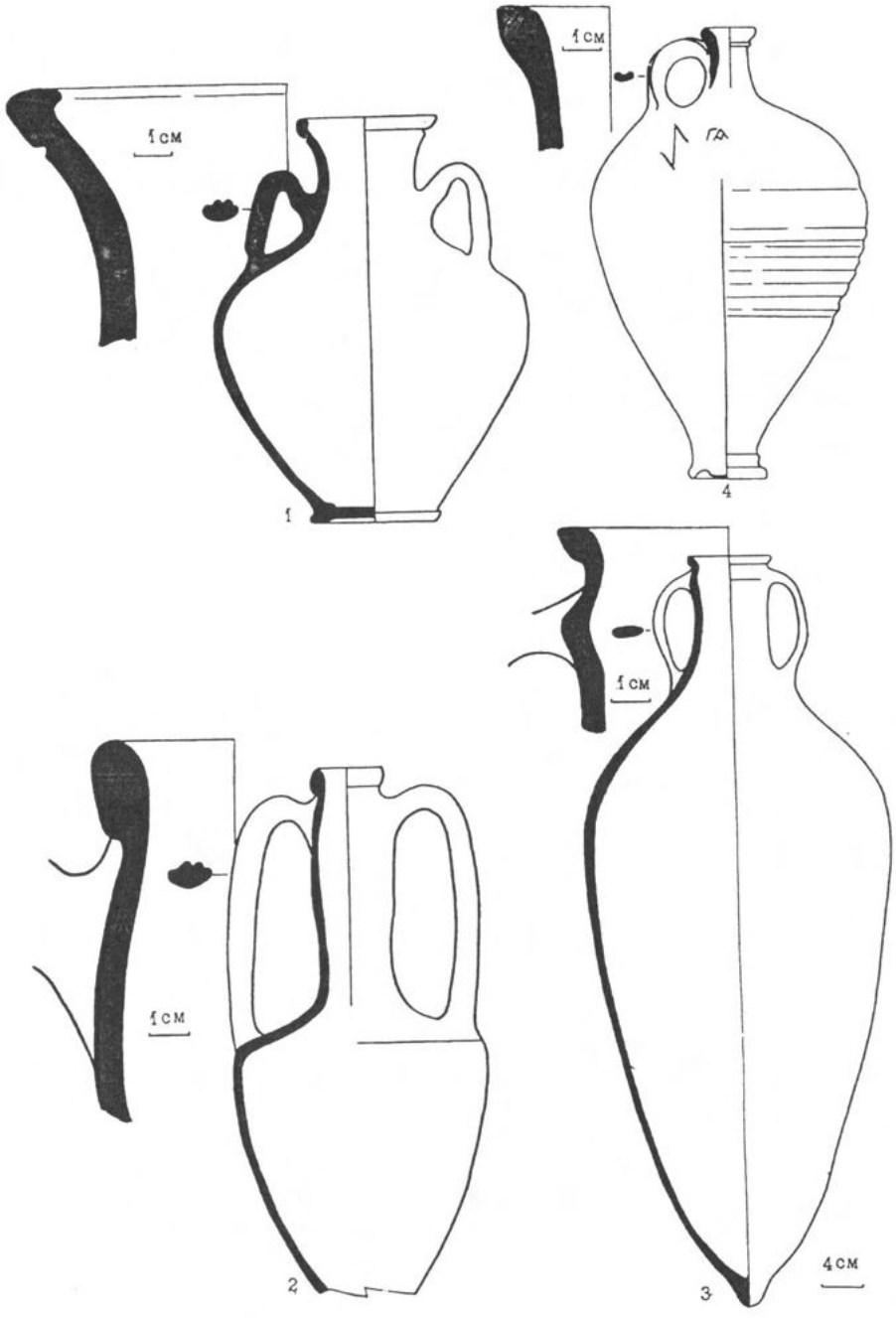
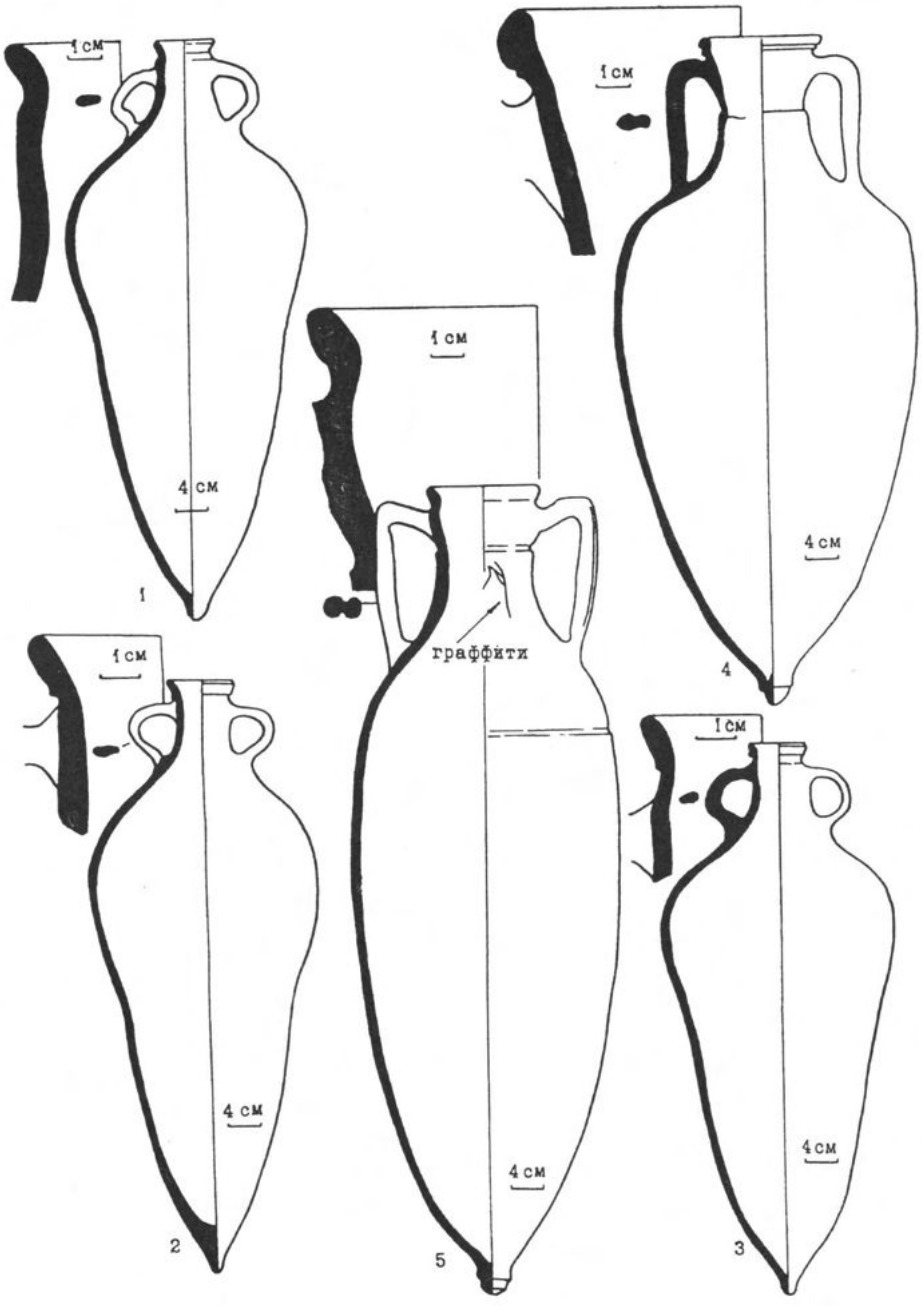
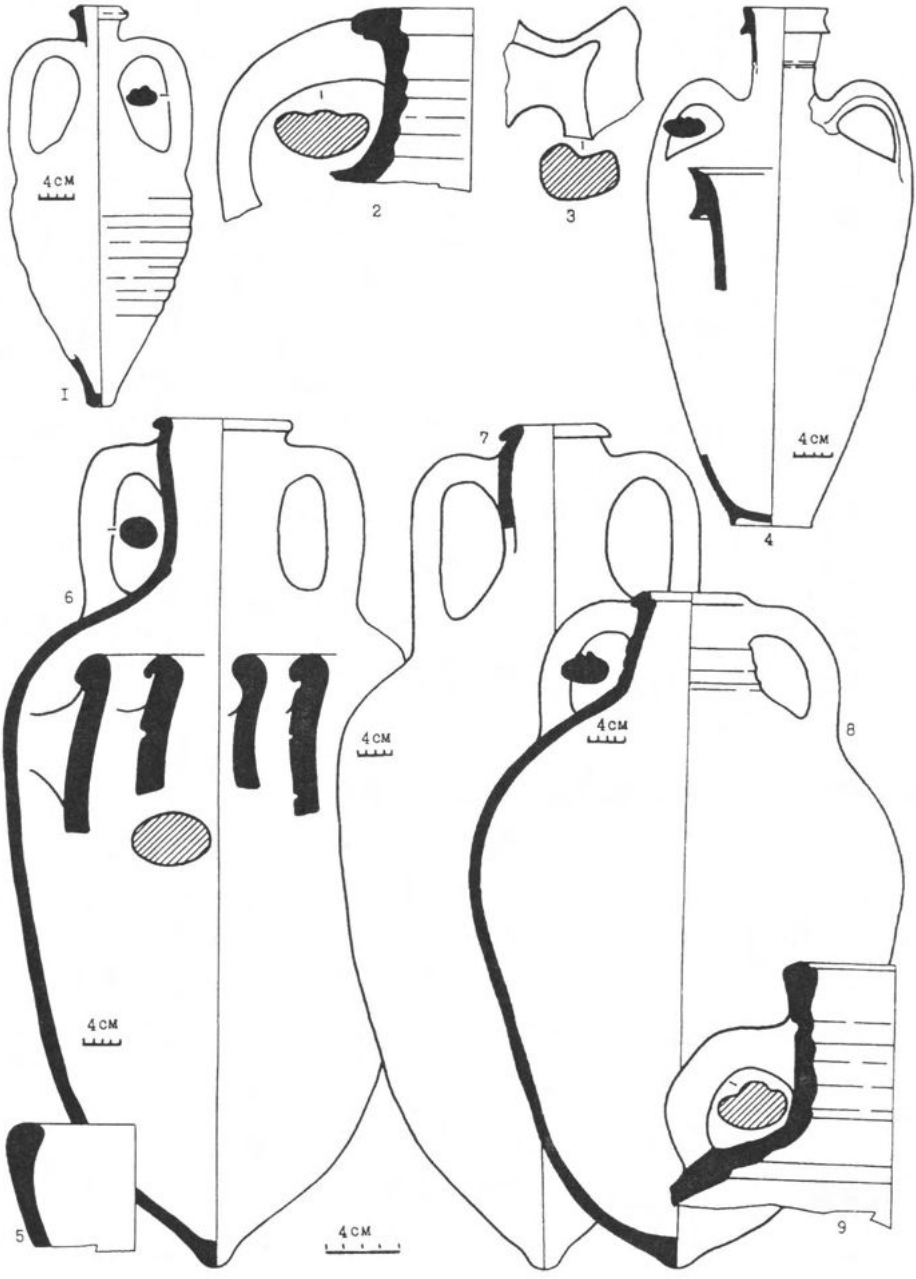

КОЛИЧЕСТВО
150
140
130
120
110
100
90
80
70
60
50
40
30
20
10
ГЕРАКЛЕЯ
СИНОПА
ФАСОС
РАСЦВЕТ ТОРГОВЛИ
400 390 380 370 360 350 340 330 320 310 300 290 280 270 260 250 240 230 220 210 200 190 г. г. до н. э.

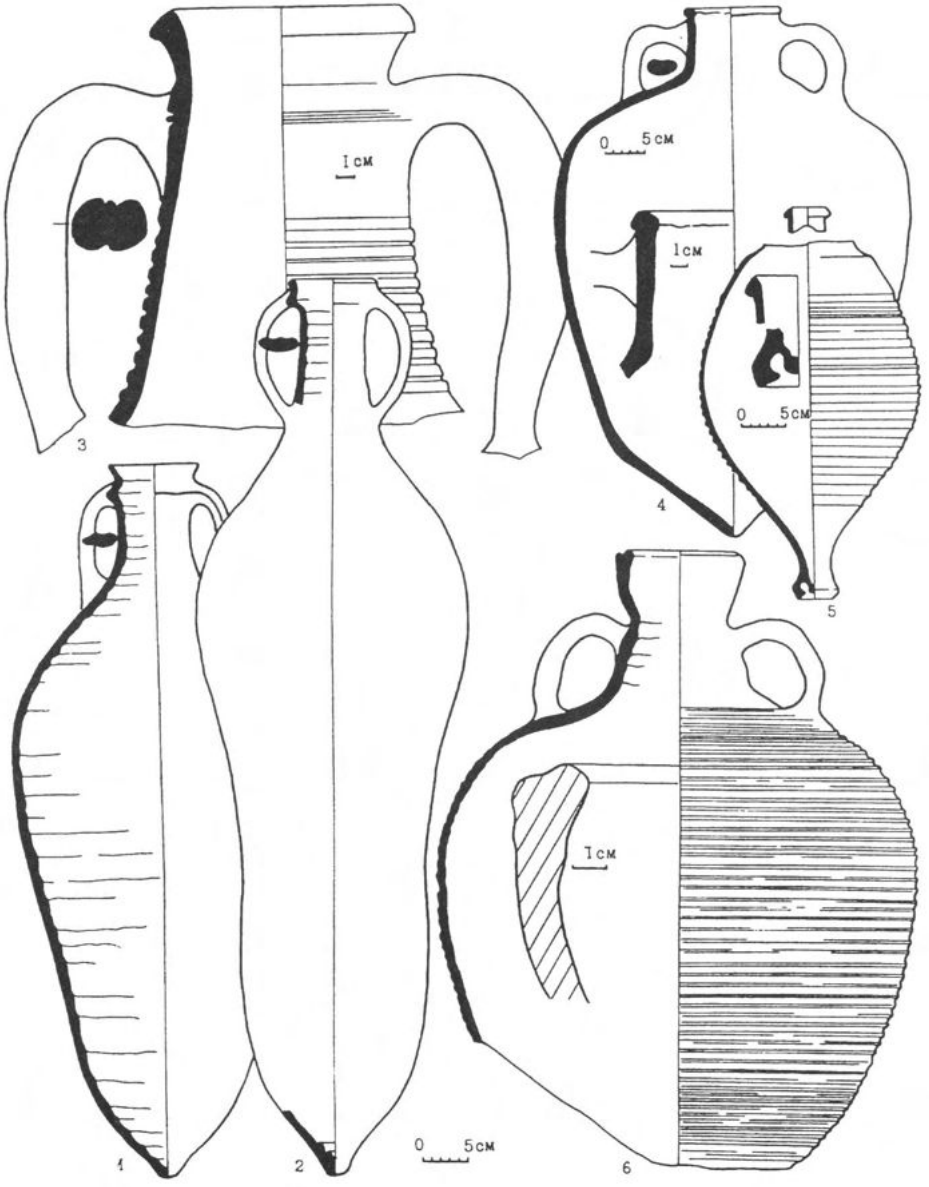
Таблица 219

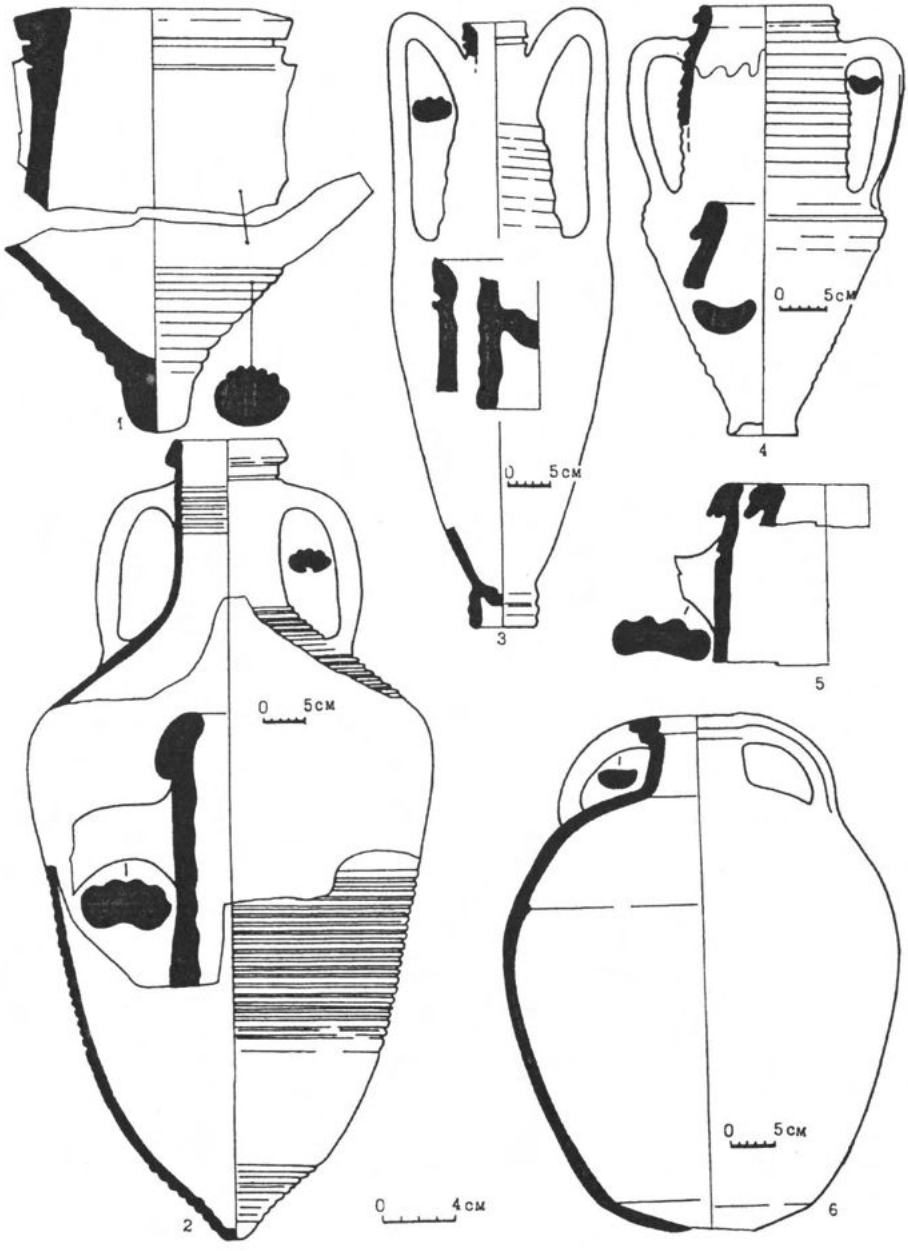

Кк
4.0
3.0
2.0
1.0
Sa
2.0
1.0
Кк – коэффициент концентрации: частное от деления общего количества полностью восстановленных астиномных клейм каждой группы на количество представленных в группе астиномов (отражает колебания объёма ввоза)
Кк
Sa
Sa – абсолютная плотность распределения клейм по группам: частное от деления общего количества клейм группы на количество лет её составляющих
370
345
305
275
250
220
183 г. до н.э.

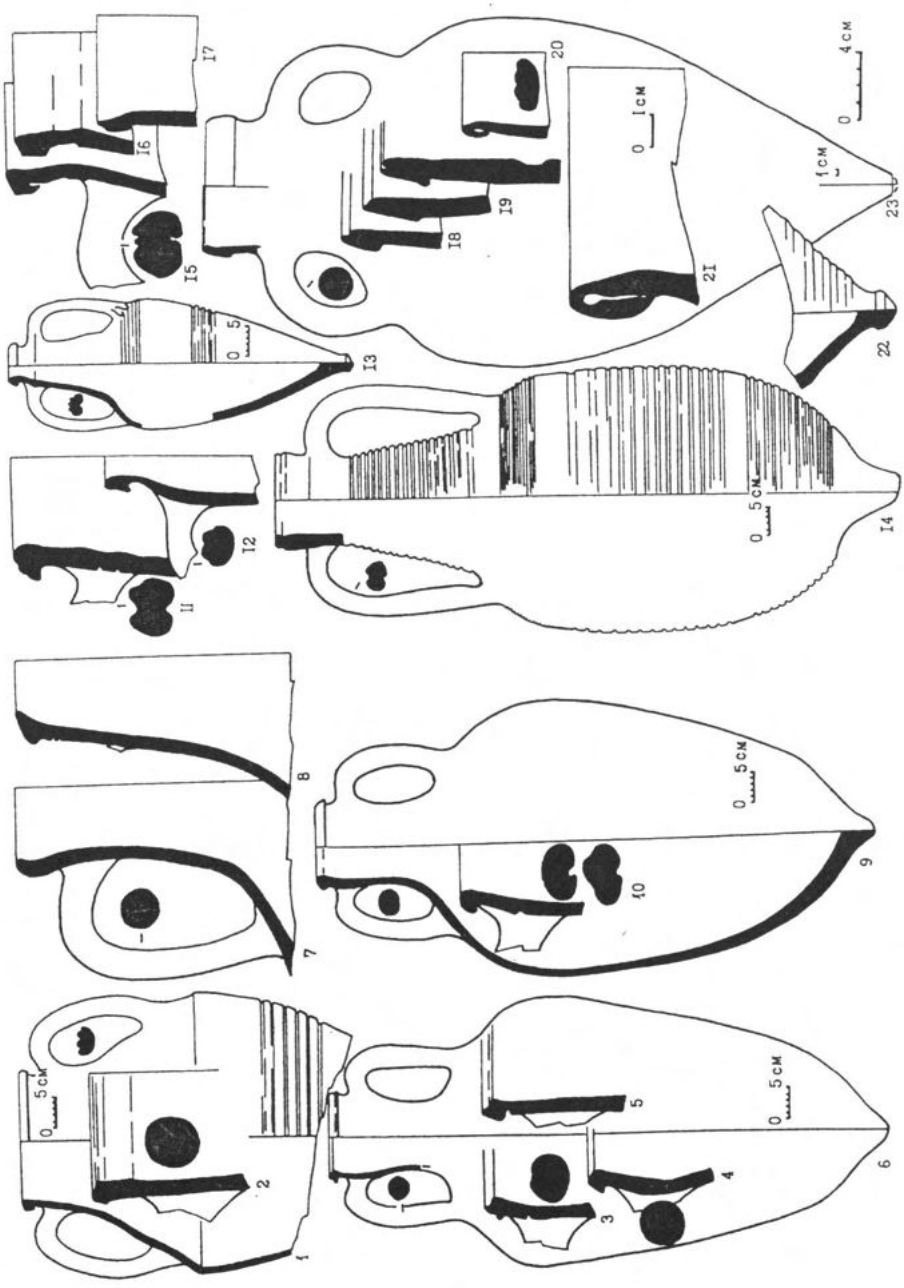

1 см
1
1 см
4
1 см
1 см
2
3
4 см

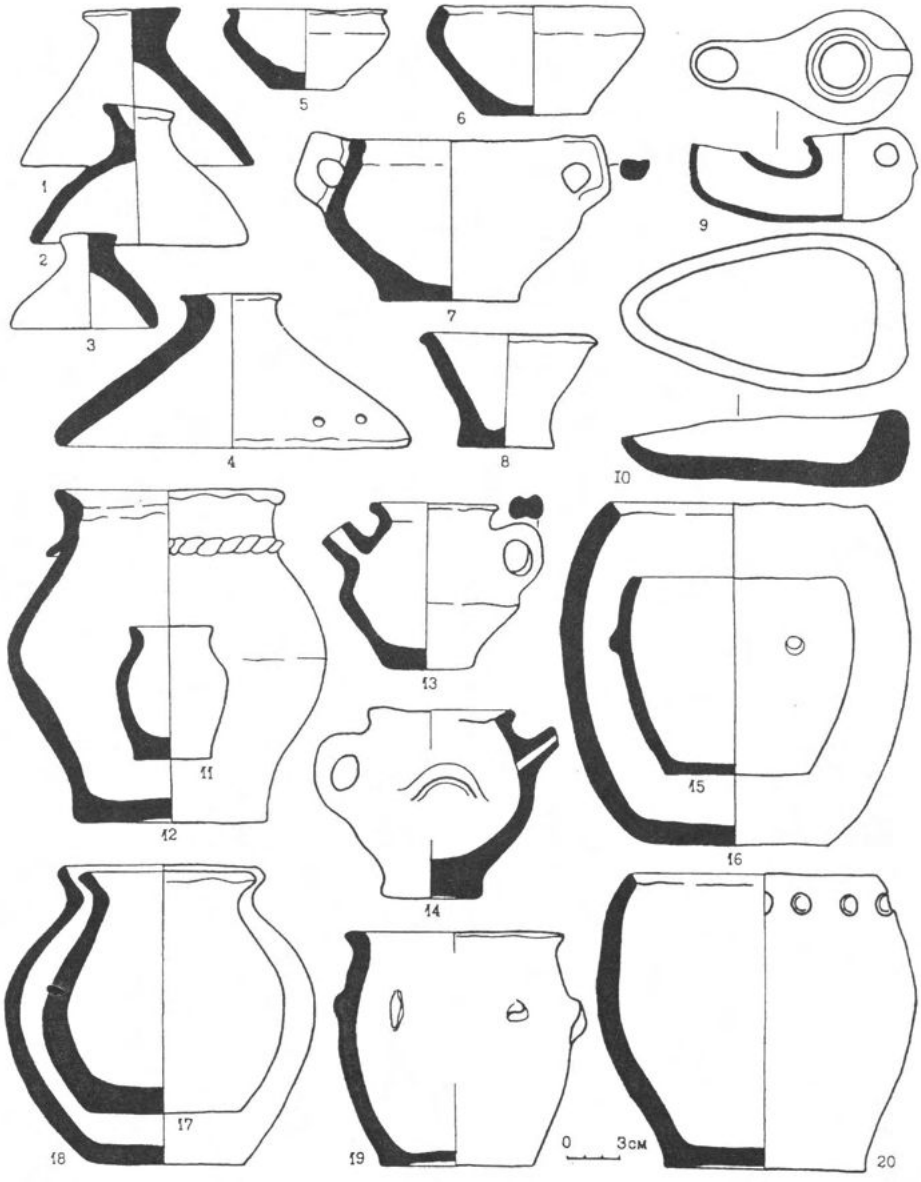

1 см
4 см
1
1 см
4 см
4
1 см
граффити
4 см
5
1 см
4 см
2
1 см
4 см
3

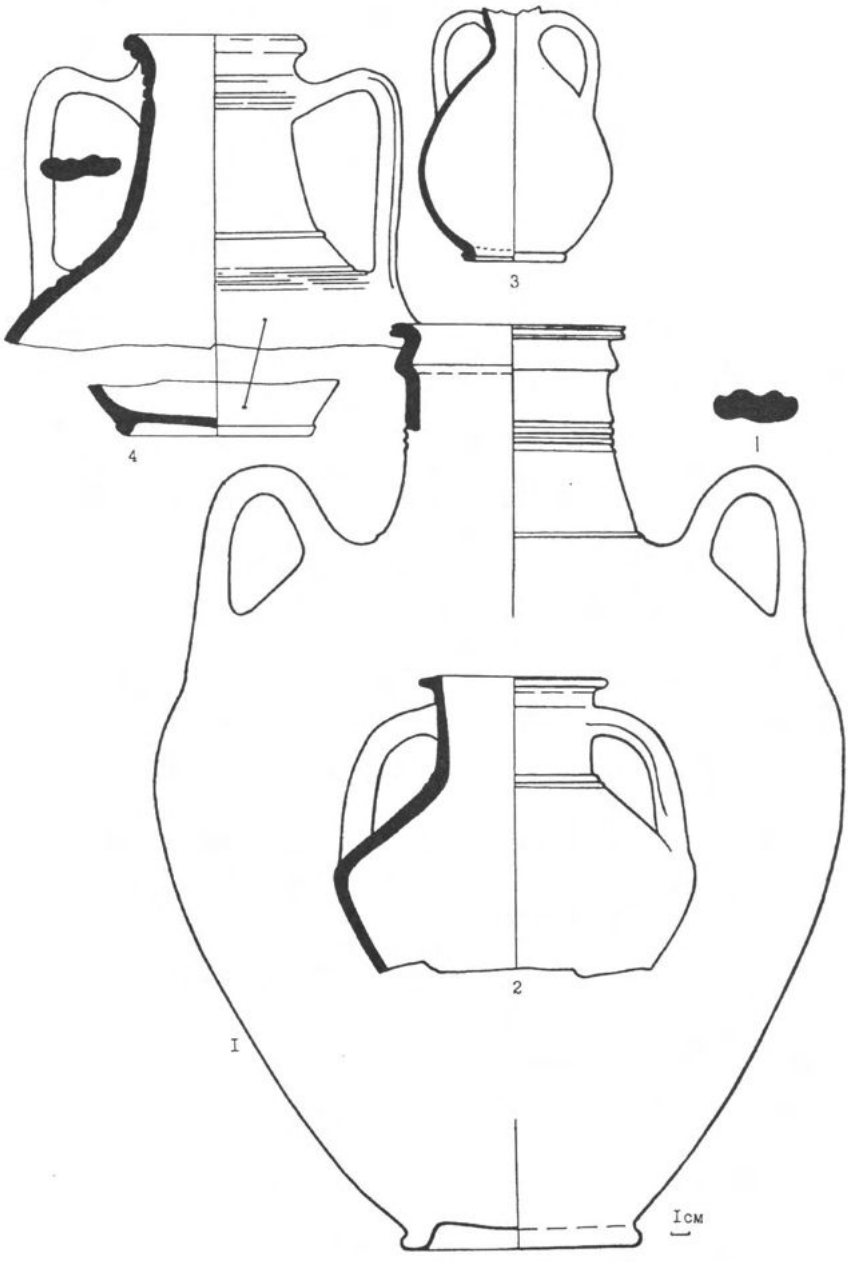

4 см
I
2
3
4
4 см
6
7
4 см
4 см
8
4 см
5
4 см
9

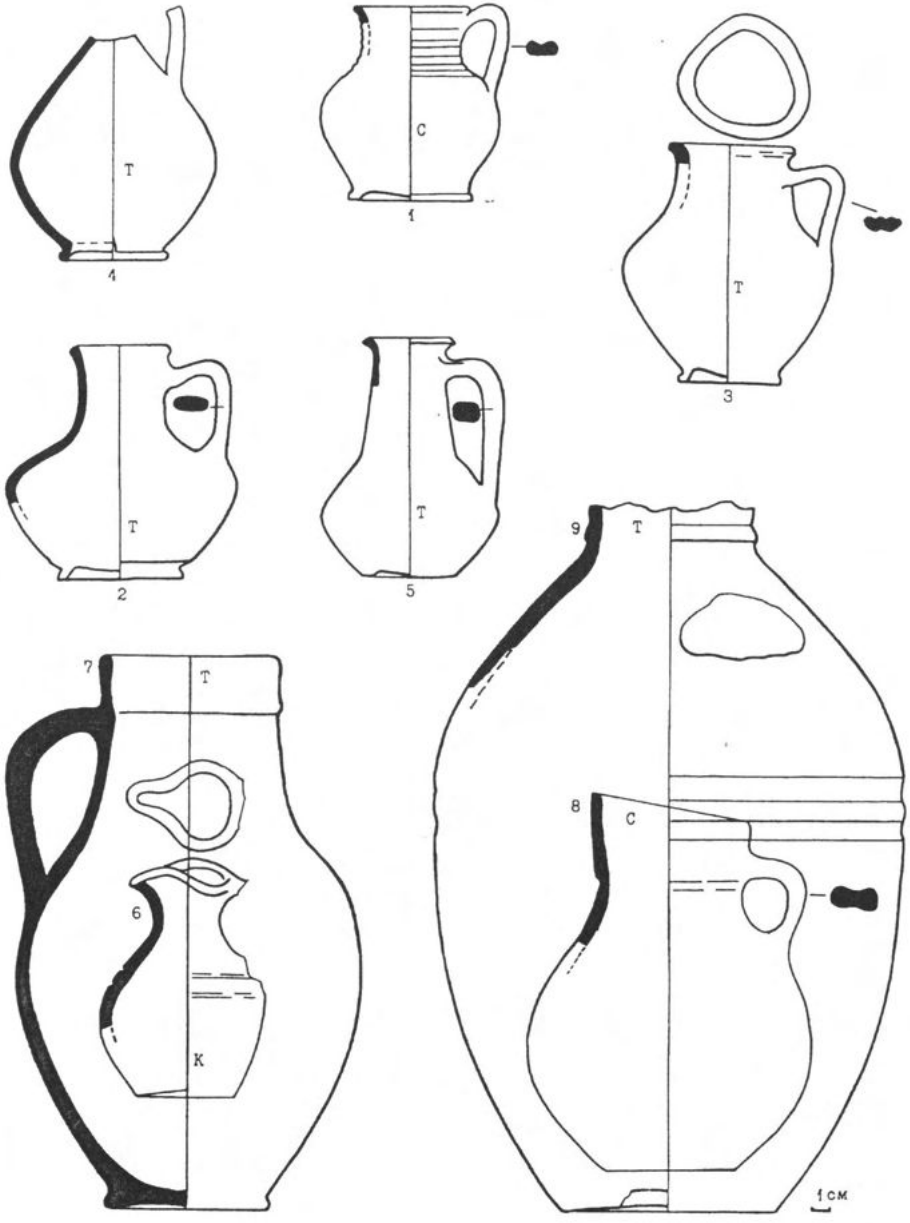

1см
0 5см
1см
0 5см
1см
0 5см
1
2
3
4
5
6

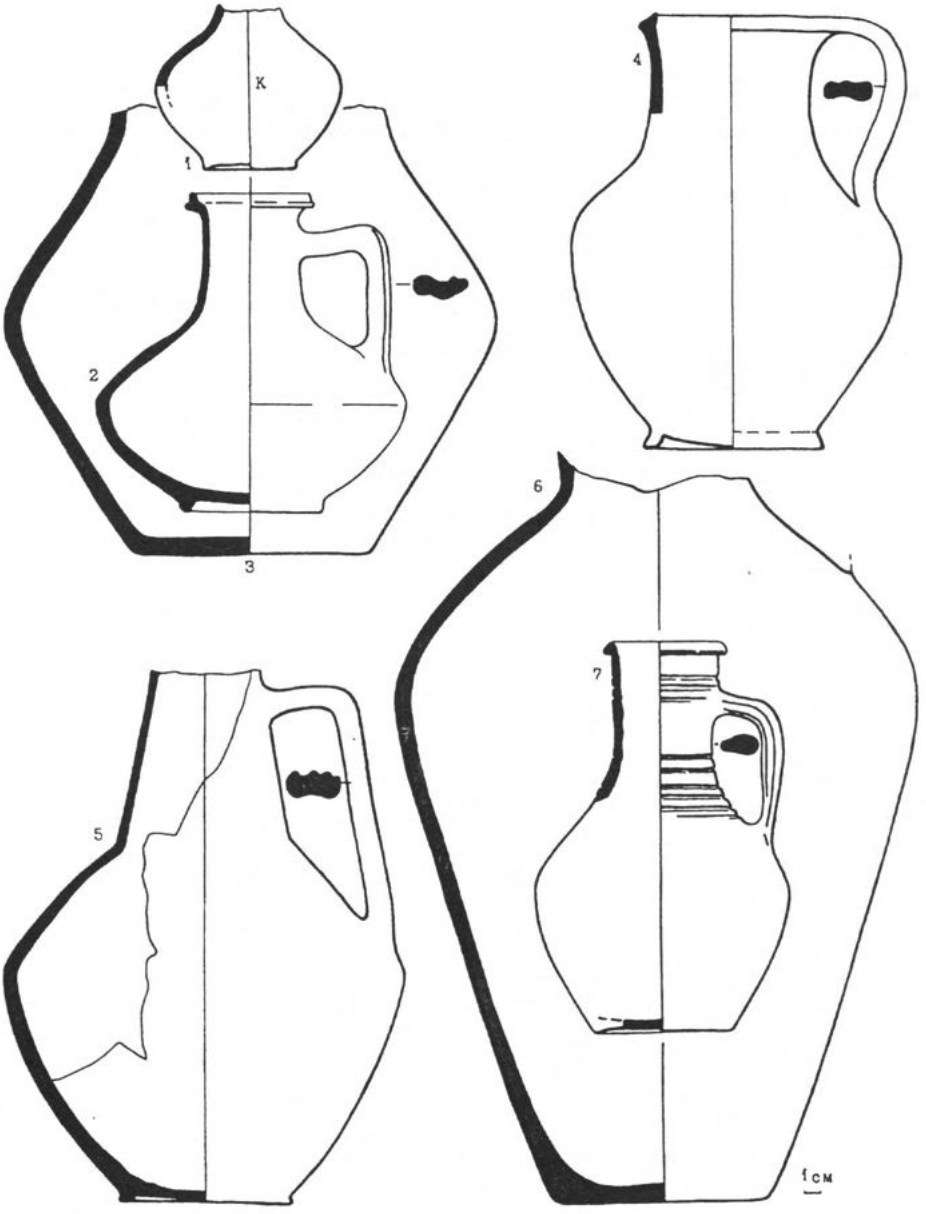

1
0 5см
3
0 5см
4
5
0 5см
2
0 4см
0 5см
6

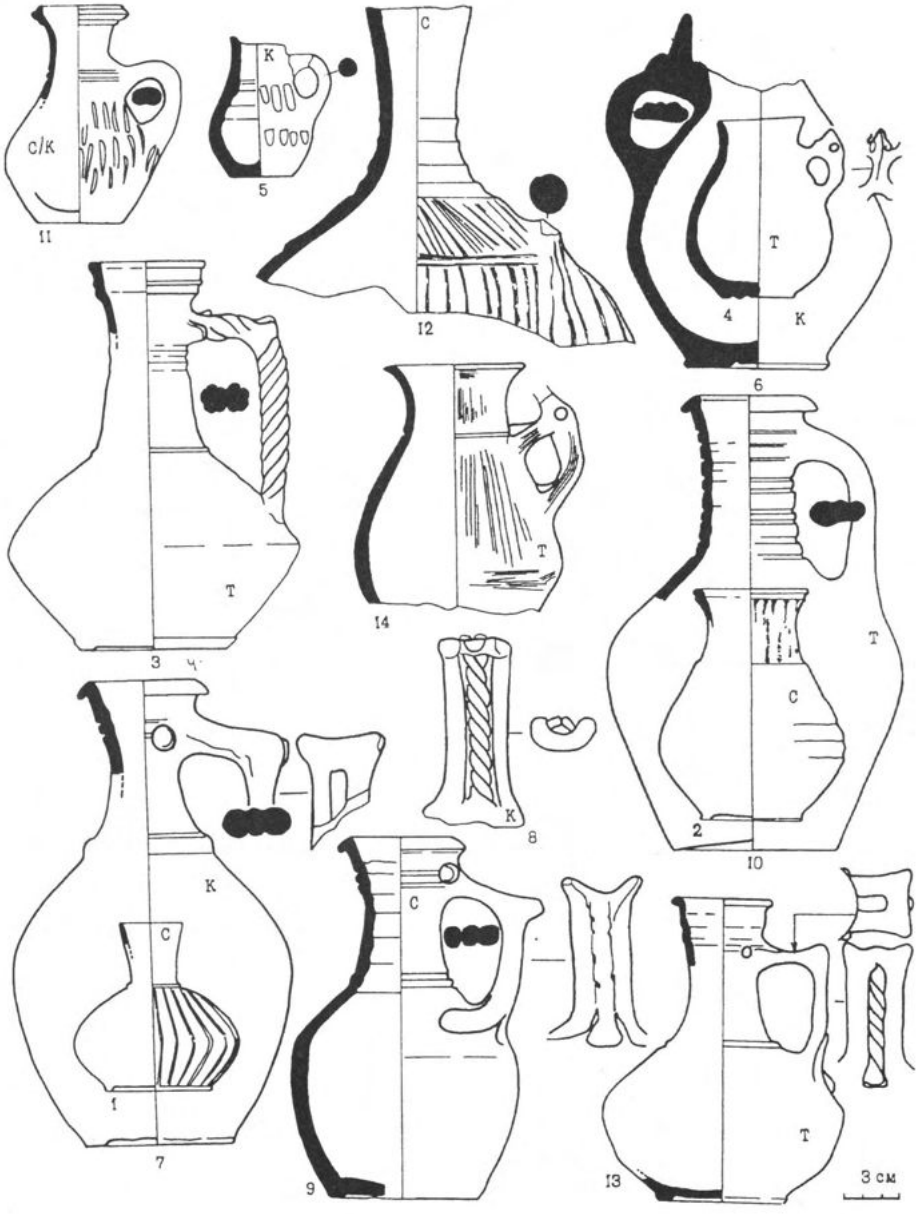

0 5 см
0 5 см
0 5 см
0 5 см
0 5 см
0 1 см
0 1 см
0 4 см
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
0 3см

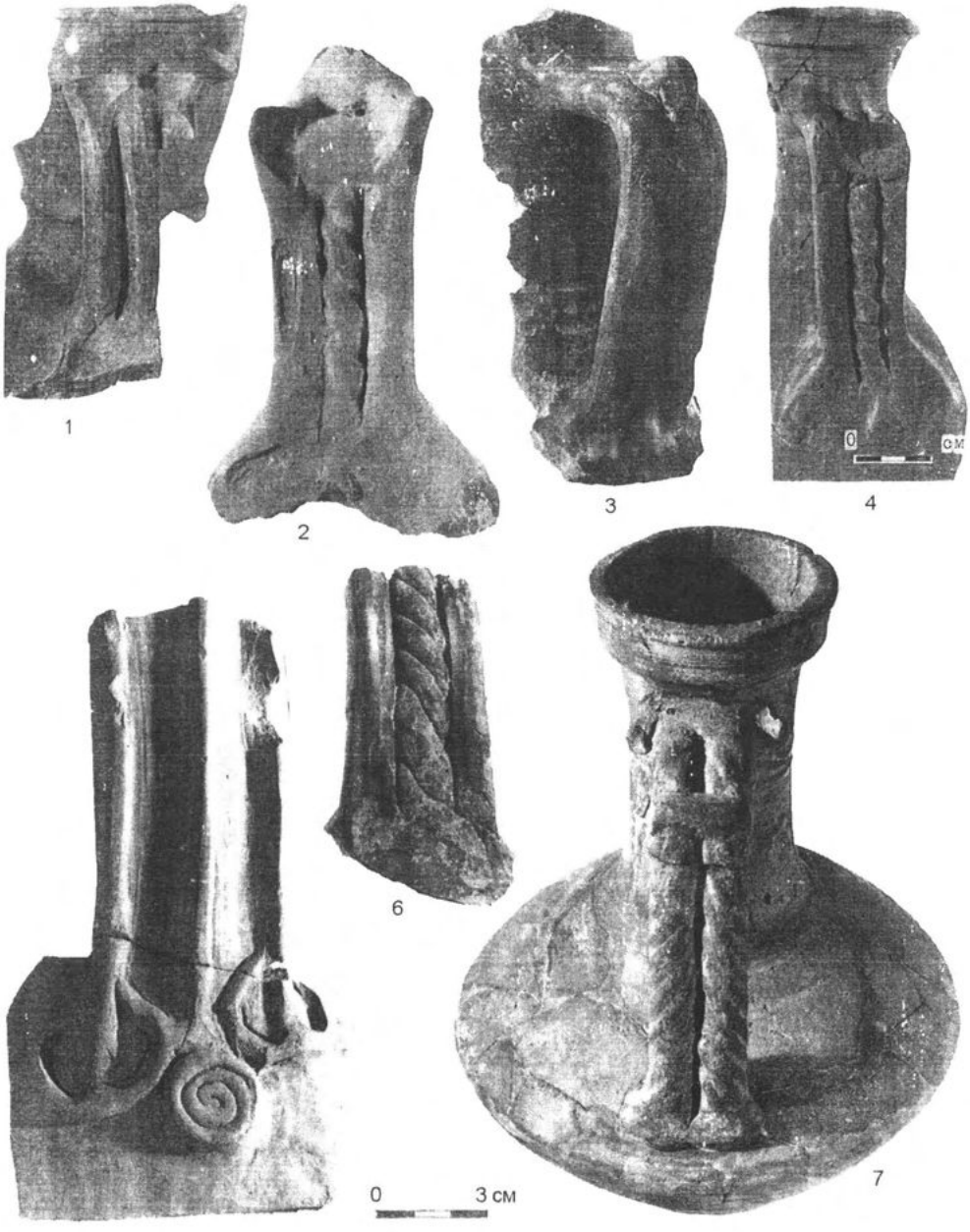

3
4
1
2
I
Iсм

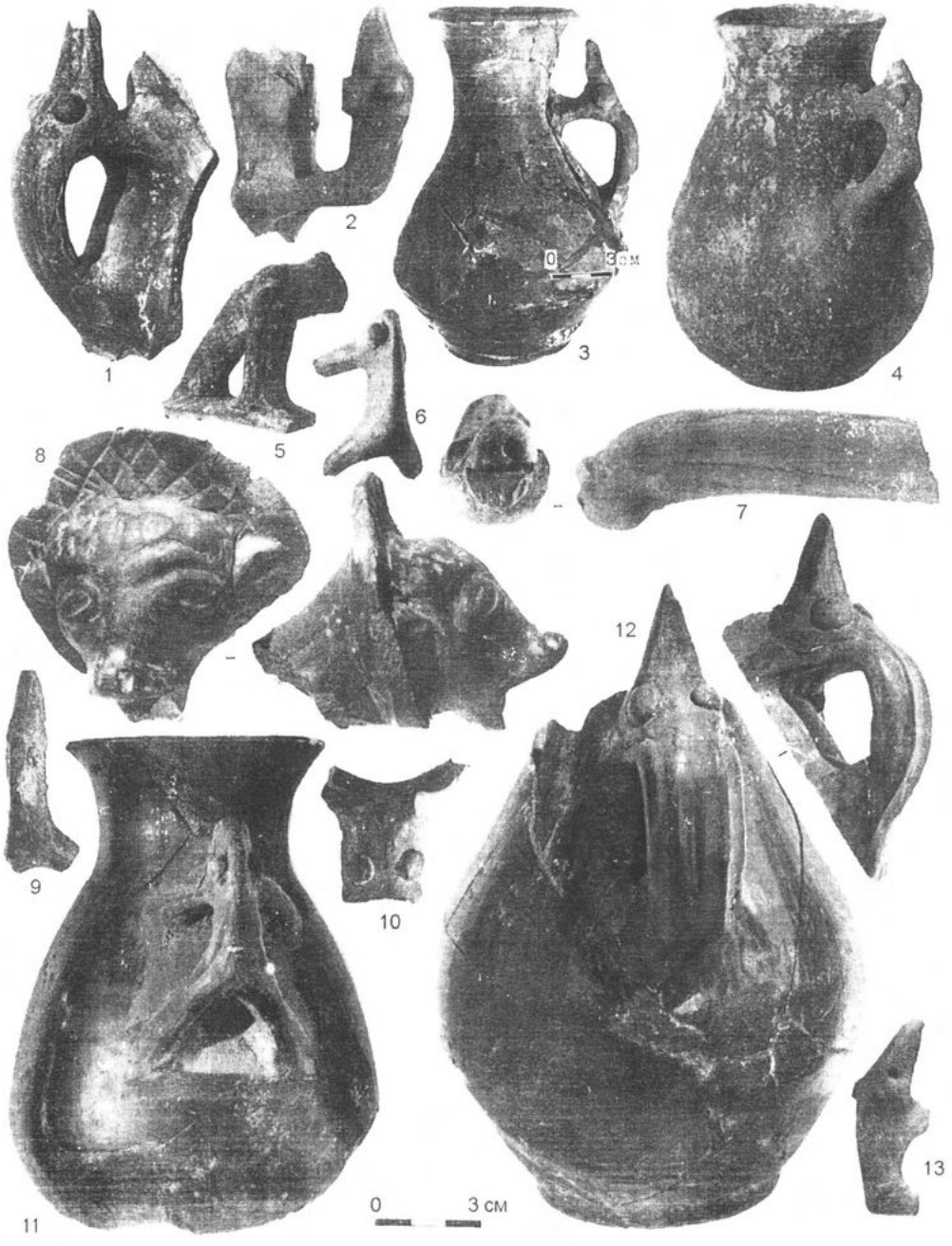

T
4
C
1
T
3
T
2
T
5
9
T
7
T
8
C
6
K
1 см

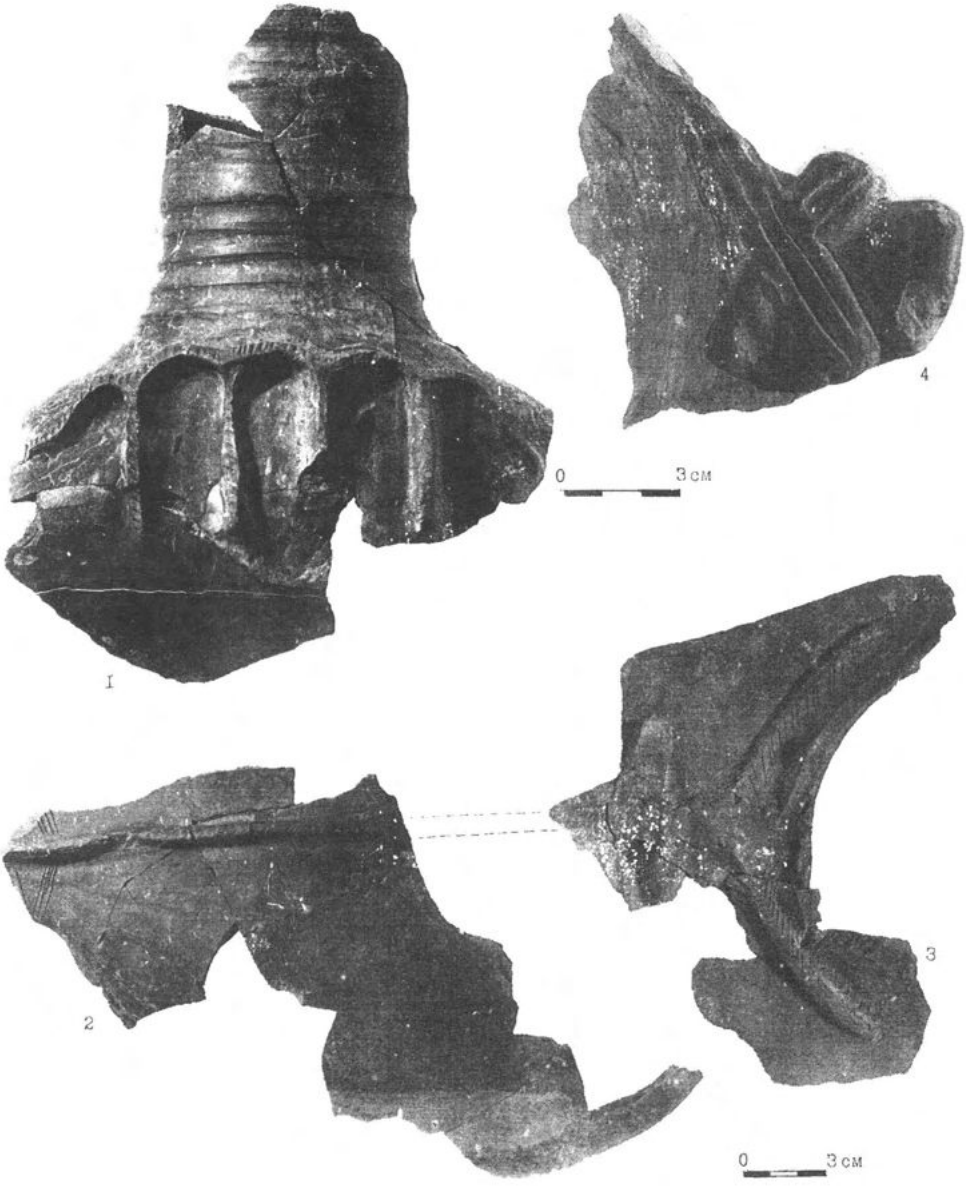

К
1
2
3
4
5
6
7
1 см

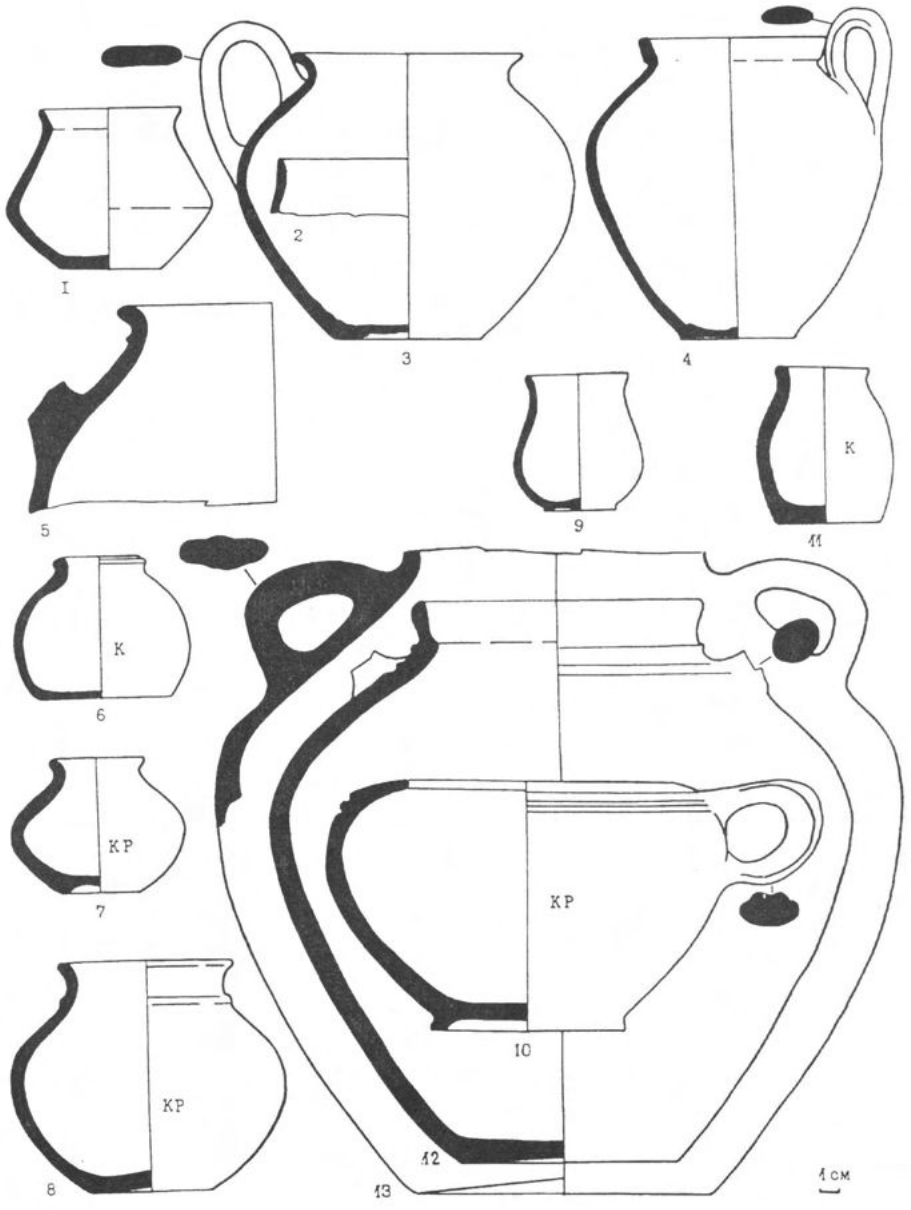

с/к
11
К
5
С
12
Т
4
К
6
Т
3
Т
14
Т
С
2
10
К
8
К
С
1
7
С
9
Т
13
3 см

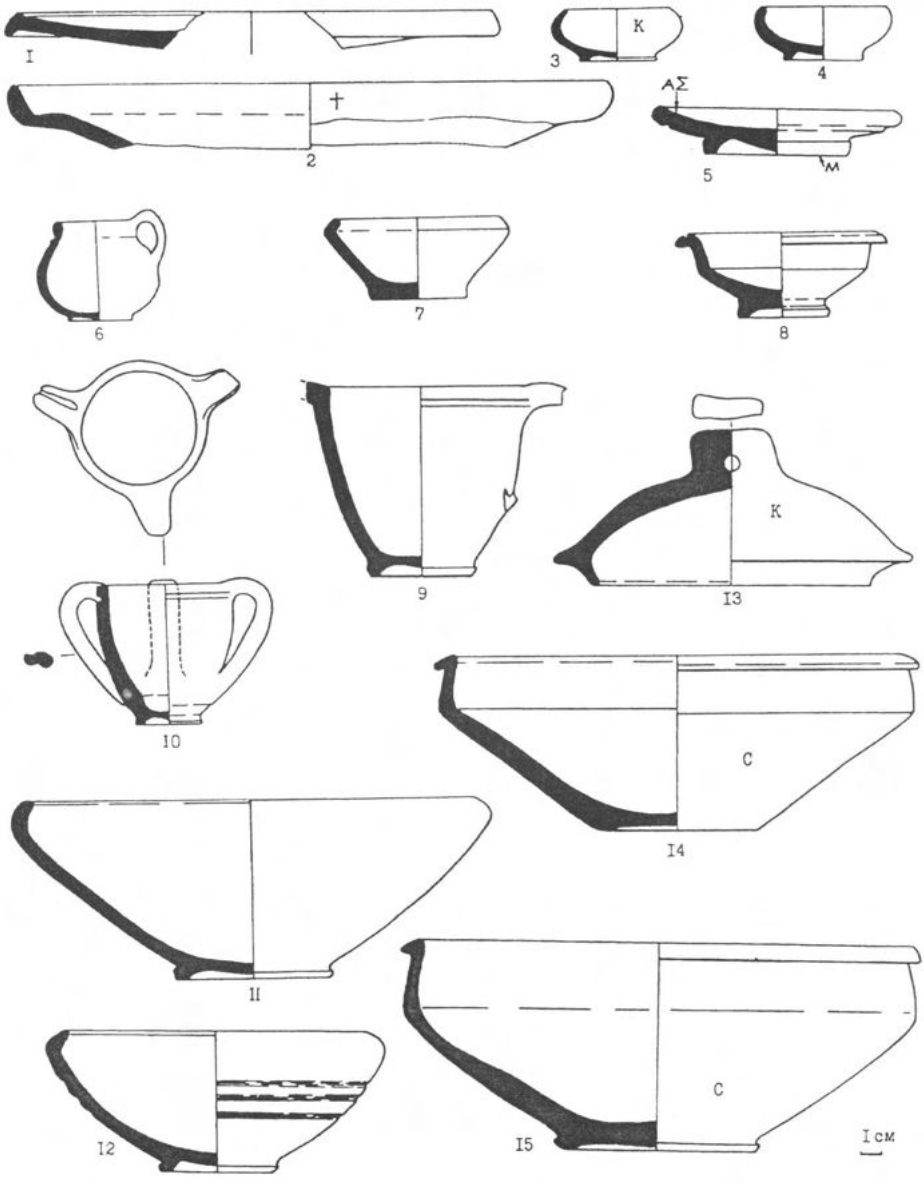
1
2
3
1см
5
1
7
6
0
3см

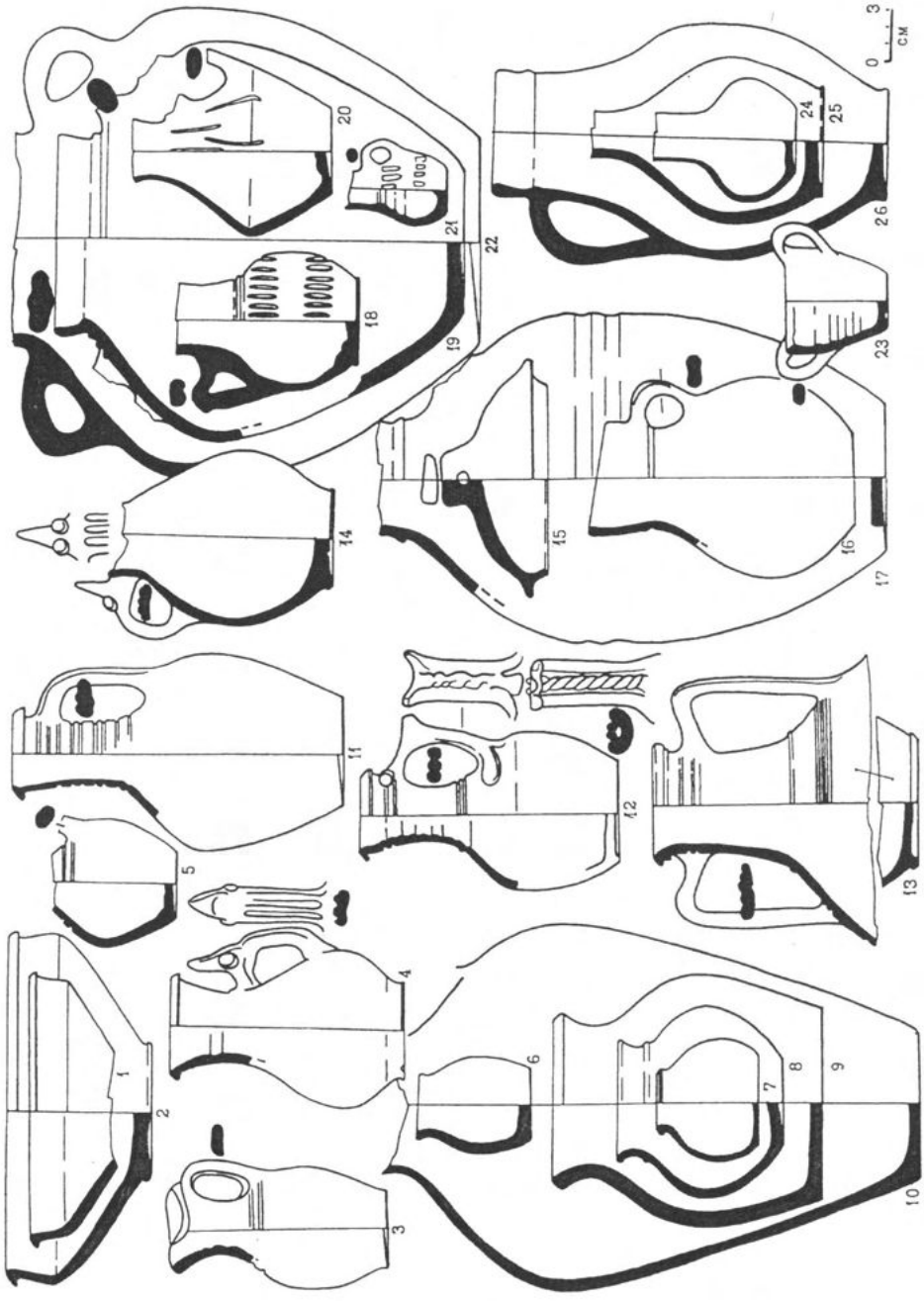

1
2
3
4
0
см
6
7
0
3 см

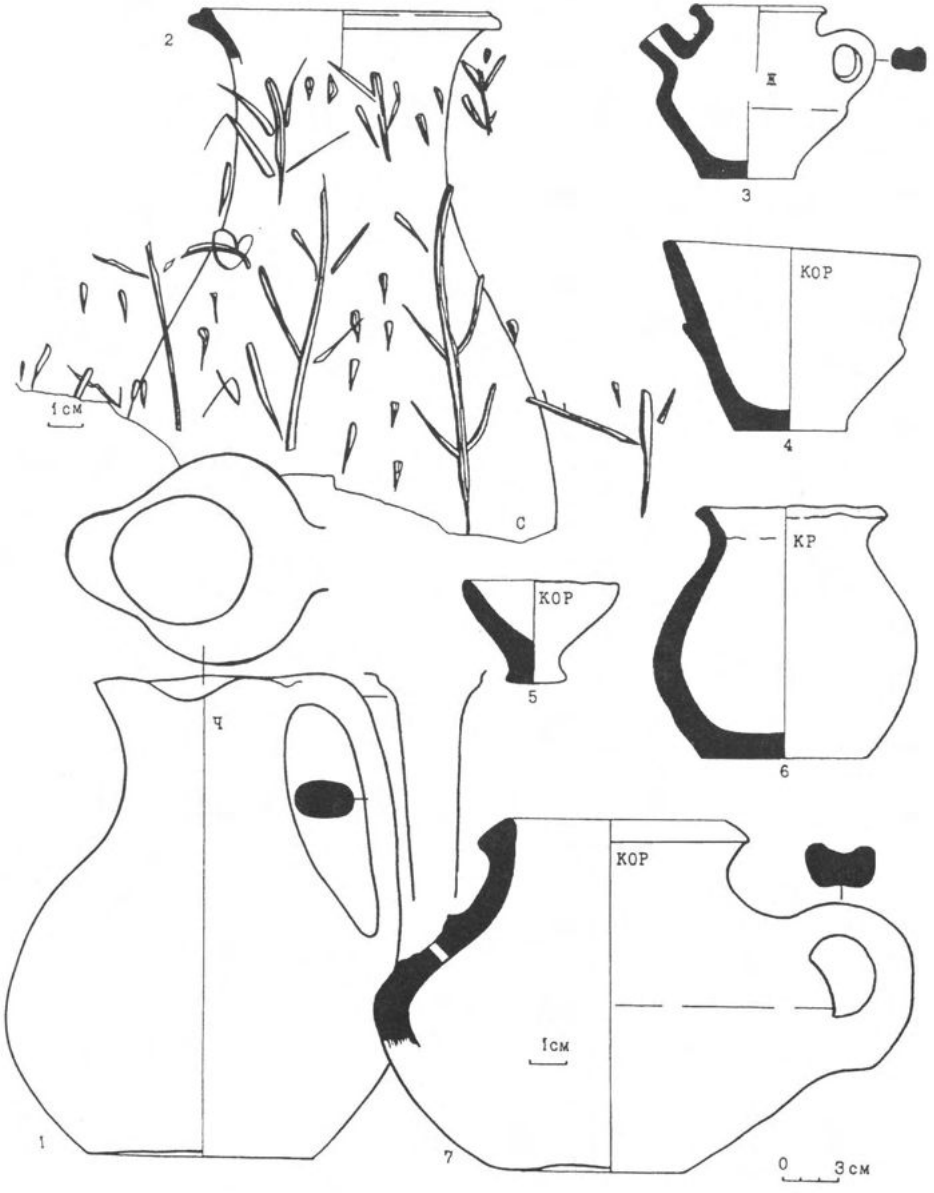

1
2
0 3 см
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
0 3 см

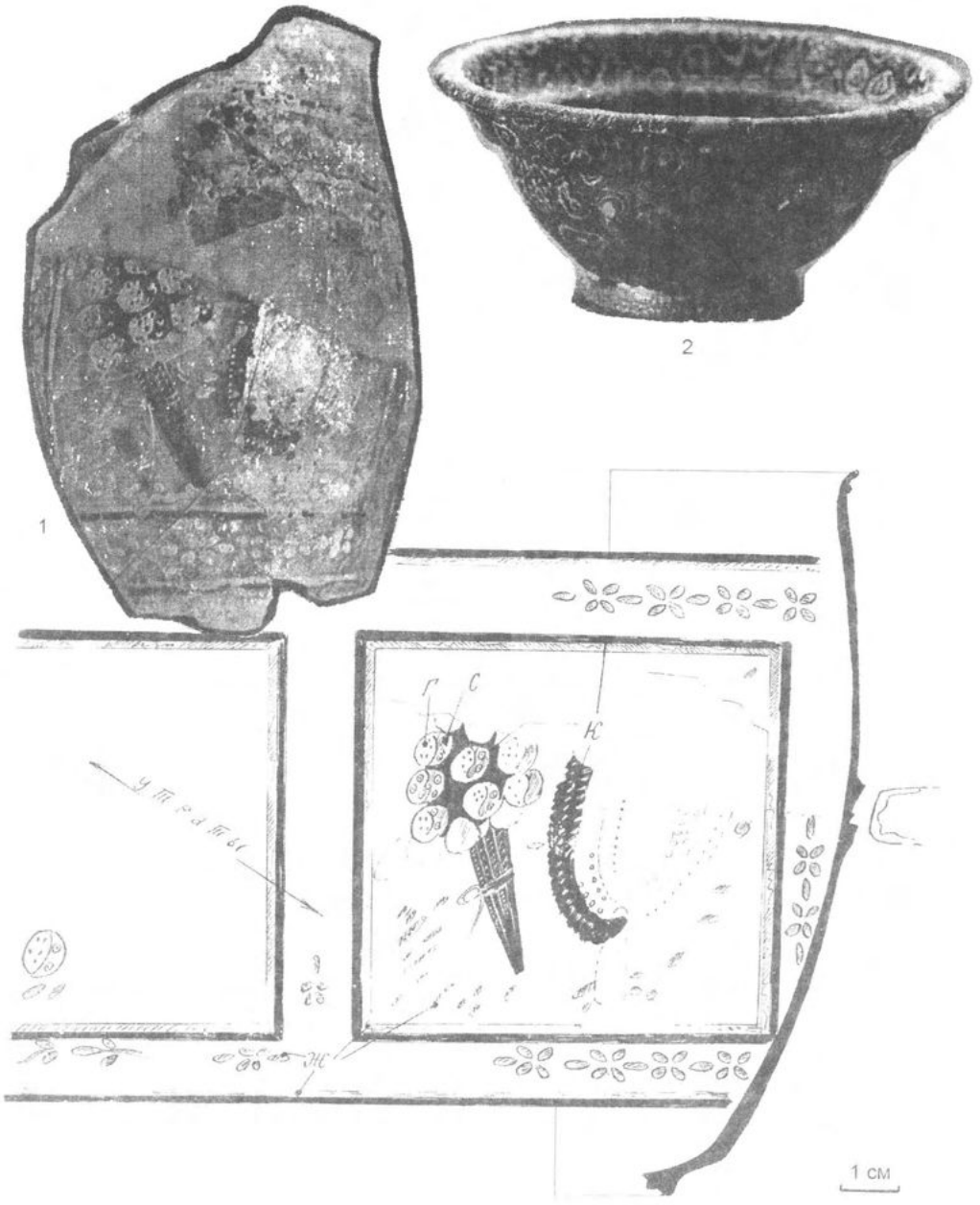

1
2
3
4
0 3 см
0 3 см

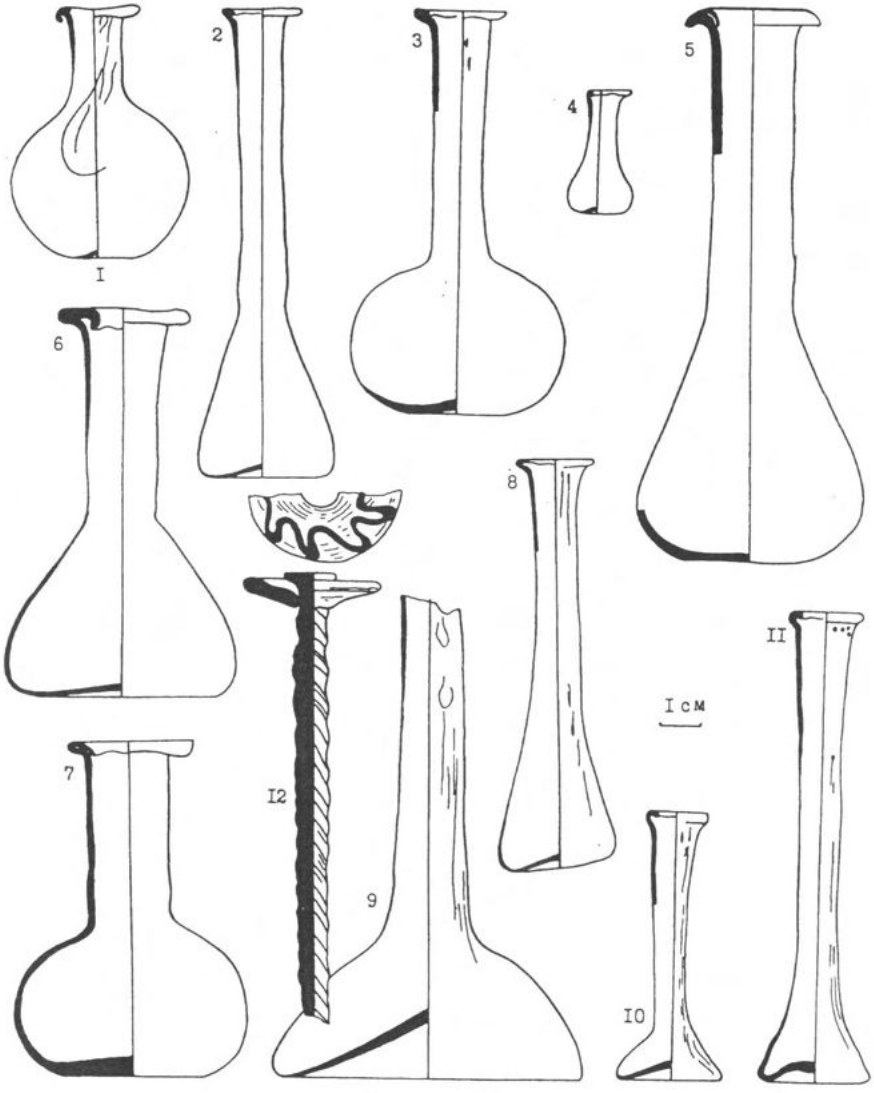

1
2
3
4
5
9
К
11
К
6
КР
7
КР
10
КР
8
12
13
1 см

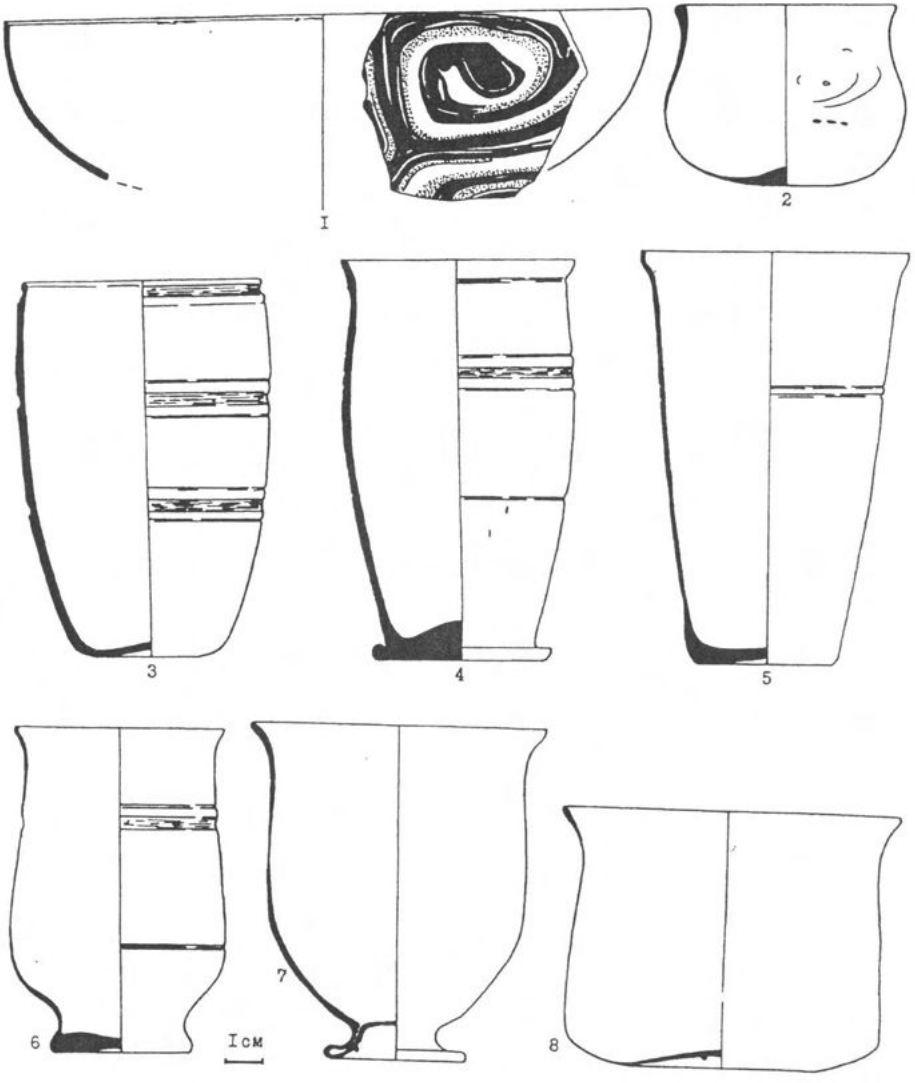

I
2
3
K
4
5
Σ
M
6
7
8
9
K
I3
I0
C
I4
II
I2
C
I5
I см

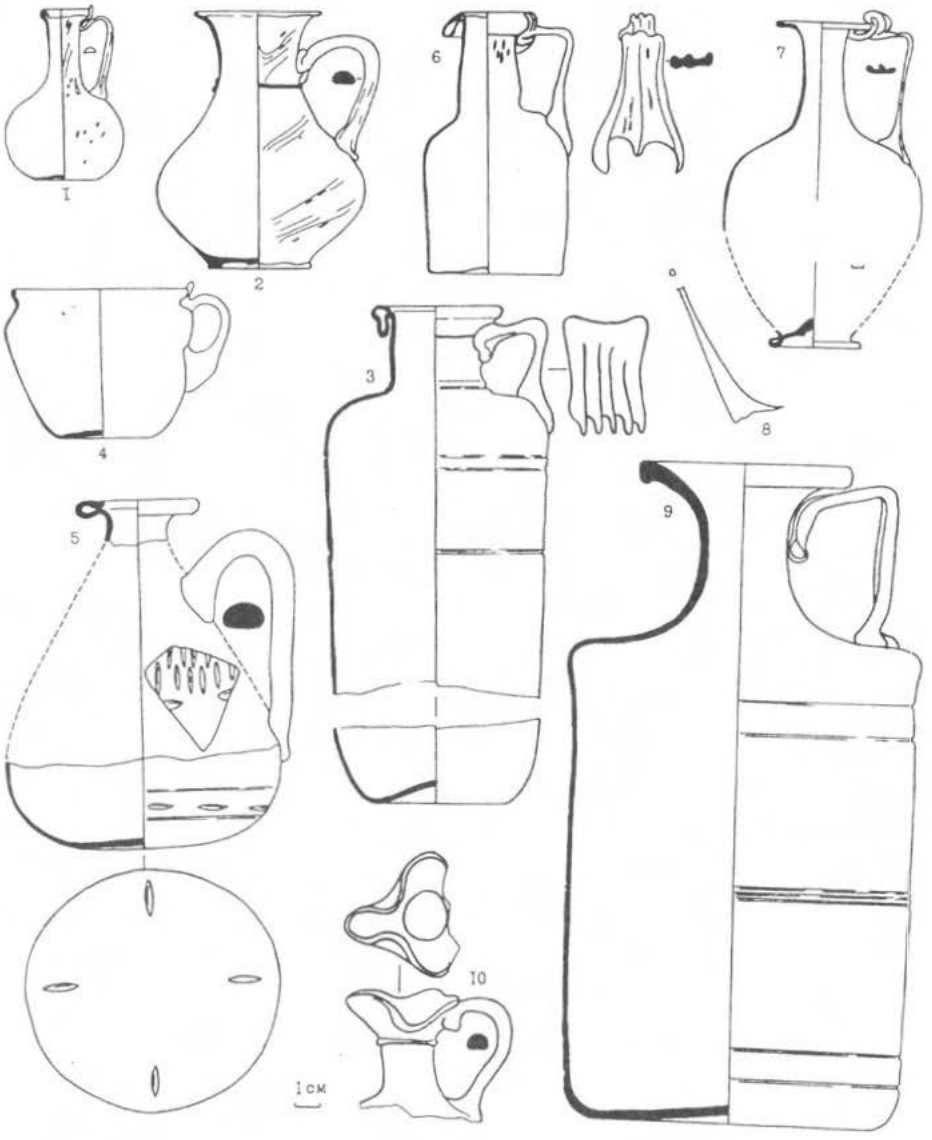

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
0
3
см

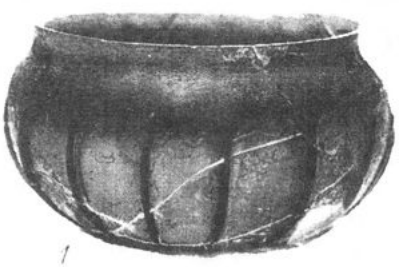

2
1 см
С
Ж
3
КОР
4
КОР
5
КР
6
Ч
1
КОР
1см
7
0 3 см


1
2
Г
С
К
Ж
1 см

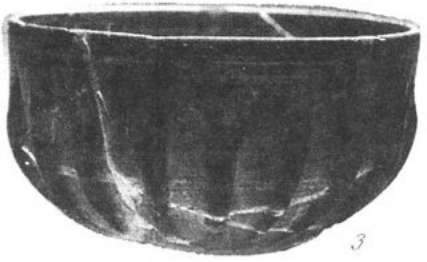

I
2
3
4
5
6
7
8
9
I0
II
I2
I см


I
2
3
4
5
6
7
8
Iсм


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
1 см


1

2


3

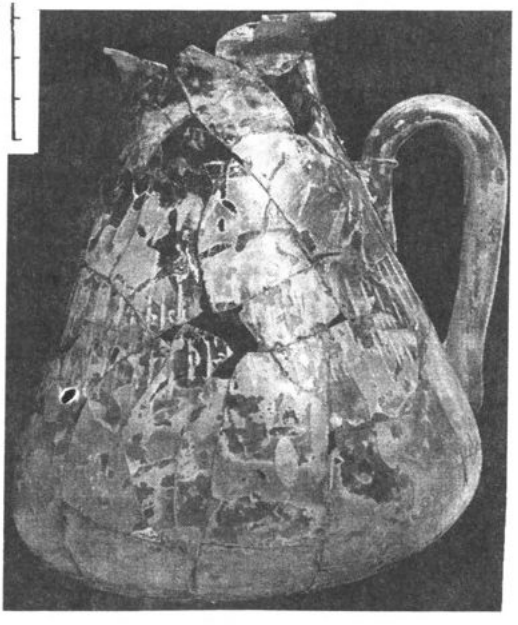
4

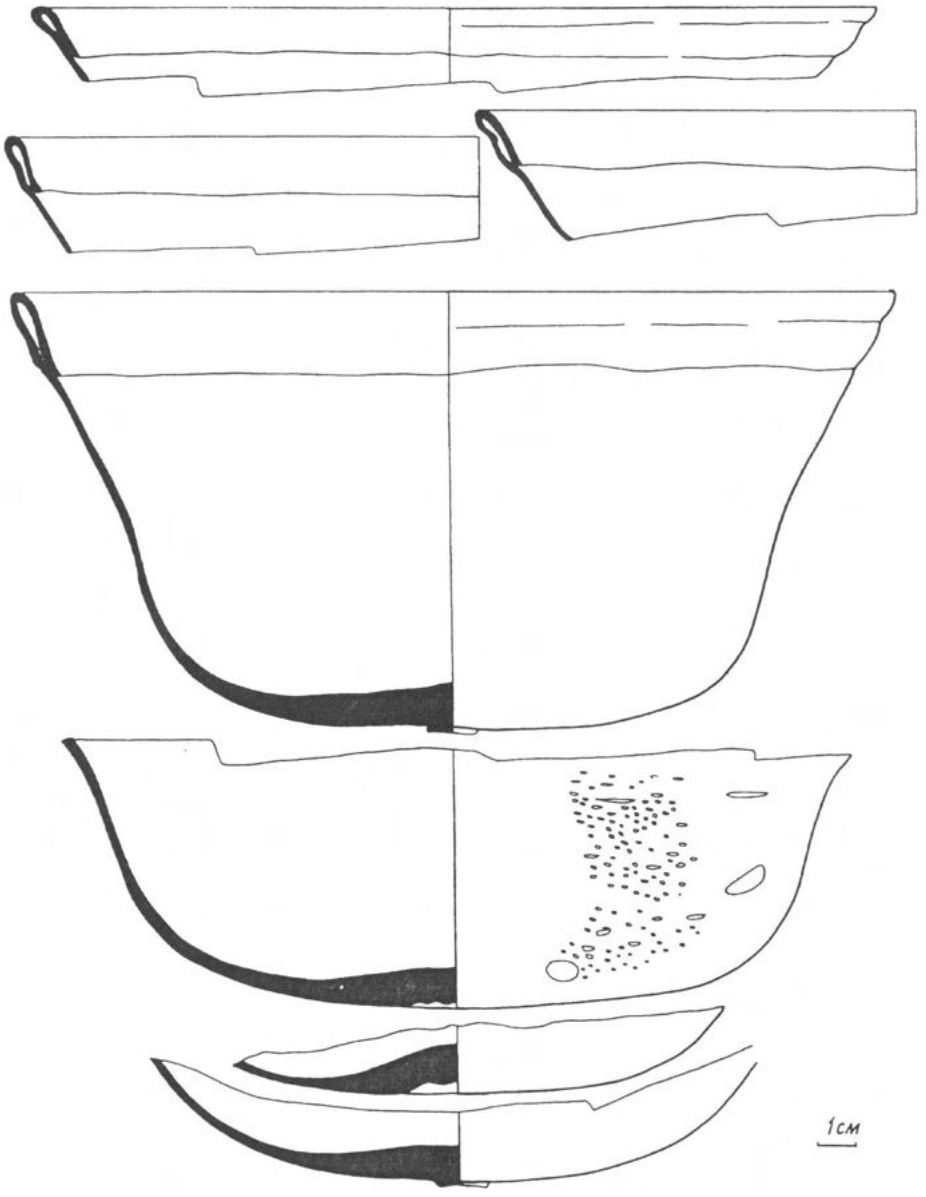
5

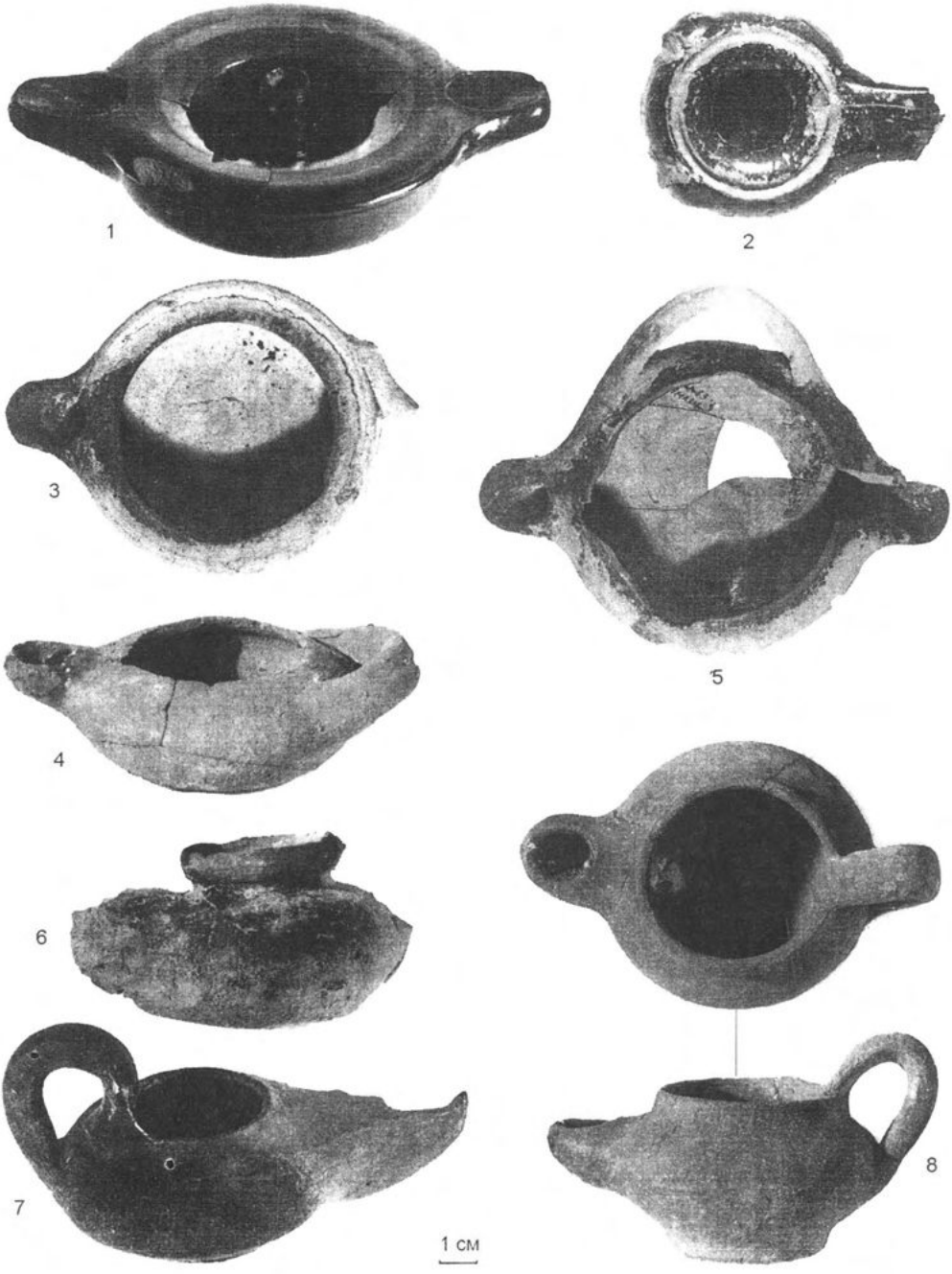
6

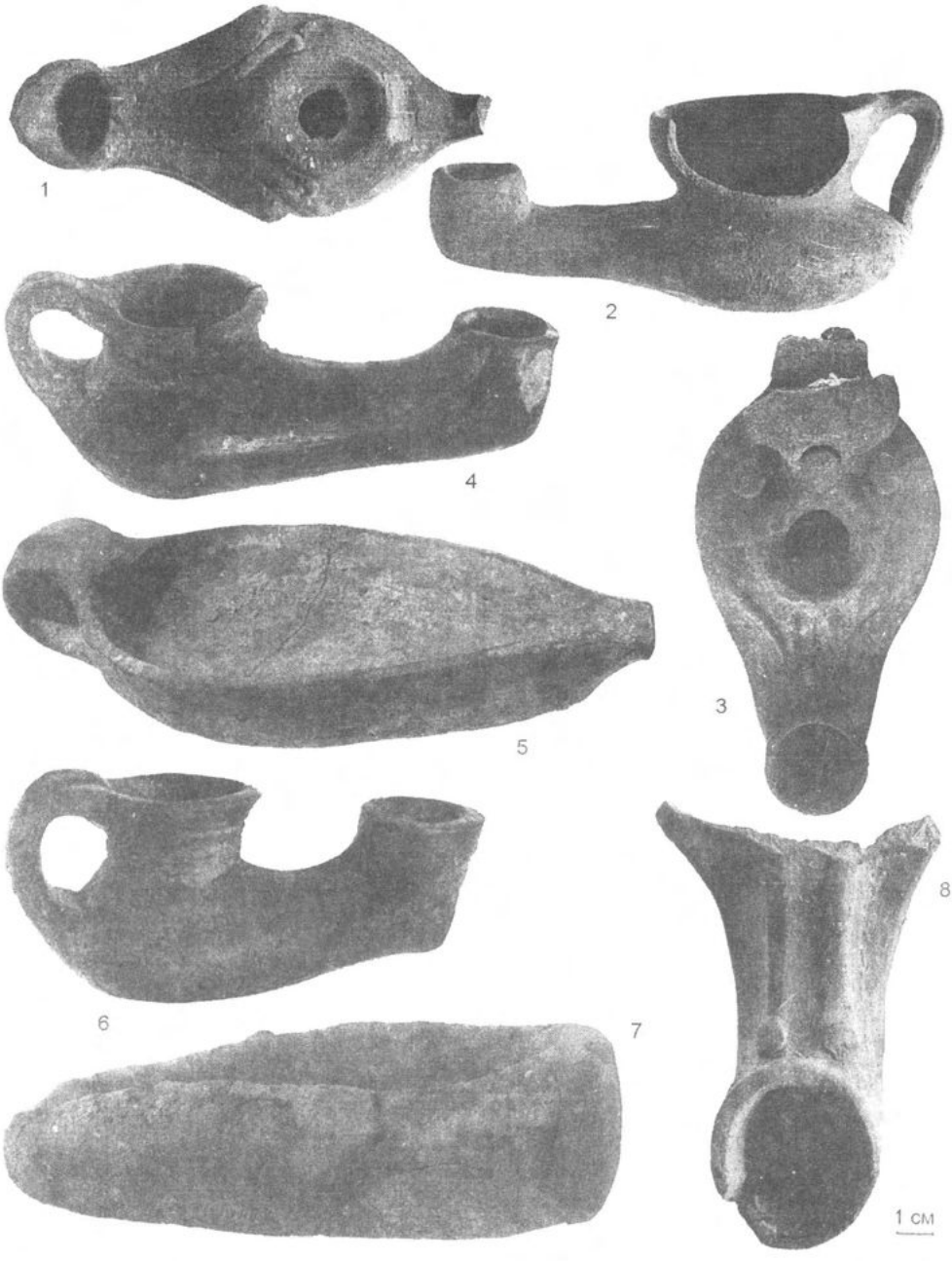
7

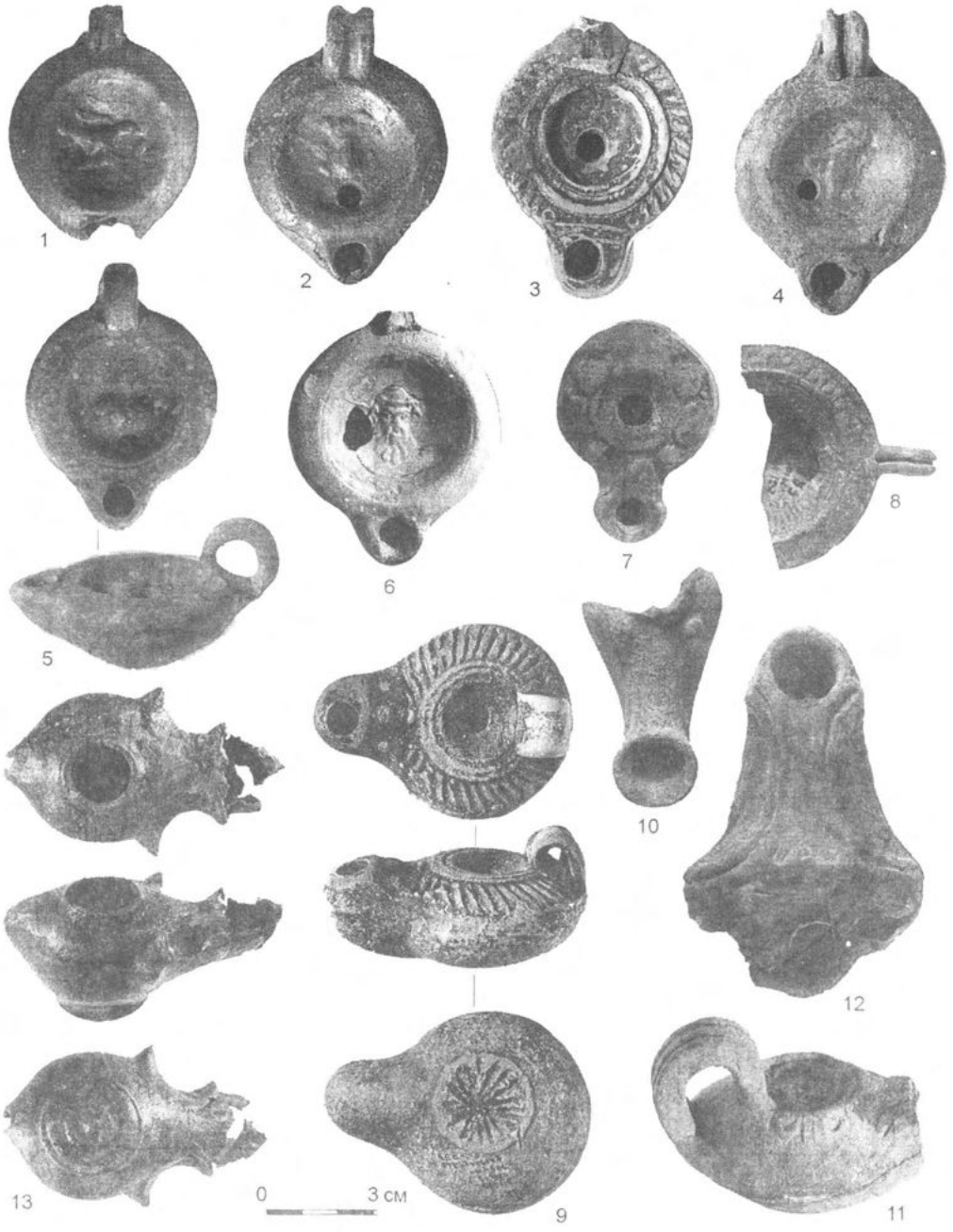
8

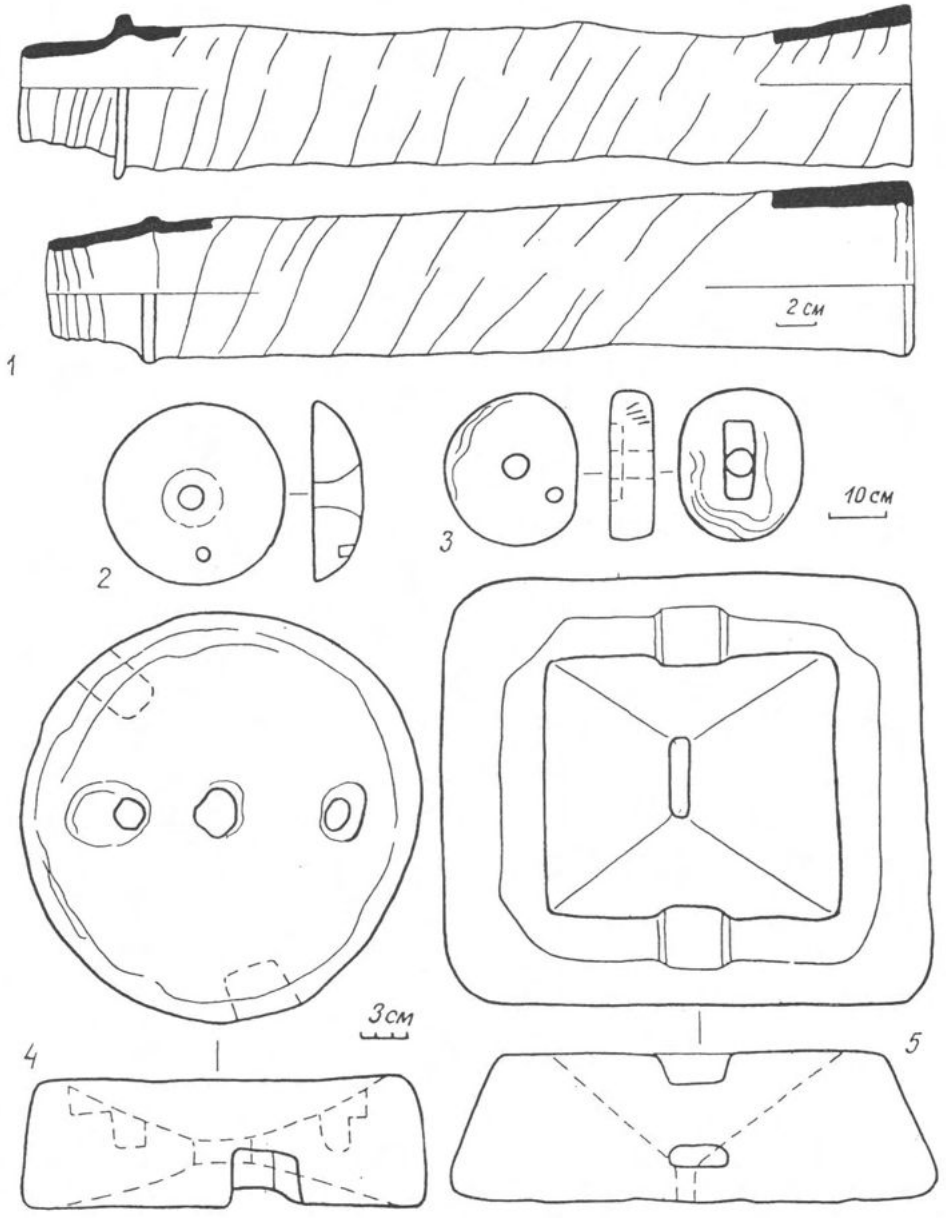


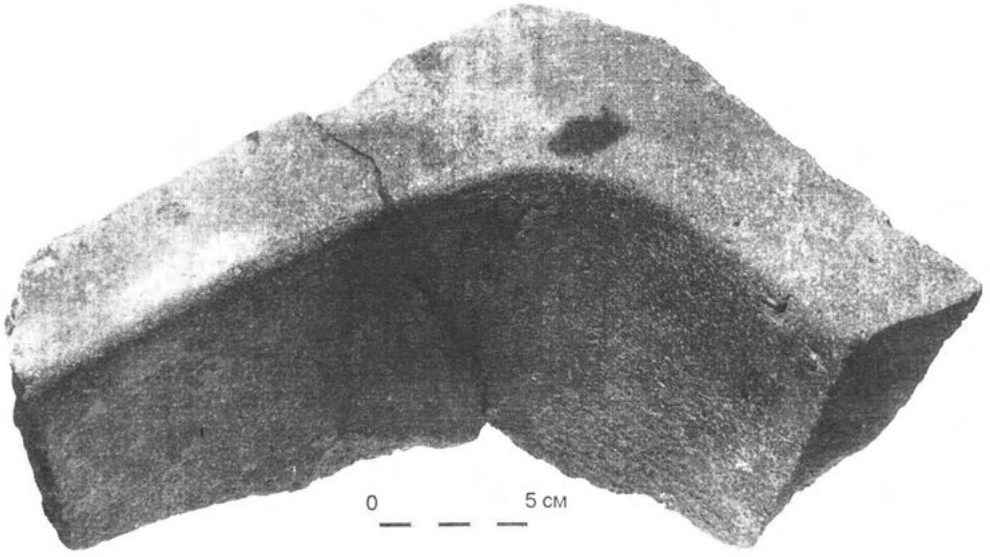

1см


1
2
3
4
5
6
7
8
1 см

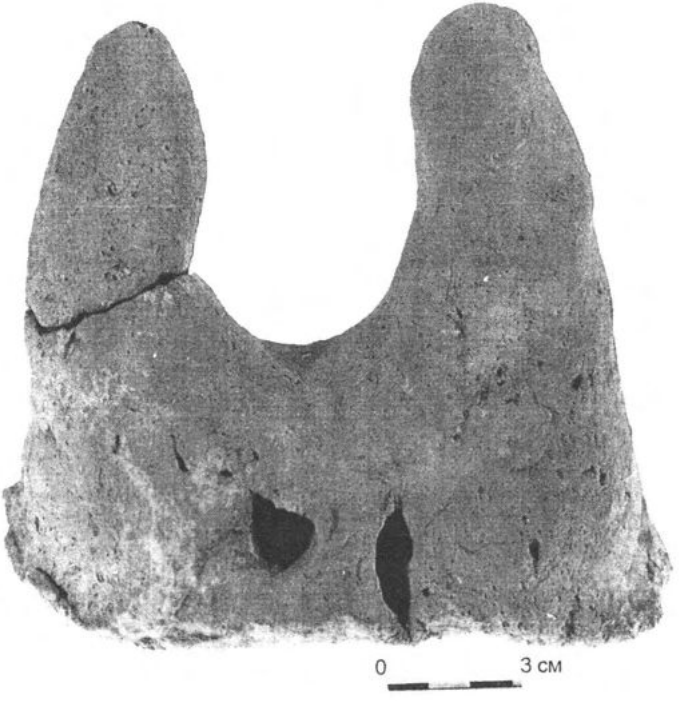

1
2
4
3
5
6
7
8
1 см


1
2
3
4
6
7
8
5
10
12
13
0
3 см
9
11

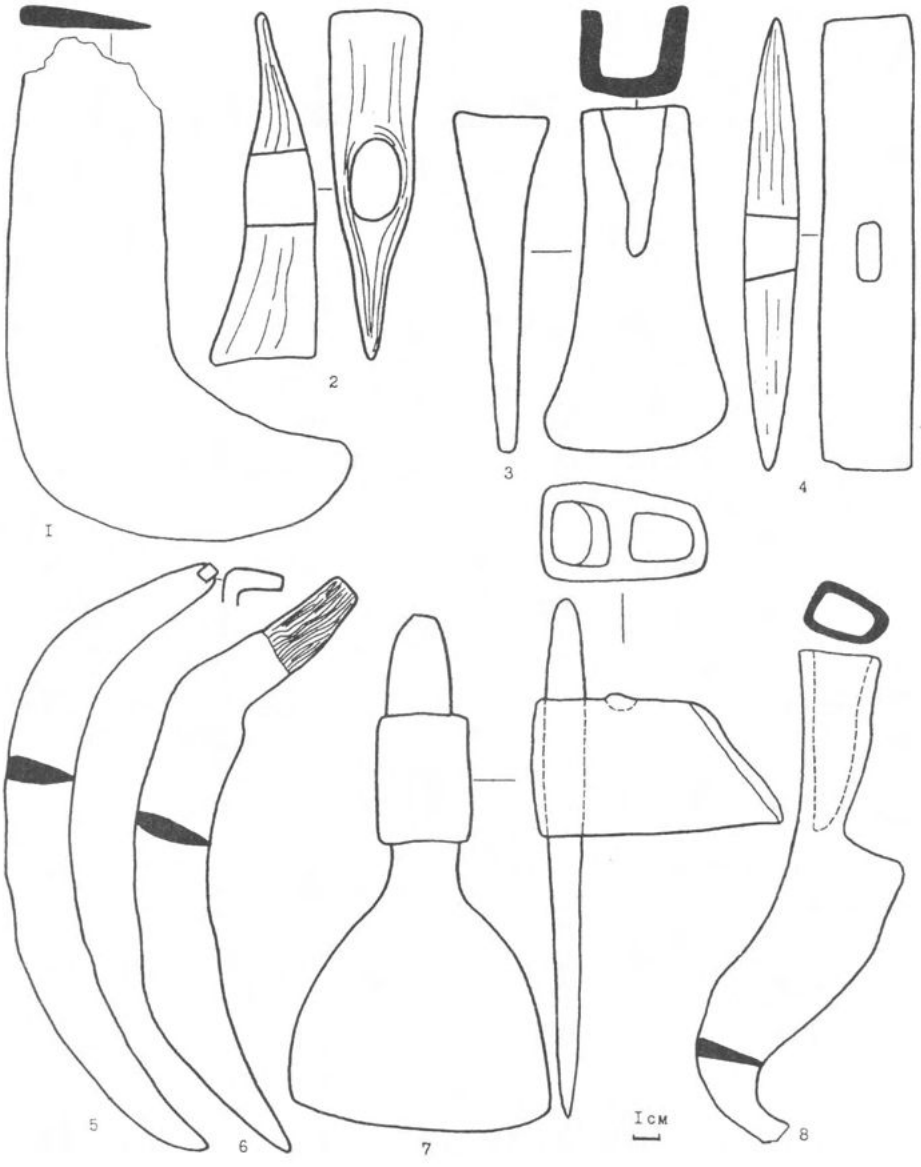

1
2 см
2
3
10 см
3 см
4
5

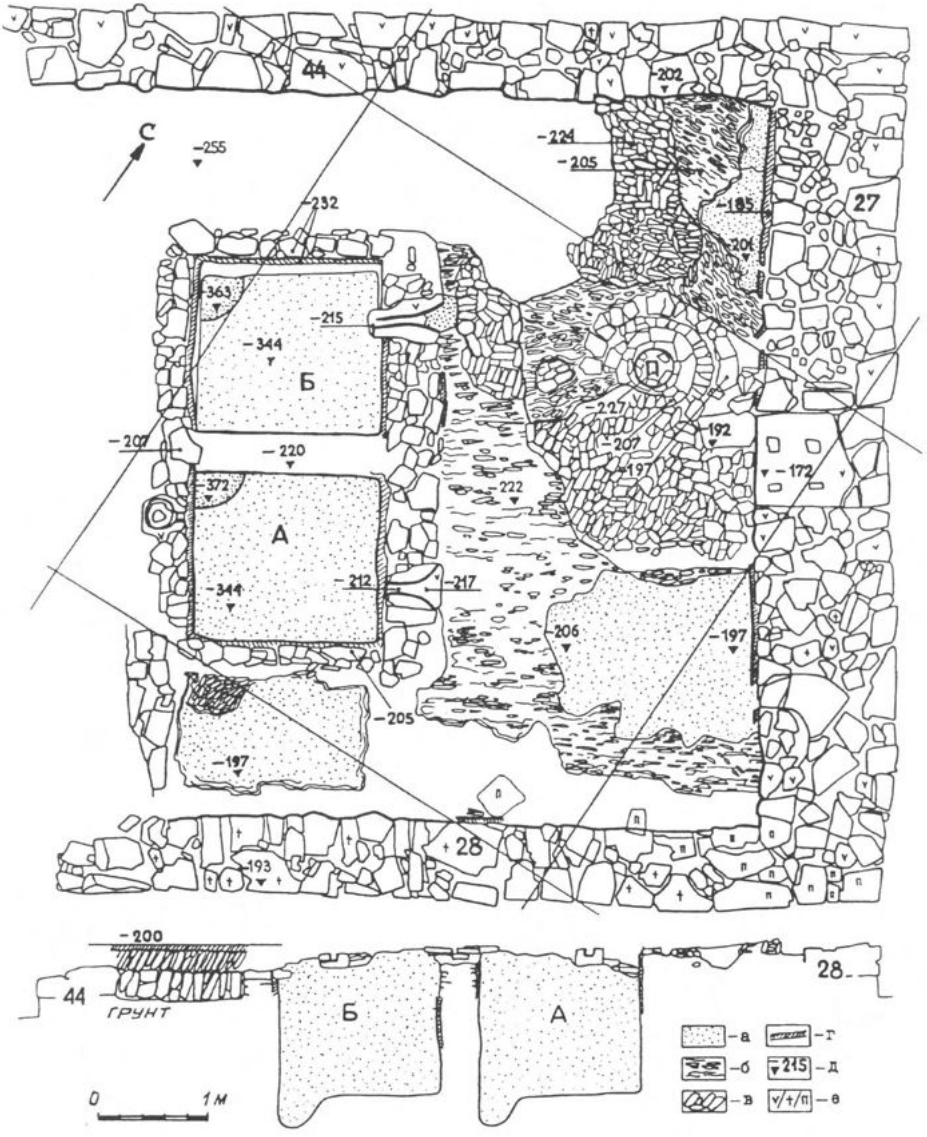


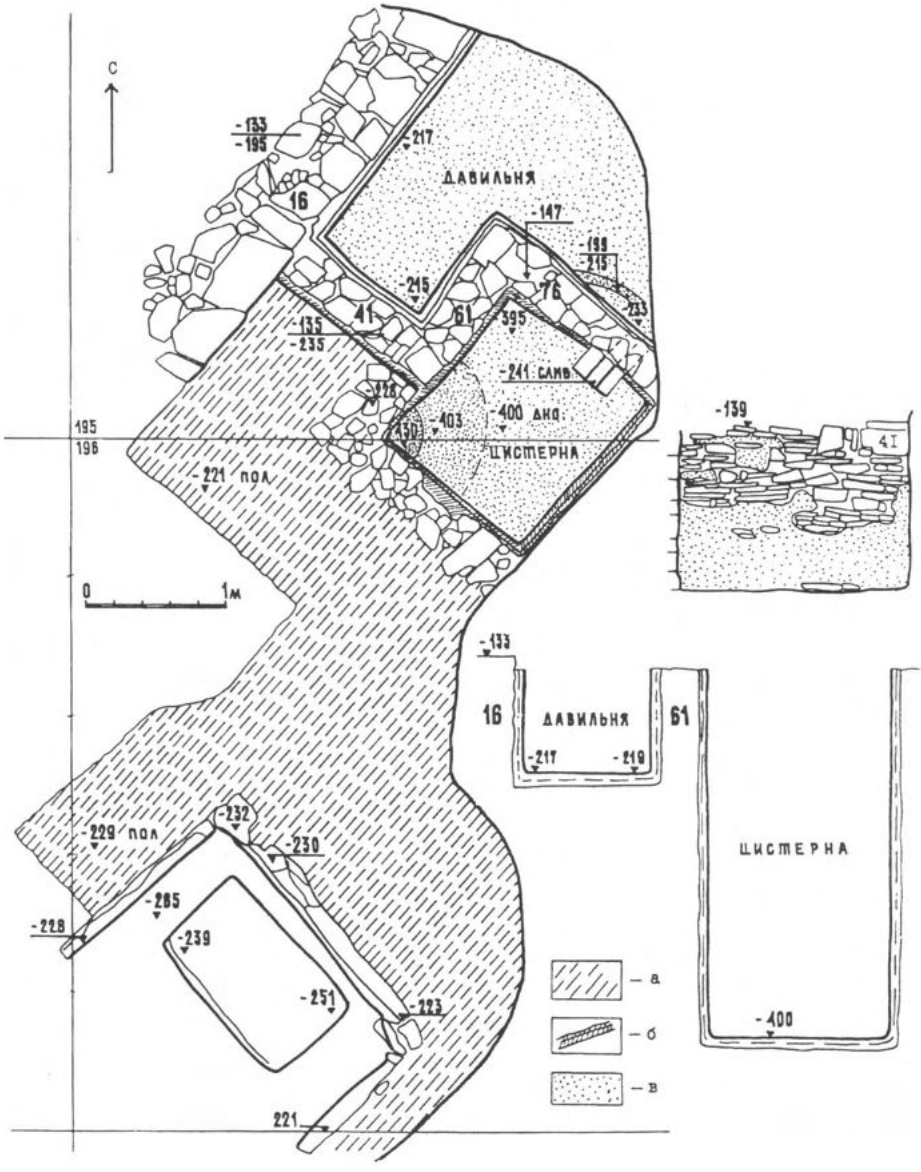
1

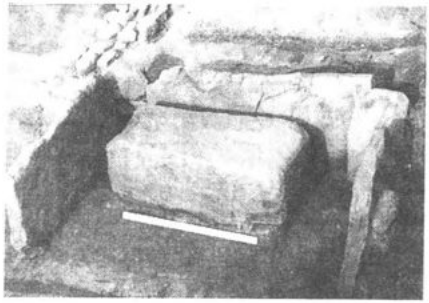


2


1
2
3
4
5
6
7
8
1см


С
44
27
28
Б
А
-255
-232
-224
-205
-202
-185
-206
-363
-215
-344
-227
-207
-192
-197
-172
-220
-222
-372
-212
-217
-206
-197
-205
-197
-193
-200
грунт
0
1 м
-а
-б
-в
-г
-д
-е


С
-133
-195
217
16
ДАВИЛЬНЯ
-147
-199
-215
-215
41
61
76
-395
-233
-135
-235
-241 слив
-228
-403
-400 дно
-230
ЦИСТЕРНА
195
196
-221 пол
0
1м
-139
4I
-133
16
ДАВИЛЬНЯ
61
-217
-219
-232
-229 пол
-230
-285
-228
-239
-251
-223
221
ЦИСТЕРНА
-400
— а
— б
— в



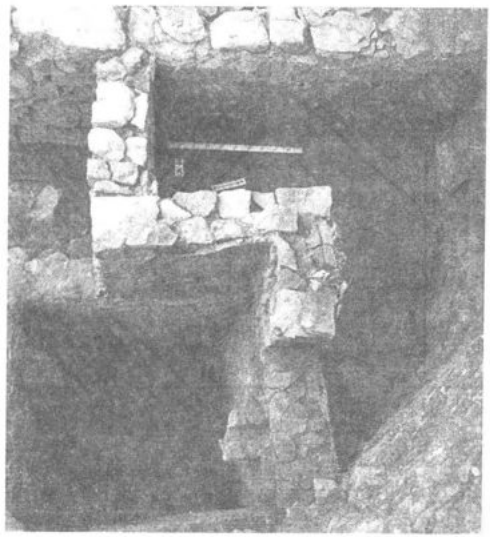
1

6

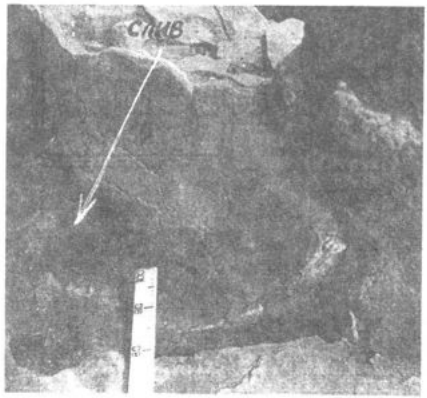
3

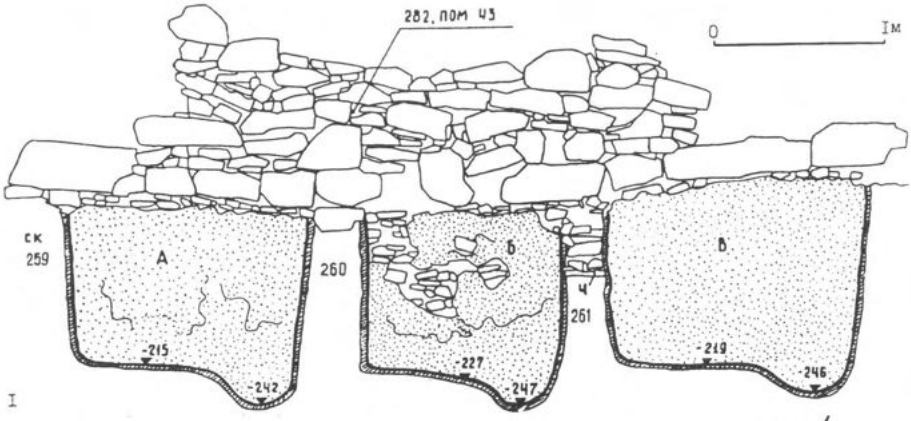
2

4

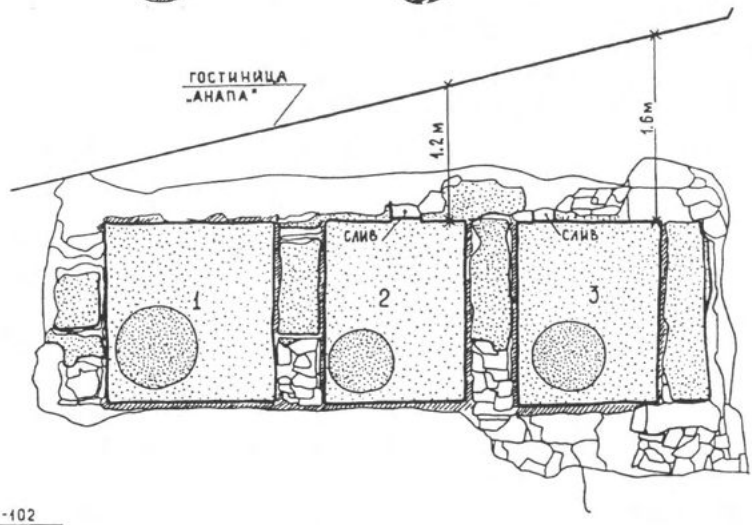


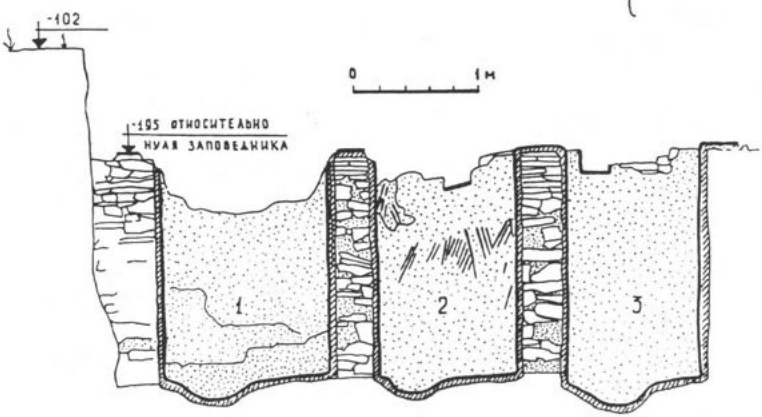
5




282, ПОМ 43
0
1м
СК
259
А
260
Б
4
261
В
-215
-242
-227
-247
-219
246

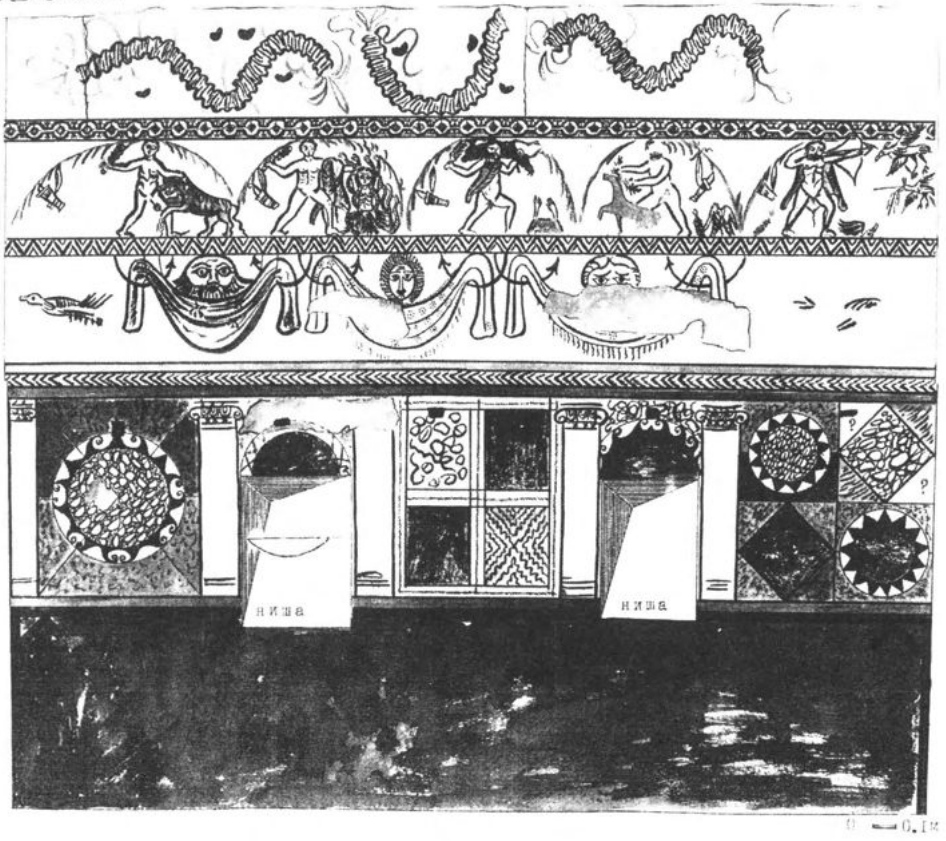
I


ГОСТИНИЦА
„АНАПА"
1.2 м
1.6 м
СЛИВ
СЛИВ
1
2
3


-102
0
1м
-195 ОТНОСИТЕЛЬНО
НУЛЯ ЗАПОВЕДНИКА
1
2
3

2

СВ стена



1

2

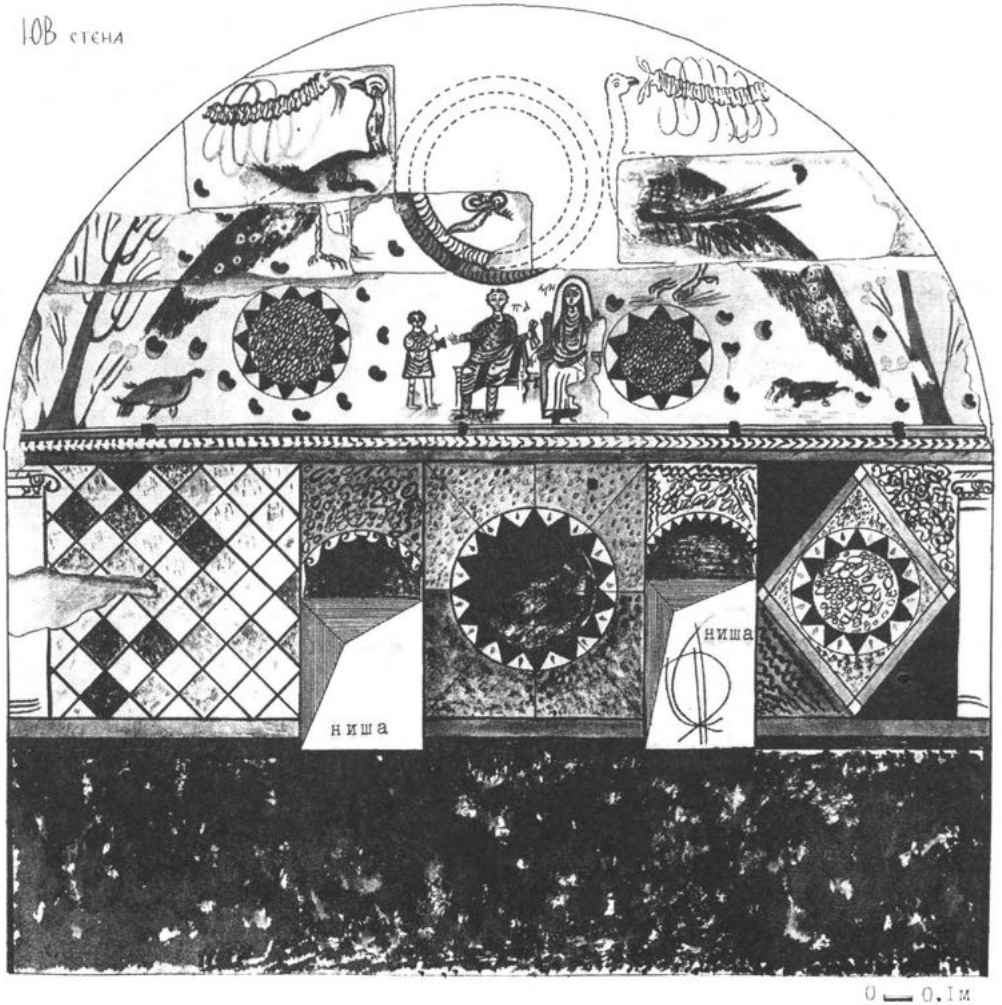
3

4

1

2

3


ЮВ стена
ниша
ниша
0 0.1м

Приложение

Ю.Г. Виноградов

Письмо с горгиппийских наделов

История Боспора эпохи ранних Спартокидов в общем и целом совсем неплохо освещена письменными источниками. Однако при ближайшем рассмотрении бросается в глаза непропорциональность источникового обеспечения в изучении различных сфер бытия боспорян. Литературная традиция в силу естественного повышенного интереса средиземноморского эллинства к Боспору как могущественному поставщику хлеба концентрировала свое внимание на политической, событийной истории, отражая хронологию правления боспорских тиранов (Диодор), внутриполитические коллизии (Диодор, Полиэн), вооруженные конфликты с окрестным племенным миром и другими понтийскими государствами (Полиэн, Демосфен), экономические взаимоотношения с Элладой (аттические ораторы). Боспорский лапидарный архив оказывает здесь ощутимое подспорье, однако в известной мере относительное, поскольку, не считая стереотипных и малоинформативных надгробий, он укомплектован преимущественно посвящениями, содержащими в эпонимной датировке ценную для нас титулатуру правителей с перечислением подвластных им племен, а также серией уникальных, хотя и фрагментированных, декретов, число которых к настоящему моменту едва достигло дюжины[1]. Такие блистательные новонайденные документы, как ольвийско-боспорское досье времени позднего Сатира и раннего Левкона[2] или насыщенная новыми, неожиданными историческими фактами вотивная эпиграмма с Семибратнего городища[3], составляют нечаянно радостные, но все же единичные исключения. Крайне лаконичные, как правило, граффити едва ли в состоянии придти здесь на подмогу.

В итоге вышеизложенной объективно сложившейся ситуации вне поля зрения "говорящих" памятников фактически оказались такие важнейшие области, как экономическое и социальное устройство Боспора IV в. до н.э., что оставляло широкий простор для всевозможных построений, базировав-

шихся почти исключительно на интерпретации памятников археологических. Вот почему поистине радостным событием стала находка в 1990 г. при раскопках Горгиппии одного редкостного документа, способного пролить новый свет на остававшиеся в тени сферы жизнедеятельности боспорян[4].

Речь идет об амфорном черепке с многострочным граффито, обнаруженном в 1991 г. на раскопе "Океан" (мешаный слой, опись № 203).

Рис. 1.

Находка представляет собой фрагмент, скорее всего, фасосской амфоры светло-коричневой глины с обильными блестками слюды, первоначально треугольной формы, правый угол которого впоследствии получил рваный облом. На остраконе достаточно глубоко крупным каллиграфическим шрифтом нанесено семь строк греческой надписи, под которыми оставлен vacat. Обращает на себя внимание отчетливый загиб кверху окончаний последних трех строк, который вместе с возрастающей концентрацией букв в конце стк. 5 не оставляет сомнений в реконструкции изначально треугольного абриса черепка, представленного на рис. 1 и позволяющего, таким образом, вычислить длину каждой строки и максимальный объем пропавшего текста.

Важен вопрос о датировке документа, уверенно решаемый прежде всего на основании анализа палеографических признаков, среди которых как наиболее диагностичные отмечу следующие. *Альфа* повсюду классических

очертаний с прямой перекладиной; ей вторит *дельта* в начале стк. 3, которая, однако, к исходу той же строки приобретает скорописную иррегулярную форму; *тета* с точкой посредине, подобно *омикрону*, вписана в габариты строки; пятикратно вырезанная *каппа* дает целую гамму оттенков: от классического дукта в конце стк. 4 и в стк. 5, через манерно выгибающую усики в начале стк. 4 к скорописной форме в стк. 2 и 7; *ню* с равновеликими крайними гастами слегка наклонено вправо; *пи* во всех случаях ощутимо задирает правую гасту; *ро* с достаточно емким полукружием; *сигма* в двух случаях (стк. 4 и 6) геометрически правильных классических очертаний, а в других двух (стк. 2 и 3) выдает отчетливую тенденцию к иррегулярной скорописи; *ипсилон* в одном случае (стк. 2) выгибает усики в духе позднеклассического лапидарного маньеризма, а в другом (стк. 6) — пытается не угасить его в порыве к тахиграфии; та же тенденция ощутима и в написании *фи*, окружность которой поначалу (стк. 2) не уступает *тете* и *омикрону*, а в конце (стк. 6), уплощаясь, теряет в размере; особенно симптоматична *омега*, дважды (стк. 1 и 5) сохраняющая классические, хотя и беглые, очертания, но однажды (стк. 3) исполненная более развитым скорописным дуктом. Все вышеотмеченное, особенно в отношении *дельты, каппы, сигмы, ипсилона, фи* и *омеги*, позволяет уловить в палеографии горгиппийского граффито едва пробивающиеся ростки тех скорописно-курсивных тенденций, которые пышно распустятся в раннеэллинистическую эпоху, что с учетом отмечаемых ниже диалектальных особенностей дает право уверенно отнести нашу надпись к первой половине правления Перисада I, т.е. к середине – третьей четверти IV в. до н.э. Бросается в глаза, что сохранившийся текст документа однажды явно отступает от норм койнэ: в слове κήπ῱ρος неисконный дифтонг ου передан через ῱, что хорошо засвидетельствовано для восточно-ионийских надписей с архаического времени[5]. В боспорской эпиграфике этот диалектальный признак рудиментарно доживает до конца IV в. до н.э. лишь в Auslaut Gen. имен с основой на -ο-[6], тогда в нашем случае дифтонг стоит в Inlaut на стыке двух основ.

Поразительно, что, несмотря на минимальные утраты, документ, в силу неформульного построения, а также ряда допущенных писавшим ошибок, не поддается однозначному восстановлению, но порождает обилие вариабельных реконструкций, анализируемых ниже. Поэтому на данном этапе удовольствуемся "дипломатическим" воспроизведением текста:

1 'Απολλων< . . [5-6] . . . .
πελεκος ΦΥΓ. . [4-5] . . .
δὸς τῶι ΠΑΔΙ . [2-3] . .
ο κηπ῱ρος ΟΚ. [2-3] . .
5 οἴκωι ἦλθεν ΑΝ . .
ΤΟΙΑ σταφυλὴ
καὶ λάχανα.

Общий характер документа проясняет, тем не менее, imper. δός = "дай" (стк. 3): перед нами, бесспорно, частная деловая записка, нацарапанная на подручном предмете — черепке[7], где-то на загородных угодьях Горгиппии и отправленная в город с нарочным — безусловно с тем самым безымянным мальчиком, которому и надлежало вручить необходимый для садово-огородных работ инструмент. Постараемся теперь выяснить построчным анализом детальное содержание документа.

Стк.1–3. Послание на первый взгляд, начинается теонимом ʼΑπόλλων, за которым следует нижний уголок либо от *дельты,* либо от *эпсилона.* Однако в какой связи с остальным деловым контекстом записки в начале его поставлено имя бога? Вариант со следующим за ним сказуемым ἔ[δωκεν] лишает imper. δός прямого дополнения и оставляет в неведении, кому же вручил Аполлон πέλεκος (см. ниже). Вариант с дополнением ἔ[χρησεν] = "Аполлон дал прорицание" явно не совместим даже в игриво-турнюрном смысле с остальным сугубо деловым содержанием документа. Чтение в стк. 2 личных имен с синтаксически усложненным зачином выглядит неестественной, искусственной конструкцией: ἃ πολλῶν ἔ[δωκεν] Πέλεκος Φυγ[έλλωι e.g.], δός κτλ.= "То многое, что Пелек дал Фигеллу, дай ..."; лишенное всякой конкретизации оно безусловно дезориентировало бы адресата — что же именно ему следовало вручить нарочному? Наиболее вероятно, что послание должно было начинаться, как ему и положено, с имен адресанта и адресата: "такой-то тому-то". Однако коль скоро теонимы принимают на себя роль личных имен в Северном Причерноморье (как и во всем греческом мире) никак не ранее императорской эпохи (да и тогда антропоним ʼΑπόλλων ни разу не зарегистрирован), и коль скоро графическая передача ι через ει (i.e. ʼΑπολλώνειος = νιος) засвидетельствована в эпиграфике только с позднеэллинистической эпохи[8], остается, по всей видимости, прибегнуть к ultimum refugium, предположив, что автор письма допустил даже в собственном имени одну из тех орфографических ошибок, которых предостаточно в его хотя и аккуратно прочерченном послании, а именно пропустил *йоту* в ЛИ ʼΑπολλων(ί)δ[ης][9]. Тогда лакуна предлагает не больше места, как дополнить в адресе либо очень короткое ЛИ e.g. [Δίωνι], либо — что кажется мне более привлекательным — ион. dat. [ὑῶι]. В итоге мы получили бы стандартный лаконично сформулированный адрес: "Аполлонид — сыну"[10].

В стк. 2 назван предмет, составивший непосредственный повод вручения послания, равно как и объект, предназначенный для передачи отправленному за ним мальчику — πέλεκος, в котором следует, по всей видимости, признать ἅπαξ λεγόμενον. До сих пор, преимущественно из авторов, нам был хорошо известен ὁ πέλεκυς: одно-, реже двулезвийный топор, использовавшийся на лесоповале и главным образом для плотницких и столярных работ, не так часто в горном деле, а также, безусловно, как боевой топор и ору-

дие для убоя жертвенных животных[11]. Рукоятка такого топора именовалась ὁ πέλεκκος или τὸ πέλλεκον[12]. В горгиппийском же тексте πελεκος, понимай это место как neutr. τὸ πέλεκος или как ион. acc. plur. masc. πελέκ῱ς (что кажется, хотя и менее вероятным, ввиду отсутствия числительного, но не меняет сути), в любом случае оказывается уникальным термином[13], если только не допускать само по себе оправданного упрощения: πέλεκκος > πέλεκος. Однако сама уникальность термина заставляет задуматься и об уникальности его значения (см. ниже).

Определенные трудности возникают и при дополнении пришедшегося на облом стк. 2 слова φυγ, поскольку абсолютно все лексемы с этим инициальным слогом принадлежат семье φυγή (бегство, изгнание) и явно не подходят к нашему хозяйственному контексту[14], если только не предполагать здесь странное и опять же неуместное φυγ[έργωι] — досл. "бегающему от работы, лентяю". Не остается иного выхода, как заподозрить и здесь минимальную ошибку автора, не дописавшего у Т левой половины горизонтали. Иными словами, есть полное основание дополнить в данном месте спецификационное определение инструмента — πέλεκος φυ<τ>[ῡργῶ], выбор которого, как и его ион. форму, оправдывает κήπῡρος в стк. 4. Значение термина φυτουργός = "ухаживающий за растениями, деревьями, садовник" прекрасно согласуется с тем сельскохозяйственным контекстом, который поясняет синонимичная профессия (ὁ κήπουρος) а также перечень садово-огородных культур, завершающий письмо[15].

Из контекста фразы однозначно вытекает, что за членом τῶι следует субъект, которому надлежало вручить пелекос. Но коль скоро в греч. на παδι- не начинается ни одного слова, мы можем с уверенностью констатировать и здесь lapsus calami писавшего, оправдываемый, как и два вышеуказанных, единственной из замеченных и исправленных самим автором ошибок: в стк. 5 по невнимательности пропущенная в слове ἦλθεν *лямбда* той же рукой вставлена сверху. Иными словами, в стк. 3 уверенно дополняю τῶι πα(ι)δί[ωι], т.е. тот термин, которым обозначали раба — мужского или женского пола — достаточно молодого возраста[16]. Другое, асоциальное значение этого слова — просто ребенок (до семилетнего возраста), для нашего контекста исключать не приходится, равно как и его семантического двойника τῶι πα(ι)δί[σκωι].

Стк. 4–5. Утрата всего только двух–трех букв в конце каждой из этих строк, порождает тем не менее известные трудности при их дополнении. В первом оказалось бы естественным либо распознавать pron. relat. neut. ὅ, (a) относящееся к пелекосу или (b) определяющее профессию гонца, либо признавать в нем (c) открывающий новое предложение артикль ὁ в функции детерминатива известного лица — садовника. Однако все три возможности на-

талкиваются на непреодолимую преграду в виде замыкающих стк. 4 двух букв ок, место которых согласно неумолимому синтаксису фразы должно было во всех случаях занять pron. relat. masc. ὅς. Ибо при вариантах (a) и (c) второе ὁ лишь тогда могло сочетать κήπορος с определением, если последнее было бы выражено прилагательным (e.g. ὁ κήπορος ὁ νέος) либо причастием (e.g. κήπορος ὁ ἐλθώμ), тогда как в стк. 5 стоит личная глагольная форма ἦλθεν. При варианте (b) "дай пелекос мальчику, который *является* садовником *и* который пришел..." бессоюзное присоединение друг к другу обоих определений, да еще и на фоне эллиптически опущенного сказуемого ἐστι, трудно было бы списать даже за счет просторечия.

Все сказанное заставляет ориентировать поиск в ином направлении, однако он осложняется еще и неоднозначным определением пункта назначения или лица, к которому прибыл безымянный садовник. Стк. 5 сталкивает нас с новой дилеммой: что перед нами — полное слово (οἴκωι) или только сохранившаяся часть его (-οίκωι), и как в обоих случаях следует дополнять и понимать конечные буквы стк. 4 ок-? Учитывая минимальный размер лакуны, во втором варианте не остается иного шанса как восстановить единственно возможное compositum κ[ατ-]οίκωι, т.е. тот социально окрашенный terminus technicus, которым обозначалась категория зависимого сельского населения — катэки, посаженные на царскую, храмовую или полисную землю и обложенные за это податями или выполнявшие определенные воинские либо иного рода повинности[17]. Однако такая трактовка наталкивается на два серьезных препятствия: во-первых, мы ничего не слышим об этом социальном статусе раньше эпохи эллинизма, а во-вторых — и тогда он был исключительно коллективной формой зависимости (от царя, храма или полиса), в то время как у нас определенно речь идет о частновладельческих отношениях: хозяин надела на хоре Горгиппии посылает в город слугу забрать инвентарь для садовника, который пришел на подмогу, якобы, катэку, посаженному на землю индивидуального владельца. Отмеченное Л. Робером другое частое значение слова κάτοικοι/κατοικοῦντες — просто "жители, обитатели данного города, страны и т.д."[18], не уместно в нашем контексте, так как оно требовало бы, если и не имени субъекта, то уж по крайней мере непременного указания на место его обитания[19].

Все высказанные выше сомнения заставляют предпочесть первый вариант восстановления. Перед нами, действительно, полное слово οἴκωι в его обобщающем значении: не просто "дом, постройка", но "ойкосное хозяйство" как совокупность его обитателей, движимого и недвижимого имущества[20]. Именно поэтому глагол ἔρχομαι, часто имеющий смысловой оттенок "приходить на помощь, на подмогу" (LSJ, s.v.), сочетается в нашем контексте с dat. pers., а не с обычным для глаголов движения εἰς, πρός + или просто

acc. Иными словами, садовник пришел не просто в загородный дом, но с конкретной целью — помочь по хозяйству.

Осталось дополнить строку 4. Предложенная версия, казалось бы, диктует разбить группу букв ок на мест. о{ и очень короткое слово с инициальной *каппой*. Но поскольку ни ὃ κ[αὶ], ни ὃ κ[ατ᾽] грамматически никак не совместимы с продолжением фразы (см. выше). Остается распознать здесь еще один рудимент ион. диалекта, а именно апокопированное мест. ὁκ[ότ᾽], что блестяще подтверждается остатками *пи*, первоначально вырезанным под *каппой*: приверженный ион. диал. автор, сообразуясь с эпохой, сначала начертал ὁπότε, переправив его тут же в ион. ὁκότε [21].

Стк. 5–7. Предпочтенный мною вариант дополнения и толкования предшествующих строк сразу же оправдывает употребление автором письма претеритной формы глагола в стк. 5/6: коль скоро действие переместилось ненадолго в прошедшее время, "когда садовник пришел *помочь* по хозяйству", то относящееся к тому же лицу второе сказуемое закономерно облеклось в форму plqpf.: исходя из отчетливо разбираемых остатков концевого *ню*, за которым следует минимальная максимум в одну-две буквы лакуна, ничего иного как ἀν[εῖ]το или ион. форму ἀν[ε᾽]το предполагать здесь не приходится. Сообразуясь с нашим контекстом, наиболее реально выбирать из значений ἀνίημι только "*make* corn or fruit *spring up*" (καρπόν, κνώδαλα), *produce* (LSJ, s.v.), т.е. в пассивном залоге — "появились на свет, распустились, произросли, созрели".

С последней трудностью мы сталкиваемся при чтении конца фразы. Выше была обоснована синтаксическая необходимость постановки второго сказуемого в plqpf., что — казалось бы — подводит к неизбежному чтению в стк. 6 вслед за глаг. ἀν[εῖ]το названия цветов ἴα ="фиалки"[22]. Однако оно звучало бы в разительном диссонансе с двумя следующими за ним видовыми названиями растений: виноград и овощи; уместнее было бы ожидать просто ἄνθη. Это затруднение подсказывает иной вариант: читать в данном пассаже pl. местоимения, однако не указательного τοῖα, которое почти целиком принадлежит поэтической лексике[23] и лишило бы plqpf. видового окончания, но относительное οἷα с обычным для греческой прозы эллипсом предшествующего pron. demonst., т.е. "произросли, созрели такие растения, каковыми *являются* виноградные гроздья и овощи"[24]. Излишне доказывать, что за pl. neut. οἷα скрывается обобщающее понятие κάρπιμα φυτά, т.е. "плодоносящие растения", у нас еще конкретнее — культуры с "созревшими плодами" (см. ниже).

Однако предложенное чтение неизбежно подводит нас к констатации еще одного и последнего признака ион. диалекта — псилозы, т.е. отсутствию spiritus asper[25], иначе апокопированное глаг. окончание -то в начале стк. 6

должно было бы аспирироваться в ἀν[εῖ]θ'. Мне кажется, однако, что данный диалектальный феномен, обычный для архаического и раннеклассического языка, в IV в. должен был рудиментарно доживать скорее в области графики, нежели фонетики, почему он и не отражен в транскрипции оптимального, на мой взгляд, варианта реконструированного текста:

1 'Απολλων(ί)δ[ης ὑῶι·?]	*Перевод*: Аполлон(ид — сыну ?)
πέλεκος φυ<τ>[ῶργο?]	Садовничий пелекос
δὸς τῶι πα(ι)δί[ωι.]	дай этому мальчику.
ὁ κήπῶρος, ὁκ[ότ'?]	Когда садовник пришел
5 οἴκωι ἦλθεν, ἀν[εῖ-?]	*помочь* по хозяйству,
τ' οἷα· σταφυλὴ	созрели такие *культуры*:
καὶ λάχανα.	виноградные грозди и овощи.

3. vel πα(ι)δ[ίσκωι] || 4. ex orig. ΟΠ corr. in ΟΚ

Из завершающего послание перечня садово-огородных растений[26] наибольший интерес для воссоздания реальной ситуации представляет слово σταφυλή[27], которое в отличие от ἄμπελος - "виноградная лоза", обозначало плоды оной, т.е. виноградные ягоды в гроздьях. Однако если его синоним βότρυς, семантически более емкий, включал в себя шире любую гроздь, то слово σταφυλή конкретно прилагалось только к спелым, свежим плодам лозы, как явствует из его противопоставления, с одной стороны, термину ὄμφαξ "незрелая гроздь", а с другой — (ἀ)σταφίς, т.е. "засохшая, высушенная гроздь, изюм"[28]. Семантический выбор лексики автором письма облегчил нам выяснение, прежде всего, времени года, когда оно было сочинено: это, без сомнения, позднее лето или ранняя осень — сезоны поспевания винограда и овощей, время уборки урожая этих культур. С другой стороны, он же сокращает круг поиска технологической спецификации орудия труда, обозначенного гапаксным термином τὸ πέλεκος: если еще можно как-то, хотя и с трудом, представить себе применение инструмента типа плотничьего топора для рыхления грядок с овощами и окучивания кустов, то для срезания поспевших гроздей винограда и кочанов капусты он никак уже не годился. Остается признать, что в публикуемом тексте через terminus technicus τὸ πέλεκος обозначен некий инструмент типа виноградного ножа, изображения которого известны на стелах IV в. до н.э. (см. в настоящей книге садовый нож из горгиппийского дома IV – первой половины III в. до н.э., Табл. 69: 15)[29].

Во вторых, — и это гораздо существеннее — новый документ проливает определенный свет и на социально-экономическую организацию сельского хозяйства Боспора времени ранних Спартокидов, т.е. на ту важную сферу жизнедеятельности боспорян, представление о которой — до сих пор весьма приблизительное — складывалось у нас на основании письменных ис-

точников, крайне скудных, а посему открывавших простор для всевозможных далеко идущих построений. Мы располагали для IV в., собственно, одним единственным показанием из речи "Против Лакрита" Демосфеновского корпуса, составленной практически одновременно с горгиппийским письмом[30]. По свидетельству оратора, прибывшее на Боспор из Афин торговое судно транспортировало из Пантикапея в Феодосию небольшую партию в 80 амфор косского низкокачественного винца и соленую рыбу, предназначавшиеся некоему земледельцу для снабжения трудившихся у него сельскохозяйственных работников[31]. Достаточно широкий термин ἐργάται, выбранный, несомненно для функциональной, а не социальной характеристики этой группы лиц, не удержал, однако, В.Д. Блаватского от искушения высказать гипотезу о том, что на угодьях феодосийского земледельца трудились не наемные работники, как считалось раньше[32], а рабы. В своем предисловии он мог опереться единственно на утверждение одного из свидетелей по делу Лакрита, что вино де было испорчено, а потому предназначалось оно не для свободных, а для рабов, число которых (18) на этом наделе было им вычислено, исходя из рекомендаций Катона о размере рабских рационов[33]. Данная аргументация, основанная на абсолютном доверии к такому тенденциозному источнику, как свидетельские показания в суде, вызвала законную критику В.Ф. Гайдукевича, вовсе не исключавшего применения рабского труда в сельском хозяйстве Боспора, однако убежденного в том, что в ἐργάται свидетельства Пс.-Демосфена резоннее узнавать наемных работников, поденщиков (Lohnarbeiter), а не невольников[34]. Не стоит упускать из виду, что период греческой навигации — это belle saison, включавший в себя и Hauptsaison (по Гайдукевичу), т.е. страдную пору, когда древний — да и современный — земледелец испытывал особую нужду в наемной рабочей силе для своевременной уборки урожая.

Подобная интерпретация цитированного пассажа, безусловно, кажется более реалистичной, способной к тому же найти неожиданную поддержку в еще одном синхронном источнике, не привлекшим пока к себе внимания исследователей. Речь идет о происходящем из раскопок Китея амфорном фрагменте с вырезанным на нем граффито IV в. до н.э., в котором издатель распознавал термин ἄμετρα, понимая его как обозначение нестандартной фасосской амфорной тары[35]. При ближайшем рассмотрении фото надписи в начале ее сразу вслед за обломком достаточно четко различима *йота,* что не оставляет других вариантов дополнения, кроме как δ]ιάμετρα[36]. Термин τὸ διάμετρον встречается у Плутарха в биографии Деметрия (§ 40), где он обозначает довольствие, паек, плату наемникам, сражавшимся в войске Антиоха. Менее ясно значение этого термина в папирусах Птолемеевского Египта[37], однако тот факт, что в одном документе он стоит рядом с σιτομετρικόν, озна-

чавшим плату за службу ситомера, некоторые издатели (Уэстерманн и Кремер) считали возможным интерпретировать его в смысле вознаграждения охране, конвоировавшей частные хлебные транспорты. Интересно, что в Египте διάμετρα всегда выплачивались натурой — зерном, ведь и в греческих эпиграфических документах термины διαμετρέω, διαμέτρησις часто употреблялись по отношению к раздаче хлебных рационов среди граждан — ситометрии[38].

Привлеченные аналогии вполне оправдывают толкование китейского граффито δ]ιάμετρα в том смысле, что так маркировались на складе партии амфор, содержавших запасы вина, предназначенных для раздач довольствия вольнонаемным сельскохозяйственным работникам. Китей был маленьким боспорским πολίχνιον, хора которого возделывалась, скорее всего, непосредственно из самого города, где и хранился сельскохозяйственный инвентарь и необходимые продовольственные запасы.

Свидетельство публикуемого горгиппийского граффито кладет дополнительные штрихи в нарисованное полотно. Из контекста послания прямо следует, что приглашенный хозяином горгиппийского надела Аполлонидом (?) садовник, был ангажирован им для помощи по хозяйству в горячую страдную пору, без всякого сомнения, за известное вознаграждение (деньгами и/или натуралиями), но был волен проявлять известную инициативу в выборе тех культур, которые требовали скорейшего снятия урожая, и был вправе потребовать от хозяина обеспечить его соответствующим роду его занятий инструментом. К сожалению, крайняя лаконичность контекста не позволяет однозначно установить социальный статус того мальчика, который был отправлен с посланием в Горгиппию: был ли этот παίδιον/παιδίσκος рабом или просто слугой.

Наконец, горгиппийское послание раскрыло перед нами еще один неожиданный ракурс в культурной жизни Боспора, а именно сохранение в живой разговорной среде достаточно древних традиций ионийского диалекта, о чем мы прежде могли только догадываться, т.к. имели дело преимущественно с парадно-официальными эпиграфическими документами. Подобную же ошеломляющую и эшелонированную, но естественно, гораздо более богатую информацию из области народного говора, лексики и грамматики подарило нам открытие дюжин и дюжин граффити, процарапанных на стене нимфейского святилища Афродиты, которые ждут своей скорейшей публикации[39]. Такого рода находки не только подчеркивают особое значение памятников народной письменности для воссоздания их экономической, социальной и культурной жизни, но и необходимость их серьезного, углубленного изучения.

[1]См.: *Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 57–72; *Он же.* Декрет из раскопок 1985 г. в Пантикапее // ВДИ. 1988. № 4. С. 81–83.

[2]*Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В.* Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. в свете новонайденного досье // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 69-78.

[3]*Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона I // СА. 1993. № 2. С. 34–47. Документ требует ревидированного переиздания, подготовленного автором этих строк.

[4]Пользуюсь случаем выразить свою искреннюю признательность руководителю раскопок Е.М. Алексеевой за предоставленное право публикации граффито, а также Institute for Advanced Study, Princeton, стипендия которого дала редкую возможность завершить данную работу, использовав прекрасные фонды библиотеки Института.

[5]*Thumb A., Scherer A.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1959. S. 252, § 311, 5.

[6]*Доватур А.И.* Краткий очерк языка боспорских надписей // КБН. 1965. С. 801, § IA.4.

[7]Для частных писем на черепках приведу следующие выборочные примеры.

В Северном Причерноморье :1) письмо VI в. до н.э. на фрагменте расписного сосуда из Ольвии (*Rusjaeva A.S., Vinogradov Yu.G.* Der "Brief des Priesters" aus Hylaia // Gold der Steppe. Ausstellungskatalog. Schleswig, 1991. S. 201 f.; 2) письмо ольвийских навклеров на амфорном остраконе, IV в. до н.э. (*Шебалин Н.В.* К ольвийским государственным древностям // АИКСП (1968). С. 296–300); 3) письмо на амфорном черепке с Ольвийской хоры IV в. до н.э. (*Виноградов Ю.Г., Головачева Н.В.* Новый источник о походе Зопириона // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 15–30; 4) письмо на обломке амфоры из Керкинитиды конца V в. до н.э. (*Соломоник Э.И.* Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 114–125 = SEG XXXVII 665, XL 625).

В Средиземноморье : 5) послание на донце коринфского скифоса VI в. до н.э. из Афин (*Lang M.* Graffiti and Dipinti. Athenian Agora, XXI. Princeton, 1976. P.8, B.1; 6) на стенке чернолакового скифоса с Афинской агоры, V в. до н.э. (*ibid.* P. 9, B9); 7) записка на донце кампанской чаши III–II вв. из Ольвии Лигурийской (*Guarducci M.* Epigrafia greca, III. Roma, 1975. P. 320).

[8]См.: *Threatte L.* The Grammar of Attic Inscriptions. B., 1980. P. 199–202.

[9]Этот широко распространенный греческий антропоним многократно зарегистрирован на Боспоре, хотя и с более позднего времени (См.: КБН. С. 852; надгробие IV в. до н.э. КБН 1233 поставлено Ангелиппу, сыну Аполлонида, хиосцу). В близком по времени горгиппийском агонистическом каталоге раннего III в. до н.э. несколько раз в качестве имени и патронимика фигурирует близкородственное ЛИ 'Απολλώνιος: КБН 1137 А 1.9, 20, 24, 39; А 2–15; Б 1. 12, 46, 62; Б 2. 26(?). О датировке каталога см.: *Белова Н.С.* Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания об эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. 1984. № 2. С. 83.

[10]Как в письме на остраконе из Керкинитиды: 'Απατῶριος Νεομηνίωι (см. прим. 10, № 4), или в адресе свинцового ineditum из Ольвии: 'Απατῶριος Λεάνακτι (ср. в начале письма: Λήνακτι 'Απατῶριος). Для обращения к сыну ср. письмо Ахиллодора:

παρὰ τὸμ παῖδα (*Виноградов Ю.Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 74 сл.; SEG XL 609 — с лит.).

[11]Классическим справочником по данному вопросу остается работа: *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Bd. II. Lpz., 1879. S. 200–203, 300.

[12]*Ibid.* S. 202; LSJ цитирует для обоих терминов: Il. XIII, 612; Pollux X, 146; Hesych., s.v. Один поздний папирус (SB VII, 9409, C. 28) называет в хозяйственном инвентаре πελεκῶν σκυτάλας = "ремни для крепления рукояти топора", причем Э.Кислинг в Указателе замечает: πελεκόν (= πέλεκκον?).

[13]При лексическом анализе мною были использованы банки данных CDRom: Thesaurus Linguae Graecae и PHI2 (Inscriptions and Papyri).

[14]Если бы автор имел в виду вручение нарочному инструмента, принадлежащего/-вшего какому-то конкретному лицу, то в gen. poss. он должен был поставить артикль: e.g. τοῦ/ τῶν φυγ[άδος/ -δων].

[15]Проверка по CDRom TLG однозначно показала, что прилагательное (чаще всего субстантивированное) (ὁ) φυτουργός употреблялось исключительно по отношению к субъектам, но не к предметам (e.g. инструментам), что предполагает и в нашем контексте gen. pertinentiv. (*Schwyzer*. Op. cit., II. 3. 117 ff.) πέλεκος φυτουργοῦ = "садовничий пелекос". Наиболее раннее эпиграфическое упоминание этого термина содержит известное послание Дария Гистаспа Syll.[3]22=M-L 12.22: φυτουργοὺς ...[ἰ] ερούς Ἀπόλλ[ω]νος; ср. *Функ Б.* Ранние связи греков с державой Ахеменидов в свете древнеперсидских и античных источников // ВДИ. 1990. № 2. С. 14 сл.

[16]Принимая во внимание довольно раннее, позднеклассическое время составления документа, кажется малоправдоподобным предполагать в пропуске в этом слове *йоты* рефлексию разговорного, "народного" языка, ибо систематическая замена αι > α в подобной позиции проявляется лишь в императорскую эпоху: *Zingerle J.* Volkssprache aus griechischen Inschriften. I // Glotta 16. 1928. S. 145–151; ср. *Petzl G.* Die Beichtinschriften Kleinasiens / Ep. Anat. 22. 1994. S. XI, Anm. 16 (указанием на работу Й.Цингерле я обязан Г.Петцлю). Л.Тритти (Op. cit. P. 269 f.) убежден, что подмена *альфой* дифтонга αι/ С как среди лапидарных надписей, так и граффити и дипинти, в эллинистическое время обязана небрежному, неполному воспроизведению дифтонгов.

[17]Обильная литература вопроса сведена в новейшей работе: *Cohen G.* Katoikiai, Katoikoi and Macedonians in Asia Minor // Ancient Society 22. 1991. P. 41–50.

[18]*Robert L.* Documents d'Asie Mineure. P., 1987. P. 535–538. Ср. *Chaniotis A.* Ein diplomatischer Statthalter nimmt Rücksicht auf den verletzten Stolz zweier hellenistischer Kleinpoleis (Nagidos und Arsinoe) // Epigraphica Anatolica. 21 (1993). S. 36 f. Anm. 13.

[19]Ср. к примеру, TAM V.1.1 (II в. до н.э.): οἱ ἐν Λυένδωι κάτοικοι.

[20]Эллипс при οἴκωι определенного артикля вполне оправдан эпиграфическими параллелями из Причерноморья, см.: *Виноградов Ю.Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 64. Ср.: *Kühner R., Gerth B.* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. II, 2. Hannover–Lpz., 1898. S. 602 f., § 462 b.

[21]Для (ὁ)κοῖς et sim. см.: *Bechtel*. Op. cit., III. S. 87–89; *Schwyzer*. Op. cit. S. 288; *Thumb, Scherer*. Op. cit. 262 f, § 311.15. Эту ион. форму постоянно употребляют авторы не только классической поры (Геродот, Гераклит, Демокрит), но и раннеэллинистической эпохи (Геронд). В восточноионийской лапидарной эпиграфике она доживает до первой половины IV в. до н.э. (SGDI IV, n.62 = IvErythr. Klaz. 205.11: ὁκοῖα).

[22]Я не убежден, что глоссу позднего Etym. Magnum ἴον. ὄνομα βοτάνης, τὸ ἄνθος вслед за авторитетным лексиконом LSJ следует понимать как "generally, any flower". Скорее лексикограф просто пояснил, что ἴον, т.е. фиалка — это имя растения, название вполне определенного цветка.

[23]LSJ отмечает, что у ранних прозаиков оно употребляется только в застывших фразах типа τοῖα καὶ τοῖα.

[24]Об употреблении nom. в перечислениях вне зависимости от конструкции предыдущего предложения (у нас она требовала бы acc.): см.: *Kühner, Gerth*. Op. cit. II, 2. B., 1898. S. 45 f.

[25]См.: *Bechtel*. Op.cit. III. S.35–39; *Schwyzer*. Op. cit. I, S. 220 f; *Thumb, Scherer*. Op. cit. S. 265 f., § 311.24.

[26]О частом употреблении терминов σταφυλή и λάχανα у аттических комедиографов IV в. до н.э. см. *Μίχα-Λαμπάκη Α.* Ἡ διατροφὴ τῶν ἀρχαίων Ἑλλήνων κατὰ τοὺς ἀρχαίους κωμωδιογραφίους. Ἀθήνα, 1984. P. 214–219, 287–289. Второй термин упомянут в одном граффито: Граффити античного Херсонеса. Киев. 1978. №1130 (чтение автора).

[27]В горгиппийском письме употреблен коллективный sing. pro plur., как в раннеэллинистических папирусах PPetr. III, 28 c. 9, 17; PCair. Zen. 300.14 etc.

[28]Наиболее яркий образчик такого противопоставления находим в анонимной эпиграмме Anth. Pal. V, 304, где всеми тремя атрибутами (ὄμφαξ - σταφυλή - σταφίς) метафорически охарактеризованы три последовательно сменяющих друг друга возраста девицы: незрелость — расцвет — увядание. Параллель отыскивается в Anth. Pal. V, 20 (Onestus), где σταφυλή заменено синонимом ἡ πέπειρος = uva matura.

[29]Например, на надгробиях из Херсонеса (*Соломоник Э.И.* НЭПХ I [1964] 46; II [1973] 43. С. 139–141, комм.; ср. стелу из Спарты (*Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Amsterdam–Prague, 1971. Pl. 64) с вмонтированным в мрамор бронзовым ножом (культовым?).

[30]Речь датируется обычно до 338 или 340 г. до н.э., см.: *Isager S., Hansen M.H.* Aspects of Athenian Society in the Fourth Century B.C. Odense, 1975. P. 169 f.

[31][Dem.], XXXV, 32: ἀνθρώπῳ τινὶ γεωργῷ παρεκομίζετο... τοῖς ἐργάταις τοῖς περὶ τὴν γεωργίαν χρῆσθαι.

[32]*Жебелев С.А.* СП (1953). С. 125.

[33]*Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 168 сл.

[34]*Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971. S. 164. u. Anm. 123. Ср.: *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. С. 156.

[35]*Молев Е.А.* Археологическое изучение Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 50. Рис. 7, 1.

[36]Чтение с предварительным кратким комментарием уже было предложено: *Vinogradov Ju.G.* // Bulletin épigraphique 1990, 595 = SEG XL 629.
[37]PHib. 110, 14; PCorn. 3, 25; PCair. Zen. III, 333.31, 75; IV, 669.12.
[38]См.: *Виноградов* Декрет в честь Антестерия ... // ВДИ. 1984. № 1. С. 58 слл.
[39]Предварительную информацию см.: *Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88; *Она же.* Нова пам'ятка елліністичного часу з Німфею // Археологія. 57 (1987). С. 81–94; *Eadem.* Ein neuentdecktes Fresko aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch // Skythika. Abh. Akad. München 98 (1987). S. 87–95. Поспешные ("ре")публикации В.П. Яйленко (*В.П. Яйленко.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм I. М., 1990. С. 303–306; *Он же.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 230–272) страдают отсутствием у автора знакомства с оригиналом и профессионального подхода к чтению, равно как интерпретации подобных специфических памятников письменности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984
АО — Археологические открытия. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИА — Всеобщая история архитектуры. М.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры. М.
КБН — Корпус боспорских надписей. М.–Л., 1965.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.–Л.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.–Л.
КПАКС — Керамическое производство и античные керамические строительные материалы // САИ. Вып. Г1–20. М., 1966.
МАР — Материалы по археологии России. СПб. (Пг.).
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
НС — Нумизматика и сфрагистика. Киев.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
СА — Советская археология. М.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л.

AGDS	—	Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. 1968–1971.
AJA	—	American Journal of Archaeology. Prienceton.
AM	—	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung. Athenai.
AUCS	—	Antichké umění v Ceskoslovenskýen Sbírkach. Národní Galerie v Praze. 1979.
BCH	—	Bulletin de Corréspondance Hellénique. Paris.
BMC	—	British Museum Catalogue of Greek Coins. Pontus, Paphlagonia, Bithinia and the Kingdom of Bosporus. L., 1889.
BSA	—	The Annual of the British School at Athens.
CAH	—	The Cambridge Ancient History.
CVA	—	Corpus vasorum antiquorum: Great Britain (by R.M. Cook). Fasc. 4. L., 1954; Jougoslavie (par Parovic-Pesikan). Fasc. 4. Belgrad, 1975; Romain. Fasc. I. Bucuresti, 1965.
ETAM	—	Études et travaux d'archéologie marocaine. Rabat.
JDI	—	Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. B.
OISPE	—	Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. SPb.
Klio	—	Beiträge wur alten Geschichte. B.
RAG	—	Recherches sur les amphores grecques. P.
SC	—	Scythica et Caucasia. (*Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1893; Том II. Латинские писатели. СПб., 1904).

Отделение
Институт археологии

Содержание

Введение 5

Глава I. Греческое поселение VI–V вв. до н.э. на месте Анапы 11

Глава II. История и общественная жизнь Горгиппии в составе Боспорского царства 37

Глава III. Историческая топография, стратиграфия и градостроительство Горгиппии 83

Глава IV. Экономика и материальная культура Горгиппии 149

Глава V. Духовная культура города 213

Заключение 251

Summary 256

Список рисунков в тексте 257

Описание таблиц 260

Таблицы 1–260 281

Приложение: *Ю.Г.Виноградов.* Письмо с горгиппийских наделов 543

Список сокращений 557

Уважаемые читатели!

Издательство «Эдиториал УРСС» специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Издательство сотрудничает с Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом и другими организациями и фондами.

В 1996–97 годах «Эдиториал УРСС» выпускает следующие книги:

Философия, социология:

- Сборник трудов Института системного анализа РАН. 1995–1996. Под ред. *В.Н.Садовского.*
- *И.В.Блауберг.* «Проблема целостности и системный подход». Под ред. *Э.М.Мирского и В.Н.Садовского.*
- «Динамика ценностей населения реформируемой России». Под ред. *Н.И.Лапина* и *Л.А.Беляевой.*
- *В.М.Розин.* «Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир».
- *В.М.Розин.* «Путешествие в страну эзотерической реальности. Избранные эзотерические учения».
- *Р.Рывкина.* «Евреи в постсоветской России — кто они?».
- «Стратегия выживания: космизм и экология». Под ред. *Л.В.Фесенковой.*
- *Э.Г.Юдин.* «Системный подход и принцип деятельности». Под редакцией *Б.Г.Юдина.*
- Сборник трудов конференции «Интеллигенция в условиях общественной нестабильности». Под ред. *А.И.Студеникина.*

Экономика:

- *И.Ставинский.* «Капитализм сегодня и капитализм завтра».

Искусствоведение:

- *Е.В.Шахматова.* «Искания европейской режиссуры и традиции Востока».
- *В.А.Черных.* «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой». Часть I.
- *В.И.Березкин.* «Искусство сценографии мирового театра».

Языкознание:

- «Скандинавские языки». Вып. 3. Под ред. *И.А.Сизовой.*
- *Т.В.Топорова.* «Язык и стиль древнегерманских заговоров».

История, археология:

- *Н.Н.Терехова и другие.* «Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе».
- *И.В.Исланова.* «Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья».
- *В.Е.Флерова.* «Граффити Хазарии».
- *Н.А.Фролова.* «Монетное дело Боспора I в. до н.э.–середины IV в. н.э.».

Физика, математика:

- *Г.А.Сарданашвили.* Современные методы теории поля. Том 1.
- Труды Московского математического общества. Том 57. Под редакцией *О.А.Олейник.*
- *Б.А.Дубровин, С.П.Новиков, А.Т.Фоменко.* «Современная геометрия. Методы и приложения». 4-е издание, исправленное и дополненное.

Издательство «Эдиториал УРСС» приглашает к сотрудничеству (в том числе по вопросам распространения) другие издательства, выпускающие научную и техническую литературу.

По всем интересующим Вас вопросам Вы можете обратиться

по телефонам: ☎ **135-44-23, 135-42-46,**
или электронной почтой: ✍ **urss@lpi.ac.ru.**